

Жизнь — штука непредсказуемая. Сегодня ты успешный молодой топ-менеджер, который скучает на работе, а уже завтра жизнь даёт тебе ШАНС на новом месте. Возможно ты его даже не просил, но сумеешь ли ты им воспользоваться? Найдёшь себе приключения, новых друзей, семью, а может попытаешься изменить мир или вообще сбежать от всего? Сможешь ли ты, оказавшись на чужой войне, хотя бы сохранить самого себя?

Обычный, серый день

АКТ I — В ЧУЖОЙ ГОЛОВЕ

Жизнь сходит с рельс всегда по-разному. Кто-то из классиков говорил, что счастливые люди все одинаковы, а несчастен каждый по-своему. Этот уникальный во всех отношениях путь и принято называть судьбой.

Казалось, с каждым моим шагом туман становился только гуще и холоднее. То и дело из его глубин, сокрытых от меня белесой дымкой, доносились разнообразные звуки: клёкот птиц, чьё-то мелодичное пение, сигналы автомобилей, звон ударов металла о металл, хлопки ружей. Постоянно рядом мелькали расплывчатые силуэты. Казалось, что они очень близко, буквально руку протяни, но сколько к ним ни иди — не приблизишься ни на метр. Всё смешалось в этом проклятом месте: прошлое, настоящее, будущее, никогда не случившееся.

— Рейланд Пор, ты трус и негодяй! — донёсся до меня полной ненависти крик.

Рефлекторно, повинувшись чуждой мне привычке, я повернулся в его сторону, не зная зачем и почему. Кричал один из силуэтов, вроде как женский, но чего-то большего туман не позволил разглядеть. Голос же оказался для меня полностью незнакомым.

Мои ноги сами двинулись в направлении голоса, но раздался другой, куда более мне знакомый и назвавший моё имя:

— Ота Кохэку, будьте, пожалуйста, внимательнее.

Странное видение сразу сгнуло, словно его и не было, выскользнув из моей памяти, будто мокрое мыло в душе, оставив после себя лишь чувство потери и странную растерянность.

Вокруг снова был кабинет с прозрачными стенами, серыми скучными лицами других собравшихся и длинным столом, за которым мы все вместе сидели. Перед нами выступал толстый низкий человек с красным лицом и бегающими глазками патологического лжеца — мой начальник, мистер Хэндо.

Я недоумённо огляделся, пытаюсь понять две вещи: что меня сюда привело и почему так нестерпимо хочется спать.

«Собрание. Планы», — услужливо подсказала память.

Точно! «Планы» — вот почему мне так хотелось спать. Хэндо был не просто ужасным рассказчиком, он умудрялся усыплять аудиторию, одновременно с этим вызывая патологическое недоверие к своим словам. Талант, а не человек!

Впрочем, судя по его ещё сильнее обычного раскрасневшемуся лицу с испаринами от пота, сам он в свой рассказ верил, хоть и не без напряжения всех своих двух извилин. К огорчению Хэндо, лица других собравшихся — моих коллег, чьи имена давно уже утратили для меня всякий смысл — отчётливо говорили, что и в этом он одинок.

— Поэтому если возражений нет, можете быть свободны, — нервно потирая ручки, закончил Хэндо.

Разумеется, возражений не нашлось. Кому в здравом уме придёт затягивать и без того затянувшееся мероприятие? Рабочий день никто не отменял, как и план продаж. Именно поэтому я и остался в кабинете — мне было плевать и на первое, и на второе. Мне оставалось лишь терпеливо, с невозмутимым лицом дожидаться, пока все выйдут.

В лицах проходивших мимо сотрудников мне виделось собственное отражение:

двадцать с чем-то там лет; телосложение уставшей от жизни вешалки; унылая офисная одежда, удобная лишь в тех случаях, когда возникает вопрос, куда повесить бейджик. От всех них я отличался тем, что у меня-то были талант и харизма, спасшие мою карьеру от застревания в вечной середине карьерной лестницы, где за каждым шагом вперёд неизменно следует шаг назад.

В мою сторону кидали многозначительные взгляды, иногда даже сочувственные, хотя это точно было лишним. Я ни в чём не провинился, а даже если бы так и было, моей практически безупречной репутации хватило бы на пару крупных жертвоприношений и ещё на десяток поменьше. К слову, она, репутация в смысле, была совсем неподалёку — в соседнем кабинете, покрывала стены различными табличками свидетельствующими о том, какой я отличный сотрудник. То были невероятно престижные награды, такие как сотрудник месяца, работник года или лучший офисный сотрудник 201X года. Глядя на них, я задавался всего одним вопросом: «почему про столь замечательного человека ещё не рассказывают по телевизору?».

Пока мистер Хэндо разбирался со своей секретаршей по какому-то вопросу, я взглянул на свой бейджик. Иногда жизнь проносилась мимо меня на такой скорости, что приходилось напоминать себе собственное имя.

Тут, впрочем, было без изменений. Звали меня всё так же: Ота Кохэку. Следом шла должность, и она тоже, к сожалению, а может, и к лучшему, пока не изменилась: руководитель отдела маркетинга. Удивительно, как много скрывалось за этой простой надписью. Почти вся моя жизнь.

— Ота, как дела, как жизнь? — регулярно спрашивали у меня малознакомые люди, всё ещё числящиеся в контактах как «друзья».

— Всё так же — отдел маркетинга, — отвечал я, и этого всегда хватало.

От размышлений меня отвлек голос Хэндо, который, кажется, наконец объяснил своей помощнице, что именно от неё хочет. Теперь, когда она сделает всё неправильно, он хотя бы сможет сказать, что просил совершенно другое.

Хэндо присел рядом со мной гораздо ближе, чем следовало бы, следуя разделявшей нас иерархии, и наигранно радушно воскликнул, будто только меня заметил:

— Ота? Рад, что ты задержался!

— Всегда пожалуйста, — рефлексивно зевая, ответил я.

— Что ты думаешь по поводу всего этого?

Это выглядело как один простой вопрос, но на самом деле их было сразу два, и простыми они не были от слова «совсем». С одной стороны, его безусловно волновало моё мнение, во всяком случае достаточно сильно, чтобы он не сумел этого скрыть. С другой, несмотря на своё, в некотором смысле привилегированное положение, я оставался простым сотрудником, а значит ясно понимал мысли остальных коллег и мог их ретранслировать.

— Отличный план.

Хэндо следовало бы меня дослушать, а не обрывать на полуслове:

— О, ну раз так, тогда...

— А у нас точно нет других вариантов?

В его глазах показалась растерянность вперемешку со страхом — а ведь я просто закончил свою мысль.

— Нет. Дела наши сам знаешь, эм, как идут.

Мне было прекрасно известно состояние «наших» дел. Этот корабль уверенно шёл на

дно, причём уже некоторое время, тогда как места в шляпках давно закончились.

— Далеки от идеала.

— Кризис на дворе! Выручки падают у всех, но у нас на двадцать два процента быстрее!

Я усмехнулся, услышав эту цифру. Это весьма оптимистичная оценка. Озвучь он пессимистичную, пришлось бы как в старые деньки каждый день чистить асфальт перед офисом.

— Значит продажа... — мою и без того осторожную фразу опять прервали.

— Кхм-кхм, — мистер Хэндо слегка приблизился и выразительно посмотрел мне в глаза.

Ох уж этот корпоративный новояз! Пришлось вздохнуть и исправиться:

— Интеграция.

— Или так, или через полгода придётся ещё раз сокращать штат.

Я посмотрел себе под ноги, обнаружив там достаточное количество мусора, чтобы задуматься над тем, что увольнять две трети уборщиков было не самой удачной идеей.

— Думаю, народ будет не сильно против. Особенно, если их ежедневные планы останутся без изменений.

«Ложь от первого и до последнего слова».

Впрочем, Хэндо и сам не хотел слышать от меня что-то иное. Его обманывать не надо — он сам обманываться рад.

— Конечно же, всё будет по старому! Даже после интеграции.

В этих словах также не было ни грамма истины. Кому бы наша компания ни втюхала себя, там быстро смекнут, что содержать кого-то себе в убыток не та затея, которая может принести миллионы. Сначала возрастут планы продаж, затем полетят головы.

Всё же Хэндо был не окончательно потерян для социума — сомнение у меня на лице он сумел разглядеть.

— Что-то не так?

— Ну, не совсем. Это по поводу моего повышения.

— Всё в силе. Тут без вопросов. Ещё три месяца, затем Линда уходит в декрет, и её кабинет твой.

Я сделал вид, что успокоился и поверил.

«Мой то, конечно, мой, вот только через три месяца это решение принимать будешь уже не ты».

Когда в компании появится другое руководство, оно в первую очередь обратит внимание на тех, кто сейчас ходит в любимчиках. Угадать, кто окажется первым в этом списке, будет не так уж сложно.

Моя безупречная репутация в этом болоте зиждется на том факте, что все вокруг уверены, что я невероятно трудолюбив. Это очень иронично, на самом деле, учитывая какой лентяй скрывался за всем этим. Вся порученная мне работа всегда выполнялась едва ли не мгновенно, просто потому, что в таком случае можно было продолжать ничего не делать ещё некоторое время. Все почему-то принимали это за крайнюю степень трудолюбия. Смогу ли я повторить этот трюк? Нет, уже хотя бы потому, что мне будет лень.

Неожиданно начальник придвинулся ко мне ещё ближе и положил свою руку на мою.

— Может быть, тебя ещё что-то заботит?

— Да. Ваша рука и что в кабинете стеклянные стены, — ответил я, уловив пару очень удивлённых взглядов своих коллег. Мистер Хэндо отодвинулся, а затем, хлопнув себя по лбу,

достал из внутреннего кармана какую-то проволочку, скрепляющую пару игрушечных ушек на манер тигриных.

— Вот, держи. Завтра надень на презентацию.

— Это зачем ещё? — удивился я.

— Как! Подчеркнёшь свой нонконформизм, покажешь делом нашим гостям, какой ты на самом деле!

«Нет, всё же этот фрукт для социума потерян», — глядя на лицо Хэндо, без тени сомнений по поводу сказанного подумалось мне.

— Поверь, пока они будут пялиться на эту лабуду, ты половину уже прочитаешь. Кстати, по этому поводу не то чтобы я в тебе сомневался, но всё же, эм, всё в порядке?

— Готово в лучшем виде! Закончил только вчера. — Это было чистой правдой, причём уже целый месяц. — Даже интонации где нужно себе подчеркнул!

— Вот и отлично! Хвост трубой! Можешь идти. Только ушки не забудь.

Понимая, что спорить здесь — пустая трата времени, мне не оставалось ничего кроме как взять эту игрушку и молча отправиться к себе. Ушки так ушки, пускай Хэндо потешит себя иллюзиями.

«Пока от него зависит моё повышение — имеет право».

Мне не нравилась вся эта идея, но высказать вслух я бы не смог даже при большом напряжении сил. Когда слишком долго жизнь несёт тебя своим течением, можно забыть как плавать. Годы ленивой работы в офисе уменьшили мой нонконформизм до такой степени, что его можно было собрать в спичечный коробок и оттуда даже не пришлось бы доставать спички!

Вернувшись в своей кабинет и откинувшись в кресле, я задумался над тем, не пора ли изменить свою жизнь? Точнее, в очередной раз задумался над этим.

Все мы рождаемся с крыльями, только потом их приходится сдавать в гардероб. А когда ты захочешь их забрать обратно, то тебе дают лишь пинок под зад, и всё — вперёд к приключениям! Главная же проблема состояла в том, что жизнь нельзя изменить так, чтобы всё сразу стало хорошо, а иначе мне и не хотелось.

Скривившись от очередных мыслей о работе, я уже по привычке переключился на что-то другое. Этим «чем-то другим» обычно выступали мои фантазии на тему, как хорошо жить на каком-нибудь тёплом острове, ну, или хотя бы в ином мире подальше отсюда.

Подобная смена мыслей была не блажью, хотя безусловно и ей тоже, а необходимостью: работая по пять дней в неделю в офисе, по восемь часов в день разглядывая одни и те же цифры, разговаривая с одними и теми же людьми, можно было вполне быстро превратиться в станок по производству ксерокопий и справок. Крыша от такого начинала подтекать у всех — вопрос стоял лишь, когда это случится.

Какие тут путешествия или приключения? Лучшее путешествие, что я мог себе позволить — попить после работы с некоторыми коллегами пива, и то соблюдая осторожность. Потому как находясь в ведре с крабами важно, чтобы другие не знали, что ты среди них самый умный красный членистоногий и веселишься в свободное время больше остальных. И вообще тебе «нормально» и «весело», когда у других едва ли хватает времени пожаловаться обо всех проблемах в перерывах.

В общем, чтобы сохранить свою крышу в сухости, а себя в «нормальности» приходилось искать выход. Лучше всего для этого подходили классные друзья, интересные хобби и книги. С первым были сложности, потому что тех также как всех остальных поглощала работа

настолько, что встречались мы едва ли раз месяц. Со вторым всё дорого и сложно, ну а последнее — это теперь занимало львиную долю моей жизни. История, фэнтези, детективы, фантастика, комиксы, новеллы — всё это проглатывалось моим мозгом в количествах, превышающих все разумные и большинство неразумных пределов. Кажется, я прочитал столько книг, что если их поджечь, то огонь как минимум горел бы вечно.

Конечно, если бы меня спросили, хотелось ли мне стать героем одной из них, я бы как минимум подумал, а затем, мгновение спустя, согласился. Моя хорошо откормленная фантазия в те моменты, когда я спускал её с цепей самоконтроля, рисовала меня в образе одновременно Фродо из Шира, Мальчика-который-выжил, Аватара, Наруто, Джеймса Ди Гриза, капитана Блада и ещё много кого! К сожалению, одной только фантазией я не мог оплатить свои счета за электричество и прочие «хотелки».

В моменты, когда мысли доходили примерно до этого, возникал голос разума и совершал экзистенциальный пинок промеж ног. Этим самым он напоминал мне, что я в конце концов психически здоровый человек и стоило бы больше уделять времени миру, а не воспалённым фантазиям.

Неожиданно дверь моего кабинета открылась настежь, и в дверном проёме появилось довольное лицо.

— Ота, ты идёшь с нами?

Я взглянул на часы и понял, почему лицо такое довольное. Рабочий день закончился. Сегодня четверг, значит народ как обычно идёт подзарядить батарейки и сбросить душевный балласт в ближайшее что-нибудь. Мне не сразу удалось вспомнить, что на этой неделе запланирован бильярд. Даже здесь у коллектива был чёткий план, которому он следовал. Часто без меня.

Не то чтобы мне не хотелось с ними идти, просто настроение было не то. Сидеть и портить всем вечер своей кислой рожей? Лучше дома с книгой полежать, ей-то всё равно. Пришлось врать.

— Не, сегодня без меня, голова болит. Сейчас выпью таблетку и домой.

— А-а-а, ну и зря.

Для вида действительно выпив витаминку, я на полном автопилоте отправился домой. Город, который уже накрыли серые осенние будни, по вечерам оживал, сверкая всеми неоновыми цветами радуги. Каждую неделю я клялся себе, что однажды это место станет моим, но всё откладывал на потом. Только благодаря этому город и оставался невредим. Пока что.

Звякнул ключ, скрипнули двери. Здравствуй дом, маленький, милый дом. Всего одна комната, небольшая кухня, санузел. Вроде и мало, зато всё моё. Моя личная удобная раковина, жаль только не передвижная, а то я бы на ней также радостно никуда не передвигался...

В ту ночь опять пришли странные сны. Сегодня они отдавали гарью. Я стоял на холме и смотрел полным ненависти взглядом на небольшую каменную крепость на берегу озера, охваченную яростным пламенем, от которого плавился даже камень. Горела, чернея, и моя душа, терзаемая болью. Во мне кипела ярость от несправедливости, неидеальности, слабости. Всё это нужно было исправить.

— Рейланд, вы сошли с ума! — кричал незнакомый мужчина с глазами, слезящимися от едкого дыма, который по воле ветра бил нам в лицо.

— Нет, Леон. Напротив, я прозрел.

— Что? Да вы точно рехнулись!

Что-то взорвалось, и наш разговор прервало поднявшееся в воздух облако дыма и пыли вперемешку с пеплом.

Я проснулся, а ранее виденный вновь сон ускользнул, исчезнув в небытие моей памяти. Впервые нечто подобное приснилось мне где-то полгода назад, аккурат совпав с тем, когда на работе начались разговоры об «интеграции». С тех пор эти сновидения почти полностью заместили собой всё остальное, как бы намекая, что с накопившимся стрессом надо что-то делать. Или хотя бы начать их запоминать, а затем записывать. Вдруг книгу напишу там.

Не придавая значения всякой белиберде, мало ли, чего там уставший разум напридумывал, я погрузился в свою привычную рутину: собраться, одеться, пойти на работу. Сегодня мне даже удалось улучшить минутку, чтобы лишний раз глянуть план презентации. За ночь злобные гремлины ничего не изменили, а значит, можно было выдвигаться со спокойной душой.

На этот случай у меня был собственный автопилот. Он выглядел как я, одевался так же и даже умел отвечать на некоторые простые фразы. Мне же предоставлялась возможность ещё полчаса побыть где-то далеко-далеко, там, где мне удалось изменить свою жизнь к лучшему.

Как говорил один философ: бойся своих желаний, задумаешься — споткнёшься, затем полетишь лицом в бордюр, а он окажется твёрдым и больно бьющим по самолюбию.

Впрочем, падать мне было не в первой, как и подниматься. Спасибо за это моим «любимым» ботинкам и прочей ранней зиме вокруг. Стоило лужам хоть чуть-чуть изменить агрегатное состояние, и Ота собственной персоной падал по двадцать раз на дню. Возможно, надо было чуть поменьше думать о всякой ерунде и чуть чаще смотреть под ноги, но это, вообще-то, был мой осознанный выбор. Между шишками и фантазиями я всегда выбирал последние.

Правда, обычно мои падения заканчивались исключительно подпорченным самолюбием. Наверное, это было моё юбилейное внезапное изменение положения тела, потому что вселенная неожиданно решила устроить по этому случаю целое представление. Мир вокруг без каких-либо предупреждений вздрогнул, качнулся, слегка покрутился, а потом куда-то полетел так быстро, что всё, что я видел — пронзительный красный свет.

Не успел я подумать о том, давно ли у меня в городе бордюры ведут в гиперпространство и не повод ли это всё же сходить на следующие муниципальные выборы, а то так глядишь в каждом шкафу откроется по Нарнии, как всё остановилось, хотя окружение и не изменилось — всё те же потоки красных оттенков. Зато теперь среди них на некотором отдалении стоял или, вернее сказать, висел смутно знакомый мужчина.

«Смутно» потому, хотя я и не часто смотрелся в зеркало, но себя бы узнать сумел. Скорее всего. В данном случае опознание осложняла одежда, явно не современная, и телосложение. О мускулах мечтает каждый, а это дело я очень любил. Мечтать, конечно же. Тренажёрный зал оставался неким далёким, почти сказочным местом, куда надо когда-нибудь пойти, но не сегодня и не завтра, но когда-нибудь потом точно.

Всё это время я-который-не-я смотрел на меня примерно с таким же всеобъемлющим непониманием происходящего. Это роднило нас куда сильнее, нежели внешнее сходство.

— Миюми, а я уже выпил кофе? — растерянно оглядываясь, спросил знакомец. — Видимо, да...

Мне не без труда — сложно мыслить разумно, находясь непонятно где — удалось найти

что ответить:

— Эм, я не Миюми.

— Аналогично, — кивнув, подтвердил я-который-не-я, куда быстрее моего принимая изменения в окружающей обстановке.

Голоса у нас тоже были не сказать что одинаковыми, но очень похожими. У меня чуть потише, у «другого меня» чуть погромче.

— Так ты, эм...

— Тот самый, да, — не дослушав, ухмыляясь, ответил знакомец. — И вообще-то я тороплюсь!

Он попытался пройтись туда-сюда, но ничего не вышло — мы оба могли лишь нелепо барахтаться.

— Тоже презентация? — с иронией спросил я.

— Конечно! — вполне серьёзно ответили. — Парад, перед тем как мы отправимся на Игры!

К этому времени мне худо-бедно удалось как-то морально принять факт своего нахождения посреди нигде красного цвета, лицом к лицу с таким же мной, только с некоторыми отличиями. Как оно обычно бывает, ровно в тот же момент, когда у меня появилось ощущение некой «стабильности» происходящего, эта самая «стабильность» вновь взяла и исчезла без следа.

Я снова понёсся куда-то вперёд, столкнувшись по пути с другим мной, которого так же потащило, но в противоположном моему направлении. А затем, вот так вдруг сразу и без предварительного почтового уведомления, всё закончилось.

Для начала мне пришлось, как и положено, ощутить страшную, просто невыносимую головную боль — это меня нагнала слегка отставшая на сверхсветовых скоростях социальная ответственность.

— А-а-а...

Будто мне мало падения с последующим гиперперелётом в ближайшую травматологию, так рядом ещё и защебетал встревоженный женский голос:

— Ой, простите! То есть извините, я случайно! То есть я вообще не хотела! С вами всё в порядке?

— Да-да, просто...

Я хотел сказать «споткнулся», но именно в этот момент открыл глаза и фраза застряла в горле.

Только что ноги несли меня к моей горячо любимой работе по, пожалуй, слишком близко знакомому тротуару, петлявшему среди каменных джунглей. Теперь же я находился посреди неплохо старомодно обставленной комнаты и топтал босыми ногами мягкий, ворсистый ковёр.

Пожалуй, даже красное ничто было более ожидаемым нежели такая резкая смена обстановки. Но это оказалось лишь началом.

Самое дивное находилось прямо передо мной — в зеркале. Оно отражало меня и одновременно совсем не меня. Кто-то с моими карими глазами, небольшим носом, тонкими губами, но при этом с весьма развитой мускулатурой, немного другой стрижкой.

Тут-то до меня дошло: это был тот человек, стоявший напротив посреди красного нигде. «Вот это номер!»

Головная боль

— Позвольте мне вытереть. — раздался рядом растерянный и одновременно сильно смущённый голос, отвлекая меня от зеркала.

Я повернулся и обнаружил темноволосую, слегка полноватую девушку невысокого роста, на милом личике которой ясно читалось, что её эта сцена смущает ничуть не меньше, а может, даже и больше моего.

Хотя, наверное, всё же нет. В отличие от неё я даже слова сказать не смог. Просто открыл и закрыл рот, не сумев выдать даже хрип, настолько всё происходящее вокруг казалось диким и неестественным.

— Можно протереть? — растерянно повторила девушка, указывая на мою штанину.

Проследив за направлением, я обнаружил в указанном месте пятно малинового цвета. Следом нашлась лежащая на полу кружка тоже с чем-то малиновым, тем самым завершив картину произошедшего.

— Д-да, — не без труда удалось выдать мне из себя.

Хотя сам процесс вытирания занял едва ли пару секунд, девушка, чьи руки слегка тряслись от волнения, подошла к нему с таким видом, будто собиралась провести какой-то невероятно важный религиозный ритуал. Обычно с такими эмоциями на лицах приносят жертвы каким-нибудь древним и очень мрачным богам, но никак не вытирают пятно.

«Я же отказался идти пить в бар!» — подумал я, всё ещё пытаюсь осмыслить происходящее.

Получалось не очень. Истории про попаданцев и на страницах книг выглядели не очень правдоподобно, а уж воочию тем более.

Вдруг меня словно озарило: моё имя Рейланд Рор, и я командующий...

На этом моменте мою голову вновь пронзила резкая боль, и я затряс ей с такой силой и частотой, будто соединил собой две высоковольтных линии. Стоявшая рядом девушка, которую, как припомнилось, звали Миюми Цион, испуганно отшатнулась и начала трястись мне в такт.

— С-сэр, с в-вами всё в п-порядке?

«Нет, блин, очевидно же! Как может быть всё в порядке, если две минуты назад я шёл в офис, а теперь стою непонятно где?»

Более рациональная часть меня, та самая, которую никогда не стоило выпускать наружу, в это же время задумалась над тем, что при текущем положении вещей от лишних свидетелей лучше избавиться.

Мой взгляд как некстати в этот момент упал на стену помещения, обильно увешанную различным оружием. Мечи, топоры, сабли, алебарда, пара мушкетов. Всё как на подбор гравированное и инкрустированное драгоценными камнями.

«Это точно перебор! От этой Миюми, кем бы она там ни была, надо избавиться иначе!»

Мне вообще с трудом представлялась ситуация, в которой кто-либо, даже будь он законченным преступником, захотел причинить вред этому созданию с щенячьими глазками. Скорее всего, негодяй бы забился в угол, спасаясь от этого взгляда, а Миюми в то же время судорожно преследовала его, повторяя как мантру: «Может, вам чем-то помочь?».

По крайней мере, за эти несколько минут девушка произвела на меня именно такое впечатление.

— С-сэр, что с вами? — повторила девушка более встревоженно.

Тем не менее от меня всё же ждали какого-то ответа касаясь происходящего. Поэтому первой у меня вырвалась фраза, которую я вообще никогда бы не сказал сам:

— Я не сэр.

Видно тут сработали какие-то потаенные инстинкты. Наверняка эту фразу моему альтер-эго приходилось повторять слишком часто.

На лице Миюми проявилось удивление. Чего мне очень и очень не хотелось. Ещё чуть-чуть, и она спросит, в чём тут отличие.

«И вот что мне ей отвечать в таком случае?»

Нет, я хотел побыть один, а не объяснять нюансы местной иерархии. Пришлось набум ляпнуть первую попавшуюся фразу, лишь бы Миюми оставила меня в покое на срок, за который мне удастся немного разобраться в происходящем.

— Эм, Миюми, принеси из лазарета аспириин.

На этот раз девушка вытаращилась на меня как на восьмое чудо света, не понимая, чего от неё хотят. Не сразу, но я сообразил, что с тем же успехом у неё можно было попросить вызвать «скорую» или заказать такси до больницы.

Миюми тем временем, кажется, куда-то засобиралась. Видимо, на поиски аспирина. На учёного-химика она сильно не смахивала, а значит, это могло занять у неё чересчур много времени. Например, пару десятков лет или, может быть, веков. Но прежде это просто вызовет массу лишних вопросов, сначала к ней, а затем и ко мне.

— Нет, стой, тут мы его не найдём. Хм, давай-ка лучше...

Я подвис на пару секунд, пытаюсь вспомнить натуральный заменитель. Девушка же в этот момент послушно замерла, ожидая указаний.

Как всегда бывает, в голову упорно лезли наименования различных таблеток, но никак не более «народные» способы заместить боль в голове болью, например, в желудке. А увливать во второй раз — значило потерять в её глазах всякий рассудок. Поэтому с каждой секундой нарастала паника, а вместе с ней и мой важный, философский, монументально-задумчивый внешний вид.

И тут меня осенило:

— Мне нужно что-нибудь от боли в голове. Что лучше поможет?

Миюми на секунду задумалась. По её виду можно было сказать, что она на полном серьёзе продумывает план моего лечения.

— Камень, согретый в лунном свете, должен отвести негативную энергию боли, — заявила девушка с таким видом, будто у неё был диплом о применении камней в медицине.

Я посмотрел сначала на неё, затем на обстановку вокруг, прикидывая, насколько общество, явно открывшее порох, может быть отсталым в медицине. Не совсем верно истолковав мой взгляд, Миюми продолжила делиться своими познаниями:

— Почка цапли, омытая в речной воде, помогает при мигрени.

Ехидный ответ так и просился наружу, но мне удалось сдержаться: в конце концов нужно было её куда-нибудь сплавить, а не обидеть.

— Ещё помогают заваренные ветви мандрагоры, — продолжила Миюми, и, судя по выражению лица, этот вариант казался ей скучным.

«Оно и не удивительно — на фоне-то издевательств над цапляй».

Но по крайней мере, это звучало правдоподобно. Не то чтобы я верил в целебные свойства каких-то корешков, просто остальные варианты не оставляли никаких сомнений в

своей эффективности.

— Они, ну, эти мандрагоры, есть в лазарете?

— Корни мандрагоры, — рефлекторно поправила меня Миюми с видом человека, который и стену кулаком пробьёт, чтобы поправить собеседника из-за неправильного «тсья». — Да, конечно.

— А остальное? Цапли и камни или камни цапли? — не знаю, зачем я это спросил, но удержаться не смог.

— Нет, но если надо...

Судя по виду, Миюми была готова отправиться за ними куда угодно — хоть на Луну, хоть на край света. Неплохо, но не совсем то, что нужно. Чуть успокоившись по поводу местных медикаментов, я решил, что заваренные ветки — не худшее, что со мной здесь может произойти. И точно лучше чьих-то почек и камней.

— Неси эту... манда что-то там.

— Мандрагору, — на ходу поправила меня Миюми, отправляясь в путь.

«Вид у неё, эм, фанатичный», — глядя на девушку, подумал я.

Миюми и вправду светилась изнутри так, будто ей в жизни не поручали ничего более важного. От волнения она сначала хорошенько врезалась в подвернувшийся столик и лишь после, не подав и вида, куда-то умчалась.

Оставалось лишь надеяться, что как минимум на ближайшие час-полтора. Как раз достаточно времени, чтобы подумать, что за дурдом вокруг происходит, но и не слишком долго. Просто на всякий случай лучше иметь поблизости кого-то доверчивого, по возможности не слишком умного, на случай различных непредвиденных обстоятельств.

Глядя на себя в зеркале, я всё пытался осмыслить самое главное. Вот оно отражение передо мной, но в нём совсем-совсем не я. Одно дело читать про обмен телами, другие миры и прочих попаданцев, но совсем другое самому оказаться в такой ситуации.

Весь лихой запал: «Да я на новом месте О-ГО-ГО, что сейчас будет!..» как-то сразу сходил на нет, когда объектом для риска становился ты сам. Мне почему-то казалось, что любому попаданцу немедленно падало в руки всё, что можно: друзья, власть, гаремы девушек, огромные состояния. Этаким набор «попаданец-стартовый».

В каком-то смысле примерно так оно было и с Рейландом Рором, в чьём теле мне довелось очутиться. Одна беда: почти все пункты списка шли с яркой пометкой «Но!», не предвещавшей абсолютно ничего хорошего.

Так, например, у Рейланда были тысячи друзей, знакомых и коллег, каждый второй из которых знал его достаточно, чтобы заметить странности в поведении. Как отреагируют все они, если узнают, что теперь в его теле находится совершенно другой человек? Если здесь есть психбольницы, то реакцию предугадать не сложно, а если нет?..

Я покосился на стены, увешанные весьма древним, с моей точки зрения, оружием, и на общую обстановку в помещении, тоже весьма далёкую от понятия «современное». Вряд ли у них уже родился свой Зигмунд Фрейд, а значит, более прогрессивных способов лечения психологических заболеваний, нежели сжигание на костре, ожидать не приходилось.

Тогда бежать? Выход неплохой, вполне разумный, в моём стиле. Вот только при одной мысли об этом у меня почему-то начинала болеть голова. Где-то на уровне инстинктов я знал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Даже откидывая такие весьма важные, надо заметить, вопросы как: «куда, как, насколько», было что-то ещё, какая-то деталь, хорошо известная Рейланду, но пока ещё не мне.

Подумав об этом, я невольно усмехнулся, оценив, сколько всего известно вообще. Два имени, ещё пяток слов — и всё. Бежать и потерять малейший шанс начать «нормально» в таком положении — это фатальная глупость.

Так что, как говорил один известный политик, стоило делать то, что могу, с тем, что имею, и там, где я есть. С этого и решено было начать: благо у меня, можно сказать, под рукой оказалась вся память моего альтер-эго — Рейланда Рора. Хотя и порядком затуманенная и перемешанная.

«Легко сказать!»

Чужие воспоминания — не книга и даже не библиотека. Это хаотичное нечто, прочно связанное с ассоциациями.

Глядя на какой-нибудь меч из коллекции, я легко мог вспомнить его «кличку» и обстоятельства получения. Вспоминались, хоть и не без труда, так сказать, опыт применения. Но при этом понять, что Рейланд делал вчера или какие у него имелись планы на сегодня, у меня не получилось вообще.

«Неужели этот Рейланд Рор и подумать не мог, что кто-то окажется в его теле? Так сложно завести дневник?»

Впрочем, ключевое за час покоя мне удалось вычленивать. Где-то вспомнить, где-то прочитать, благо, различных документов в жилище моего альтер-эго было предостаточно.

Изучение чужой памяти, доставшейся мне, сразу пошло не по плану. Никогда и предположить не мог, что кому-то другому придётся в них копаться!

Попал я, надо сказать, что надо, обстоятельно засев в подозрительного рода субстанции по шею, а может, даже и ноздри...

Если мне правильно удалось интерпретировать информацию, то меня занесло прямо в центр назревающего конфликта между двумя странами: королевствами Ривекросс и Тофхельм. Правда, в отличие от предыдущего владельца тела, который был весь в предвкушении грядущих боевых действий, мне совершенно не хотелось оказаться в самом их эпицентре.

Жизнь, в конце концов, как пара носков — она досталась тебе чистой лишь один раз, её очень легко потерять, испачкать или порвать. Особенно из-за странной, очень глупой случайности.

И вновь я словил себя на ощущении, что в этих мыслях о грядущем была какая-то странность. Недосказанность, которая постоянно оставалась за скобками уравнения, понятная лишь самому Рейланду. Он готовился к войне — ужасной, кровопролитной мясорубке — словно к какому-то спортивному состязанию. Тренировки, упражнения, много, очень много теории.

Копаясь в его мыслях, у меня создалось впечатление, что либо я оказался в теле безумного изувера с наклонностями маньяка, либо что от меня ускользает нечто действительно очень важное.

Найдя первый вариант, противоречащий моей в целом миролюбивой натуре, я решил сразу перейти к проверке второго. Нужно было узнать, что именно от меня ускользает, но как это сделать? У меня в голове словно находилась огромная, неструктурированная энциклопедия, к которой забыли сделать не только оглавление, но и даже пронумеровать страницы!

С таким багажом туманных, перемешанных и местами обрывочных воспоминаний можно было потратить уйму времени только на то, чтобы узнать свой размер обуви, не то

что всю биографию от рождения до сегодняшнего дня. От объема информации к тому же начинала жутко болеть голова, как при мигрени. Оставалось лишь махнуть рукой и надеяться заняться этим всем чуть позже. Возможно, память к тому времени сама немного прояснится или я просто найду способ эффективно получать те знания, которые нужны именно сейчас.

От размышлений меня отвлек шум на улице. Если так можно сказать. Ведь снаружи находился ни много ни мало огромный военный лагерь с тысячами людей.

Судя по крикам без единого цензурного слова, командиры строили своих подчинённых. Это мне подсказало, что начал я абсолютно не с того, с чего надо.

Общий контекст событий окажется не важен, если через двадцать минут меня раскроют, свяжут и, приставив раскалённую кочергу к чувствительным частям тела, начнут задавать вопросы. А у меня с детства острая аллергия на пытки!

Ответ пришёл на удивление быстро. И опять с большим жирным «НО» примерно посередине. Рейланд Рор — отнюдь не рядовой солдат, он даже простым офицером не являлся. Судьба привела меня в тело кого-то вроде генерала, по здешнему — командующего. Как я понял из воспоминаний, это высочайший военный пост в королевстве. Причём Рейланд занимал его не впервые.

Это означало наличие некоторых удобств: кровать; хорошее меню; помощница или, вернее, адъютант, которая вот-вот должна была возвратиться; определённый авторитет и репутация.

А потом начиналось то самое «НО»: Рейнланда Рора знали, причём очень и очень многие. Это не селянин, неизвестный никому за пределами своей деревни, а публичная личность. Его репутация была строго определённой, и мне придётся ей соответствовать хотя бы в общих чертах. Иначе всё будет быстро: подозрения, раскалённая кочерга.

Кроме того командующих мало, а людей, которые хотели бы занять этот пост, много, даже слишком. За мной будут пристально наблюдать не только из своеобразной любви, но и из желания подсесть.

Где-то в этот момент я снова начал погружаться в чужие воспоминания о былых деньках и прочих подвигах. Пришлось трясти головой, отгоняя это всё прочь. Нужно было понять, чего ждут от теперь уже меня прямо здесь и сейчас, хотя бы в ближайшие часы.

«А про какой парад он мне говорил?» — вспомнил я наш короткий разговор с Рейландом.

Померив помещение шагами в течение нескольких минут, мне удалось «вспомнить». Легче от этого не стало, скорее наоборот.

День грозился быть мягко говоря суетным. В полдень, то есть где-то через час, я должен был выступить с вдохновляющей речью перед всей армией, а затем принять парад, провести совещание с офицерами, собрать вещи и ближе к полуночи переправиться через реку, возле которой мы и стояли лагерем, тем самым дав начало боевым действиям.

Никаких проблем с парадом возникнуть не должно: знай себе стой с грозным видом и кивай периодически случайным людям. На языке военных это называлось точечным воодушевлением.

А вот речь Рейланд, как и всякий талантливый оратор, заранее не подготовил, тем самым в очередной раз доказав мне свою недалёковидность в вопросе обмена телами.

Я вдруг подумал, что, теоретически, где-то там на Земле Рейланд сейчас в моём теле идёт вместо меня в офис, и ему также предстоит предстать перед начальством. Вот только в

отличие от моей ситуации у него в портфеле лежит полный текст доклада, даже с пометками на полях, где и когда делать паузы!

Гневаясь на своё альтер эго, я пошёл изучать его письменный стол в тщетной надежде найти там что-то похожее. Куда там! На столе, такое ощущение, совсем недавно прошёлся ураган, а следом за ним пришла, как обычно неожиданно, инквизиция, сжигая отдельные листы. Уцелевшее же было исписано мелким корявым почерком с кучей ошибок.

«Спасибо хоть он был грамотным. Получилось бы неловко, если бы Рейланд не умел читать и писать».

Заниматься криптографией ни в этой, ни в следующей жизни в мои планы не входило, поэтому я, рассмотрев один из листков, отложил его на потом — в мусорку. Листик не иначе как был заколдованным или просто очень злым, потому что именно в этот момент у меня начались неприятности.

Снаружи послышалось какое-то оживление: крики, давка, матерщина, а затем, совсем близко, из-за дверей раздался звонкий мужской голос:

— Разрешите войти!

Примеряя чужую жизнь

— Разрешите войти!

Не успел я категорически отвергнуть данное предложение, как в помещение вошёл молодой мужчина. Он был высок, ладно скроен, темноволос и предельно коротко стрижен — типичнейший вояка. Однако его карие глаза несколько выбились из архетипа за счёт некоего огонька в них.

Память услужливо выдала мне информацию о том, что передо мной по струнке вытянулся никто иной как капитан Гоа Эльт. Достаточно талантливый командир из тех офицеров, что за своих подчинённых могут порвать пасть и не только свою.

— Разрешите доложить! — не сказал, а попросту рявкнул Эльт.

Я постарался своим видом показать, что оглушать своего командующего, лишая того барабанных перепонки, необязательно.

— Разрешаю.

— Ваши указания безукоризненно выполнены в самом полном объёме!

Я моргнул, пытаюсь вспомнить, что за указания такие и в чём их суть. Судя по бравому виду капитана, он уже победил в войне — не меньше. Однако ни Рейланду, ни тем более мне, что за распоряжения такие, известно не было.

Повисла неловкая пауза. По идее Гоа нужно было просто отпустить с миром — пускай идёт себе заниматься тем, чем он там должен быть занят. В конце концов это ему известно лучше, чем мне.

Но по виду нельзя было сказать, что он возьмёт и уйдёт. Вид у капитана был такой, что если его сейчас не нагрузить работой, то пять минут спустя он сделает нечто, о чём я сильно пожалею. Или того хуже — спросит, что ему делать.

Поэтому мне в голову пришла идея куда лучше. Я отлично знал, что ни одно поручение никогда не выполняется в полном объёме — косяки есть у всех и всегда. Я сделал хитрый вид, будто что-то знал:

— И даже солдаты?

Уверенность Гоа обожгла меня во всех возможных спектрах.

— Так точно, командующий! Солдаты сорок второй полубригады прошли полный курс тренировок, показатели физподготовки лучшие в армии, боевой дух на высоте.

Я понял, что это не то, на чём нужно ловить Эльта.

— Тогда, наверное, мне стоит зайти на склад и проверить...

— Припасы получены моей полубригадой в полном объёме, снаряжение и амуниция в полном порядке. Всё аккуратно упаковано и разложено по телегам, готовность выступить — максимальная.

Салочки продолжились, причём сам Гоа не особо удивился подобной введливости. То ли у меня была такая репутация, то ли у него.

— Даже так? И если мне сейчас вздумается выйти и проверить расположение личного состава, тогда?..

Оборвав себя на полуслове, мне оставалось лишь подождать, пока до капитана дойдёт намёк, и молиться, чтобы чутьё меня не подвело.

Именно тут мне повезло. Эльт как-то сжался, его глаза суматошно забегали в поисках оправдания. Пока он его не нашёл, я принял вид всепрощающего отца перед нерадивым

СЫНОМ:

— Идите, капитан, и сделайте всё наилучшим образом!

— Так точно! — не без удивления отрапортовали мне.

Эльт, судя по всему, очень впечатлённый моей реакцией, вновь вытянулся по струнке и рывкнул вдвое громче:

— Так точно, командующий!

Побледневший капитан отсалютовал и, развернувшись на месте, быстро покинул помещение. Я просто на всякий случай проводил его до входа, благодаря чему услышал крайне интересную фразу, сказанную им уже снаружи и полушёпотом.

— Как! Как он узнал про бригадный штандарт? — недоумевал Гоа, а затем прикрикнул на кого-то. — Капрал Фельт! БЫСТРО найдите штандарт и постирайте! Даже командующий уже в курсе ваших пьяных походов!

Крайне довольный собой я уже хотел было расслабиться и вернуться к попыткам понять, где же мне довелось оказаться, но, похоже, визит капитана Эльта спровоцировал лавину. По-видимому, за пределами моего жилища скопилось достаточно большое количество тех, кто хотел бы его посетить, но пока не решался. Смелый же поступок капитана придал им всем уверенности — «теперь можно!».

Не успел я вернуться к письменному столу Рейланда, как вошёл светловолосый мужчина с аккуратной бородкой, которая его определённо старила. Видок у него был несколько высокомерный, но почтительный.

Меня он поприветствовал куда более размеренно и спокойно, обращаясь скорее как к равному, нежели Гоа ранее.

Что вызвало мою искреннюю радость: от этих всех «так точно» отдавало чем-то очень непривычным и с моей точки зрения неправильным.

Радость продлилась недолго. Мой второй посетитель сразу же молча и просто вручил мне солидное письмо. В большой восковой печати на нём память Рейланда услужливо узнала принадлежность отправителя к королевскому двору.

Всеми фибрами предчувствуя неприятности, я вычитал, мрачнее всё сильнее.

Собственно, от короля письмо и было. Некто Леонар IV самодержавной милостью отправлял ко мне в качестве своих глаз и ушей графа Леона Сайраса. На всякий случай убедившись, что оный являет собой только вышеназванные органы и никаких других, я, заранее чувствуя неладное, дочитал письмо.

Интуиция не подвела: этого человека действительно отправили следить за мной. Ну вернее, как было сказано в самом письме: «осуществлять королевскую волю».

Либо у его величества был дар предсказания, либо паранойя, но попал он в самую точку. Его «особист» оказался точненько там, где ему нужно было бы быть. К сожалению, тут же приходилось находиться и мне, всеми силами не желающему сейчас лишнего внимания, особенно от подобных соглядатаев.

Со всей возможной искренностью, то есть натянуто улыбнувшись во все свои двадцать девять, мне не оставалось ничего, кроме как протянуть Леону руку. Граф немного замешкался, поэтому пришлось схватить его ладонь и пожать её.

— Приятно будет поработать! — нисколько не веря в это, заявил я.

Леон несколько растерянно встряхнул свою кисть после рукопожатия, удивлённо посмотрел на меня, а затем осмотрел моё жилище.

— Впредь я бы предпочёл свести к минимуму физические контакты, — заявил он не без

пренебрежения.

— Да, разумеется, простите, — ляпнул, не подумав, я.

Это вызвало у Леона ещё большее удивление. Оно и немудрено: граф он, жопа короля или ещё какая его часть, но я, как командующий, был выше его по статусу. Искоса он посмотрел на меня, а затем ещё раз на комнату, словно что-то выискивая.

«Нужно срочно поменять тему!» — понял я, предчувствуя катастрофу.

— Как вам армия?

Перед ответом граф некоторое время молчал и только затем, лишний раз напоминая о своём статусе здесь, ответил:

— Король положительно оценивает ваши приготовления.

— А вы? — опять не удержал язык за зубами я.

— Я только прибыл, рано делать какие-либо выводы.

Это было сказано с явным намёком, и мне очень не хотелось выяснять, с каким именно.

— Король правда считает, что меня необходимо контролировать?

— Как и четырёх других командующих, — пожал плечами Леон, не видя в этом чего-то такого. — Такова его воля. За всем нужен контроль, не так ли?

«Он обо мне что-то знает? Надо бы спросить».

Разволновавшись, я не придумал ничего лучше, чем просто поинтересоваться в лоб:

— Мы раньше не встречались?

— Лично никогда, но я о вас слышан, командующий Рор.

— Слышаны?

Мне показалось, что граф немного стесняется говорить, во всяком случае его ответ вышел предельно коротким.

— О ваших подвигах много пишут.

Станный ответ, но не похоже, что мне удастся вытянуть из графа больше.

У меня откровенно заканчивались темы для разговора, а Леон как стоял, подозрительно озираясь и внимательно за мной наблюдая, так и продолжал, похоже чего-то от меня ожидая.

— Так, и?..

Граф вопросительно на меня посмотрел, не понимая, к чему это. Сложилась патовая ситуация: я не знал, что граф от меня хочет, он сам не желал этого сообщать, а спрашивать было слишком подозрительно.

Так бы мы и стояли в напряжённой тишине дальше, если бы не ворвавшаяся Миюми.

Девушка выглядела очень запыхавшейся, словно только что пробежала полумарафон. В руках она сжимала какие-то сомнительного цвета обглодано-ободранные палки. Кажется, Миюми собиралась сразу же кинуться ко мне, словно медик, спешивший к раненому бойцу, но заметив графа Сайраса, застыла в нерешительности.

— Ваша помощница, полагаю? — окинув её взглядом, особо уделив внимание палкам, спросил с непониманием Леон. — Что это у неё в руках?

Это был непростой вопрос. События часовой давности давно уже бесследно выпали из моей памяти. Всё, что мне удалось вспомнить — это то, что Миюми была отправлена за каким-то лекарством от головной боли. При чём здесь эти веточки мне было решительно неясно.

— Э-это корень мандрагоры, — ответила за меня Миюми.

— Балуетесь народной медициной, командующий? — удивлённо вскинул бровь граф.

Мой ассоциативный ряд со словосочетанием «народная медицина» получился очень коротким и включал в себя один только самогон. Поэтому мне даже врать не пришлось при ответе.

— Просто обожаю. То, что нас не убивает — только укрепляет.

Как мне показалось, Леон принялся после этих слов, но к собственному разочарованию ничего не унюхал.

— Видимо, вам нужно немного времени, прежде чем мы пойдём?

— Пойдём куда? — осторожно, делая максимально невозмутимый вид, спросил я.

— Как это куда?! — насторожившись пуще прежнего, удивился Леон. — Смотреть вашу армию, разумеется. Парад!

Я вспомнил про парад, прикусил себя за язык, чтобы не ляпнуть ещё чего лишнего.

— Так мы идём? — уже почти не скрывая ни подозрений, ни раздражения, спросил граф.

Нужно было срочно найти какой-то выход, хотя бы кратковременный, и, опустив взгляд на свои штаны, мне повторно удалось его найти.

— Сначала, если можно, граф, мне бы хотелось переодеться, — указывая на испачканную штанину, ответил я. — У меня тут был неприятный инцидент с чем-то там, да.

Я застыл, не зная как описать то, что было пролито. Мне так и не довелось узнать, что за варенье, а по цвету напоминало именно его, несла мне Миюми, и почему оно было в чашке.

Леон одарил пятно на моих брюках таким взглядом, будто оно как минимум задумывало государственный переворот. Поняв абсурдность этого, граф хмыкнул и немного сбавил градус своей подозрительности.

— Жду вас снаружи, командующий.

Наконец он вышел, оставив меня наедине с Миюми, которая после такого допроса казалась в стельку своей, несмотря на то, что по факту мы были знакомы где-то час, а общались меньше пяти минут.

— Так вам заварить мандрагору? — поинтересовалась моя помощница.

— Мне бы кофейку и чистые брюки, — признался я с усмешкой и некоторым облегчением.

Палки в ту же секунду отправились в мусорку, а Миюми сразу же понеслась в район импровизированной кухни, которая находилась в углу моего жилища.

Я тем временем занялся вторым пунктом своего плана — брюками. Идти совсем без штанов было бы несколько экстравагантно, а искать достаточное количество варенья, чтобы окрасить всю ткань в нежно-малиновый цвет — долго. Выход был прямо передо мной, можно сказать, стоял в двух метрах на кривоватых металлических ножках.

С опаской, словно к дикому зверю, я приблизился к шкафу с вещами Рейланда. Что ждало меня внутри? Скелеты, летучие мыши, спрятавшийся от полуденного солнца вампир? Словно открывая ящик Пандоры, я аккуратно приоткрыл одну дверцу и заглянул внутрь.

«Мда, бардак у него был не только с воспоминаниями».

Масштаб катастрофы оказался минимум безразмерен. Если мне предстоит тут что-то искать, это может затянуться примерно навсегда. Как назло откуда-то снаружи раздалось многозначительное покашливание, очевидно принадлежащее Леону.

«Миюми!»

К счастью, сзади гремел посудой специально обученный человек, который по идее

должен был отвечать и за мою одежду тоже.

— Миюми, можно тебя на секунду?

Мне даже не потребовалось как-то тоном выделять необходимость прийти как можно скорее — девушка примчалась практически сразу же, зачем-то держа в руках банку с надписью «Сода». Причём вид у неё был такой, словно она была готова в этот момент ради меня на что угодно, даже съесть всё содержимое банки.

— Д-да, сэ, кхм, командующий?

— Мне нужна помощь с одеждой.

Миюми посмотрела сначала на разгром в шкафу, затем на банку у себя в руках.

— А как же кофе?

— Подождёт.

У неё только что слёзы не навернулись от того, что я одним движением фактически перечеркнул все её труды.

— Н-но сначала мандрагора, теперь э-это...

Похоже она была искренне обижена таким обращением к себе. Я записал себе в голову на будущее быть хотя бы вполонину меньшим козлом. А пока требовалась таблетка мотивации:

— Поздравляю, ты прошла проверку. Я ценю преданность. Например тех, кто беспрекословно и инициативно выполняют приказ командира!

— К-командующий! В-в-вы...

Девушка впала в панический ступор, не в силах выразить благоговейный трепет перед великим мной. Остался один маленький штрих — ещё раз попросить помочь.

— Мне нужно приодеться к параду. Всецело доверяюсь тебе.

Минут за пять с помощью Миюми, которая на удивление ловко и быстро нашла не только подходящие штаны, но и прочие регалии командующего, мне удалось кое-как привести внешний вид в порядок. То, что по итогу я бегло осмотрел в зеркале, даже выглядело по-своему благородно. Этаким дерзкий авантюрист без страха, упрёка и времени нормально причесаться.

— Благодарю.

Моя короткая, но вполне искренняя благодарность привела Миюми в состояние экстаза. Что меня бы удивило, если бы не целая серия фигурных и выразительных покашливаний снаружи. Похоже Леон терял терпение. Стоило поторопиться, пока он не выкашлял лёгкие.

Вряд ли подобное поведение по отношению к вышестоящему являлось приемлемым, и, будь я чуть поувереннее в своих силах, графа стоило бы хорошенько проучить. Однако моё положение было слишком зыбким, чтобы ещё и провоцировать окружающих на конфликты. Поэтому и приходилось терпеть.

Проблема заключалась в том, что от меня требовалось водить человека по лагерю в поисках плаца, тогда как мне самому не помешал бы проводник.

— Ты хорошо знаешь лагерь? — перед выходом, косо посмотрев на Миюми, поинтересовался я.

— Э-э-э, да, а что? — растерялась Миюми.

— Вскоре тебе предстоит выполнять мои поручения, неплохо было бы, чтобы ты могла свободно ориентироваться.

Как выяснилось из ответа, растерянность девушки была вызвана несколько иным. Она вообще не собиралась идти со мной.

— Н-но принимают парад только командующий и представители короля.

Подловив её на «горячем», я подхватил фразу и закончил на свой лад.

— Командующий, представители короля и ТЫ. Идём.

— Но я же всего лишь...

— Не всего лишь, а более чем! Идём, если у кого-то не хватает смелости признать, что ему помогают одеваться, то это не мои проблемы и точно уж не твои.

— Но...

Я вопросительно на неё посмотрел, выражением лица говоря: «Если этот довод не кажется тебе разумным, то пеняй на себя», и девушка прервалась.

Она, покраснев, будто ей сделали комплимент, тихо произнесла:

— Спасибо, — сказала Миюми с видом, будто ей сделали очень приятный подарок.

Открытое пространство встретило меня пронзительным полуденным солнцем, всеми «прелестными» запахами, которые только могла создавать куча людей, сосредоточенных в небольшом пространстве, и открытием — оказывается, всё это время я находился в роскошной палатке. Изнутри так и не скажешь.

А ещё, к моему неудовлетворению, здесь же находился Леон, судя по лицу откровенно уставший меня ждать и по этому поводу сильно негодующий.

— Вы всегда по полчаса меняете штаны, командующий?

— Конечно нет! — я решил ответ колкостью на колкость. — Это я торопился. Всё ради вас, граф.

Он аж фыркнул от возмущения, но похоже с его точки зрения, моя реакция вполне вписывалась в понятие «типичный рейланд Рор».

— Парад должен был начаться уже пять минут назад!

Тут графу меня провести не удалось.

— Без командующего, то есть меня, не начнётся.

Обменявшись с Леоном колкостями и раздражёнными взглядами, причём, уверен, мой был более убедительным, мы всё же двинулись в путь — принимать парад.

Для этого я кивнул ожидавшей соответствующей команды Миюми, которая должна была выступить проводником до нужного места. Увы, граф Сайрас заметил эти переглядывания и кивки.

— Вы что, не знаете дорогу? — опять насторожился он.

— Конечно же, знаю, это проверка, — как можно более уверенно, то есть не слишком, ответил я.

— Интересные у вас проверки... — с явным сарказмом в голосе буркнул себе под нос Леон, но больше не вмешивался.

«Похоже, подобный паттерн чудаковатого командира — это как раз про Рейланда Рора», — отметил я для себя в уме на будущее.

Решение взять с собой Миюми, а не рыскать наугад, оказалось весьма дальновидным. Палаточный городок, в котором расположилась «моя» армия, строили люди явно весьма далёкие от таких понятий как «генеральный план». С моей точки зрения всё выглядело так, будто тут вообще никто не пытался что-либо как-то организовать, предпочтя абсолютный хаос любому порядку.

Словом, чувствовалось, что ко всему этому приложил руку сам Рейланд Рор. Даже позволь он ставить каждому палатку как угодно, и то получилось бы куда организованнее, чем тот лабиринт, через который мы с Леоном, ведомые Миюми, пробирались.

Путь наш лежал через весь лагерь к огромному полю за ним. Точнее к тому, что от него осталось. Теперь-то тут был плац, и многочисленные солдатские сапоги втоптали землю с такой силой, что для того, чтобы вскопать её, потребовался бы карьерный бур.

От количества людей просто дух захватывало. Никогда раньше мне не приходилось видеть столько народа в одном небольшом по площади месте. Все, разумеется, были в военной форме, и что не укрылось от моего взгляда — весьма аляповатой за счёт обилия красок. Никаких тебе камуфляжей или даже намёка на маскировку.

«Привет, века, когда мужчина в колготках выглядел мужественно».

Для высокого начальства, к числу которых, разумеется, относился и Рейланд Рор, была сооружена специальная, больше похожая на башню, трибуна. Взобраться на неё оказалось тем ещё испытанием.

Строили её, очевидно, те же люди, что и остальной лагерь. Как и любые другие военные дела они это по принципу «чем проще и быстрее — тем лучше». Получившаяся конструкция шаталась, скрипела, местами прогибалась под моими шагами. Кроме того не стоило забывать и про Миюми, которая забиралась следом — явно не пушинка. А ведь где-то там, позади поднимался ещё и граф! Вдобавок очень мешался меч, который мне пришлось нацепить. Он постоянно норовил ударить меня, зацепиться между какими-нибудь палками или даже вывалиться.

Оказавшись на самом верху злополучной башни, покоя я не нашёл. Зато отыскал пару

человек явно не военной наружности. Судя по широкому лощёному лицу, это были местные аристократы. Дав пару секунд отойти от подъёма, граф быстро вручил мне какую-то бумажку, тихо сказав:

— Король желает, чтобы вы прочли армии это.

Точно! Мне же полагалось выступить с речью. Впрочем, мне же лучше. Импровизация сейчас была бы сущим кошмаром. Даже не посмотрев на содержимое листка, я, крайне довольный таким поворотом, кивнул графу и, оставив смутившуюся Миюми на растерзание благородному обществу, вышел вперёд.

Вид, открывавшийся с трибуны, что ни говори, завораживал: развевались знамёна, а под ними ровными рядами находилось целое море солдат в разноцветной форме. Заметив меня, они встали по стойке смирно, произведя эффект, сходный с колебанием травы на ветру. Целый океан, только вместо воды — люди.

В голове проскочила робкая мысль, что именно в этот момент мне очень срочно захотелось в тайную комнату.

«И перед всеми ними мне нужно что-то сказать?!»

Я хотел поднять листок, врученный Леоном, чтобы, наконец, увидеть его содержимое, но неожиданный порыв ветра вырвал его, унося вдаль вместе с моей надеждой легко разобраться с этим пунктом сегодняшних мероприятий.

Пришлось выигрывать себе время, делая вид, что прочищаю горло, пока шестерни моего мозга спешно пытались придумать, что нужно говорить.

«Нет, не так. Что должен сказать Рейланд Пор?» Ведь именно его слов ожидали все эти люди, а не моих ужимок.

Ответ на этот вопрос, как это ни поразительно, не знал даже он сам, не то что я. До меня дошла страшная по содержанию мысль:

«Придётся импровизировать!»

У меня, конечно, был язык подвешен, но это касалось в первую очередь личных разговоров, а не публичных обращений к тысячам людей сразу.

Пауза откровенно затягивалась. Несложно было заметить, что некоторые уже начинали удивлённо переглядываться, не понимая, что происходит. Выигрывая себе ещё пару секунд времени, я многозначительно поднял обе руки, тем самым вызвав благоговейное замирание у всех на плацу.

Долго в такой позе простоять не получилось. Пришлось начать говорить:

— Товарищи, братья! — на этом поток хороших идей иссяк, и меня, что называется, понесло. — В это непростое время не нужно лишних слов! Буду краток. Всем известно, насколько велика ответственность, которая лежит на каждом из нас! Взгляните вокруг, оглянитесь назад и узрите то, за что вы собираетесь встать плечом к плечу! За родную землю, за близких вам людей, за тех, кто сейчас здесь, и тех, кто остался позади, чтобы ежедневно молиться за наш успех! Судьба нашей великой страны зависит от того, насколько непоколебимыми, храбрыми и уверенными вы будете!

Я сделал паузу, чтобы восполнить запас воздуха в лёгких, решил закончить речь чем-нибудь воодушевляюще-бессмысленным, чтобы звучало поярче.

— И это, поверьте, есть в каждом из вас — вижу по сияющим глазам всех! Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами! Ура!

Доли секунд, что последовали за этим, показались мне вечностью. Где-то позади дёрнулся возмущённый Леон, которому моя импровизация не слишком пришлась по душе. В

голове пронеслась короткая, очень яркая мысль:

«Это конец!»

А ещё через секунду меня оглушил рёв, поднявшийся на плацу. Это рвали глотки, повторяя раз за разом: «Победа за нами, ура!» все без исключения. Кажется, только эту часть они и запомнили.

— Вы что-то хотели мне сказать, граф? — едко спросил я у Леона, который пыхтел своим возмущением мне в затылок.

— Король оценит вашу импровизацию, — пообещал граф.

— Разве не важнее, как оценят её они? — я указал на людей внизу, на что граф на меня только раздражённо зыркнул.

Армия пришла в такой экстаз, что для того чтобы перейти непосредственно к параду, некоторых особенно сильно вошедших в раж пришлось обливать водой и ставить на ноги.

Я бы тоже очень хотел, чтобы меня облили водой. Желательно из ведра и несколько раз подряд. Кажется, после произошедшего у меня вспотели даже зубы. На ногах мне удалось устоять лишь потому, что мои руки с такой силой вцепились в деревянный парапёт, что тот уже начинал загадочно, но очень неприятно похрустывать. Будем надеяться, что все те, кто сейчас находился рядом, приняли это за моё безудержное рвение...

Пока войска перестраивались для парада, моё внимание привлёк флагшток неподалёку. Там развевалось сразу два флага. Один со сложным узором являл собой флаг королевства. Второй же был попроще: синий с изображением солнца по центру.

Мне представилось, что это знамя армии, но память Рейланда подсказала, что дело обстоит куда сложнее. Конфликты между двумя королевствами происходили на регулярной основе, как по расписанию. И каждый раз одна из противоборствующих сторон брала себе или «солнечное» или «лунное» знамя. В этот раз «солнечными» выпало быть нам.

«Как-то это слишком странно. Что-то от меня ускользает. Либо тут все психи, помешанные на войне, со вкусами на уровне детского сада, либо лыжи по асфальту не едут».

Мой разум вновь и вновь пытался собрать мозаику из разрозненных фактов воедино, но каждый раз упирался в странности. Зачем меняться знаменами? Почему Рейланд так относится к этому событию? Мне вдруг пришло в голову, что в той королевской речи, которую я так и не прочитал, было более чем достаточно, чтобы хотя бы по косвенным фактам понять, что тут происходит.

Внизу тем временем подняли с земли всех, кого мои слова ранили в самое сердце, и парад начался. Память Рейланда с лёгкостью подсказывала мне названия частей и имена их командиров.

Вот Эльт со своей сорок второй полубригадой. Капитан то и дело косился на свой штандарт, который выглядел мокрым и отчаянно отказывался развеваться на ветру.

Это была единственная «полубригада» во всём Риверкроссе. Образовалась она, когда половина обычной, линейной, сорок второй бригады дрогнула и, побросав знамёна, побежала. Вторая же половина, подхватив упавшие знамёна, напротив, понеслась в отчаянную, едва ли не самоубийственную атаку. Сначала подобное название было своеобразной шуткой, однако со временем вошло даже в официальные документы.

В сорок вторую обычно набирали самых, культурно выражаясь, отличившихся. Причём

во всех смыслах этого слова.

Следом шагали, чеканя шаг, солдаты тридцать третьей линейной бригады. Во главе их ни дать не взять седовласый, с одной лишь чёрной как смоль прядью старик, со здоровенной, чадающей серым дымом трубкой в зубах, которая противоречила всем возможным уставам, традициям и правилам, но это никого не заботило. Его имя также всплыло в моей памяти.

«Упрямый Лой Ноктим».

Он и его солдаты славились своей феноменальной стойкостью. Самый запомнившийся случай произошёл, когда «тридцать третья», находясь в полном окружении, две недели удерживала стратегически важный форт. Когда же к ним отправили гонца, пытаясь понять, есть ли ещё кого спасать, Ноктим прислал следующий ответ:

«Держимся. Пришлите патронов, пороха и два ящика водки — и мы простоим тут целый год!»

У трубки тоже имелась своя история. Лой не расставался с ней ни при каких обстоятельствах. Перед королём или по шею в воде — всё одно. Какой уж там смотр у командующего!

Обычно никотин был весьма вреден, но капитан Ноктим придерживался обратной позиции, считая, что курение очень даже полезно для окружающей среды: ведь оно убивает людей.

Таких бригад, рот, батальонов в тот день перед моими глазами прошествовало, кажется, бесконечность. Каждая со своим названием, номером, историей. В сумме армия насчитывала около двадцати тысяч человек, и ещё тысяч пять различной obsługi. Из них Рейланд Рор, к моему удивлению, в той или иной степени знал добрую половину.

Больше всего мне запомнились повара. Их форма вперемешку с фартуками и белыми колпаками смотрелась откровенно дико на фоне остальной армии, но ещё сильнее удивляло оружие, а точнее — его отсутствие. Вместо этого вооружились кухонные воины кто скалкой, кто сковородой. Какому-то, видимо, самому суровому бойцу, выдали огромный, словно ковш экскаватора, черпак. Несмотря на всю нелепость ситуации, повара шли с каменными, сосредоточенными лицами.

«А ведь они это делают, потому что им важно показаться перед Рейландом Рором. То есть передо мной», — не без удивления сообразил я.

Как только парад закончился, я в ту же секунду засобирался уходить, но такой возможности мне никто давать не собирался. Судя по лицам Леона и прочих собравшихся, они все жаждали со мной переговорить.

К счастью, кто-то из аристократов сообщил, что не против был бы отобедать, на что другой ему возразил, что здесь было бы странно это делать. Так, постепенно наша высокая ложа переместилась с башни на землю, а оттуда в близлежащую палатку, где кто-то благоразумный уже организовал небольшой столик с едой и напитками.

Из-за Миюми, которую усадили за «высокий» стол, вообще не сообразив, кто это и что она тут делает, кому-то не хватило стула. Однако на девушку, которая от переполняющей её застенчивости дышала-то через раз, никто и подумать не мог, поэтому мы кое-как уселись, но только после короткой, очень вежливой потасовки между знатью.

— Нет, вы садитесь, — уступал право аристократ с лицом подгнившего помидора.

— Ну что вы! Как так можно! Место, безусловно, ваше! — не соглашался с ним его коллега по буржуазии, имевший внешность сухой палки.

— Позвольте, ваша матушка, которую мне давеча довелось сводить сыграть в гольф,

благородных мыслей дама, я просто не могу отказать в услуге её сыну!

— Да бросьте! Какие тут услуги, садитесь-садитесь! — вмешался в разговор ещё один представитель знати.

— Вы хотите сказать, что мои ноги меня уже не держат? — уточнил тот, который напоминал внешностью ветку.

— Да ни за что! — притворно возмутился помидоромордый. — Вы ещё нас всех переживёте, особенно если сейчас сядете!

— Сударь, за такие слова положено...

Где-то на этом моменте этот цирк меня откровенно достал. Выглядело, конечно, забавно, но мы так тут на весь день застрянем.

— Кхм-кхм, — хмыкая, напомнил я о себе и указал на несколько стульев поодаль. — Господа.

Мне досталось место прямо напротив Леона Сайраса, отчего мой аппетит, и так не блиставший из-за волнения, мгновенно и окончательно самоустранился. Под пристальным взглядом молчаливого графа, который следил за каждым моим движением, даже один бутерброд пришлось брать приступом, на манер удава, буквально запихивая его в себя.

Аристократы же в это время соревновались, кто лучше послужит единственной девушке за столом — Миюми. Опять же: они даже подумать не могли, что ей тут вообще не место и, согласно их собственной иерархии, ей бы гнать веником. Однако они этого не знали и лебезили так приторно, что у меня начали слипаться некоторые интересные места.

Постепенно тарелка моей помощницы, а следом и окружающее пространство заполнялось разными блюдами, бокалами, закусками и фруктами, пока не начала образовываться небольшая горка. Похоже, никому кроме меня и в голову не приходило, что сейчас для Миюми даже взять в руки вилку — подвиг, не то что начать есть.

Поняв, что ещё немного — и гора рухнет, похоронив под собой девушку, я решил, что нужно её спасти. Дождавшись момента, когда аристократы будут заняты очередным выяснением кто кому должен уступать, я коснулся руки помощницы, тем самым возвращая её в реальный мир.

Лучшим способом для этого было, как ни странно, её отсюда убрать. Все эти праздные разговоры после бокала вина я вполне осилю и сам. Особенно если, в отличие от других, не буду налегать на алкоголь.

— Миюми, сходи в лазарет за тем, э-э-э, корнем, ма, что-то там на «м».

Девушка, конечно же, моего мотива совсем не поняла.

— Но я же уже принесла его, — не то что шёпотом, а вообще одними губами сказала она.

Одарив её раздражённым взглядом, я задумался над альтернативными вариантами.

«Что там ещё было? Лунная лапа? Почечный камень цапли?»

Просить такое в присутствии посторонних было чревато. Ещё чего найдутся среди этих зазуб и другие сторонники альтернативной медицины. Это будет совсем уж дико!

Пауза затягивалась, гора продуктов опасно накренилась. Иного выхода у меня не было.

— Миюми, сходи в лазарет за корнем мандрагоры.

Девушка, вместо того чтобы возразить, рефлекторно меня поправила:

— Мандрагоры.

— Не важно, поторопись, голова ужасно болит.

Услышав последнее, Миюми окинула меня серьёзным взглядом, словно врач пациента,

который нагло игнорирует лекарства, но продолжает жаловаться на болезнь, и быстро ушла.

— А вот после лунного камня полегчало бы сразу, — тихо заметила она с осуждением на лице.

Аристократы, потеряв возможность заваливать кого-то едой, вполне ожидаемо переключились на разговоры. Разговаривать, разумеется, решили со мной.

— Командующий Рор, так как, думаете, выступит ваша армия в этом сезоне? — поинтересовался помидоролицый, демонстрируя наигранную заинтересованность.

Формулировка вопроса была странная донельзя, но похоже никого за столом за исключением меня не смутила. Записав её себе в память в качестве ещё одной части мозаики, я залпом прикончил бокал с чем-то красным, что развязало мне язык. Пожалуй, даже слишком:

— Изи вин!

Аристократ, задавший вопрос, моргнул несколько раз, похоже, не понимая ответ, а затем, усмехнувшись, поднял бокал.

— Ох уж этот ваш армейский сленг, командующий!

Засмеялись все, даже я — выбора то не было. Правда, по лицу Леона было видно, что вот он-то понял, что это никакой не сленг, а просто какая-то странная отсебятина.

— Слышал, «лунные» в этом сезоне так в себе уверены, что уже открыли «победные» бочки с вином, — заметил аристократ, напоминая палку, бросая в мою сторону многозначительные взгляды.

За столом сразу повисло напряжение — от меня ждали ответа. Словно я должен был быть в курсе кто и где открывает бочки. Тоже мне нашли сомелье-экстрасенса!

— Если они тратят время на это, а не на подготовку — им же хуже!

— А на что вы тратите время? — как бы невзначай бросил камень в мой огород Леон, ковыряясь в своей полупустой тарелке. — Ваша речь, м-м-м, вряд ли вызовет восторг у короля.

Я мысленно заклеил графа провокатором, потому что так ему и надо.

— Главное, что она вызвала восторг у армии. Для короля у меня другие тексты.

— Да? Это какие же?

Я хотел было придумать что-то нейтральное, но недавно выпитый алкоголь на пустой желудок уже сделали своё коварное дело — теперь мой язык значительно опережал мысли.

— Возвышенные, благородные, полные сложных деепричастных оборотов и с множеством аллюзий на солнце!

Леон вопросительно вскинул бровь, явно не поняв последнее.

— Королям всегда нравится, когда их сравнивают с гигантским шаром плазмы.

За столом снова раздался смех, но на этот раз куда более напряжённый. Такие смешки из разряда: «Вы, конечно, шутите, командующий, но мы всё запишем и настучим, когда придёт время».

— Вы ведёте очень смелые речи, Рор, — с упрёком заметил Леон. — Не там, где это надо.

Похоже, бедолага просто хотел меня предупредить, да только куда там! Остолопа, в смысле меня, несло на крыльях лёгкого опьянения всё дальше и дальше.

— Смелый человек должен быть смел во всём! Думаю, королю больше нравится, когда за столом про него шутят, но думают хорошее, чем хвалят, но мысленно, э-э-э, оскорбляют. Короче, говорить правду — лучше, чем врать!

Речь из-за алкоголя вышла так себе, но большинству собравшихся явно понравилась. Или, что куда вероятнее, они сделали вид, что им понравилось, а сами уже вспоминают наиболее быстрый способ доставить королю донос.

Граф тоже усмехнулся уголками губ, делая вид, что фраза ему по вкусу. Хотя в его глазах читалось совсем немножко противоположное. Он явно что-то задумал, и мне это не нравилось.

Когда против тебя что-то там думают — это уже нехорошо. А уж в моём положении!

«Нужно было его как-то упредить и срочно!»

— Что думает король? — поинтересовался я у графа, коварно рассчитывая вывести того на неосторожный ответ.

Увы, мимо. Аристократы-то растерялись, оно и понятно: великих мыслителей среди них не наблюдалось, а вот Леон ответил практически сразу:

— Его величество ожидает от вас благоразумия.

— От меня?! — принял удивлённый донельзя вид я.

— Конечно. А чего ещё он должен ожидать?

Не сразу, но мне удалось понять, что за этим скрывалось банальное требование делать что говорят и не выступать.

— Впрочем, вы, наверное, правы.

— Как вы думаете, господа, кому достанется победа? — вмешался в разговор один из аристократов.

— Конечно же сильнейшим, достойнейшим и лучшим. Нам, ха! — самоуверенно, будто это ему предстояло воевать, ответил помидоролицый.

Остальные, ну кроме меня и Леона, рассмеялись в унисон. Шутка мне не понравилась. Она как бы кричала: «Ничего не делай — всё случится само собой». Когда я последний раз так подходил к делу, то растолстел и долго ходил в спортзал.

Судя по понимающему взгляду, граф в целом разделял мою позицию. Это было плохо для меня. Не само по себе, а потому что ясно говорило, что он обладал редким в собравшейся компании здравомыслием. А где здравомыслие, там и умение сопоставлять одно с другим — тут и до раскалённой кочерги в моём чувствительном к горячему теле недалеко.

Подождав, пока все закончат смеяться, я задал другой вопрос, желая окончательно убедиться в «качестве» людей вокруг, как военных.

— Как вам армия?

Последовал очередной парад, на этот раз лизоблюдства и лицемерия:

— Ваше всяких похвал, Рейланд.

— Вас ждёт успех!

— Мне понравились повара. Даже наши кухарки сильнее «лунных»!

Один только Леон не излучал бескрайнего оптимизма.

— Армия, может, и в хорошем состоянии, но вы до сих пор не представили свой план действий, Рейланд.

Это была щекотливая тема. Какой там план войны! Мне бы знать, что будет со мной через час!

Чтобы не отвечать на этот неприятный во всех смыслах вопрос, я, не придумав ничего лучше, решительно встал из-за стола, всем своим видом показывая, что опаздываю. Не важно куда и зачем, но очень серьёзно.

— Увы, граф, но вы правы — дела не ждут. Господа, прошу прощения, что покидаю. Не время сидеть за столом, нужно готовиться к переправе! Или что у нас там вечером по плану. Желаю приятно провести время.

Не давая никому и слова вставить, я покинул палатку и резво направился к своей.

«Леон точно будет проблемой!»

Если остальные так или иначе смотрели мне в рот, ожидая вселенских мудростей или просто безукоризненно выполняя команды, будучи подчинёнными, то он смотрел куда глубже. Не в гланды, конечно, но в данном случае я бы предпочел, чтобы он смотрел хотя бы туда, ещё даже не подозревая, какая засада меня ждёт в моей палатке.

Важная деталь

Обратный путь к «моей» палатке пришлось проделывать без помощи Миюми ещё и в тот момент, когда в лагерь вернулись солдаты, образовав повсеместную толкучку. Спасло меня только то, что многие из них уже снимались с места, готовясь к вечерней переправе, тем самым освобождая проход, поэтому до своего убежища я добрался почти не заблудившись. Ну, может быть, самую капельку поплутав и всего дважды выйдя обратно к плацу.

Палатка встретила меня прохладой, спокойствием и ощущением дома. Может, я и провёл в ней всего-ничего, но в этом диком, незнакомом мне мире — это было уже что-то. Островок стабильности и покоя.

— Кхм, командующий, — вдруг, не успел я снять осточертевшие ножны, раздался голос у меня за спиной.

Лишь невероятным усилием воли мне удалось не дёрнуться от испуга всем телом, а просто немного вздрогнуть, прежде чем повернуться. Оказывается, в палатке я был не один. Здесь меня поджидал или, может быть, просто ожидал абсолютно лысый мужчина неопределённого возраста в грубой, явной повывавшей жизнь походной одежде. На фоне других людей, встреченных мной сегодня — в цветастых мундирах, эполетах, с лентами и прочими яркими атрибутами — он выглядел как чёрно-серое пятно на радуге.

Но это всё были мелочи на фоне глаз неожиданного визитёра. Не то чтобы я встретил за жизнь достаточно большую часть человечества, чтобы составить какую-то приличную выборку, но таких глаз, как у него, в жизни не видел и даже не слышал о том, что такие вообще бывают. Глубокие, очень пронзительные, ярко-рыжие. Казалось, что они светятся, особенно в полутьме палатки, да ещё и видят тебя насквозь, как рентген.

Моя реакция гостя определённо позабавила, судя по тени ухмылки на его в целом спокойном, даже безразличном лице, однако в остальном он, похоже, был настроен вполне мирно и деловито. Некие бумаги, которые покоились в папке у него в руках, только подтверждали эту догадку.

— Командующий, — ещё раз поприветствовал он меня, коротко поклонившись и протянув папку. Я рефлексивно принял её и раскрыл.

Содержимое, состоявшее из множества карт, зарисовок и письменных донесений, для меня абсолютно ничего не значило, во всяком случае пока. Зато, сделав вид, что читаю, мне удалось выиграть немного времени, чтобы вспомнить, кто это вообще стоит передо мной.

Это оказалось совсем нетрудно. Ещё бы! Такого человека один раз увидишь — уже не забудешь. К тому же Рейланд Рор, судя по всему, неплохо к нему относился. Даже несмотря на то, что Кейл Ресс, а именно так звали гостя, выполнял предельно «грязную» с точки зрения местных вояк работёнку — занимался разведкой и шпионажем.

Подобное в своё время имело место быть и на Земле. Почему-то люди, стремящиеся убивать других людей наиболее быстрым и как правило жестоким способом, считали зазорным использовать для этого не только острые палки, но и обман. При этом к услугам шпионов всё равно прибегали.

Вспомнив всё это, я решил наконец нарушить тишину, пожалуй, самой неуместной фразой, которую только можно придумать, после того как мы полторы минуты стояли друг напротив друга.

— Рад вас видеть, Кейл.

Впрочем, Ресс будто бы этой неловкой паузы и не заметил, вместо этого сразу перешёл к содержимому папки. Говорил он медленно, отрывисто, словно скупой торговец, отсчитывающий мелочь, но при этом строго по делу.

— Наиболее актуальная информация. На текущий момент, конечно. Информатор должен прислать ещё. Ближе к вечеру. Стоит ожидать новых сведений о планах Ноа Кейтлетт.

Это имя заставило меня, а вернее Рейланда Рора, рефлекторно сжать зубы, что уже говорило о многом — пока ни одно другое имя такой реакции не вызывало. Впрочем, чистой ненавистью это тоже не было, скорее навязчивым раздражением вперемешку с завистью.

Я поймал на себе пронзительный взгляд Кейла. Разведчик с интересом наблюдал за моей реакцией, кажется, заранее зная, чего ожидать, но отвёл взгляд, когда понял, что обнаружен.

«Нужно его, как и остальных, заболтать!» — пришла мне в голову, как казалось, неплохая идея.

Исходя из ситуации, если Рейланд Рор знал Кейла Ресса, то и тот его тоже. И по виду разведчика нельзя было сказать, что он из тех людей, которые могут что-то не заметить, особенно если это «что-то» стоит прямо перед ними.

— Думал, увижу вас ещё параде, отлыниваете?

Мне и вправду казалось, что там-то я увидел всех своих подчинённых.

— Таких как я не приглашают на парады, — сказал Кейл с видом, будто ему это всё и даром не надо. — Да и меня они не интересуют.

«Военный, не мечтающий о параде?» — звучало как минимум странно.

— Не мечтаете о почёте и славе?

— Нет, — коротко бросил Кейл, настороженно на меня глядя. Кажется, для него это была очень чувствительная тема.

«Самое время переключиться на что-то более близкое к делу и мало связанное со всякими парадами».

— Эм, вы сказали, у нас есть информатор?

— Неужели вы опять против? Больше доводов «за», чем было сказано вчера, я уже не смогу вам привести. Повторюсь, это необходимая мера.

Вот она проблема всех попаданцев! Ты можешь вспомнить, как зовут человека, но ты никогда не вспомнишь, о чём с ним говорил накануне, уже хотя бы потому что «ты» с ним знаком десять минут. Зато он-то это будет помнить непременно. И сочтёт твой ответ либо неуважением, либо просто странным. Ещё непонятно, что из этого хуже.

— Нет, что вы... — быстро и, к сожалению, глупо ответил я, делая вид, что очень увлечён принесёнными бумагами, а краем глаза наблюдал за реакцией собеседника.

Кажется, всё, что мне удалось — сделать ещё хуже, чем было, ведь теперь Ресс смотрел на меня не только с осуждением, но и открытым подозрением.

Копаясь в папке, нетрудно было заметить, что почти вся информация в ней карты с пометками, короткие заметки угольным карандашом, даже зарисовки. Так или иначе всё исходило из одного источника — самого Кейла. Его руке не принадлежала разве что перехваченная корреспонденция противника. Это вызывало закономерный в общем-то вопрос:

— Всю эту работу вы проделали, эм, в одиночку?

— Как и всегда, — ответил как нечто само собой разумеющееся Кейл, пожав плечами. — Такова моя профессия.

— Разведчик, — это я проговорил рефлекторно, просто чтобы закончить фразу, но Кейл, кажется, воспринял это как лёгкую издёвку.

— Разведчик, — подтвердил он холодно, буравя меня своим взглядом. — Должен же вам кто-то сообщать о передвижениях противника, его планах. Составлять карты в конце концов.

— Так вы и карты сами рисуете? — вопрос был глупым, но глядя на них, я бы в жизни не подумал, что над ними трудился один человек, а не целый коллектив.

А вот Кейл, судя по интонациям, чем-то выдающимся это не считал:

— Разумеется. Некоторые считают их наиболее точными из доступных, я замечу.

Мне хотелось спросить, кто эти «некоторые», но я вовремя остановился, уловив едкий взгляд Ресса. Видимо, он имел в виду меня самого.

Неожиданно мой трюк «заговори собеседника так, чтобы он не заметил явных несостыковок», отработанный на Миюми, Эльге и графе Сайрасе, дал сбой. Кейл сам задал вопрос, смотря мне при этом прямо в глаза, словно это была какая-то проверка:

— Вы ведь помните наш уговор?

Я растерялся и застыл, отчаянно копаясь в памяти, пытаюсь вспомнить, о чём идёт речь. Только спустя несколько мгновений и вспыхнувшим глазам Кейла мне удалось понять, на какой примитивный трюк он меня поймал: никакого уговора не было и в помине, а любая реакция, отличная от мгновенного уточнения, выдавала меня с головой. А ведь я и так дал за этот короткий в общем-то разговор более чем достаточно поводов в себе усомниться.

Разведчик смерил меня выразительным, но абсолютно пустым в плане эмоций взглядом, от которого пробирала дрожь. Меня словно за мгновение просветили рентгеном и детектором лжи одновременно. И хоть во взгляде Кейла невозможно было прочесть что-то конкретное, я понял, что полностью провалился. Ресс был твёрдо уверен, что перед ним не Рейланд Пор.

Однако вместо разоблачения или чего-то в этом духе разведчик, кажется, даже немного растерялся. Впрочем, длилось это едва ли мгновение, затем Кейл взял себя в руки.

— Так или иначе это уже не имеет значения. Простите меня, командующий, мне нужно идти. Необходимо уточнить некоторые сведения.

В его взгляде читался холодный, но дерзкий вызов, кричащий: «Я знаю, кто ты, давай, останови меня». Не понимаю, что Кейл задумал, но вариантов у меня просто не было. Либо спровоцировать конфликт с весьма ожидаемым исходом, либо играть в его игру по его же правилам и надеяться, что у меня ещё появится шанс отыграться.

— Да, хорошо, ступайте.

Кейл Ресс, смерив меня ещё одним странным взглядом своих удивительных, но пугающих глаз, неожиданно учтиво поклонился и, развернувшись на месте, быстро вышел из палатки. Когда его спина исчезла в в дверях, я едва ли не дрожа повалился в ближайшее кресло.

Я нервно покосился на двери, словно ожидая, что сейчас ко мне ворвётся половина армии, желая схватить. Так прошла одна минута, вторая, третья, десятая, но ничего не происходило. Неужели действительно пронесло, и у меня ещё есть шанс? Или я вообще всё неправильно истолковал?

Нервное напряжение на протяжении нескольких последних часов, усталость вкупе с

мягким креслом полностью поглотили меня. Я и сам не заметил, как на меня налетел сон.

«Сон не иллюзия»

Впереди возвышалась невероятная спиральная башня, больше похожая на гигантский посох, наполовину воткнутый в землю. На самой его вершине мерцал огромный белый кристалл. Его называли «Саум», что на каком-то древнем, очень мудром и потому забытом языке означало «дар богов».

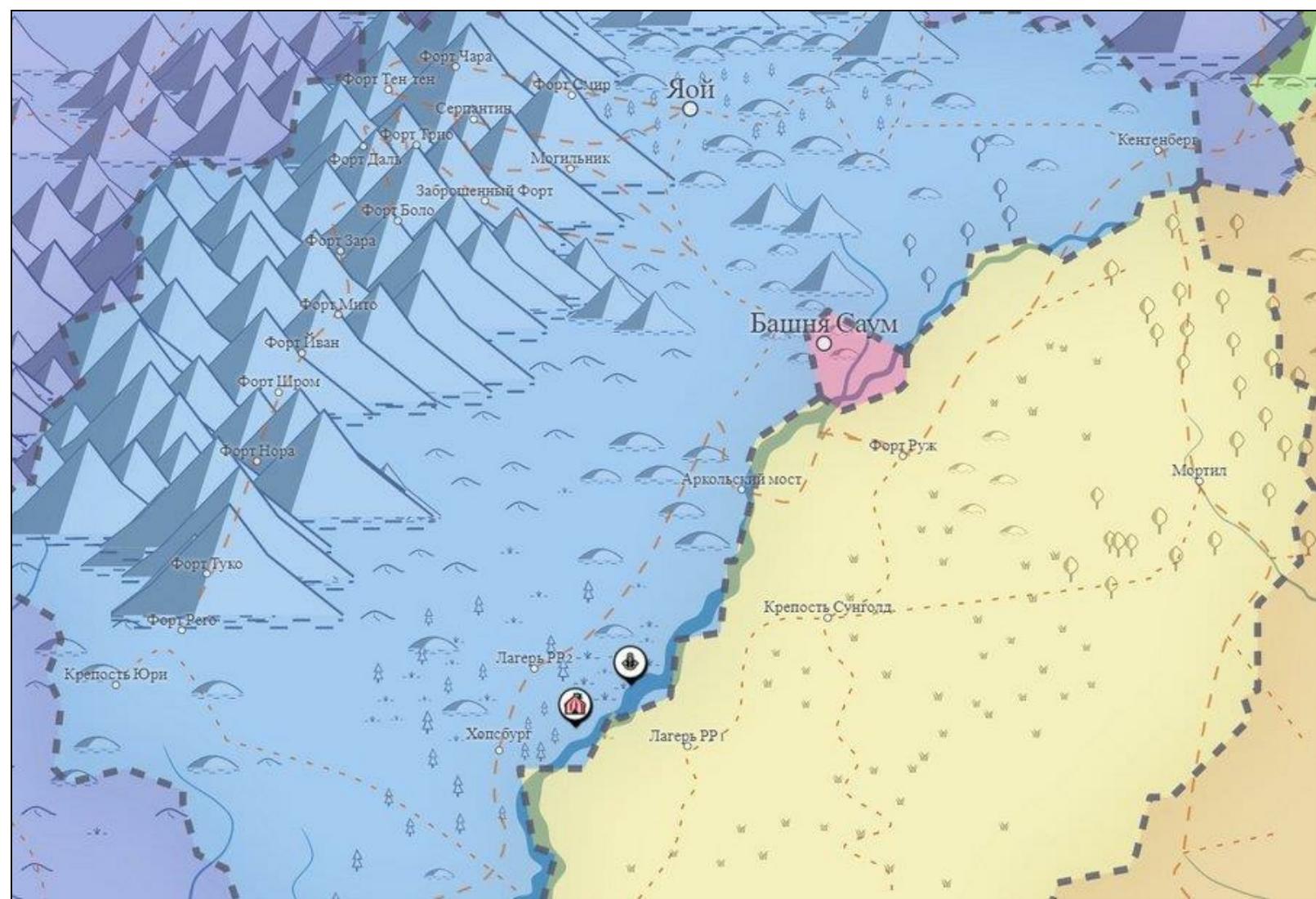
Это было очень-очень важное место. Рейланд бывал здесь уже не раз. Если точнее — пять раз, из них трижды, причём подряд, он поднимался на башню как победитель, неся с собой скипетр Солнца и щит Луны. Позади остались трудные месяцы напряжённой борьбы, тысячи противников, сейчас хмуρο наблюдавших за восхождением снизу, множество преград и лишений. Впереди же была слава, почёт и уважение, а также целая неделя разгульного пьянства.

Рор принёс Ривекроссу победу и тем самым обратил силу артефакта на их сторону. Два года крестьянам не придётся волноваться по поводу урожаев — этого будет с избытком. Цвести будет всё, что может цвести, а плодоносить и того больше.

Сила Саума была так велика, что притчей во языцех стала история о старике, у которого осталась из вещей только сухая палка. С горя воткнув её в землю и отправившись спать, на следующее утро он обнаружил на её месте яблоню. Это было очень и очень странно, ведь если верить легенде, палка у него была из молодой ели.

Вдруг сон задрожал и исчез, как проткнутый мыльный пузырь. Всему виной была моя собственная мысль, которая тонкой иглой, с большим трудом, пробилась ко мне. Она была короткой, но это ничуть не умаляло её важности: «Соревнование».

«Сны несут знания»

Рывком я вскочил на ноги, наконец поняв, что упускал всё время пребывания в этом мире! То, что местные называли ужасным словом «война», не было ей! Это было соревнование, что-то вроде военно-полевых игр. Собственно, это действо так и называлось — «Игры».

Вот откуда взялись эти «солнечные» и «лунные»! Вот почему Рейланд так к ним готовился — для него это что-то вроде спортивного состязания, по значимости на уровне Олимпиады. Да и для остальных тоже.

Не все и не всегда отправлялись сюда добровольно, но вне зависимости от мотива обиженным никто не уходил. Один лишь факт участия уже значил многое.

Для аристократов, очевидно, это был способ показать себя, доказать окружающим, что ты чего-то стоишь. А для многих из них это и вовсе было всей их жизнью.

Для крестьян, ремесленников и прочего большинства, которое аристократией назвать никак не получалось, Игры были богаты способами улучшить своё положение в брэнном мире. Солдатам за службу платили звонкой монетой — и не малой, особенно, если ты участвовал на регулярной основе, имел какой-то опыт, своё вооружение и прочее.

Игры наполнились историями о том, как вчерашний кузнец-простак, который в ином мире всю жизнь ковал бы гвозди за верную, полную подвигов службу, выбился в офицеры. Звали его Гоа Эльт.

Но и это не было последним открытием. Желая проверить ещё одну свою догадку, я подошёл к оружию на стене. Порывшись в кармане и достав оттуда какой-то листик, мне оставалось только провести им по лезвию, проверяя то на заточенность. Спустя мгновение

теперь уже два листка медленно полетели куда-то вниз.

А на моей ладони, которой я смело провёл по лезвию следом, осталась лишь небольшая вмятинка! Ни пореза, ни крови, ни даже царапины! Ощущения были не из приятных — словно от полноценного пореза, да и то это прошло, стоило убрать руку с лезвия. И больше ничего!

От переполнявших меня чувств я снова завалился в кресло, но спать больше не хотелось вообще. То, что мне только что удалось узнать, в корне меняло дело! Если до этого мысли о побеге постоянно витали где-то неподалёку от моей головы, то теперь о них нужно было забыть и желательно как можно быстрее.

Во-первых, побег с Игр для местных, судя по всему, считался чем-то на уровне добровольного каминг-аута, разве что без признаний в педофилии. Во-вторых, передо мной раскинулся дивный мир, к тому же до боли напоминающий песочницу! На Играх, конечно, можно было умереть примерно из-за тех обстоятельств, что и на Земле, но последствия были куда как менее страшными. Не знаю, как вся эта магия работала, но Рейланд, испытывавший её на своей шкуре неоднократно, для себя сравнивал смерть на Играх с послеобеденным сном, только куда более долгим. Просыпался ты, только когда кто-то из противоборствующих сторон активировал Саум, что могло занять и месяц, и полгода. Приятным бонусом к этому шло то, что твоя тушка не лежала неизвестно где всё это время, а просто исчезала спустя некоторое время после «смерти», а пробуждался ты уже аккурат возле башни, где по завершению всегда начиналась гигантская помойка длиною вплоть до месяца. Этакая Вальгалла с причудами.

Словом: всё, о чём мне только можно было мечтать, передо мной, здесь и сейчас. С таким набором можно сделать что угодно. Невиданный аттракцион, и мне на нём выпала роль «VIP пассажира».

Где-то в этот момент меня больно уколола совесть, и накал радости значительно снизился, практически исчезнув. С некоторым разочарованием в собственной неискоренности я понял, что не могу быть таким эгоистом.

Мне вдруг вспомнились мои собственные эмоции от того, что где-то там, на Земле, в моём теле чужак, который неизвестно чего натворит в незнакомой обстановке. А ведь я находился в таком же положении.

«Это не мой мир, не моё тело, не моя жизнь. Нужно каким-то образом постараться вернуть всё на свои места, пока ничего не сломал».

В любом случае, на Играх придётся остаться. Если где-то в этом мире и есть более магическое место, чем этот Саум, то искать его лучше уже после посещения наиболее очевидного варианта.

Для того чтобы получить возможность до него добраться, нужно заполучить две реликвии: «скипетр Солнца» и «щит Луны». Первая в этот раз где-то у вояк из Риверкрасса, соответственно, «солнечных», и о ней не стоило пока беспокоиться. Вторая у солдат Тофхельма — «лунных», и вот её придётся добывать с боем. Значит и дальше придётся «отыгрывать» Рейланда Рора, причём желательно лучшим образом.

Обозначив для себя план минимум на ближайшее время, я, переполненный энергией, хлопнул в ладоши.

— Что ж, им нужен Релайнд — они его получают. Возможно, они пожалеют, но им понравится!

От размышлений меня отвлекли часы. Их не слишком мелодичный перезвон обозначил, что уже семь часов вечера. Не успел я подумать над тем, что это для меня значит, как в палатку вошла Миюми.

— Вы с кем-то разговаривали, сэр?

И снова чужой рефлекс взял вверх.

— Не называй меня «сэр».

— Х-хорошо, с-с-с...

Под моим пристальным взглядом Миюми сглотнула и исправилась:

— Командующий.

Сказав это, она застыла в растерянности. Я понял, что девушка позабыла, зачем на самом деле пришла, и это спасло меня от долгих объяснений причин разговоров с самим собой.

— Ты что-то хотела?

— Эм, да.

— И что же?

— Ну-у-у, — девушка потупилась. — Что-то важное, с... кхм, командующий.

«Ну конечно важное! Только что?» — едва не брякнул я, но сдержался.

Кричать, ругаться или давить тут было однозначно бесполезно. Это только усугубит положение. Оставалось лишь терпеливо ждать.

— А, точно! Вам просили передать, что совещание уже началось, — наконец вспомнила Миюми.

— Когда это было? — прозорливо уточнил я.

— Час назад.

Я тяжело вздохнул, желая провести короткую, но впечатляющую речь на тему того, почему в таких ситуациях командира нужно извещать сразу же либо не извещать вовсе. Военная наука не знает полумер! Но глядя в широко распахнутые глаза Миюми, полные обожания, неуверенности в себе и зашкаливающей скромности, я понял, что абсолютно не хочу этого делать. Разве можно ругать этого плюшевого зайца?

Миюми тем временем вытащила очередную связку каких-то коричневых палок и молча попыталась мне их вручить. Я скептически заметил:

— Странный букет.

— Это мандрагора, как вы и просили. Дважды.

«А, ну да, точно, было такое», — вспомнил я и, бегло отринув вариант в очередной раз повести себя как козёл, указал в угол палатки.

— Положи туда, сейчас не до этого.

Увы, это не особо сработало. Пренебрежительное отношение — оно в любом случае пренебрежительное. И Миюми, как тонкая, но не в области талии натура это вполне ясно почувствовала. От моей фразы она разве что не расплакалась.

— Но я же просто пытаюсь вам угодить!

— Ладно, хочешь быть полезной без всяких «но»? — Девушка категорично кивнула. — Принесёшь мне в штаб чашечку кофе и пару бутербродов? А мандрагору оставь здесь, обещаю потом придумать, как её использовать.

«Выглядит как вполне неплохая растопка», — мысленно усмехнулся я. — «Неужели этим ещё и лечат? Впрочем, главное, чтобы силком не пихали во всякие интересные места или, во всяком случае, делали это не при мне».

Миюми широко распахнула глаза, кивнула и с решительностью камикадзе, пикирующего на гайдзиновский крейсер, куда-то умчалась. Проводив взглядом это милое, очаровательное создание, которое не сразу от волнения попало в дверь и вообще не понятно что забыло на Играх, я глубоко выдохнул.

А ведь и вправду, что? На секунду я даже действительно погрузился в воспоминания, но только «на секунду». Прошрое моей помощницы при всём желании не тянуло на актуальную проблему, над которой стоило думать прямо здесь. Уверен, у меня ещё будет время над этим поразмышлять. Когда-нибудь. Сейчас же меня ждал штаб и подчинённые. Не мои, но они-то об этом понятия не имели!

Найти эту небольшую палатку цвета примерно семнадцатого века, увешанную флажками со всех сторон, удалось моментально — из неё валил густой чёрный дым, будто внутри стоял, готовясь сорваться с места, локомотив.

«Вот так начало! Пожар!»

Но так как никто его не тушил, интуиция подсказала повременить с выводами. Для пожара вокруг палатки было сосредоточено подозрительно мало внимания. Даже никто не бегал вокруг с отчаянными криками. Напротив, жизнь текла как ни в чём не бывало: солдаты хаотично сновали туда-сюда, выполняя обычные функции: «подай-принеси».

Только оказавшись внутри, я нашёл как источник дыма, так и причину всеобщего пофигизма. Это капитан Ноктим подсыпал в свою трубку свежего табачку или что он туда сыпал. Как по мне, это был уголь, запах во всяком случае был очень похожим.

Кроме него внутри был граф Сайрас, Кейл Ресс и ещё куча разных лиц, явно принадлежащих к числу офицеров.

Когда я зашёл внутрь, выступал Гоа Эльт. Он стоял возле доски, к которой была прикреплена карта местности, и что-то на ней увлечённо рисовал, попутно рассказывая. Капитан замер на полуслове, заметив моё появление, но я жестом показал ему продолжать — это явно было интересно.

— Если мы после этого манёвра переместим сорок вторую полубригаду сюда...

Его рука провела очередную линию, завершая рисунок. Пентаграмма вышла практически идеальной, особенно удались рунические знаки, однако на план битвы это было похоже весьма отдалённо. Во всяком случае, на план битвы с кем-то, кроме Сатаны.

Эльт тем временем продолжал фонтанировать планами насчёт своей бригады:

— Затем мои ребята ударят в тыл...

Самое время было вмешаться. Дело принимало лихой оборот: ещё немного, и, глядишь, капитан сделает за меня всю работу. В целом я был только за, но это могло вызвать подозрения в моей ненужности.

— Кхм... — я сделал вид, что просто прочищаю горло, однако ни у кого не возникло ни малейших сомнений в истинном значении этого жеста.

Гоа в этот момент выглядел как человек, который готов отстаивать свой план даже с помощью оружия. Скорее всего только потому, что очень долго это всё непотребство

рисовал.

— Да, командующий? — поскрипывая зубами, осведомился он.

Мои глаза быстро пробежались по карте. Я пытался понять, что на ней конкретно нарисовано. Выглядело для меня это как набор рассыпанных слов по разноцветным каракулям, и оттого всматриваться полноценно не хотелось, но пришлось. Мозг разделился на две части. Первая усиленно висла, пытаюсь сложить эту мозаику во что-то, с чем можно работать. Вторая же отдельно от этого понеслась отвлекать внимание, попросту проговаривая увиденное:

— Я правильно понимаю, что вы хотите сразу после переправы через реку совершить двадцатикилометровый марш-бросок на север, взять стратегически важную высоту, а затем, в тот же день, вброд перейти соседнее болото и выйти в тыл, хм, судя по расстоянию, у-у-у, всей вражеской, эм, страны?!

— Так точно, командующий! Вы сомневаетесь в результате?

По безумному огоньку в его глазах было понятно, что, во всяком случае, Гоа мог попытаться осуществить задуманное. Переубедить безумца было слишком долго и бесполезно, поэтому я решил просто дать ему выговориться. Заодно и почва будет подготовлена: после такого спича даже самый лютый бред за моим авторством будет выглядеть вполне адекватно.

— Нет, не сомневаюсь. Продолжайте доклад. Очень интересная ду... кхм, задумка!

Очень вовремя появилась Миюми, которая, посинев от обилия дыма, каким-то образом умудрилась донести через всю палатку до меня небольшой поднос, ни разу его не уронив.

Отпустив её дышать кислородом, а не прогоревшим содержимым трубки Лоя, я принялся за бутерброд. Еда вышла на славу, да и голод не спал, так что его мне удалось осилить едва ли не за один укус, после чего сразу же захотелось чем-то запить. Отвлечённый очередной идеей Эльта, который, кажется, планировал уже третий по счёту разгром неких «основных сил противника», я не глядя отпил кофе.

«Почему это на вкус как боль?!» — была моя первая реакция на напиток.

Жидкость пробыла у меня во рту всего мгновение, а мои лёгкие, желудок и половина других органов уже попросились на выход. Лой Ноктим помог мне прокашляться парой увесистых хлопков.

— С вами всё в порядке, командующий? — с сочувствием спросил старик.

— Да, просто кофе очень, кхм-кхм, своеобразный.

Это была самая мерзкая ложь в моей жизни. Субстанция, которую я только что употребил, не напоминала бодрящий коричневый напиток ничем, кроме цвета! Это была мерзкая, тягучая жижа, со вкусом как у арбузного варенья и запахом переспелых помидоров, политых мёдом! Кое-как оклемавшись, я дослушал доклад Эльта. Благо, тот уже закончил и стоял, явно ожидая моей реакции.

— Что скажете, командующий? — нисколько не сомневаясь в своей гениальности, осведомился капитан.

«С такими планами победа нам может только присниться», — едва не ляпнул я первую пришедшую на ум мысль.

Потребовалось немало сил, чтобы удержаться и сделать вид, что пью кофе — воспоминания о вкусе последнего были ещё слишком свежи.

— План хороший, но мне кажется, стоит поменять пару незначительных деталей...

— Готов выслушать любую критику, командующий! — гаркнул Гоа.

— Ну, как бы сказать помягче, капитан. М-м-м, всех, что после переправы. Впрочем, наши планы касаются её я бы так же изменил.

— Да, мне тоже кажется, что этот рывок к горам после штурма вражеской крепости... — попытался выкрутиться Эльт.

«Ага, конечно, только в этом проблема. То, что с помощью твоего плана на карте можно призывать демонов, видимо так — побочные эффекты!»

Впрочем, и эту фразу тоже вслух никто не произнёс. Эльт и остальные могли гордиться какие угодно себе планы победы, но действовать мы будем по-моему. Уже хотя бы потому, что дай им волю — непременно всё, что у нас выйдет, это воплотить наяву пословицу про лебедя, рака и щуку. Главное командовать аккуратно, чтобы никто и заподозрить не мог, что командующий здесь я.

— Нет, не здесь, тут, — начинать надо было с малого и желательно чего-то, что грозило случиться уже сегодня, а планы на завтра можно будет изменить и завтра.

Встав, я ткнул пальцем на ту часть карты, где находились река и линия, указывающая на переправу через неё. Сразу же раздались удивлённые голоса:

— Переправа?

У меня не было сомнений, что придётся много спорить, но чтобы вот настолько по мелочам — это впечатляло. Пришлось отвечать:

— Да, переправа: вода, лодки, вёсла, комары и прочая дребедень. Переправа! А куда мы переправляемся?

Все замолкли, ожидая либо подвоха, либо же какую-то сверх гениальную мысль. Последние меня сегодня, после пережитого, особенно выпитого «кофе», уже вряд ли посетят, а вот подвохов было сколько угодно.

— На другую сторону реки, командующий, — прервал тишину Лой Ноктим.

— Замечательное наблюдение! — с более чем различимым сарказмом прокомментировал я и не менее едко добавил: — Там голое поле!

Все послушно закивали, соглашаясь с тем, что это верное наблюдение до сих пор никем не было замечено. Кроме тех, кто составлял карту, делал на ней пометки и рисовал наши планы. То есть всех людей, собравшихся в штабе, скорее всего, включая меня самого, а вернее Рейланда Рора.

— На равнине легче развернуть войска после переправы, командующий. — Неожиданно голос подал Леон Сайрас, который, как мне казалось, представлял глаза и уши короля, а не стратегическое и тактическое мышление и вообще был здесь не для того, чтобы со мной спорить.

— Ага, а ещё в поле легче застать армию после переправы врасплох! Особенно, если нашему противнику никуда переправляться не надо, — я выразительно постучал пальцем по отметке, которая ясно свидетельствовала, что где-то там, на другом берегу реки, нас ожидали «лунные».

— Почему? — невозмутимо уточнил граф.

— Потому что, как мне сказал один умный человек пару секунд назад, в поле легче развернуть войска.

Кажется, к такому откровению никто не был готов. Тем не менее Леон спокойно пожал плечами:

— В первый день никто не нападает. Сначала командующие должны встретиться — так велят традиции.

Я выразительно покачал головой, отказываясь принимать это как есть, попутно отмечая для себя новую деталь про встречу командиров. Не знаю, насколько справедливы были слова графа, но лично мне была известна другая традиция всех конфликтов: «Сделай подлянку другому, пока он не сделал её тебе».

— А после? Ночью, рано утром? Вас послушать, так на нас вообще никто нападать не будет! Традиции же! Нет, если мы переправимся здесь, то нас ждёт ловушка.

Внимательно посмотрев на карту, мне приглянулось совсем другое место.

— Тут. По-моему, эта клякса выглядит неплохо. Мне она нравится!

— Но там же глухое болото! — взвился Леон.

— Не болото, граф, а сложная природная экосистема с обилием воды, жаб и грязи! — я решил свести спор к семантике, однако увидел, что одного этого занимательного факта явно недостаточно. Пришлось добавить чуть больше разумных доводов. — Там мы сможем спокойно провести переправу, не боясь нападения. Солдаты как-нибудь переживут плохой запах и обилие грязи. Форму можно отстирать.

— Мы будем оттуда неделю выбираться, — скупно заметил Лой Ноктим.

— Построим гати, соорудим плоты, раздадим мокроступы, разведка разыщет безопасные тропы — управимся за пару дней.

Несмотря на это, особо никто моей идеей не загорелся. Кроме меня, за план выступал разве что капитан Эльт, которому, похоже, было всё равно, через какие препятствия пробираться — главное, чтобы на другой стороне его ждало сражение. Остальные в лучшем случае молчали, либо же, что гораздо хуже, как Леон выступали против.

Это был полный провал. Я множество раз видел подобные ситуации у себя в офисе. Тут всё просто: либо ты ведёшь людей за собой в бильярд, либо плетёшься в хвосте, надеясь, что они придут хотя бы не в вегетарианское кафе, где тебе придётся три невыносимо долгих часа делать вид, что стейк из травы — это очень вкусно.

А тут, между прочим, ставки были куда как выше! От того, останусь ли я командующим, напрямую зависели мои шансы на возвращение домой.

Ещё один взгляд на доску, разукрашенную Эльтом, на Ноктима, который безучастно сидел чуть поодаль от остальных, и на Леона, который с кем-то спорил, но своих идей не предлагал, подтвердил, что без меня эти люди никуда не уйдут.

Неожиданно раздался голос человека, от которого я, пожалуй, меньше всего ожидал получить поддержку — Кейла Ресса.

— Должно получиться, — коротко заметил он.

Все присутствовавшие, особенно я, удивлённо на него посмотрели. Похоже, не только для меня такое вмешательство оказалось полной неожиданностью. Он и вправду до этого сидел отстранённо, с самым невозмутимым видом.

Пока все удивлялись, Кейл подошёл к карте и уверенно прочертил угольным карандашом путь сквозь болото.

— Там есть тропа. Дождей не было.

— А если вы ошибаетесь, шпион? — особенно подчеркнув голосом последнее слово, спросил Леон.

Кейл же на это даже не обратил внимание, крайне уверенно заметив:

— Мы сумеем пройти.

Это было мощно. Расклад сил мгновенно изменился, и теперь уже не я, а граф Сайрас оказался в меньшинстве. Поняв это, он недовольно осмотрел всех и сел, заметив напоследок:

— Это безумие.

Кейл тем временем повернулся в мою сторону и посмотрел мне прямо в глаза своим фирменным взглядом, от которого у меня пробежали мурашки по коже. Этот человек определённо был на моей стороне, но если так, то почему мне это не нравится?

Подумать над этим мне не дали. Кейл Ресс привлёк моё внимание, подойдя ближе.

— Перед переправой будет не лишним лично убедиться в надёжности пути. Разрешите идти?

И снова этот взгляд с вызовом в нём, напомнивший мне о том, что здесь происходило что-то ещё. Не просто так Кейл вдруг вступился за меня. Скорее он был за себя. Вздохнув, понимая, что не могу отказать, я кивнул, показывая, что больше его не задерживаю.

— Но что насчёт встречи? — встрепнулся граф, стоило разведчику выйти. — Если она пройдёт рядом с болотом, то толк от ваших манёвров? И так будет ясно, где мы переправимся.

— Значит, переправлюсь, как и задумывалось первоначально — на равнину, проведу эту встречу и на лодке спущусь вниз по течению...

— Вверх, командующий, мы будем от вас вверх по течению, — подозрительно поправил меня граф. Видя, что это никого не заботит, кроме него, он достал из рукава ещё один аргумент: — Кроме того, вы не опасаетесь нападения? Раз уж вы так уверены, что оно будет, то что помешает «лунным» атаковать персонально вас?

— Как вы уже сказали, традиции.

— Но...

— То, что сработает на меня одного, вряд ли распространится на целую армию, — я видел, что Леон хотел ещё что-то сказать, но мне откровенно надоели эти препирания. — Если у вас или у кого-то есть идея лучше — готов разнести её в пух и прах.

Кроме упрямого графа больше никто не захотел высказаться против. Сам же он, после такого предложения, ступешался и, не найдя поддержки, отступил.

Впрочем, как и я. Смысла вместе с полевыми командирами продумывать отдельные детали всё равно не было. По крайней мере, с моей точки зрения. Главное было обозначить вектор движения, а, оказавшись на месте, Эльт или Ноктим всё равно всё сделают по-своему. Если же они получают от меня конкретные указания что, где и как делать, то сначала впустую потратят время, обдумывая, как обойти приказ, формально ничего не нарушая. Так зачем тратить их и особенно своё время?

Мне оставалось только сидеть в отдалении, кивать, делать глубокомысленный вид, и демонстративно попивать пустую чашку из-под «кофе». Саму жижу я тайком вылил в вазу с окурками. Те почему-то расплавились.

Меня потревожили чуть позже, когда за столом дошли до некоего консенсуса по поводу переправы и преодоления болота. Ко мне, дымя своей трубкой, подошёл Лой Ноктим.

— Командующий, всё же, если с вами что-то случится, то мы хотели бы знать план дальнейших действий.

«Ха-ха, план! До завтрашнего дня дотянуть бы!»

— Победить лунных, разумеется.

— Но-о... — кажется, Лой ожидал немного другого ответа.

— Хе, у вас другие планы?

— Нет, командующий, — старик усмехнулся в трубку и отошёл.

Вроде этот вопрос уладили, как вновь ожил Леон Сайрас, который, кажется, только и

искал повод поспорить.

— Вы не находите, что мы ваш штаб и должны быть в курсе планов на случай вашего отсутствия? По тем или иным причинам.

— Если со мной что-то случится, то, очевидно, штабу в любом случае придётся менять планы.

— Мы могли бы составить несколько планов...

У меня заболела голова, как от удара чем-то тупым. В данном случае — этим высказыванием. У него не было своих идей, мыслей, даже намёков на них. Даже простое желание поспорить назло — и то было бы понятнее! Но Леон спорил со мной исключительно из-за своих подозрений, чем впустую тратил время и силы.

— Мы действительно можем так сделать. Потратим на это пару лишних вечеров, только зачем? Мы не сможем предугадать всё, так зачем пытаться? Есть великая фраза на этот счёт: любые планы хороши, пока они не начинают осуществляться. Сконцентрируйтесь на том, что есть, остальное станет понятно по ходу!

Установилась напряжённая тишина, понятно было, что мой подход не всем по душе. Замечательная, предельно справедливая армейская система твердила, что всегда должен был быть план. Ведь это так удобно, когда вместо своей головы у тебя есть приказ! В случае успеха все плюшки достанутся тебе, а если неудача: ну, так ты просто исполнитель, виноват командир.

Фраза о том, что они должны будут действовать самостоятельно, напугала моих офицеров больше, чем подкроватный монстр или гвардия Тофхльема — а эти ребята, если судить по воспоминаниям Рейланда, умели пугать!

Где-то в этот момент я поймал себя на мысли, что становлюсь моим альтер-эго всё сильнее и сильнее сам того не замечая, причём за считанные часы.

«Что же со мной будет через неделю? Я так своё имя забуду! Рей...» — и тут до меня дошло, что шутка-то не шутка.

Своё имя я, конечно же, ещё не забыл. Но как быстро это произойдёт под давлением окружения и необходимости притворяться? Это пугало до дрожи.

Тем не менее шоу должно было продолжаться, и мои подчиненные ожидали этого.

— Планы, карты, предосторожности — это всё нам нужно, но не стоит на этом заикливаться! — продолжил я, даже не пытаясь вспомнить, на чём остановился. — Они не помогли в прошлый раз, не помогут и сейчас. Так оставим их «лунным»! Пускай сидят, планируют — у них это хорошо выходит! Мы же будем идти вперёд весь день и ночь! И пускай не удивляются, когда наша армия окажется у них в тылу!

Я громко хлопнул по столу, ставя своеобразную точку.

— Плевать на карты! Болото — осушим, река — построим мост, горы — проложим шахты! Пока наши противники будут изучать свои карты, мы будем их менять! Если понадобится, перекопаем хоть всю местность! На любой их план мы ответим своей непредсказуемой...

Мне пришло на ум, что слово «тупизной» здесь явно лишнее. К счастью, мою мысль к тому времени уже подхватил Эльт:

— Оригинальностью!

— Именно, капитан!

Настроение в палатке разом изменилось. Гоа Эльт, похоже, уже вовсю планировал, что могла натворить его бригада если выдать им хотя бы лопаты, Лой Ноктим тоже остался

доволен, хоть и по иному поводу. Даже графа Сайраса моя речь проняла. Во всяком случае, против он ничего не высказал. Вслух. Ну, или я его не услышал.

Встреча

После моей речи и обсуждения каких-то мелочей, совещание в штабе решили закончить — время было уже поздним, требовалось переправляться.

Когда я покинул палатку, на улице уже стояла вечерняя полутьма. Нельзя было затягивать с этой «традиционной» встречей, хотя она и мне казалась сушей глупостью. Так или иначе я теперь был Рейландом Рором. Странности — это одно, а вот коренное изменение поведения и попытка идти против течения могла вызвать много лишних вопросов, отвечать на которые, возможно, придётся при участии раскалённой кочерги.

А ведь пока закончится весь церемониал и моя нога ступит в новый лагерь, дело могло перевалить далеко за полночь — а хотелось бы ещё и поспать.

Для переправки на противоположный берег и последующей встречи с предводителем «лунных» мне выделили лодку и аж двух капралов, которых, судя по всему, звали Гребибля и Гребубля. Во всяком случае, ничего другого они не говорили.

После всех моих сегодняшних «приключений» это небольшое путешествие выглядело чем-то лёгким и даже расслабляющим: вечер, природа. Так мне казалось вплоть до того момента, как лодка причалила.

Разумеется, первое, что я сделал, ступив на твёрдую землю с другой стороны реки, так это весело наступил на какую-то кочку, которая только выглядела твёрдой. Только с помощью «гребанных» капралов мне удалось не уйти в ил по самую благородную свою часть.

Дальнейшее путешествие проходило ничуть не легче. Идти по заросшему полю, которое едва видно в темноте — удовольствие сомнительное и травмоопасное. Фонари же взять никто не догадался, а ночь стояла безлунная, тёмная. Ведь и предположений не было, что после заката последует ночь! И хуже того — будет темно! Пришлось уткнуться носом себе в ноги, высматривая каждый камешек. Радовало хоть то, что куда именно требовалось идти, видно было прекрасно.

Вдалеке на небольшом холмике стояла здоровенная палатка, весьма неплохо освещённая. Нас в ней, судя по всему, уже некоторое время ждали. И если я всё правильно рассчитал, то довольно долго. Судя по воспоминаниям Рейланда, эти традиционные встречи проводились на закате. Символизм, все дела.

Где-то на полпути я неожиданно понял, что света с холма стало заметно больше. Причиной тому была та самая палатка на холме. А точнее огонь, который «обнял» её со всех сторон. Вокруг плясали тёмные силуэты, судорожно пытающиеся её потушить, не имея при себе ничего, кроме желания это сделать.

Я, сбавив ход, слегка улыбнулся — всегда приятно совершать променады глядя на то, как кто-то носился, словно при пожаре. В данном случае так ещё и буквально.

К тому времени как мы втроём взобрались на холм, палатка уже окончательно догорела, оставив после себя только неприятный запах и закопчённых с ног до головы несостоявшихся пожарных.

«Лунных» насчитывалось человек пятнадцать. Не сказать, что они сильно от нас отличались: похожая форма других цветов, примерно те же знаки различия. Пара человек держала, несмотря на полную бессмысленность данного действия, знамена. В темноте абсолютно не было видно, что именно они из себя представляли, но, надо понимать, там

находился флаг королевства Тофхельм, знамя «лунных» и какой-нибудь штандарт.

Командующий противника, точнее командующая, стояла, освещенная всего одним фонарём, периодически бросала злобные взгляды своих серых глаз на растрёпанного, полноватого адъютанта. Судя по тому, что выглядел он как шахтёр, несколько суток подряд добывавший уголь — он и был причиной пожара.

Её имя Рейланду было очень хорошо известно. Недаром он от него рефлексивно кривился — Ноа Кейтлетт. Наверное, она была даже по-своему красива: светлые, почти белые волосы, хорошая из-за многочисленных тренировок фигура, средний рост, однако Ноа никак не старалась это подчеркнуть или обозначить. На ней был в общем-то обыкновенный мундир, пускай и отличительный из-за наград и регалий, как у меня самого или других офицеров. Будь у неё немного иной тип фигуры и волосы буквально на пять сантиметров короче — её можно было бы перепутать с мужчиной.

И что-то мне подсказывало, даже без всяких обращений к памяти моего альтер-эго, что всё это было сделано совсем не случайно и не из праздного желания выделиться. Напротив, судя по всему Ноа как раз желала обратного. Только дело тут было совсем не в одежде.

По виду Ноа Кейтлетт была прилично так не в духе. Одна причина в лице юного косплеера Герострата, сжёгшего не храм, но палатку, стояла рядом. Другую подсказала мне память Рейланда: эти двое были о-о-очень давними знакомыми. Каждое участие моего альтер-эго в играх не проходило без очередной встречи с этой дамочкой. В некотором смысле они были парой, только в отличие от прочих пропустили конфетно-букетный период и перешли сразу к главному: необоснованной взаимной ненависти.

Третья же причина недовольства стала понятна после первой же фразы Ноа:

— Мы ожидали тебя ещё вечером, Рейланд! — предельно возмущённо заявила она, сразу же повысив голос.

— Меня нужно долго ждать, сложно добиться и невозможно забыть, — ответил я на претензию колкостью. — Видел, вы даже палатку поставили. Неужели это должен был быть ужин на природе?

Ноа, которая была несколько меньше ростом, вытянулась, словно надеялась что-то там найти, заглядывая мне за спину.

— Где твоя армия? Где знамя? — так ничего там и не найдя, с презрением в голосе удивилась она.

— Моё знамя всегда со мной, — я похлопал себя по груди. — Армия же там, где ей нужно быть, согласно приказам. Да и твою что-то тоже не видать. Прячешь её, наверное, да?

— Ты нарушаешь все традиции! — недовольно встрепенулась Кейтлетт от такого ответа.

Удивительно, но пререкаться с ней, хотя фактически мы были не знакомы, мне даже нравилось. Это было чем-то крайне знакомым, почти привычкой. Поэтому разговор с Ноа проходил куда как легче чем с Миюми или тем более Кейлом Рессом. Слова сами лились из меня нескончаемым потоком сарказма и издёвок.

— Ой, да ну! Только те из них, которые кажутся мне глупыми или неудобными. Вот к чему было тащить эти флаги сюда в полной темноте?

— Они подчеркивают наш боевой дух...

— Да, душок у вас тут так себе, — я выразительно принюхался к ароматам пепелища.

— Потому что ты должен был прибыть на закате! — вспыхнула Кейтлетт. — Подарить часы?

— Нет, спасибо, у меня уже есть. Два раза в сутки они даже показывают верное время.

Ноа поджала губы и бросила на меня взгляд, полный такой злобы, что сразу во мне пробудила воспоминания Рейланда, которые я сразу воспроизвёл вслух.

— Знаешь, твой взгляд напоминает мне о том, как мы познакомились. Тогда ты смотрела на меня так же.

Ноа смущённо огляделась, похоже, она не горела желанием, чтобы эту информацию услышал кто-то ещё. Однако меня было уже не остановить. В такие моменты говорил не столько я, сколько Рейланд Рор. Мне даже не надо было думать — слова сами летели из рта:

— Лес, он, кстати, неподалёку отсюда, ливень и я — зелёный новобранец, четырнадцатилетний пацан, отбившийся от своих. А тут ты со своей бандой.

— Не бандой, а ротой! — возмущённо поправила меня Ноа, явно рассчитывая, что на этом рассказ и завершится.

Очень и очень зря.

— Не вижу разницы. Вас семеро на меня одного.

— Хорошо мы тебе тогда по рёбрам настучали, да? — напомнила, что всё было не в «одну калитку», Ноа.

— Уверен, ты тысячу раз потом пожалела, что просто не отправила меня домой, а решила поиздеваться.

— Не смей! — предупредила Кейтлетт, отлично зная следующую часть рассказа.

— А ведь ты была так близка: там, с другой стороны переправы было всего два десятка уставших бойцов — для вас сущая мелочь. Кто бы мог подумать, что канат парома, на котором вы, попинав меня, решили переправиться, всё же загорится, а? Просмоленный канат, который уже неделю мок под дождём?! Я пытался его поджечь целый час, сам не веря в это! А он возьми и загорись! И ты это увидела.

Лицо Ноа озарил непередаваемый гнев:

— Да ты хоть знаешь, сколько мы выбирались из того болота, в которое нас смыло течением?! Трое суток! По горло в тине, в компании с лягушками!

— Ха-ха-ха, уморительное, наверное, зрелище, жаль, не удалось увидеть, — я не сдержался и рассмеялся, наблюдая за её реакцией. — Меня в это время награждали, знаешь ли, как человека, спасшего...

Похоже мне стоило слегка поубавить обороты. Кейтлетт определённо была близка к тому состоянию, когда кидалась на людей с оружием наголо, благо таковое у неё при себе имелось. В темноте не было видно, что это конкретно за образец острой стали, но по воспоминаниям выходило, что Ноа предпочитала шпаги, рапиры и всё такое.

— Чай, кофе, потанцуем? — миролюбиво предложил я, не особенно осознавая, что Ноа Кейтлетт это кино вряд ли смотрела и отсылку понять не могла.

Вполне ожидаемо, от такой наглости её аж передёрнуло. Судя по всему Ноа здорово так подбешивало моё поведение, а меня, наблюдающего за её реакцией, наоборот, распирали азарт уколоть посильнее. Рейланд, надо сказать, судя по тому, с какой легкостью всё это лилось изо рта, обычно занимался примерно тем же. Наверняка с примерно теми же последствиями.

— Нет, я бы, конечно, мог предложить тебе нечто более романтическое, вроде ужина при свечах, но одну палатку ты уже сожгла, а вторую...

Мою речь прервал просвистевший мимо уха небольшой объект. Один из моих капралов услужливо поднял его и вручил мне. Это была небольшая дамская перчатка. Я, отметив про

себя, что некие общие культурные обычаи здесь ничем не отличались от земных, показательно лениво отреагировал:

— Дуэль? Фу, как банально.

Последнее, что мне сейчас нужно — это настоящий поединок. Вряд ли мой богатый опыт просмотра различных кинофильмов и чтения книг тут как-то поможет. Махать языком — это одно, а вот мечом...

Рейланд, конечно, благодаря тренировкам был дьявольски быстр и силен и умел размахивать всякими заточенными железяками, но эта его часть пока ещё до меня не добралась. Наверное. Проверять в любом случае не очень хотелось. Однако Ноа уже схватилась за ножны.

— Да, дуэль, здесь и сейчас!

— Здесь? На склоне холма в полной темноте? — уточнил я, обводя рукой окружение и надеясь, что в её светловолосой головушке всё же возобладает голос разума. — Нет, уволь, мои ноги мне ещё пригодятся.

Эта отмазка Ноа не очень устроила.

— Трус!

— Я называю это рациональностью. Кроме того ты уже забыла про свои традиции?

Удивительно, но после этого укола она действительно успокоилась. По крайней мере по части открытой агрессии. Вербальная же осталась на своём месте в полном объеме:

— В следующий раз ты так просто не отделаешься, трусливый наглец!

Кейтлетт фыркнула и, больше ничего не говоря, пошла прочь вместе со своими подчинёнными. Я, задумчиво посмотрев на её перчатку в руке, поступил так же — нужно было вернуться к войскам, поспать пару часов и начать думать над тем, как всех тут победить. Желательно легко, просто и без моего непосредственного участия.

Прикорнуть в ту ночь мне удалось всего на пару часов. Аккурат после того как на другой берег реки переправился последний солдат из моей армии. Другим офицерам и особенно солдатам в этом плане повезло сильно меньше: работы было много, а времени мало. Немногим из них удалось урвать себе хотя бы час на отдых.

А затем вошло солнце, и не до сна стало и мне тоже. Впереди были болота, не самые опасные из возможных, но всё равно крайне неприятные...

Но прежде снова были сны. Они нашли меня и здесь: в ином мире, в ином теле. Только теперь часть из них обрела смысл.

«Сны — эхо сильных переживаний»

Мы шли высоко в горах. Я и Ноа. Не первый день, по далеко не самому простому маршруту. Бездонного обрыва здесь не было, но тропинка среди скал постепенно уходила вверх, поднимаясь всё выше и выше, из-за чего дыхание начинало перехватывать, ветер становился сильнее и периодически предпринимал попытки сдуть нас вниз. Кроме того становилось ощутимо холоднее и не только из-за наступления ночи.

Было и ещё что-то, что давило на нас двоих. Но во сне это ускользнуло от меня, как и тот факт, почему этот путь мы проделываем вдвоём и когда это случилось. Или не случилось.

Самым неприятным оказалась длина маршрута. К тому времени как солнце уверенно покатило к горизонту и стало крайне быстро темнеть, ничего хотя бы отдалённо похожего на укрытие нам с Ноа найти не удалось. Разбивать же лагерь посреди продуваемой всеми

ветрами каменной тропинки было занятием из тех, попробовать которые можно было лишь раз в жизни. Последний.

— Предлагаю тут и остаться в комичных позах! — перекрикивая ветер, попытался пошутить я. — Когда нас найдут археологи, поднимем им настроение!

— Заткнись и иди! Это из-за тебя мы здесь! Форт должен быть где-то поблизости.

— Я бы на его месте давно сбежал! Куда-нибудь на юг, в Занзебал: пляжи, пальмы, жуй кокосы, ешь бананы.

Искомое — заброшенный горный форт — удалось отыскать лишь к тому моменту, когда от солнца на горизонте осталось лишь бордовое пятнышко, а из носа начали свисать небольшие сосульки.

Это место представляло собой небольшую квадратную башню, обнесённую невысокой стеной. Время и соседствующие горы ничуть не пожалели сооружение. Восточная его часть оказалась целиком погребена под завалом, а в башне в паре мест зияли подозрительные дыры.

Похоже тут природа вела свой собственный бой, постепенно побеждая. Впрочем, забираться в сооружение, которое и в целом состоянии со всех сторон продувалось, мы не собирались. Благо возле одной из стен обнаружился какой-то погребок.

Забившись внутрь, я сразу же достал припасённый факел и принялся, задорно постукивая огнивом, пытаться добыть огонь.

— Я бы на твоём месте не стала этого делать, — приняв хавшись, посоветовала Ноа.

— Это ещё почепфффуууууууу...

Мне наконец удалось высечь искру. В ту же секунду я, словно угодив на чемпионат по надуванию шариков, принялся дуть на огонь, пытаюсь затушить. Что удивительно, мне это даже удалось.

Причиной такого поведения стало то, что мягкий свет осветил помещение, открыв взору ряды одинаковых, очень характерных бочек. В некоторых местах они потрескались и из них высыпалось содержимое: черный, зернистый порошок.

— О боги, Пор! Этому пороху лет пять, не меньше. Он поди отсырел, и его бросили, когда ещё здесь в последний раз был гарнизон.

Кейтлетт забрала у меня огниво, куда быстрее добыла огонь и показательно ткнула факелом в одну из кучек. Раздалось не предвещающее ничего хорошее шипение, во все стороны посыпались искры, а огонь быстренько побежал к бочкам.

Мне вдруг захотелось прочитать целую лекцию о том, почему тыкать зажженным факелом в порох — идея вредная для здоровья. К сожалению, время было сильно ограничено.

— Валим!

Преодолевая звуковой барьер, мы понеслись прочь от погреба к башне, надеясь найти укрытие если не в ней, то хотя бы за ней. Не знаю, сколько мы побили скоростных рекордов, но стена взорвалась именно в тот момент, когда мы залегли с противоположной от подвала стороны башни.

Мир ощутимо содрогнулся, послышался Грохот с большой буквы, а с неба пошёл каменный дождь. Мне же с Ноа оставалось вжаться в холодную землю как можно сильнее и молиться всем известным богам, чтобы наши «маленькие» проделки не вызвали полноценный обвал, сход лавины или иные сугубо горные неприятности.

Когда всё чуть поутихло, я осторожно открыл один глаз и, отряхнув пыль, встал,

оценивая разрушения. От стены практически ничего не осталось. Ту её часть, что не разворотило взрывом, накрыло каменным градом. Она и раньше была так себе, а сейчас от неё и вовсе остались лишь отдельные, напоминавшие зубы куски.

— Отличная работа! — ехидно заметил я, не особо задумываясь над тем, что после такого наши уши заложило просто намертво.

Первым слух вернулся к моей спутнице.

— Что это за звук? — озадаченно оглядываясь, поинтересовалась она.

— Звук отсыревшего пороха! — злобно шикнул я, не придавая этому значения.

Тем не менее мне тоже удалось различить какой-то странный не то скрип, не то свист. Пока Ноа вертела головой, пытаясь найти источник шума в окружающем нас ландшафте, я догадался поднять голову и посмотреть на башню.

Не нужно было быть архитектором, чтобы понять, что этому сооружению приходит полный, безоговорочный конец. Башни, за малым, чудовищно нефотогеничным исключением, ровные и направлены вверх, а не стоят наискосок, подозрительно раскачиваясь.

Секунду, может, чуть больше, во мне теплилась надежда, что она рухнет в сторону взрыва, но затем налетел ветер, который в очередной раз доказал, что он нам совсем не друг.

Размышлять времени не было. Ноа Кейтлетт всё также стояла, не понимая что происходит. Я не придумал ничего лучше, чем схватить в её охапку и, мгновенно получив пощёчину, рвануть в припрыжку прочь от злосчастной башни.

— Поздравляю, ты сломала форт! — на ходу крикнул я, а затем мне в затылок чем-то хорошенько прилетело, сбив с ног и заставив героично потерять сознание.

Наверное, это была башня или иной кусок раскуроченного нами форта.

Светлая голова в окружении лентяев и идиотов

АКТ II — МАНЁВРЫ

Судьба любит выкидывать смешные штуки. По крайней мере, она считает их таковыми.

Когда-то в семье королевского писаря и фрейлины родилась прекрасная, белокурая девочка с пронзительным, очень умным взглядом. Тогда все были уверены в будущем ребёнка. Выйти за принца ей не грозило: они с детства друг друга терпеть не могли — Ноа постоянно отбирала у его высочества игрушки. Но даже несмотря на это, выгодных партий при дворе было более чем достаточно. Графиня, а, может быть, даже и герцогиня Кейтлетт звучало вполне солидно. Хорошее, размеренное, надёжное будущее.

Каковы шансы, что это прелестное белокурое создание вырастет совсем не таким ангелочком? Причём слово «таким» вставляют в данном случае исключительно из вежливости.

Кто бы мог подумать, что пройдёт совсем немного времени, и эта девочка, которая терпеть не могла уроки манер, вышивание и ежедневные танцы, назло всему свету вызубрит эти дисциплины назубок. Впрочем, как и большую часть местной библиотеки. Кому бы пришло в голову, что среди вороха мёртвой информации Ноа предпочтёт манерам и танцам фехтование и военную тактику? И уж никто точно заранее знать не мог, что маленькая белокурая девочка в прелестном платье, которой совсем недавно стукнуло десять, соберёт небольшую котомку и отправится участвовать в Играх, где нет места ни детям, ни женщинам. Попасть в солдаты ей точно не грозило, а вот на кухню — запросто.

Последняя часть как раз очень даже предсказуема. Судьба любит такие сюжеты. И хотя ни отец, ни другие люди из ближнего окружения о таком и подумать не могли, Ноа в свои десять станет настоящей легендой тех Игр. Ярким символом, который одним своим видом принесёт Тофхельму победу...

Ноа Кейтлетт судорожно проснулась, прерывая сладкие воспоминания давно минувших дней. Повращав глазами, она поняла, что уснула прямо на собственном столе, щекой упав на какие-то бумаги. Глянув в зеркальце и убедившись, что ещё не изданный приказ войскам надёжно отпечатался у неё на щеке, превращая командующую в ходячую прокламацию, она раздражённо фыркнула.

«Проклятый Рейланд Поп!»

Ни один человек на свете не доводил её до белого каления так, как этот выскочка! Обычно Ноа удавалось оставаться холодной и собранной в любой ситуации, но если дело касалось этого наглеца...

Каждое его слово, каждый жест, даже взгляд вызывали в ней, в Ноа Кейтлетт, которую солдаты тайком называли «ледяной сукой», приступы гнева. Вчера же он был даже больше чем невыносим! Словно в него вселился какой-то особенно язвительный шутник, решивший, что достать её будет смешно.

Всю свою сознательную жизнь Ноа только и делала, что доказывала окружающему

миру, что она гораздо больше, чем кажется. И речь совсем не про рост. В одиннадцать лет она фехтовала лучше, чем кто бы то ни был в её окружении. Даже сам король Хоаким Клык не рисковал выходить против неё!

«Впрочем, он в последние годы чаще держится за свою фляжку, нежели за оружие», — мысленно усмехнулась Ноа.

«Набегается, будет обычной девчонкой, нарожает детишек и будет жить счастливо, как все!» — так говорили про Кейтлетт окружающие, опасливо оглядываясь перед тем, как это сказать, в её неполные двенадцать.

В шестнадцать Ноа после громадного скандала всё же произвели в капитаны. Шутка ли — самый молодой офицер в истории королевства ещё и женщина! И всё равно нашлись те, кто смел утверждать, что ей здесь не место:

«Девчонка офицер? Это всё влияние её отца на короля!»

Правда очень скоро и эти голоса предпочли молчать в присутствии Ноа. Не из страха, из уважения. Это был момент её триумфа. А затем словно из ниоткуда возник этот выскочка — **Рейланд Рор**. Чудак и наглец, которому жизнь делала подарки чаще, чем кому бы то ни было.

Он спалил стратегически важную переправу, единственную на много километров вокруг, а ему за это дали медаль и звание сержанта! Будь на его месте Ноа — её бы действия пошагово разбирала целая комиссия престарелых маразматиков.

Возглавил обречённую атаку — о мужестве новоиспечённого лейтенанта Рора написали песню. Что написали о Кейтлетт, когда она и её рота полегли возле Аркольского моста? Тридцать одну жалобу и неизвестное количество кляуз на имя короля!

Три года подряд Рейланд Рор всходил на Саум, в Риверкроссе его прославляли как живого героя. Ноа Кейтлетт одерживала победу на играх, лично поднимаясь на Саум семь раз, пускай и не подряд, в то время как некоторые «коллеги» предпочитали упоминать её, используя выражение: «в силу сложившихся обстоятельств».

Эта несправедливость сильно запала ей в душу. Одно время педантичная Ноа тщательно конспектировала все свои ругательства в адрес Рейланда. Продолжалось это ровно до тех пор, пока раздутые кипы записных книжек не начали серьезно отягощать её багаж.

Даже одни мысли о нём заставляли её чаще дышать, а изящные пальцы, достойные музыки, а не военного ремесла, отбивать по столешнице неровный ритм. Ничего, скоро она ему покажет, скоро...

В палатке командующей раздался храп, тучный такой, глубокий. Он словно принадлежал не её адъютанту, развалившемуся в одном из кресел в позе раздутой амебы на солнце, который вчера умудрился спалить палатку, а какому-то человеку без забот и проблем в этой жизни.

Ноа Кейтлетт, окинув своего подчинённого недовольным взглядом, решила сделать тонкий намёк: переставила чернильницу, хорошенько шлёпнув ей по столешнице. Реакция отсутствовала.

— Подъём! — гаркнула Ноа, чуть ослабив воротничок, прочистив горло и не то чтобы исчерпав запас намёков, а скорее всякое желание их придумывать.

Палатка разом вздрогнула, словно от взрыва. Внутрь, проверяя, всё ли в порядке, осторожно заглянул караульный, который, встретившись взглядом с командующей, поспешил убраться восвояси. Однако беззаботный храпун не соизволил должно отреагировать на эту команду, а только лениво почесал щёку.

— Зачем так орать? — меланхолично заметил Альт. — Вулканы спят столетиями, если я просплю ещё пару минут...

— Очевидно, что ты не вулкан...

— Очевидно, вы не можете быть в этом уверены до конца! — заметил адъютант въедливо. — Кто знает, может, просто в моём случае до извержения лавы и пиробластов надо просто чуть-чуть подождать? Годиков шестьдесят или...

— ...а всё ещё мой адъютант! — холодно закончила Ноа свою фразу. — Где донесения от разведчиков? Они должны были вернуться уже пару часов назад!

После встречи с Рейландом первое, что сделала Ноа, это отправила надёжных ребят узнать точное расположение его армии. Если этот наглец так же самоуверен, как и обычно, она возьмёт его тёпленьким сразу после переправы.

Альт соизволил наконец открыть один глаз и, не вставая, осмотреть помещение, словно проверяя, нет ли здесь разведчиков или хотя бы сообщений от них.

— Никто, ах-х, не возвращался, — самоуверенно заключил адъютант. — Пока вы спали...

Это уже было слишком для Ноа. Рейланд — это одно, но чтобы ей дерзил этот сопляк!

— Альт Цион! Встать смирно! — крикнула Ноа так, что на этот раз заглянули сразу два караульных, а немного погодя ещё несколько солдат.

Адъютант подхватился, вытягиваясь в нечто, что, по его мнению, являлось выполнением команды «смирно!». Хотя это больше напоминало утку, страдающую сколиозом. Альт в целом был не очень складным черноволосым юношей лет двадцати, с весьма заметным «пузиком». Обычно первое, что спрашивали, увидев его, — что это чучело забыло на Играх. Следующим вопросом выступал: «Командующая, вы уверены, что вам нужен такой адъютант?»

Тем не менее даже этот наглый лентяй хорошо знал ту границу, которую ему переходить не следовало.

— Немедленно найди моих разведчиков и узнай, где они застряли!

Адъютант сделал пару шагов в сторону выхода, но затем задумчиво почесал голову, осмысливая приказ, и посмотрел на командующую:

— Как же я их найду, если они где-то застряли? Либо застряну вместе с ними, либо...

Ноа одарила его долгим, предельно тяжёлым взглядом. Она ненавидела, когда Альт был прав, а такое случалось весьма нередко. Её адъютант без всякой иронии был гением, настоящей вычислительной машиной, запертой в слегка полноватом в области талии и в целом тщедушном теле. Захоти он захватить весь мир — у него ушёл бы на это максимум месяц. К счастью для всех, чаще всего Альт хотел только спать или есть, что серьёзно ограничивало его возможность претендовать на мировое господство.

— Ладно, отставить, — нехотя согласилась командующая. — Как ты думаешь, где они?

— В болоте, очевидно, — как нечто само собой разумеющееся заключил Альт, даже не посмотрев в сторону карты местности.

— Не хочешь пояснить свой искромётный юмор? — холодно переспросила Ноа.

Альт прокашлялся и принялся ходить взад-вперед, попутно рассказывая:

— Кхм-кхм, командующая, вы, наверное, слышали про такую южную страну как Занзебал. Там водятся очень интересные существа. Полосатые лошади! Славятся скоростью, но очень дурным нравом. Так вот, какой-то местный умник соорудил специальное седло и хотел одну такую приручить, чтобы на ней ездить!

Ноа, абсолютно не понимая, к чему это всё, сочувственно кивнула. Сочувствовала она в первую очередь нейронам Альта, которые из-за прихоти хозяина были вынуждены хранить в себе такую чушь.

— Хотел получить новую породу для кавалерии из этих злых созданий...

— Прости, что прерываю, очень интересная история и всё такое, но к чему это всё?

Альт окинул её недовольным взглядом, но всё же нехотя сократил свой рассказ.

— Да просто хотел сказать, что некоторые вещи невозможны просто по факту своего существования. Невозможно приручить существо, которое норовит тебя укусить или скинуть с себя при первой же возможности. Как невозможно найти в поле того, кого в них нет изначально. Будь Рор на равнинах, его бы уже давно заметили. Если этого не произошло, значит, его там нет. А если не отыскиали до сих пор, то он там, где проводить разведку тяжелее всего — болота, — Альт почти незаметно добавил. — Достаточно убедительно, командующая?

Ноа, пропустив последнее замечание мимо ушей, нашла на карте болото. Оно располагалось выше по течению, в нескольких километрах от того места, где она вчера встречалась с Рейландом. Переправиться там мог только форменный безумец или же тот, кто всеми силами хотел избежать ловушки.

— Ты думаешь, он решил пройти здесь? Я, конечно, всегда сомневалась в наличии у него мозга, но чтобы настолько.

Альт молча пожал плечами, показывая, что в этом он не разбирается, во всяком случае до момента вскрытия.

— Собери мой штаб, — начала раздавать указания Ноа. — И отдай приказ третьей роте прочесать лес ниже по течению реки. Я скорее поверю, что Рейланд утонул при переправе вместе со своей армией, чем полез в болото портить свой новенький мундирчик!

Штаб удалось собрать только к полудню. Часть офицеров накануне так буйно отметила грядущую победу, что сегодня с радостью обменяла бы её на полпинты холодного пива, причём чем дальше, тем хуже становились расценки.

Пока все собирались, Ноа успела отправить на прочёсывание местности ещё две роты. Это была почти треть её сил, но сейчас куда важнее было найти Рейланда, чем думать о возможном сражении.

К этому времени версия о том, что «солнечные» решили переправиться не просто через реку, а ещё через болото, оставалась едва ли не единственной. Хотя Альт самодовольно предположил, что, возможно, командующий Рор научил своих солдат летать, и сейчас их нужно искать либо глубоко в тылу, либо на небе.

— Ну и хорошо, пускай сидит в своём болоте!

Реплика принадлежала Лою Шинку, капитану первой роты. Правда, сам он предпочитал, чтобы к нему обращались по титулу — герцог. Шинку, выслушав подробности от Ноа, единственный из всех присутствующих расслабленно развалился в единственном кресле, сложив пухленькие ручки на главном своём достоянии после титула — аккуратном пузике.

Это и вправду была лучшая его часть, по крайней мере по-своему забавная. Остальное же в нём вызывало лишь неприязнь, во всяком случае у Ноа. Дурацкий парик цвета мокрой

тряпки, нелепая пудра на одутловатом лице, маленькие, близко посаженные глазки без проблеска интеллекта, и как вишенка на торте — вечный бокал вина в руке.

— Соберём силы и завтра с утра нанесём удар, — пригубив красного напитка, продолжал фонтанировать идеями Шинку. — Посмотрим, как «солнечные» будут держать удар по колено в трясине!

Говорил герцог так, словно он уже всех победил. В одиночку.

Его комментарий вызвал волну смешков. Шинку пользовался абсолютно незаслуженным авторитетом хорошего командира, хотя единственное, что он умел делать качественно — жужжать в уши «ура патриотический» бред. В этом ему точно не было равных. Герцог прописался первым среди тех, кто вчера уже успел отметить победу и поэтому сегодня выглядел слегка потрёпанным, но всё таким же самоуверенным.

— В прошлый раз мы победили, хотя имели худший состав за последние десять лет и вынуждены были атаковать. Сейчас мы в обороне, нас больше...

Он продолжал говорить, а Ноа не без презрения подумала, что по поводу состава с прошлых игр ничего так и не изменилось. Её окружали льстецы, лентяи, и она нутром чувствовала, что Рейланд Рор тоже где-то неподалёку.

— Шинку, герой Кентенберга, вы закончили? — раздражённо прервала Ноа.

Её не особо заботило, что он там говорил. Свою точку невозврата в плане взаимной ненависти они давно прошли. Разница заключалась лишь в том, что Шинку был обязан её слушать, а она его нет.

Герцог смущённо замолчал, словно получил пощёчину. В каком-то смысле так оно и было.

Город Кентенберг на прошлых играх прославился тем, что за него сражались двадцать три раза, причём победителя выявить так и не удалось. Зато удалось выявить, что командующие двух армий, которые так усердно бились, делали это по сговору в корыстных целях.

Всё бы так и осталось незамеченным, но какой-то лейтенант, Кейтлетт не могла вспомнить его имя, но запомнила фамилию — Сайрас, доложил о происходящем королю Риверкрасса. Скандал был колоссальным. Шинку тоже отметился в том районе, но отделался лишь испугом. Как подозревала Ноа, исключительно потому, что на такую мелкую рыбёшку никто не позарился.

Ноа ткнула пальцем в болото на карте и сказала:

— Если Рор действительно там, то лезть туда, чтобы его разбить, глупость ничуть не меньшая, чем пытаться переправиться.

— Так это же хорошо, командующая. Встанем рядом и будем ждать!

Кейтлетт смерила сказавшего эту чушь тяжёлым взглядом человека, который очень устал работать в детском саду. В такие моменты она ощущала себя богом. Не в смысле всемогущества, а в том, что её никто не слушал. Приказы порой нагло игнорировались, некоторые так и вовсе делали вид, что командующей не существовало, но зато как только приходила беда, все сразу бежали к ней.

— Ожиданием битвы не выигрываются, — многозначительно заметила командующая, а сама же в это время просчитывала другие опции.

Кроме непосредственной разведки местности был ещё один вариант: шпионы.

Ими негласно обменивались обе стороны незадолго до начала Игр. Традиция, которую соблюдали скорее из своеобразной вежливости, нежели надеясь на какой-то успех. Обычно

эффективность агентурной разведки стремилась к нулю: к тому времени как украденные сведения добирались до штабов, они успевали устареть настолько, что не годились ни на что, кроме растопки.

Однако у Ноа были все основания считать иначе. В стан «солнечных» внедрился сам Кайл Расс — легендарный разведчик, который на прошлых Играх добыл для неё много полезной информации.

— Были какие-нибудь сведения от Расса? — как можно невозмутимее спросила Ноа.

Тут ей важно было показать, что это лишь один из источников информации, а не последняя оставшаяся спасительная соломинка.

За ту секунду, пока Альт корчил рожу, всеми силами стараясь не сказать: «Ну, вы же только что перечитали все донесения», командующая и сама поняла ответ.

— Никак нет, — закончил это всё, наконец поборов свою язвительность, адъютант.

Спустя час бесполезных гаданий по карте, препирательств и попыток отдельных пузатых капитанов сбегать на обед, наконец явился один из разведчиков, отправленных ещё ночью. Выглядел он неважно: весь в грязи, местами побитый, очень уставший и воняющий болотом.

— Командующая, мы их нашли. Болото...

— Вот видите, Кейтлетт, — очень довольный собой сказал Шинку, даже не дослушав, — осталось их там утопить, а сейчас можно пойти и пере...

— ...они миновали два часа назад, — не обращая на него внимания, закончил разведчик. — Сейчас армия «солнечных» в пяти километрах к востоку от нас.

— Что?! — воскликнула Ноа, пытаясь перенести полученную информацию на карту.

Похоже, Рор действительно научил своих солдат летать, иначе такую прыть объяснить не получалось.

В палатке повисла тяжёлая тишина. Хоть и большая часть собравшихся были напыщенными идиотами, даже они понимали, что такая конфигурация ничем хорошим не сулила. Весь их план состоял в том, чтобы подловить «солнечных» после переправы, а получилось, что подловили их самих.

— Если мы дадим бой, то вне зависимости от результата окажемся прижаты к реке, — констатировал Альт, сразу получивший в свою сторону множество недовольных взглядов от офицеров.

Те не очень любили солдат умнее себя. Поэтому большая часть рядового и сержантского состава в присутствии вышестоящих по званию предпочитала молчать.

— Если мы начнём слушать своих адъютантов, то... — начал Шинку высокомерно.

Он хотел ещё что-то сказать, но Ноа остановила его, всем видом предупреждая, что подобных разговоров больше не потерпит.

— Оставьте свои сравнения при себе, герой Кентенберга. Мой лентяй-помощник прав. Даже Рейланд не настолько идиот, чтобы упустить такое. Нам нужно отступать.

— Отступать?! — вполне искренне возмутился герцог.

Проблема была не в том, что Шинку являлся неким бесстрашным героем, скорее уж наоборот, а в том, что подобные манёвры очень плохо смотрелись в газетах, на страницах которых Лой и предпочитал воевать, держась при этом как можно дальше от реальных полей

сражений.

— Пускай они и миновали нас, но не может быть, чтобы после такого марша они оставались в силах напасть! — завёл герцог свою привычную шарманку. — Мы можем сразить их здесь и сейчас!

Кейтлетт устало вздохнула. Ничего иного от герцога и ему подобных ожидать не приходилось. Будь их воля, вся армия уже была бы по уши в болоте, пока Рейланд успешно маршировал навстречу победе.

Горизонт планирования Шинку упирался в ближайший приём пищи и был настолько предсказуем, что тот же Альт мог предугадывать действия герцога на несколько суток наперёд.

Будь воля Ноа, подобный кадр уже давно бы отправился с Игр куда подальше, однако у Лоя был не только титул, но и множество дружков, которые держались друг за друга горой. Приходилось терпеть, спорить и объяснять простые истины, очевидные, по мнению Кейтлетт, настолько, что их понял бы даже младенец:

— Вы, наверное, уже забыли, герой Кентенберга, что треть нашей армии сейчас разбросана по округе и пытается найти армию Рора. Тогда как он, очевидно, держит свои силы собранными в кулак и только и ждёт нашего необдуманного нападения.

Пока Ноа это говорила, её внимание привлекла одна из точек на карте. Небольшой городишко, один из немногих, который вообще располагался на территории Игр, подпёртый с одной стороны озером, переходящим в болота, а с другой лесом, который упирался в речку. Если она отойдёт за эту преграду, то получит весьма выгодную опору для обороны.

Прежде чем принять окончательное решение, Кейтлетт, невзирая на недовольство своих офицеров, решила обратиться за советом к Альту:

— Что помешает Рору повернуть на север?

— Опасение того, что мы ударим ему в тыл или возьмём в тиски, — потратив на размышления не больше пары секунды, выдал адъютант, загибая пальцы. — Нежелание предоставлять нам возможность для сосредоточения сил. Риск быть отрезанным от снабжения.

Ноа Кейтлетт обвела взглядом триумфатора всех собравшихся. Никто, даже она сама этого всего не посчитала, лишь отдельные варианты.

«И Шинку будет ей ещё выговаривать за него?» — задумалась командующая на мгновение.

— Итак, мы идём на юг, — резюмировала она холодно и бросила взгляд в сторону герцога. — Возражения не принимаются. Все свободны.

«Хорошо, Рейланд, торжествуй, ты перехитрил меня. Тофхельм силён в защите, и тебе придётся сломать голову, думая над тем, как эту защиту прорвать!» — размышляла Ноа не без злорадства.

Она пригляделась к карте и едва заметно усмехнулась. Пускай инициатива осталась не за ней. Пускай газеты, всегда скорые на выводы, напишут пару статей. Не велика потеря. Однако теперь Ноа сможет сидеть, готовиться и ждать, пока этот язвительный нахал сам придёт к ней в ловушку. У неё даже волосы наэлектризовались от предвкушения сладкой мести.

Денёк у Альта выдался ужасным: командующая постоянно гоняла его то туда, то сюда с различными распоряжениями, уточнениями, пояснениями к уточнениями и прочей очень любимой ею бюрократией. Любила она её в первую и главную очередь потому, что

подчинённые в таком случае не могли отвертеться от ответственности — все бумаги дублировались в архив.

Лишь когда солнце село, а войска заняли новые позиции, адъютант облегчённо выдохнул — отдавать приказы спящим людям было бессмысленно, и это знала даже неугомонная Ноа Кейтлетт.

У Альта оставалось последнее, но очень важное дело — сходить на кухню и раздобыть себе еды. Чем он, выслушав очередную порцию причитаний командующей по поводу его медлительности, неторопливо занялся.

Возле входа в святая святых любой армии, путь ему преградил странный донельзя человек. Его странность состояла в одежде. Увидеть после поспешного марша новенькую, чистенькую офицерскую форму вкупе с пачкой медалей и иных наград было по меньшей мере неожиданно. Особенно в районе кухни. Абсолютное большинство подчинённых Ноа из числа офицеров вряд ли даже знали, где та расположена — это была не их забота.

— Эм, простите, — подал голос адъютант, привлекая к себе внимание.

Незнакомец повернулся в его сторону, окинул взглядом весьма диковинных, рыже-золотых глаз, после чего сделал вид, что зашёл куда-то не туда и поспешно удалился. Последнее было проделано настолько быстро и ловко, что Альт, даже будь у него такое желание, ничего не успел предпринять.

«Странно это всё», — подумал адъютант и как можно быстрее выкинул происшествие из головы, сосредоточившись на главном и единственно важном — вопросе своего пропитания.

Грязная голова в окружении безумцев и спорщиков

Шёл к концу второй день моего пребывания в теле Рейланда Рора. Я неплохо освоился в новой роли и теперь по большей части хотя бы не опасался того, что ляпну какую-то чушь, которая вызовет лишние вопросы. А даже если и ляпну, то всегда смогу выкрутиться без риска встретиться с раскалённой кочергой. Правда, и времени думать над каждым словом стало куда меньше.

В основном последний день мне пришлось заниматься тем, чтобы не утонуть в трясине и не позволить совершить то же самое остальной армии.

Не сказать, что мне не понравились эти болота. Нет, конечно, перспектива утонуть в жиже до боли запахом и консистенцией напоминающей кофе Миюми не из лучших, но было в топях что-то притягательное. И в прямом, и в переносном смысле. Как оказалось, смотреть на то, как граф Леон Сайрас всеми силами пытался высвободить сапоги из трясины, одновременно стараясь не перемазаться целиком в грязи, можно было вечно.

Армия выбралась из болот заляпанная по самые ноздри, но очень собой довольная. Выглядели и пахли они словно группа мальчишек, которым тайком от мамы удалось извальяться в луже, только выбравшись из дома в новой одежде.

Если верить докладам Ресса, то мы успешно обошли армию «лунных» и сейчас были от них в паре километров. Кроме того разведчик доложил, что Ноа зачем-то ещё и рассредоточила часть своих сил по окружающим территориям, словно что-то потеряла.

Я знал, что именно, и мне это льстило. Вроде небольшой, но мой первый успех на поприще командования. Хотя всё сводилось к тому, что я просто принимал решения, которые никто другой в здравом уме принимать не стал бы. Даже сам Рейланд — он бы в эти болота не полез, предпочёл бы рискнуть, переправиться в поля и там давать сражение.

Здесь мне даже играла на руку личность моего альтер-эго. Точнее то, что от него ожидали.

Разумеется, сама собой напрашивалась идея дать бой — противник был в очень невыгодном положении, только для этого неплохо было бы, чтобы войска могли поразить врагов чем-то кроме своего ужасающего внешнего вида из коллекции «я-водяной» и мерзким запахом.

Солдаты после суточного марша были вымотаны, а вот «лунные» вполне свежи, собраны и готовы к бою, хоть и с превосходящим по силам противником.

Голос Эльта, прервавший мои размышления, показывал, что в этом со мной согласны не только лишь все. Штаб я собрал по случаю преодоления болот, но и заодно, чтобы решить, что делать дальше. Точнее огласить мой вариант этих самых действий.

— Нужно наступать! Возьмём их ещё тёпленькими! — в предвкушении вещал капитан.

Он был больше похож на ожившую кочку, но это ничуть не снижало его боевой дух. К счастью, судя по полным скептицизма лицам, так считал только он один.

Граф Сайрас, который до сих пор судорожно выковыривал из своих одежд грязь, бросил на меня обеспокоенный взгляд, наверное, ожидая, что я соглашусь, но успокоился, когда увидел прямо противоположную реакцию.

— И отправим сорок вторую в авангарде, — тихо заметил Лой Ноктим, не сильно любивший своего товарища по оружию из-за разницы в темпераменте. — Пускай побеждают, раз так хотят.

В целом старому капитану было плевать: сражаться сейчас или потом. Но так как Эльт выступал «за», Ноктим был против, что, несомненно только играло мне на руку.

— И победим! — уверенно заявил Гоа. — Пока вы будете ползти к противнику.

— Кхм, — прервал я этот великолепный дискус. — Тёпленькими «лунные» нам ни к чему — пускай прожарятся получше.

Ситуация, конечно, получалась забавная. По идее нам нужно было двигаться на север, вглубь территории «лунных», к Сауму — где-то там был мой шанс победить. Однако в таком случае мы просто оставляли для Ноа и её армии приглашение зайти нам в тыл. Учитывая, что армий у «лунных» было пять штук, рано или поздно мы очутимся меж двух огней. У «солнечных» имелись такие же силы, но на союзников я не особо рассчитывал.

Напасть прямо сейчас мы тоже не могли: нужно было дать войскам отдохнуть хотя бы одну ночь. Ноа, надо понимать, за это время соберёт свои войска и начнёт что-то делать. Осталось самое малое: понять, что именно. В этом вопросе лучше было проконсультироваться у людей, проживших тут чуть больше двух дней, поэтому я решил спрашивать. Благо, уж что-то, а делиться своим мнением в штабе любили все без исключения.

— Как думаете, что будут делать «лунные»?

Первый ответ пришёл от самого опытного из участвующих. Лою Ноктиму не понадобилось даже секунды:

— Соберут войска, а затем отойдут на юго-запад. Там дорога, зажатая с одной стороны мелким городком, а с другой лесом. Лучше для обороны и не придумаешь.

К моему удивлению, на этом всё затихло. Я думал, что последует целый шквал различных мнений, однако, похоже, что все были согласны с данной оценкой. Даже Эльт. Удивительное единодушие от людей, которые обычно не могли ответить одинаково на один и тот же вопрос.

Впрочем, причины такого были очень даже понятны. Достаточно было обратиться к географии. Тофхельм — страна гор, ущелий и прочей весьма красивой издали, но вблизи неприятной местности. По такой географии несложно было предугадать, что любимая их тактика — активная и не очень оборона. Риверкросс, за который мне выпало, как говорили местные, *выступить*, напротив являлся равнинной страной, где в почёте были агрессивные яростные атаки.

Если Лой прав, то позиция для обороны у Ноа действительно выходила практически идеальной — тут даже думать нечего. Либо моя армия будет вынуждена переть в лес, либо брать штурмом город, либо же лезть мимо этих двух точек разом, обнажая фланги. Теоретически можно было обойти это всё севернее, но оттуда позиции Кейтлетт прикрывали несколько озёр и очередные болота.

Я представил, как Ноа сейчас сидит у себя в палатке и злобно потирает ручки, предвкушая победу. Одной этой картинке мне хватило, чтобы всем сердцем захотеть испортить ей этот момент. Пока у меня не оставалось других радостей в жизни, кроме как обламывать планы кому-то ещё. Оставалось придумать как.

Ясно, что нужно атаковать, иного выхода не было. Кейтлетт, очевидно, не станет этого делать ни при каких обстоятельствах. У меня как раз уже родилась одна весьма привлекательная идея.

Я кинул осторожный взгляд на своих подчинённых. Все сидели, излучая спокойствие удавов, кроме Леона, который был вынужден находиться рядом с грязным и вонючим

Эльтом. У каждого в голове уже сложился свой план. Они несомненно изучали карту не в первый раз. Любое моё решение будет оспорено. Значит, нужно сделать так, чтобы мой вариант устроил всех сразу.

Прищурившись, я посмотрел на остальных в палатке и решил начать с Эльта:

— Капитан, если бы вы выбирали направление атаки, то какое бы предпочли?

Судя по реакции, я только что активировал детонатор, спрятанный где-то глубоко в душе Гоа. Ему всегда не хватало внимания командующего и возможности рваться вперед, а тут, судя по безумному огню в глазах, всё сошлось.

— Город, командующий! Начнём с короткого обстрела, чтобы вызвать пожары, затем мои солдаты ворвутся на его улицы, сковывая противника ближним боем. Из-за дыма и неразберихи противник начнёт метаться между нашими саблями и огнём. Крики! Боль! Хаос!

Последнее он произнёс с таким надрывом, что все остальные, включая меня, вздрогнули.

— Уверен, кхм, мы разобьём «лунных»! — сбавляя обороты, прокашлялся увлечённый капитан.

— Звучит интересно, — нейтрально отметил я и перевёл взгляд на Лоя Ноктима, который, кажется, только этого и ждал.

— Лес, — сразу же заметил старый капитан, высказывая непривычную для себя торопливость и даже не дожидаясь вопроса — сразу видно, хотел не отставать от более молодого товарища.

Эти три буквы и были всем ответом. К счастью, Лой, затянувшись трубкой, всё же соизволил немного пояснить свою задумку:

— Ударим утром, когда туман с реки будет глушить звуки и снизит видимость.

Звучало, как по мне, вполне здраво и надёжно, но этого было маловато. Оба этих плана легко читались. Пожалуй даже слишком.

— Ваши мысли на этот счёт, Ресс? — обратился я к разведчику в поисках идей.

Моему вопросу разведчик если и удивился, то лишь на пару мгновений. Скорее, ему удивились остальные, ведь разведчик ничем не командовал, кроме небольшого отряда. Тем не менее свой ответ он дал после недолгих размышлений:

— Мы могли бы пройти через болота.

Мне это вариант понравился куда меньше предыдущих, но и его я на всякий случай запомнил. В конце концов мало кто мог ожидать подобного безумия дважды.

— Выждать бы день, командующий, «лунные» слишком хороши в обороне, — не дожидаясь вопроса, хотя я даже не собирался что-либо спрашивать у «ушей короля», сообщил Леон.

Эта мысль, пожалуй, была самой бредовой из всех. Тем не менее, если я хочу распутать этот клубок, нужно было сделать вид, что она также меня заинтересовала. Хорошо хоть остальной штаб был солидарен с предыдущими ораторами и новых предложений не поступило.

Проблем было две: одна состояла в том, что выбери я что-то одно, это непременно оспорят остальные. Вторая заключалась в Ноа — она наверняка все эти варианты просчитала. Ни один из них не был чем-то сверхсложным или тем более оригинальным. И это требовалось учитывать в первую очередь.

Тем временем в палатке все с замиранием ждали моего вердикта. Мне не оставалось

ничего, кроме как «обрадовать» всех сразу:

— Что ж, неплохие идеи, почти все. Так и сделаем. Начнём завтра утром.

Взглядом Леона в этот момент можно было бы убить слона. Или кого-то такого же крупного, серого и толстого.

— Какое именно предложение вам понравилось, командующий? — уточнил граф.

Я зажмурился от головной боли. Это была идеальная сцена! Которую испортили очередным глупым вопросом.

— Всё сразу.

У Леона, как и у всех остальных, отвисли челюсти. Пришлось добавить ещё пару веских слов, пока не случился бунт.

— Кроме вашей, граф, без обид, но ждать сейчас глупо, — с ехидством добавил я.

Граф вспыхнул, словно к нему кто-то поднёс спичку:

— Вы собираетесь атаковать на сложной местности, разделив армию по частям?! Или, может, командующий, у вас припасены где-то ещё три таких армии?!

— Кхм, четыре, — хмыкнув, поправил его я. — Часть сил останется со мной, чтобы атаковать прямо в лоб, по центру.

— Да это же безумие! — взорвался негодованием граф.

— Нет, это тонкий расчёт, немного авантюризма и пара капелек удачных стечений обстоятельств. Смешать, но не взбалтывать.

— Нас разобьют по частям!

— Нет, или вы хотите сказать, что у Ноа тоже четыре армии? Она так же разделит силы, только в отличие от нас, большую их часть вынужденно будет держать в тылу, готовясь направить туда, где случится основной удар. Обманем её ожидания — никакого основного удара.

Леона это не убедило. Его, судя по всему, вообще ничто не могло убедить, особенно вылетевшее из моих уст.

— Это невыполнимо! Нужно будет ударить одновременно, иначе «лунные» будут перекидывать силы с участка на участок или разделятся!

А тут он был в общем-то прав. Я упустил из виду, что коммуникации у местных строились на личном общении и редких письмах. Ожидать же изобретения мессенджеров и соцсетей было слишком скучно.

К счастью, мне попался на глаза витающий в облаках Гоа. У него на лице плавала блаженная улыбка ребёнка, которому мама разрешила поджечь костёр.

«Кажется, Эльт говорил про какой-то город?»

— А вот это, граф, уже куда более дельная мысль, — заметил я, указывая на капитана. — Эльт, вы, кажется, хотели сжечь тот несчастный городишко?

— Так точно!

— Вот на вас мы и будем ориентироваться. Дым будет видно отовсюду. Можете заодно взорвать пару бочек пороха. На всякий случай.

Глядя на Гоа, у меня проскочило смутное ощущение, что я вручаю спички маньяку-пироману. И вообще сжигать города было «немного» перебором даже для меня. Впрочем, мне нужна была победа? А значит, любые методы хороши...

— Вы что, хотите использовать город как сигнал к атаке? — кажется, Леон был готов вот-вот лопнуть от возмущения.

— Ну не я же его там построил в конце концов.

Мне никакой проблемы здесь не виделось. Даже если в этом городке остались местные жители, в чём я сильно сомневался, то они должны были понимать, где находились. Это были совсем не первые Игры, и это место должно было становиться ареной сражений более чем регулярно.

— Я отказываюсь участвовать в этом безумии! — категорично заявил граф.

— Кто-то ещё против? — я обвёл взглядом собравшихся, которые ничем не показывали, что они сильно против, хотя по лицам некоторых и можно было сказать, что идея сжигать город им не по душе. — Не участвуйте, граф, ваша воля. Сами будете объяснять королю своё поведение или это сделать мне?

Мой укол попал прямо в цель. Леон немного побледнел от такого заявления и ступешался. На секунду мне показалось, что он отступит, но вместо этого граф окинул недовольным взглядом всех присутствующих и быстро покинул палатку. Надо полагать, торопился строчить на меня кляузы и доносы.

Остальные же принялись обсуждать куда более полезные вещи, такие, например, как детали завтрашней битвы. Больше всего это напоминало попытку узнать свой гороскоп путём гадания на кофейной гуще вслепую через вытягивание из лотерейного колеса печеньки с предсказанием.

Рейланд Рор имел богатый опыт подобных размышлений, но и я сам понимал, что все эти пометки на картах придут в полный разлад, как только первый же солдат станет на пару сантиметров левее от нужной позиции. А случится это, скорее всего, ещё до того момента, как войска покинут лагерь.

Забавно, но выходило, что война — это не столько наука о том, как разбить врага, сколько навык предугадывать действия своей же армии. Те же, кто овладевал не только этим уровнем, но и научился проделывать такой же фокус с вражескими силами, становился легендой.

Через некоторое время в палатку вошла Миюми, желая мне что-то сообщить. К её сожалению, Лой Ноктим как раз подкинул угольку в свою топку, поэтому кислородная атмосфера в штабе отсутствовала и получилось у неё не очень разборчиво.

— Ко-кхе-кхе-щий кхе-ой, пр-кхе...

Я взглянул на карту, над которой опять взялся издеваться Гоа Эльт. Он успел нарисовать всего пару линий, но уже было ясно, что дело шло к очередной пентаграмме.

«Интересно, местный сатана каждый раз икает или просто добавил Эльта в игнор?» — прикинул я насмешливо.

Впрочем, никакого вреда от этого увлечения не было — мне уже удалось уяснить для себя, что остальные офицеры подпускали буйного капитана только тогда, когда тот мог фонтанировать идеями сколько угодно, но впустую. То есть либо в конце совещания, когда всё уже решено, либо в самом начале, когда ничего не решено и его отдельно взятое мнение несущественно.

Надо признать, учитывая длительность его выступлений, это было весьма практичным решением — можно было не только перекусить, но и при желании поспать, особенно если привыкнуть к периодическим выкрикам из серии: «как я попал в психушку всего за два часа».

— А потом моя бригада нанесёт удар в тыл! — обычно восклицал Эльт. — Сея хаос и разрушения! Уничтожая всё на своём пути!

С другой стороны, если оставить такого кадра, как Эльт, без контроля, то завтра можно

было увидеть его бригаду в самых интересных местах, кроме того, где он должен быть. В худшем мы вообще её больше не увидим, но регулярно будем получать леденящие душу сводки из вражеского тыла.

Но всё же прежде стоило узнать, не пришла ли Миюми по какому-то важному поводу.

— Моргни дважды, если случилось что-то немедленно требующее моего внимания.

Девушка красными, как у бывалого растамана, глазами обиженно посмотрела на меня, будто говоря, что разве она могла явиться без важной причины, и моргнула два раза. Показав офицерам, что ещё вернусь, я быстро последовал за ней.

В лагере действительно происходило какое-то оживление. Толпы немытого народа медленно стекались к нашим флагштокам, перед которыми расположился небольшой плац. Отвергнув приступ внезапного патриотизма, как абсолютно невозможный после марша по болотам, я отправился посмотреть, что происходит.

Миюми, наконец, вернувшись в кислородную среду обитания, была полна энтузиазма и радости.

«Это что ещё за покёмон?» — опасливо на неё покосившись, подумал я, попутно уже привычно пытаюсь выудить в памяти Рейланда нужные сведения.

Результат получился, надо признать, весьма противоречивым.

Гун-Гун являлся местной легендой. Чем-то средним между Локи с его постоянными попытками в ущерб себе обмануть всех и Гераклом, стремящимся совершить подвиги порой вопреки здравому смыслу. От первого ему досталось сомнительное чувство юмора и состояние рассудка, от второго неуёмное желание прославиться.

Он всегда объявлялся спустя пару дней после начала игр в лагере одной из противоборствующих сторон. Кто такой, откуда берётся, кажется, не знал даже сам Гун-Гун, во всяком случае такими подробностями он никогда ни с кем не делился.

Даже Рейланд, который встречал его не раз, как на своей стороне, так и в противниках, не смог определиться, как к нему относиться. В целом это был безобидный чудак из разряда тех, кому в радость набить пару морд и самому получить туда же. С другой стороны, чудачил Гун-Гун постоянно и невзирая на обстановку.

Когда я добрался сквозь толпу до него, Гун-Гун как раз занимался чем-то с его точки зрения важным: сидел прямо на флагштоке, жонглируя целым ворохом предметов, словно набранным с соседней свалки, и напевал какую-то мелодию.

Выглядел чудак, надо сказать, примечательно. Тонкий, словно шест, с длиннющей пегой бородой и растрёпанными светлыми волосами. Больше всего Гун-Гун напоминал познавший дзен одуванчик. Одежда была тоже под стать: какой-то безразмерный халат тёмно-синего цвета, подпоясанный странным поясом, сделанным из толстой, очень напоминавшей фитиль нити. Завершали картину красные шаровары. Ни дать ни взять живой шедевр экспрессионизма.

«Что это за... чучело?» — подумал я, откровенно таращась.

Гун-Гун же, заметив меня, ловко соскочил с флагштока, сделал сальто и поклонился, словно циркач после исполненного номера. Вместо оваций послышался грохот от брошенного им на произвол гравитации мусора.

— Гун-Гун пришёл бить врагов, улыбаться красавицам, — он сделал паузу и подмигнул Миюми, заставляя ту зардеться, — и жонглировать мусором. Гун-Гун уже закончил жонглировать!

Нисколько не удивляясь, что чудак говорил о себе в третьем лице, мне с трудом удалось

выдавить из себя улыбку.

«Интересно, а что-нибудь полезное он умеет?»

— И что умеет Гун-Гун? — поинтересовался я в лоб.

— Гун-Гун умеет жонглировать! — с обидой на лице заметил чудак.

— Не самое полезное умение на поле боя.

— Гун-Гун может жонглировать поверженными врагами!

Желая доказать это, чудак как-то недобро посмотрел на солдат вокруг, отчего те разом сделали шаг назад. Я же, напротив, перегородил ему путь, делая вид, что оценил шутку.

— Мои солдаты мне ещё пригодятся, завтра докажешь свою силу.

— Гун-Гун докажет! Гун-Гун принесёт с собой оружие из света!

Сказав это, чудак развернулся и, слегка прихрамывая на левую ногу, поковылял куда-то.

Надо было уточнить у знатока — Миюми — насчёт этого «покемона»:

— Он всегда такой?

— Нет, что вы! — с непередаваемым восхищением отметила моя помощница. —
Никогда не видела, чтобы он хромал!

Вечером того же дня, я, наконец, не выдержал и поддался самому непристойному своему желанию из тех, что меня посетили за время пребывания в этом мире. Убедившись, что все, кто может меня потревожить, уже потревожили, а остальные спят, я отправился к зеркалу изучать вверенное тело.

Стоило мне снять верхнюю часть, как именно в этот момент в палатку не вошла, а попросту ворвалась Миюми, размахивающая какими-то листками. Она покраснела и замерла, удивленно вытаращившись на меня.

— Что бы ты там ни думала — всё не так!

Но девушка, кажется, совершенно потеряла связь с реальностью:

— Я сейчас вообще не думаю ни о чём, кроме...

В её глазах отразилась вселенская тоска, когда рубашка вернулась на место, но иначе узнать, зачем она явилась, было невозможно.

— Так что?

— А! Кор-рес-пон-ден-ция пришла!

Миюми похоже была очень довольна тем, что знала это слово, поэтому выговаривала его по слогам, на каждый, на всякий случай, делая ударение. Я же удивленно скосил глаза на листики у неё в руках.

«Похоже и правда местная газета, вау!»

Учитывая местный антураж, это для меня было сродни современному смартфону марки «AveM», по которому рыцарь обсуждал с Папой Римским грядущий крестовый поход.

Называлось сие непотребство «Вестник войны» и с первых же строк гордо, от лица некой редакции заявляло, что они за честное и непредвзятое освещение Игр. Мне бы, может, даже удалось в это поверить, если бы первая же статья, которая занимала целую страницу, не называлась: «Рейланд Пор: мошенник, герой или устрица?».

Хмыкнув, я взял газету и, поудобнее расположившись в кресле, бегло прочитал статью. Слог был что надо, да и вообще написано довольно неплохо, содержательно. Кем бы ни был загадочный «Мистер Л», а именно так подписался автор, он почти смог меня убедить в том, что Рейланд Пор — устрица.

Чувствуя солидарность с прочими двусторчатými, я обратил внимание на следующую страницу и обнаружил не только статью, озаглавленную «Уроки моды от Ноа Кейтлетт, учимся укладывать волосы за 23 секунды!», но и довольно неплохую картинку с кем-то очень похожим на настоящую Ноа. Отличие заключалась в том, что таких волос у командующей «лунных» отродясь не было, а с модой они и вовсе существовали в параллельных, непересекающихся вселенных.

Эту статью я читать не стал, но на всякий случай поинтересовался на её счёт у Миюми, которая занималась тем, что делала вид, что очень занята, а на самом деле наблюдала за моей реакцией.

— Эта, кгхм, пресса только для нас или к «лунным» тоже попадёт?

— Печатный дом находится в Файфике. Это...

Я кивнул, делая вид, что знаю, где это, хотя на самом деле не имел ни малейшего понятия. Чем сильно гордился, но сознаваться не спешил.

— Они отправляют выпуски в каждую из армий.

— И откуда они берут информацию?

Помимо статей об устрицах и моде в газете были напечатаны весьма актуальные события. Например, короткий очерк о параде, который я проводил накануне. Учитывая местные средства связи и транспорт — весьма завидная скорость передачи информации.

«Мне бы такую!»

Девушка в ответ на мой вопрос загадочно улыбнулась и пожала плечами. Я же, смутно подозревая, что информатор ближе, чем кажется, вернулся к чтению, попутно размышляя над тем, что попал в какой-то дурдом, и, судя по радостным лицам вокруг — мне здесь самое место.

Что воодушевляло, так это тот факт, что, начиная примерно с четвёртой страницы, началась относительно полезная информация. Конечно, что угодно будет полезнее рассказов про то, что я устрица, но всё же...

К сожалению, газета в принципе состояла всего из четырёх страниц. Конечно, лестно было, что вопросу моей видовой принадлежности и моднице Ноа посвятили вдвое больше места, чем каким-то там Играм, которые шли фоном за нашими монументальными фигурами, но от газеты «Вестник войны» ожидался несколько иной формат.

— Слушай, а можно им письмо отправить в редакцию? У меня, ма-а-аленькая такая претензия.

— К чему? — удивилась, будто такого просто не могло быть, Миюми.

— Да так, немного к тексту первых четырёх страниц. Так можно?

— Нет, конечно! — похоже, для Миюми это было очень важно. — Это честное независимое издание, поэтому их адрес никто не знает. Как и личности авторов статей.

Я понимающе усмехнулся:

«Конечно, только поэтому! Совсем не потому, что некто, очень похожий на Ноа или меня, в свободное время может явиться к ним в редакцию и сжечь там всё!»

Раздумывая над этим, я зачем-то принялся изучать содержимое своего стола. Память Рейланда Рора настаивала на том, что ничего ценного там в принципе быть не могло — для моего альтер-эго такой уровень самоорганизации был запредельно высок.

Однако, к моему удивлению, а затем ужасу, в третьем снизу ящике обнаружилось несколько достаточно увесистых бомб с простеньким механизмом, к счастью, не взведенным, для их активации в случае, если кто-то посторонний залезет внутрь.

Найти силы для вполне резонного вопроса, а не для вопля оказалось непросто:

— Миюми, ты не знаешь, зачем мне в столе куча бомб?

— Понятия не имею, вы запретили мне лазить в ваш стол под угрозой смерти.

Определённый смысл это всё имело. Не в плане защиты важных документов — если бы таковые и были, Рейланд Рор в жизни не положил бы их в ящик стола, а как способ уйти от разговора с огоньком.

«Эльту такое бы точно понравилось».

Мой разговор с Миюми прервали: неожиданно мы с ней заметили, что в дверях стоял Кейл Ресс, ожидавший, когда же его наконец заметят. И если я отделался едва заметным движением головы, то Миюми, обнаружив у себя за спиной хмурящегося разведчика, взвизгнула и принялась извиняться:

— Ой, простите! Я не хотела, просто вы...

Далее полился поток невнятных объяснений, через которые девушка пыталась, как умела, объяснить, что же она испытала, обнаружив Кейла у себя за спиной.

— ...так неожиданно подкрались, а я всегда боялась, что вот так ко мне подкрадётся посреди ночи какой-нибудь вампир, а у меня с собой нет ни соли, ни серебра. Представляете? Это у меня после того, как ко мне в детстве подкрался мой брат под простыней, а потом две недели убеждал меня, что у нас в доме водится призрак и надо обязательно кого-нибудь сжечь, чтобы его прогнать. А я не люблю костры! Они плохо пахнут, и однажды мой брат сжёг в одном таком мою куклу!

Ресс выслушивал это всё, судя по лицу, искренне пытаюсь понять, что там лопотала Миюми и чего именно она от него хотела. Уверен, если бы девушка вместо этого всего заехала ему лопатой, то голова у него болела бы меньше, чем после таких объяснений.

Самое время было вмешаться и всех спасти.

— Миюми, всё в порядке, ничего страшного. Уверен, Кейл не хотел тебя напугать. Оставь нас, пожалуйста.

Девушка обеспокоенно посмотрела на Ресса, явно не до конца уверенная, что рассказала всё, что хотела, и кажется, даже собиралась продолжить, но, видимо, вспомнила мою просьбу, просто ещё раз извинилась и вышла.

— Чем обязан? — дав Кейлу недолго постоять в прострации и прийти в себя, спросил я.

Ресс, который определённо что-то про меня знал, всё ещё вызывал во мне крайне противоречивые эмоции. С одной стороны, это очень подозрительное поведение, с другой, в штабе, когда дело касалось обсуждений, он был на моей стороне почти беспрекословно. Да и информацию предоставлял очень актуальную и важную.

Однако и в этот раз разведчик явился не затем, чтобы изобличить меня, а вынул из под плаща свёрток и протянул его мне:

— Свежие перемещения противника.

Я бегло взглянул на них, убеждаясь в том, что Ноа действовала именно так, как и ожидалось.

— Итак, она всё же ушла в оборону.

Кейл кивнул, то ли соглашаясь с такими выводами, то ли показывая, что это действительно так. На меня же, как ни странно, это навевало тоску.

— С определённой точки зрения это даже неплохо, — вслух размышлял я. — Жаль только, далеко не всегда одно знание планов противника способно помешать им осуществиться.

Слабо улыбнувшись, Ресс совсем шёпотом, хотя и так говорил негромко, решил меня добить свежими новостями:

— До меня дошли слухи. На севере у «наших» дела совсем плохи. Анри Галлен взял в клещи четвёртую и пятую армии. Завтра, скорее всего, им конец.

Я не знал точно, но нутром чувствовал, что это не повод закатывать пирушку с преферансом и куртизанками.

— Слухи ведь не всегда обязаны, эм, быть правдой? Иногда это просто слухи.

— Не всегда, да, — с намёком улыбнувшись, согласился Кейл. — Но, боюсь, в данном случае это скорее ещё не дошедшие до нас новости.

Похоже мой план быстренько победить и добежать до Саума стремительно терпел крушение на скалах объективной реальности. Однако делиться своими опасениями с другими я не собирался.

Командир всегда должен быть уверен в завтрашнем дне, твёрд, как цельная фисташка, и немножко идиот.

— Вот как дойдут, тогда и будем о них думать! А пока у нас на повестке дня завтрашняя битва.

— Намереваетесь сражаться до конца?

Вопрос определённо был провокационный, в очередной раз заставивший меня задуматься над тем, что Кейл вёл какую-то свою игру. Впрочем, ответ тут мог быть только один — улыбнуться как можно шире и ударить себя кулаком в грудь.

— Конечно!

Реакция Кейла застала меня врасплох: он просто-напросто улыбнулся, а затем, слегка поклонившись, вышел, обронив в конце едва слышно:

— Это очень хорошо.

Такое поведение в очередной раз заставило меня задуматься над тем, что же тут происходило. Увы, память моего альтер-эго в этом плане оказалась абсолютно бесполезна. Для Рейланда Рора Кейл Ресс был несколько замаранным с точки зрения морали, но тем не менее надёжным союзником, хорошо себя показавшим и на предыдущих Играх, и на тех, что были до этого.

Ничего подобного из того, что происходило сейчас, тогда и близко не было.

«Или Рейланд этого не замечал», — поправил меня внутренний голос.

Впрочем, думать надо было совсем о другом. В данный момент о том, что уже глубокая ночь и вообще-то мозг нуждался хоть в каком-то отдыхе, ведь следующий намечался, мягко говоря, масштабным.

«Сон даёт ответы на вопросы, которые никогда не будут заданы»

К сожалению, мои сны, явившиеся, лишь стоило мне прилечь и закрыть глаза, об этом не знали. Удивительно, но в этот раз декорации были мне смутно знакомы. Снова горы, уничтоженный форт, вернее его внутренности — старое, потрёпанное временем и стихией подвальное помещение.

Я лежал на куче вещей только проснувшись, а рядом раздавались какие-то всхлипы, которые, по видимости, меня и разбудили. Чуть в стороне, сидя у огня, кто-то, не в силах подавить нахлынувшие эмоции, плакал.

Мне даже не надо было поворачивать голову в ту сторону, чтобы понять, что это Ноа. К тому же любой шум сейчас — и я труп. Некоторые проявления слабости видеть было опасно для здоровья.

Не придумав ничего лучше, чем зашевелиться, а затем выразительно прокашляться, я обозначил своё пробуждение. Как и ожидалось, всхлипы мгновенно прекратились.

— Проснулся наконец, бездельник? — Хоть она и старалась это скрыть, но её голос ощутимо дрожал.

— Имею право, на меня башня упала, справку показать?

— Ничего на тебя не падало, только камнем по голове стукнуло, — раздражённо рассказала Кейтлетт, едко добавив: — жаль, что слабо.

Получив возможность ворочаться без угрозы для жизни, я осмотрелся. Находились мы с Ноа в каком-то подвале без окон и всего с одним входом, судя по отсутствию какой бы то ни было мебели, давно заброшенному. Видно было, что кто-то, даже не могу представить кто именно, пытался навести тут порядок, и, что самое удивительное, у неё это получилось.

Вышли, конечно же, не царские хоромы, однако ни грязи, ни посторонних обитателей видно не было. В углу потрескивала металлическая печка, чьи лучшие времена прошли, наверное, сотню лет назад. Хоть не чадила и то хорошо.

Ноа сунула мне под нос какую-то миску с ложкой. Несмотря на то, что сухари приготовить кроме как «ужасно» было невозможно, Кейтлетт умудрилась и тут меня удивить.

Содержимое миски не пахло как еда, не выглядело как еда, поэтому попробовал я это предельно аккуратно. Мне хватало Миюми с её «кофе». Если и Ноа готовила на таком же уровне — этот мир уже ничего бы не спасло. Однако, к моему удивлению, этот клей, сильнее всего напоминавший отрыжку младенца, перемешанную с золой, оказался вкусным. Нет, даже вкусным! Никакого сравнения мои потуги в готовке сухарей не выдерживали по сравнению с этим.

— Как?! — только и оставалось что удивлённо вопрошать мне.

— Всего-то нужно варить четыре часа при температуре не менее восьмидесяти, но не более девяноста, периодически помешивая, — Кейтлетт пожалала плечами. Будто не сделала ничего необычного.

Из её уст звучало-то просто. Моё же терпение, наверное, лопнуло бы минуте пятой, после чего сухари были бы предоставлены сами себе на абсолютно непредсказуемый промежуток времени.

— Как ты это придумала?

— Когда твой адъютант Альт Цион — самый ленивый, после тебя, разумеется, человек в мире, и не такому научишься!

Понимая, что мне это ещё аукнется, я сделал осторожный комплимент:

— Между прочим, ничего так получилось. Вкусненько.

Сказав это, я весь внутри сжался, готовясь к вспышке гнева. Ноа терпеть не могла лесть в любой форме. Не из-за скромности, скорее наоборот. Ввиду наличия у неё весьма солидного послужного списка, по мнению Кейтлетт, никакие комплименты не могли отразить её великолепия, а любой заговоривший с ней должен был немедленно начинать биться в судорогах восхищения.

Поэтому последовавший диалог концептуально напоминал разговор слепого с глухим:

— Ты на что это намекаешь, Рор?

— На то, что ты замечательно приготовила сухари.

— Хочешь сказать, что они ужасны?

— Нет, то, что ты их хорошо приготовила!

— Не смей повышать на меня голос, ленивый наглец!

— А сама-то!

— Это ты начал оскорблять меня первым! Я тебе тут еду приготовила, а ты начал возмущаться. В следующий раз сам себя обслуживать будешь! Пф, нашёл себе служанку! — Вся кипя от возмущения, Ноа махнула рукой, не в силах выместить гнев, и куда-то пошла, громко хлопнув дверью.

— Кому-то срочно пора к психиатру. Или замуж, — выждав пару секунд, сказал я шёпотом.

— Я всё слышу! — донёсся крик из-за двери.

Не сразу мне удалось заметить, что уходя Ноа забыла на том месте, где сидела, какой-то потрёпанный обрывок бумаги. Признать в нём заглавную страницу «Вестника Войны»

оказалось возможным только по обилию претенциозных заголовков.

Все они так или иначе касались одной темы. Странно, но не меня. Кейтлетт наконец получила свою порцию внимания. Правда, вряд ли она оказалась от него в восторге — все заголовки, ссылаясь на слова некоего «нового командующего», чьё имя как назло было оторвано, обвиняли Ноа в измене и поливали грязью её карьеру.

Кем бы там ни был этот «новый командующий», он перестраховался. Даже если Ноа вернётся, ей придётся долго объяснять всем окружающим, где она пропадала. В таких вещах реальность определялась не объективными фактами, а мнением большинства. А уж с помощью писак «Вестника» не сложно сделать так, чтобы это мнение было сугубо отрицательным.

Как позже выяснилось, форт Кейтлетт, несмотря на все старания, разломала не полностью. Первый этаж башни, а также её подвал, в котором мы и заночевали, остались целы. Остальное лежало в руинах, к моему появлению уже порядком припорошенных снегом.

Стоял довольно неплохой, ясный день. Даже ветер лютовал не так уж и сильно, по сравнению с тем, что было накануне. Ноа нигде не было видно, однако цепочка следов по снегу, идущая куда-то за пределы форта, подсказала, где её нужно искать.

Немного помявшись, я всё же решил отправиться к ней. Вряд ли она хотела слышать слова утешения именно от меня. Зная, на какие логические переподвыверты способна логика Ноа, не приходилось сомневаться, кто назначен главным виновником произошедшего. Тем не менее попытаться стоило. Мои слова она ещё неизвестно как воспримет, а вот молчание будет истолковано однозначно.

Я шёл по склону, ища Ноа, и даже, несмотря на боль в голове, от увесистой каменюки прилетевшей по ней накануне, сумел её найти. В метрах ста от форта, куда вела едва видимая тропинка. Там, чуть в стороне от основной дороги, была небольшая, где-то три на три метра полукруглая площадка, продуваемая всеми ветрами.

Большую часть свободного пространства на этом пятачке занимали невысокие, мне они были по пояс, столбики, сложенные из камней, поставленных друг на друга. Между ними на ветру трепыхались какие-то обрывки ткани.

Подойдя ближе и внимательно изучив один из столбов, я понял, что это не просто цветастая ткань, а знамёна, точнее то, что от них осталось под воздействием времени. По геральдическому узору было понятно, что принадлежали они боевым соединениям Тофхельма.

Таких столбов было шестнадцать, состоявших в среднем из пяти-шести секций, в каждой по знамени. В сумме около сотни! Дух захватывало от осознания, сколько поколений солдат побывало здесь, оставляя или обновляя геральдические знаки своих полков.

Ноа была занята тем, что внимательно осматривала один из столбов, пожалуй, самый высокий, почти метр высотой. Её обнажённые руки скользили по холодному камню, повторяя завитушки, которыми он был весь покрыт. При наличии желания и фантазии в обрывке ткани под ним можно было узнать знамя той роты, в которой она когда-то служила.

Рота давно уже была распущена. В отличие от своих солдат, генералитет Тофхельма испытывал мало пиетета к сохранению армейских традиций, постоянно устраивая встряски в виде реорганизаций. Наверное, поэтому ветераны тех немногих рот, которые успевали за этот короткий срок чем-то прославиться, желали оставить после себя хоть какую-то память, пускай и в виде флага под камнем в богами забытых горах.

В Риверкроссе было с точностью наоборот. Соединения редко реорганизовывали. Та же сорок вторая бригада, которой командовал Гоа Эльт, существовала уже без малого полсотни лет. Солдатам не требовалось как-то увековечивать подвиги — это происходило само собой, без их целенаправленного участия.

Моё появление Ноа заметила, но никак не отреагировала, продолжая свой странный ритуал. Мне не оставалось ничего, кроме как признаться:

— Я прочитал газету...

— Доволен собой? — едко поинтересовалась Кейтлетт.

— С чего бы вдруг?

— Это должны были стать ТВОИ последние игры. После всех этих выкрутасов с отравлениями...

— Ноа, послушай, говорю это не в первый раз, — возмутился такой непробиваемости я, — и могу повторять до бесконечности: это не моих рук дело. Ладно, пускай ты не веришь мне, но тебя ведь точно так же оболгал тот же самый человек!

Кейтлетт замерла на секунду, словно для неё открылась некая неизвестная доселе истина.

— Возможно. Но какая теперь разница? Всё кончено, — сказав это, Ноа замолчала и вернулась к поглаживанию камня.

Я пытался сообразить, что можно тут сказать, кроме: «ещё ничего не кончено!» так, чтобы это прозвучало не банально.

— Когда-то с этим знаменем я в числе прочих неслась по Аркольскому мосту... — задумчиво, с теплотой в голосе рассказала Кейтлетт.

Мне это заявление показалось странным, вроде всё было немного иначе.

— Разве там командовал не Галлен?

— Да, он, — согласилась не без раздражения Ноа. — Этот усатый жук любит присваивать чужие подвиги, но я там тоже была. Страшный был бой. Риверкроссцы палили по нам из всего, что у них было.

— Какие негодяи! — я легко мог представить происходящее, как и то, что в риверкроссцев летело не меньше, а может, даже больше.

Моё замечание явно сбilo Ноа с толку, и она, вместо того чтобы продолжить вспоминать, сменила тему:

— Не так я себе представляла конец своей карьеры. Мне всегда казалось, что у меня будет возможность выбрать момент, когда это случится. М-м-м. Король бы отправил меня на пенсию, а толпа дегенератов в погонах, понимая свою ничтожность, бросилась бы его отговаривать. А когда он сжалится над ними и позволит мне участвовать в ещё одних Играх, я расхохочусь, пошлю всех пешком в Занзебал и с гордо поднятой головой отправлюсь домой!

— Это в твоём стиле, — согласился я. — До сих пор помню тот бал в, эм, забыл каком году.

— Замолкни, — раздражённо попыталась прервать меня Ноа, но это, как и всегда, не возымело толка.

— Весь вечер тебя обхаживал какой-то осёл. В смысле герцог с ослом на гербе.

— Напыщенный хмырь, — едко заметила Кейтлетт.

— Уверен, его звали как-то иначе.

— Я про тебя. Хотя он тоже напыщенный хмырь.

— Весь вечер он крутился вокруг тебя, словно пчела вокруг цветка, а когда дошло до танцев, ты, проигнорировав его, выбрала меня — своего противника, — невозмутимо продолжал я. — У него была такая морда в этот момент!

— О да, — присоединилась к воспоминанию Ноа. — Он со мной до сих пор не разговаривает. Очень удобно, кстати.

— Не благодари.

— И не собиралась.

Ноа вернулась к своим поглаживаниям неодушевлённых предметов, всем видом показывая, что мне пора куда-нибудь уйти. Желательно подальше и бесповоротно. Возможно, даже в Занзебал.

Увы, оставлять её тут на попечении мрачных мыслей и прочих женских загонов в мои планы не входило. Если не вытянуть Ноа из этого болота сейчас — она останется в этих горах надолго, а одному мне отсюда в жизни не выбраться.

— Кхм, нам пора бы выдвигаться, скоро уже полдень.

— Куда? Неужели ты рассчитываешь всерьёз нагнать наши армии и что-то изменить? — Ноа обречённо вздохнула. — Всё кончено, Рор.

Я, ошеломлённый этими словами, с удивлением на неё посмотрел. Эта фраза настолько была противоположна тому, что всё это время олицетворяла Ноа Кейтлетт, что поверить в то, что она действительно произнесла это вслух, было невозможно.

— То есть одной паршивой газетёнки хватило, чтобы тебя сломать?! — взорвался я. — Всю жизнь ты как заноза в моём мягком и чувствительном месте. А тут вдруг оказывается, что всего-то нужно было отправить в редакцию «Вестника» денег и попросить написать про тебя гадостей! — мне едва удалось сдержаться и не разворотить в гневе окружавшие меня каменные столбы. — Оставшись здесь, среди этих бесполезных каменюк, ты лишь подтвердишь, что эта ложь была правдой. Только предаёшь ты не Тофхельм, а саму себя!

Ноа повернулась и посмотрела на меня с широко открытыми от удивления глазами. По лицу Кейтлетт пробежали волны переполнявших её эмоций. Хорошо было видно, что мои слова как минимум задели её.

Пользуясь ошеломлением Ноа и не давая перевести мою пафосную речь в банальный скандал, я, выразительно махнув рукой, сказал:

— Впрочем, плевать. Оставайся. Мне плевать. Пускай это безнадежно, пускай шансов у меня нет, но никто! Абсолютно никто не сможет сказать, что Релайнд Рор сдался и бросил своих.

Мой эффектный разворот подпортил один из столбов, в который я хорошенько впечатался и лишь чудом не повалил. Гораздо более широкими шагами, чем следовало бы делать, находясь в горах, я пошёл обратно к руинам форта. С Ноа или без неё — мой путь лежал прочь от этого места.

Несмотря на то, что сбор вещей занял порядочное количество времени, Кейтлетт, вопреки ожиданиям, так и не появилась. Не появилась она и тогда, когда я проходил мимо подъёма к площадке. Возможно, стоило вновь подняться туда и ещё раз попытаться её убедить, но гордость уже прищипала меня и гнала вперёд.

Так бы я и пошёл дальше, если бы вдруг не услышал сзади какой-то шум. Сначала мне показалось, что вот оно — Ноа решила меня нагнать, но сзади никого не было. Шум же, доносившийся, по видимости с той самой площадки, стал только сильнее. Решив, что Кейтлетт решила выместить злобу на ни в чём неповинных камнях, я было хотел пойти

дальше, но вдруг оттуда послышался вскрик. Судя по голосу — мужской. Ноа при всём желании не смогла бы такой издать, а камни и подавно.

Я, соображая на ходу, что происходит, ринулся туда. На самом деле тут и думать было нечего — грохот, который мы устроили накануне, скорее всего был слышен за много километров от нас. «Лунные», не будь дураками, отправили солдат проверить, что происходит у них в тылу.

Одного беглого взгляда на площадку хватило, чтобы понять, насколько мои мысли оказались близки к истине. У Ноа действительно были гости, целых пять штук. Высокие меховые шапки, тулупы, а также изобилие альпинистского инвентаря, выдавали в них горных егерей. Правда, один из них уже валялся на земле без чувств — судя по камню рядом, Кейтлетт, не имея оружия, взяла первое попавшееся из того, что было под рукой. Увы, её успехи на этом и закончились.

К моему прибытию Ноа уже повалили на землю и, несмотря на отчаянное сопротивление, пытались связать. Мне это сыграло только на руку. Скидывая с плеча мешок с пожитками, я громко присвистнул, привлекая внимание к своей персоне:

— Я услышал ваш зов о помощи, миледи, и прибыл, как только захотел! А ну пустили её, это мой трофей.

Егеря как по команде повернулись в мою сторону и замерли, похоже сами не веря в своё счастье.

— Эй, серж, да за этих двоих нам орден светит! — воскликнул один из них.

— Агась, я держу её, хватай его, хлопцы! — ответил старший из егерей, сильнее налегая на Ноа.

— Схвати лучше это!

Не без труда я замахнулся мешком и отправил его в ближайшего егеря. Тот рефлекторно, в очень характерном жесте распахнул руки, похоже рассчитывая поймать. Наивный! Тридцать кило веса, если им придать нужный вектор, сметали на своём пути что или кого угодно не хуже пушечного ядра. Горе-вратаря впечатало в один из столбов, выводя из боя.

Мои шансы резко повысились. С ничтожно малых они стали просто малыми. Всё-таки один без оружия против двоих с ним — было чересчур. Спешно раздумывая, как превратить свой острый ум, неотразимую внешность и необъятную скромность в оружие, я начал пятиться. Мои противники же, достав короткие тесаки и очень хорошо понимая, в чём их преимущество, разделились и начали не торопясь обходить меня с двух сторон.

Не дожидаясь, пока меня зажмут в тиски, я решился на атаку. Увы, ничего лучше, чем просто ударить куда-то в торс кулаком, мне в голову так и не пришло. Погода явно не располагала к ношению доспеха, но толстая, многослойная одежда справилась с гашением удара ничуть не хуже.

— Гы!

Этот смешок вывел меня из себя. Наплевав на негласный мужской кодекс не бить в причинное место, я с размаху заехал егерю туда коленом. Поперхнувшись смехом и задыхаясь от боли, «лунный» сполз на землю.

При этом он, проявляя всю свою бесхозяйственность, попытался выронить тесак, которым был вооружен. Такого шанса я упустить никак не мог!

Напарник только сражённого противника уже с криком нёсся на меня, но для него всё было кончено. Бойцом, может, он был не самым плохим, но опыта ему явно не хватало.

Егерь не мог не видеть, что я уже вооружён, но вместо того, чтобы как-то скооперироваться со своим сержантом, он понёсся вперёд, непонятно на что рассчитывая. Мне даже не пришлось парировать. Мой противник, абсолютно наплевав на физику, вложил в свой удар столько силы, столько массы, что потребовался всего один маленький шагок в сторону, чтобы обратить всё это против него. Инерция, беспощадная стерва, впечатала несчастного егеря в столб с такой силой, что даже послышался хруст.

На площадке остался только я и сержант, который продолжал вдавливать Ноа в землю, не давая ей даже пошевелиться.

— Сопляки. Трое с одним управиться не могут, — раздосадовано сплюнул старший егерь.

— Они свой шанс упустили. Предлагаю дуэль, — я самодовольно ухмыльнулся. — Только мы с тобой, один на один.

— Сначала скажи своей подружке, чтобы она не вмешивалась.

— Ноа...

— Я всё слышу, идиот! — прервал меня окрик откуда-то из-под егеря.

— Она всё слышит.

«Лунный» осторожно её отпустил и сразу же сделал шаг назад, разрывая дистанцию. Убедившись, что Кейтлетт не собиралась нападать, он повернулся ко мне. Неторопливо, явно наслаждаясь моментом, сержант достал из-под тулупа шикарный полуторный меч.

Пожалуй, я мог понять, в чём причина уверенности этого парня. Против такого оружия с тесаком... математика с её статистикой вновь были не на моей стороне.

Да и обращался с оружием сержант куда лучше, чем его подчинённые. Пользуясь длиной клинка, а также тем, что тесаком заблокировать удар можно было только один раз — лишившись пальцев повторить этот манёвр было тяжело — он держал меня на средней дистанции. Хуже всего, что сам егерь, благодаря широкой гарде, спокойно, без риска лишиться эволюционных достоинств человека, мог отражать мои удары.

Мне срочно нужно было сойтись с ним в клинче, иначе этот бой не выиграть. Однако мой противник был не лыком шит. Стоило мне сделать шаг в надежде сблизиться, он, вместо того чтобы отступить, мгновенно контратаковал, нанося выпад, от которого я мог только уклониться, отступив назад или, что было равносильно, вбок.

Тогда, я решил воспользоваться каменным столбом. Нужно было только выгадать подходящий момент. Для этого пришлось изрядно покружить по площадке, прежде чем сержант наконец ошибся и позволил одному из столбов нас разделить.

В ту же секунду я ринулся вперёд. Увы, но мой противник разгадал манёвр и тоже ринулся вперёд, лишая меня возможности нормально замахнуться. Однако чуть-чуть опоздал, но и мой удар вышел не ахти: всё, что мне удалось, так это рассечь в одном месте одежду егеря. Будь у меня ещё хотя бы сантиметров пять...

Пришлось снова кружить по площадке. Мой противник определённо замедлился, но и мои силы были на пределе. По сути бой шёл к тому, кто первым совершит фатальную ошибку.

Мне повезло первым. В очередной раз, когда нас разделил столб, я уже собирался продолжить манёвр, когда заметил, что верхний камень находился как раз на уровне основной руки моего противника. Времени было слишком мало, чтобы раздумывать над тем, насколько разумно бить камень рукой, я просто хорошенько ударил его, выбивая вперёд, как волейбольный мяч.

Раздалось два вскрика, но я-то ожидал боли, а вот егерь рефлекторно разжал руку, и меч полетел вниз. Не давая и шанса, я наступил на клинок ногой и пригрозил тесаком:

— Кажется, бой закончен.

— Нет. Если даже «тигр Риверкрасса» позволяет себе жульничать, то чем я хуже?

Его левая рука неожиданно нырнула под тулуп. Это было очень характерное движение, которое знал каждый, кто хоть раз носил заряженный пистоль в нагрудном креплении. Я ожидал выстрела, но случилась какая-то заминка. Сержант безуспешно рыскал у себя по одежде, когда раздался голос Ноа, полный ехидства:

— Не это ищешь?

Егерь успел поднять голову в её сторону, увидеть направленное в его сторону дуло и что-то буркнуть, когда грянул выстрел. Кейтлетт, поморщившись, отбросила пистоль.

— Мухлевать все горазды.

Её глаза азартно блестели, а сама она буквально кипела жаждой действий. Я же тем временем подбирал полуторный меч, который твёрдо намеревался забрать себе в качестве трофея.

— Спасибо за «помощь», — осматривая оружие, с сомнением начал я. — Можно кое-что уточнить?

— Валяй.

— Почему ты не выстрелила сразу?!

— Мне показалось, что ты вызвал его на дуэль, — притворно удивилась Ноа.

— А мне показалось, что перед этим я, спасая тебя, бросился один на четверых!

— И что? Тебя за язык никто не тянул. К тому же у меня всё было под контролем!

— Когда я пришёл, тебя собирались связать и везти к «лунным»!

— Концептуально ты предложил мне то же самое. Только без почётногo эскорта аж из пятерых егерей.

Не то чтобы я рассчитывал на какую-то вземную благодарность, особенно от Ноа, но слышать упрёки после произошедшего было как минимум обидно. Кейтлетт это заметила и смягчилась:

— Спасибо за то, что пришёл на помощь, — буркнула она нехотя. — Теперь счастлив?

— Не особо. Мне нужна горячая ванна, вкусная еда и удобная кровать, — мечтательно ответил я и спросил: — ты идёшь или продолжишь гладить камни?

— Пффф, ты мои вещи собрал? — удивлённо фыркнула Ноа.

— Нет, конечно! Я думал, ты остаёшься.

— Рор, ты чудовищно неорганизованный!

Размышляя над тем, что подавленная и молчаливая Ноа нравилась мне куда сильнее, я побрел в форт собирать и её вещи тоже.

Вытащить занозу

Утро нового дня началось просто отвратительно: меня разбудили с первыми лучами солнца. С другой стороны, это прервало странные сны. Самое поразительное в них было то, что Рейланд ничего такого не помнил! Откуда они взялись, было категорически неясно.

«Неужели у меня настолько буйная фантазия?» — подумал я, но меня отвлекли.

Отвлекла, конечно же, Миюми, которая, растормошив меня, принесла поднос.

— Вот, я приготовила пару бутербродов и кофе, — мило улыбаясь, сообщила моя помощница.

Вспомнив вкус последнего, я, безумно вращая глазами, сразу взбодрился, настолько, что пулей вскочил с кровати, лишь бы это не пить.

— Выле... э-э-э, в смысле поставь на тумбочку. Чуть позже вылью, дела не ждут.

— Вы хотели сказать «выпью?» — растерянно моргая своими умильными глазами, уточнила Миюми.

— Да. Конечно. Вне всяких сомнений.

Девушка, немного растерянная из-за моей реакции, выполнила указание и быстро удалилась, позволяя спокойно позавтракать.

Пока я спешно заглатывал завтрак, она принесла мой доспех. Надо признать, что у меня, то есть у Рейланда, был вкус на такие вещи. Облечение оказалось не только очень удобным, лёгким и практически не стесняющим движения, но ещё и выглядящим весьма неплохо. Особенно мне понравилась кираса с выгравированной на ней тигриной мордой.

Оружие тоже как на подбор: мечта любого коллекционера. Алебарды, моргенштерны, цепи, булавы, пара полуторных мечей и огромный зоопарк их одноручных родственников. Вполне солидная, приятная глазу и весьма интересная руке коллекция, правда, была небольшая проблема.

О ней мне напомнила Миюми, закончившая помогать мне облачиться в доспех.

— Вы уверены? Вчера...

— Кхм, — я выразительно хмыкнул, прерывая её.

Моя помощница затронула болезненную тему. Вчера во время тренировки меня едва не убил манекен, свидетелем чего и стала Миюми.

— Что было вчера, остаётся вчера. Я устал. И поддавался.

— Манекену? — без всякой иронии удивилась девушка.

— Все заслуживают своей небольшой победы, — продолжил оправдываться я, неся лютовую околесицу. — Даже манекен.

Удивительно, но этот бред произвёл на мою помощницу сугубо положительное впечатление. Кажется, её сильно тронула такая забота о чувствах неодушевлённых предметов.

Оставалось надеяться, что в настоящем бою, если такое выражение для местного действия было вообще применимо, инстинкты Рейланда возьмут вверх и сделают всё за меня.

Ну или то, что Ноа тоже будет не в настроении на серьёзную драку. Иначе меня порубят на салат за несколько секунд. А я не люблю салаты с собой!

О том, что мне придётся столкнуться с командующей «лунных», сомневаться не приходилось. Даже напротив — это вполне хороший вариант. Пока она будет бить меня, то

ей вряд ли удастся контролировать остальное поле боя.

Пока я выбирал себе оружие, руководствуясь не соображениями практичности, а, скорее, его красотой, Миюми определённо хотела что-то спросить. Ждать, пока решимость у неё в крови достигнет нужной отметки, пришлось довольно долго.

— Сэр...

И вновь автоисправление взяло надо мной вверх, опережая всякую разумную реакцию.

— Я не сэр.

— П-простите. Командующий, можно обратиться?

— Попробуй. Только не в оборотня, пожалуйста, потому что серебряных клинков здесь нет.

Судя по тому, как девушка хмыкнула, она сомневалась в полезности серебра против ликантропов или просто не поняла, о чём я говорю.

— Вы же не потребуете от меня идти...

Она осеклась, словно очень сильно боялась признаться в своей трусости. Я решил ей слегка помочь, хоть и по-своему.

— Куда? На поле боя?

— Да, — коротко и кротко ответила Миюми.

Я прищурился и оглядел её, прикидывая, чего она так боялась. Судя по лёгкой дрожи и растрёпанному, сонному виду, боялась Миюми сильно. А, собственно, чего?

Мне уже удалось выяснить, что смерти в этой части планеты сейчас и близко нет. Сам процесс «выбывания» тоже был лишён боли настолько, что заработать даже синяк надо было ещё постараться. По сути ты просто падаешь в обморок на некоторое время, а просыпаешься уже во время большой попойки.

Худшее, что могло ожидать Миюми, это то, что Ноа зверски решит завести себе ещё одного адъютанта. Хотя опять же пленных брали редко — очень сложно держать с помощью силы в повиновении людей, которые абсолютно не боялись смерти. Отправлять же за решетку сколько-нибудь значительное количество людей было просто неудобно и невыгодно — кормить-то их надо.

Так и не найдя ни одного вменяемого повода для трусости, я пожал плечами и коварно улыбнулся:

— Разумеется, нет!

— Фух, спасибо, с... эм, командующий!

— Это твой долг, и мне не нужно просить его исполнить, — захлопнул ловушку я хладнокровно.

Девушка застыла с выражением страха и растерянности на лице.

— Но... но что я там буду делать?

— Видишь, — я махнул рукой в неопределённом направлении, — там в углу такая палка с позолоченным навершием в виде солнца?

— Вы про свой личный штандарт? — не сразу, но догадалась Миюми.

— Ага, там ещё дудка в комплекте, а к ней целая книга инструкций по сигналам. Можешь прочесть ради интереса.

Миюми растерянно взяла в руки штандарт, словно дубину какую-то, и упомянутую мной трубу.

— Бить ей никого не надо, просто держи в руках с видом, будто это огромная честь, и про дудку не забудь. Жду тебя у штаба через полчаса со всем этим.

Возможно, я и перебарщивал, заставляя идти это невинное создание на поле боя, но, с другой стороны, если так думать, то оправдание можно найти для всех. Даже для меня. В конце концов, я высокий командующий, голова армии, а для поля боя есть солдаты.

К тому же, в отличие от меня-меня, Миюми здесь находилась по своей воле.

«И в целом по неизвестной причине», — напомнил я себе о том, что надо будет поинтересоваться на эту тему, но потом.

Никто девушку силком на Игры затащить не мог, скорее наоборот — учитывая околонулевое количество женщин вокруг, это её пришлось сюда проталкивать, преодолевая сопротивление местных сторонников традиций. Так что пускай участвует по полной. Иначе это будет совсем уж поддавками.

В лагере было пусто, даже несмотря на столь ранний час — солнце ещё стеснялось показаться из-за горизонта. Всё потому, что часть сил, а именно те, кто должен был наступать по лесу и через болота, уже выдвинулась на позиции, готовясь к атаке.

В штабе меня ожидали Лой Ноктим, Гоа Эльт и граф Сайрас. Хотя видеть мне хотелось только Кейла Ресса, который мог доложить что-то новое, но он ещё ночью отправился к болотам для оценки обстановки и с тех пор не появлялся.

— Капитан Эльт, вы готовы к своей зажигательной миссии?

Мой вопрос был абсолютно излишним? так как по виду Гоа можно было легко понять, что он готов спалить не только этот несчастный городишко, но и весь мир. На его одежде места свободного не осталось: всё было увешано какими-то мешочками, бомбами, запалами и другой атрибутикой юного пиромана.

— Так точно, командующий!

— Тогда не смею вас больше задерживать.

Конечно, я не смел, видок у Эльта был такой, словно ещё немного ожидания — и он начнёт свой джихад прямо здесь.

Проводив коллегу взглядом, Лой Ноктим задумчиво выдохнул дым.

— Может, мне тоже стоит поджечь лес?

«Ещё один. Вот и давай детям спички после этого!»

— Не будем обижать природу. Она маленькая и беззащитная.

Лой пожал плечами, показывая, что не очень-то и огорчён отказом, хотя я бы даже поспорил — думал он совсем иначе.

— Напоминаю, что после того как вы покажете «лунным», чьи в лесу шишки, лисьи потроха и мухоморы, мы ожидаем вас к нам на бал в центре. Заходите, будет весело. Более не задерживаю.

Остался только граф Сайрас. С ним у меня был отдельный разговор. Хорошенько обдумав его поведение, мне пришёл в голову довольно простенький, но изящный план, как от него избавиться. Или, во всяком случае, снизить накал подозрений с его стороны.

Я выразительно и вопросительно окинул взглядом его одежду — он единственный из нас не был облачен в какой-либо доспех или его подобие. Вариантов для ехидства было даже больше, чем оказались способны пропустить мои голосовые связки.

— Не бойтесь запачкаться?

Леон сдержался и ничего не ответил. Как оказалось, это было не внезапным смирением, а просто подготовкой.

«Похоже, что теперь, когда мы остались один на один, он намеревался высказать всё, что думает».

— Вы задумали глупость! — вспыхнул граф. — Либо окончательно сошли с ума, либо...

Леон Сайрас оборвал себя на полуслове, но было понятно, что он хотел сказать. Я облокотился на стол с картой и пожал плечами.

— Ну, хорошо, пусть так — сумасшедший предатель, и что дальше? Вы собираетесь в гордом одиночестве остаться в лагере?

Граф бросил на меня злобный взгляд, в котором читалось, что именно так он и собирался поступить.

— Дождетесь «лунных» — ведь если вы правы, то через час у Ноа будет настоящий триумф, и сообщите им о своей правоте? Странные у вас, граф, способы одерживать победу.

— Ваши планы не имеют с победой ничего общего! — возмутился Леон. — Это просто безумие...

— Порой безумие — это самое разумное. В любом случае, через час узнаем, кто был прав, граф.

Я демонстративно пошёл на выход, но замер возле входа, приняв суровый вид. Показуха — более, но вполне работающая на таких, как Леон.

— Учтите, если мне доведётся сюда вернуться, вы отправитесь домой с позором, как и любой другой трус. Не хватало ещё, чтобы кто-то позволял себе радоваться каждому моему поражению, если он не Ноа Кейтлетт!

Мне оставалось только изящно выйти, стараясь скрыть улыбку. Все прошло как по маслу: теперь либо граф исчезнет из лагеря, либо отстанет. И первое, и второе меня вполне устраивало. Правда, существовала вероятность, что он действительно прав, но это уже было излишним допущением.

— Ну, что, орлы, готовы порвать «лунных»?

Передо мной выстроились в не слишком ровные шеренги те силы, которые должны были вскоре идти в атаку на самый укрепленный участок обороны противника.

Их представляли настоящие «сливки» моей армии: повара, интенданты, оркестровая рота, различного рода штрафники, а также особый отряд боевых прапорщиков. Последним оружие я разрешил выдать исключительно перед боем — так шанс, что оно исчезнет ещё до его начала, был значительно ниже. Словом, публика весьма опасная, но, к сожалению, не для противника.

Такой непритязательный набор объяснялся очень просто: мы всё равно шли на убой, так зачем отправлять для этого боеспособные части? А убогих, глядишь, из жалости и бить сильно не будут.

Правда, сами «убогие» эту привилегию явно не оценили. Им всем отчего-то казалось, что в бой их отправлять не следует. Будто они не на войне, а на каких-то там Играх!

«Наивные!»

— Не вижу радости на лицах, орлы! — продолжал давить авторитеом я. — Только представьте заголовки завтрашних газет: «Лунных» побили сковородками!» Вы войдёте в историю!

«Или же в историю войдёт чья-то глупая атака...» — охладил разгоревшийся энтузиазм мой внутренний голос.

Сильного воодушевления на лицах присутствующих не появилось. Махнув рукой, мне

оставалось только кивнуть Миюми:

— Дуди в дудку.

Девушка набрала в лёгкие побольше воздуха и приложила к инструменту. Раздался рёв, словно кто-то мучал слона, а затем сбросил его с моста.

— Хватит, — скрипя зубами от боли в ушах, скомандовал я.

Миюми нехотя остановилась. Судя по напряжению на её личике, она отчаянно пыталась стать джазменом, но получался только утопленник.

— Продудишь так ещё раз, когда сблизимся с «лунными», может, напугаем их. Шагом марш! — крикнул я остальным.

Кое-как, спотыкаясь о рельеф прямой ровной дороги и друг друга, мы двинулись в атаку. О том, что кого-то не хватает, я вспомнил только отойдя от лагеря на километр-полтора. Пришлось озадачить этим вопросом Миюми:

— А где, кстати, Гун-Гун?

Девушка только пожала плечами и решительно перехватила штандарт, который её откровенно перевешивал.

Предчувствуя неладное, я огляделся. Как выяснилось, не зря: в задних рядах нашей колонны определённо что-то происходило. А так как происходить там сейчас должен был исключительно марш-бросок, то меня это заинтересовало. Причина обнаружилась быстро и подтвердила мои опасения: там действительно был Гун-Гун.

Чудак проталкивался сквозь ряды, размахивая огромным серым гусем, который отчаянно вырывался и шипел.

— Что тут происходит? Это ваше страшное оружие? А где тогда шляпа-канотье?

Вряд ли кто-то оценил мой юмор, однако неразбериху удалось прекратить. Гун-Гун тоже поумерил пыл.

— Нет, командующий, это гусь! Гун-Гун любит гусей, гусь жирный и вкусный!

Я окинул его взглядом, пытаюсь понять, шутит он или просто издевается. Впрочем, у меня были вопросы к нему и поважнее.

— А где тогда ваше хвалёное оружие?

Мне не до конца удалось понять, откуда Гун-Гун, вместо ответа на мой вопрос, извлёк здоровенный металлический столб, явно ранее бывший фонарём, но гусь из его рук исчез бесследно.

— Гун-Гун засветит им всем по щ-щам!

От целой кучи вопросов, что тут за чертовщина творится, меня отвлек пухленький капрал. Судя по нашивкам, повар, прибежавший с головы колонны.

— Дым, х-х-х, командующий! — сообщил он, махая руками. — Х-х-х, на горизонте дым!

Дым на горизонте означал, что Эльт добрался до городка и теперь его ничто уже не могло спасти. Оставалось надеяться, что местных жителей там не будет. Физически им, конечно, ничего не грозит, но вот наблюдать за действиями полубригады могло быть опасно для психики.

— Значит мы опаздываем на свидание с Ноа! — решительно крикнул я, устремляясь вперёд. — Прибавить ходу! Раз-два! И сделайте морды пострашнее, а то глядя на вас испытываешь одну только жалость! Раз-два! Раз-два!

Меня вроде как должна была душить совесть, но я даже оглянулся — её нигде не было. Ориентироваться на горящий город, который через пару месяцев будет таким же как и до пожара, ничем концептуально для меня не отличалось от одновременной атаки в

установленное время. Только в одном случае мы избегали лишних потерь, атаковали более скоординировано и заранее дезориентировали противника, а в другом играли в глупое напыщенное благородство, которому нет места на войне.

Победа с наименьшим количеством жертв — вот к чему стоит стремиться, остальное же не имело практической пользы, а значит не важно. В конце концов, солдаты ведь тоже доверяли мне свои жизни. Как-то странно заботиться не о них, а о домиках.

От размышлений меня отвлек шум, источником которого, что удивительно, был не Гун-Гун, а никто иной как граф Сайрас. Леон в изящном посеребрённом доспехе явно очень запыхался, но всеми силами нагонял меня. Похоже, что мой план избавиться от него пошёл ко дну.

«Может, он хотя бы перестанет критиковать каждое моё действие?» — с надеждой подумалось мне.

Увы, первая же его фраза утопила и этот «Британник», набитый моими надеждами:

— Вы неправильно построили войска на марш! Почему движение в двух колоннах, если надо в трёх?

Лицо графа прямо пылало гневом, словно сейчас это заботило сильнее всего. На секунду мне показалось, что так оно и есть, но затем Леон переключился с общего на частное — начал придирается ко мне:

— Всё, что вы делаете — чистое безумие, — сообщил он так, будто ставил диагноз.

— И тем не менее вы здесь, — ехидно парировал я.

— Я не трус! — с более чем явной претензией возразил граф.

Я усмехнулся, услышав это. Леон действительно не был трусом — он был занозой в моём самом чувствительном месте. С другой стороны, может, граф и был занозой, но надо отдать ему должное — для того, чтобы вернуться после разноса в палатке, нужно иметь искреннее желание сражаться до конца.

«Кто знает, может, и он мне ещё пригодится?»

— Вижу. Добро пожаловать на сторону безумия, — сам не веря в это, я протянул ему руку для пожатия.

— Где ваша лошадь? Где вообще хоть одна лошадь? — прежде чем ответить на этот жест, спросил Леон.

— Там, где они нужнее всего, — отмахнулся я, — на нашем левом фланге. На нашем правом фланге. На нашем очень правом фланге.

На самом деле, разумно было бы себе жеребца всё же взять, но Рейланд не очень любил лошадей и ездить умел не особо. Я же и вовсе не испытывал к этим непарнокопытным ни малейших тёплых чувств, к тому же абсолютно не умел с ними обращаться.

Кавалерию на Играх в целом практически не использовали. Разве что в качестве тягловой силы для пушек, в обозе, для посыльных и иногда, далеко не всегда, в качестве предмета статуса у офицеров. Причина состояла в дороговизне: в отличие от людей и их построек, лошади не обладали бессмертием. Учитывая регулярный характер Игр, содержать кавалерию выходило астрономически дорого.

Понимая, что Леон сейчас исключительно рефлекторно опять начнёт спорить, я сместил его фокус внимания на другую вещь:

— Как вам наши силы?

Граф огляделся с выражением полного отчаяния на лице. Не дожидаясь его ответа, я сам перечислил как можно громче, тоном обращая всё в шутку:

— Дама с оглоблей и дудкой, Гун-Гун с фонарём, мы с вами и две тыщи отборных лентяев, ну разве что-то может пойти не так?

Ох, сколько всего могло пойти в этот момент не так!

Первая битва

Я так и не понял, кто кого нашёл: мы «лунных» или они нас. Всё вышло как-то само собой. Стоило моргнуть — и вот уже не слишком ровные ряды солдат с обеих сторон стояли напротив, разделённые не более чем четырьмя сотнями метров.

Местность для сражения была «что надо», живописнее некуда: равнина, лесок неподалёку, где кипел бой, горящий город с другой стороны. Хоть сейчас на картину про то, как война портила хорошие пейзажи.

Думаю, упоминать о том, что «лунных» было больше, да и вооружены они были явно чем-то получше фонарей, не стоит. На их фоне мы выглядели как кучка детишек, вышедших с рогатками против банды байкеров. Не оставалось ничего, кроме как давить моралью. Дав Миюми вдоволь подудеть, я сложил руки рупором и крикнул:

— Ноа, выходи биться, трусиха!

— Может, мне ещё подудеть? — выждав немного, предложила моя помощница.

— Пожалей мои уши, — раздражённо буркнул я и быстро исправился, — кхм, в смысле устанешь же, а силы ещё пригодятся.

Наконец стало заметно какое-никакое оживление в рядах противника.

— Пошли, кажется, Ноа выбралась из своего гнезда, — скомандовал я Миюми и уверенно направился вперёд по полю. — Выше нос и ровнее стяг! Дипломатией заниматься будем.

— Это как? — удивилась девушка.

— Сначала она оскорбит меня, затем моя очередь. Так понемногу, маленькими шажками мы поделим мир, а затем передерёмся.

Идти под молчаливыми взглядами двух армий оказалось не так уж и просто. Больше всего на свете в этот момент мне хотелось плюнуть на вот это вот всё и закричать: «Я просто талантливый менеджер!». И, сорвав с себя одежду, убежать восвояси. Однако, как мне кажется, такое поведение могло слегка дезориентировать моих подчинённых, а побеждать всё же как-то бы пришлось.

Правда, как именно я собираюсь пожинать плоды этой победы, если меня через пару минут зарубит Ноа, вопрос отдельный, достаточно дискуссионный. Оставалось верить в чудо — так меня всегда называла мама — и надеяться на удачу.

С Ноа Кейтлетт мы встретились, как полагается в таких случаях, примерно посередине от обеих армий. Командующая «лунных» прибыла на встречу не пешком, а на роскошном белом жеребце и в не менее роскошном доспехе, который венчал белоснежный плащ. Что забавно, если моя кираса изображала вроде как тигра, то её — сову. И такая же ситуация была с личными штандартами, которые оба изображали наше «тотемное животное» в позе атаки.

«Интересно, это случайность или нет?» — интуиция подсказывала мне, что не совсем. Один символ вызвал появление другого, причём установить, кто был первым, не представлялось возможным.

Ноа как обычно была не в духе и почему-то одна, без своего адъютанта-Герострата. Когда она спешила и подняла забрало шлема, тоже не без аллюзий на сов, стало видно, что она пылала гневом.

— Рейланд Рор, ты трус и негодяй! Что ты себе позволяешь?! — крикнула она мне так,

что, наверное, это слышал каждый человек в радиусе нескольких километров, даже те, кто сейчас находился в гуще боя.

Я пожал плечами, не понимая, о чём это она. Во-первых, мне хотелось её задеть. Во-вторых, неужели в этом мире настолько всё плохо, что каждый мой хитрый манёвр будет вызывать недовольство? В-третьих, если дело в подожжённом городе, а даже если и не в нём, то в чём-то оправдываться, особенно перед Ноа, у меня и мысли не было.

— Ты явно не в духе, хочешь, моя помощница сварит тебе кофе? — ехидно предложил я.

Шутка вышла бы лучше, если бы Кейтлетт хоть раз пробовала то, что готовила Миюми. Но, скорее, командующая «лунных» не улыбнулась бы даже в таком случае.

Вместо ответа она отстегнула свой ослепительно-белый плащ, бросила его на лошадь, захлопнула забрало и достала рапиру. Затем Ноа встала в характерную стойку, всем видом показывая, что она препираться и тем самым оттягивать мою бесславную кончину не собиралась. Вздохнув ещё раз, я тоже вытащил меч и опустил шлем, отчего мир стал совсем маленьким.

— Иди обратно. Похоже, дипломатия закончилась раньше, чем ожидалось, — кивнул я Миюми, после чего та поспешила побыстрее уйти восвояси.

Как мне в тот момент хотелось, чтобы Миюми шла медленнее! Я стоял напротив Ноа и всем телом ощущал, что от момента, когда она меня зарубит, отделяли только те секунды, пока моя помощница отходила от нас на почтительное расстояние.

Релайнд Рор был готов к таким вещам, Ота Кохэку — нет. Это не математика, не картография и даже не военное ремесло. Сражаться нужно уметь, а не помнить, как это делалось. Вот если бы мне предстояло схлестнуться с ней, например, в сфере продаж — тогда совсем другое дело.

Тем не менее это всё ещё было лучше, чем полевое сражение. Те силы, что стояли у меня за спиной, не годились ни на что, кроме как стоять. Стоит раздаться первым выстрелам — они побегут, причём сразу все.

Тогда как за Ноа Кейтлетт стояли, может, и не лучшие её солдаты, но явно и не худшие. То, что гнев, какие-нибудь традиции и персональная ненависть к Рейланду Рору толкнули её на церемониальный поединок, было единственным спасением в этой ситуации.

«И очень предсказуемым, кроме того», — улыбнувшись уголками губ, подумал я.

Миюми давно уже отошла, а мы по-прежнему стояли. Мне и так было дурно от волнения, а стоять в напряжении, словно в дурацком вестерне, ещё хуже. И тут мне пришло в голову ляпнуть какую-нибудь дурь:

— Так и будем стоять?

Ноа Кейтлетт мгновенно сорвалась с места. Нас разделяло два, самое большее два с половиной метра. Это расстояние она преодолела за доли секунды, собираясь нанизать меня на клинок, словно бабочку на иглу. Мне же удалось лишь неуверенно махнуть саблей, а затем неуклюже увернуться от атаки.

— Пришёл крапиву бить? — разрывая дистанцию, едко поинтересовалась Ноа.

Я уже начал нелепую по своей форме атаку, когда сообразил, что она банально меня провоцировала. Было слишком поздно менять планы. Движение вначале вышло неумелым, но затем, инстинктивно, моя рука сама слегка подправила его, превращая в замысловатый ложный выпад.

Ноа отразила удар лишь чудом, сама, похоже, переоценив свои силы, а точнее недооценив мои. Она вновь разорвала дистанцию и начала кружить вокруг меня, словно

гипнотизируя.

Атака последовала неожиданно, в тот момент, когда я корпусом слегка обогнал движение «совуны», упуская её из вида. И вновь тело всё сделало само: нужно было просто слегка сместить центр тяжести, а затем в нужный момент уйти кувырком в сторону.

Именно тогда до меня наконец дошло, в чём дело. Не нужно было думать над движениями, выпадами и прочим! Рейланд Пор никогда так не делал. Для него фехтование было видом танца — чем-то лежащим вне расчётов и глубоких суждений. Только действие, только напор. Мысли лишь мешали, замедляя!

С этого момента тон битвы решительно переменялся. Я больше не переминался в нерешительности с ноги на ногу, а действовал. Конечно, выходило далеко не идеально, но всё же лучше чем то, что было в самом начале.

Я старался не отпускать от себя Кейтлетт ни на секунду, а память сама подправляла кривые движения, превращая их в сложные паттерны выпадов. Но и моя противница не просто защищалась. Каждое моё движение встречало реакцию, каждая атака — контрудар. Под пение стали мы сходились и расходились, кружась в смертоносном танце.

В определённый момент я даже начал получать удовольствие от происходящего. Своеобразная эйфория наполнила всё тело. В следующий момент, после очередной короткой стычки, мне не удалось сдержать смех.

Кейтлетт это, судя по всему, очень возмутило:

— Ты слишком много смеёшься. Это не серьёзно!

В ту же секунду я вывернул её фразу наизнанку:

— Ты слишком серьёзна. Это не смешно!

Ноа сделала вид, будто собралась вновь увернуться, но неожиданно понеслась вперёд. Я встретил её улыбкой, очень ясно осознавая, даже без чужой памяти, что она совершала ошибку новичка.

«Попалась!»

Короткий шаг в сторону, метко поставленная подножка — и командующая «лунных» полетела вниз вместе со всем своим гневом, самомнением и багажом личных проблем. Возможно, будь Ноа действительно новичком, тут бы и закончилась битва, но, к сожалению, она им не была. Уйдя кувырком от моего добивающего удара, Кейтлетт мгновенно вскочила на ноги и развернулась, чтобы вновь атаковать, разом обращая в целом неудачный манёвр в неплохую подводку к настоящей атаке.

Сталь встретила со сталью отчаянным звоном. Один удар, второй, третий — и вот мы снова, оба, почти синхронно разорвали дистанцию. Причина — нехватка сил. Бой длился от силы минут пять, но я запыхался так, будто махал мечом целый день. И судя по всему, Ноа пребывала примерно в том же состоянии.

«А ведь мы оба подготовленные бойцы!» — ужаснулся я мысленно.

— Не пробовал мыться, болотный тигр? — раздался приглушённый шлемом и одышкой насмешливый голос.

— Пробовал, не понравилось. А ты улыбаться не пробовала? Тебе, между прочим, идёт.

Кейтлетт фыркнула из-под шлема, пропуская этот нелепый комплимент мимо ушей. Где-то сзади раздался смех, и я неожиданно для себя понял, что мы с Ноа больше не одни.

Наши армии, пока командиры сражались, сблизилась почти в упор, и, оставив нам небольшую площадку, внимательно наблюдали, активно болея. Сильнее всех старался Гун-Гун, где-то раздобывший небольшой транспарант с загадочной надписью: «Все лунные —

борщевик!», и Миюми, размахивающая штандартом, словно вертолёт пропеллером.

Чуть в стороне от неё стоял граф Сайрас, вокруг которого переминались с ноги на ногу несколько вестовых. Поймав мой взгляд, Леон выразительно достал карманные часы и покачал головой.

Намёки всегда давались мне с трудом, но конкретно этот был понятен с первого взгляда.

«Ему нужно время!»

Слегка кивнув, обозначая, что намёк ясен, мне ничего не оставалось, как начать очередную серию атак. Ноа, шипя и скрипя зубами, отбивала их. Мы оба порядочно устали, поэтому наш бой всё чаще и чаще прерывался на передышку, точнее перепалку.

— Рор, ты сражаешься настолько отвратительно, словно никогда этого раньше не делал!

— Неплохое оправдание, да? А у твоего стиля дохлой черепахи какое?

— Чеши языком, наглец, чеши, твоим войскам конец! Думал, меня так просто обмануть во второй раз? Думал, я не догадаюсь про эти твои отвлекающие манёвры?

— Почему же, именно так я и думал. Поэтому отвлекающий манёвр сегодня всего один, — пришлось отвлечься от боя на секунду, чтобы выразительно постучать себя по кирасе. — Ты же тоже должна понимать, какой фарс этот поединок?

— Ха! Ты ещё и лжец, хочешь сказать, что ты поджёг город... — не поверила мне Ноа.

Мне казалось, что Кейтлетт решит, что основное направление атаки располагалось в городе, так как там удар будет нанесён в первую очередь, а все остальные, соответственно, — отвлекающие манёвры, но похоже, что она сама себя перехитрила.

— В качестве сигнала к атаке для остальных. Их там примерно поровну на каждом из направлений.

Ноа, услышав это, от удивления аж пропустила мой выпад, едва не ставший для неё фатальным, и отскочила подальше в сторону.

— Что?

«Она разгадала трюк с городом, догадалась о сути этого поединка, но вот остальные атаки Ноа так и не раскусила!» — не без самодовольства понял я.

— Тебе не сообщили? Что ж, значит... сюрприз! Ты же не думала, что я подпалил этот городок просто так? Кстати, так куда там ты направила свою армию? Спрашиваю просто чтобы понимать, кого мне записывать в потери.

Кажется, у Ноа Кейтлетт почему-то не было ответа на мой вопрос, и кроме того, ей резко стало очень не до битвы. Я же увидел в этом отличную возможность закончить здесь и сейчас.

У меня выходил отличный удар сверху, который должен был проломить любую оборону Ноа. Не имея возможности увернуться, она не придумала ничего лучше, как попытаться прикрыться своей рапирой.

Звякнула, а затем даже вскрикнула сталь. Что-то небольшое пронеслось мимо моего уха. Кейтлетт также от чего-то увернулась, а затем, фыркнув, неожиданно отбросила своё оружие, от которого осталась только рукоять.

Я же застыл, пытаюсь понять, что произошло. Мой удар проломил её защиту, но почему тогда Ноа невредима? Ответ нашёлся неподалёку в траве, где лежало разбитое на части лезвие моей сабли.

«Пат!»

— Побоксируем? — шутя, я принял характерную боксёрскую стойку.

Командующая «лунных», уже успевшая снять шлем, обнажая покрасневшее от перенапряжения лицо, скорчила рожу и покрутила пальцем у виска. Я перекинул ей кусочек ткани и добавил:

— Твоя перчатка. Более не задерживаю!

Кейтлетт поймала перчатку и, пренебрежительно усмехнувшись, ответила:

— Гордись своей «хитростью», Рор, тебе её припомнят, — почему-то из её уст это звучало как оскорбление. — Мы ещё встретимся, и, надеюсь, в следующий раз ты будешь сражаться лучше! И честно!

Спросить, что она имела в виду под «честно» — явно не мои манёвры — я не успел. На этом завершился не только наш диалог, поединок, но и противостояние в целом. Ноа, а следом за ней и все остальные «лунные», спешно удалились прочь.

«Не иначе как выяснять, куда же направилась её армия», — догадался я, очень довольный тем, что мой трюк сработал на все двести процентов.

О том, что Ноа Кейтлетт, увидев возможность поединка со мной, бросит всё и ринется в бой, у меня даже мыслей не было. Мне казалось, что прежде она убедится в том, что сражение шло по плану.

Тут сказывалась разница в мышлении. Пока я ставил во главу угла стремление победить без всякой философской и моральной шелухи, все остальные думали несколько иначе. Они тоже желали победить, но для них способ достижения победы был важнее, чем сама победа.

Так я считал весь этот поединок хорошим способом оторвать Ноа, хотя бы на время, от командования, помешать ей принять нужные решения. Для самой же Кейтлетт, куда важнее было ответить на вызов.

Как только битва завершилась, ко мне устремился взволнованный Леон, однако граф не успел и шага ступить, как, опережая его, ко мне подлетела взмокшая от волнения Миюми.

— Вы победили!!! — кричала она, пребывая на седьмом небе от счастья.

Кажется, девушка собиралась броситься мне на шею, но, вовремя заметив множество удалённых взглядов, остановилась. Её настолько переполняли эмоции, что она аж дрожала. Казалось, что ещё чуть-чуть — и Миюми взорвётся от радости.

— Давай, в честь победы можно, — улыбнулся я.

Простояв так пару секунд и убедившись, что накал эмоций у моей помощницы снизился до несмертельного уровня, я вежливо отстранил её, сразу угодив под куда как менее приятное внимание графа.

Тот уже тихо, немного со злобой хотел начать допрос.

— Вы собираетесь её вот так просто отпустить?

С удивлением я посмотрел сначала на графа, затем на Миюми, которая витала в облаках чуть поодаль. Леон проследил за моим взглядом, треснул себя по лбу.

— Да не её! Кейтлетт!!!

В очередной раз удивившись тому, как некоторые люди бывали не способны думать хотя бы на шаг вперёд, я указал на удаляющуюся армию «лунных».

— Вы хотите навязать схватку «лунным», имея за собой две тысячи поваров, прачек, Гун-Гуна и измотанного меня? Ха! — я притворно рассмеялся, хотя, скорее, хотелось плакать от той тупости, в которую приходилось тыкать. — Да вы безумец, Леон!

Графа такой ответ заметно позлил, но не успел он высказать новую претензию, как я перевёл разговор и иное, куда более важное и актуальное русло:

— Как там битва?

— Пепелище города наше, капитан Эльт будет здесь через четверть часа, — продолжая бросать на меня недовольные взгляды, сообщил Леон. — Капитан Ноктим тоже закончил и сейчас обходит «лунных» с тыла.

Решив, что это наилучшая возможность в кои-то веки использовать Леона с пользой, я принялся раздавать ему приказы:

— Отзовите его, пускай идёт сюда напрямик. Болото?

Граф вздрогнул, но затем и вправду принялся напоминать мои команды.

— Там сейчас все силы «лунных». Дела там плохи.

— Ну и ну их в болото, — отмахнулся я. — Распорядитесь: пускай уцелевшие отходят к нам, обогнув озеро.

«Похоже, кого-то в штабе Ноа ждёт большой разнос за этот «умный» манёвр, ха!» — в том, что такое решение приняла не сама командующая «лунных», у меня сомнений не было никаких.

Кейтлетт — высокомерная, заносчивая и так далее по списку, но не идиотка, которая бросит всю армию туда, откуда её придётся очень долго доставать.

Пока Леон науськивал вестовых в попытках узнать, поняли они его правильно или нужно трижды повторить, я подозвал чуть отошедшую от эмоций Миюми:

— Дуди в честь победы, а потом завари мне корня мандра-что-то-там — голова болит, словно по ней последний час очень много и сильно били.

— Зачем вы отправили все наши силы в эти проклятые болота? — Ноа задавала этот вопрос уже в третий раз и не слышала причин останавливаться.

Ей хотелось понять логику этого поступка, предпосылки, какие-то планы, но всё, что у командующей получалось, это убедиться в том, что её собеседник клинический идиот. Сидящий перед ней Лой Шинку устало, с видом провинившегося мальчишки повторял:

— Оттуда прибыли вестовые, вы были заняты... я решил действовать...

— Вас не смутило происходящее в городе? Или другие сообщения? Из леса, например?

— Я посчитал это отвлекающим манёвром...

Командующая потёрла переносицу и покачала головой. Затем взглянула в глаза сидящего перед ней человека. Герцог, похоже, даже не понимал, в чём его ошибка.

Самое же страшное было в том, что никакой ошибки по сути не было. Ноа и до этого знала, что Шинку бездарный идиот, но тем не менее ввязалась в этот поединок, оставив командование ему. Произошедшее, как бы сильно она ни искала виноватого, не переставало быть её и только её виной.

— Свободны. Альт!

Её адъютант появился необычайно быстро с дымящейся кружкой в руках. Удивлённая Ноа решила, что он, возможно, впервые решил проявить какую-то заботу, а может, и начать выполнять свои обязанности, но когда попыталась забрать у него кофе, Альт растерянно заметил:

— Это моя.

Погода снаружи стояла практически идеальная, если не считать дыма, но тем не менее послышался громовой раскат. Верно расценивая обстановку, Альт поспешил поделиться. Грозы удалось избежать.

— Что с больными? — отпив кофе, спросила командующая.

— Срут... кхм, простите, в общем, выкопали новую отхожую яму.

Кейтлетт недовольно покачала головой и отпустила его восвояси. Командующей было откровенно не до извечных шуточек.

Её утро началось с известия о том, что треть её сил практически в полном составе недееспособны. И это в день решающего сражения! Какое-то отравление или что-то в этом роде. Ничего серьёзного, если не считать того, что солдаты на ногах едва стояли, не говоря уже о всяких нелюбезных подробностях.

Быстрое расследование показало, что все они вечером ели вместе и одно и то же. Иначе как саботажем такое объяснить было невозможно. Чуть позже пришло запоздалое письмо от Кайла Расса. Шпион пытался её предупредить о диверсии Рора, но опоздал.

Кейтлетт долго думала, но так и не могла понять, как Рейланд пошёл на это. Он был мерзким, самоуверенным наглецом, но это было чересчур даже для него. Ноа, наверное, как никто другой знала, что у него есть свой кодекс чести. И всё же он перешёл черту.

Разумеется, Рор победил. Не только в схватке, но и в битве. Ещё бы! Треть армии недееспособна, ещё треть размазана по огромному пространству, а остальных Шинку отправил пугать лягушек. Нет, они, конечно, нашли себе противника. Небольшую кучку «солнечных», большая часть которых там и осталась, но Кейтлетт в битве потеряла в три раза больше!

Неожиданно появился Альт с письмом в руках. Судя по вскрытой королевской печати, он уже прочёл содержимое.

«Плохие новости по одной не приходят, только табунами», — подумала Ноа мрачно. — Насколько всё плохо? — спросила она вслух.

Альт пожал плечами и что-то прикинул:

— На восьмёрку с небольшим хвостиком, — сообщил Альт.

Кейтлетт, ожидая наихудшего, взяла письмо. Оно было написано идеальным каллиграфическим почерком, который она хорошо знала ещё с детства. Он принадлежал её отцу — королевскому писарю.

«Две «северных» армии «солнечных» после переправы потерпели крупное поражение и спешно отступают. К югу армия «солнечных» попала в ловушку и вскоре будет уничтожена. Королевской волей командующей 3-й армией Тофхельма Ноа Кейтлетт приказывается отойти западнее на соединение с частями 2-й армии, а затем, приняв командование над объединенными силами, нанести решительное поражение армии Рейланда Рора.

Его королевское величество, правитель Тофхельма и всех северных земель, Король Хоаким Клык»

Ноа, не веря своим глазам, перечитала письмо, а затем ещё раз. Они побеждают! Несмотря на её поражение на других участках, «лунные» разбили противника. Если всё продолжится в таком же темпе, то через две недели они будут уже в ставке «солнечных»!

— Ты же сказал всё плохо?! — хмуро глядя на Альта, уточнила командующая.

— Вы же не уточняли для кого. Тщательнее нужно настраивать запросы...

В Альта полетела пустая кружка из-под кофе. Он попытался её схватить, но споткнулся, задел рукой свечу, та, качнувшись, упала, вспыхнул огонь, который мгновенно начал медленно, но непреклонно распространяться.

Кейтлетт вскинула бровь и оценила обстановку. После секундной оценки ситуации подхватила ценные бумаги со стола, нравящуюся ей гипсовую фигурку воина, часть одежды и, не оглядываясь на безуспешные попытки Альта исправить свою неаккуратность, которые скорее помогали огню распространяться, спокойно вышла из палатки. Караульные возле входа уже удивлённо переглядывались из-за валящего из палатки дыма.

— Пожар, — кивая им вместо приветствия, спокойно сообщила Ноа.

Заприметив какого-то капрала, Кейтлетт подозвала его.

— Немедленно разыщите капитана Шинку и остальных командиров. Передайте, чтобы войска собирались, выступаем через два часа. Всех, кто не может идти из-за, эм, слабости — на носилки.

— Будет сделано!

День выдался отвратительным, но Ноа уже не было до этого никакого дела. Впереди маячила победа и, что ещё более важно — месть. Представив себе лицо Рейланда, когда он узнает о том, что остался один на этом берегу, у неё по лицу расплылась улыбка. Награда нашла жулика!

«Сны дают ответы, но куда важнее знать вопросы»

Напиток из корней мандрагоры, что сварила Миюми, оказался вкусным напитком. Но

имел одно побочное свойство — в сон от него даже не клонило, а склоняло, будто меня по голове дубиной ударили. А где сон, там и очередные сны.

К вечеру очередного дня в этих проклятых, забытых всеми богами горах, на Ноа Кейтлетт вновь опустились мрачные думы о произошедшем. К тому времени как солнце село, а мы отыскивали укромный закуток среди скал и разбили там лагерь, она опять начала погружаться в пучину отчаяния.

Хорошо хоть ужин приготовила — и на том спасибо. Правда, сама она, несмотря на то, что сухари выдались что надо, есть отказалась.

Понимая, что ещё немного — и завтра утром мне потребуется ещё один отряд «лунных», который застанет нас здесь и нападёт на их бывшую командующую, чтобы привести её обратно в чувство, я подсел ближе, пытаюсь угадать, что же Кейтлетт не даёт покоя.

— Опять переживаешь из-за газеты?

— Да, в смысле нет, то есть уже не важно, — Ноа отрицательно покачала головой, потом пожала плечами и наконец кивнула. Выразив таким образом весь спектр переполнявших её эмоций.

— Не понял? — оставалось лишь растерянно уточнить мне.

— «Вестник» всегда был...

— Помойкой.

— М-м-м, да, пожалуй, — не без удивления в такой оценке, согласилась Кейтлетт. — Но они с такой скоростью ополчились на меня...

— Ты тут ни при чём, — заметил я, вороша угли палкой.

— С чего бы вдруг, они ведь про меня... — не поняла этого ответа Ноа.

— Им нужна не ты, а громкие заголовки, внимание читателей. Про меня, тебя, кого угодно, — поделился я своими мыслями на этот счёт. — Кроме королей. Те могут сократить их тиражи до нуля, а рост авторов — примерно на одну голову.

Ноа улыбнулась шутке, что было уже само по себе неплохим ростом, но всё же было видно, что тревожило её совсем не это.

— Волнуешься из-за семьи?

Рейланд плохо знал, что там у Ноа на личном фронте, но, как я подозревал, существовала она не в вакууме, а значит, новости с реальных фронтов могли коснуться их самым что ни на есть прямым образом.

— Не думаю, что сумею сильнее разочаровать отца, чем тогда, когда уронила на принца целый шкаф посуды, — гнусно ухмыляясь, рассказала Ноа.

— Зачем ты уронила на него шкаф?

— Он дёргал меня за косички! — судя по её лицу, она до сих пор считала это преступлением.

— Принц хоть уцелел?

— Да, но с тех пор подходит ко мне исключительно в поле зрения и медленно, — немного подумав, Ноа добавила, улыбаясь чуть шире: — а мне к нему запрещено приближаться вовсе.

— Как тебе повезло.

— Тебя вправду волнует моё состояние? — вдруг в лоб поинтересовалась Ноа.

— Ну-у-у, да.

Кейтлетт некоторое время молчала, а затем, вздохнув, призналась:

— Те егеря утром. Они напали на нас, словно я была врагом, без каких-либо раздумий.

— И?

— В смысле «и»? Ещё неделю назад я была их командующей, а у них не возникло ни капли...

— А ещё месяц назад ты проигрывала одну битву за другой, — прерывая её, напомнил я. — А эти люди молча шли дальше, не особо сомневаясь в правильности твоих поступков.

— Ну, не так уж и молча, знаешь ли, — поправила меня Ноа.

Над чем-то раздумывая, она замолчала, а затем без какого-либо предупреждения оторвалась от разглядывания костра и посмотрела мне прямо в глаза.

— А почему ты так упорно за меня сражаешься? — с намёком поинтересовалась Кейтлетт. — Не ушёл тогда, кинулся выручать, пытаешься подбодрить? Только не говори, что боишься застрять в горах!

Ответа на этот вопрос у меня не было. Точнее был, но произносить вслух его было категорически нельзя.

Правда заключалась в том, что и я сам, и Рейланд Рор в глубине души восхищались Ноа Кейтлетт. Её упорством, стойкостью, невозмутимостью. И оттого было физически больно видеть, как она под гнётом обстоятельств отрекалась от того, кто она есть.

Понимая, что Ноа всё ждёт ответа, я выдал одно из своих предположений:

— Происходит что-то очень нехорошее. Судя по тому, сколько усилий приложили для того, чтобы сравнить нас, «солнечных» и «лунных», Риверкросс и Тофхельм — жди беды.

Ноа легонько усмехнулась, прекрасно понимая, что это далеко не вся правда, а затем едко заметила:

— Неожиданно разумные рассуждения. Особенно для тебя, Рор. Особенно здесь и сейчас. Всё, я спать. Проваливай.

Утро встретило очередным кошмаром, будто меня заперли с Миюми в одной комнате, и еды у нас было одно лишь её "кофе", просыпаться от которого пришлось с криком, и его было слышно на много километров вокруг:

— А-а-а!

В тот же момент меня крепко чем-то огрели по голове, причем сразу же повторили действие, из-за чего я подавился своим криком.

Мир провалился во тьму, а потом из неё появились, нависнув надо мной, два серых глаза, вместе с остальной Ноа, которые осуждающе на меня смотрели.

— Рор, что ты тут устроил? — хмуро поинтересовалась она, держа в руках какую-то деревяшку.

— Просто растормошить нельзя было?

— И избежать возможности ударить тебя? Хе-хе! — хихикнула Кейтлетт. — За кого ты меня держишь вообще?! Радуйся, что я не смогла зарядить в темноте пистоль.

— Ты собиралась в меня стрелять? — вытаращился на неё я.

— Ну, не то чтобы в тебя, скорее над тобой. Очень-очень низко над тобой. Но в целом ты верно уловил суть, да.

— Так, по-твоему, нужно будить людей во время кошмара?

— Нет, конечно, но пушки-то у меня нет!

— Сумасшедшая!

— Самовлюблённый болван! Ещё раз ты разбудишь меня криками — я найду пушку!

Утро, вопреки расхожему выражению, оказалось ничуть не лучше вечера. Ветер, который накануне похоже взял выходной, вернулся и с новыми силами пытался меня сдуть. С собой он прихватил своего лучше друга — мороз, заставив меня пританцовывать, пока костёр набирал силу.

— Никогда не задумывался о карьере танцора? — поинтересовалась Ноа, глядя на мои движения.

Сама она стояла полная невозмутимости и всем видом выражая презрение к тому, что в такую чудесную погоду кому-то могло быть холодно.

— Тебе-то легко говорить, у тебя глыба льда вместо сердца!

— Ха-ха, очень смешно. Так по-солдатски! — Ноа осклабилась, готовясь выдать целый поток ехидства. — Рор, ты теряешь свой истинный талант. Сможешь в перерывах между танцами рассказывать свои шутки. Очень, говорят, выгодно: в самых талантливых буквально кидают едой.

— Нет, серьёзно, как ты это делаешь? — Я без предупреждения схватил её за руку, рассчитывая поймать на лжи и доказать, что Кейтлетт тоже холодно, но ладонь Ноа оказалась не только неожиданно мягкой, но ещё и тёплой.

— Это называется закалка, Рор, — вырывая свою ладонь из моих замёрзших рук, заметила Кейтлетт.

— А-а-а, ты из тех сумасшедших, которые каждый год окунаются в прорубь, желая доказать, что это абсолютно противоположное рациональному поведению действие кого-то убедит в их лошадином здоровье?

— Да, — вскинув бровь, спокойно возразила Ноа. — А холодно тут только тебе, рациональный ты наш.

Наконец костёр разгорелся, даря моим промёрзшим насквозь конечностям долгожданное тепло. Пока я отогревал руки, Ноа принялась за готовку, то и дело бросая в мою сторону недовольные взгляды.

— Отогрел свои драгоценные сосиски? — наконец не выдержала она.

— Теперь не мешай мне готовить. Вали отсюда, не знаю, проверь, что там дальше по дороге. — Заметив, что такое ласковое, душещипательное предложение не сильно меня заинтересовало, Кейтлетт добавила: — иначе, я приготовлю всего одну порцию, и, помилуй боги твою душу, если ты попытаешься её сожрать — следующим на корм пойдёшь уже ты.

— Каннибалка! — тихо буркнул я, рефлекторно увернувшись от взмаха половника, которым намеревались захватить мне по голове, и побрёл смотреть на окрестности.

Те, что ни говори, впечатляли. Мне никогда и в голову не приходило, что высокие, упирающиеся в небо горы со своими снежными шапками, горными ручьями и водопадами всего за несколько дней путешествия могли так приесться.

Казалось, что ничто меня уже не сможет удивить, когда за очередным поворотом постоянно петляющей тропинки показалась куча мусора.

Сам по себе мусор меня особо не интересовал. Армия «лунных», по следам которой мы двигались, оставляла его в таких количествах, что волей-неволей возникали мысли об экологии.

Мимо очередной кучи я бы прошёл даже не взглянув на неё, однако эта была особенной. Хотя бы тем, что над ней, словно флаг, развевались белые, судя по рюшечкам, явно женские панталоны.

Несомненно, что в армии «лунных» были и другие женщины, кроме Ноа. Одну такую я даже видел мельком как-то: это прелестное, невинное создание по известной только одной ей нужде тащило, взвалив на плечо, огромное бревно. И судя по размеру панталон, они бы ей сгодились разве что в качестве носового платка.

Но не всё же чужими трусами интересоваться! Беглый осмотр остальной кипы вещей показал, что они скорее всего принадлежали Ноа. Это наводило на интересные размышления, и я поспешил обратно, желая поделиться ими с Кейтлетт. Она оказалась совсем не в восторге от предъявленной ей кучи:

— Шикарно! Всегда мечтала увидеть свои вещи, валяющиеся в грязи! — Явно вспомнив задушевные разговоры накануне, Ноа едко добавила: — это так ты решил меня поддержать? Мол, смотри, как тобой дорожат?

— Бабуля, ты разбираешься в людях, как... — я кивнул на «флаг», — в современной моде.

Ноа насупилась, показывая, что если я сейчас же не объяснюсь, кого-то будут бить. Я, решив, что второй раз за утро получать по голове не стоит, поспешил внести ясность:

— Зачем выбрасывать твои вещи?

— Даже не знаю! Ещё сильнее унижить меня? Выкинуть лишнюю ношу?

Такой её ответ показался мне откровенно дурацким.

— И сделали это посреди гор, потому что до этого были сильно заняты? Нет, это сделал кто-то, кто в курсе, что ты идёшь позади...

— Что за вздор? — насупилась Ноа. — Это могло прийти в голову только... Альту... — горы пронзил яростный крик. — Альт Цион! — Кейтлетт развернулась, направившись обратно в лагерь. — Ты идёшь или как?! Мы должны торопиться!

— Какой запал! Какая экспрессия! — оценил перемену настроений я.

— Когда я доберусь до него, ему ох как не поздоровится. Я доберусь до этого ленивого крысёныша и придушу его вот этими вот руками!

— Трусами... — поправил её я.

— Что? — холодно спросили у меня, намекая, что придушить можно не только Альта Циона.

— Ничего-ничего, продолжай кипеть.

В тот день мне так и не удалось позавтракать. Еду Ноа, конечно, приготовила, но не успел я взять миску с ложкой, как Кейтлетт, продолжая полыхать гневом, криками погнала меня в путь.

Она и в обычные дни двигалась весьма резво, но сегодня это было что-то с чем-то. Казалось, всё, что её сейчас интересует, это нагнать своего незадачливого адъютанта. Первые пару часов мне удавалось как-то за ней поспевать, однако затем мои ноги словно налились свинцом, а лёгкие кто-то поджёт.

Хотелось упасть ничком, свернуться калачиком и плакать, а Кейтлетт продолжала гнать меня вперёд без передышку, периодически подначивая:

— Живее! У тебя же на гербе тигр, а не черепаха!

— Хоть осьминог, только дай отдышаться, а? — взмолился я.

— В гробу отдохнешь...

— Да хоть сейчас!

— Заткнись и иди, слабак! — ещё злее прежнего воскликнула Ноа.

Когда солнце наконец пошло на посадку, шутка про отдых на том свете уже не казалась такой уж несбыточной. Во всяком случае, моё сердце точно отбивало свои последние аккорды, азбукой морзе пытаюсь передать сигнал «SOS».

Горы к тому времени изрядно поредели и стали значительно ниже. Мы оказались в небольшой долине, которая отделяла горы от остальной страны. Кроме вездесущих скал здесь наконец появились и другие элементы ландшафта: трава, кустики и даже деревья. Возле последних мы и остановились.

При наличии некоторой фантазии эти четыре пожухлых, весьма потрёпанных жизнью ёлки, можно было назвать крохотной рощицей, но к тому времени у меня не оставалось сил даже на святое — на сарказм.

Бросив мешок с вещами на землю, я ничком на него упал, мечтая только об одном: чтобы пришла ещё одна группа «лунных» и пристрелила меня, избавив от мучений. К сожалению, неподалёку была только кипящая гневом Ноа.

— Типичный мужик: стоило только тебя немного погонять, как ты уже упал лапками кверху! — мгновенно отреагировала на мои действия она.

У меня уже просто не было сил ругаться:

— Ноа, иди... иди... не знаю... в Занзебал!

— И этот человек, вчера рассказывал мне, что нужно не сдаваться, а сражаться до последнего!

— Не пей мою кровь!

— Да она даже комарам не нужна!

— Чем молоть языком, лучше за дровами сходи.

Не отрываясь от мешка, я нашарил рукой какую-то палку и швырнул её куда-то в район Кейтлетт. Это было ошибкой. От скорой, чудовищной расправы меня спас раздавшийся очень низкий птичий крик, точнее рёв. Словно огромная птица попыталась прорычать по-львиному. Издали кто-то ответил похожим звуком, только более высоким. Громко хлопая крыльями, над нашими с Ноа головами пронеслось что-то здоровое и быстрое. Споры как-то сами собой прекратились.

— Таким образом, не считая Первой армии, попавшей в окружение, мы последние «солнечные» на этом берегу реки, — именно такими словами Леон закончил зачитывать послание, пришедшее нам от короля в честь моей победы.

«Судя по новостям — последней».

Триумф от победы длился недолго, самое большое — час, который я провёл, блуждая во снах, а в них, в свою очередь, блуждал по горам и почему-то с Ноа. Хотя последнее, учитывая «бурное» утро, вполне логично. Что видишь перед глазами в течение дня, то и будет сниться. Поэтому на Земле мне чаще всего снился монитор.

Разбудил меня гонец от короля с сообщением, которое и зачитал собравшимся в штабе офицерам граф, в том числе и мне. Изначально мы собирались вяло посчитать свои и активно вражеские потери, а также с умным видом порассуждать о планах грядущих.

Как выяснилось, не то что грядущее, даже завтрашний день потерял актуальность: если не начать действовать уже сегодня, то он может вообще не случиться. Мне ещё повезло, что участь сообщать плохие новости взялся на себя именно Леон. После небольшого скандала на тему того, кто из нас лучший командующий короля, а кто всего лишь уши.

Надо признать, учитывая располагаемые возможности, король помог нам чем мог: скупно похвалил с удачной переправой, пожелал дальнейших успехов, самоустранившись от нашей судьбы. Обошлось без указаний — и на том спасибо.

— Что будем делать, командующий?

Мне не удалось увидеть, кому принадлежал вопрос, но и так понятно, что принадлежал он всему коллективу. Настроение в палатке было мягко говоря так себе, а некоторые так и вовсе уже мысленно паковали вещи, думая, что Игры закончились. Молча я посмотрел на разрисованную Леоном карту. Данный шедевр абстракционизма символизировал жизненные обстоятельства, продолжавшие упадок.

Сзади, с северо-востока, к нам приближались сразу две армии «лунных». На западе находилась Ноа с остатками своих сил, которые она едва-едва успела выудить из болота, в которое сама же и отправилась — лёгкая жертва, но только если её вовремя догнать. Потому что за ней, дальше по течению реки, на юго-западе, самое большое в трёх днях пути, находилась ещё одна армия «лунных», которая прижимала к берегу реки то, что осталось от наших «кого-то».

Как их называть, я не успел определиться. С одной стороны, вроде как это были союзники, товарищи по оружию и прочий высокопарный бред, с другой — большая их часть уже закончила Игры. Это вызывало определённые мысли касательно качества их личного состава. В основном нецензурного характера.

Однако пытаться свалить на них всю вину или, наоборот, оправдать — это совсем не то, чего требовал актуальный момент. Он требовал от меня действовать прямо здесь и сейчас. Для начала нужно обозначить остальным свою позицию по поводу того, что кроме нас из активных сил «солнечных» осталась одна полуразбитая армия, прижатая к берегу реки.

— Будем сражаться за себя, за Сашку и всех остальных! Успех не стоит ничего, если ты не готов к нему морально, — громко продекламировал я набор высокопарного бреда. — «Лунные» сейчас в не меньшем удивлении от той лёгкости, с которой победы идут к ним в руки. Это наш шанс!

Удивительно, но этот бред вызвал большое оживление в палатке. У всех, кроме Леона.

— Кто такой этот Сашка, и почему мы должны за него сражаться? — мрачно, даже с подозрением уточнил граф.

К счастью, остальные уже переключили своё внимание, перестав думать о том, что они проиграют, и задумались над более актуальными вопросами. Кто-то, например, громко, перекрикивая даже меня, начал обсуждать «говёное меню».

Пожалуй, слишком актуальные вопросы. Не хватало ещё решать состав меню всем штабом. Учитывая, сколько времени обычно уходило на куда более заурядные вопросы, например, сражения, мы рисковали погибнуть от голода.

Я выразительно прокашлялся, призывая к порядку, и указал на карте то место, где сейчас находилась Кейтлетт, а также её предполагаемый маршрут:

— Пойдём здесь, прямо по дороге, маршем два дня через один. Если повезёт — нагоним совунью, если крупно повезёт — сделаем это до того, как она расправится с нашими союзниками, ну, а если в дело вмешаются боги, то, может быть, даже успеем до прибытия к ней подкреплений.

Мне на секунду показалось, что даже Леон согласен с таким планом и возражений не будет, но именно в этот момент мне возразили. К моему бескрайнему удивлению, это оказался никто иной как Кейл Ресс. Который, несмотря на все подозрения, был записан мной в «союзники».

— Не лучше ли тогда повернуть на север, к замку Яой?

Услышав это название, я почти поперхнулся, но быстро взял себя в руки. То, как называлась ключевая крепость «лунных» глубоко в тылу, было не так важно, как сам вопрос.

Он как минимум вполне резонный. Собственно, это был мой запасной вариант. Ринуться прямо во вражеский тыл, громя всё на своём пути. Именно так и поступил бы настоящий Рейланд Рор — поставил бы всё на иллюзорный шанс победить. К сожалению, у меня не было возможности так рисковать. Моего альтер-эго в случае поражения ждало разве что ещё два года интенсивной подготовки к следующим Играм. Моя ставка была куда выше.

— Нет, этого они от нас и ждут — не будем помогать нашим противникам.

Кейл выразительно на меня посмотрел. От такого взгляда у меня мурашки по спине пробежали. Я и забыл, насколько этот человек умел наводить жути. Не важно, что разведчик хотел этим показать: что он знал мой секрет или же что этот вопрос был специально задан, чтобы спровоцировать меня идти на запад, или просто возразить. Гораздо важнее, что Кейл сумел вогнать меня в ступор всего одним взглядом.

Обсудив незначительные детали и приняв решение выдвигаться через несколько часов, я покинул палатку. Затем всё происходило как в тумане. Мне так и не удалось понять, как это пронеслось, но в следующий раз я пришёл в себя уже вечером как раз в тот момент, когда мы вновь разбивали лагерь.

В целом то я, конечно, помнил, как прошёл день, ни разу не сомкнул глаза и так далее, просто он метеором пронёсся мимо меня. Видимо, сказывалось то, что меня откровенно колотило. Оно и не мудрено: не день, а какой-то кошмар. Сначала эта битва, затем, стоило только поверить в свой успех и порадоваться тому, что я выжил, как судьба с размаху залепила мне по яйцам. Хотелось всё бросить, махнув рукой, и сдаться.

Что удручало гораздо сильнее — похоже, я был едва ли не единственным, кто ясно осознавал всю глубину ситуации, в которой мы оказались. Попали, образно выражаясь, мы что надо: вокруг было темно и откровенно пованивало. И дело заключалось даже не в немых солдатах вокруг.

Солдаты же словно не замечали всего этого. Несмотря на утренний бой, днём на марше они шагали так, будто ничего и не было. Когда же нам по пути попался брошенный лагерь Ноа, они пришли в такой экстаз, что весь оставшийся день распевали наспех сочинённые песни, чьё содержание вкратце сводилось к подробному, на удивление, описанию мест, куда следовало пойти всем нашим противникам.

Я, вдоволь наслушавшись этих песен, уже начал всерьёз опасаться за то, чтобы у меня не отвалились уши. К счастью, примерно в этот момент мы встали на ночёвку, и те, кто ещё пару минут назад горлопанил песни, завалился спать, быстро расставив палатки.

Мне и прежде доводилось читать о том, что солдат жил моментом. Когда есть возможность он ел, если мог — спал, в остальное время же пел. И только в этом мире я на всю глубину осознал, что это ни разу не шутки. Оно так и было! Эти люди жили сегодняшним, максимум завтрашним днём. Мысли о том, что будет на более длинном отрезке времени, к ним в головы даже не заглядывали.

Особенно меня это удивляло на фоне более привычной мне Земли. Я всегда думал, что такое отношение — черта исключительно призывных армий, куда сгоняли силой. В нашей истории, во всяком случае большей её части, войска примерно так и комплектовали.

Здесь же, в этом мире, ничего такого не было: в «солдаты» шли абсолютно добровольно, максимум, что на них давило — простейшая социальная ответственность, гласящая, что каждый взрослый мужчина должен побывать на Играх. Всё!

Именно в этот момент, задумавшись над этим парадоксом, я поднял голову, посмотрев на чужие мне звёзды, и замер. До меня впервые за всё время моего пребывания в новом теле дошла одна простая истина: существовала вероятность, мне больше никогда не представится возможность увидеть Землю.

Нет, я и раньше подозревал нечто такое, но тогда это было неосознанно, просто как факт, витавший неподалёку. Сейчас же до меня наконец дошло, какие ставки на самом деле.

Не просто вопрос возвращения домой. Нет, всё было куда хуже. На кону стояла моя жизнь. Каковы шансы, что Ота Кохэку уцелеет, если мне двадцать четыре на семь придётся изображать из себя другого человека? Как по мне — ничтожные.

Даже без притворства рано или поздно я стану Рейландом. Он попросту более сильная личность, нежели Ота. Самое ужасное — это уже происходило, медленно и постепенно, а потому абсолютно незаметно.

Взять ту же палатку: она была больше и комфортабельнее, чем моя земная квартира, так её ещё возили с места на место и ставили за меня. На что я попросту не обращал внимания, пока не задумался над этим.

Оно, конечно, понятно — командующим быть удобно. Солдаты, сержанты и младшие офицеры всё своё таскали на себе. Место в обозе было строго ограничено. Ну, как строго... строго для всех, кроме старших офицеров.

Если у человека имелись статус и деньги, он был волен приобрести хоть царские хоромы. Палатка, как и доспех, являлась показателем статуса, гигантским транспарантом «да-да, я богат и не стыжусь этого». Её убранство подбирали с особой тщательностью, по определённой моде. По поводу того, насколько это было серьёзно, достаточно сказать, что к

этому вопросу Рейланд подходил ничуть не менее ответственно, чем к выбору оружия или доспехов.

Я, как дитя совершенно иной эпохи такого вещизма, откровенно не понимал. Но если мне придётся здесь задержаться, то придётся вникать и в это. Стоило подумать об этом, как все прочие мысли о палатках и статусах как-то мгновенно улетучились. Уткнувшись носом в землю, я отправился за пределы лагеря.

Окружающие, наверное, думали, что их командир весь погружён в командирские мысли, но по факту я просто опасался споткнуться о кого-нибудь в потёмках. А вот мысли у меня действительно были, хоть и по другому поводу.

До сих пор происходящее воспринималось мной как какое-то приключение, игра, забавная история, которую потом будет весело вспоминать. Но это не было забавно! Это чужая жизнь, на которую я абсолютно не имел права претендовать. Рейланд Поп не был каким-то абстрактным злодеем, которого надо было направлять на путь истинный. Какое у меня право менять его судьбу?

Ещё с детства я хорошо уяснил, что любое решение в отношении других людей всегда стоит прежде примерять на себе. И, надо сказать, вряд ли бы мне понравилось, если бы кто-то от моего имени взялся принимать трудные решения, в которых по определению нет верных или неверных выборов.

Откуда мне знать, что лучше, а что хуже? Никакая память никогда не заменит личного опыта. Мой же принадлежал миру, где есть такие чудесные изобретения как непромокаемые носки, гамбургеры и метро, а не огромная башня, делающая раз в два года неуязвимыми толпы народа, чтобы те могли спокойно помутузить друг друга острыми металлическими палками.

Совсем недавно я приказал сжечь город. Самый настоящий город, в котором жили люди! То, что с ним по итогу ничего не случится, не меняло абсолютно ничего. Такие вещи нельзя сделать «понарошку», потому что они по умолчанию лежали за гранью нормального. И пытаться оправдать подобные действия сродни попытке запихать зубную пасту обратно в тюбик с тем учётом, что эти оправдания неизбежно вызывали привыкание и желание повторить. Стоит только начать — и я сам не замечу, как начну считать любое своё действие суровой необходимостью, а это путь в один конец.

Мрачнее чем до того, как отправился гулять, я вернулся в палатку, надеясь хоть немного отдохнуть. Правда, одного я не учёл: что здесь будет Миюми.

— Всё в порядке? — растерянно и обеспокоенно спросила она, явно чувствуя неладное.

Не то чтобы я не хотел кому-то излить душу. Скорее наоборот. Просто вряд ли бы кто-то из окружающих мог выслушать меня без риска задать вполне резонный вопрос: «Почему непонятный пришелец мной командует?».

В случае с Миюми всё усугублялось тем, что мне не хотелось превращать её в сливной бачок для плохого настроения. Поэтому и ответ был таким, чтобы ответить без ответа:

— Да нет.

Он привёл девушку в ступор на несколько секунд.

— Так да или нет? — подозрительно уточнила.

— Просто сильно устал, — отмахнулся я.

— Это всё из-за новостей? — продолжила угадывать Миюми.

— Из-за них, — тут было бы странно спорить о первопричине мрачного настроения.

— Всё будет хорошо!

Возможно, не будь я по жизни таким законченным циником, то её бы энтузиазм меня даже заразил, однако в данный момент подобное заявление могло вызвать разве что улыбку.

— Я знаю. Вопрос в том — когда. Мне нужно «здесь и сейчас», а предлагают только «потом», и что-то мне подсказывает, что просроченное.

Девушка явно ничего не поняла из моего ответа, но это нисколько не умалило её уверенности во мне.

— Вы со всем справитесь!

— Хорошо бы, если так...

— Вот увидите, завтра будет отличный день!

Вид у девушки был такой, словно, если это окажется не так, то она пойдёт разбираться. К кому конкретно не ясно, но дойдёт до самых верхов. И уж кто-кто, а я точно не собирался вставать у неё на пути.

— Если ты так считаешь...

— А я вам сделаю огромную чашку кофе с утра!

По её уверенности я понял, что следующий день точно даст прикурить предыдущему. Когда я ложился в кровать, у меня тоже не было никаких сомнений касаясь того, что будет дальше. Ожидания оправдались.

«Во сне легко потерять себя»

Стараясь не то что молчать, но и не дышать, мы с Ноа залегли под ёлками. Дождавшись, когда шум в небе стихнет, я аккуратно покинул укрытие. Вроде всё было тихо — ни следа гигантской птицы — но тем не менее огонь мы разжигать не рискнули. Кейтлетт, порывшись в сумках, достала оттуда пару сухарей, молча сунув мне один.

Вкус ещё был куда ни шло, но по твёрдости он был прочнее моих зубов, а без тёплой воды размочить его не представлялось возможности. Немного помучавшись с ним, я сообразил, в чём проблема:

— Ты дала мне камень.

Кейтлетт, сомневаясь, фыркнула, отобрала у меня «еду» и стукнула ею о ближайший булыжник. Звук был и вправду как от столкновения двух камней. Хмыкнув, она выбросила сухарь и вручила мне другой.

Этот оказался ещё хуже.

— Не, давай обратно, тот хотя бы был вкусным.

— Тебе не угодишь... — ехидно заметила Ноа.

— Ой, кто бы говорил!

Я ожидал, что сейчас снова начнётся, но, что удивительно, скандала не последовало. То ли Кейтлетт была так занята своим ужином, то ли сказывалась дневная гонка. Она нарушила тишину лишь минут десять спустя и совсем по другому поводу.

— А как бы ты хотел закончить карьеру?

— Что, прости? — удивился этому вопросу я.

— Пару дней назад ты услышал мой вариант выхода в отставку, а как это представляешь себе ты, Рейланд?

— Даже не знаю...

Вопрос на самом деле был сложным. Хотя бы потому, что я до сих пор наивно

представлял себе, что смогу вернуться домой на Землю, подальше от всего этого вот.

Чего хотел настоящий Рейланд Рор при этом? Мне по его воспоминаниям было сложно судить. Он так далеко никогда не заглядывал, предпочитая жить тем, что есть у него здесь и сейчас.

Мне кажется, командующий солнечных вообще не мыслил себя вне Игр. Настолько, что даже будучи в его теле со всеми воспоминаниями, я не мог понять, что же он делал вне войны. Судя по всему выходило, что тренировался, учился, тренировался, готовил снаряжение, тренировался, изучал местность и, конечно же, не забывал о главном — о тренировках.

Как собрать из этого внятный ответ я не знал. Сил же думать над этим тоже не было. Может, поэтому, а может, некоторое эмоциональное одиночество, которое я испытывал из-за необходимости постоянно притворяться не тем, кто есть на самом деле, но мне захотелось ответить правдиво.

— Вернусь домой.

— И всё?

Конечно же, для Ноа Кейтлетт это ровным счётом ничего не значило. Её легко можно было понять: это как если бы кто-то, будучи полностью здоровым, называл мечтой всей своей жизни сходить в магазин.

— Ну, а что ещё нужно? — неуверенно спросил я.

— Тебе? Самому большому нахалу в Риверкроссе? Даже не знаю! — похоже, она и вправду над этим особо никогда не думала, тем не менее своя версия у Ноа имелась. — Мне всегда казалось, что ты отправишься путешествовать. Куда-нибудь на запад, за Полуночные горы — в Кремию или Вольные города.

Мне почему-то показалось, что это мечты совсем не Рейланда. Просто кое-кто проецировал себя.

— Сначала домой, а там посмотрим, — неуверенно заявил я.

— Может, это и здорово, иметь дом, в который хочешь вернуться, — заметила Ноа.

А вот это уже показалось странным мне:

— Ты же вроде во дворце живёшь, разве нет?

— Да. Мой отец — королевский писарь. Только вот... — Ноа сделала небольшую паузу, — в казарме у меня свободы больше, чем там.

Вдруг, определённо кого-то высмеивая, она выдала целую тираду, наполненную желчью, старой злостью и пренебрежением сразу:

— Эта вилка для курицы, эта для рыбы, эта для мяса, нет, Ноа, курица — не мясо! С ним можно разговаривать, а с тем только если он заговорит первым, а этому нужно перед тем, как обратится, делать реверанс. По пятницам у нас свободное платье, по субботам нужно надевать корсет, придут кавалеры, воскресенье — шитьё... Разве это жизнь?

— Если там так плохо, то почему ты не уедешь? — спросил я, пытаюсь отыскать корень проблемы, а не только сарказм.

На ответ Ноа потребовалось куда больше времени, чем следовало.

— Если бы могла — уехала. Куда угодно, хоть за Полуночные горы.

— Почему ты боишься поменять в своей жизни хоть что-то?

С моей стороны, со стороны человека, который в своей жизни держался за паскудную работёнку только потому, что там не требовалось много делать, это звучало предельно лицемерно, и я это знал. А моя собеседница — нет.

И вновь Ноа для ответа потребовалось некоторое время. Мне даже показалось, что его и вовсе не будет.

— Потому что всё идёт... — тихо сказала она.

— В смысле? — не понял я.

— Если всё работает... — устало ковыряясь в вещах, продолжила Кейтлетт, — то зачем что-то менять?

У меня что-то дрогнуло в душе, когда я это услышал. Наверное, потому, что сам ответил бы так же, спроси меня об этом в офисе.

— Что ты скрываешь? — вдруг поинтересовалась Ноа.

— В смысле?

— Ты сказал, что хочешь вернуться домой, но... — Ноа с хитрецей глянула на меня. — Ты явно имеешь в виду не свою усадьбу в Зелёных холмах.

— Почему это? — первой моей реакцией было заболтать, а совсем не сознаваться. — Милое место...

— Потому что твоя усадьба, Рор, расположена в долине реки Луана, — прервав меня, закончила Ноа, с понятным выражением глядя в мою сторону. — Странно, согласишься, желать вернуться в место, название которого ты даже не помнишь?

Тут она меня безусловно подловила. По не до конца понятным мне причинам. Рейланд Рор не слишком любил родные края. Я никогда особо и не лез в эту часть его памяти, но понятно, что это было как-то связано с его детством. И хотя это было давно и не так уж и ужасно, но те места до сих пор тяготили его.

— Да, ты права. Я хочу вернуться совсем не туда, но то, другое место, тоже мой дом.

Отбросив ставший пресным сухарь или камень (чем он там был мне так и не удалось понять), я посмотрел на звёзды, которые ковром покрывали небосвод.

— Это прозвучит как бред, но мой дом где-то там. Очень-очень далеко отсюда. Честно говоря, я даже не знаю, где он сейчас.

Я не должен был это говорить. Не было ни единого шанса, что Ноа, даже при всём желании, меня поймёт. Тут было мало какого-то сиюминутного доверия, возникшего на почве общих тягот. Так оно и произошло.

— Да, звучит как бред. Не хочешь говорить — так и сказал бы. Спокойной ночи.

Это было куда больнее, чем если бы она в меня выстрелила. Но на что я собственно рассчитывал? У этой абсолютно нелепой, неуклюжей попытки попросту и не могло быть иного исхода.

Но даже несмотря на это, что удивительно, мне стало легче. Может быть, мои слова и показались Кейтлетт неуместной отговоркой, но во всяком случае я то уж точно знал, что сказал правду, и моя совесть была спокойна, что в последнее время было редкостью.

«И очень сложно найти»

Каждый раз засыпая, я понимал, что наутро из-за этих странных снов буду в ещё большей растерянности, чем накануне. Сегодня было так же, но эта прошедшая незаметно ночь внесла хоть немного ясности.

Чтобы мне ни снилось, это не было воспоминаниями — эти события никогда не происходили.

«По крайней мере пока».

На секунду мной овладело желание забыть на всё и снова лечь спать, просто чтобы увидеть продолжение этой истории. Потом же снаружи палатки раздались команды, и я понял: прежде предстоит очень трудный и долгий день.

Рубиновый рыцарь

Я хмуро наблюдал за армией, которая вытянулась длиннющей змеей и понуро маршировала по дороге. Мы шли уже часов восемь или девять, и это не могло не сказаться на боевом духе.

Легко быть оптимистом, сидя дома в уютном кресле, попивая чай и читая новости. Куда как тяжелее оставаться им, пройдя за день больше, чем за всю предыдущую жизнь.

Скорость у такого марша была не ахти, тут скорее важна непрерывность. К тому же я не без сомнений, но всё же позволил усадить себя на коня.

У Рейланда Рора был замечательный конь: красивый, сильный, молодой, но строптивый. И что делать с последним не знал не только я сам, но и предыдущий владелец тела. Поэтому приходилось периодически брать передышки, останавливаясь, и просто наблюдать за ходом движения со стороны. Такое внимание очень нравилось простым солдатам, но особенно сильно — моим ногам, непривычным к конной езде.

Я бы, наверное, опять захандрил, но выручали приятные глазу зелёные холмы, пахнущие множеством цветов, с одной стороны с редкими вкраплениями деревьев и петляющая река по другую.

— Красивые места.

Я обернулся на голос. Оказалось, что это Лой Ноктим на своём, конечно же, чёрном, как уголь, коне «подкрался» ко мне немного сбоку. Дым от его трубки сдувало в сторону, оставляя весьма заметный шлейф в воздухе, словно от сбитого «мессера», из-за чего у старого капитана и вышло подойти незамеченным.

— Да. Странно, что здесь живёт так мало людей...

Следов цивилизации вокруг было маловато. По правде говоря, кроме дороги, по которой мы шли, и спаленного мной города их не было вообще. И это меня сильно смущало.

— Немного желающих жить в таком месте, — заметил Лой глубокомысленно.

— После Игр всё же вёрнётся на свои места? — удивился я такому ответу.

— Да, вёрнётся, — старый капитан бросил на меня странный взгляд.

По его интонации я понял, что даже если и так, то жить здесь всё равно то ещё удовольствие. Наверное, мне бы тоже меньше всего хотелось проснуться и обнаружить у себя на газоне сражающихся людей, таких как Эльта. Особенно Эльта.

— Неужели никому нет дела до того, что такое количество не самой плохой земли попросту пустует? Особенно в Тофхельме...

Если я правильно понимал карту местности, то по логике вещей здесь располагались самые плодородные земли северного королевства.

— Полно. Обычно сдуваются после первых же Игр, — старый капитан пыхнул своей трубкой, словно усмехаясь.

— Но вообще там, — он указал рукой в противоположном от нашему ходу направлении, — есть деревеньки, города, Кентенберг опять же, и всё такое. Хотя это ещё зона Игр.

— Смелые люди, — вслух подумал я. — В том городишке, что сжёт Эльт, наверное, живут совсем уж упрямые жители, если остаются здесь несмотря на...

Договорить мне не дали. Сначала послышался шум от множества голосов, содержащих примерно одно и то же сообщение, а затем колонна встала как вкопанная. Солдаты тут же

принялись вытряхивать из обуви камни, усаживаться на перекуры и иными способами проводить время заминки с пользой для себя.

Это была не первая остановка на сегодня и, как я подозревал, учитывая, что солнце только-только начинало клониться к закату, не последняя.

— Ну, что на этот раз? — раздражённо спросил я.

Разумеется, мне никто не ответил. Пришлось прерывать свой отдых и отправляться в голову, выяснять, что такое случилось у Леона, который остался там за главного.

Лой Ноктим, несмотря на то, что его тридцать третья располагалась где-то ближе к хвосту, направился следом.

— Слышал, тот городишко стоял здесь ещё до Игр, — заметил Лой, продолжая наш разговор.

— Утверждать можно всякое...

Если память Рейланда меня не обманывала, то вся эта катавасия, в которой мне довелось поучаствовать, происходила уже не одну тысячу лет, что делало все подобные заявления мягко говоря безосновательными. Бумага, конечно, всё стерпит, но десять веков истории для неё — это непомерно длинный срок.

— По опыту скажу, что каждая деревушка, чьи жители считают, что она основана тысячелетия назад, по факту существует не больше нескольких веков.

Старый капитан выразительно хмыкнул своей трубкой и выплюнул в воздух облачко дыма:

— Когда это вы заделась этнографом?

— Эм, просто жизненное наблюдение, — растерянно уточнил я.

Старый капитан хотел что-то ответить, но в этот момент мы вдвоём наконец добрались до головы колонны и обнаружили там весьма незаурядную картину.

Преграждая нам дорогу, там стоял человек, без преувеличения, в шикарном доспехе, отполированном до блеска, со множеством драгоценных камней, в которых плясало солнце, с позолоченной гравировкой в виде рисунка бутона розы, исполненный с таким мастерством, что в нём терялся взгляд. Но куда больше мне запомнился его плащ красного, точнее рубинового цвета.

Незнакомец застыл прямо по центру дороги, оперевшись на солидного вида двуручный меч с волнистым лезвием, навевающим недобрые мысли о лопасти вертолёта. Попасть под такую можно было только один раз в жизни.

Зрелище, конечно, было удивительным, особенно по своей красоте, но всё же не стоило остановки моей армии.

— Леон, что здесь происходит?! — потребовал у графа объяснений я, к своей радости спешиваясь. — Кто это такой и почему он мешает нам идти?

Однако тот был растерян не меньше моего:

— Эм...

Из под шлема незнакомца раздался голос. Чертовски странный голос, словно говорящему приходилось перекрикивать сильнейший ветер, хотя сейчас стоял полный зной штиль.

— Рейланд Рор, ты принёс в наши земли войну! По древнему обычаю я — Рубиновый рыцарь — требую поединка!

Он взмахнул своим клинком, указав точно на меня. Причём сделал это с такой лёгкостью, словно орудовал не огромной стальной палкой, а небольшой указкой.

— О, нет, ну, это всегда пожалуйста, это только в путь... — не давая договорить, меня кто-то осторожно дёрнул за рукав.

— Командующий, но он бессмертен, — сообщила Миюми, которая как раз подкралась сбоку.

Я удивлённо моргнул, уставившись сначала на свою помощницу, а затем на рыцаря. Тот не стал скрываться и просто снял шлем, демонстрируя под ним вопиющее отсутствие чего бы то ни было.

— А, мда, это, конечно, проблема...

Что-то мне с трудом представлялся поединок с кем-то, у кого отсутствовало тело. Или мне надо будет искорёжить доспех? Такую махину поди ещё проруби — тут лазерный резак нужен, а не сабля.

Рубиновый рыцарь тем временем надел или вернее нацепил шлем обратно.

— Завтра, на рассвете, ты покажешь, чего стоишь! — сообщил он уверенно.

— А если я откажусь от боя?

— Эти земли не пропустят труса.

— Да и каким же...

Не успел я договорить, как неожиданно мои ноги намертво завязли, словно по колению оказавшись в трясине. Также внезапно всё прекратилось, заставив меня повалиться на землю от неожиданности.

— На рассвете, Рор, — повторил Рубиновый рыцарь.

Налетел сильный ветер, и рыцарь исчез, оставив после себя в воздухе пару небольших объектов. Леон словил один из них, внимательно разглядел и, хмыкнув, протянул мне.

— Лепесток розы? — раздражённо заметил я. — Просто прелестно.

— Приказание? — невозмутимо поинтересовался граф.

Мне не оставалось ничего, кроме как отмахнуться.

— Продолжаем марш.

— Думаете, что ничего не будет?

— Будет или нет мы узнаем завтра, а сегодня у нас ещё час или два занимательной ходьбы. «Лунные» никуда не делись. Так что вперёд и с песней!

О последнем я сразу же пожалел, потому что солдаты принялись горлопанить свои песни с таким усердием, словно от этого зависела моя жизнь. Мне захотелось вернуться к разговору с Лоем, но тот куда-то пропал. Решив, что бегать за капитаном лучше вечером, я остался во главе колонны, периодически переругиваясь с Леоном.

Только вечером, после того как армия остановилась на ночлег, у меня появилось какое-никакое время на то, чтобы попытаться разобраться, что за чертовщина происходила.

Нет, я, конечно, подозревал, что всякое мистическое могло происходить в мире, где раз в два года множество людей бились насмерть без каких-либо последствий для себя, но чтобы настолько буквально...

Сам Рейланд Рор знал только об одном человеке, которого называли Рубиновым рыцарем. Им был покойный король Риверкросса, Леонар III, чей сын, Леонар за номером четыре, сейчас сидел на троне.

То был выдающийся во всех смыслах старикан, знаменитый своим безрассудством и жаждой битвы. В отличие от сына, он обожал Игры и не пропустил ни одни, сражаясь даже в глубокой старости.

Рейланд был знаком с ним лично, но очень сильно вскользь, и не имел ни малейшего

понятия, откуда взялось это прозвище. Карьера моего альтер-эго тогда ещё только начиналась, тогда как старик уже впал в полный маразм. Словом, говорить им было не о чем.

«Неужели жажда битвы битвы оказалась для старого короля такой сильной, что он теперь бродил по миру в виде призрачного гайшника?»

Первого об этом я решил расспросить Леона, который, во-первых, ввиду своего титулованного положения был знаком с королевской семьёй Риверкрасса, а во-вторых, постоянно крутился рядом и мешался под ногами.

Вообще он пришёл по делу, просто этих дел было такое количество, что я и сам не замечал, как сваливал всё больше и больше на графа. Это было очень удобно: уменьшалось не только количество моей работы, но и головной боли.

— Как думаете, этот Рыцарь — им может быть Леонар третий?

Леон моему предположению сильно удивился.

— Не припомню у его величества такого доспеха... — поделился своими мыслями он. — Хотя последние Игры он провёл в коляске, может, я просто не застал.

— Мда? — удивлённо уточнил я, потому что Рейланд Рор такой подробности точно не знал.

— Я был в его свите, — вид у графа был таким, словно Леон не очень хотел об этом вспоминать.

Его ответ заставил меня задуматься над тем, как эти двое вообще могли пересечься. Впрочем, стоило ли думать над очевидным ответом? Как-никак передо мной стоял целый граф. Надо полагать, этот титул дали не за красивые глаза — у него их не было.

— Пользуетесь своим привилегированным положением? — с намёком поинтересовался я.

— Моим чем? — сильно удивился такому вопросу Леон.

— Вы граф...

— Ага, стал им лет семь назад, когда умер мой отец! — оскорбился Леон.

Похоже тут я промахнулся — Леонар умер за год до этого.

— Неужто поднялись с самых низов?

Граф понял скрытую подоплеку этих слов:

— К вашему сведению, я был лучшим стрелком своей роты! С двухсот метров по летящему бекасу попадал!

Я прикусил свой слишком длинный и искусанный язык. Спорить с человеком, который мог попасть с такого расстояния из местных ружей по маленькой птичке, было чревато. Моя тушка куда крупнее.

И тут до меня наконец дошло сопоставить сроки:

— Пойдите, сколько лет назад это было? Восемь? Вам, должно было, быть семнадцать...

— Да, в шестнадцать лет отец отправил меня прислуживать за безумным стариканом, кхм, то есть королём, — Леон осклабился. — Поверьте, по сравнению с вами он был образцом благоразумия.

— И всё же, может, хоть что-то...

Граф отрицательно покачал головой, однако особенных переживаний я у него не заметил. Судя по всему, Леон надеялся, что Рубиновый рыцарь меня или зарубит, или хотя бы выбьет лишнюю дурь.

Одарив того взглядом из серии «как же ты меня достал», я отпустил графа, попросив позвать Миюми. Уж кто-кто, а этот «эксперт» по всякой мандрагоре должен был что-то знать. Как мне казалось.

Правда, как оказалось, зря.

— Ну, эм, есть такой рыцарь, и он неубиваемый, ну, то есть бессмертный. Хотя я думала, что это просто сказка, — объяснила Миюми мне очень вскользь и торопясь, явно куда-то собираясь.

Куда могла пойти девушка вроде неё поздней ночью стоило бы подумать, а лучше спросить, но сегодня меня интересовало совсем другое.

— Может, в этих сказках сказано, как от него избавиться?

— Не-ет, вы что! — удивлённо возразила Миюми. — Он там приходит и побеждает всех злодеев! Однажды Рубиновый рыцарь пришёл к злему, несправедливому полководцу Барбадоссе и зарубил того! — Увидев мои выпученные глаза, она поспешила исправиться: — Ой, простите... вас он точно пощадит!

— Ага, разрубит пополам, а потом будет всю свою бессмертную жизнь горевать об этом, — прикинул я варианты. — Ладно, спасибо и на этом, пойду дальше.

— Вы справитесь!

Её уверенность меня удивляла второй вечер подряд. Похоже, в девушке её было больше, чем у меня за всю жизнь. На секунду мне даже показалось, что она издевалась, но вряд ли это можно было делать с такой искренней улыбкой на лице.

Вздохнув, я отправился искать ответы и задавать вопросы дальше. Проблема заключалась в том, что мой список тех, у кого можно было спросить, что происходило, на Миюми и заканчивался. Такой вот список-лилипут.

«Не идти же в самом деле к Эльту!»

Эта мысль заставила меня вспомнить разговор с Лоем Ноктимом перед тем, как появился рыцарь. Кажется, он что-то говорил про то, что жители того городка построили его ещё до Игр. Вряд ли это как-то связано, но, может, он и другие легенды знал?

Пока я над этим думал, ко мне подошёл, а точнее подкрался, Кейл Ресс, который терпеливо дожидался, когда на него обратят внимание. Для меня выглядело так, будто он из ниоткуда взялся по мою правую руку.

— К-кейл...

— Командующий, — разведчик поприветствовал меня лёгким кивком, делая вид, что не заметил моего испуга.

— У вас ко мне какое-то дело?

Как оказалось, да, и судя по обилию бумаги у него в руках — дел было много.

— Донесения. Как вы уже наверное знаете, «лунные» под предводительством Ноа Кейтлетт от нас примерно в двадцати километрах дальше по дороге.

— Три часа... — прикинул я вслух.

— Скорее четыре, командующий, — поправил меня Кейл с тенью улыбки на лице.

— Полагаю, что за нами они следят ничуть не хуже, чем мы за ними? — уточнил я.

— Полагаю, что так.

Догнать Ноа и разбить было бы хорошим исходом событий, однако, как показал прошедший день, Кейтлетт вступать в бой желанием не горела. Она и её армия двигались так, словно в точности знали, когда я сделаю остановку или встану на ночлег.

Возможно, стоило бы подумать, нет ли среди нас предателя, но на это у меня уже точно

не было сил. Даже без этого Рыцаря.

— К слову, Кейл, вы что-нибудь слышали о Рубиновом рыцаре? — вернулся к актуальным проблемам я.

Ресс окинул меня взглядом, словно у него были сомнения на мой счёт.

— Дух мщения. Мне казалось, что он зовётся иначе: Рыцарем розы. Вы вроде с ним сегодня столкнулись? Меня не было в армии в тот момент.

— Да. Он заявил мне, что я принёс в его земли войну.

— Хм, жаль, не удалось самому на него взглянуть, — с явным огорчением и в голосе, и на лице заметил Кейл.

— У вас ещё будет возможность — он вызвал меня на поединок, который состоится завтра на рассвете.

— К сожалению, меня не будет: нужно проверить некоторые сведения. Думаете, справитесь?

По его лицу ничего нельзя было прочесть, но, как мне показалось, Ресс в самом деле переживал на этот счёт. Интересно, почему? Хотя меня скорее волновало то, что он был единственным из всего лагеря, кто беспокоился обо мне.

— В этом и проблема: говорят, что он бессмертен. Да и мне с трудом представляется, как можно победить призрака.

Кейл призадумался, явно что-то вспоминая, а затем покачал головой:

— Увы, с этим я ничем не могу вам помочь, однако...

— Что такое? — его реакция показалась мне странной, будто он что-то такое знал, но не хотел говорить.

— Мне нужно кое-что проверить, прошу меня извинить, командующий, я найду вас позже.

Он быстро удалился, как мне показалось, вообще направился в сторону реки. Меня это удивило. Ресс был первым, кто проявил по поводу произошедшего хоть какое-то участие.

То, что вся армия была спокойна за меня, я нисколько не сомневался, и это совсем не удивляло. Эти люди были полностью уверены в том, что завтра их командующий с лёгкостью победит. Туда же можно было отнести и Миюми. Леон же только что с транспарантом «Рубиновый рыцарь — вперёд» не ходил.

Я же в своей победе был не уверен от слова «совсем». Проблема заключалась не в бое, точнее, не только в нём. Богатый опыт в прочтении всяческой фантастики подсказывал мне, что тут не всё так просто, и если бы этот Рубиновый рыцарь являлся к каждому, кому вздумалось пройти мимо с толпой вооружённых мужиков, о нём бы знал каждый встречный. Так же, как и о способе победы над ним.

Однако и особого удивления по поводу его появления не наблюдалось. Солдаты, конечно, шушукались, да и тот же Ресс явно был смущён произошедшим, но ничего экстраординарного. Словно случившееся лишь немного выбивалось из понятия «норма».

— Забавное место и тамада весёлый. Интересно, у меня здесь будет хоть один день, когда никто не попытается меня убить?

Тройка солдат, проходивших в этот момент мимо, косо на меня посмотрели, словно встречаться с духом мщения тут было нормой, а вот разговаривать самому с собой — нет.

Решив, что слухов о моём сумасшествии и так более чем достаточно, я отправился искать Лоя Ноктима.

Это было не так уж и просто сделать. Старого капитана не оказалось среди его

подчинённых, и более того, они даже не были в курсе, куда он подевался.

Поиски вполне могли и затянуться, учитывая, что искать кого-то в ночи можно было очень долго, если бы меня не спас один из постовых, сказавший, что капитан Ноктим недавно покинул лагерь и направился к одному из холмов неподалёку.

Холмов в округе было, наверное, больше, чем у меня солдат. К счастью, элементы ландшафта не часто курили как паровоз, что сузило область поиска до предела.

Старый капитан со своей трубкой расположился на самой вершине невысокого холма, метрах в трёхстах от лагеря, под старым высохшим деревом, откуда наблюдал за звёздами, коих сегодня было особенно много. Мне показалось, что он так увлечён своим занятием, что меня даже посетила мысль попробовать подкрасться к нему. Однако старик в следующую же секунду безошибочно повернул голову в мою сторону и поприветствовал меня:

— Командующий. Вот это небо сегодня, да?

Я посмотрел вверх, и у меня перехватило дух от обилия звёзд. Но больше всего заворожила небольшая точка с заметным хвостом, медленно, но неуклонно чертившая свой путь по небосводу. Космос — не моя стихия, но это явно была комета. А вот её цвет...

— Она рубиновая! — только сейчас заметил я.

— Алая всё же, — не согласился со мной Лой.

— Есть какая-то разница?

Старый капитан пожал плечами, показывая, что для него нет.

— Вы ведь в курсе, что тут происходит? — поинтересовался я. — Про рыцаря. Может, комета как-то с ним связана?

— В общих чертах, командующий. Но вряд ли вам будут интересны эти бредни, — усомнился Лой.

Не сразу я понял, что за этим ответом стояло то, что он в курсе, а вот говорить желанием не горел.

— Знаете, обычно бредни не вызывают меня на поединок! — возмущённо сообщил я.

Похоже, этот факт удивил Ноктима, заставив задуматься над бытием. Торопить этого упрянца было чревато, поэтому я решил просто подождать.

С холма открывался чудесный вид не только на звёзды, но и на окрестности. Их немного портил наш лагерь, чадающий дымом, что с лихвой компенсировалось рекой, которая гигантской серебристой змеей извивалась где-то в километрах двух-трёх.

По её спокойной поверхности стелился туман, придававший реке таинственный и загадочный вид. Прибрежные деревья обращались в фигуры, общавшиеся между собой клёкотом многочисленных лягушек, чьи голоса, искажённые всё тем же туманом, навевали жути.

Неожиданно Лой Ноктим подал голос:

— Когда-то очень давно, до Риверкрасса и Тофхельма, до Игр, задолго до того, как были нарисованы карты этих мест, сюда пришли первые люди. Их привлекла полноводная река, богатства местных земель и наверняка отличный вид...

Я с мольбой посмотрел на капитана, как бы прося того быть ближе к сути.

— Кхм, они основали на берегах этой реки несколько королевств, однако здесь уже были свои обитатели — боги тогда ещё жили среди нас, и это была их земля. Различные мифические создания, которые сейчас остались только в сказках, жили здесь, как у себя дома.

— Разразилась война? — угадал дальнейший сюжет я.

— Не совсем, места хватило всем, но конфликты всё равно случались. Увидев это, боги избрали защитника, который должен был следить за тем, чтобы эти земли и дальше оставались спокойным местом, не знающим войн.

— Рубиновый рыцарь.

— Да, в Тофхельме его называют Рыцарем розы — по знаку на нагруднике.

Кое-что мне в этой истории не давало покоя:

— Имена сейчас не важны. Однако не боги ли организовали Игры? Зачем, если у них уже был этот рыцарь...

— Защитник не справился, — с усмешкой рассказал Лой. — Что может один, даже очень могущественный дух против целых армий?

— Иначе говоря: с рыцарем у богов вышло так себе, — пытаюсь всё это как-то переварить и систематизировать, задумчиво заметил я.

— Наверное, можно сказать и так, — по голосу старого капитана можно было уверенно сказать только одно: со мной он согласен очень условно.

— А что дух?

— С появлением Саума и началом Игр эти чудесные края хоть и периодически, но становятся ареной противостояния, однако в основном живут в мире.

— И тем не менее этот рыцарь пришёл и бросил мне вызов, — напомнил я.

— Это отголосок давно минувших дней. Заложник данной им клятвы, преданный теми, кому он её давал, — произнеся это, Лой Ноктим замолчал, затянувшись трубкой, показывая, что его рассказ окончен.

— Хм-м-м, примечательная история, ничего не скажешь, — вздыхая, сказал я. — Значит, завтра меня ждёт сражение с ним, и избежать этого нет никакой возможности?

— Да, только вот... — в голосе моего собеседника чувствовалась неуверенность.

— Есть какая-то деталь, которая мне мешает? — ожидая худшего, поинтересовался я.

— Скорее наоборот, командующий. Дело в том, что мне ни разу не приходилось слышать, чтобы Рубиновый рыцарь победил.

— О как! — не сдержал удивления я.

— Да. В прошлый раз он тоже проиграл.

— В прошлый раз? — до меня начало доходить. — Лой, вы хотите сказать, что видите его не в первый раз?

— Это было почти пятьдесят лет назад. — Старый капитан зажмурился, словно старался увидеть те дни. — Так же, как и сегодня, он встал на пути нашей армии, когда в небе была алая комета, и бросил вызов нашему командующему — молодому королю Риверкрасса, Леонару III.

Услышав это, я едва удержался от крика «Эврика!». Так вот почему старому королю дали такое прозвище! Просто ко временам, когда Рейланд с ним познакомился, кроме Лоя Ноктима практически не осталось тех, кто бы помнил первопричину.

Огромной удачей было вообще встретить того, кто бы помнил настолько далёкие дни. Это не могло вызвать у меня вполне резонный вопрос:

— Откуда вы вообще всё это знаете, Лой?

— Верите или нет, Рейланд, но я родился в этих краях и выпитал их историю с молоком матери.

— Знаете, судя по рассказам, охотно верю. Что ж, спасибо вам за сведения. Родина этого не забудет!

Старый капитан пожал плечами, намекая, что он к этому индифферентен.

Распрошавшись и оставив Лоя дальше взирать на звёзды, я с огромным облегчением вернулся в лагерь. Значит поединок — фикция?

«Похоже, Леон будет сильно разочарован!»

Возле палатки меня уже ожидал, хотя правильнее было бы сказать поджидал, Кейл Ресс. Похоже, его сильно заботило произошедшее. И, судя по его взволнованному виду, ничего найти ему не удалось.

— Командующий.

— Кейл.

— К сожалению, завтра вам придётся полагаться только на свои силы, — странно, но мне показалось, что Кейлу жаль это говорить.

Либо этот человек был моим искренним сторонником до костного мозга, либо моя персона требовалась ему живой и невредимой. И во второе верилось куда больше.

— Да, я уже в курсе. Ничего страшного, поединок... скорее показуха.

К моему огромному удивлению, Кейл удивлённо выдохнул, услышав это, и с плохо скрываемым облегчением сказал:

— Хорошо, если так. В таком случае, спокойной ночи.

— И вам того же, Кейл.

С одной стороны, приятно было видеть, что хоть кто-то обо мне переживал, с другой, это был Кейл Ресс, что вызывало определённые вопросы. Много вопросов. К сожалению, вряд ли кто-то, подобно Лою, был готов мне на них ответить, а сам Ресс своё поведение объяснять явно не горел желанием.

После некоторых сомнений я всё же решил отнестись к поединку более-менее серьёзно. Изначально, опираясь на информацию от Ноктима, мне хотелось свести всё к «пришёл-победил-пошёл дальше», но затем чувство разумного взяло верх. Оно, а также желание выпендриться, привели к тому, что к рассвету на окраине лагеря появилась небольшая импровизированная арена.

Трибун не было, зато зрителей — сколько угодно. Кажется, весь лагерь, за исключением Кейла Ресса, пришёл поглазеть на поединок.

Дабы не разочаровывать такое большое число людей, а также не отставать от своего противника, я даже специально приделся, выбрав свои наиболее роскошные доспехи и меч посолиднее.

Это привело к тому, что стоило мне выйти на арену, как раздалось множество предельно нечленораздельных, но явно восторженных криков. Среди них мне особенно запомнился один мужской голос:

— Рейланд Рор, я хочу от тебя детей!

Огорчала только погода: тучи плотно заволокли небосвод, намекая, что сегодня нам повезёт, если будет просто пасмурно, а не польёт ливень.

Рубиновый рыцарь появился как и обещал, в тот момент, когда кромка солнца

показалась над горизонтом сквозь словно специально расступившиеся тучи.

Толпа поперхнулась своими криками, увидев его. Меня внешний вид рыцаря также смутил, но зато стало понятно, почему все, кому он бросал вызов — побеждали.

От прежнего блеска и могущества, что мне довелось увидеть накануне, не осталось ни следа. Ржавый доспех со вмятиной на груди, дырявый шлем, плащ, разорванный в лоскуты, погнутый меч с множеством соскобин, обломанный на конце. Перемещался рыцарь соответственно — с трудом, скрипя доспехом, подволакивая левую ногу. Зрелище скорее жалкое, чем внушающее трепет.

Однако Рубиновый рыцарь словно не обращал никакого внимания на окружающих и своё плачевное состояние.

— Я пришёл дабы исполнить свою клятву. Готов ли ты к поединку, Рейланд Рор?

— Да...

У меня вдруг пропало всякое желание с ним сражаться. Я видел перед собой не грозного соперника, а скорее узника собственных обязательств. Какие у него против меня шансы?

Победить было моим долгом, но это ли выход? Как успокоить того, кто связан давно просроченной клятвой?

С сомнением посмотрев на притихших зрителей, которые замерли от удивления, я прикинул в уме: рыцарь здесь из-за клятвы? Давнее обязательство, лишённое всякого смысла. Вынуждающее несчастного раз за разом отправляться в бой с противниками гораздо сильнее его. Интересно, пробовал ли кто-то из тех, кто встречался с ним ранее, пощадить рыцаря? Что-то мне подсказывало, что нет.

Зная людей, можно было предположить, что они со страхом принимали вызов, ведь тогда рыцарь выглядел по-настоящему грозно, а затем, увидев его истинный облик, с лёгкостью с ним расправлялись на потеху окружающим. Хороший, а главное безопасный способ заработать себе титул или прозвище.

Если всё так, то один простой жест мог всё изменить. Достаточно отбросить оружие, признать поражение — и рыцарь будет свободен. Но если нет... Оставалось надеяться, что клинок Рора достаточно острый, чтобы сразу разрубить, а не просто сильно ударить.

Что ж, в любом случае, меньше всего мне хотелось потом корить себя за бой с подобным «инвалидом». Вздохнув и попытавшись найти уверенность, я отбросил клинок в сторону.

— Ты победил, могучий Рубиновый Рыцарь...

Толпа удивлённо и во многом негодуя зашумела. Стараясь не обращать внимания на них, а также на то, что рыцарь занёс свой меч, я продолжил:

— Твоя клятва исполнена. Ты свободен.

Рубиновый рыцарь замер. Интуиция мне подсказала, что направление у меня верное, но этого мало. Действуя по наитию, я продолжил:

— Нет нужды соблюдать данную тобой клятву. Боги давно нашли способ, как избавить эти земли от насилия и разрушения.

— Ложь! Я видел — вы сражались... Огонь, смерть...

— То, что ты видел, называется Играмми. Всё это происходит с позволения богов, и их милостью вернётся вспять через некоторое время.

— Ты врешь мне, жалкий трус! Сражайся, — Рубиновый рыцарь не без труда взмахнул своим мечом.

Чего-то такого я и опасался. Понимая, что ещё немного — и будет больно, мне не оставалось ничего, кроме как воскликнуть:

— Нет! Хватит с тебя битв, ржавый рыцарь! Боги мне свидетели: если я вру, то готов понести наказание!

Сказав это, я присел на колени, подставляя рыцарю шею. Толпа позади буквально бурлила, но на помощь мне особо не спешила. Скопив один глаз, мне удалось понять причину этого: их ноги, как у меня накануне, «прилипли» к земле.

— Принесите ружьё, быстрее! — раздался голос Эльта.

— Он сошёл с ума! — воскликнул Леон.

Рубиновый рыцарь тем временем занёс свой сломанный меч надо мной.

— Что ж, Рор, боги тебе свидетели: если ты не лжёшь, то мой клинок тебя не тронет.

Следующие секунды, казалось, длились целую вечность. Затем в глаза мне ударил пронзительный свет. Сначала мне показалось, что вот он — конец, но потом я понял, что это мне в глаза светило солнце, вновь пробившееся сквозь тучи.

Точнее, мне просто повезло быть рядом, а светило оно на рыцаря. Его клинок прошёл сквозь меня, не оставив ни царапины, и теперь лежал на земле.

Солнечные блики играли на доспехе Рубинового рыцаря, возвращая им былой облик. Появилась гравировка в виде розы, плащ снова развевался на ветру, исчезла ржавчина и дыры. Сам же рыцарь замер, уставившись на солнце.

— Покой, наконец-то покой... — донеслось из под сияющего новизной шлема.

Затем доспех, лишившийся силы, удерживающей его вместе, развалился на части. Всё закончилось. Точнее почти всё — надо было решить, что делать с «останками».

Можно было забрать столь роскошную вещь себе, но мне показалось это кощунством. Вместо этого я решил захоронить его. Рубиновый рыцарь столь долго оберегавший эту землю, обрёл долгожданный покой в ней же, на том самом холме, где я прошлым вечером разговаривал с Лоем Ноктимом и откуда открывался отличный вид на земли, которые этот воин отважно защищал всё это время.

Трудный вечер

Не успел я немного перевести дух после «боя» с Рубиновым рыцарем, как вновь началась ходьба. Скучная, монотонная, непрерывная, целый день.

Медленно проплывающий вокруг пейзаж, который если и менялся, то настолько незначительно, что мне не удавалось это понять. По правую руку были холмы. По левую — всё та же река, лишь изредка скрываемаемая небольшими рощами. Возле одной из таких мы и разбили лагерь на очередную ночёвку.

К счастью, хотя бы сегодня обошлось без пения. Скорее всего потому, что сказать, что все были измотаны — это ничего не сказать. Собственно, никто ничего и не говорил, в основном просто беззвучно падали от усталости.

Может, утренние события и подбодрили людей, но это ничего не значило, когда вслед за этим тебе было необходимо двигать ножками двенадцать часов кряду.

Мне удавалось держаться исключительно потому, что Рейланд Рор явно к такому привык. Ну и благодаря коню, конечно, хотя на шестой час на нём всё, что ниже пояса, превратилось в одну большую болевую точку. Поэтому, пришлось слезать и идти как большинство — на своих двоих. Как это ни странно, ходьба пешком оказалась вполне приемлемой альтернативой. И хотя я за всю жизнь прошёл меньше, чем за эти два дня, каким-то невероятно уставшим себя не чувствовал. Так, слегка хотелось умереть, но не более, чем после обычного трудного дня.

Возможно, благодаря этому мне удалось отвлечься от происшествия с Рубиновым рыцарем. Выкинуть из головы багаж лишних эмоций и задуматься о по-настоящему важных вещах: «можно ли умереть от ходьбы?» или «за что мне всё это?».

То, что бы со мной случилось, будь я в своём привычном теле, красноречиво было видно по Миюми.

Девушка шла (до того, как мне пришло в голову пересадить её на своего коня), держась на ногах исключительно потому, что альтернативой выступало путешествие в руках у Гун-Гуна, который всё время крутился рядом и непрерывно предлагал свою помощь. Причём любая его фраза сопровождалась такой виртуозной игрой бровей, что даже простое предложение казалось чем-то крайне пошлым и неприличным.

Помимо моих собственных весьма тревожных мыслей меня тяготило и то, что стратегическое положение армии было мягко говоря не очень. Цензурно его не смог бы описать даже двухлетний младенец с запасом слов, который можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Впереди, обгоняя нас не более чем на пять часов, маячила Ноа, уже успевшая получить подкрепления и имевшая численное превосходство почти в два раза. Позади, в трёх дневных переходах, шагала другая армия «лунных». Если они нас нагонят до того, как мы разобьём Кейтлетт, у них будет как минимум десятикратный перевес. До наших же окружённых союзников оставалось самое большее день, но, опять же, путь к ним преграждала Ноа.

Именно вопрос о том, сколько они ещё продержатся, и вызвал в нашем штабе тем вечером бурные споры.

Теоретически уже завтра мы могли до них добраться. Однако в таком случае армия оказывалась бы на пределе своих сил: случись бой, соревноваться с «лунными» можно было бы лишь в том, кто упадёт от усталости первым. В том, что какое-то столкновение точно

будет, сомневаться не приходилось.

Этот вариант нравился мне, потому что альтернативы были многократно хуже, и, разумеется, Эльту, который, похоже, просто не знал, что такое усталость. Против выступали капитан Ноктим и, конечно же, граф Сайрас.

Альтернативой было выждать. Может, не целый день, а только половину, словом, хоть какое-то время. Но «лунные» в таком случае также получали передышку. Что они успеют даже за полдня, имея численное преимущество? Надо понимать, что гораздо больше, чем мы.

Против этого варианта выступал уже Эльт и вновь граф Сайрас, который похоже решил занять анархическую квантовую суперпозицию и быть против обоих планов сразу, хотя его мнение никто и не спрашивал.

Погружённый в свои мысли, я не сразу заметил, что в штабе повисла и уже довольно долго стояла напряжённая пауза. На меня было обращено множество глаз, и в них плескалась надежда, что я сейчас, словно фокусник, достану им из шляпы решение всех проблем. Тогда как у меня там даже кролика не было, да и сама шляпа была дырчатой!

Ещё раз окинув карту взглядом, я помассировал висок и, неожиданно для всех, встал, направившись к выходу.

— Командующий?

Голос принадлежал Леону, и этого было достаточно, чтобы у меня заболела голова. Эти бесконечные препирательства выматывали ничуть не меньше маршей. Изю дня в день приходилось устраивать театральное представление — и всё ради одного человека! Мне нужно было либо больше публики, либо же полное её отсутствие.

Всем остальным до моего поведения и дела не было. Солдаты смотрели мне в рот, как птенцы смотрели на мать, принёсшую червяка. Младшие офицеры и прочие прапорщики впадали в бурно изливающийся экстаз, если Рейланд Рор проявлял к ним внимание. Капитаны слушали мои слова с видом, будто по выходным я превращаю воду в вино и хожу по воде в тёплое время года. И один только граф Сайрас упорно спорил со мной по любому поводу. Хуже всего — граф был человеком дотошным, причём иногда до абсурда.

Во время марша мы спорили о том, какие подразделения должны идти в авангарде, а какие в арьергарде. Перед остановкой на ночлег о том, где разбивать лагерь. Ночью темой споров неизменно выступал следующий день. С рассветом оживлялись споры, в каком порядке выдвигаться на марш. И так день за днём.

Создавалось впечатление, что, вздумай я повеситься, так и тут Леон начнёт со мной спорить по поводу того, на какую ветку закидывать верёвку и перечислять общие недостатки выбранного дерева.

Выход из этого, как я уже убедился, был только один — всегда быть занятым настолько, чтобы времени на споры просто не оставалось. Теоретически, как вариант, постоянно держать занятым самого графа, но тот показал себя с наихудшей стороны: оказался пунктуальным трудоголиком, а этого остальной коллектив наших лентяев мог и не понять.

Вот и сейчас, обернувшись и сделав выражение лица немного удивлённым, я тоном показал, где для меня витает очередной его вопрос:

— Что-то не так?

— План. Вы, кажется, забыли им с нами поделиться, — крайне подозрительно напомнил Леон.

— Нет, не забыл, — я как можно спокойнее пожал плечами. — Подробности будут

завтра утром.

— Он у вас хотя бы есть? — продолжил допытываться граф.

— Разумеется! Всегда должен быть план. Просто мой ещё не созрел.

— Планы — это не овощи... — возмущённо заметил Леон, на что у меня уже был заготовлен ответ.

— Я тот ещё фрукт, поэтому и планы у меня соответствующие.

Всё же меня сильно спасал тот факт, что граф со всеми своими придирками был довольно предсказуем. Как в общих чертах, так и в частности. И речь даже не про вечные споры по любому поводу.

Больше ничего не говоря, хотя высказаться очень хотелось, я вышел прочь из штаба. Улица встретила меня приятной ночной прохладой, запахом костров и ставшим уже привычным солдатским гомоном. Когда я проходил мимо одного из биваков, до меня долетел интересный разговор.

— Запомни, первогодка: я Речного духа видел своими, вот этими вот, глазами! — вещал какой-то явной умудрённый опытом ветеран.

— Но капрал... — новобранец, как это обычно бывало, не только был одет в форму не по размеру, но ещё и считал себя самым умным.

— Что? — нервно уточнил ветеран.

— Духа же нельзя увидеть, говорят, сердце обращается в камень...

— Мозги у вас в камень обращаются! — фыркнул капрал. — Этот дух неупокоенный призрак, а не василиск!

— Я слышал, что дух — женщина, точнее девушка, — влез ещё один новобранец, тоже явно не знавший о том, что лучше не пытаться выглядеть самым умным — это в армии скорее недостаток. — Её отец утопил за то, что она глупости всякие говорила.

— Это какие глупости, олух, надо говорить, чтоб родной отец тебя в реку бросил с камнем на ногу? — мгновенно взвился ветеран.

— Ну, она утверждала, что всё вокруг — это сложная симуляция на основе криптографических нейросетей...

— Пх-х-х, за такое — и в реку? Не, ну вы, молодняк, даёте! — усмехнулся капрал. — Слушайте сюда, повторять бесплатно не буду. Дух является только во время Игр, тут чурбаном надо быть, чтоб не понимать, эту, как бишь её...

— Взаимосвязь? — попытался помочь новобранец.

— Взаимосвязь у тебя с рукой по утрам, а тут причина и следствие! Дух — это утонувший первогодка, не сдавший караул, которого никто так и не нашёл. Вот он и ходит, покой ищет, да только тю-тю, нету никого из его друзей на свете...

Дальше я не слушал, направившись к себе. Мне хватило Рубинового рыцаря, после него все остальные духи с ударением не в том месте идут исключительно по трёхбуквенным координатам. В моей палатке как раз копошилась Миюми, сооружавшая мне ужин или что-то очень похожее на него.

Не успел я сесть за стол, посмотреть пару свежих донесений, которые моё настроение совсем не улучшили, как мне ударили по голове чем-то очень тяжёлым. Этим «чем-то» оказался вопрос.

— Вы что-нибудь слышали про Речного духа? — спросила девушка, ставя поднос с едой.

Он был из разряда тех, после которых на меня вываливали уйму ненужной, бесполезной информации, поэтому я сразу поспешил тоном показать, что это всё от лукавого:

— Миюми...

— Что? — растерянно захлопала глазами моя помощница.

Однако одного её щенячьего взора хватило, чтобы сдаться. В общем-то даже не сражаясь.

— Что ещё за Речной дух? — нехотя уточнил я, уже зная что пожалею об этом.

— Ну...

Девушка помялась, словно это не она завела разговор или будто стеснялась своих знаний, хотя мне точно было известно что чего-чего, а вот знанием подобной лабуды она не только не стеснялась, но и втайне гордилась. Очень странно в этом случае было слышать от неё неуверенный тон.

— Говорят, что это девушка. Её возлюбленный отправился на Игры и там нашёл свою любовь. Когда она об этом узнала, то от отчаяния бросилась в реку...

Я такой версии не сильно удивился.

«Конечно, кто про что, а у Миюми всё из-за любви».

Однако девушка продолжила делиться подробностями. Её было уже не остановить, и я пожалел, что недооценил силу, а также длину этой истории:

— В воде она встретила речного бога, который мгновенно в неё влюбился и пообещал подарить ей свой утопленный город. Однако злые русалки...

«Интересный поворот сюжета, интригует», — удивился я.

— ...вырезали у бога сердце и, разделив на тринадцать частей, разбросали по миру.

«Так, а Осирис запатентовал такой сюжетный ход или не сообразил?»

— Тогда девушка отправилась искать их вместе с командой отчаянных моряков. Вместе они побывали в царстве мёртвых, на небесах, в прошлом и будущем, нашли упавшую звезду, разоблачили предателя, работавшего на русалок, победили дракона...

Список продолжался и продолжался. Кем бы ни была та девушка, но навидалась она всякого, а если говорить точнее, то почти всего. За свою невероятно долгую, насыщенную жизнь, девушка умудрилась побывать во всех вариациях загробного мира, повстречать местный пантеон богов по нескольку раз, а некоторым ещё и надавать по морде. Оставалось непонятно, как только она умудрилась в конце концов банально утонуть в речке.

Скорее интересуясь реакцией Миюми, нежели её мнением, я решил уточнить:

— И ты в это всё веришь?

— Конечно! Такое нарочно не придумаешь! — очень уверенно, почти фанатично ответила она.

— Звучит логично, — не желая её обидеть, коротко заметил я, с тонким намёком, который, конечно же, не был понят.

«Впрочем, после Рубинового рыцаря чему я вообще удивляюсь?»

— А ещё я её видела! — неожиданно, шёпотом сообщила Миюми.

Не передать словами весь тот скепсис, который из меня готов был вырваться в этот момент.

— Да? Наверное, в детстве...

— Нет, вчера! — принялась восторженно рассказывать Миюми. — Я ходила к реке, а там она...

Тут меня озарила догадка:

— Стой-ка, вчера мы разбили лагерь почти в двух километрах от реки, что ты возле неё делала?

Девушка запнулась, явно не горя желанием говорить, что было дальше. Однако под моим пристальным взглядом нехотя всё же пояснила своё поведение:

— Существует поверье...

— Та-а-ак, — я уже предчувствовал, что ничем хорошим это точно не закончится.

— Что постиранная в безлунную ночь одежда приносит удачу... — заранее принимая вид нашкодившего котёнка, продолжила рассказывать моя помощница.

— Постой, — снова прервал её я. — Сегодня не ты ли мне с утра сказала, что после стирки один из моих костюмов сел и ты его выбросила?

— Ну, не совсем... — Миюми аж съёжилась. — Скорее, его унесла река... Несчастный случай...

— А призрак тут при чём?

— Так это я его увидела, испугалась и... Ну, вот...

Несмотря на предельно глупое с её стороны поведение, злиться на Миюми у меня не получалось просто физически. Как невозможно обидеться на плюшевую игрушку, так и на мою помощницу у меня не получалось испытать даже малейшего раздражения. Сил хватило только отмахнуться и спросить с усмешкой:

— Как он хоть выглядит, призрак этот?

— Ну, он светится и... — растерянно вспомнила Миюми. — Бренчит колокольчиками.

— Если верить твоей истории, «колокольчики» должны быть титановыми, — тихо заметил я.

— Что, простите? — не расслышала меня девушка.

— Ничего, можешь быть свободна. — Мой самый строгий из возможных взглядов устремился на девушку. — И да...

— Что-то ещё, командующий? — съезжившись, уточнила Миюми.

— В следующий раз, когда захочешь постирать мою одежду в безлунную ночь, воспользуйся лампой и тазиком.

Миюми, немного поникнув, кивнула, принимая это к сведению, и, забрав опустевший поднос и тарелки, тихонько вышла, предварительно оставив мне некий напиток.

Он сразу привлёк моё внимание. Я, конечно, не эксперт в области кофейных зёрен, но фиолетовый дым от кофе видел впервые, и у меня было сильное сомнение насчёт того, могла ли Миюми найти новый, доселе неизвестный науке сорт, обладающий такими свойствами.

Убедившись, что моя помощница точно ушла, а не стоит за дверьми, я отправил содержимое кружки в мусорную корзину. Сразу запахло палёным — «кофе» разъедал бумагу.

Размышляя над тем, что в ином месте и в иное время Миюми могла стать выдающимся химиком, я хотел было отправиться в после. Однако в тот момент в палатку зашёл Кейл Ресс.

Точнее, наверное, зашёл. Уже не в первый раз я подмечал, что разведчик перемещался абсолютно тихо и, как правило, не попадался на глаза. Он не подходил, а натурально подкрадывался, к счастью, без злого умысла, и не старался напугать. Вот и сейчас в платке Ресс оказался с видом, будто стоял здесь уже минут тридцать.

— Доброго вечера, что-то случилось? — как обычно вздрогнув, поинтересовался я.

Обычно прочитать какие-то эмоции на лице Кейла было практически невозможно, однако сегодня мне это, может быть, впервые удалось — он был в растерянности. Его ответ подтвердил мою догадку:

— Нет, командующий, я зашёл поговорить.

Он смерил меня своим «тяжёлым» взглядом, пробиравшим до костей покруче любого рентгена. Вообще глаза Ресса были чем-то уникальным. Встретаться взглядом с разведчиком было опасно — можно было впасть в своеобразный транс, пытаясь понять их цвет.

Первоначально мне казалось, что они жёлтые, чем-то напоминавшие змеиные, потом я понял, что глаза Ресса скорее тёмно-золотые, но с яркими отливами по краям. Сейчас же в палатке, освещённой лишь одной лампой у меня на столе, они вовсе казались целиком чёрными.

— Всегда рад разговору, — это было не совсем так, но пришлось притворяться радушию.

Кейл неторопливо расположился в гостевом кресле, некоторое время молчал, словно раздумывая над чем-то и гипнотизируя воздух.

— Вам не кажется, что Игры зашли в тупик? — вдруг спросил он.

«Странный вопрос», — вот так, без предисловий, без подводки спрашивали только откровенные провокаторы.

— Возможно, наше положение и не ахти, но...

— Я говорю про Игры в целом, как явление, — внёс немного ясности Кейл.

Только моргнув несколько раз, мне стало понятно, о чём это он. В общих тонах. Это как если бы олимпийский чемпион вдруг решил спросить у своего тренера доколе ещё будут проводиться Олимпийские игры.

Что ответить у меня было много вариантов, но я выбрал тот из них, который наиболее подходил Рейланду Рору:

— До тех пор, пока это будет угодно богам.

Теперь уже настал черёд удивляться Кейлу. Такой ответ его сильно озадачил и даже немного почему-то насмешил, словно он ожидал услышать совсем не это.

— Кхе, вы уверены?

Мне стало понятно, к чему это он клонит. Мой ответ принадлежал Рейланду, но я-то им не был, и Кейл это знал.

Не знаю, на что там рассчитывал Ресс этим разговором, но судьба оказаться с паяльником в непредусмотренных местах меня всё ещё не сильно привлекала.

— Да.

Кейл раздражённо скривился, словно от зубной боли, но больше на эту тему разговаривать не стал.

— И ВЫ намереваетесь сражаться до конца?

Этого вопроса я тоже не ожидал. Для всех местных борьба до «упора» являлась чем-то само собой разумеющимся. Поэтому вопрос о капитуляции никогда не поднимался. Даже граф Сайрас, этот неутомимый скептик и нытик, сторонник вечного ожидания оптимальной ситуации, никогда не заикался о подобном.

Ирония же момента заключалась в том, что, несмотря на достаточно неплохое оправдание в лице бессмертной фразы «потому что», у меня была совершенно иная причина биться до конца. Это был мой шанс вернуться домой, в привычную среду. Однако Рессу, который и так явно что-то подозревал, знать о нём было не обязательно.

— А почему бы и нет? Это приносит благо. Не то чтобы всем сразу, но боги никого не обижают.

Кейл окинул меня взглядом, в котором узнавался мой собственный в те моменты, когда Эльт или Гун-Гун начинали вытворять что-то из ряда вон.

— Благо в этой бесконечной войне? Впрочем, кому что, — он сделал паузу, всем видом показывая, что его-то позиция на голову возвышенной моей. — Мой вопрос в другом: вам же известно, что наше положение весьма шаткое. Так зачем продолжать эскалацию? К чему это бессмысленное насилие, если можно разойтись по домам? Победа в текущей конфигурации... маловероятна.

Я слушал и не мог поверить своим ушам. Мысли-то в общем верные, но не для местных, а для пришельца вроде меня. Слышать же подобное от такого ветерана Игр как Кейл было как минимум странно. Мне на секунду даже показалось, что это какая-то проверка. Может, Ресса подговорил граф Сайрас на этот разговор, и мне стоит осторожнее выбирать выражения?

— Не волнуйтесь, дальше меня ваш ответ никуда не уйдёт. Мне нет дела до всей этой «политики», — Кейл особенно выделил последнее слово, явно подразумевая что-то куда большее, нежели подозрения Леона.

Тем не менее меня его слова мало убедили и желания излить душу не вызвали:

— Я и мы все сражаемся потому, что можем и должны победить. Главное решимость, сила воли, стремление к победе, а не положение на карте.

Ресса эти слова вновь позабавили. Разведчик криво усмехнулся, словно видел в них что-то очень смешное, даже нелепое. Буквально только что с такими же, только более ярко-выраженными эмоциями на лице, я слушал Миюми.

— Кхе-хе, а потом что?

— После победы? — я прекрасно понял, что он имел в виду, но всё же решил прикинуться дурачком. — Ну, тогда можно и по домам...

— После Игр. Ведь всё начнётся с самого начала через два года.

— Снова будет звать труба, снова ринемся в бой, — этот ответ я подсмотрел в одной из местных песен.

— Вы же понимаете, что концептуально ничем не отличаетесь от рыцаря Розы, с которым сражались этим утром? — мрачно уточнил Ресс.

— Отличаюсь. Я делаю это добровольно, а не из-за глупой клятвы.

— Возможно, не из-за клятвы, но зачем? В чём ваша конечная цель? За что вы сражаетесь?

— Слава, почёт, уважение — мало? — перечислил обычные «призы» Игр я. — И к тому же мне это нравится. В этом большая часть моей жизни.

Разведчик вздрогнул от таких слов, будто я его ударил.

— Прискорбно это слышать именно от ВАС. Спокойной ночи, *командующий*, — только услышав, как разведчик выделил последнее слово, я сообразил, что за всё время, он ни разу не назвал меня по имени-фамилии, только по званию.

Больше ничего не говоря, он откланялся и вышел, оставив меня одного наедине с мыслями о том, что это такое было. Проверка? Или разговор, о котором мне ещё предстоит пожалеть? Моя интуиция считала, что всё же второе.

По этому поводу надо было что-то предпринять. Теперь я не очень боялся разоблачения, поэтому Кейла можно было попытаться взять под контроль. Не то чтобы мне хотелось арестовывать его, он, мягко говоря, был крайне полезен для армии, но выяснить, что тут происходит, стоило непременно.

И хотя на душе было беспокойно, спать всё же хотелось сильнее, поэтому разборки с разведчиком я решил отложить на завтра. К тому же меня ждала очередная «серия»

странных снов. Может, в них будет какая-то подсказка?

«Сны могут рассказать нам невероятные истории»

Очередное утро в горах оказалось напрочь испорчено. Причиной тому был не я, не очередная выходка Ноа, не гигантская птица, пролетавшая над нами ночью, а очередные «лунные». За день до этого мы повстречали четырёх егерей, победить которых удалось чудом — то есть благодаря мне.

Сегодня же перед нами стояла целая застава, в которой было не менее тридцати-сорока солдат. Хуже всего — они закрывали единственный выход из долины, и был вопрос времени, когда нас обнаружат.

Несколько часов подряд мы с Ноа наблюдали за неприятелем, пытаюсь найти хоть малейшую возможность пробраться мимо. Будь мы чуть менее известными персонами, наша одежда, может, и позволила бы пройти мимо. Мы бы сошли за егерей, у которых «позаимствовали» одежду.

Прорываться же с боем было затеей обречённой на провал. Будь их человек десять, то попробовать стоило. Внезапность удара, напор и толика удачи сделали бы своё дело. Обезвредить нескольких — и остальные сами побросают оружие. Но «лунных» то было не десять, а втрое-четверо больше!

Солнце поднималось всё выше, а значит, доступное нам время на размышления истекало. Ещё чуть-чуть — и долина будет просматриваться вся насквозь без труда, а мы с Ноа окажемся прижаты к чахлым ёлкам, ожидая, когда первый же патруль о нас споткнётся.

— Идём назад? — предложил я задумчиво.

По сути это был наш единственный вариант в текущих обстоятельствах. Идти обратно до тех пор, пока мы не найдём что-либо похожее на обходную тропу. Это могло занять час или два, а могло растянуться и на неделю.

Ноа была уже готова согласиться с моим предложением, но неожиданно всмотрелась куда-то в сторону и возбужденно пихнула меня в бок.

— Смотри!

Там, куда она указывала, зиял тёмный провал пещеры. Не ахти что, но лучше, чем просто возвращаться назад и бесцельно блуждать, пытаюсь отыскать проход.

— Давай на счёт...

Даже не пытаясь меня дослушать, Ноа, пригнувшись, рванула к пещере.

— Ну да, ну да, пошёл я.

Впрочем, толика смысла в этом была. Дождавшись, когда Кейтлетт спрячется, и убедившись, что в заставе нет оживления, мне ничего не оставалось кроме как рвануть следом. Очувившись внутри, первое, что я сделал — это кинул мешок с вещами и аккуратно выглянул наружу.

«Вроде как всё спокойно, проскочили».

Ноа тем временем уже вовсю стучала огнивом, пытаюсь разжечь факел. Наконец, добыв вожделенный свет, она, морщась от запаха, вручила мне свой мешок, и мы двинулись во тьму неизведанного.

Пещера петляла, становилась то ниже, то выше, то расширялась, то сужалась, но вопреки расхожему стереотипу нисколько не напоминала лабиринт, скорее кишку. Во всяком случае, тут было так же сыро и пованивало.

— Знаешь, это не очень-то похоже на проход. Только если на задний.

— Что ты несёшь? — раздражённо уточнила Кейтлетт.

— В смысле дела наши плохи...

С некоторым удивлением разглядывая окружающее пространство, я замолк. Дело в том, что, миновав очередной изгиб «кишки», мы вышли на предельно ровную прямоугольную площадку.

Встретить здесь, посреди безлюдных гор, явно искусственное сооружение было совсем не то, чего я ожидал. Правда, остался от него лишь небольшой кусочек — остальное поглотил камень.

Мы с Ноа переглянулись, встретившись ошарашенными взглядами. Похоже, это для нас обоих было удивительной находкой. Вглядываясь во что-то, Кейтлетт подошла к одной из стен и принялась рукой сгонять с неё пыль, паутину и прочую грязь, обнажая странный рисунок.

Он состоял из переплетения множества линий. Казалось, все они абсолютно случайны, но только на первый взгляд. Чем дольше я смотрел на рисунок, тем отчётливее понимал, что это — какая-то история. Точнее маленькая её крупица.

— Ты знаешь, что это? — спросил я, касаясь линий и буквально физически ощущая их древность.

— Понятия не имею, — честно ответила Ноа.

— Я тоже. Но выглядит... старинно.

— Похоже это лишь малая часть, — Кейтлетт указала на участок, где рисунок обрывался.

— Жаль, что остальное завалило. — Мне и вправду было бы интересно увидеть, как это место выглядело раньше.

— Что, возомнил себя великим археологом? — с улыбкой поинтересовалась Ноа.

— Нет, но интересно же.

— Ну-ну, идём.

Нехотя оторвавшись от рисунка, мы проследовали дальше сквозь крошечный проход между камней, уведший нас прочь от загадочного сооружения.

— Ой, ну тебя, отдохнуть нельзя. Нам через эту жопу пробираться ещё фиг знает сколько... — стоило мне это сказать — и впереди показался свет.

— Ты как всегда точен в своих прогнозах, — едко оценила Ноа.

— Стараюсь, умею, практикую.

Очутиться после холодной сырости пещеры на свежем горном воздухе было не так приятно, как мне казалось. Между вонью и ветром я бы не глядя выбрал первое.

Мы оказались на обдуваемой всеми ветрами площадке, которая возвышалась над долиной, раскинувшейся внизу. Так сразу и не скажешь, что за время нашего подземного путешествия мы поднялись настолько высоко. Но тем не менее факт оставался фактом.

Путь наш лежал дальше — вверх уходила петляющая между скал тропинка. Идя по ней, я поймал себя на мысли, что, несмотря на то что пещера осталась позади, вонь никуда не делась и даже становилась сильнее. Затем мне на глаза попало что-то рыжее, застрявшее между двух камней. Подняв предмет, я понял, что это ничто иное как чья-то вонючая, слежавшаяся шерсть.

— Интересуешься мхами? — не особо вглядываясь в находку, продолжила ехидствовать моя спутница.

— Шерстяными — безусловно. — Я продемонстрировал Ноа клочок.

По её взгляду мне стало понятно, что думаем мы об одном — о тёплой, освежающей ванне. Ну и теоретически, возможно, о той фигуре, которая, ревя, пронеслась над нами прошлым вечером.

Стараясь не шуметь, мы двинулись дальше. Вонь становилась всё сильнее, намекая, что её источник куда ближе, чем нам хотелось бы.

Ещё пара десятков шагов — и мы нашли источник запаха. Это была очередная площадка, не такая открытая, как предыдущие, хотя и не без своеобразного балкончика, который смотрел на долину. Большую же часть пространства занимало здоровенное гнездо, сделанное из всякого не слишком приятного глазу и носу мусора.

На наше счастье оно было пустым. Точнее, почти пустым. Из-за высокого бортика в нашу сторону выглядывала чья-то серая макушка.

Ноа, вопреки всякой логике, технике безопасности и всему разумному, что изобрело человечество, подошла и взяла на руки обитателя гнезда. Я хотел было отругать её за то, что она берёт чужое без спроса, но когда увидел зверька, подавился своей репликой. Одно дело читать о всяких котоблепасах и прочих, как мне казалось, выдуманных зверях, а совсем другое — видеть одного из таких перед собой. Хотя не знаю чему удивляться после встречи с Рубиновым рыцарем.

У детёныша, которого достала из гнезда Ноа, был клюв и в целом орлиная голова, которая крепилась к явно кошачьему, наверное, львиному телу. Ну и разумеется крылья. Какой же грифон — а это явно был он — без крыльев.

— Какой миленький! — сюсюкая, произнесла Ноа, осматривая грифончика.

Мне почему-то казалось, что кто-кто, а Кейтлетт не из тех, кто может вот так умиляться попугайчикам, кошечкам или их гибридам. Однако, видимо, это было общеженское заболевание.

— Ноа, положи его на место, и валим, пока не вернулся родитель, — паникуя, потребовал я.

— Как можно оставить такую милаху! Посмотри, какой он пупсик, так бы и съела...

Мне показалось, что последняя фраза, словно сейсмические толчки, распространялась по окрестностям, не предвещая абсолютно ничего хорошего.

— Ноа, когда вернётся его мама или папа, есть будут нас, причём очень долго, учитывая наше бессмертие!

Увы, разум вернулся к Ноа только тогда, когда родитель уже прилетел. Взрослый грифон был уже не такой милахой, как его детёныш. Глядя на него, меньше всего хотелось думать о его красивой внешности. Расцветка у взрослого животного, в отличие от его серо-белого детеныша, была мягко говоря яркой, почти попугайской. Но всё внимание забирал себе здоровенный клюв, огромные лапы с не менее внушительными когтями, а также то, что это существо было больше нас с Ноа вместе взятых раза в три.

Хозяин или, вероятнее, хозяйка гнезда одним движением клюва одновременно отсекла нас от единственного пути отсюда и прижала к стене, отрезая вообще любые пути, кроме как на тот свет.

Не сразу я понял, что от мгновенной гибели нас спасло только то, что Ноа продолжала держать в руках птенца, словно собираясь защищать существо от его же матери.

— Ага! — воскликнул я наигранно радостно. — У нас заложник, всем держать когти при себе!

В ту же секунду грифончик, испугавшись моего голоса, вскрикнул и ловко выскочил из рук Кейтлетт. Не слишком изящно, то и дело спотыкаясь и вообще не крепко держась на ногах, он посеменил к своему родителю.

— Ноа, за что ты меня так ненавидишь?

— Да как-то оно само вышло... — осевшим, очень растерянным голосом ответила та.

На наше счастье грифон не спешил нападать — куда сильнее его заинтересовало состояние детёныша и возврат того обратно в гнездо.

— Я слышала, грифоны очень умные, — тихо сообщила мне Ноа.

— Не сомневаюсь. Наверняка, окажись он в чужом гнезде, последнее, что стал бы делать — это воровать его содержимое, — едко возразил я.

— Ой, всё! Сконцентрируйся на более актуальной проблеме, — отмахнулась Кейтлетт. — Лучше скажи ему что-нибудь, это же твой гербовый зверь!

— В каком, блин, смысле?

— Ну, у тебя там тигр, а он где-то на шестьдесят процентов лев...

— Ага, а процентов на сорок птица! Как и та сова на твоём штандарте, кстати.

Отвлечшись от ссоры, мы повернулись обратно к грифону. Тот вежливо ждал, пока мы закончим, с видом «кто-то сейчас будет кушац», ожидая, пока завтрак перестанет ругаться.

Миролюбиво поднимая руки, я натянул самую искреннюю улыбку, которую только можно было, перед лицом неминуемой гибели:

— Х-хорошая... — тут мне в голову пришёл вопрос о принадлежности грифона к тому или иному царству. — Э-э-э, Ноа?

— Что такое?

— Так это птичка или кошечка?

— Откуда я знаю, идиот! — кипя гневом, ответила Кейтлетт — Если тебя это так заботит сейчас, посмотри под хвост. Если есть клоака, значит птица.

— Не буду я смотреть этой тва... кхм, — я поспешил исправиться, — райскому созданию под хвост, оно меня сожрёт!

Грифон звучно клекотнул, намекая, что это вообще-то он тут главная персона, двигающая сюжет. Хотя более вероятно, его, как несомненно умное создание, интересовало, чтобы мясо перед смертью не слишком сильно нервничало.

— Так, товарищ грифон, может, вы не будете нас кушать? — продолжил попытки достучаться до разума этого создания, если таковой вообще имелся, я. — Мы не вкусные...

Зверь в ответ выразительно щёлкнул клювом, словно говоря, что это уже не нам судить.

— Ноа, скажи, перед смертью, почему я понимаю эту птицу-льва лучше, чем тебя?

У Кейтлетт, конечно же, нашлось, что возразить.

— Просто, Рейланд, вы общаетесь на одном интеллектуальном уровне.

Я опасливо покосился на грифона — он ведь мог и понять сарказм. Однако его уже заинтересовало что-то другое, происходившее с той части гнезда, которая выходила к долине. Причём настолько, что от нас он отвернулся. Судя по человеческим крикам, там внизу происходило что-то интересное. И я даже догадывался, что именно.

Желая подтвердить свои догадки, мне тоже нужно было посмотреть, однако грифон заслонил собой весь «балкон».

— Разрешите! — решимости мне хватило лишь на то, чтобы не испачкать штаны и попытаться отодвинуть крыло зверя.

Грифон немного посторонился, но лишь затем, чтобы посмотреть на меня взглядом, в

котором читался немой вопрос: «Тебе что, жить надоело?»».

— Либо я умру от любопытства, либо от когтей! — ответил я абсолютно серьёзно.

Грифон, скорее всего из жалости к такому скорбному уму, решил меня пощадить и даже пропустил дальше. Посмотреть там было на что.

Внизу, у подножья скал, копошилось человек тридцать с верёвками, крюками и прочим альпинистским снаряжением. Похоже, что они собирались забраться к гнезду.

Над причиной и думать было нечего, надо полагать, что грифоны не просто так жили в непроходимых горах. Наверняка шкура такого или иная запчасть стоила безумных денег, а уж детёныш...

Глядя на «альпинистов», мне вдруг пришло в голову, что они ведь могли тут быть не из-за меня с Ноа. Точнее, не только из-за нас. Тут ведь прошла целая армия, вот кто-то и высмотрел грифона, а затем решил, что убьёт одним выстрелом двух зайцев: пошлёт солдат «за грифоном», а те, расположившись в узкой долине, так или иначе поймают и нас. В крайнем случае, если они нас не словят, то ничего страшного — он ведь посылал людей за грифоном. Ручки-то вот они, чистенькие!

Так или иначе с «альпинистами» надо было что-то делать. Конечно, у грифона были когти и размеры, зато у этих ружья, и в их победу мне верилось куда сильнее.

— Ноа, мы за цивилизацию или за семейные ценности? — поинтересовался я.

— Я им этого пупсика ни за что не отдам! — решительно ответила Кейтлетт, кивая в сторону гнезда.

— И что будем делать?

— Сражаться!

— Ага, отлично, прямо сейчас на них прыгнем? — едко уточнил я. — Так сказать, закидаем противника мясом!

— Нет, конечно, дубина, — с презрением возразила Кейтлетт. — Надо что-нибудь придумать, какую-нибудь засаду...

— О да, мы-то с тобой спрячемся, а его ты куда девать будешь?

Я указал на грифона. Таковую зверюгу за кустиком не спрячешь, да и за двумя, пожалуй, тоже, а больше в окрестных горах и не было.

Размышляя над тем, что делать, я ещё раз взглянул на «альпинистов». Сейчас их от гнезда отделяло метров сто покатой скалы, преодолеть которую даже без снаряжения было задачей сложной, но выполнимой. Однако дальше гора резко уходила вверх, образуя почти трехметровый, практически вертикальный уступ, он-то и станет для них самой большой помехой — его преодолеть с наскока не выйдет.

Не будь у противника ружей, такой подъём оказался бы для них смертельным. Однако пороховое оружие меняло всё.

Я очень ясно представлял себе этот процесс. Трое или четверо отправляются вверх по склону, налаживая верёвочный путь для остальных. Прикрывая друг друга, наверх переправляются остальные, затем процесс повторяется, но уже с уступом. Фокус в том, что грифон банально не сможет высунуться. Зверь он, конечно, могучий, но тридцать стволов — это тридцать стволов. Попадут не все, а из тех, что попадут, далеко не все будут опасными, но и оставшегося хватит с запасом.

Вопрос состоял в том, на каком этапе появиться нам с Ноа, так, чтобы максимально спутать планы «альпинистов». Если противник заберётся сюда — бой, можно сказать, проигран. Помешать сверху добраться им до уступа тоже было малореально — камни тут

имелись, но ведь на каждый камень в ответ полетит пуля. А вот атаковать в спину, пока часть поднимается, а остальные глаз не сводят с грифона, уже куда перспективнее.

Путь сюда занял у нас почти час. Но это по тёмной неизвестной пещере, да ещё и с кучей вещей на спине. Надо понимать, что, отправившись «налегке», мы сократим время. Осталось лишь изложить план Ноа.

— Я тут подумал...

Мою идею Кейтлетт выслушала с серьёзным видом и даже не перебивала.

— Удивительно, но звучит неплохо. — Пускай это и звучало как своеобразная, но похвала, Ноа нашла ложку дёгтя. — Вот только ты сможешь объяснить нашему «союзнику», что от него требуется?

— Ну, попробовать стоит... — Я осторожно дёрнул грифона за крыло, привлекая его внимание.

Зверь снова посмотрел на меня как на самоубийцу, но пожалел и в этот раз.

— Товарищ грифон, давайте вы нас не будете кушать, а мы поможем с обороной гнезда? Мы спустимся тем же путём, что и пришли, ударим в спину, не давая им выстрелить, а дальше ждём содействия.

Зверь выслушал меня спокойно и, даже можно сказать, внимательно, а затем вернулся к наблюдению за «альпинистами», не пытаясь нас как-то остановить. Расценив это как своеобразное «делайте что хотите», мы с Ноа осторожно вооружились и двинулись в путь.

— У меня такое чувство, что только что мне пришлось объяснять свои планы огромной курице, — отойдя от гнезда на расстояние достаточное для того, чтобы оттуда нас не было слышно, скептически оценил произошедшее я.

— Ха! Теперь ты понимаешь, какие чувства посещают меня в штабе! — рассмеялась Ноа.

Обратный путь через пещеры прошёл по программе «чем быстрее — тем лучше». Это стоило мне кучи ссадин, царапин, слегка подвёрнутой ноги и полному моральному разочарованию от того, что куда более компактная Ноа так ни во что и не вмазалась.

Вновь оказавшись в долине, мы, стараясь не привлекать лишнего внимания, перебежками отправились в сторону «альпинистов». Впрочем, учитывая, как те были поглощены процессом, мы могли взять с собой хоть целый оркестр — и всё равно на нас никто бы даже не посмотрел.

Как я и думал, охотники разделились: небольшая их часть, обвешанная верёвками, кольшками и подобным отправилась прокладывать путь по склону, остальные же с ружьями наизготовку следили за тем, чтобы им никто не мешал.

К их сожалению, смотрели они совсем не в ту сторону.

— Берегите природу, мать вашу! — крича на ходу, бросился я в атаку.

Ноа Кейтлетт двигалась рядом. Мгновенно раздались пара выстрелов: это особо нервные охотники решили, видимо, что их атаковал грифон. Один, кажется, даже умудрился подстрелить своего товарища, который карабкался по скале.

Увы, но двое против тридцати — не то соотношение сил, которое можно компенсировать криками, внезапностью или умением сражаться. Нет, конечно, семерых мы успели отправить домой, но затем удача от нас отвернулась.

Охотники перестроились, частично перевооружились, перейдя на более актуальное оружие ближнего боя, и начали нас с Ноа окружать. Ещё пара мгновений — и вот я уже стою с Кейтлетт спина к спине, а вокруг куча народа, часть которых уже прицелилась, а другая

занесла сабли.

— Ну что, Ноа, готова к заголовкам о том, что нас с тобой поймали при попытке помочь грифону? — улыбаясь даже сейчас, поинтересовался я.

— Мечтай. Учитывая современные тенденции «Вестника», ты там будешь кого-нибудь насилловать, а я валяться рядом в грязи, кого-нибудь предавая...

Нашу полемику прервал звучный рык командира охотников — рослого сержанта с выдающимися бакенбардами и не менее выдающимися усами:

— Эй там, психи! А ну заткнулись или мы откроем огонь!

— Сержант Прометей, это вы? — моя шутка ушла мимо кассы, наверное, сказывалось то, что я был единственным в этом мире, кто её мог понять.

— Я сказал тихо! — рявкнул сильнее прежнего сержант. — Сложили оружие и быстро!

— Ладно-ладно, но за это вы нас накормите! — предложил я.

— Ещё чего! Вяжи их, ребята, и в лагерь...

Выбор был невелик — противник нас окружил и крепко держал на прицеле. Я в надежде поднял голову, стараясь высмотреть грифона, который всё никак не появлялся.

— Опаздывает, — шепнул я Ноа, отчего та скривилась.

— Возможно, полагаться на такого союзника было ошибкой? — едко предположила она.

— Ты сама его назвала весьма разумным зверем...

— Нет, я сказала, что про них так говорят!

— А ну тихо там! — напомнил о себе сержант, а его подчинённые поддержали командира парой ударов по моим чувствительным местам.

— Эй! А как же уважительное отношение к пленным?!

— Пленным? — вытаращился на меня «лунный». — Бродяга, ты совсем умом двинулся. Полез в зону Игр, да ещё и на нас кинулся. Вылетишь отсюда — а там плетей двадцать отхватишь за нарушение священных границ.

Я вопросительно посмотрел на Ноа, пытаюсь понять, что происходит. Кейтлетт пожала плечами и заметила:

— Видок у тебя и вправду так себе.

Мне не сразу удалось понять, о чём это она. Меня и вправду не узнали, да и Ноа тоже! Эти «альпинисты» действительно были здесь исключительно ради грифона. Вот так номер!

— Зато нас приведут прямо к твоей армии! — я постарался подбодрить свою спутницу, хотя скорее обращался к самому себе.

— Ага, в кандалах.

— Это уже детали, главное, что...

В этот момент терпение сержанта окончательно иссякло:

— Так, ну всё! Не хотите по-хорошему, будет как правильно.

Пылая гневом на усатом лице, он повернулся к нам и, вытаращившись на что-то, поперхнулся следующей репликой, так ничего и не сказав.

Я тоже обернулся просто за кампанию и очень вовремя. Как раз достаточно, чтобы заметить, что на нашу процессию пикирует что-то здоровое. Всё, что мне удалось сделать за оставшийся ничтожный промежуток времени, это повалиться на землю, увлекая за собой Ноа.

Расшвыривая попавшихся под лапы охотников как кегли, над нами пронёсся грифон. Не давая противнику опомниться, он сделал короткий вираж и пошёл на второй заход.

Пользуясь паникой и неразберихой, мы с Ноа живенько вооружились, рассчитывая присоединиться к бою, однако этого даже не потребовалось. Грифон прекрасно и без посторонней помощи раскидывал «лунных» во все стороны, не оставляя им даже шанса.

Наше вступление в бой просто поставило окончательную точку: оставшиеся на ногах противники, увидев это, побросали оружие и подняли руки. Среди них, к моей искренней радости, оказался и тот командир, который пророчил мне избиение плетьюми.

— Сержант Прометей! Кажется, ваша охота пошла не по плану?

— Рор, прежде чем скалить зубы, ты бы лучше обыскал его, — с презрением заметила Ноа. — Пока он тебе в спину не ударил.

— Это так неблагородно... — с иронией заметил я.

— Зато очень действенно.

Пока я занимался обшариванием чужих карманов и не только, грифон сделал над полем битвы пару кругов, а потом отправился к себе в гнездо, не иначе как проверять, не пострадало ли оно.

Оружия в карманах у сержанта не нашлось, поэтому, раздобыв верёвку, что было проще простого, учитывая, что мой «клиент» был увешан ею весь, и убедившись, что мои навыки вязания узлов всё так же оставляют желать лучшего, я кое-как его «упаковал» и отправился дальше.

Всего мы захватили четверых. Остальные отправились домой либо во время нашего с Ноа налёта, либо после атаки грифона.

— Как мы их, а? По-моему, весьма неплохой счёт, особенно если вспомнить, что их было в десять раз больше, — самодовольно поинтересовался я.

— Грифона, Рейланд, ты разумеется посчитал за одного, да? Твои способности к математике с каждым годом поражают моё воображение всё сильнее.

— А оно у тебя есть?

Пока в очередной раз вернулись к агрегатному состоянию наших взаимоотношений и собачились, сержант «лунных» внимательно наблюдал за Ноа, а затем прервал нашу ругань своим вопросом:

— Командующая Кейтлетт, это правда вы?

Ноа, судя по выражению лица, особого восторга от того, что её узнали, не испытала, но всё же кивнула, подтверждая догадку. После того как внимательно осмотру подвергли и меня, я уже знал следующую фразу сержанта:

— Так значит это правда, что вы нас предали? — воскликнул «лунный».

Как же мне хотелось в этот момент его пристрелить! Я только-только начал вытаскивать Ноа из той психологической ямы, в которую её кинуло предательство, как тут — на те, распишитесь — ещё одна порция психологических проблем.

Видя, что без моего вмешательства вся эта сцена закончится чем-то крайне плохим, я напустил на себя маску возмущения:

— Как человек, чья верность оказалась под вопросом после всего одной газетной статейки и слухов, вообще может судить других?! Да ещё и сержант!

Видя, что моя эмоциональная речь вызывает на лицах слушателей нужную, но недостаточную реакцию, мне ничего не оставалось кроме как усилить напор:

— В моей армии вас бы разжаловали даже из рядовых! А потом всё равно отправили бы под суд, как человека, который одним отношением к военному делу его позорит! — наверное, можно было и остановиться, но меня было уже не удержать. — Вы правда солдаты

Тофхельма, славящиеся своей стойкостью и выдержкой? Я видел, как ваши соотечественники стояли как вкопанные, хотя их несколько часов засыпали ядрами, словно снегом! По сравнению с ними вы кучка предпубертатных девочек, которые меняют своё мнение чаще, чем носовые платочки!

Тут мой словесный поток закончился вместе с воздухом в лёгких.

— Мощно сказано... — сказала Ноа удивлённо и немного озадаченно, а затем с улыбкой добавила гораздо тише: — и спасибо.

— Не за что, — я пожал плечами, показывая, что какого-то особого подвига в этом нет, а затем махнул рукой в сторону пленных. — Это твои солдаты, тебе решать, что с ними делать. Как по мне — отдать их грифону будет в самый раз.

Последнее мною было сказано в шутку, однако поняла её лишь Ноа, которая мгновенно мне подыграла:

— Даже не знаю... Это слишком жестоко. По отношению к желудку несчастного животного.

Пленники как-то подозрительно побледнели и задрожали. Оно и неудивительно, учитывая, сколько всякой грязи на Кейтлетт наверняка вылили к этому моменту. Оно ведь как работает: если долго кричать «волки!», то оные могут заинтересоваться, кто это там порочит их честь и достоинство.

К ужасу пленных, вернулся грифон. Грозно рыкнув, он медленно подошёл ко мне и благодарно, по-кошачьи, потёрся головой. Учитывая размеры зверя, он скорее боднул меня, едва не повалив на землю. Самым сложным в этой ситуации оказалось даже не сохранить чистоту шпанов — те и так были грязнее некуда — а сделать вид, что у меня всё под контролем.

К счастью, ласки длились недолго, после чего грифон переключился на Ноа. Кейтлетт проявила себя в этой ситуации куда лучше моего и умудрилась даже погладить зверя в ответ, чем вызвала у того целую бурю эмоцией. Дошло до того, что её мягко повалили на землю и принялись вылизывать.

— Теперь ты не скоро забудешь эти горы, — испытывая небольшой укол ревности, сказал я злорадно.

— Рор, хватит язвить, сделай уже что-нибудь! — пребывая явно не в восторге от происходящего, взмолилась Кейтлетт.

Мне не оставалось ничего, кроме как нехотя сказать:

— Эй, птичка-котик, брось каку, она не заслуживает твоей любви.

— Ты... а-а-а, мерзость, — простонала Ноа, которую обслюнявили уже всю целиком. — не сильно-то помогаешь!

— Прости, сделал всё, что мог, — с усмешкой я развёл руками.

Впрочем, грифон уже уgomонился и сам отпустил Ноа.

— Нам ещё нужно вернуться за вещами, — пока она приводила себя порядок, пытаюсь очиститься от слюней, напомнил я.

— Зачем? — удивилась моей тупости Ноа и жестом указала на пленных. — У наших «друзей» точно есть всё необходимое. Нет, если ты, Рейланд, прирос к старому спальнику полному клопов, то, конечно, можем возвратиться...

Меня такая перспектива не заинтересовала. Если я и испытывал какие-то тёплые чувства к тому спальнику, которым всё это время обходился, то очень хорошо их прятал. Настолько, что сам был о них не в курсе.

— Не, спасибо. Мне нравится идея позаимствовать чужое.

— Ещё бы тебе не понравилась!

Неожиданная находка

После всех этих историй про загадочного призрака я ничуть не удивился тому, что посреди ночи меня разбудил именно перезвон колокольчиков. Можно было, конечно, подумать, что это не слишком изящная шутка Миюми, но по опыту я уже знал, что юмор у девушки удалили хирургическим путём, заменив его на лишний килограмм милоты.

Немного посопев и поворочавшись в кровати, мне не удалось списать въедающийся в мозг мелодичный звук на игру воображения. Пришлось одеваться, прихватить с собой меч и идти искать источник шума.

«Ну, хоть не грифоний рёв», — подумал я, очень живо вспоминая свой недавний сон.

Его содержание меня сильно тревожило. Судя по контексту, выходило, что меня и Ноа предали. Причём, вероятно, один и тот же человек. И если на вопрос «кто» у меня какой-никакой ответ ещё был, то вот откуда ожидать удара я не понимал абсолютно.

Так или иначе Кейл Ресс никакого доверия у меня не вызывал изначально, а учитывая все эти без преуменьшения странные разговоры и не менее странные сны, к нему определённо следовало присмотреться. И чем быстрее, тем лучше.

Ночь была что надо, не хуже предыдущей, разве что уже без кометы: чистое, безоблачное небо с миллиардами звёзд, один вид которых завораживал. Казалось, можно было увидеть всю вселенную, даже не сходя с места. Словно подыгрывая волшебному моменту, небо прочертила падающая звезда.

Звёзды смотрели на меня, а я смотрел на них. Красота вселенной, каким-то чудом очутившаяся над нашим лагерем, завораживала и манила к себе. Где-то там мой дом, хотя грустить, глядя на эту красоту, было просто невозможно.

Увы, суровая реальность оказалась сильнее сказочной атмосферы. Испортив такой замечательный момент, где-то вдалеке кто-то громко, смачно высморкался, сопроводив и без того не слишком приятные звуки отборным матом. Словно переключка со всего лагеря, раздались похожие звуки.

Вздохнув и ещё раз взглянув на звёздное небо, я направился к реке, откуда лился звон колокольчиков. Караульные на меня даже не взглянули. Принцип «меньше вопросов — меньше проблем» в армии усваивали в первые же дни абсолютно все. Те же великие умы, которые не были способны на такое, в караулах не стояли: их ожидали приятные, очень весёлые занятия вроде рытья отхожих мест, рубки дров или чистки картошки.

Долго призрака искать не пришлось — он танцевал чуть выше по течению меж деревьев, даже особо не прячась. Мне было несложно поверить в очередную паранормальщину, после всего пережитого ранее, но затем я на своё горе подошёл поближе. Чем меньше между мной и призраком было расстояние, тем большее разочарование в происходящем меня охватывало, переполняя чашу моего терпения. Лучше бы это был очередной дух, призрак или что-то такое.

— Гун-Гун?! — воскликнул я в тот момент, когда держаться уже не было сил. — Что ты здесь делаешь?

Это действительно был наш чудаки, нацепивший поверх своих одежд белое женское платье, перемазавшийся флуоресцентной краской, из-за которой светился, а поверх всего этого нацепивший кучу небольших серебряных колокольчиков.

— Гун-Гун развлекает! — ответ в каком-то смысле был вполне ожидаем.

— Посреди ночи на берегу реки. Кого?

— Вон там, — чудак уверенно ткнул пальцем в сторону противоположного берега, окутанного туманом.

Я присмотрелся и нервно вздрогнул. Там, куда указывал Гун-Гун, действительно кто-то был. Нечто полупрозрачное висело прямо над водой, просвечивая насквозь, словно бы пританцовывая. На нас привидение обращало непозволительно мало внимания.

— Это Речной дух?

— Гун-Гун не верит в такую чепуху. Это туман! — Чудак посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Тогда какого лешего ты тут танцуешь?! — я непроизвольно перешёл на крик.

— Гун-Гун решил, что туману скучно...

Не знаю, был ли это в самом деле призрак или просто туман, но после этой фразы мы с ним обменялись полными непонимания взглядами. Я потёр переносицу и постарался перевести разговор в более вменяемое русло, для чего выбрал конкретную тему:

— Откуда у тебя эта краска?

Признаться, мне не верилось, что после увиденного сегодня ночью меня удостоят вменяемым ответом, однако чудак и тут сумел удивить:

— Гун-Гун украл её у Ноа Кейтлетт!

— И зачем ей...

Я не успел закончить вопрос, так как догадался сам. В общем-то идея лежала на поверхности: устроить уставшему противнику полуночный спектакль, а затем утром дать генеральное сражение. Последствия чего-то похожего я регулярно видел у себя в офисе по понедельникам.

— Гун-Гун, снимай свои колокольчики, есть работа...

Кажется, даже чудак удивился моей фразе.

— Капитан Эльт, как вы считаете, верно ли вы уловили суть моего поручения? — с намёком поинтересовался я.

— Так точно, командующий! — без всяких сомнений ответил мне Гоа.

Гун-Гун постарался на славу. Чудак не только нашёл укрытый в складках местности небольшой лагерь, откуда «лунные» готовились нас атаковать, но и практически в одиночку обезвредил всех его обитателей, раздобыв вдобавок к флуоресцентной краске ещё и униформу противника.

Исходя из этого план родился сам собой, хотя я и присвоил его авторство себе: переодевшись, дерзким рейдом захватить штаб противника, а затем рассеять его основные силы.

Изначально мне в качестве «диверсанта» виделся Лой Ноктим, и я даже успел его вызвать, однако впопыхах забыл одну «маленькую» деталь. При всём желании старик со своей неизменной трубкой мог замаскироваться разве что под локомотив. В любом ином облике не узнать его было, наверное, невозможно.

Пришлось дёргать Эльта и его ребят. Результат стоял передо мной красивый, можно сказать, сияющий в утренней полумгле. Впереди, за холмом, прятался крупный лагерь Ноа.

— Итак, мы собираемся проникнуть в стан противника и лишить его руководства, верно, капитан? — я словно разговаривал с маленькими детьми, интонации, во всяком случае, были теми же.

— Так точно!

— Так нафига вы взяли с собой наши флаги?! — взорвался я. — И знамя армии, а также... — моя рука указала на «вишенку на торте», стоящую неподалёку, — Миюми?!

После бессонной ночи, проведённой в основном в общении с Гун-Гуном, я всерьёз начал задумываться над психическим состоянием всех вокруг. В том, что лично у меня крыша начинала хорошо протекать, сомнений уже не осталось.

— Разрешите выбросить флаги и... — начал Эльт.

— Ещё чего, давайте и командующего тогда выбросим... — В ответ на мою неудачную фразу капитан как-то недобро на меня посмотрел. — Шучу, отставить. В любом случае, уже поздно. Вон на гребне стоит дозорный.

Там действительно торчала одинокая фигурка, причём уже довольно долго, минут пятнадцать, не меньше. Судя по всему его сильно впечатлили наши манёвры.

— Будем действовать как есть — это будут трофеи. Миюми, без обид, ты тоже трофей. Сделай...

Девушка поникла и сделала такое страдающее выражение лица, будто мы последние несколько лет только и делали, что по утрам душили у неё на глазах котят. Это никуда не годилось.

— Так, отставить, боюсь, с таким выражением лица «лунные» тебя у нас отобьют как только смогут разглядеть, даже если не распознают врага. Веди себя, а-а-а, не важно, хуже уже не будет, как хочешь.

Нацепив на головы шлемы и опустив забрала, мы двинулись в путь.

Лагерь «лунных» оказался куда меньше, чем я ожидал. Он только просыпался, но даже с такой поправкой всё равно был слишком мал для тех размеров армии, о которых мне регулярно сообщал Ресс.

Это явно было что-то не то, однако отступать было уже поздно — нас заметили и ещё как. Весь лагерь взбудоражено вывалил смотреть на наше «возвращение», при виде флагов и беззаботно вышагивающей Миюми раздался одобрителный свист. То и дело в наш адрес раздавались потрясённые фразы.

— Ты смотри, что ребята вытворили, никак утёрли нос самому Рору!

— Ендрить меня в жлобло, да никак пленных взяли!

— А девушка ничего себе, я б её попросил сделать себе кофе...

Так что самым сложным оказалось идти с серьёзным видом и не заржать в голос.

Найти штабную палатку не составило никаких проблем, благо, за время пребывания в этом мире мне удалось овладеть этим навыком мастерски. Эльт со своими встали в оцепление, изготавливаясь по первой же команде «обезвредить» всё население лагеря, я же отправился внутрь, рассчитывая взять Ноа здесь и сейчас. Хотя бы в плен.

— Ага, попалась! — воскликнул я, заскакывая в палатку.

Увы, но реплика ушла в никуда. Там был лишь полноватый, растрёпанный паренёк, который как раз переодевался, из-за чего встретил меня в одних панталонах.

«Определённо не Ноа», — догадался я.

— Ты кто такой?

Кажется, мне уже приходилось его встречать. Во время первой «моей» встречи с Ноа, этот юный Герострат сжёг палатку.

— Альт Цион... — юноша смущённо застыл, прикрывая небольшое пузико.

— Занятная у тебя фамилия Альт Цион, — отметил я. — Где командующая?

— А кто, собственно, спрашивает? — вьедливо уточнил адъютант. — Что-то я не узнаю ваших знаков различия... — я молча снял шлем. Альт побледнел. — Командующий Рор, полагаю. Это объясняет некоторые... моменты.

— Угу, второй раз спрашивать не стану.

У меня и мысли не было причинять ему какой-либо вред, тем не менее пустой угрозы вполне хватило, чтобы парень раскололся.

— Она сейчас в основном лагере, обсуждает, эм, ну, похоже, уже что-то неактуальное. Знаете, какие-нибудь там планы сражения?..

Его лепет я слушал вполуха, отвлекшись на стол и бумаги на нём.

— Кейтлетт — она такая. Ей только дай — весь день по ушам ездить будет.

Увы, выяснить из писем что-либо нового, кроме того, что у Ноа отличный почерк, не вышло. Пришлось вновь обращаться к Альту:

— Если Ноа здесь нет, то что это за место?

— Это что-то вроде нашего арьергарда, тут собраны роты, которые вы отравили...

— Что сделал?! — эта фраза меня удивила.

Альт, видимо, понял мой ответ несколько превратно:

— Вывели из строя. Читал, что подобную тактику последний раз применял несколько веков назад Клементан Обманщик, правда, он по ошибке тогда отравил свою же армию, за что был предан очень короткому и несправедливому суду, поэтому до конца жизни оставался успешным командующим со слегка, кхм, запятнанной репутацией.

Я молча выслушал этот поток сознания, смутно осознавая, почему Ноа здесь нет, а Альт есть. У меня не было желания, да и время поджимало, чтобы выяснять, какие там злодеяния приписывала мне Кейтлетт от обиды, поэтому я только махнул рукой, надеясь, что адъютант заткнётся, и вернулся к изучению стола командующей «лунных». Парень некоторое время стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, а затем осведомился:

— Можно идти?

Мне пришлось удивлённо моргнуть, чтобы осознать происходящее. Парень оказался хорош — такую наглость ещё поискать надо было. Чувствуя в Альте родную душу, я подыграл ему:

— Куда?

— К своим, — спокойно и уверенно ответил адъютант. — Полагаю, кто-то же должен доложить командующей, что здесь произошло.

— А, это. Не переживай, я собираюсь написать ей целое письмо, как раз даже взял с собой свою помощницу.

— Часто берёте с собой на захват вражеского лагеря помощниц? — кажется, Альт сильно во мне разочаровался.

— Каждый раз. Кто-то же должен записывать все мои достижения для потомков! — Кажется, адъютант уже был готов идти, но тут мне в голову пришла ещё одна идея, а точнее эксперимент, связанный с его фамилией. — Прежде чем уйти, сделай мне кофейку из запасов своей начальницы.

Он вернулся через пару минут, как раз когда я закончил потрошить вещи Ноа, окончательно убедившись, что ничего ценного или хотя бы личного здесь нет. Типичная Ноа: самое непристойное из найденного мной был розовый с блёстками дневничок с единственной записью, гласящей: «Ненавижу дневники!!!!!». Помнится, это был подарок от меня, то есть Рейланда Рора, по случаю какой-то мелочи — то ли дня рождения, то ли её

очередной победы в Играх.

Стоило мне понюхать напиток, приготовленный Альтом, и слегка отхлебнуть, наслаждаясь в кои-то веки нормальным, вкусным кофе, как некстати вошла Миюми.

— Капитан Эльт спрашивает, что ему делать... — запыхавшись, сходу начала девушка.

Она замерла, не зная на что обращать внимание: на кружку у меня в руке или на своего родственника. К моему удовлетворению, Альт тоже взирал на неё, вытаращив глаза. Судя по всему, им стоило задать друг другу множество очень интересных вопросов. Я откинулся в кресле, не зная чем наслаждаться больше: разворачивающейся сценой семейного воссоединения или напитком.

— Что это ты здесь делаешь, братец? — подозрительно спросила Миюми.

— Сама прекрасно знаешь — меня отправил отец! — фыркнул Альт. — А вот что ты тут забыла, мисс «мне не интересны эти ваши войнушки»?

— А я сама вызвалась! — гордо призналась девушка.

— Да что ты говоришь! — усомнился адъютант. — А может, это отец, отчаявшись найти тебе...

Альт не успел закончить фразу, так как в него полетел первый же попавшийся под руку Миюми предмет. К несчастью юноши, это оказалась здоровенная латунная вешалка.

Началась типичная сцена семейного воссоединения любящих брата и сестры, иначе говоря, кавардак. Миюми, нагло пользуясь тем, что «она же девочка» и её бить нельзя, гоняла своего брата по всей палатке, попутно швыряясь в того предметами обстановки. Альт вяло отбивался, в основном стараясь уворачиваться и держать дистанцию.

Я реагировал на происходящее так, как и должен был любой уважающий себя мужчина, оказавшийся в подобной ситуации: устроился поудобнее и, попивая кофе, смотрел на сцену семейного воссоединения. Такие мелодрамы мне всегда нравились.

Что до вещей Ноа, пошедших в разнос? Ну, это не же мои вещи! Вот пускай Альт и объясняет своей командующей, как так вышло, что они с сестрой не могут мирно находиться в одной палатке дольше минуты. Для меня же представилась уникальная возможность узнать получше своих подчинённых.

Прижимая Альта к стенке и угрожающе покачивая кочергой, Миюми обронила очень интересную фразу:

— Почему ты здесь именно в этом году?! Тебя отец сколько раз пытался отправить на Игры, чтобы ты стал настоящим мужчиной, но ты выбрал именно этот год!

— Захотел! — категорично заявил Альт.

— Да-а-а, конечно! Совсем не потому, что тебя бы друзья засмеяли!

— Ой, кто бы говорил, мисс «мой отец, отчаявшись найти жениха, выдержавшего бы мои закидоны, попытался сосватать меня Рору»!

Услышав это, я едва не подавился кофе и, встретив два крайне осуждающих взгляда, гласивших, что это всё моя вина, вяло открестился:

— Хватит мне тут инсинуировать! Инсинуируйте эти ваши семейные дразги без меня!

— Что... делать? — Миюми, услышав незнакомое слово, аж остановилась.

— Приписывать кому-то клевету! — высокомерно объяснил Альт. — Книжки...

Не знаю, что именно хотел сказать адъютант, но именно книгой по голове он и получил.

Понаблюдав ещё пару минут, мне вдруг вспомнилось, что вообще-то вокруг лагерь «лунных» и нужно что-то делать по этому поводу, например, захватить его.

— Альт, как закончите, ты — можешь идти. Миюми, найди в этом бардаке бумагу, перо и чернила, а затем снаружи меня. Да победит сильнейший! Раунд!

В том, что триумф достанется именно моей протеже и явно не в первый раз, сомнений у меня практически не было.

Публика у меня была так себе: кучка людей, не больше двух тысяч, которая понуро стояла с видом, будто их взяли в плен. По правде говоря, так оно и было: по моему поручению Эльт со своими ребятами согнали всё население лагеря в одно место.

Организовав себе импровизированную трибуну из кучи каких-то ящиков, я решил выступить. Идея была глупой, учитывая местные особенности, но попробовать стоило.

— Господа, у меня для всех вас уникальное предложение! Вместо того, чтобы отправиться домой, предлагаю вам продолжить принимать участие в Играх, но уже на правильной стороне!

Судя по перешёптыванию, в том числе и среди парней Эльта, раньше такой фокус никто не пытался провернуть. Тем не менее, не было похоже, чтобы кто-то всерьёз сейчас решится перейти на нашу сторону.

«Пряник показали, теперь продемонстрируем кнут», — я сделал жест рукой, и мои солдаты подкатили несколько пушек, сразу принявшись их заряжать.

— Простите, командующий Рор, а что вы собираетесь делать? — вопрос принадлежал молодому парню со знаками отличия капрала, стоявшему в первом ряду «лунных», который абсолютно не понял этого жеста.

— Да так, ничего. С припасами у нас сейчас туговато, пушки мы тоже укатить не сможем, поэтому воспользуемся ими для...

По рядам пленных прошёл ропот: им, понятное дело, ничего не грозило, но вряд ли получать картечью в упор, даже будучи неуязвимым, было приятно, особенно учитывая, что это были их собственная пушка, порох и картечь.

— Готово, командующий!

Пушки наконец зарядили и направили в сторону пленных. Те аккуратно кучкой слегка сместились в сторону, словно избегая направления ствола.

— Никто не передумал?

Это, безусловно, был перебор, особенно по местным меркам. Увы, но выбора не было: либо побеждать любыми способами, либо готовиться провести в этом мире всю жизнь. Остаться здесь навсегда я смогу в любой момент, а вот уйти — нет.

Поняв, что это не шутки, пленные осторожно начали выходить вперёд, произнося вариации на тему фразы «клянемся в верности». В клятвы, данные под угрозой расстрела, я особо не верил, но тем не менее найти применение лишней тысяче человек мог с лёгкостью. Да хоть перетащить те же орудия к нам — почему бы и да? Нет ничего более ободряющего, чем смотреть на то, как тяжёлую, долгую работу делают за тебя.

Пока Эльт организовывал процесс переноса материальных ценностей из лагеря «лунных» в наш собственный, я отыскал Миюми, которая сосредоточенно писала что-то на свитке. Заглянув ей через плечо, я прочёл вслух:

— «Мы, солдаты бла-бла-бла, сообщаем подлой, ненавистной, глупой Ноа Кейтлетт бла-бла-бла...». С оскорблениями явно перестаралась. Выглядит, как письмо школьника

нелюбимой учительнице. Так, что тут дальше? Бла-бла-бла, присягаем на верность Рейланду Рору, победителю Рубинового рыцаря...»

На мои титулы Миюми чернил не жалела. Письмо вышло бы раза в три меньше, если бы она их опустила.

— Убрать эту часть? — потупившись, поинтересовалась девушка.

— Пускай будет. Ноа взбесится до чёртиков — это главное. Как закончишь, прикрепи это к штабной палатке и догоняй.

— Конечно... — в голосе девушки чувствовалась растерянность. — Можно вопрос, с... командующий?

— Разумеется.

— Что такое «чёртиков»?

Я укусил себя за слишком длинный язык и принялся сооружать объяснение:

— Это такие духи, несущие сумятицу, хаос и беспорядок.

— А-а-а, как мой брат! — поняла Миюми.

Кинув полный разочарования взгляд в сторону солдат Эльта, которые пытались утащить пушку на себе, вместо того чтобы катить, я подобрал иное сравнение:

— Скорее как среднестатистический рядовой.

Туман рассеивается

— Предатели! Дезертиры! — Ноа порвала листок, принесенный ей Альтом, на мелкие клочки, причём уже во второй раз.

— Замечу, командующая, что их, скорее всего, вынудили так поступить...

Кейтлетт одарила своего адъютанта раздражённым взглядом и напомнила:

— А ты готовил ему кофе! Тоже вынудили?

— Я перенёс глубочайшие травмы и лишения... — Альт сделал лицо мученика. — Это навсегда отпечаталось у меня на душе...

— Ты был у него едва ли полчаса, и на тебе синяка нет! Он даже вещи твои не тронул!

— Это были глубокие раны, имеющие исключительно психологическую природу! Он заставил меня разговаривать с сестрой...

Ноа отмахнулась от него и вернулась к карте, где схематично изображалась диспозиция армий перед сражением.

— Даже несмотря на эти выкрутасы, нас всё ещё втрое больше, — злорадно заметила командующая, а затем вдруг вспомнила: — Шинку, кстати, нашли?

— Капитана обнаружили в одном из тракторов неподалёку. Кажется, в бою он потерял сознание и получил сильнейшее...

— В каком ещё бою? — Ноа Кейтлетт встрепенулась со смесью недовольства и удивления.

— В бою с зелёным змием, — ехидно объяснил Альт.

Шутка так и повисла в воздухе. Ноа смерила своего адъютанта тяжёлым взглядом.

— Знаешь, Альт, у нас тут бой будет через пару часов, есть кандидатура вести за собой войска в первых рядах. Докажешь личным примером не только остроумие своего языка, но и клинка.

— Как же вы тогда будете надевать свой доспех? — притворно удивился адъютант.

— Так же, как и всегда до этого — сама, — Ноа, не понимая намёка, развела руками.

Адъютант помрачнел и сбавил свою язвительность — так и вправду в авангард отправиться недолго — и переключил внимание на карту местности:

— Мы оставляем в тылу «солнечных», не разумнее ли их добить, прежде чем начинать другой бой?

— Рор — приоритетная цель, — уверенно возразила куда более опытная Ноа. — Потом можно будет прикончить и этих окруженцев.

Вместо ответа Альт всем видом показал, что сомневается в разумности такого шага. Некоторое время они обменивались взглядами, после чего Кейтлетт сдалась.

— Ладно, оставляю пару рот, чтобы «солнечные» никуда не делись. Ещё замечания?

Адъютант кинул взгляд на стол своей начальницы, где лежал свежий выпуск «Вестника Войны», характерно весьма измятый. Заголовки он разглядеть с такого расстояния не мог, но отчётливо видел там слова «Рейланд Рор», «Риверкросс», «Победа».

— Что пишут? — как можно спокойнее и невозмутимее поинтересовался Альт, на что Ноа фыркнула настолько выразительно, что адъютант сразу же уточнил вопрос: — О ком пишут?

Кейтлетт взяла газету в руки и, прочистив горло, зачитала:

— «Рейланд Рор — достояние Риверкросса или головоногий моллюск?»; «Учимся брить

бороду и укладывать усы без применения пороха. Топ-10 советов о внешнем виде от Рейланда Рора»; «Выращиваем редьку по советам Рейланда Рора размером с кулак, война войной, а огород важнее!», — она сделала небольшую драматическую паузу. — И, наконец, моё любимое: «Ноа Кейтлетт — грядущий реванш или закат звезды?»

— Сколько раз в последней статье упоминается ваше имя? — Альт очень хорошо знал, как в «Вестнике» пишутся заголовки.

— Считаю заголовков? — ехидно уточнила Ноа.

— Конечно.

— Один.

— А сколько... — договорить адъютанту не дали.

— Двадцать два, если не брать в расчёт те случаи, когда его называли «тигром Риверкрасса» или «новым Рубиновым рыцарем».

Альт очень хотел съязвить по этому поводу, но, вспомнив недавнее предупреждение, которое вполне могло воплотиться в жизнь, только покачал головой. Ноа жестом отпустила его разносить приказы и, чувствуя, как улучшается её настроение, откинулась в кресле.

Ещё пару часов — и всё закончится. Тигр получит по заслугам и отправится домой, потерпев самое унижительное поражение за последнюю сотню лет. После его фокусов с отравой и пленными больше в играх он участвовать точно не будет.

«Вот и всё, Рор, пришёл твой бесславный конец», — эти мысли заставили Ноа довольно поёжиться. Неожиданно им на смену пришла тревога. А что, если она проиграет и здесь?

Кейтлетт судорожно осмотрела карту ещё раз, выискивая любую возможность, любой шанс, который мог принести Рейланду успех. Ей не очень нравился центр их построения, где оказались самые потрёпанные части, но разве наглец, который в этот раз так отчаянно ищет нестандартные решения, решится атаковать прямо в лоб?

«Нет, я очень хорошо знаю Рора. В прошлый раз он из-за этого проиграл. В этот решит перестраховаться и поэтому сам загонит себя в ловушку. Сегодня он проиграет, раз и навсегда!»

«Сны всегда заканчиваются на самом важном месте»

— Так, встали и цепочкой по одному за нами. Иначе в самом деле оставлю здесь на потеху этой птичке.

Прикрикнув, Ноа указала на грифона, который продолжал крутиться вокруг недавнего поля боя.

— Ты же не собираешься брать их с собой? — пока пленники пытались подняться на ноги и построиться, спросил я у неё шёпотом.

— Рор, не ты ли сам сказал, что это мои пленные?

— Я имел в виду, что ты примешь какое-нибудь взвешенное, нормальное решение этой проблемы, а не цирк с конвоированием.

— Да, это какое же? — удивилась Ноа.

Идей у меня не было вообще никаких, точнее были, но из разряда военных преступлений, поэтому ответил я с заметным раздражением:

— Не знаю. Нормальное и взвешенное!

— Мне кажется, решение делать по-моему — вполне нормальное и взвешенное, —

ехидно заметила Ноа.

Услышав это, я скорчил кислую рожу. Идея кого-то конвоировать мне не нравилась катастрофически. Вздрагивать от каждого шороха, опасаясь побега или ещё хуже бунта? И без этого хватало причин для плохого сна.

Однако, после того как мы дошли до лагеря «альпинистов», моё настроение заметно улучшилось. Здесь была нормальная, состоящая не только из воды и сухарей, еда! Так, в котелке над костром обнаружили остатки завтрака «лунных»: перловая каша с кусочками мяса. Для меня это было подобно манне небесной, смешанной с амброзией и присыпанной кокаином.

Не в силах себя сдержать, я схватил ложку-поварешку и принялся есть прямо так — из котла.

— Рор, обжираться будешь потом, — раздражённо фыркнула Ноа. — Займись чем-нибудь полезным.

— Мгмгмгмгм! — не отрываясь от еды, возмутился я — с моей точки зрения моё текущее занятие было вполне полезным.

Из-за набитого рта мой ответ получился несколько невнятным, однако Ноа достаточно хорошо меня знала, чтобы понять, по каким географическим координатам я её послал.

— Животное, — недовольно буркнула Ноа, огляделась и ушла по своим делам. — Мне хоть что-нибудь оставь.

Её не было довольно долго, достаточно, чтобы я успел наесться, раздобыть небольшой стульчик и, разморенный такими райскими условиями, практически на нём уснуть.

— Подъём, ленивый тигрила! — растолкала меня Кейтлетт. — Сказано же было: сходи за снаряжением. Это так ты мне помогаешь?

— И оставить этих хануриков предоставленным самим себе? — я махнул рукой в сторону пленных, которые всё это время понуро стояли неподалёку.

— Это ты так за ними следишь? — Кейтлетт огляделась и вскинула бровь. — Вон тот, кажется, пытается перетереть верёвки об острый край доски.

— Эй ты! — Я бросил взгляд в ту сторону, куда она указала. — Хватит танцевать рядом с этим шестом, отошёл на два шага в сторону. Ты слишком страшный, чтобы учиться стриптизу.

Солдат, явно уязвленный моим замечанием, отошёл. Мне удалось разглядеть в руках Ноа, которые она по привычке завела за спину, какие-то бумаги.

— Что нашла?

— Новости, — коротко и многозначительно ответила Кейтлетт.

— Надеюсь, не номер «Вестника»?

— Странно, но нет. Всего лишь переписка твоего любимого сержанта... — Ноа запнулась. — Как ты его там прозвал?

— Прометей.

— Странное слово... Так вот: это его переписка с братом, который служит, точнее служил, в одном из тыловых гарнизонов.

— Бедолагу отправили домой? — постарался угадать я.

— Неа, выдернули и поставили в линейные части.

— А новости поинтереснее есть? — мне даже стараться не пришлось, чтобы зевнуть. — Эти звучат очень скучно.

— Твоя армия покорила Яой, — порывшись в бумагах, сообщила Ноа.

— Что? — я аж поперхнулся и едва не свалился со своего стульчика.

— Яой, — спокойно, не понимая моей реакции, повторила Кейтлетт.

До меня с некоторым трудом и явным запозданием дошло, что «Яоем» называлась крепость в тылу «лунных», которая служила чем-то средним между последним рубежом обороны и главным штабом.

«Вот так номер! А дела у Леона и остальных идут не так уж и плохо!»

— Судя по письмам, Кайл Расс крепко насел на твоих дружков, — не без ехидства заметила Ноа.

— Ха, а мне, помнится, говорил, что его от Игр воротит, а как сам главным заделался — вон как переменялся. — Я задумчиво почесал подбородок. — Хотя тогда он себя ещё называл Кейлом Рессом. Может, смена букв так на него повлияла?

— Как он себя называет — не важно. Важно...

— Да-да, я не забыл, благодаря кому мы здесь оказались.

Смерив меня недоверчивым, хмурым взглядом, Ноа вернулась к прежней теме:

— Полагаю, его активность как-то связана с тем, что твои обормоты спёрли щит Луны.

— Хм, выходит, «солнечные» побеждают? — а вот эта новость меня удивила куда сильнее. — Две реликвии, осталось добраться до башни...

— Это вряд ли. Гарнизоны не просто так поднимают. Расс собирает силы для финальной битвы.

— Выходит, если поторопимся, успеем как раз к самому интересному, — прикинул я.

— Если нам повезёт, — не слишком уверенно ответила Ноа.

Она сунула мне помятый листок с не слишком качественно отпечатанной картой. По отметкам выходило, что мы не так уж и далеко от цели. Вопрос заключался в том, когда эти отметки были сделаны.

— Эй, сержант, открывающий огонь, сколько дней карте? — Увы, ответом меня не удостоили, пришлось уже по привычке тыкать пальцем в небо и предполагать. — Будем считать, что минимум три. Значит, всё действие уже сдвинулось на юг.

Потянувшись, я достал из кострища обугленную палочку и ей для наглядности внёс поправки.

— Если ты прав, то мы можем значительно срезать путь, — глядя на мои манипуляции, заметила Ноа. — Смотри, тут дальше ущелье раздваивается.

— «Каньон мёртвого ветра»? — я пригляделся к тому месту, куда она указала. — Мне уже не нравится. Авансом.

— Боишься географических названий? — презрительно поинтересовалась Ноа.

— Боюсь того, что может за ними скрываться. — Я указал немного левее. — Вот, некий «Могильник» — сразу чувствуется, что это какой-то романтический курорт, да?

Ноа слегка усмехнулась, но затем вернулась в изначальное состояние, скорчив недовольное лицо.

— Ну, если хочешь, пойдём другой тропой. Как раз успеем посмотреть, как Расс восходит на Саум...

— Ладно, но я предупреждал. — Тут мне спорить было не с чем. — Пойду поищу что-нибудь полезное. Присмотри за нашими попутчиками.

Уступив Ноа место возле котелка и поварешку, я отправился искать снаряжение для грядущего похода. Это было не сложно. Что уж говорить: наши противники явно не побирались по пути всем, что валялось на земле. Самой большой проблемой оказалось

преодолеть соблазн и не взять с собой вообще всё. Но даже так два рюкзака получились, мягко говоря, тяжёлыми.

Где-то в середине процесса упаковки вещей ко мне заглянула Ноа. Оглядев гору предметов, которую я упорно пытался вместить в два небольших рюкзака, она сказала:

— Куда нам столько еды? — возмущённо вопрошала Ноа. — Или ты считаешь, что твоей армии не помешает провиант?

— Пленных ты кормить чем будешь? Травой?

— Почему бы и нет, — Кейтлетт с усмешкой на лице пожала плечами. — Бери столько, сколько понадобится нам двоим.

Мне хотелось спросить, серьёзно ли это она, но Ноа уже ушла. Пожав плечами и подумав о жестокой женской душе, я взялся выкидывать лишнее. По итогу получилось ничего так, даже терпимо. А если уж сравнивать с тем, что было до этого — вообще сказка.

Крайне довольный собой, я вернулся к костру. Там как раз происходило что-то интересное. Ноа по очереди освобождала наших пленных, заставляя тех предварительно принести ей клятву. Я слегка опоздал, придя как раз тот момент, когда настал черёд припадать на колени и склонять голову для сержанта Прометея.

— ...никогда не поднимать оружие против Ноа Кейтлетт и её союзников, временных или постоянных. Клянусь не распускать о ней дурные необоснованные слухи или иным образом порочить её репутацию.

Как по мне, это был наивный ход. Он мог сработать только в обществе, где понятие воинской чести было возведено в абсолют, однако Кейтлетт повезло: она именно в таком и жила. Ноа тем временем кивнула, показывая, что принимает клятву, и решила толкнуть небольшую речь:

— Кайл Расс предал не только меня, но и вас всех, всех наших товарищей по оружию, всех, кто участвует в Играх, ради своих интересов. Только работая сообща мы сможем его остановить. Ступайте же и расскажите об этом всем, кого встретите.

— Неплохая политическая программа, — заметил я не без восхищения.

— Хе-хе, взяла с пример с тебя! — рассмеялась Ноа. — Просто несла какую-то пафосную чушь.

— Получилось, хм-м-м, содержательно.

— Идём, нам ещё твою армию надо догнать

По правде говоря, далеко мы не ушли. Сначала были долгие сборы, особенно после того, как выяснилось, что мои представления о том, что надо брать с собой, сильно не сходятся с тем, что хотела взять Ноа. Столько места в рюкзаках у нас просто не было.

— Рейланд, на кой фиг нам столько еды? Ты вправду собрался накормить всю свою армию?

— Ноа, я не могу больше есть эти сухари! У меня уже непереносимость окаменевшего хлеба!

— В таком случае, у меня непереносимость твоего нытья!

Сошлись на том, что всё же есть будем сухари — как лёгкую, почти не портящуюся альтернативу всему остальному, но готовить их будет Кейтлетт, что было не самым плохим вариантом. Хотя идея о том, что могла приготовить Ноа, имея в распоряжении нормальный набор продуктов, меня заинтриговала.

Дальше начались споры по поводу снаряжения. Учитывая, что у нас была карта и вообще горы уже заканчивались, я хотел брать по минимуму лишнего веса.

У моей спутницы, разумеется, был свой взгляд на эту проблему. Ноа, судя по всему, собиралась брать все встреченные неровности рельефа альпинистским штурмом, вне зависимости от того, был ли в этом какой-то смысл.

— Ноа, ты когда-нибудь слышала выражение: «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдет»?

— Нет. Но тогда что ты забыл посреди гор, умный ты наш Рейланд?

— Это исключение, я — храбрый!

Закончились все эти споры тем, что мы сошлись на некоем промежуточном варианте. Иначе говоря, лагерь охотников мы покинули налегке: не взяв ни нормальной еды, ни запаса снаряжения.

Далее последовало долгое, но неизбежное прощание с грифоном, который, пользуясь правом сильного, снова облизал Ноа, которая изо всех сил изображала то, что ей это якобы нравится. Впрочем, бухтела она после этого раза в два меньше обычного, так что кто знает, может, ей и вправду понравилось.

Кейтлетт даже предложила, уж не знаю, в шутку или серьёзно, полететь верхом на грифоне. От одной мысли, что придётся подниматься на огромную высоту, сидя вдвоем без седла и других креплений на здоровенной птице-кошке, мне стало плохо.

Пройти весь этот путь, в конце решить сэкономить день и разбиться в горах? Такой финал был не по мне. Вот если бы грифон объявился на первый же день и позволил легко нагнать мою армию — я бы сам на него запрыгнул.

После всех этих задержек абсолютно не удивительно, что мы с Ноа до заката только-только подошли к ущелью с неблагозвучным названием «Мёртвый ветер».

— Меня всегда забавляла эта манера называть различные географические объекты сугубо отрицательными прилагательными, — задумчиво завёл я разговор, после того как мы разложили небольшой лагерь. — Если лес, то обязательно «тёмный», «сумрачный», «мрачный», словно географа в детстве обидела берёза. Или взять те же ущелья...

— Но есть же и обратные примеры. Например, река, что разделяет Риверкросс и Тофхельм, называется «Королевская», — заметила Ноа. — Вряд ли автор названия закладывал в него какой-либо отрицательный смысл.

— Может, он был якобинцем? — только по растерянному взгляду Ноа мне удалось понять, что я ляпнул что-то не то. — Ну, антимонархист, в смысле...

Судя по тому, что скепсиса в её взгляде не стало меньше, мне лучше было бы замолчать — так оставался шанс сойти хотя бы за глупого, а не за сумасшедшего.

Ноа закончила кашеварить и, протянув мне миску, присела рядом. Несмотря на посредственный внешний вид пищи, на вкус получилось отменно.

— Спасибо, — искренне поблагодарил её я, принимаясь за ужин.

— Как так, неужели обойдёмся без шутки о том, что эта еда ещё одно доказательство тому, что место женщины на кухне? — притворно удивилась Кейтлетт.

— А ты правда так считаешь? — поинтересовался я.

— Неважно, что там думает какая-то Ноа Кейтлетт, если так считают все окружающие.

— Ну так и пускай идут в Занзебал пешком, если они так считают. Давайте вообще жить одними стереотипами: мужик должен дубиной добывать мясо, женщина его готовить на

огромном кострище, расположенном не иначе как в пещере. Отож заживём! Счастье, примитивизм, зае, кхем, забодай меня мамонт.

— Что такое мамонт? — с улыбкой уточнила Кейтлетт, дождавшись паузы в речи.

— Волосатый слон... — прикусив себя за слишком длинный язык, на котором уже живого места не было, неуверенно попытался объяснить я.

— Что такое слон? — не поняла Ноа.

— Представь себе мышь весом в пять тонн с хоботом и здоровенными ушами.

Некоторое время Кейтлетт смотрела на меня как на сумасшедшего, а затем рассмеялась:

— Ну у тебя и фантазия, Рейланд!

Поняв, что ещё чуть-чуть — и она поинтересуется, не вдохновляюсь ли я интересными вещами, пришлось оперативно менять тему.

— Знаю девушек, которых к кухне нельзя подпускать под страхом смерти. — Мне сразу вспомнилась «кухня» Миюми, половина которой была крайне вкусной, а вторая не менее опасной для здоровья.

— Да ну?

Кейтлетт явно со мной играла, но тем не менее ответил я вполне серьёзно.

— Взять хотя бы мою помощницу — Миюми Цион... — Вопрос, застывший на лице Ноа, был столь очевидным, что пришлось ответить сначала на него. — Да, они родственники. И поверь, то, что твоего можно заставить готовить лишь под страхом смерти, — ещё не худший из вариантов.

— Хм, а эту Миюми прислали конкретно тебе или так, вольным нарядом?

Мне показалось, что она ревнует, поэтому перед ответом пришлось немного порыться в памяти Рейланда Рора.

— Её отец буквально засыпал меня письмами, содержащими просьбы взять его дочь в свои помощницы. Учитывая, что он — камердинер короля, выбор не такой уж и большой.

— Выходит, сосватать решил! — ехидно констатировала Ноа.

— Думаешь?

— Угу. Без шуток, достаточно распространенный способ.

— Бред же? — Я не поверил. — Как это может сработать?

— Другие мужчины, которые проводят на Играх по два-три месяца, считают иначе, — Ноа окинула меня странным, немного удивлённым взглядом.

До меня наконец дошло, что она имела в виду. Честно говоря, после того как проходил мой обычный день командующего, если и оставалось время и силы подумать о сексе, то исключительно со своей кроватью. Предельно грязный половой акт длиною в пять-шесть часов непрерывного сна.

— Разве у тебя помощником был не этот, — принялась вспоминать Ноа, — сутулый такой, рыжий, ты с ним каждые Игры просто не расставался.

И вправду, предыдущие игры Рейланда сопровождал другой адъютант.

— Рунфур Редо. Он сломал ногу и никак не может восстановиться.

Как и в случае с «сэрами», эта фраза вылетела у меня абсолютно рефлекторно, словно моему альтер-эго приходилось часто повторять и это. Что было странно.

Почему-то при одной мысли о Рунфуре я ощутил себя неприятно. Решив, что чужое грязное бельё не моего ума дело, мой мозг переключился на иное.

Ответный вопрос по поводу адъютанта Ноа так и витал в воздухе, вот только ответ мне был известен заранее. Кейтлетт была куда щепетильнее меня и моего альтер-эго в

отношении окружавших её людей, особенно тех из них, что имели доступ в её личное пространство.

Кроме того, она как магнит притягивала к себе весьма странных личностей. За всё время участия в Играх у неё последовательно сменяли друг друга клептоман, погоревший на попытке украсть нижнее бельё; простак, не умевший даже писать; альфонс, поставивший себе целью соблазнить Ноа во что бы то ни стало; монах, весьма неприязненно относившийся к насилию; агрессивная лесбиянка. На фоне такого паноптикума Альт Цион был далеко не самым худшим вариантом.

— Ты, наверное, думаешь, зачем я при себе держу такого лентяя, хотя его давно следовало бы прогнать, — устало поинтересовалась Ноа, явно желавшая не столько услышать мой ответ, сколько просто рассказать историю.

— Вероятно, Альт не настолько бесполезен? — предположил я.

— Ха, куда там! — хихикнула Кейтлетт без раздумий. — Нет, его собирались выкинуть ещё на этапе сборов. Настолько он никуда не годился.

— Его прислали по общим спискам? — вспоминая стандартные процедуры перед Играми, спросил я.

— Да, как обычного солдата.

— Странно, а сестру нет.

— Ну так а чего ты ждал? То девушка, — Ноа замолкла, словив мой взгляд. — В моём случае это другое!

— Ну да, ну да. Так что там с Альтом?

— Три сержанта попеременно пытались сделать из него что-то хотя бы отдалённо похожее на воина.

— Три?! — я аж фыркнул едой. — Обычно даже одного хватает с запасом на сотню последних раздолбаев.

— Слова истинного сержанта, зачем ты только бросил это дело?

— О чём это ты? — не понял я.

Ещё один странный взгляд от Ноа и следом очень запоздавшая мысль о том, что Рейланд вообще-то тоже побыл некоторое время сержантом, недолго правда, но всё же.

— Неважно, — пожала плечами Кейтлетт. — Теперь понимаешь, насколько всё было плохо, да? Я с ним пересеклась, когда Альта отправили мести полы. Были учения, и с другими офицерами мы были целиком заняты картами, перемещением флажков и прочим, а он подметал пол и как-то походя начал комментировать наши действия... — Ноа мечтательно улыбнулась, словно дальнейшее ей очень понравилось в своё время. — Анри Галлен в шутку попросил Альта, если он такой умный, предсказать передвижения противника. Как же он покраснел, когда уборщик сделал это, да ещё и практически сходу! — она рассмеялась в голос. — Хе-хе-хе, в гневе Галлен выгнал Альта и очень даже не зря, не представляю, что он бы с ним сделал, останься они рядом. Пухлый парень с метлой, который уже паковал вещички, угадал, а точнее предсказал всё практически без ошибок.

Вот так история! А мне казалось, что Альт оказался возле Ноа примерно так же, как Миюми рядом со мной.

«Интересно, если они родственники, может, в голове у моей помощницы тоже скрывается что-то полезное?»

— Как думаешь, что задумал Кайл или как его там... Кейл? — вдруг спросила Ноа с тревогой.

Я что-то ответил, длинное и подробное, судя по всему, мыслей на этот счёт у меня имелось много, но, к сожалению, сон прервали. На самом важном месте!

— Кхм-кхм, командующий, бой скоро начнётся. Просыпайтесь!

Космическая программа имени Рейланда Рора

— Кхм-кхм, командующий, бой скоро начнётся. Просыпайтесь! — не слишком аккуратно и щепетильно растолкал меня Леон, вырывая из сна.

Спасибо хоть руками, а не ногами. Впрочем, мои мысли в этот момент мчались совершенно в ином направлении.

— Найдите Ресса! Срочно!

— А, так вы уже в курсе? — удивился граф. — Кто вам доложил? Когда?

— Доложил что? — моё горло сдавило недоброе предчувствие.

— Эти утром, пока вас не было, он пропал вместе со всеми вещами. Мне сообщили полчаса назад.

— Почему так поздно?

— Эм, — Леон замялся, видно чувствуя и свою вину в произошедшем, — решили, что он действует по вашему указанию.

Мне оставалось лишь поскрежетать зубами, думая над тем, как предателю удалось уйти в последний момент.

«Надо было ещё вчера отдать приказ следить за ним, я же думал над этим, идиот!»

Помассировав переносицу, я переключил внимание на более актуальные события. О Кейле Рессе можно будет вспомнить после боя. Эту перемену заметил и Леон.

— Может, командующий, вам стоит обратиться к вражеским войскам? Попытайтесь переманить к нам ещё тысячу-другую солдат, на охрану которых уходят наши силы?

Если бы желчь из слов графа была материальной, то в окрестностях бы уже случилась экологическая катастрофа. К сожалению, правды в этих словах было ничуть не меньше.

Это были очередные чудесные, невысокие холмы, целиком покрытые ковром из трав и небольшого кустарника. Мы расположились на вершине одного из них, наверное, самого высокого из всех, откуда открывался отличный вид на округу, и где мне удалось найти часик сна. Ниже по склону Гоа Эльт как раз занимался тем, что выстраивал наши ряды, собственно, в ряды. Войска, несмотря на всю плачевность ситуации, вид имели бравый, горделивый и даже немного нахальный. Должен сказать, что пейзаж был бы отличным, если бы его не портила вражеская армия.

Весь горизонт был забит войсками «лунных». Их оказалось практически втрое больше, это уже не говоря о том, что большая их часть была вполне свежа и не маршировала последние несколько дней. Тем более им не приходилось устраивать перфомансы с переодеваниями посреди ночи.

Кроме Леона, на вершине холма присутствовал ещё и Лой Ноктим, который как раз заканчивал осматривать округу в подзорную трубу.

— «Лунные» усилили свои фланги. Там сейчас лучшие их части, — сообщил старик, не отрываясь ни от курения, ни от наблюдения. — Готовятся нас охватить с флангов. Вон там, с краю, под чёрными флагами, видите? Гренадеры — их лучшие части. Будем стоять — нам конец.

Он сложил трубу и недовольно цыкнул, будто то, что видел, ему очень не нравилось. Я некоторое время смотрел в ту же сторону, и тоже понял, что так не понравилось старому капитану.

Лой Ноктим был самым опытным среди нас. Вряд ли кто-то за жизнь видел хотя бы

половину от тех битв, в которых он принимал участие. Разумеется, не везде в статусе офицера, но даже той оставшейся полусотне сражений можно было только позавидовать. Если, конечно, кто-то способен завидовать подобному опыту.

Ноа прямо сейчас на наших глазах допускала ошибку, недостойную даже капрала. Сосредоточив основные силы на флангах, она растянула центр, который получился тонким и слабым. Достаточно быстрого, мощного удара — и её одна большая армия развалится на три маленьких, каждую из которых можно будет разбить по отдельности. Хотя, скорее всего, они, потеряв управление, рассеются даже без боя.

Имелся в этом и определенный риск, куда же без него. Если Кейтлетт будет действовать достаточно быстро, то в случае моей атаки по центру мы окажемся в ловушке.

«Кажется, что-то такое уже было с Рейландом», — припомнилось мне, но без подробностей произошедшего.

— Хм, это может стать нашим шансом, — прекрасно отдавая себе отчёт, что будет дальше, сказал я.

Как и ожидалось, Леон мгновенно взвился.

— Вы же это не серьёзно? Атаковать в таком положении глупо — нас зажмут в тиски.

— У вас есть вариант лучше, граф? Кроме как остаться в лагере. Ну только если это будет лично ваша инициатива.

Сайрас вспыхнул как подожженная спичка. Похоже, то унижение он не скоро забудет. Я развернул карту местности и указал на наше месторасположение.

— Если мы сомнём их центр достаточно быстро, то сможем проскочить к союзникам, прежде чем тиски сомкнутся.

— У нас будет слишком мало времени! Если Ноа... — он прервался на середине фразы, а затем резко добавил: — вспомните прошлые Игры! Она поймала вас на том же самом!

Что там было два года назад меня не заинтересовало.

— Леон, посмотрите на поле перед собой, что вы видите?

— Кроме поля? — растерянно уточнил граф.

— Армию противника, а что над ней?

Мне очень хотелось, чтобы он ответил «облака», но в этот раз Леон сразу выдал правильный ответ:

— Знамена.

— Именно! Знаете ли вы их все?

— Да ни в жизнь, они слишком часто меняются.

В разговор вмешался Лой Ноктим, который снова приложился к трубе и начал перечислять слева-направо:

— 12-я гренадёрская «Псы Аркада», 7-я линейная «Горы Тофхельма», 37-я полулинейная, 21-я сводная, 3-я егерская «Кривые утки», 14-я артиллерийская полурота «Гром богов»... — он перечислял и перечислял, ни разу не сбившись и даже не запнувшись. — Вроде всё, командующий.

— Спасибо, капитан Ноктим. Итак, Леон, кто отсутствует?

Граф выгаращился на меня так, словно я поручил ему сказать, которая из десятков знаменитых рот Тофхельма не явилась на поле боя. К его удивлению, моя рука указала в самый центр вражеского построения, где было больше всего флажков.

— Командующая. На поле боя отсутствует сама Ноа.

Я был очень доволен собой, ведь мне удалось разглядеть это практически сразу.

Кейтлетт тут не было. Видимо, памятуя о предыдущей битве, весьма печальном опыте, она решила управлять откуда-то из тыла. В прошлый раз, когда между участками сражения были большие расстояния, это бы спасло ситуацию, но в этот раз всё стало наоборот: армии собирались сойтись на пятачке, где не каждая бы футбольная команда согласилась играть. Любая накладка, хаос или сумятица — и всё пойдёт как мне нужно, а для Ноа прахом.

— В таком случае, нам придётся бросить лагерь, — напомнил мне Леон, убедившись в подзорную трубу, что дело обстоит действительно так, как я сказал.

— Учитывая, что последний раз мы получали припасы три дня назад — невелика потеря.

Ещё одно решение, которое бы настоящий Рор никогда на моём месте не принял. Он, конечно, говорил про себя, что не вещист, но на самом деле ещё какой. Свою палатку Рейланд бы даже не подумал оставить. Скорее сам бы погиб.

От размышлений меня отвлек Гоа Эльт, поднявшийся к нам и очень довольный собой.

— Войска построены и готовы насмерть лечь за каждую пядь земли! — доложил капитан с видом, будто он ждёт за это медаль.

— Просто великолепно, — кивнул я к нескрываемой радости Гоа и сразу же всё испортил: — теперь возвращайтесь и перестройте их так, чтобы они были готовы перейти в решительное наступление.

К моему удивлению, Эльт вместо того, чтобы как обычно беспрекословно выполнить распоряжение, начал спорить. Похоже, он имел свои собственные мысли насчёт грядущего сражения, по его лицу даже можно было прочесть, какие именно. Капитан уже видел, как стоически сражается до последнего, отражая одну волну «лунных» за другой — и так до тех пор, пока у Тофхельма не закончатся солдаты, а вокруг место для павших тел.

— Но командующий, их же втрое больше!

— У них есть то, чего нет у нас, капитан, и именно поэтому они проиграют!

Кажется, Эльта переклинило от моей фразы. Пытаясь понять, о чём речь, Эльт неуверенно осмотрел сначала наши позиции, а затем вражеские.

— Их больше...

— Именно! — подтвердил я, превращая рутинное объяснение в небольшую речь. — Их больше, они в лучшей форме, у них лучше с вооружением! Будь у вас это всё, что бы это значило?

— Победили бы, конечно! — самоуверенно заявил Эльт, не раздумывая ни секунды.

— Вот именно! Они считают, что уже победили — иначе и быть не может. Именно поэтому они и не смогут победить!

Это была невообразимая чушь, но что самое удивительное — даже граф Сайрас нехотя кивнул, соглашаясь с такой логикой. Кажется, мои слова привлекли внимание не только офицеров, но и остальных солдат. Они с интересом слушали, и я, пользуясь этим, как можно громче заявил:

— Давайте докажем, что «лунные» ошибаются! Они не хотят сражаться? Хотят побыстрее домой? Вот и поможем им!

Раздался воодушевлённый гул. Кто-то, закричав «слава командиру Рору!», даже попытался перейти в атаку прямо сейчас, но его быстро остановили, уложили носом в землю и, прописав пару лечебных пинков, вернули обратно в строй.

Воодушевлённые моими банальными словами, солдаты быстро перестроились из толпы оборонительной в толпу атакующую.

Я отыскал глазами Миюми, которая крутилась неподалёку, и, убедившись, что она не только при штандарте, но и с дудкой, скомандовал:

— Дуди!

Построившись свиньёй, мы ринулись в атаку. Только оказавшись во главе этой самой «свиньи», я, наконец, понял, что же это на самом деле значит.

Почему-то всегда при упоминании этой формации перед глазами сразу же предстают римские легионеры в характерном коробчатом построении, которое называлось «черепаша». И если аналогии с соответствующей рептилией провести не составляло никакого труда, то со свиньёй возникала проблема.

Фантазия бурлила не на шутку, выдавая различные диковинные варианты, что заставляло пытаться найти у несчастной хрюшки хоть какие-то атакующие качества. Может, стоило так же отчаянно верещать? Или иметь возможность питаться буквально всем, что лежало на земле?

Реальность как обычно оказалась куда скучнее. Свиньёй построение называлось исключительно по чьей-то безумной прихоти. И уродства. По сути же это было обычным клином, который плавно по мере движения превращался в кучу-малу.

Проще говоря, мы выстроились в нечто, что, по мнению такого эксперта как Гоа Эльт, было клином, а затем всей гурьбой понеслись на центр «лунных». Те смотрели на нас немного диковато и постепенно, маленькими шажками отступали. Их можно было понять: сейчас их будут бить, скорее всего, даже ногами, а может, и чем покрепче.

Впереди мчалась, со мной во главе, та немногая кавалерия, что вообще была в наличии — красивый, но отчаянный жест. Все эти лошади куда нужнее были нам для перемещения, чтобы не таскать вещи на себе. С другой стороны, лагерь мы собирались бросить, так что поклажи должно было стать разительно меньше.

За кавалерией, стараясь особо не отставать, двигалось остальное войско, самой яркой частью которого были Гун-Гун с его фонарным столбом и Миюми со штандартом. Девушка, истошно вереща и крепко зажмурив глаза, так отчаянно им размахивала, что придай она этому действию нужный вектор, имела все шансы взлететь. «Лунные» же и вовсе были в полном восторге: бросая оружие и прикрывая голову, они падали на землю, только завидев Миюми.

В целом, после первого же удара бой превратился в полный кавардак. Кавалерия сделала максимум возможного — отвлекла на себя всеобщее внимание и полегла вся без остатка. Кому-то, как мне, повезло, и под ним просто убили коня, превратив в пехоту, многие другие погибали вместе с животным. Лошадей я жалел больше всего — в этом мире, на Играх, они были абсолютно лишними.

Не успел я после весьма чувствительного падения оправиться и встать на ноги, как всё поле заволкло дымом. Нет, вражеская артиллерия в бой вступить не успела, да и прочее дальнобойное оружие слишком быстро пришлось менять на сабли, рапиры, мечи и прочее колюще-режущее. Это Лой Ноктим поддал жару в свою трубку и, страшно ругаясь, давил врагов на нашем правом фланге. Слева орудовал Гоа Эльт, и в ту сторону было даже страшно смотреть, с таким остервенением его полубригада крошила «лунных».

Мне во всём этом бардаке достался центр и ставшая привычной компания: прапорщики, повара, снабженцы и, конечно же, Леон Сайрас, который своего коня гробить отказался. Граф изящно фехтовал тонкой рапирой, заложив одну руку за спину. Выглядело это здорово,

словно диковинный танец, но в общей свалке, где порой даже черпак оказывался эффективнее полторного меча, помогало слабо.

Пришлось тащить весь центр на себе. Сначала это показалось даже просто: испуганные «лунные» падали ещё до того, как их касалось моё оружие. Ноа Кейтлетт реванш в этот раз решила не брать и присутствовала на поле брани лишь заочно. Казалось бы, что всё идёт идеально, но потом появился ОН.

Уж не знаю, чем его в детстве кормила мама, возможно, обогащённым ураном или стронцием, но в любом случае размеры этого «лунного» потрясали. Это были два центнера чистой мускулатуры, равномерно распределённые по телу ростом где-то три метра и примерно такой же ширины. Форма на нём оставалась исключительно ради цензуры, а в здоровенных лапищах он держал нечто, похожее на заточенный корабельный якорь. С шеи здоровяка свисала деревянная табличка, гласящая, что передо мной некто прапорщик Любов.

«Почему, интересно, не Добров или, на худой конец, Счастьев? Было бы иронично: добро с такими-то кулачищами...»

Я было начал думать, что мне с этим всем делать, но гигант, явно мысливший куда более практично, перешёл в нападение. Громоподобно взревев, он взмахнул оружием, не щадя ни своих, ни чужих, а затем с разворота ударил меня, собираясь, наверное, разрубить.

В эту секунду я не осознавал, что мне ничего не будет. Моя фантазия бурно рисовала сцены того, что может случиться, если человека перерубить пополам. Вряд ли Рейланд Рор умел размножаться делением, а даже если и так, то двое меня всего на одну армию — это всё равно был перебор, поэтому, чтобы не укорачиваться, пришлось уворачиваться.

Мне почему-то казалось, что после этого монстр откроется для контратаки или что-то в этом роде. Куда там! Он махал своей оглоблей, как кухонный комбайн, при этом страшно пуча глаза и брызжа слюной.

Гун-Гун было бросился помочь отразить очередной удар своим фонарём, но добился лишь его укорочения примерно наполовину и лишь благодаря везению сам остался с нами. Ещё пара сантиметров — и его имя пришлось бы произносить отдельно.

Не рискуя повторять этот опыт, я просто отпрыгивал каждый раз, когда гигант собирался нанести удар, благо, каждое движение он начинал примерно с одного и того же медленного взмаха. Кажется, прапорщика Любова прыгающий блохой вражеский командующий только раззадорил. С каждой секундой он ускорялся и ускорялся, особо не заботясь о том, кого он крушит.

До сих пор ему попадались в основном мои солдаты, но, похоже, разницы, кому наносить добро в особо тяжёлой форме, для здоровяка не было. Этим стоило воспользоваться.

В очередной раз увернувшись от якоря, я неожиданно рванул вперёд, сближаясь с противником, без особой надежды пырнул его мечом и вместо того, чтобы отступить в сторону своих, кузнечиком попрыгал к «лунным».

— Здоровеньки, булы! — крикнул я, стараясь держать в поле зрения теперь не только здоровяка, но и простых солдат противника.

Те, к счастью, в основном просто разбегались и не пытались помочь своему «союзнику». Так продолжалось метров десять, может, пятнадцать. Затем мне попала шеренга «лунных» в полностью чёрной униформе и с высокими войлочными шапками, недрогнувшая при одном моём появлении и стоявшая с мрачной решимостью на лицах. Не сразу, но я догадался, что это те самые гранадёры, о которых говорил Ноктим перед боем.

Вообще держались они странно, словно футболисты перед пенальти, желающие закрыть свои ворота несмотря ни на что. Я всегда был парнем любопытным, поэтому повёл своего нового друга к ним: себя показать и их познакомить.

Когда до встречи со смертоносным якорем оставалось всего пара метров, гранадёры, наконец, сдались и ринулись в рассыпную. Тут-то и стало понятно, что именно они скрывали. Три, новеньких, блестящих орудия, вокруг которых заканчивала суетиться прислуга. И направлены они, надо сказать, были точно на меня. В одну из пушек как раз закатывали здоровенное ядро.

— Мужики, не, ну это уже перебор! — только увидев его, я, не забывая всё комментировать вслух, упал как подкошенный.

Только падение меня и спасло. Раздалась команда «пли!», что-то трижды грохотнуло над головой; со свистом рассекая воздух пронёсся якорь, а затем послышались три смачных звука, будто кто-то хорошенько ударил металлической палкой по здоровенной туше.

Осторожно открыв один глаз, я убедился, что ещё жив, никто больше не ревёт, и, несмотря на пороховой дым, вообще вокруг довольно уютно. Гигант же в позе зародыша валялся в паре метров позади, обняв свою оглоблю. Рядом с ним лежало три пушечных ядра.

Артиллеристы, явно не на это рассчитывавшие, замерли от удивления, вытаращившись на сцену.

— Спасибо, мужики, выручили так выручили, не желаете вступить в наши ряды? — ехидно поинтересовался я, попутно безуспешно пытаюсь нащарить свою саблю в траве.

По их взглядам стало понятно, что за моей спиной что-то сильно не так. Причина их растерянности как раз, стоная и рыча, пыталась встать обратно на ноги.

— Тебе три ядра, что ли, мало? — возмутился я. — Имей уважение! Эти штуки стены толщиной в десять метров крошат!

Ответа я не дождался. Прапорщик Любов явно был из тех, кто предпочитает действие любым словам. Здоровяк нашел, наконец, опору в виде своего оружия и медленно поднялся. Смерив долгим взглядом сначала своих «братьев по оружию», которые с криками разбежались кто куда, а потом меня, который бежать уже устал, он отбросил свою оглоблю в сторону и зловеще похрустел кулаками.

«Кажется, полумеры закончились». По моей спине пробежал холодок. Быть перерубленным пополам — это куда ни шло, хотя тоже не из приятного, но превращенным в отбивную этими лапищами...

А ведь это чудище могло при желании ими меня буквально на клочки порвать! Икнув, я начал пятиться, пока не упёрся в дуло одной из пушек. Будь она заряжена... впрочем, похоже, прапорщика Любова так просто было не взять. Он нёс добро, невзирая ни на какие преграды или сопротивление.

Я, смутно понимая, что сейчас меня будут бить и, к сожалению, не ногами, затравленно огляделся. Мой меч остался где-то позади, граф Сайрас с остальной армией слегка отстали и помочь мне уже не успевали. Впрочем, «лунные» тоже держали дистанцию, явно натерпевшись от своего «союзника».

Из оружия оставался висевший без дела на поясе пистоль, о котором я и думать забыл. Да и какой от него прок, если это чудище даже пушки не взял.

Именно в этот момент мне на глаза попались стоявшие особняком бочонки.

«Себя подорвать, что ли? Превращаться в отбивную будет куда мучительнее», — а затем до меня дошло. — «Порох к пушкам!»

Не имея ничего лучше, я приступил к созданию первой в этом мире космической программы. Шаг раз: аккуратно передвинуться, так, чтобы загородить собой порох. Вряд ли прапорщик Любов обладал достаточным уровнем интеллекта, чтобы осознать ловушку, но перестраховаться стоило. Шаг два: встать в провокационную стойку. Опять же, ввиду ограниченности оппонента, шаг по сути излишний. Шаг три: победить!

Самым сложным оказалось не убежать раньше времени, а дожидаться, пока здоровяк возьмёт разгон, сблизится со мной, и лишь в последний момент увернуться от огромных лапищ.

Далее только техника: полагаясь на рефлекс, перекатиться, развернуться, выстрелить. Так и отправился в свой первый полёт нести добро и побои инопланетным цивилизациям прапорщик-астронавт Любов.

Свой успех я лицезреть не смог — мне в голову прилетело камнем и отправило в «аут».

«Сон исцеляет душу»

— Вчера тумана тут не было!

Моему возмущению не было предела: мало того, что ущелье «Мёртвый ветер» воняло, как слишком часто используемый сортир, полностью соответствуя своему названию, так ещё и оказалось затянуто противной желтоватой дымкой.

— Не ной, могло быть и хуже, — раздражённо сказала Ноа.

— Куда хуже то? — удивился я.

— Это ты у нас фантазёр, вот и расскажи «куда», — предложила Кейтлетт.

— Не буду!

— Какая категоричность, ты — и не хочешь помахать языком. С чего бы это вдруг?

— Оно, эм, обычно сбывается, — признался я растерянно. — Потом.

— Весь мир не вращается вокруг тебя, Рейланд, — махнув рукой и скрываясь в дымке, заметила Кейтлетт.

— Да? Ты уверена? Есть расчёты, математические выкладки, теоремы, доказательства? Бруно уже сожгли?

— Кого? — не поняла Ноа. — А, знаешь, плевать! И хватит там стоять столбом! Не хватало ещё потерять друг друга в этой вони.

Нехотя я вошёл в дымку, физически ощущая, как ею, а следовательно, и запахом пропитывается моя одежда. Видимость была метров пять во все стороны. Что, конечно же, сразу же заставило меня вспомнить богатый опыт просмотра различных ужастиков.

— Знаешь, а ведь в этом тумане...

Договорить мне Ноа не позволила, рявкнув так, что туман вокруг расступился:

— Так, заткнулся со своими фантазиями! Быстро, решительно!

— Справедливо.

— Чего?

— Справедливо, но обидно.

— Переживёшь.

Некоторое время мы шли молча, осторожно ступая по неровным камням. Справедливости ради, за исключением запаха никаких неприятностей больше не было ни видно, что не удивительно, ни слышно.

Пожалуй, последнее пугало даже сильнее. Звук, за исключением наших шагов, отсутствовал как таковой. Хотя, наверное, в подобных местах тебя могло напугать буквально что угодно. Отсутствие звуков было ещё не худшим вариантом — это хотя бы предполагало,

что возможная опасность старалась от нас спрятаться, а не пёрла напролом.

Задумавшись над этим, я неожиданно врезался в спину Ноа. Мы полетели кубарем на землю, запутавшись в процессе самым интимным — рюкзаками.

— Смотри, куда идёшь! — рывкнула Ноа, оказавшаяся подо мной, когда падение закончилось. — Быстро слез с меня!

Сказано это было таким тоном, что я поспешил незамедлительно отскочить в сторону. Некоторые вещи лучше выполнять по первой же команде — до второй можно и не дожить.

Поднявшись на ноги, и помогая сделать Ноа то же самое, я заметил, что её так озадачило. Впереди из тумана выступала каменная стена явно рукотворного происхождения. Отчётливо было видно, что когда-то безумно давно она являлась фасадом здания. Мне даже удалось различить дверной проём и пару небольших окон. Увы, кроме этого не осталось ровным счётом ничего — всё поглотили окружающие горы.

— Знакомые линии, да? — указывая на что-то в стороне, спросила Ноа.

Повернувшись в нужную сторону, я понял, что там лежит осколок облицовки или чего-то такого, целиком покрытый примерно тем же узором, что мы видели днём ранее в пещере, под гнездом грифона.

— Интересно, куда подевались те, кто это построил? — не особо рассчитывая на ответ, спросил я.

— Костей нет. Наверное, покинули эти места. Из-за Игр или ещё чего.

— Угу, из-за запаха.

Кейтлетт посмотрела на меня как на идиота, надо признать — вполне заслуженно. Ещё раз окинув взглядом остатки строения, она сказала:

— Идём. Нет смысла тут стоять.

С ней сложно было спорить. Когда мы отошли на пару метров, что-то заставило меня обернуться. И не зря: в тумане как будто кто-то стоял. На моих глазах силуэт сделал пару шагов по направлению к нам, а затем, повернувшись точно в мою сторону, приветственно помахал рукой.

— Чего застыл? Идём! — раздражённо спросила Ноа, проследив за моим взглядом и ничего не увидев — силуэт исчез без следа.

— Да так, показалось.

Больше, сколько бы я ни вглядывался в желтоватый туман, никаких силуэтов мне так и не удалось увидеть.

Меня нашли и привели в чувство спустя где-то полчаса после схватки с Любовым. Отыскала меня, конечно же, Миюми. После всего произошедшего мой организм, поваленный взрывной волной, попросту отказывался принимать вертикальное положение. Хотелось растечься желешкой и мерно покачиваться на ветру, пытаясь прийти в себя.

— О, вы живы! — радостно и с облегчением воскликнула девушка, заметив мои открытые глаза.

Я же лежал на спине и смотрел вверх, возможно, впервые в жизни не думая вообще ни о чём. Если постараться, то в дыму можно было разглядеть голубое небо. Большого мне сейчас и не надо было.

— Да? Это проверенная информация?

— Конечно! Вы же дышите!

Это была интересная мысль, я так над ней задумался, что даже прекратил дышать.

Миюми испуганно взвизгнула и с размаху влепила мне ногой по рёбрам, заставив скрутиться и закашляться.

— Кха-кха, ты что творишь?!

— Я... Я... думала, вы помирать собрались! — не без возмущения призналась девушка.

— И? Зачем бить то?

— Ну...

— Ой, всё. Помоги лучше на ноги встать.

Кое-как, скорее не с помощью Миюми, а вопреки ей, мне удалось подняться, приняв если не вертикальное, то уже хотя бы не полностью горизонтальное положение. Сразу же выяснилось, что весь мир вокруг кружится на огромной скорости, желая убедить меня в том, что я сильно ударился головой. Не поддаваясь наваждению, мне удалось устоять, оперевшись, как на посох, на поданный штандарт.

Сражение, видимо, переместилось куда-то в другую точку, потому что вокруг, кроме куч брошенного оружия, обломков брони и прочего мусора никого не было.

Медленно и осторожно мы побрели куда-то. Куда именно не знал ни я, ни тем более Миюми. Момент стал бы сильно лучше, окажись мы на фоне яркого заката, но увы, сквозь тучи порохового дыма проглядывало лишь полуденное солнце.

Первых живых людей мы встретили метров через сто. Ими оказался незнакомый мне капитан «солнечных» в сопровождении нескольких солдат, которые что-то искали в траве.

— Его не могло разорвать на такие мелкие клочки! — сообщил один из рядовых.

— Нам сказали, что он очень важен, так что ищите всё, что угодно, — решительно возразил капитан.

— И что потом, капитан? Если его вправду... того.

— Не знаю, — капитан растерянно развёл руками, — будем отшкребать, раз командующий Рор так важен...

— Я что-то нашёл! — радостно воскликнули откуда-то справа, но сразу же растерянно добавили, — а, нет, это не он, это «лунный». Капитан, а командующий не мог...

— Кхем, — я прокашлялся, привлекая к нам с Миюми внимание. — Как продвигаются поиски, капитан, эм, как вас зовут?

Похоже, у незнакомца армейские рефлексy работали куда быстрее, нежели голова, поэтому он, не задумавшись ни на секунду, отрапортовал:

— Капитан Кай, седьмая бригада Ривекросса, командующий Рор. Поиски идут! Скоро мы вас найдём!

— А, ну, если скоро, то это весьма похвально.

Кажется, до них наконец начало доходить, кто перед ними, не сказать, что стоит, скорее долго падает. Все присутствовавшие, включая зачем-то Миюми, мгновенно вытянулись по струнке.

— Командующий, мы рады, что нашли вас целиком! — капитан Кай явно желал загладить свой промах.

Я хмыкнул от такого признания и взгляделся в офицера. Забыть такого кадра не удалось бы даже мне. Выглядел он, конечно, обычно — сложно выглядеть иначе, будучи среднего роста, крепкого телосложения, одетым в относительно стандартную форму и имея короткие тёмные волосы. Таких в армии была примерно половина от состава. Различался лишь возраст: Каю на вид было не больше двадцати пяти.

«Солидный чин для такого возраста».

Увы, но память, до этого активно снабжавшая меня сведениями о большинстве окружающих, наотрез отказалась предоставлять информацию о капитане. Пришлось пойти скучным путём и спросить:

— Не узнаю ваших нашивок, вы из моей армии?

— Никак нет! — отрапортовал Кай. — Точнее уже так точно, но ещё полчаса назад — никак нет!

Как выяснилось чуть позднее, наш успех был куда сильнее, чем я думал изначально.

«И даёт покой телу»

— Противник смял наш центр, затем перенёс удар на левый фланг, где также добился успеха, разбив наши элитные части и рассеяв их.

Докладывая это посреди того, что ещё час назад было гущей боя, Альт Цион был необычайно сдержан, словно ожидал, что весь гнев командующей сейчас устремится напрямиком на него. Однако вместо этого Ноа спокойно спросила:

— Где они сейчас?

— Наш правый фланг не успел... — продолжил гнуть свою линию адъютант.

— Где Рор сейчас? — с раздражением в голосе повторила вопрос командующая.

— Заканчивает соединяться со своими союзниками, — признался Альт, до последнего не желавший сообщать плохие новости.

Ноа отрешённо вспомнила карту, очень хорошо представляя местность и примерное расположение на ней армий. Произошедшее было сущим кошмаром. Она не просто проиграла сражение, но и дала Рору увеличить свои силы вдвое, а то и втрое.

Неожиданно, в карауле, стоявшем поодаль — поле боя ещё было абсолютно безопасно — началось какое-то оживление. Затем перед Ноа и Альтом появился весьма неожиданный гость.

Он был высок, худ, абсолютно лыс, в его жёлтых глазах можно было утонуть, а на лице застыла чарующая, несколько высокомерная и самовлюблённая улыбка. Даже потрёпанная форма «солнечных» сидела на нём практически идеально.

Приблизившись к ошеломлённой Кейтлетт, он изящным движением извлёк из рукава голубую розу, вручил её и низко поклонился.

— Кайл Расс, не ожидала вас сегодня увидеть, — призналась командующая растерянно. — Боюсь, вы прибыли не в самое лучшее время.

— Да, мне уже доложили об этой маленькой неудаче.

— Вам явно преуменьшают размеры поражения, — заметила Кейтлетт.

— Да бросьте эти мысли, Ноа, — приободрил её Кайл. — Нас всё ещё больше, а Рор хоть и прорвал окружение, но остался совсем один. Кроме того, я хоть и первый раз прибыл к вам, но уверен, скоро мы наладим наши дела.

Бархатный голос Кайла, который, несмотря на шум, говорил тихо, завораживал ничуть не меньше его глаз. Улыбнувшись, шпион пожал плечами и продолжил:

— Война только начинается, не так ли? Глупо было бы сейчас отступить, вот это был бы настоящий позор. А в борьбе упорной, до самого конца, до последнего вздоха, ничего унижительного нет!

— Да, вы как обычно правы, — сдалась Ноа.

— Если Рор считает себя самым умным, устраивая все эти отравления и прочие фокусы, то почему бы нам не ответить на этот вызов? — предложил шпион. — На удар надо отвечать вдвое сильнее, не так ли?

Командующая серьёзно посмотрела на шпиона, очень недовольная даже одним упоминанием такой низости, но Кайл был настолько полон своеобразного обаяния и решимости вести бой до конца, что это перекинулось и на неё.

Из всех присутствовавших один только Альт Цион смотрел на гостя с подозрением. Ему казалось, что он видел Кайла не первый раз в жизни — эти глаза он бы не смог забыть, хотя они не могли встречаться ранее.

Ему вдруг вспомнилась ночь перед первой битвой, той самой, когда часть солдат получила отравление, а Альт застал возле кухни незнакомого офицера, выглядящего точь в точь, как тот, кто сейчас вешал на уши Ноа воодушевляющую лапшу. Только одет он был совсем иначе и улыбки этой не было даже близко. Такое совпадение адъютанту показалось отнюдь не совпадением.

Долгожданное возвращение

«Не бывает случайных снов»

— Ты уверен, что это «солнечные», а не «лунные»?

Ноа, сложив руки домиком, прикрываясь от солнца, катящегося к закату, разглядывала лагерь, лежавший впереди. Я был занят примерно тем же, но меня скорее интересовали окрестности.

Горы наконец закончились, и вместо них начались предгорья. Смотреть не на серые, полные уныния скалы, а на покрытые зеленью холмы, небольшие рощицы и множество водопадов было не в пример приятнее.

К тому же морозный северный ветер, так мучивший меня всю последнюю неделю, наконец сменился лёгким южным бризом. Это было особенно приятно, учитывая, что вонь из ущелья «Мёртвого ветра» мне будет сниться в кошмарах.

Куда менее приятно было видеть совсем рядом высокую, упирающуюся в небо башню. Она напоминала огромный посох, который кто-то по прихоти воткнул в землю, оставив вокруг гигантский кратер.

Именно здесь находился Саум — артефакт богов невероятной мощи. Он дарил всем участвующим в Играх бессмертие, а победившим в них — хорошие урожаи. Однако его истинные возможности не знал никто, а желающих поэкспериментировать до сих пор не находилось.

Башня была не так уж и далеко: долину, где она располагалась, и лагерь «солнечных» разделяло всего несколько часов пути. К счастью, похоже, мои подчинённые по каким-то причинам не собирались их преодолевать в течение сегодняшнего дня.

— Да, это точно они, — резюмировал я. — Посуди сама: мы сейчас на холме, во-о-он там явно какой-то овраг, слева лес, судя по ивам болотистый, чуть раньше, если мне не изменяет память, был ручеёк. Только мои ребята могли всё это проигнорировать и встать лагерем именно здесь.

— Рейланд, мне кажется, ты недооцениваешь моих подчинённых! — так, будто это было поводом для гордости возразила Ноа. — Впрочем, кажется, я вижу жёлтое знамя. Похоже, что ты прав.

— Ты забыла добавить «как всегда»!

— Нет, не забыла. Идём или подождём, пока их придётся догонять?

Представив себе, что придётся ещё хотя бы день спать под открытым небом на холодной земле, я подхватил немногочисленные пожитки и едва ли не вприпрыжку пошёл в сторону лагеря. Ноа ехидно ухмыльнулась, последовав за мной. Типичная Кейтлетт. Уверен, она натерпелась не меньше моего, но в жизни в этом не признается, просто из чистого упрямства.

— Кстати, ты уже подумал над тем, как ты будешь объяснять своим подчинённым? — поинтересовалась Ноа.

— Что объяснять?

— Ну, не знаю, своё недельное отсутствие и, — она сделала паузу, — меня, например?

— Наше с тобой различие в том, что мне — великому Рейланду Рору — нет необходимости ничего кому бы то ни было объяснять...

Очень не вовремя, рядом, буквально в метре от меня в землю вонзилась пуля.

— Знаешь, мне почему-то кажется, что в этой новенькой форме «лунных» они могут тебя не признать. И, соответственно, всё же потребуют объяснений.

Не сильно вслушиваясь в то, что она говорит, я ничком упал на землю. Кейтлетт же, к моему удивлению, осталась стоять на месте, напротив даже показательно скрестила руки на груди. Она так и не шелохнулась, даже когда рядом просвистела ещё пара пуль.

— Стрелки из твоих солдат очень так себе, — прокомментировала происходящее Ноа.

— Пуля — дура, штык — молодец.

— Угу. Грустно, наверное, когда и пуля дура, и штык дурак, — едко прокомментировала Кейтлетт и с раздражением добавила: — поднимайся. Кажется, нас идут брать в плен. Это твой шанс блеснуть своей рожей с пользой.

Убедившись, что больше не стреляют, я осторожно поднялся, попутно зачем-то отряхивая форму от пыли, хотя по идее следовало сделать ровно наоборот и извальяться хорошенько в грязи.

Широкой цепью, вооружённые мушкетами к нам приближались пятеро. Одного взгляда на их предводителя мне хватило, чтобы понять, что разговор будет тяжёлым — солдат возглавлял Гун-Гун.

— Стой! Кто идёт?! — рявкнул он, останавливаясь вместе с солдатами метрах в двадцати от нас.

— Это обычно спрашивают до того, как начать стрелять, Гун-Гун, — обменявшись с Ноа взглядом, ответил я.

— Обычно после выстрелов уже не у кого спрашивать.

Вроде произнесено было всего три фразы, но у меня уже отчётливо начинала болеть голова.

— Это я — Рейланд Рор!

— Гун-Гуна так просто не обманешь! Если кто-то одет как «лунный», идёт с Ноа Кейтлетт и ведёт себя как «лунный»...

— В смысле ведёт себя как «лунный»? — прервал его я, удивлённым возгласом.

— Только «лунные» падают от наших пуль!

Голова заболела гораздо сильнее, словно по ней ударили чем-то очень тупым.

— Гун-Гун, если я не Рейланд Рор, то откуда могу знать, что ты танцевал в платье на берегу реки, обвешавшись колокольчиками?

— Тебе мог рассказать призрак, которого Гун-Гун развлекал!

— Это был туман!

— Тогда тебе мог рассказать туман...

— Хе-хе-хы.

Откуда-то сбоку до моих ушей донёсся смешок Ноа, которая искренне наслаждалась происходящим.

— Не хочешь помочь ускорить процесс? — шепнул я ей. — Мы так долго ещё будем стоять!

— Как? Ты же великий Рейланд Рор, и тебе не нужно никому ничего объяснять? — театрально приложив руку к груди, наигранно изумилась Кейтлетт.

Мне отчего-то вдруг очень захотелось заорать на всю округу и побить ногами землю. Орать мне было как-то не с руки — всё-таки мои подчинённые рядом — так что весь исходящий гнев пал на землю.

Ноа, наслаждаясь моей реакцией, словно шикарным блюдом, спокойно сообщила:

— Я вот с этим абсолютно незнакомым мне человеком пришла сдаваться. Гун-Гун, пошли, пожалуйста, за кем-нибудь по, эм, главное тебя, чтобы мы могли обсудить условия капитуляции.

Дело затянулось почти на час. Именно столько потребовалось посланному в лагерь солдату, чтобы притащить оттуда не кого-нибудь а самого Леона Сайраса. Уставший и осунувшийся, он выглядел куда хуже чем я, хотя это не ему приходилось последнюю неделю пробираться по горам. Похоже, командовать целой армией оказалось для него сложнее, чем критиковать.

Граф очень скептически осмотрел сначала кучу ямок, нарытых мной в гневе, а затем меня самого. Меня реально начала пугать перспектива не быть узванным и им тоже.

— Граф, или опознайте меня, или пристрелите! — взмолился я. — Кто вообще додумался поставить Гун-Гуна в дозор?

— Некто Рейланд Рор, который, вопреки моим замечаниям, поставил определять командующих дозором жребием, — кажется, несмотря на общую измотанность, сил на сарказм у Леона было с избытком. — Не знаете случайно такого? Не встречали по пути?

— Какой же ты гениальный организатор, Рейланд, — поддержала сарказмовыделение Кейтлетт. — Смотрю, предусмотрел буквально всё! Даже то, как максимально затянуть собственное возвращение.

С последним замечанием было сложно поспорить.

— Мы можем наконец идти? Нас тут спасение отечества ждёт.

— Гун-Гун, это... — растерянно сказал Леон.

— Слава Рейланду Рору! — мгновенно проревел чужак во все лёгкие.

По лицу Леона пробежала непередаваемая гамма чувств, схожих с теми, которые я сам только что испытывал. Устало вздохнув, он махнул рукой, показывая, что можно идти.

— Как обстановка? — дождавшись, пока Гун-Гун с компанией отправится дальше нести глупость, абсурд и заодно свой дозор, спросил я.

Леон, вместо того чтобы ответить, бросил выразительный взгляд на Кейтлетт. Намёк был более чем очевидным.

«И это ещё не худшая из форм недоверия из тех, с которыми мне только предстоит столкнуться!»

— Это долгая история, но если вкратце: Ноа теперь на нашей стороне.

— Хм-м, — удивлённо хмыкнув, граф бросил на неё ещё один взгляд и сделал небольшой поклон. — Леон Сайрас.

— Я о вас слышала, — вдруг сообщила Кейтлетт. — Скандал с Кентенбергом. Это вы доложили о договорных боях.

Граф смутился, словно ему сделали комплимент.

Немного нагрузив память, мне удалось припомнить, что дело было на прошлых Играх. Два «гения» решили, что устроить серию договорных боёв — это хороший способ продвижения по службе и неплохая прибавка к жалованью.

Либо граф был не так уж и прост, либо, напротив — человеком исключительной честности. В любом случае, получилось довольно иронично: если кто и продвинулся по службе благодаря Кентенбергу, то это Леон, который тогда был мелким тыловым чиновником, а сейчас уже ушами короля. Весьма завидный карьерный рост!

— Это моя работа, — внешне граф старался быть самой скромностью, но, как мне

показалось, всё равно до конца свою гордость за тот поступок так и не смог скрыть, а может, просто не хотел. — После того, как вы пропали, командующий Рор, мы с боем прорвались через перевал, затем захватили Яой...

— Это там вы заполучили вторую реликвию?

— Да, — Леон явно удивился моей осведомлённости.

— Наверное, бой с гвардией был весьма непростым? — с хитрецей поинтересовалась Ноа.

— Яой нам сдали без боя под обещание выпустить гарнизон, — удивился её вопросу граф, разводя руками. — Оно и неудивительно — там были только тыловики.

— Какое чудесное совпадение, что ценнейший предмет никто не охранял, — ехидно прокомментировала Ноа. — Так оно, конечно, каждый раз и бывает.

Кажется, Леон хотел продолжить свой рассказ, но мне удалось его упредить, выдвинув свою версию дальнейших событий:

— Вы со всей армией «слегка» подзадержались в тылах противника. Голодная, замёрзшая солдатня с радостью воспользовалась возможностью пограбить вражеские обозы. Далее, со стороны гор появляются крупные силы «лунных», мимо которых вы чудом проскальзываете на юг и начинаете движение к башне, — я самоуверенно ухмыльнулся. — Ничего не упустил?

— Для людей, судьба которых ещё час назад была неизвестна, вы оба неплохо осведомлены о том, что происходит, — подозрительно и недовольно заметил граф, всё ещё не понимая, к чему мы клоним.

Наступил уже мой черёд, имитируя скромность, потупитья и прояснить источник этих гениальных мыслей:

— Я бы сделал так же.

— Сделали бы что? — уточнил Леон, бросив ещё более подозрительный взгляд в мою сторону.

— Всему своё время, — отмахнулся я. — Что ещё нового?

— Да, в общем-то, ничего. Всё так. Сейчас идём к Сауму, «лунные» держатся от нас на небольшом расстоянии. Стоит сложить лагерь и двинуться в путь — сразу же появляется их лёгкая пехота, которая начинает беспокоить наш арьергард. — Дальнейшее было произнесено с такой кислой миной, будто граф целиком съел лимон: — Нам не хватает еды и припасов, но ещё сильнее — боевого духа. Люди измотаны, устали, а преувеличенные сведения о вашей гибели не самым лучшим образом сказались на их готовности продолжать борьбу до конца.

Было видно, что он говорит не столько за остальных, сколько сам за себя. Однако закончил свой рассказ Леон на куда более позитивной ноте.

— Уверен, когда солдаты узнают о вашем возвращении, это придаст им сил, чтобы маршем дойти до башни: тут недалеко, но между нами дозоры «лунных», и просто так прошмыгнуть никто не даст. Будет бой.

Граф оборвал свою речь, заметив, что мы с Ноа рефлекторно переглянулись, услышав это слово.

— Нам нельзя к башне, — напомнила Ноа с уверенностью.

Ни она, ни я ничего объяснять не стали — не время и не место.

— Как? Почему?! — удивился Леон нашему молчанию. — Это же безумие!

По совпадению сказано это было как раз в тот момент, когда мы вошли в лагерь.

Проникнувшись моментом, я глубоко вздохнул, о чём сразу же пожалел.

— Дом милый дом.

Наша процессия произвела эффект взорвавшейся бомбы. Не в смысле разрушений, а в смысле «шо-то где-то ухнуло — пойду, гляну, чо там». Дело шло к вечеру — время, когда спешно доделывались все дела, словом, очень напряжённое, даже по армейским меркам, и поэтому народ собирался медленно, но лавинообразно.

Первые же счастливицы, которые лицезрели моё возвращение, даже глаза тёрли от изумления, а затем срываясь с места и, оставляя за собой инверсионный след, бежали будить друзей-товарищей.

С внутренним ликованием я взирал на стремительно меняющиеся лица своих подчинённых. Измождённость, безразличие ко всему, лень, которые мною ранее были замечены даже у Леона и которые буквально витали в воздухе, стремительно сменялись бурлящими эмоциями.

Кто-то радовался моему возвращению — это было заметнее всего, ведь по лагерю то и дело прокатывались волны криков «Слава Релайнду Рору!». Кто-то видел в происходившем скорый конец всем невздам. У кого-то на лице буквально читалось: «Ну наконец-то наведут порядок!».

Не мог я не заметить и ещё одну, казалось бы, крошечную деталь. На каждый восторженный взгляд, который приходился в мою сторону, был такой же, но уже куда менее восхищённый, если не сказать презрительный, направленный в сторону Ноа. Безусловно, последние номера «Вестника Войны» тут читали.

И чем дальше мы шли, чем больше собиралось вокруг народа, тем сильнее сжималась, словно улитка, прячущаяся в свою раковину, Кейтлетт.

— Если ты хочешь, чтобы эти люди тебя слушались и даже уважали — покажи им, что ты выше каких-то там слухов, — с улыбкой сообщил я полущёпотом.

Ноа удивлённо на меня посмотрела, а затем, благодарно кивнув, расправила плечи. Вряд ли ей стало лучше, но количество презрения в её сторону явно снизилось. Одно дело — испытывать негатив к слабым, ненавидеть сильных в разы сложнее.

Когда мы дошли до флагштоков, которые традиционно располагались возле небольшого плаца по центру лагеря, вокруг уже собрались все его обитатели, а значит, было самое время сказать что-нибудь эффектное, не слишком длинное и про победу.

— Я жив и вернулся к вам, мои солдаты!

Пришлось сделать паузу, так как что-то говорить в таком гомоне было просто невозможно. Пришлось дожидаться, пока страсти поутихнут, прежде чем продолжать.

— Но пришёл я не только с важным союзником, но и с дурными вестями!

На сей раз паузу пришлось выдерживать исключительно из-за драматизма.

— Кейл Ресс, который сейчас возглавляет армию «лунных», не просто малодушный перебежчик! Он собирается превратить наши любимые Игры в инструмент вражды и раздора, предав идеалы дружеского соревнования!

По толпе прокатился гомон возмущения.

— Именно поэтому рядом стоит моя самая верная соперница, боевой товарищ и друг — Ноа Кейтлетт. Вместе с вашей помощью мы докажем изменнику, что единство народов Тофхельма и Риверкрасса, наши обычаи и традиции так просто не сломать! Победа будет за нами!

— Слава Рейланду Рору... — Пара голосов, один из которых принадлежал мне самому, добавил к этому кличу вторую половину: — и Ноа Кейтлетт!

Может, ответная реакция на такие изменения была и не самой восторженной, но начало точно было положено. Пока толпа ликовала, я сказал Леону, который тоже, пускай и не слишком эмоционально присоединился к общему восторгу:

— Соберите всех старших офицеров в штабе.

— Отдать приказание сворачивать лагерь?

— Нет. Считайте, что если мы сдвинемся хоть на метр южнее, то проиграли.

— М-м-м, ладно, — Леон вдруг бросил на Ноа взгляд, значение которого мне не удалось понять. — Кхм, у меня будет ещё небольшое дело, поэтому могу опоздать.

Это, мягко говоря, показалось мне странным заявлением, но с кем не бывает. Учитывая происходящее обычно, я бы предпочёл, чтобы граф опоздал часика на два или три.

— Должна признать, Рейланд, ты умеешь работать с толпой, — хоть и сказала Ноа это достаточно спокойно, но из её уст это прозвучало как наилучший из комплиментов.

— Это проще, чем кажется, тебе просто надо попробовать.

Кейтлетт усмехнулась и вздрогнула от неожиданности, когда толпа решила ещё раз выкрикнуть её имя.

— Нет, спасибо. Моё место в штабе, возле карты. Все эти крики... — она слегка поморщилась, — у тебя получают лучше. Идём?

— Помахаем ручкой и пошли.

— Знаешь, почему я не люблю все эти речи? — спросила Ноа тихо и грустно, попутно махая рукой так, словно разгоняла комаров. — Даже ты, несмотря на всю свою искреннюю искренность, им врёшь.

— Почему это? — не понял я этих претензий.

— Ты же не сообщил им, что нам предстоит разбить в бою всех «лунных» силами этой вот могучей кучки.

— Конечно, не сообщил! Хорошие новости нужно выдавать постепенно, иначе будет передоз.

Явно не согласная со мной, Ноа ещё разок неуверенно махнула рукой и, развернувшись, пошла в штаб. Я тоже не стал сильно задерживаться и, постояв ещё пару минут, отправился следом.

По правде говоря, Ноа несколько сгущала краски, говоря о том, что нам предстоит разбить «лунных». Часть — безусловно, но одерживать полноценную победу было совсем не обязательно.

Парадоксально, но в этом сражении победой было бы прекратить его как можно раньше. А для этого требовалось просто найти кого-то достаточно разумного, чтобы он не только нас выслушал, но и что гораздо важнее услышал.

Проблема заключалась в том, что Кейл Ресс, велением короля Тофхельма, всё же стал командующим, что сужало список тех, с кем можно было бы поговорить ровно до одного человека — самого короля.

Рассчитывать же на то, что кто-то внезапно решит нарушить приказ не кого-нибудь, а вышестоящего командира, было бы слишком наивно.

Армейская вертикаль власти не предусматривала плюрализма мнений. Особенно во время битвы. Если есть замечания или возражения, их высказывают до, но никак не во время

сражения.

Поэтому выбор у нас был не богат: либо пытаться убедить в неправильности его действий самого Кейла Ресса, либо попробовать достучаться до короля. В то, что Кейл внезапно решит передумать и в последний момент повернёт назад, лично мне верилось с трудом. Тут требовалось какое-то совсем уж определённое стечение обстоятельств.

Попытаться убедить короля на фоне ТАКОЙ альтернативы казалось вполне возможным. Кроме того, как метко заметила Ноа, к моменту разговора мы так или иначе выведем из битвы всё командование «лунных», а значит, у нас появится преимущество.

Увы, судя по всему это было едва ли не единственным нашим преимуществом в грядущем сражении. Против нас не воевали разве что деревья. Весь же остальной Тофхельм собрался под знамёнами Кейла Ресса, пылая праведным гневом и жажда отмщения.

По самым скромным оценкам, его армия превосходила нашу раз эдак в десять. Тут бы начать давить качеством, и таковое у нас имелось: к этому моменту в моей армии остались только те, кто действительно умел сражаться. Только вот и силы «лунных» были не лыком шиты. Кроме толп всяких гарнизонных сидельцев, в их рядах имелись ветераны, но что ещё хуже — здесь, как и положено, рядом с королём находилась его личная гвардия.

Когда-то давно Рейланд Рор уже сталкивался с гвардией Тофхельма, и бока ему тогда намяли знатно. Эти ребята всю жизнь посвятили Играм, обучались безостановочно у лучших из лучших и получали отличное снаряжение. Благодаря этому один гвардеец стоил сотни даже самых умелых бойцов, а уж если вместе собралась вся гвардия — будет больно.

— Немедленно отправьте разведчиков, чтобы те контролировали все перемещения «лунных». Пускай докладывают каждые полчаса, — это распоряжение я отдал как только вошёл в штабную палатку, и оно же было первым моим указанием за неделю. Вернуться к работе после недельных скитаний было почти приятно.

Лучше было бы, конечно, если бы меня сразу отпустили домой, но это ещё было впереди. Разумеется, за противником наблюдали и без этого, однако, имея дело с таким хитрецом как Кейл Ресс, перестраховаться никогда не было бы лишним.

Заняв привычное место возле карты, я с интересом взглянул на своих подчинённых. Увы, никакой взаимности не было: всё внимание в палатке было приковано к Ноа Кейтлетт, которая с непроницаемым лицом, скрестив руки на груди, стояла неподалёку от меня и смотрела в пустоту.

Повисла неловкая пауза. Пытаясь украсть у Ноа хотя бы кроху внимания, я выразительно прочистил горло. Куда там! Меня не удостоил внимания даже Гоа Эльт, который обычно желал знать всё!

Положение спасла неожиданно нагрянувшая в палатку Миюми. Моя помощница выглядела так, будто всю последнюю неделю провела в томительном ожидании момента моего возвращения, но умудрилась всё равно его пропустить. Шла она не с пустыми руками, а с целым подносом чего-то съестного и подозрительной, исходящей паром кружкой.

— Я... Я так... Так рада, — тяжело дыша, пытаюсь одновременно вручить мне увесистый поднос и поклониться, сказала Миюми.

— Я тоже, очень, э-э-э, очень сильно скучал.

Всё моё внимание в этот момент занимала чашка. Что внутри — гадать не приходилось, вопрос был в том, как отделаться от необходимости это пить. Мой желудок после недельной диеты, состоящей из сухарей и воды, вряд ли был способен перенести такой удар.

Выход из патовой ситуации нашёлся быстро. Это было подло, но я переадресовал

необходимость пить «кофе» Ноа.

— Миюми, сначала положено угощать гостей.

Моя помощница вздрогнула так, словно забыть такую деталь было для неё смерти подобно. Низко кланяясь, она вручила кружку.

Кейтлетт бросила подозрительный взгляд сначала на напиток, затем на меня. А дальше произошло удивительное: не дрогнув ни одним мускулом, Ноа спокойно отпила немного «кофе» и, сделав вид, что больше не хочет, вернула кружку.

— Отличный, кхм, напиток, — поблагодарила Ноа Миюми. — Принеси своему командующему ещё одну кружку. Только побольше, уверена, его мучает жажда. И не стесняйся с горчицей!

Зардевшись от неожиданного комплимента, на всякий случай поклонившись сразу трижды, Миюми оставила миску с бутербродами и, забрав ставший ненужным поднос, отправилась выполнять просьбу.

Я, провожая её взглядом, хотел было отвесить в сторону грядущих пищеварительных проблем Ноа скабрзную шутку, но стоило моей помощнице выйти, как раздался короткий вскрик, звон металла, словно кто-то кого-то ударил тем самым подносом по голове, а спустя пару секунд, потирая ушибленную голову, в палатку вошёл никто иной как Альт Цион в сопровождении Леона.

Выглядел адъютант Ноа грустно: обидно, наверное, быть одновременно и толстым, и голодным. Альт же вдобавок был ещё и уставшим: похоже, сидеть сложа руки ему никто не давал.

— Прибился к нам пару дней назад, — с усмешкой сообщил Леон. — Мы сначала решили, что это лазутчик...

Альт нервно вздрогнул. Судя по порванной одежде, пропустив стадию допроса, «лазутчика» в первую очередь побили.

— Они... — начал он, с мольбой глядя на Ноа. — Они сказали, что еду надо заслужить, но когда я отработал, дали только...

— Три сухаря, — невозмутимо прервал его граф. — Как и положено всем, кто только и может что таскать ящики. Кхм, командующая Кейтлетт, полагаю, это ленивое создание принадлежит вам?

Раздался смешок — Ноа явно понравилась формулировка. Некоторое время она взирала на Альта со смесью гнева и раздражения, словно раздумывая, что с ним делать. На самом деле, я знал ещё со времён того разговора перед каньоном, что Кейтлетт давно уже всё решила. Для вида она, конечно, будет злиться, но только для вида.

— В нашем положении разбрасываться даже такими лентами, как ты, Альт, было бы расточительством, — наконец, словно судья, готовившийся вынести смертный приговор, сказала Ноа примерно таким же тоном. — Кроме того, полагаю, найти себе помощника сейчас будет не так просто.

Кейтлетт выразительно посмотрела на собравшихся, словно спрашивая, нет ли здесь желающих, а затем махнула рукой Альту, мол, иди сюда. Юноша облегчённо вздрогнул и, украв у нас бутерброд, поспешил занять себе место.

«Ну, наглец, надеюсь, здесь от тебя будет какой-то толк!» — подумал я, ревнуя свою еду.

Выборы старшего разведчика

— Поиски ничего не дали. Кейл Ресс исчез вместе со всеми своими пожитками абсолютно бесследно, — доложил мне Леон перед началом очередного совещания.

— И никто ничего не видел? — уточнил я.

Это было первое собрание штаба после нашего «прорыва». Со дня той знаменательной битвы, когда мне представилось поближе познакомиться с прапорщиком Любовым, минуло три дня, хотя по ощущениям все тридцать. Собственно о том, насколько дни были перегружены событиями, говорил тот факт, что только сейчас у меня и прочих офицеров нашлось время на что-то, кроме непосредственного командования.

Только-только оклемавшись после запуска человека в космос, мне пришлось бегать по полю сражения и собирать излишне увлекшихся за собой. Эльт, например, умудрился прорваться практически к самому лагерю Ноа, который защищали какие-то не дошедшие до поля боя резервы. Они численно превосходили отчаянную полубригаду в три-четыре раза, но выходить за стены лагеря и нападать побоялись, то ли ощущая подвох, то ли опасаясь, что противник может переносить бешенство.

На этом «хорошие» новости не закончились. Не успел я собрать свою армию воедино, как в полном составе объявились остатки союзничков, которые, конечно же, захотели пойти с нами. Как управлять такой толпой мне было неизвестно, но у них имелись столь необходимые припасы, тогда как наш обоз остался позади. Перед таким соблазном устоять было сложно, а я даже не пытался. Так сильно радуясь, что не придётся сидеть на диете из травы, я не смог вовремя заметить подвох, а потом стало слишком поздно.

С великим почётом, уважением и щепетильностью мне вручили скипетр Солнца — метровую палку с изящным орнаментом, которая вообще-то была очень важным артефактом: попади она к «лунным», те бы оказались в шаге от победы.

На мой немой вопрос «Какого лешего?» последовал ответ, что у короля был стратегический замысел, но что-то пошло не так, и теперь мне придётся всех спасать.

Почувствовав в его величестве родственную душу, ведь мои стратагемы тоже жили примерно час, самое большее два, я принял артефакт, тем самым обозначив себя как спасителя всего отечества. Моя скромность, и до того влачившая жалкое существование, тихенько удавилась на задворках сознания.

Оставалась суцая мелочь: придумать, как это самое отечество спасти, желательно до того, как до меня доберётся Ноа и остальные «лунные». Правда, сейчас они, рассеявшись после битвы, спешно отступали от нашего неспешного преследования.

Вишенкой на торте оставался вопрос моего возвращения домой. С каждым днём, проведённым в этом мире, я чувствовал, что данное решение ускользает от меня всё сильнее и сильнее. Границы между мной и Рейландом Рором меркли с каждым часом, проведённым в этом безумном калейдоскопе событий. Даже перед вездесущим Леоном уже не было нужды особо притворяться — лишь придерживаться каких-то местных норм. Исчезновение же Кейла Ресса поставило в этом вопросе жирную точку, отдав вопрос самоконтроля всецело в руки моей несчастной совести.

— Солдаты клянутся... — отрывая меня от размышлений, продолжил Леон.

— Уверен, — я отмахнулся от графа, — спроси вы у солдат, квадратное ли солнце, то все они на портрете матери поклянутся, что да. А если вы дадите им кисти и краски — ещё и

нарисуют.

Леон смущенно потупился. С недавних пор солдаты боялись его до дрожи в коленках. Любой контакт с ним рядовыми воспринимался с такой обречённостью, словно их вот-вот расстреляют за измену родине. Причём спроси он их, изменяли ли они в самом деле, все будут клясться, что да, изменяли. Как именно, когда, зачем было абсолютно не важно.

Началось это при весьма забавных обстоятельствах. Уж не помню, зачем конкретно, но мне потребовалось от графа избавиться на пару часов, и ничего лучше, чем сказать Леону, что у нас пропадает кухонная утварь, я не смог придумать. С кухни действительно пропадали вещи, но, откровенно говоря, в количествах настолько смешных, что обращать на это внимание было попросту глупо. Хотя в нашем положении без снабжения, наверное, всё же стоило.

Однако я недооценил «глаза и уши короля», которые отправил с этим разбираться. В тот момент мои мысли были где-то далеко, а по телу разливалась приятная истома от целых двух часов, проведённых без присмотра излишне вьедливого графа.

О последствиях я и думать забыл. Наслаждение от покоя было куда сильнее. Ровно до того момента, пока мой покой не нарушил явившийся от графа капрал. Тот был бледен и напуган, но при этом собран и сосредоточен. Он сообщил, что меня желает видеть граф Сайрас на кухне немедленно, дескать, Леон раскрыл важный заговор.

В иной другой ситуации капрал отправился бы с такими требованиями от командующего по очень коротким, но неопределённым координатам. Но в этот раз моя интуиция забила набат во все колокола, и не зря.

На кухне меня встретила весьма примечательная картина недавнего обыска, который плавно перетёк в погром. Вся посуда была разбросана по полу, еда при этом, что удивительно, оказалась на потолке. По углам жались испуганные повара, а в центре помещения, привязанный к небольшому стульчику, дрожал какой-то полноватый мужичок. На него наседали, как коршун на свежее мясо, Леон Сайрас:

— Где поварёшка?! — орал граф грозно. — Ты не мог отдать её человеку из толпы!

— Но господин, это же всего лишь поварёшка, кому может быть... — пытался возражать работник кухни.

— МОЛЧАТЬ! — раздражённо прикрикнул Леон. — Вопросы тут задаю только я! Куда вы дели суповара? Где он?

— Н-но...

По кухне разлилась звонкая пощёчина.

— Где тело?! Признавайся! — громче прежнего прокричал граф. — Вы сварили его в каше? Или бросили в объедки?!

— Г-господин, я-я... — заикаясь, пытался ответить повар.

— Ты?! — вытаращился на него Леон, словно всё понял, хотя это вряд ли было так.

— Я-я-я... — несчастный терял на глазах не только дар речи, но и седел, стремительно превращаясь в старика. — Э-э-это я-я-я с-с-суповар...

С тех пор произошло две вещи: страх перед Леоном разошёлся по лагерю, а один вид графа вселял ужас в сердца и умы солдат. Сам же он по соображениям безопасности был вынужден начать готовить себе самостоятельно. Видимо, боялся, что повара не оценили его выходку.

Впрочем, сейчас это стало неактуально. Гораздо важнее было то, что наш старший разведчик, Кейл Ресс, как по фокусу словно испарился, причём прямо на глазах

многотысячной армии, что вызывало неподдельное уважение к его таланту иллюзиониста.

— Трус!

Такое отношение не было чем-то из ряда вон. В Играх принимали участие относительно добровольно, особенно такие люди как Ресс. Подразумевалось, что отношение к воинскому долгу будет соответствующим.

Проявление трусости для рядового солдата грозило лишь насмешками со стороны братьев по оружию. Но для офицера бежать с поля боя было сродни самоубийству. Причём ещё непонятно, что было бы хуже. В одном случае твои дела, образно говоря, заканчивались, а с клеймом дезертира надо было ещё как-то жить дальше.

Судя по всему, точку зрения капитана Ноктима разделяли и остальные в штабе. А вот мне дезертирство казалось наименее возможным вариантом.

Кейл Ресс имел безупречную репутацию. Всю жизнь он строил мосты, как вдруг увидел овцу и решил всё испортить? Нет, я бы скорее поверил, что его похитили. Очень-очень вежливые похитители, которые заодно решили забрать его вещи, но не осмелились оставить прощальное письмо.

Это определённо было как-то связано с нашим разговором, произошедшим накануне, только как? Раз за разом я проматывал в уме тот диалог, пытаюсь отыскать какую-то недосказанность, оговорки, словом, хоть что-то. Ресс определённо хотел мне что-то сказать, а точнее услышать от меня. Возможно, будь я чуточку откровеннее, всё пошло бы совсем иначе.

Не стоило забывать и про сны. Согласно им, Кейл предал сначала меня, а затем и Ноа, к которой перевернулся. Это было важно, но помогало мало, всё ещё не позволяя составить цельную картину происходящего. В частности понять, чего именно предатель хотел этим добиться.

Власти? Почёта и уважения? Звучало неплохо, но что-то не сходилось. Не таким человеком был Кейл.

«Впрочем, откуда мне знать, какой он настоящий?»

Как это ни странно, но он всё равно не был наиболее актуальной темой, из-за которой штаб собственно и собрался. Прокашлявшись и тем самым прервав бурное обсуждение на тему того, что случается с дезертирами после Игр, я громко спросил:

— Как бы то ни было, кто-то должен занять его место. Есть кандидатуры?

Этот вопрос мной был задан совсем не из-за отсутствия фантазии. Скорее из-за лени. У меня начинала болеть голова от одной попытки представить, сколько споров и свар мне придётся перенести, если новый разведчик будет выбран мной единолично. Приходилось играть в демократию, отчего моя голова начинала болеть, но уже по другому поводу.

Все в штабе притворно потупились. Тут бы удивиться скромности моих подчинённых, если бы она у них на самом деле была. Их растерянность была вызвана совсем противоположными чувствами: они все, может быть, кроме Леона, который желал лишь донимать меня от рассвета до заката, хотели занять место Ресса. Просто первого, кто вызовется, неизбежно будут сравнивать с остальными, что поставит его в невыгодное положение.

Ситуацию спас Гун-Гун, невесть что забывший на офицерском совещании:

— Гун-Гун желает быть разведчиком! Он разведёт всех «лунных»!

— Куда? По кабакам? — рассмеялся Эльт.

Большинство только посмеялись от этой фразы, но отдельно взятые глаза и уши короля

обеспокоенно посмотрели на меня, опасаясь, видимо, что я приму это предложение.

Моя же фантазия в это время попыталась нарисовать Гун-Гуна, который спокойно и обстоятельно делал доклад возле карты. Где-то на этапе «спокойно» всё и завершилось, вылетев с критической ошибкой.

— Нет, — коротко сказал я чужаку и повторил вопрос: — ещё кандидатуры?

На этот раз, как я и опасался, вызвались все, кроме Леона. Учитывая, что в палатке были люди, представляющие различные подразделения моей армии, конкурс получился большим, чем на место в корпорации «нугл».

Всё это были абсолютно разноплановые люди, кто-то смелее, кто-то смекалистее, кто-то осторожнее. Взять того же Эльта — смелый, отважный солдат, рубака-парень, свой в доску у подчинённых. Чем не идеальный кандидат?

Но не так давно я уже убедился в его способности вести себя скрытно и незаметно. Она отсутствовала.

Ещё он достаточно здорово рисовал карты. Правда, получившееся скорее годилось для демонологических ритуалов, нежели для анализа происходящего.

Ноктим тоже годился — опытный солдат, уважаемый ветеран, любитель табачка. Последнее и рубило идею прямо на корню. Последнее, что мне нужно было — это разведчик, которого будет видно из-за линии горизонта.

Ещё вполне подходил капитан Кай. Новичок в нашем бродячем цирке, по совместительству самый молодой из присутствующих. Обычно это о многом говорило, но не в этот раз.

Кай действительно рано выбился в капитаны — это были его первые Игры в этом звании. Но, как я уже убедился, думал он в первую очередь своими кулаками, используя голову в качестве весомого аргумента, которым можно было при случае ударить противника. Дай ему хоть чуть-чуть свободы, и он побежит ломать лица всем встречным «лунным» вместо наблюдения за ними. А так как это и было основной обязанностью прямо сейчас, я не видел смысла что-то менять в этом борделе.

У меня имелся свой фаворит на этих «выборах». Только, к сожалению, моя персональная заноза в заднице и, возможно, лучший кандидат из имеющихся не поднял руку.

Во-первых, было бы здорово занять Леона чем-то помимо бесконечных придинок к моим решениям. Во-вторых, граф был тем ещё пацифистом и драк со своим участием старательно избегал. Пожалуй, он один во всём нашем цирке был способен за кем-то проследить без риска ринуться в бой по велению своей левой пятки, жаждущей новой медали. В-третьих, Леон неплохо управлялся с пером и бумагой. В этом я убедился, когда скинул на него всю бумажную волокиту. Тогда мне казалось, что это — хороший способ от него отделаться. Не сработало. Зато теперь в моей армии с бюрократией было даже лучше, чем у Ноа, которая, как я знал по памяти Рейланда Рора, и шагу не могла ступить без издания очередного указа или декрета.

И всё же я сомневался насчёт этой кандидатуры. Был риск, что граф, как и в схожих ситуациях ранее, своё назойливое присутствие рядом со мной ничуть не сократит, а даже напротив — приобретёт в аргументации.

Назначить кого-то просто так от балды тоже было можно. Но по опыту замены одного выбывшего капитана мне хорошо было известно, к чему это может привести. Тогда я тоже не глядя принял решение, выбрав наобум из предложенных Леоном кандидатур. Закончилось в итоге всё натуральной осадой моего жилища и бесконечных распрях. Карьеризм в рядах

местной армии принимал армейские же масштабы.

За новое звание подчас разворачивались такие баталии, по сравнению с которыми остальные битвы, происходящие во время Игр, казались потасовкой перед детским утренником за право быть снежинкой.

Помимо естественной гордости, когда каждый считал именно себя достойным, несмотря ни на какие очевидные «но», дело ещё было и в том, что новое звание или должность можно будет предъявить в следующий раз, а это много стоило. Если человек был на прошлых Играх старшим разведчиком, значит, и на следующих должен занимать схожую должность.

В этом, к слову, заключался забавный парадокс. Разведку и тех, кто в ней служил, откровенно презирали, однако получить соответствующее звание все были очень даже рады. Дело в том, что звание «главного разведчика» равнялось капитану, а это неплохой задел для дальнейшего повышения.

Пока я искал изящный способ избавиться от назревающей головной боли, не прибегая к альтернативной медицине, Гун-Гун вновь решил заняться самовыдвиженчеством.

— Гун-Гун мог бы найти Миюми! — предложил чудак, явно считая это хорошей рекомендацией.

Достижение было так себе, тем не менее, зная, с кем имею дело, я на всякий случай уточнил:

— Зачем искать Миюми?

— Её уже два часа нет в лагере!

— Откуда... — я хотел было поинтересоваться, откуда он это знает, да ещё и с такой точностью, но вовремя себя остановил — в некоторые вещи лучше не углубляться.

Впрочем, мне показалось, что это можно было использовать с пользой.

«Устрою небольшое дружеское соревнование, разве может что-то пойти не так?»

Потерев переносицу, я с коварной улыбкой оглядел всех присутствовавших и объявил:

— Кто первый приведёт сюда Миюми, тот и станет новым старшим разведчиком!

Можете...

Договаривать никакой необходимости не было.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — чопорно поинтересовался Леон, когда орущая и сбивающая друг друга толпа удалилась. — Враг не дремлет...

— О-о-о, вы правы, граф! — с усмешкой ответил я. — Ноа, как истинное зло, вообще никогда не спит!

Идея устроить из поиска нового разведчика соревнование разонравилась мне меньше чем за час. Именно столько времени потребовалось моим подчинённым, чтобы превратить происходящее в невесть что. Вот что мне мешало твёрдо рыкнуть, назвав свою кандидатуру? Ничего. Настоящий Рейланд Рор так бы и сделал, не сомневаясь ни секунды. Я же решил избежать проблем и... результат был предо мной как на ладони — ещё больше проблем, чем в начале.

Глядя на происходящее, мне всё больше казалось, что пока более актуальным был вопрос не о спасении отечества и победе в Играх, а об окружавших нас лесов. Наблюдая за столбом дыма вдаль, я отвлечённо спросил:

— Как думаете, граф, кто вернётся с Миюми?

Мы с Леоном стояли на опушке, чуть в стороне от расположившегося позади лагеря, и,

вяло переговариваясь, наблюдали за продвижением поисков. Со времени начала соревнования прошло уже полтора часа, и вести из леса приходили одна страшнее другой.

Эльт не поделил с пчёлами малину и уже всю руководил осадой улья. Лой Ноктим уронил трубку и устроил небольшой пожар. Оставалось надеяться, что Миюми в тех двух гектарах леса не было. Гун-Гун подрался с деревом, итоговый счёт вышел два-четыре в пользу «зелёных». Какой-то капитан какой-то там бригады поспорил, что маленькие красные ягоды — съедобные, и теперь у нас было уже две командирских вакансии.

— Глубоко несчастный в своей глупости человек, — высокомерно фыркнул Леон.

Подобные интонации я слышал у него не впервые и по опыту знал их причину: Леону здорово не нравилось происходящее, но так как связано это не с объективными причинами, а личными, то претензий он высказывать не станет.

Сам не знаю зачем, наверное, для поддержания беседы, но я попытался его урезонить:

— Вы слишком к ним строги, граф. Ребята, может, последний раз видят нормальный лес на ближайший месяц. Шишки там...

Прерывая меня, из леса раздались панические крики.

— А вот и крики восторга от шишек, — саркастично заметил Леон.

— Откуда вы родом? — упреждая грядущий поток претензий, сменил я тему разговора.

Обычно такие вопросы вызывали практически у любого собеседника целый словесный шторм, но только не в нашем случае.

— Файфик, — нехотя ответил граф.

Мне это название практически ни о чём не говорило. Вроде как именно там печатали «Вестник Войны», а ещё город почему-то называли «двуединым».

— И как живётся в двуедином городе?

— Море, чайки, белокаменные мосты через «Королевскую» и красивые закаты, — тоном, будто окружавшие нас лесистые холмы были ему куда приятнее, ответил Леон.

Видно, граф не очень хотел вспоминать о том, что где-то там его ждёт домик в райском местечке, а он, вместо того чтобы наслаждаться жизнью, наблюдает за тем, как стадо идиотов уничтожает лес.

— Скучаете по семье? — ещё одна благодатная, как мне казалось, тема для беседы.

Я знал, что где-то там, за рамками всей этой истории Леона ждёт жена, хотя он сам распространяться об этом не спешил.

— Разумеется, — в тоне его голоса чувствовалось, что граф и представить себе не может, как можно не скучать по родным в таком положении.

— Вы много пишете семье, надеюсь, хе-хе, в этих письмах нет никаких военных тайн? — мне захотелось обратить всё в шутку, пускай и не слишком хорошую.

Я рассчитывал на какую угодно реакцию, от непонимания до возмущения, но, к моему удивлению, Леон лишь усмехнулся и как бы вскользь заметил:

— Возможно, если бы вы хоть иногда писали своим родным, то у вас не было бы времени лезть в чужую личную жизнь.

Тут он меня уел по полной. Писать письма на Землю было достаточно глупо, а у Рейланда Рора Игры полностью заменяли и семью, и личную жизнь.

Прервав наш разговор, из леса вышел капитан Кай, весь в иголках и очень расстроенный. Он вроде как искал Миюми, карабкаясь по деревьям, и не удержался на ветке. Когда капитан подошёл, я подавил в себе желание спрашивать, почему он выбрал именно этот способ поиска, и не перепутал ли Кай мою пухлую помощницу с Тарзаном, но вместо

этого вежливо поинтересовался текущей обстановкой.

— Гун-Гун подрался с деревом! — вид у капитана был таким, словно он глубоко восхищается этим поступком, на его лице просто читалась застывшая фраза: «Бей дерево — спасай отчизну».

— Да, я уже слышал...

— Нет, ещё раз! — возразил Кай. — Пока липа ведёт!

Я глубоко вздохнул и всерьёз начал думать над тем, как бы это всё закончить без дальнейших потерь в личном составе или серьёзного ущерба для природы. Неожиданно кто-то коснулся моей руки, привлекая внимание.

За спиной обнаружилась Миюми с подносом, где жёлтым дымом копил напиток, который она называла кофе, и какая-то простенькая еда. Большой вопрос, чем что она здесь делает, вызывало лишь только то, почему девушка, несмотря на все протесты, продолжала готовить мне кофе.

— Вы пропустили обед, с... кхм, командующий, поэтому принесла его сюда, — сообщила немного растерянно Миюми.

— Спасибо, постой с нами, — окинув её насмешливым взглядом, сказал я. — Ты, кстати, когда вернулась?

— Да с час назад, — не задумываясь, очень довольная тем, что услужила мне, ответила девушка.

Леон с подозрением посмотрел сначала на Миюми, а затем на меня.

— Я правильно понимаю, что вы...

— Нет, честно, не знал.

— Может, им подать какой-то сигнал? — предложил Леон, неодобрительно качая головой.

— Могу подудеть! — наострив уши, предложила моя помощница.

— Ага, вы представляете себе последствия? — поинтересовался я у графа с усмешкой.

— В каком смысле?

— Как бы объяснить, эм, Миюми, у тебя к дудке прилагалась книжка, сколько сигналов ты выучила?

Девушка с гордостью, будто это её величайшее достижение, ответила:

— Один!

— Надо полагать, примерно столько же, как и остальные, — размышляя, прикинул я. — Смысла спрашивать, какой именно, тоже нет. Граф, вы уверены, что получи тот же Эльт приказ к атаке, он воспримет его правильно?

— Может, тогда послать солдат на прочёсывание? — предложил Леон с опаской.

— Мы уже отправили туда тех, кто считается лучшими из лучших, вот что вышло, — я кивнул в сторону пожара и продолжил. — Представляете, что останется от леса, если в нём окажутся все остальные?

Леон тактично замолчал, видимо, ожидая, когда я предложу свой вариант действий, чтобы начать его оспаривать. Однако, к его разочарованию, мне пришла в голову совсем другая мысль.

— Золотце, а что ты вообще делала в лесу?

Судя по забегавшим по сторонам глазам девушки, не было похоже, что она горит желанием отвечать на этот вопрос. К счастью, врать Миюми не умела, поэтому, зардевшись, потянула:

— Ну-у-у...

— Ближе к сути, пожалуйста.

— Эм, — Миюми глубоко вздохнула и быстро затараторила, словно надеясь сбить меня этим потоком слов с толку: — искала призрака Глубокой Чащобы, который по легендам умеет исцелять все болезни, пахнет апельсинами и выглядит как золотой тюлень!

— Как же меня достали все эти духи, сколько их здесь?! — тихо простонал я.

Куда более практично настроенный граф с очень серьёзным видом посмотрел девушке в глаза, наверное, проверяя, не расширены ли у неё зрачки. Мне же, привычному к таким вещам, оставалось только устало потереть переносицу и сообщить очевидное:

— Миюми, во-первых, откуда ты всё это вот тащишь? Во-вторых...

На самом деле, я не рассчитывал на ответ. Даже более того: мне абсолютно не хотелось его получать в какой бы то ни было форме. Не потому, что было всё равно. Ещё в детстве, пораньше вернувшись из школы домой, я на собственном опыте убедился, что иногда лучше не возвращаться раньше обычного и уж точно не спрашивать, застав родителей за интересным занятием, откуда берутся дети. Однако Миюми вместо ответа ловко извлекла из одежды небольшую брошюру. От увиденного у меня глаза на лоб полезли. Не сдержавшись, я прочитал вслух:

— Кхм, самый наиболее полный каталог артефактов и магических созданий, которые вы можете встретить в быту, приготовить и выжить после употребления. Авторы, м-м-м, некто «С» точка и «Ф» точка.

Закончив читать и почувствовав, как тупею на глазах окружающих, я, скомкав, выбросил листик и серьёзно посмотрел на девушку.

— Миюми, послушай, я понимаю, что реальный мир весьма скучный... — как назло именно в этот момент в лесу что-то взорвалось, напрочь испортив мою речь и заставив искать оправдания вместо донесения глубокого смысла. — Видимо, кто-то на поиски тебя взял с собой гранату, с кем не бывает! Так, о чём я? А, точно! Так вот, скучный...

Прогремел второй взрыв, который ещё сильнее прежнего поколебал мою позицию.

— Нечётное количество — плохая примета, делов-то. Но не будем отвлекаться, — я выждал пару секунд, убеждаясь, что больше взрывов не случится. — Хоть реальный мир и скучный, но уходить в выдуманные — не повод. И вообще, это, скорее всего, Гун-Гун. Поверь моему опыту.

— Я тоже так подумала, поэтому решила сходить и проверить! — кивнула, соглашаясь с моим предположением, девушка.

Угадать, что произошло дальше, не составило ни малейшего труда.

— Ты потерялась?

— Нет! — оскорбилась Миюми. — Я его нашла!

Я осмотрелся, однако ничего тюленеобразного вокруг не наблюдалось, поэтому пришлось уточнить.

— Гун-Гуна? Или духа?

— Духа, конечно! Сейчас приведу! — Миюми куда-то умчалась с самым решительным видом.

— Вы не задумывались о том, чтобы проверить её психическое состояние? — даже не пытаясь говорить тихо, поинтересовался Леон. — Как она вообще оказалась здесь, у вас?!

— Странности притягиваются, — отвлечённо ответил я и отмахнулся от него. — Миюми у нас профессионал, можно сказать, дипломированный специалист по

паранормальным явлениям. Разве можно губить такой талант таблетками или, упаси боже, образованием? — заметив возвращающуюся девушку и того, кого она с собой вела, у меня на лице расцвела ухмылка, — к тому же, боюсь, граф, в этот раз призрак более чем материален. Судя по форме — приведение работает на «лунных». Либо Ноа освоила некромантию — и нам конец, либо это что-то новое.

Моя помощница, заручившись помощью пары солдат, и вправду привела небольшого плюгавенького старичка с отличительными знаками наших противников и здоровенной шишкой на голове, которая в свою очередь демонстрировала текущую принадлежность к «солнечным».

Осмотрев его, я скорчил злодейскую гримасу и с намёком сказал:

— Ну, на тюленя не слишком похоже, апельсинами не пахнет, но это всегда можно исправить. Так что, будем говорить или мне послать за нитками, иголками и ароматизаторами?

Старичок вздрогнул, сглотнул и начал говорить:

— Мне... мне было приказано наблюдать издали за перемещениями вашей армии...

Ничего удивительно и странного в этом по сути не было. Ноа и раньше таким промышляла, однако я заметил, что горе-разведчик чего-то не договаривает.

— И всё? Что ж, видимо, всё-таки придётся нести нитки...

Моя репутация куда лучше прямых угроз, поэтому старичок мгновенно сломался.

— Нет! Не надо! Мне приказали ночью добавить это в воду...

Нам предъявили небольшой пузырёк без каких-либо опознавательных знаков и с синеватой жидкостью внутри. Откупорив, я убедился, что пахнет жидкость горечью вперемешку с какими-то травами.

— Леон, вы разбираетесь в таких вещах?

Граф осмотрел пузырёк, встряхнул его, затем открыл и, мизинцем попробовав на вкус, заключил:

— Похоже, какое-то слабительное.

— Н-да, на лимонад и вправду не очень похоже, — согласился я и с удивлением отметил: — Ноа наконец смогла в диверсии?

Пришлось ещё раз с подозрением посмотреть на старика-разведчика. На этот раз даже угрожать не потребовались.

— Я... я был против! — заявили мне в лицо. — Но этот новый капитан, Кайл Расс, убедил её и...

— Забавное совпадение, — прерывая его, с намёком заметил Леон.

О пророческих снах я ему не рассказывал, поэтому для него куда именно делся Кейл было новостью. Для меня же это стало хорошим поводом убедиться, что все эти сновидения — не просто бред уставшего человека, и в них действительно есть смысл или по крайней мере какие-то точки пересечения с реальностью.

— Мда, так себе совпадение, — понимая, что от меня ждут ответа, сказал я.

Сразу отпало желание продолжать эту потеху с поисками Миюми в лесу. Лафа закончилась: похоже, Ноа и её армия начали приходить в форму после последнего поражения. Нужно было заканчивать цирк и возвращаться к более актуальным проблемам — командованием армией так, чтобы победить на Играх.

— Леон, ступайте в лес и прихватите с собой мою помощницу, — устало приказал я.

— Это зачем? — не понял меня граф.

— Ну, вы её нашли, покажете это остальным, и с завтрашнего дня жду от вас точных и свежих донесений.

— Но я же...

Леона передёрнуло как от удара молнией, когда я положил ему руку на плечо и, пристально глядя в глаза, заявил:

— Либо вы, либо Гун-Гун.

Кажется, граф на секунду готов был даже на второй вариант, но затем сдался, поник и кивнул. Жестом он пригласил Миюми в лес и с видом, будто отправляется топить котят, пошёл за ней.

— Не забудьте забрать остальных! — крикнул я ему вслед и вернулся обратно в лагерь, целиком погруженный в размышления насчёт грядущего.

Начало новой шахматной партии

Альт Цион, насвистывая какую-то мелодию, кивнул в знак приветствия караулу командующей и, ничуть не утруждая себя такой банальностью как стук или иной способ обозначить своё появление, вошёл внутрь её жилища.

То, что предстало перед его глазами, ужасало до жути. Что ни говори, Ноа Кейтлетт была ужасна в гневе и кошмарна во всём остальном. Стоило довести её до белого каления, как наихудшие из её привычек вырывались наружу, забирая контроль тела несчастной женщины. В таком состоянии она могла часами предаваться самым отвратительным из своих пороков.

Иными словами, Альт Цион увидел перед собой идеально убранное помещение, блистающее чистотой и свежестью. Виновница этого вопиющего порядка сидела в позе лотоса, окружённая ароматическими свечами, старательно делая вид, что медитирует. На вошедшего адъютанта она никак не отреагировала, если не считать слегка приоткрывшегося на секунду глаза.

Альт хмыкнул и, пожав плечами, нагло уселся за её стол, принявшись деловито изучать вести с полей сражений. Ничуть не смущаясь, он зачерпнул из вазы горсть карамелек, накануне подаренных Кайлом Рассом, и принялся громко ими хрустеть.

— Зубы испортишь, — меланхолично заметила командующая.

— Я их, ХРУМ, чифю, ХРУМ, по утфам...

Командующая на секунду прервала медитацию, чтобы посмотреть на кривые, желтоватые зубы своего адъютанта — мечту стоматолога, и вновь вернулась в расслабленное, отрешённое состояние.

Альт тем временем обнаружил под столом измятую, скомканную газету «Вестник Войны». Этот выпуск он прочёл ещё вчера, но от скуки перечитал заголовки. Те как обычно фонтанировали независимой, непредвзятой журналистикой:

«Рейланд Пор ест детей: ложь или новое кулинарное веяние?»

«Южный лев идёт на север: стоит ли прятать женщин?»

«Шокирующее признание капрала Труста о том, как Пор обращается с пленными».

«Топ-10 кулинарных советов сезона от Миюми Цион: готовим вкусные напитки вместе».

«Сложный выбор: выбираем кровлю в новом сезоне».

«Рубиновый рыцарь — предатель или непонятый герой?»

«Сводки с полей сражений, прогнозы, аналитика, сплетни»

«Компрометирующие новости о командующей Ноа Кейтлетт: сто три заповеди спокойствия против сорока семи известных!»

Подумав о том, что одно отсутствие статьи про то, что Рейланд Пор — моллюск, это уже сам по себе неплохой рост. Альт дочитал корреспонденцию и, убедившись, что больше своё любопытство он ни на чём выместить не может, спросил:

— Вчера прибыл королевский гонец, но письма здесь нет...

— Оно... — вздрогнув от вопроса, как можно спокойнее постаралась ответить Ноа, — пострадало во время уборки.

— Полагаю, король желает видеть успехи? — предположил Альт, после того как бросил многозначительный взгляд в сторону мусорки, где лежала целая гора «пострадавших» вещей.

Ноа ничего не ответила. Молча она поднялась, затушила ароматические свечи и кивнула на карту в тот участок, где располагались силы «солнечных».

— Этот нахал не только удвоил свои силы, но и каким-то образом заполучил себе скипетр Солнца! Не знаю, с чего его одаривают такой милостью...

— Хе-хе, — Альт не сумел сдержать смешок, за что получил в свою сторону полный гнева взгляд. Стараясь смягчить удар, он аккуратно предположил: — Возможно, это вызвано тем, что командующий Рор лучше преподносит свои успехи?

— Вчера, ваше величество, мы перешли реку напрямик в болото! Вот тебе медаль, Рор! — передразнивая и нервно расхаживая по комнате, заметила Ноа. — Потом я гнал войска без передышки два дня, чтобы сразу кинуть их в бой! Вот ещё одна медаль, Рор! Ах, так ты ещё и победил! Вот тебе скипетр!

Альт тактично промолчал. Командующая, чуть успокоившись, безвольно махнула рукой в сторону карты и призналась:

— Я не знаю, что тут ещё можно сделать. Этому наглецу везёт настолько, что скупи он все лотерейные билеты, каждый окажется выигрышным! — Ноа пристально всмотрелась в карту, словно искала там ответ, почему Рейланду так везёт, и продолжила. — Каждое моё действие встречает самый неожиданный, самый абсурдный отпор, и это работает! Если так будет продолжаться дальше — ты можешь паковать чемоданы.

Альту Циону паковать чемоданы и возвращаться домой совсем не хотелось. У него давно витала одна мысль, но высказать её он решился только сейчас, пока они с Ноа Кейтлетт были наедине:

— Ваш штаб не очень-то стремится к победе, скорее...

— Скорее это сборище ослов считает, что они уже победили и всю мысленно делят награды, — Ноа прервала его на полуслове, кивая в знак согласия. — При этом им хватает наглости изучать каждый мой приказ через такую лупу и столько по времени, словно я тут с другой планеты свалилась!

Она раздражённо хлопнула себя по боку и указала на место, где ранее состоялось сражение.

— В том бою капитан Женар, командующий нашим правым флангом, проигнорировал три моих прямых указания сместиться в центр и поддержать центр. Три!

— Может быть, он просто набожный? — ехидно уточнил адъютант.

— Может быть, он просто идиот, который смотрит в карты чаще, чем на поле брани?! — вспыхнула Кейтлетт. — Лично он объяснил своё решение тем, что действовал по моему плану!

— Каков нахал! — не сумев сдержаться, неосторожно ляпнул Альт.

Командующая бросила на него полный злости взгляд, раздражённо фыркнула и принялась глубоко дышать, стараясь вернуться в спокойное состояние. Альт прекрасно понимал, в чём причина такого неповиновения. Ноа Кейтлетт всегда была белой вороной среди остальных офицеров. Пока она побеждала — всё шло нормально, и её слушались беспрекословно. Однако сейчас Ноа не просто проигрывала, она терпела поражение за поражением, в то время как остальные силы «лунных» уже победили. Если так продолжится и дальше, то её попросту сместят, даже вопреки воле короля.

Альт, который сейчас мог спать до обеда, питаться со стола командующей, свободно читать её письма, вздрогнул, представив на месте Кейтлетт любого другого офицера. Где ещё ему удастся найти такую халяву?

— К счастью, сейчас у офицеров появился кумир, которому они смотрят в рот и верят каждому слову. Даже не обращая внимания на его профессию, — желая помочь не только ей, но и себе, заметил адъютант. — Если бы он занял нашу позицию, может, ему бы удалось сместить их внимание со шкуры живого тигра на его когти.

Командующая сильно задумалась. На одной чаше весов оказывалась её гордость — просить о помощи, значило признать, что сама она не справится — на другой же та же самая гордость, не желавшая проигрывать Рору.

— Убедить офицеров — это одно, но нам нужен план, хороший план, — слегка подначивая Альта, сказала Ноа.

Адъютант, крайне довольный тем, что к нему наконец решили прислушаться, ответил:

— Дайте мне карандаш и двадцать... Нет, десять минут!

Кайл Расс — неотразимое воплощение мужества, смелости, уверенности, как в себе, так и в окружающих, — явился сразу же. Несмотря на раннее утро, он был идеально выбрит, одет в новенькую форму со знаками различия капитана и излучал такую любезность, что впору было называть в честь звезду.

За те две секунды, что он пробыл в палатке, Кайл успел отвесить скабрёзную шутку в сторону Альта, сделать комплимент Ноа и, залихватски усмехнувшись, попридержать ей дверь, хотя она даже не успела встать со своего места.

Кейтлетт, не желавшая растрачивать время попусту, сразу же перешла с её точки зрения к главному:

— Что вы думаете о нашем противнике, Рейланде Роре?

— Авантюрист и нахал, но, должен признать, не без чувства собственного достоинства, — ответил Кайл не раздумывая. — Хотя мы мало с ним контактировали, моей ролью было изображать одного из тыловиков, я мог чего-то не заметить.

— Тем не менее ему достался скипетр Солнца... — нехотя сообщила Ноа.

— Не может быть! — искренне удивился Расс.

Альт во время их разговора занимался тем, что делал вид, что внимательно изучает обстановку на карте, однако в этот момент недоверчиво посмотрел на него. Расс продолжал сиять, подобно солнцу, что ему удавалось с лихвой, учитывая, что настоящее в это время было скрыто за тучами, но по его виду нельзя было сказать, что это для него новость.

— Тем не менее это так, — продолжила Ноа, тоже догадавшись, что шпион скромничает. — Очевидно, что теперь он двинется на север. Хотя пока топчется на месте и зачем-то жжёт леса.

— Север — это горы, — пожимая плечами, заметил Кайл. — Если чем наш Тофхельм и знаменит, так это ими. Пускай лезет, если ему так надо, только на тёплый приём рассчитывать не стоит.

— Вы так уверены? — удивилась Кейтлетт.

— Нет, конечно, но, глядя на вас, невольно заразишься оптимизмом, — чарующе улыбаясь, сказал шпион.

Его удар прошёл мимо. Ноа Кейтлетт, которая излучала во всех спектрах такой скепсис, что в её честь тоже стоило что-нибудь назвать, криво улыбнулась. Она кивнула на карту, где уже был набросан план Альта.

— Я... — Адъютант обиженно хмыкнул, на что командующая едва не прожгла его взглядом насквозь. — Я пришла к схожему выводу. Пока тигр будет ползать по горам, мы соберём силы, найдём подходящее место и зажмём его в тиски.

— На вашем месте, командующая, я бы распорядился максимально ослабить гарнизоны, — внимательно изучив карту, заметил Кайл.

— Зачем? — уточнила командующая.

— Ни один из них не задержит «солнечных» более чем на день, так в чём тогда смысл впустую терять людей? — Ноа кивнула, показывая, что согласна с этим, однако, к её удивлению, Расс решил развить мысль: — Я бывал в тех горах не одну сотню раз, а всё потому, что каждые игры нужно перерисовывать карты заново. Там практически нет названий, одни координаты, и на каждой кочке стоит наш форт. Если Рор хочет туда влезть — пускай. Мы, очевидно, не можем ему помешать.

— К сожалению, мой штаб считает, что мы должны сражаться до последнего, — как бы вскользь заметила Кейтлетт. — Боюсь, они просто проигнорируют такой приказ, если его отдам я.

Расс улыбнулся широкой, проницательной улыбкой. Ноа с холодком поняла, что он ждал этой фразы с самого начала разговора.

— Сражение до последнего вздоха не обязательно означает, что мы должны этот последний вздох приближать как можно скорее. Есть и другие способы измотать противника, — шпион извлёк из одежды небольшой пузырёк и, поставив его на стол, сообщил: — Именно этим Рейланд Рор отравил ваши войска. Если он может игнорировать наши традиции, то почему мы не должны отвечать тем же?

Альт нервно сглотнул. Их положение, конечно, было не очень, но чтобы настолько? Да и Ноа в жизни не...

— Я согласна, — удивив всех, решительно ответила командующая. — Если этот наглец решил играть грязно, надо ему показать, что он не один умеет так делать.

Адъютант обеспокоенно посмотрел на свою командующую, пытаясь понять, почему она приняла такое решение. И если мстительный огонёк в её глазах его не слишком удивил, то довольная ухмылка на лице Кайла смутила Альта куда сильнее. Чему это он так радуется?

— Молодой человек, вы не могли бы сходить за завтраком? — вдруг сказал шпион, обращаясь к адъютанту.

— Разве я больше... — неуверенно попытался избежать поручений Альт, но его прервала Ноа.

— Сбегай нам за завтраком и про кофе не забудь. И побыстрее.

Буркнув себе под нос что-то про пренебрежение к работникам умственного труда, Альт нехотя поплёлся выполнять поручение.

Путь на кухню он знал лучше всех в лагере и при некоторой доле везения мог дойти туда даже с закрытыми глазами. Не то чтобы Ноа так много ела, скорее наоборот.

Альт же подобного пренебрежения к требованиям своего организма не понимал. Он вообще считал, что имей каждый возможность спать и есть сколько угодно, всем жилось бы куда лучше. Разумеется, за исключением производителей зеркал и весов, но интересами этих подлецов можно было и пренебречь.

Сегодня на кухне орудовала кухарка Доброва, которую Альт искренне считал секретным оружием «лунных» на тот случай, если дела на Играх пойдут совсем уж худо. Это милое, утонченное создание словно было создано для того, чтобы убивать и калечить. С её

«параметрами» это было совсем даже не сложно. Те цифры объёма, которая каждая женщина желала видеть у себя в районе бёдер, у Добровой были вкачаны в бицепсы. Об остальном и говорить нечего: адъютант никогда не видел огров, но, глядя на неё, очень хорошо представлял, какими именно они должны быть.

Ещё у этого милого создания где-то был муж в звании прапорщика, по слухам ни в чём не уступающий своей супруге, но с ним адъютант до сих пор не пересекался.

Глядя на то, как кухарка голыми руками отбивает здоровенные куски мяса, Альт вежливо покашлял, привлекая к себе внимание. Доброва глянула на него одним глазом, влепила мясу удар такой силы, что даже столешница затрещала, и подбоченилась.

— Чего ты тут свои сопли мне разносишь?

У Альта был с десяток ответов различной степени ироничности, однако он подавил в себе желание высказаться. Доброва была, пожалуй, единственной во всей армии, с кем Альт никогда не пытался препираться. Да, несколько секунд смеха над ней продлевала жизнь минут на пять, но в случае провала её лёгкий тычок или оплеуха сокращали её сразу на десятилетие.

Вместо этого адъютант, сделав важный, немного высокомерный вид, сообщил:

— Командующей Кейтлетт и капитану Рассу нужен завтрак, с кофе, если можно.

Доброва пожалала плечами и, отвлекшись от избияния того, что, возможно, ещё вчера дышало, бегало и кричало «за Риверкросс», достаточно быстро принесла специальный двухэтажный поднос, куда слишком ловко для своих габаритов поставила несколько тарелок, чашек и прочих атрибутов утреннего приёма пищи. Неожиданно, словно что-то вспомнив, она остановилась и подозрительно заметила:

— Сегодня на имя командующей уже брали завтрак! Какой-то маленький поросёнок вроде тебя.

Альт натянуто улыбнулся — это был он сам. Ноа практически никогда не завтракала, ограничиваясь кофе и чтением нескольких донесений, после которых аппетит у неё пропадал как минимум до обеда. Чем адъютант и пользовался, расширяя свой рацион почти в два раза.

Не то чтобы в армии было плохо с припасами, скорее наоборот, в первую очередь благодаря крайне строгой отчётности, которую сама Кейтлетт и ввела. Согласно ей, каждому человеку в сутки полагалось ровно три порции различного наполнения в зависимости от звания.

Рацион рядового Альту категорически не нравился: он предпочитал пищу, которую нельзя было использовать в качестве снарядов для пращи.

— Командующая сегодня просто ненасытна, — невозмутимо сообщил адъютант.

Не было похоже, чтобы Доброва в это сильно поверила, скорее наоборот.

— Ничего не знаю, один завтрак я ей уже выдала. Или гони два талона, или пшёл вон отсюда.

Талоны на еду тоже были придумкой Ноа с целью простимулировать у солдат энтузиазм. Стимулировать действительно получилось, но, к сожалению, не совсем тот энтузиазм, на который Кейтлетт рассчитывала.

Талоны в небольших количествах выдавали за различные заслуги в бою или просто время от времени, в те дни, когда у командующей было хорошее настроение. Последнее было редкостью, а отличиться в бою, так, чтобы дожить до следующего утра, удавалось не всем, поэтому эти бумажки быстро стали предметом спекуляции. Солдат — существо голодное.

Сколько его не корми, вне зависимости от времени суток или окружающей обстановки.

Альту эта система не нравилась хотя бы потому, что он не участвовал в боях, и поэтому получить талон мог только выменяв его у кого-нибудь на что-нибудь. С этим самым «чем-нибудь» вечно возникали какие-то проблемы.

Все в лагере, разумеется, знали, чей он адъютант, и просили столько, словно Ноа была не командующей, а драконом на куче золота. И если с «драконом» всё было не так уж и далеко от истины, то с золотом имелись определённые проблемы.

— А, может, можно как-то без талонов? — поинтересовался Альт, не особо желавший тратить время на чужие хотелки.

Доброва, вынув из одежды здоровенное яблоко, своей мощной челюстью откусила добрую его половину и бросила на адъютанта заинтересованный взгляд.

— Можно, по большой и чистой любви.

— Э-э-э...

— Видишь там в раковине немытая посуда? Прояви к ней немного любви. Там немножко: пара чашек, кастрюлька. Помоешь — заберешь завтрак, ну, или два талона вперед.

Адъютант, наученный горьким опытом длительного проживания с мамой, сомневаясь, подошёл к раковине. Доброва не соврала: пара чашек и кастрюлька среди кучи посуды действительно там была.

— Да тут целый сервиз! А в этой кастрюле можно меня сварить, и это что... Мангал?

— Свинину жарят, а не варят, — едко поправила его кухарка. — Берёшься или как?

Альту вдруг пришло в голову, что он может застрять тут надолго, и это можно использовать.

— Угу. Только тут работы больше, чем на полчаса, а мне голову оторвут, если опоздаю.

Доброва однако оказалась куда хитрее, чем можно было сказать, глядя на неё.

— Решим, — заявила Доброва и, отложив недоеденное яблоко, рявкнула так, словно не пыталась докричаться до кого-то в соседнем помещении, а искала в тумане порт для швартовки. — Эй, Короед, ходь сюды!

— Ну чаво ещё, занят я! — прокричали ей в ответ.

— Командующей нужно завтрак отнести, срочно!

— Дык у неё ж бесполезный этот есть, как бишь его... Аньт, кажись. Пущай сам носит.

— Ему работу я уже нашла, получше. Надо же кому-то твой мангал отмыть.

— А, тогда ладно. Чего ж не отнести. Счас дочищу картоплю и понесу, оставь поднос.

Доброва, бросив на Альта самодовольный взгляд, демонстративно потёрла ладони и сказала:

— Чего встал? Посуда сама себя не вымоет, паскуда.

Адъютант трагически вздохнул и, смирившись с тем, что на ближайший час его верным товарищем станет мыло, отправился к раковине.

К тому моменту, когда Альт Цион отделался от поручения кухарки и вернулся обратно к палатке командующей, внутри уже прикончили завтрак и как раз расправлялись с кофе. Расса нигде не было.

— Это что, запах мыла? — спросила Ноа, наслаждаясь напитком. — По-моему, я посылала тебя не помочь на кухне, а за едой.

Представив себе, что будет, если он признается, чем на самом деле был занят, Альт, не

дрогнув ни одним мускулом, ответил:

— Я был очень голоден и съел пачку армейского мыла.

Адъютант искренне полагал, что его репутация лентяя делает гораздо больше, чем он сам. Не нужно говорить «нет» каждому встречному-поперечному, если те сами даже не думают обращаться к тебе за помощью. Если же кто-то прознает про помощь на кухне — пиши пропало, начнётся такой вал просьб системы «подай-принеси», что уж проще атаку возглавить.

— Взгляни-ка. Как, по-твоему, сможем ли мы остановить тигра?

Альт некоторое время рассматривал карту, а затем заключил:

— Отозвать гарнизоны может быть не просто, — напомнил Альт, после того как взгляделся в карту.

Наброшенный им план за время его отсутствия обрёл мясо и плоть, а также целую кучу подробностей.

— Да, некоторым, вроде Шинку, такое решение может не понравиться. Поэтому Расс сделает это за меня, — сообщила Ноа.

— Мы можем ему доверять? — с намёком спросил адъютант.

Командующей, несмотря ни на что, оставалась Ноа Кейтлетт. То, что она позволяла «протолкнуть» решение кому-то ниже её в иерархии, было очень недобрый предзнаменованием. Если так пойдёт и дальше, их штаб превратится в палату парламента, где все торгуются, интригуют и иным способом усложняют и затягивают управление армией.

— Мы должны ему доверять, если хотим остановить Рора, — категорично ответила командующая и, упреждая всякие замечания, добавила: — я осознаю, какой это риск. Поэтому у меня есть для тебя, Альт, задание.

Адъютант сразу пожалел, что вообще поднял эту тему.

— Не делай такое лицо, — насмешливо попросила Ноа. — От тебя потребуются всего-ничего: проконтролируй всё, чем будет заниматься Кайл Расс. Это не займёт много времени.

— Это означает, что я должен буду просматривать все его распоряжения, — кисло заметил Альт.

— Да, поэтому в твоих интересах делать всё быстро и качественно. И кстати, раз уж ты в это ввязался, постарайся контролировать те его распоряжения, которые он отдаёт устно.

— Я же не телепат! — возмутился адъютант. — Мне что за ним шпионить?

— Ну, слушать, что он говорит или читать его мысли, — командующая, очень довольная тем, что нашла ему работу, развела руками, — выбор за тобой. Мне нужен результат.

Альт Цион тяжело вздохнул, предчувствуя, какой «весёлой» будет его следующая неделя.

Планы на «завтра»

Разрешив вопрос с новым старшим разведчиком, и размышляя над тем, чего стоит ожидать от Кейла в качестве открытого врага, я не заметил, как очутился в своей новой палатке, за новым столом, разглядывающим старые карты. Палатку Рейланда пришлось бросить, как и почти все его вещи, после нашей блистательной победы. Не самый плохой обмен из тех, что я совершал в последнее время.

Краем глаза я наблюдал за тем, как в палатке, неторопливо собираются старшие офицеры. Что удивительно, несмотря на то, что армия под моим командованием выросла в два раза, капитанов стало даже меньше.

Дело в том, что руководство «союзничков», загнав свою армию в окружение и поставив её на грань разгрома, похватав вещи, свалило в закат. Фактически, до этого армией руководил Кай с несколькими коллегами.

Мне-то, конечно, это было на руку, в том смысле, что у меня не появились новые занозы в чувствительном месте, но я бы предпочёл надёжный тыл и фланги. Впрочем, горевать об этом было бесполезно: требовалось жить днём сегодняшним и чуть-чуть завтрашним. А на повестке стоял совсем иной вопрос — что делать дальше.

Мы пополнили наши ряды, солдаты отдохнули, погоняли рассеянных «лунных» по округе, нужно было идти куда-то дальше. И здесь, сегодня, требовалось решить куда же.

Выудить из леса удалось не всех сразу и не без потерь среди природы, но в целом обошлось без серьёзных происшествий. Разве что пчёлам за стоическую оборону против превосходящих сил моих подчинённых в качестве моральной компенсации выдали банку варенья.

Судя по лицам, собравшиеся уже были в той или иной форме информированы о происшествии с отравой, и теперь в первую очередь ждали моей реакции на это событие. Люди передо мной горели желанием ответить ударом на удар. Вариант, безусловно, разумный, но тупиковый. Ноа тоже ответит, и что дальше? Обмениваться пакостями, пока не закончится личный состав, способный стоять на ногах?

Однако и промолчать было нельзя. Это совсем не то, что люди хотят видеть или слышать от Рейланда Рора.

— С этого дня необходимо усилить караулы и особенно строго следить за приготовлением пищи, а также источниками воды. Любая подозрительная активность, запахи, что угодно — повод схватить и допросить, — подумав немного, а так же вспомнив, с кем имею дело, я добавил: — если каша пахнет как подгоревшая, значит вы должны убедиться в том, что она действительно подгорела! Солдаты жалуются на недомогание — выясните, в чём причина! Если надо, хоть их ночные горшки проверяйте, ясно?

Лой Ноктим, кажется, единственный, кого произошедшее не волновало, выпустив облачко дыма, вяло поинтересовался:

— Вы не преувеличиваете угрозу?

На случай таких вопросов у меня рядом как раз стоял новый шеф разведки, хотя, видимо, актуальнее было говорить контрразведки. К нему я и обратился, желая подчеркнуть его важность:

— Леон, что выяснили?

— Вероятно, это слабительное, — повторил для всех сказанное мне граф. — За состав

ручаться не буду, но пары капель такого на литр жидкости хватит, чтобы вывести каждого выпившего больше стакана на несколько суток.

Всем желающим был продемонстрирован тот самый пузырьёк. К моему удивлению, поднялся капитан Кай.

— Среди «лунных» ходят слухи, что вы их отравили перед одним из сражений.

Я кивнул, добавляя это к обвинениям Ноа и её адъютанта. Похоже, что-то такое действительно произошло. Загвоздка заключалась в том, что моей вины в этом точно не было. Мне, конечно, приходилось переступать местные нормы и порядки, но не настолько.

«Слишком много мыслей, слишком мало действий», — понял я.

Не хватало ещё сидеть на месте и ждать, пока Ноа вновь соберёт свои силы. Я махнул в сторону карты и решительно, так, чтобы этот вечер запомнился не паранойей, а моей речью, сказал:

— Слухи жесточайше пресекать! Мы — армия, а не бабки у подъезда! После игр разберёмся, кто наркоман, а кто отравитель. Единственный слух, который должен иметь место быть среди войск — то, что их командующий неотразимый оптимист. Остальное — гнать метлой. Выступаем на север завтра утром, сво...

Именно так я и собирался протолкнуть своё виденье нашего общего будущего, методом «вы всё слышали, но ничего не поняли», однако Леон не позволил мне этого, прервав на полуслове:

— На север, командующий?

— На север, где горы, снег, холодно, Тофхельм! Север!

— Не разумнее ли отступить в Риверкросс? — поинтересовался Леон. — Ближе к королю, тылу.

«Похоже, различные королевские органы имеют тенденцию к воссоединению...»

— И что мы там найдем? — постаравшись выкинуть из головы шутки, мрачно осведомился я. — Припасы?

— Хотя бы их, — резонно заметил граф.

— Командующий, по опыту хочу сказать, что, если нам нужен щит Луны, искать его нужно в Яое, — подал голос Лой Ноктим, ясно показывая, что лично он в правильности моего решения не сомневается.

— Согласен, давно хотел сжечь эту крепость! — поддакнул Эльт.

Я выразительно посмотрел на Леона, мол: «Вам этого мало? Даже эти двое не спорят» К сожалению, ему действительно было мало.

— Мы окажемся фактически окружены, в горах, полных противников! — стоял на своём граф. — Без снабжения, без подкреплений.

— Мы и сейчас фактически окружены, уже неделю или сколько там, и что? Леон, при всём уважении, — я усмехнулся, показывая, что жертвовать особо нечем, — мы не в том положении, когда у нас есть время совершать манёвры и тем более отступить. Если мы дадим Ноа делать что хочет, а она захочет собраться с силами и перегруппироваться, «лунные» больше не проиграют. Не смогут, несмотря ни на какие ошибки и наше старание.

Некоторое время граф молчал. Остальные и подавно не горели желанием влезать в эту дискуссию. Не то чтобы у них всех резко исчезло своё мнение, просто потом, когда всё закончится, будут говорить: «Тогда они победили благодаря...» или «Они проиграли из-за». Словом, ставки были более чем высоки, и никто играть в карты с историей не желал.

— Щита Луны может не оказаться в Яое, — наконец ответил Леон Сайрас.

— Может не оказаться, — согласился я притворно. — Знаете, где его точно нет? В Риверкроссе.

— Это безумие, — тихо сказал граф, неодобрительно покачал головой, но спорить прекратил.

Обсудив ещё некоторые детали дальнейших действий, мы разошлись — час был уже мягко говоря поздний. Поужинав и перекинувшись с Миюми парой ничего не значащих фраз, я отправился спать, искренне рассчитывая увидеть в своих неизменных снах что-то полезное. Что-то из будущего или какой-то его формы, что можно применить в настоящем. Что забавно, с одного совещания мне «повезло» оказаться сразу на другом.

«Запоминай свои сны, Ота Кохэку!»

После того как Леон привёл Альта в штаб, все были в сборе. Надо сказать, что несмотря на не самую простую неделю, которая выпала на плечи офицеров передо мной, обошлось без потерь в командном составе.

Примерно в это же время прибыли первые вести от разведчиков: «лунные» стояли и, похоже, никуда не собирались. С одной стороны, это вызывало определённые опасения по поводу планов Ресса, которых приходилось ждать, стоя на месте и отдавая инициативу, особенно это не нравилось Ноа, с другой же — нам с ней было чем заняться и без этого.

Для Кейтлетт моя армия в принципе была в новинку, а мне требовалось понять, что произошло за неделю моего отсутствия. Поэтому на время вынужденного ожидания мы устроили что-то вроде аудита.

Пытаться докопаться до сути в армии — занятие, за которым можно провести всю жизнь. Бюрократия, обилие формализма, строгая, но далеко не всегда правдивая отчётность, постоянные приписки и тотальная коррумпированность всех тыловых офицеров своё дело делали — посидеть было над чем.

Кейл Ресс же, в свою очередь, похоже не очень-то и собирался нас торопить. Прошёл час, второй, третий, пятый. Горы бумаг вокруг нас с Ноа росли как на дрожжах, а противник продолжал стоять на месте.

— Похоже, вы ошиблись в своих предположениях, — тихо, так, чтобы кроме нас троих никто этого не услышал, сказал Альт едко, когда часы пробили десять вечера. — «Лунные» не будут атаковать.

— Будут, — коротко, но очень уверенно возразил я.

— Но что, если не будут, что тогда? — возмутился Леон куда громче требуемого. — Будем стоять друг напротив друга, пока у одной из сторон не закончатся припасы?

— Скорее терпение, — ехидно заметила Ноа, сама того не осознавая, подарив мне чудесный аргумент.

— Именно так, — подтвердил я и позвал жестом Эльта. — Гоа, если у вас будет количественное превосходство над противником более чем в десять раз, что вы будете делать?

Капитан, кажется, был рад заняться чем угодно, если только это освобождало его от бумажной работы, и прибежал практически вприпрыжку.

— Немедленно атаковать!.. — не думая ни секунды, ответил капитан.

Я хотел поблагодарить его и отправить обратно, но огонь в глазах Эльта было уже не

остановить:

— Мы атаковали бы ночью, подсвечивая себе путь огнём! Разили бы врагов, словно призраки тьмы...

Ноа боязливо посмотрела на капитана, который продолжал фонтанировать идеями из разряда тех, на основании которых пишутся книги по психологии.

— С ним всё в порядке? — шепотом спросила она.

Ответить «да» на фоне пассажиров Гоа не смог бы даже я. Ответ же «нет» означал, что у нас в штабе псих с наклонностями пироманьяка.

— Эльт — солдат с огнем в сердце!

— Главное не давать ему этот огонь в руки, — с усмешкой заметила Ноа. — Где ты таких кадров берёшь?

Леон, тем временем поняв, что сам Эльт никуда не уйдёт, отвёл его в сторону и очень понимающе, даже по отечески принялся успокаивать.

— Не знаю, отдел кадров остался далеко в тылу, — отмахнулся я.

Дождавшись, пока граф возвратится, Кейтлетт вернулась к первоначальному разговору про действия Ресса:

— Что ты этим хотел сказать, Рейланд?

Как по мне, Эльт с его экспрессией продемонстрировал мою мысль более чем очевидно, но видимо даже этого было недостаточно для Ноа, Леона и Альта.

— Рессу попросту не дадут сидеть на месте. Люди же не слепые! Вот противник, мы сильнее и нас больше, так чего ждем? «Лунные» наверняка устали ничуть не меньше нашего и также хотят домой...

— Солдаты всегда хотят двух вещей: домой и славы, причём желательно одновременно, — возразила Ноа, нисколько не скрывая своих сомнений. — Кто их слушать-то будет?

— А офицеры? Сколько он сможет дурить им головы, пытаюсь объяснить, почему нельзя атаковать? Рано или поздно Кейла попросту уберут с поста командующего с помощью того же короля, — возмущенный тем, насколько мои соратники не понимают очевидных вещей, я поднялся и подошёл к карте местности, указывая на нашу диспозицию. — Более того, как он им объяснит, почему он не атакует прямо сейчас, когда мы измучены маршем и находимся в очевидно плохой позиции для обороны? Вот увидите — завтра он пойдёт в наступление!

— Хм... — многозначительно хмыкнула Кейтлетт.

— Если так, то почему мы заняты... — граф указал на бумаги, — вот этим, а не готовимся к битве?

— Почему, вполне готовимся, — лично мне это казалось очевидным. — Как я уже сказал, наши солдаты утомлены долгим маршем — так пускай отдохнут.

— Знаешь, удивительно, но это даже похоже на план, — ехидно сообщила Ноа.

— А вы куда собираетесь передвинуть лагерь? — подал голос Альт, у которого в голове явно сложилось своё видение ситуации. — Вот этот холм...

— Лагерь останется на месте, — прервав его, категорично сообщил я.

— А, ясно, — почти не удивившись такому ответу, кивнула головой Кейтлетт. — Вот теперь происходящее больше похоже на реальность. Скажи, последовательный ты наш, не тобой ли было сказано, что наша позиция — так себе? Мне ты это говорил кстати дважды.

— Вы хотите дать Рессу повод не атаковать? — поинтересовался я с усмешкой.

— Знаешь, учитывая соотношение сил, ради выгодной позиции — да, я готова рискнуть. Довод был весомым, но у меня уже появилась идея, как исправить этот недостаток.

— О, по поводу выгоды — не переживай, всё будет, но только когда совсем стемнеет, — я повернулся в сторону графа. — Леон, напомните, что было сказано на первом нашем совещании?

— Вы говорили о том, как мы будем менять ландшафт... — граф Сайрас рефлексивно почесал голову, пытаясь вспомнить, о чём идёт речь.

— Именно! — Я поднялся с места и решительно заявил: — Эльт, вам и вашей бригаде выдадут самое страшное оружие...

Капитан, только услышав свою фамилию, мгновенно подхватился:

— Кассетные бомбы, начинённые отравленными дротиками с системой автовоспламенения?

— Хуже, сапёрные лопатки. На весь оставшийся день вашим главным врагом становится...

Все присутствующие с замиранием, стараясь не дышать, следили за моим перстом, словно я им сейчас буду творить историю. Когда же мой палец наконец достиг своей цели, послышался всеобщий вздох облегчения, а вернувшаяся Миюми и вовсе повалилась в обморок.

— ...этот вот холм. И разыщите для меня кто-нибудь компас.

Было ещё много споров, ругани, предложений разной степени тупизны, но ближе к полуночи я покинул штаб с твёрдой уверенностью в том, что у нас появилось нечто похожее на план завтрашнего дня. Оставалась самая малость: убедить завтрашний день пройти по нашему плану и никак иначе.

Главная проблема была в том, что Ресс мог промедлить и выяснить какую-то деталь моих приготовлений, тогда все наши труды пошли бы прахом.

Мой план был глупым, наивным, авантюристским, местами построенным исключительно на совпадениях. Словом, бомбой, и поэтому он понравился всем, кроме Леона Сайраса. Это было своеобразным знаком качества: если бы план за моим авторством пришёлся ему по вкусу, его немедленно следовало бы изменить.

Я был на таком моральном подъёме, что чувствовал, что сейчас мне под силу свернуть даже горы. В некотором смысле это сейчас и происходило где-то снаружи лагеря. Оттуда, из вечерней полутьмы периодически доносились непонятные постороннему наблюдателю крики: «Ройбля!», «Живеебля!» и «Капаюкакмогубля!», показывавшие, что работа кипит. По идее стоило пойти проведать, как там справляется Эльт, но после недели воздержания, единственным моим желанием было пойти и, где-нибудь уединившись, предаться грязному, бесконтрольному чревоугодию.

К сожалению, уединиться не вышло: в моей палатке оказались посторонние, которые покинули штаб, как мне казалось, чтобы найти себе место для сна: Ноа Кейтлетт и крутящийся рядом Альт Цион.

— Это вообще-то моя палатка! — напомнил я с возмущением.

— Это вообще-то палатка командующего, — ехидно возразила Ноа. — Если ты умеешь читать, то сможешь найти на входе соответствующую табличку.

— Я командующий!

— Ты себе льстишь. Кроме того, я тоже командующая. А теперь, когда мы выяснили, что моя линейка ничуть не меньше твоей, выйди вон и не мешай переодеваться. Позже, так и быть, тебе будет выделен уголок в нашей общей палатке командующего.

Мне нечего было возразить и поэтому, пылая гневом, я вышел на улицу, твёрдо решив на ком-нибудь его выместить. Как раз вовремя из палатки вышел и Альт, которого тоже прогнали.

— Быстро найди своей командующей отдельную палатку!

К моему удивлению, несмотря на то, что я страшно пучил глаза и добавил в голос командирские нотки, это не произвело на Альта абсолютно никакого впечатления.

— Мне приказано игнорировать любое ваше распоряжение, командующий Рор.

— Я запрещаю тебе игнорировать меня! — прикрикнул я на него, но тоже без толку.

Любой мой подчинённый наверное бы уже провалился сквозь землю, стараясь исполнить приказ, но Альт лишь покачал головой.

— Это логически невозможно.

Разгадка, в чём причина такого неповиновения, была в общем-то простой. Нет, помощник Ноа не обрёл внезапное мужество и не сделал себе пересадку некоторых мужских органов. Всё было гораздо проще — он боялся её куда сильнее меня.

Мне хотелось взвыть, но упреждая такой поступок из палатки послышался голос Кейтлетт:

— Рор, прекрати там скрежетать зубами и топтать землю. Сходи лучше за ужином.

— Да ни в жизнь! Я тебе не прислуга!

Увы, мой живот был иного мнения, о чём громогласно сообщил, заставив дёрнуться от испуга несколько проходящих по своим делам солдат.

— Всё в порядке, он ручной, — прокомментировал я и отправился на поиски Миюми — она всяко лучше моего могла сострять ужин.

Это оказалось не так-то просто: девушка словно пропала. Её не было на кухне; в штабе, где в полутьме дымил своей трубкой Лой, её тоже не видели; Леон лишь развёл руками, но поинтересовался, не организовать ли ему поиски.

Я и раньше замечал за своей помощницей умение как бы растворяться в толпе, оказываясь вне зоны внимания. Её пропускали всегда и везде, невзирая ни на какие запреты. Солдаты попросту млели от одного голоса Миюми, вырубая мозг начисто. Будь у девушки злой умысел, она могла бы стать своеобразной королевой, но к счастью, заниженная самооценка и стеснительность спасли мою армию от столь скорбной участи.

Обойдя половину лагеря и к тому времени изрядно запыхавшись, я вернулся к тому с чего начал — к своей палатке. Как раз вовремя, чтобы услышать два женских голоса, обсуждающих какие-то скучные особенности одежды. Одолеваемый смутным подозрением, что сегодня у меня украли не только палатку и достоинство, я собирался войти внутрь, но столкнулся с Альтотом, который куда-то спешил с целой кипой одежды в руках.

Внутри же Ноа при активном содействии Миюми пыталась сообразить себе что-то вроде костюма. Получалось странно.

Кейтлетт и без того не могла похвастаться роскошными формами, напоминая скорее очень женственного мальчика. Нарядившись же в мужскую униформу, сходство стало ещё заметнее. Ноа выглядела словно школьник, решивший надеть костюм своего отца, а все излишки закатать и подпоясать.

— А что, вполне неплохо получилось, — заметил я, подавив в себе желание высказать всё вышеподуманное вслух.

Удивительно, но меня не обляяли со всех сторон, а лишь немного застенчиво уточнили:

— Ты и вправду так думаешь?

Я кивнул. Это было чистойшей правдой. Мне действительно нравился этот результат разграбления склада с одеждой. Парадоксально, но чем меньше Ноа старалась подчеркнуть свою женственность, тем привлекательнее выглядела. Не было ничего смешнее, чем Кейтлетт в бальном платье и на каблуках. А вот текущая сборная солянка, напротив, смотрелась вполне себе неплохо, а главное, чувствовалось, что она сама ощущала в ней себя куда свободнее.

Мне на секунду показалось, что Ноа даже покраснела. Увы, всего на секунду.

— Что-то я не вижу у тебя с собой подносов с едой, — раздражённо заметила Кейтлетт.

— Ты же сама забрала у меня Миюми!

Оправдание было так себе, чем Ноа не преминула сразу же воспользоваться.

— А что, без неё бутербродное дерево найти у тебя не выйдет? Ути-пути, не волнуйся, через годик мама будет оставлять тебе спички, — ещё раз осмотрев в зеркале результат и явно им удовлетворившись, Кейтлетт сжалась. — Ладно, отбой, сама найду пищу. Ты же, будь добр, приведи себя наконец в порядок.

— Да пофиг. Я уже, можно сказать, прирос к этой одежде...

— Угу, и это чувствуется даже в метре от тебя. — Ноа показательно стала загибать пальцы: — Помыться, побриться, причесаться, найти себе новый комплект униформы. Иначе спать будешь на улице. На всё это у тебя час.

Не давая мне и слово вставить, Кейтлетт удалились, уведя с собой и Миюми.

— Раскомандовалась тут! Между прочим, это я тут командующий...

Поворчав немного в пустоту и поразмышляв над тем, как так получается, что гениальные планы придумывает моя голова, а командует всё равно Ноа, я принялся возвращать своему телу признаки цивилизации.

Всё же надо отдать должное Ноа, она периодически оказывалась права. Вымывшись и одевшись в чистое, я почувствовал себя обновленным, словно сбросившим какой-то тяжкий эмоциональный груз или пару кило грязи.

Может, это было моральное удовлетворение от того, что тяжкий путь через горы наконец окончен, и хоть впереди ещё были трудности, но самая сложная часть пути позади. Возможно, радость от возвращения домой, если так можно было назвать военный лагерь вокруг. Не стоит забывать и про Ноа, которую мне удалось вытащить из пучины печали.

Скорее же всего, это было всё сразу, причудливым образом перемешанное в неповторимый коктейль «передряги жизни».

— Неплохой пиджачок, — ехидно заметила возвратившаяся Кейтлетт, которая красовалась точно в таком же, позаимствованном угадайте у кого.

Помимо сарказма она принесла с «собой» — в том смысле, что всю работу сделали Альт и Миюми — целую кипу еды. В любой иной ситуации мы бы не управились со всем этим богатством и за два дня, однако после недельного путешествия впроголодь этого едва ли не оказалось мало.

Закончилось всё бутылкой вина, которую Ноа, как заправский фокус, где-то раздобыла.

— Выменяла у Леона, — пояснила она. — Ты мне будешь должен.

— Помнится, в моей старой палатке был тайник с точно такой же бутылкой... — разглядывая напиток, припомнил я.

— Ну и где она сейчас, твоя платка? — ехидно уточнила Ноа.

— А то ты не знаешь!

Ноа только отмахнулась от меня и приступила к вину. Разлив его по бокалам, которые тоже явно были у кого-то выменены, она вдохнула аромат напитка и с мечтательным выражением лица сказала:

— Тираширское креплёное. Шикарное вино. Такого в Тофхельме не найдёшь.

Увы, в этом я не разбирался абсолютно. Как по мне — вино как вино, разве что крепкое и слишком уж терпкое. Ноа слегка улыбнулась, следя за моими потугами насладиться напитком, и покачала полупустым бокалом.

— Что думаешь делать после этих Игр, а, Рейланд?

Взглянув ей в глаза, я понял, что за этим простым вопросом стоит куда большее, чем праздное любопытство.

— По правде говоря, я был бы не прочь повторить недавнее путешествие. Не сразу, конечно, но вот так бродить по миру в поисках, эм, интересного, мне понравилось.

— А как же Игры? — ехидно уточнила Кейтлетта.

— К чёрту Игры, — сделав большой глоток, ответил я и, заметив, что был непонят, добавил: — в Занзебал их! — сделав ещё один глоток, у меня, несмотря на выпитое, даже получилось продолжить мысль, — думаю, все как-нибудь переживут моё отсутствие. Некоторым, конечно, будет тяжело участвовать без меня.

Судя по лёгкой усмешке, тронувшей её губы, Кейтлетт поняла намёк.

— Не думаю, что явлюсь на следующие Игры. Чем бы это ни закончилось — с меня хватит.

— Значит, спокойная жизнь во дворце?

— От судьбы не уйдёшь. Может, когда-нибудь...

Я понимал, что она хочет сказать, но ещё лучше знал, что это не более чем самоубеждение. Нельзя высвободиться из клетки, в которую ты сам себя посадил. По крайней мере, самостоятельно.

— Знаешь, в одиночку лазить по горам — это скучно...

— Только скучно, Рейланд? — уточнила Ноа лукаво.

— Ну, знаешь, всегда пригодился бы кто-то, кто за твоей спиной готовил сухари.

— Хм...

Мне явно удалось её как минимум заинтересовать. Мы оба сделали по глубокому глотку.

— Уж не предлагаешь ли ты мне обменять королевское общество и дворец на своё и холодные горы? — поинтересовалась, пьянея всё сильнее, Ноа.

— Горы — исключительно по желанию, уверен, есть множество мест, куда разумный человек никогда добровольно не полезет, — принялся размышлять я в слух. — Карты всегда содержат огромное количество белых пятен. Кто-то должен их заполнить.

— Ты и вправду считаешь, что из этого может выйти что-то дельное?

— Почему нет? Во всяком случае, не попробуешь — не узнаешь.

Не похоже, что мне удалось её убедить до конца. Впрочем, такие решения за раз ни

один здравомыслящий человек не принимает. Главное начать — а там само пойдёт.

— Посмотрим. Сначала до этого нужно дожить.

Соглашаясь с этим, я кивнул и заново наполнил опустевшие бокалы.

— Ты не боишься, что у нас завтра ничего не выйдет? Что Ресс добьётся своего и... — она не стала заканчивать фразу, но что имелось в виду было для нас очевидно.

— Зачем думать о ещё не случившихся поражениях? — я отпил вина, и мне в голову пришла куда более остроумная и оптимистичная фраза. — Кроме того Рейланд Рор и Ноа Кейтлетт годами соревновались между собой, выясняя, кто сильнее, умнее...

— Красивее, — влезла влезла моя собеседница.

— Ну, тут-то всё очевидно... — я отмахнулся, не желая сбиваться с темы. — Не важно.

Кто устоит против наших совместных усилий?

— Да уж, после ТАКОГО номера в Тофхельме мне ещё не скоро будут рады, — говорила она спокойно, но тон голоса у неё был грустным.

— Думаю, в Риверкроссе тоже останутся не в восторге от всей этой чехарды. Кто бы завтра ни вышел победителем, нам это ещё припомнят, и не раз.

— Хочешь сказать, мне это припомнят, — устало поправила меня Ноа. — Ты-то не менял сторону.

— Угу, не менял, — с усмешкой согласился я. — Зато успешно проморгал одного перебежчика, а затем принял тебя. Уверен, после завтрашнего спектакля мы вдвоем надолго засядем в первых полосах «Вестника Войны». «Союз моллюска и предательницы», звучит, а?!

Откровенно пьяная Ноа подозрительно вгляделась в мои глаза.

— Тебе похоже вообще нельзя давать алкоголь. Ты и так редко бываешь адекватным.

— Ой, кто бы говорил! — возразил не менее пьяный я. — Дай сюда вино...

Завязалась борьба не за жизнь, а за бутылку, в ходе которой как-то само собой вышло, что Ноа оказалась лежащей на столе, а я сверху. Вселенная таких штучек никогда не прощает, поэтому именно в этот момент зашёл Леон Сайрас, чем-то очень взволнованный.

Установилась немая сцена: я на Ноа в характерной позе, граф, который на пару секунд забыл, зачем пришёл, в дверях палатки и витающее повсюду чувство неловкости, которое — ещё чуть-чуть — и обрело бы физическое воплощение.

— Мы просто дрались за бутылку вина, — отскочив от Кейтлетт на пару метров и оправив одежду, быстро оправдался я.

Пускай лучше Леон считает нас буйными алкоголиками, чем любовниками.

— Как скажете, — саркастично усмехнулся граф и доложил то, зачем явился в столь поздний час. — От наблюдателей пришло сообщение: в лагере «лунных» оживление. Похоже, что они собирают вещи.

— Значит, завтра утром они атакуют, — уверенно заявила Ноа, разом протрезвев.

— Значит, утро завтрашнего дня войдёт в историю, — добавил я, ощущая что меня-то вино так просто не оставит в покое.

Ловушка в горах

Если до этого основные боевые действия происходили возле реки «Королевская», что разделяла собой не только Риверкросс и Тофхельм, но и территорию Игр, деля последнюю на два примерно равных куска, то теперь моя армия двигалась на север. Родина Ноа и многих других «лунных» никогда не славилась красивыми пляжами, мягким климатом или хотя бы ровной местностью. Если этот мир создал бог, то, полагаю, Тофхельм он создавал на утро восьмого дня после страшного бодуна, используя те элементы ландшафта, которые остались после формирования остальной планеты.

Леса и болота, которые в изобилии встречались нам ранее, были ещё терпимы. Когда к этим двум элементам добавились холмы, жизнь хуже не стала, хотя ходить стало труднее. Но затем пошли скалы, ущелья и прочие горы.

Каждый день начинался с того, что Леон с несколькими помощниками отправлялись искать на окружающей местности тропинки, перевалы и скрытые проходы. Были тут, конечно, и дороги, которыми мы поначалу пытались пользоваться. Одна достаточно крупная и пара поменьше, которые змейками между гор танцевали по карте и шли на север. Однако в ключевых местах постоянно встречались места, обозначенные на карте, как «форт в честь кого-то там».

Первый такой мы брали со всеобщим воодушевлением и без особого труда. В целом это было интересное занятие, большую часть времени которого занимало изготовление осадных лестниц или простенького тарана. Форты «лунных» не представляли собой вершину оборонительной мысли. Чаще всего это была здоровенная квадратная башня, обнесённая стеной в два человеческих роста. Гарнизон таких редко был больше полусотни человек и вменяемого сопротивления многотысячной армии оказать конечно же не мог.

Второй форт удостоился чуть меньшего внимания, но взят был также быстро. Третий окинули злобными взглядами и тихими матюками, а его гарнизон просто из желания выместить злобу изрядно побили.

Седьмой по счёту форт мои солдаты со злости подожгли, но, к их огорчению, камень оказался не самым горючим материалом. Поэтому пришлось ограничиться множеством похабных надписей, самая крупная из которых принадлежала Гун-Гуну, и банальными разрушениями. Уверен, будь у моих подчинённых чуть больше времени, от форта бы и камня на камне не осталось.

Десятый форт солдаты штурмовали уже без моего участия. Нет, я не струсил, точнее струсил, но не перед противником, а перед собственными подчинёнными, чьи мрачные взгляды показывали, что штурмовать десять укрепленных точек за одиннадцать дней — многовато.

На одиннадцатый форт мне довелось лишь мимолётом взглянуть в подозрную трубу и, пока не разразился бунт, спешно объявить, что мы меняем маршрут движения.

В целом это была стандартная тактика «лунных». Все эти форты по отдельности не представляли никакой угрозы даже армии в десять раз меньше моей. Их задачей было измотать противника, замедлить, пока в горы не подтянутся полнокровные армии, либо же выгнать врагов с дорог в куда менее удобную для передвижений местность, как это случилось со мной.

Ноа же в это время следовала за нами шаг в шаг. Что было странно: она не ускорялась,

стараясь нагнать, а напротив, выдерживала одинаковое расстояние, словно загоняла нас в ловушку. Эти мои подозрения вскоре подтвердились.

Это был ужасный участок маршрута: многокилометровый серпантин, ведущий к нужному нам перевалу. Я двигался в арьергарде, подгоняя отставших. В один момент, когда армия, растянувшись, пыталась взобраться наверх, мне удалось разглядеть, что далеко внизу развевались белые флаги с какой-то геральдикой — таких мы в последнее время видели, пожалуй, слишком много. Жители Тофхельма так любили свои отвратительные горы, что для того, чтобы поменьше на них смотреть, щедро утыкали их флагами всех размеров.

Более интересной была та, кто находилась среди этих флажков — Ноа Кейтлетт, не особенно скрываясь, двигалась во главе своих сил.

— Сбросить на них камень? — кровожадно предложил вездесущий Гун-Гун.

— У меня есть более важные занятия, чем кидать в Ноа камнями. Если тебе так хочется — можешь плюнуть.

Пока чудак всеми возможными способами демонстрировал своё родство с верблюжьими, я выслушал вестового, который прибыл из авангарда. От его новостей мои ноги сами собой подкосились.

— Командующий, разведчики докладывают, что нашли противника!

— Где?!

— Дальше по дороге, возле перевала.

Хоть ситуация того и требовала, но трагически падать в обморок на краю обрыва — так себе идея.

«Там же ущелье! Даже если их там пара сотен, они нам могут устроить полные Фермопилы», — понял я мгновенно. — «А внизу Ноа, вряд ли она упустит такой шанс!»

Дело было, что ни говори, дрянь.

— Какое абсурдное решение вы предложите в этот раз? — спросил, подошедший вместе с другими офицерами, Леон не столько с сарказмом, сколько с надеждой в голосе.

К сожалению, идей у меня не было абсолютно. Ноа подпирала нас сзади в пяти часах подъёма по серпантину, ещё одна армия «лунных» стояла впереди. Обе по отдельности меньше нас по численности, но, похоже, сражаться по отдельности они не собирались.

Не дождавшись от меня какой-либо реакции, граф сам дал оценку ситуации, невольно практически цитируя мои собственные мысли:

— Пойдём вперёд — в спину ударит Ноа, назад — это сделает другая армия.

— Завалить проход за нами и идти вперёд! — Эльт тут же взвился с очередной безумной идеей. — Обрушим горы на наших врагов!

— Было бы чем, — фыркнул Лой Ноктим.

Все присутствующие грустно вздохнули. Пушки пришлось бросить, как только мы влезли в эти горы. Выбор стоял между ними и едой — нашему обозу и так не хватало тягловой силы, а люди почему-то для этого годились очень плохо. Тогда как весь порох был израсходован во время штурмов фортов.

Мы могли бы пополнить запасы, взяв лагерь одной из армий «лунных», собственно, это был единственный вид логистики, который нами практиковался, но всё опять же упиралось в крайне невыгодное сражение.

Элт, словно обиженный ребёнок, которому в магазине не купили петарду, заметил:

— А у Ноа пушки есть!

Капитан Кай, взглядываясь в позиции «лунных» внизу, добавил:

— Точно есть, она их на передок выдвинула — готовится!

Те, остановившись, принялись разбивать лагерь и заодно укрепления с таким расчётом, чтобы мы не могли их быстро разбить, даже если решимся. Впрочем, какие может быть «быстро», если для того, чтобы, перестроившись для битвы, к ним спуститься моей армии надо часов пять как минимум.

Тем не менее, глядя на приготовления «лунных», у меня в голове созрел план. Леон, кажется, настолько вжился в мой ритм, что отреагировал быстрее, чем я успел что-то предложить:

— Это безумие!

Как обычно эта реплика ни на что не повлияла. Я с гордостью, выделяя каждое слово, сказал:

— Это будет тихая, бесшумная операция по экспроприации нескольких бочонков пороха! Добровольцами назначаю инициатора идеи Гун-Гуна, а также... — я сделал паузу и повернулся в сторону Леона с акульей улыбкой, — старший разведчик.

Леон кричал, возмущался и спорил. Вконец охрипнув, он всё равно продолжал на меня злобно, немного по гусиному шипеть, чем несколько раз привлекал недоброе внимание Гун-Гуна.

Я же в это время успел немного подремать, прочитать очередную мерзкую статейку в «Вестнике Войны», которая, прикрываясь благовидным заголовком «Рейланд Рор и пленные — любовь навеки?», всячески пыталась выставить меня кем-то средним между каннибалом, насильником, палачом и клоуном. Надо сказать, делалось это как обычно настолько обстоятельно, что волей неволей приходилось задумываться над тем, где мои столовые приборы, плащ, ботинки с большими носами и топор.

Где-то на фоне хрипящего графа и противной газетёнки крутилась Миюми, которая, имея всего два вида залежалой крупы, остатки запасов чая, мясные галеты подозрительно зеленого цвета, а также сухари, пыталась сообразить мне ужин. Он, к слову, не был бы похож ни на кашу, ни на галеты, ни тем более на сухари.

Устав от чтения и продолжив игнорировать фоновые хрипы, я поинтересовался:

— Миюми, какое у тебя коронное блюдо?

— Ну, я умею ставить чайник... — растерянно начала девушка.

— Ни слова больше!

— В смысле идти ставить? — подозрительно уточнила Миюми.

— В смысле займись чем-нибудь другим.

Фраза вышла довольно грубой, и пока Миюми не применила самое страшное своё оружие, после которого я был готов даже выпить её кофе, — слёзы, мне пришлось спешно смягчиться.

— Попробуй себя в чём-нибудь новом. Кофе — это прошлый век! Будь инновационной! Сваргань мне из всего этого... — я окинул взглядом имеющиеся ингредиенты, где самым вкусным выглядела мёртвая муха, отравившаяся галетой, и осознал всю тяжесть принятого решения. — Памятный гербарий. Переходим на кислородную диету!

— Это как? — уточнила девушка, явно интересующаяся диетами сильнее, чем просто из праздного интереса. — Тренировки, еда через каждые два часа и...

— Нет, это питаемся хорошим настроением и свежим воздухом.

Сказав это, я кисло посмотрел на Леона, который что-то там шипел про безумные инициативы, и сразу почувствовал, как мой аппетит уходит прочь.

— Так, настроение есть, теперь пойду прогуляюсь. Граф, вы со мной?

— Х-х-х-зуми-х-х-х.

— Содержательно.

Очутившись на улице, я едва устоял под напором ветра на ногах. Стало понятно, что свежий горный воздух излишне идеализируют. Он, конечно, бодрит, но не в смысле свежести, хотя и не без этого, скорее ты сразу старался сделать всё, лишь бы не свалиться вниз окоченевшим трупиком.

Впрочем, как я успел заметить, солдаты умудрились побороть страх высоты и проблему утепления. Откуда у них столько алкоголя — оставалось разве что догадываться. Неужели они делали его из сухарей?

Возможно, об этом стоило поинтересоваться у графа, но тот продолжал плестись следом и, игнорируя ледяной ветер, что-то доказывать. Мне даже стало его жалко. На секунду, не больше.

— Граф, хватит спорить! — наконец не выдержав, заявил я. — Это наш единственный выход, пускай и немного рискованный.

— Х-х-немно-х-хо? — прошипел граф с сарказмом.

— Слегка. Самую малость, чуть-чуть и ещё тысяча синонимов! — Я глубоко вдохнул и выдохнул, успокаиваясь. — Ладно, к чёрту сарказм. Какие у нас, по-вашему, альтернативы? За ночь научиться летать дольше пяти секунд и без последующего шлепка о твёрдую поверхность?

Мне представилась эта картина: летящие гусиным клином солдафоны с серьёзными сосредоточенными лицами. Отгоняя наваждение, я собирался продолжить, но Леон задал вопрос первым:

— Вы что-то принимали в последнее время?

— Да, желаемое за действительность, — едко ответил я. — Хотите поделюсь?

— Нет, кхм-кхм, спасибо, — Леон прокашлялся. — Кажется, я простудился...

— Не может быть! С чего бы! Сходите ко мне, попросите Миюми налить вам чашечку тёплого кофе...

Граф одарил меня взглядом человека, который употребляет цианид вместо витаминов, поэтому какой-то там жиже его так просто не взять, и вежливо отказался.

— Вы не знаете, от чего отказываетесь... — заметил я, имитируя обиду.

— Знаю, поэтому и отказываюсь, — едко возразил граф.

— В любом случае, свою позицию я не изменю. Ночью мы втроём отправляемся воровать порох. Это лучшее, что мы можем придумать эдакого, чего Ноа не сможет предугадать.

— Вы, кхе-кхе, уверены в последнем?

— Уверен, Ноа спит и видит, как я бросаюсь на неё и проигрываю. А всякие там вылазки она даже в расчёт не берёт!

С сомнением посмотрев на меня, Леон тяжело вздохнул, откланялся и куда-то пошёл. Возможно, он даже собирался заняться чем-то полезным. Впрочем, сейчас что угодно было полезнее, чем споры со мной.

Я же побрёл дальше, сам в точности не зная, куда меня принесут ноги. Наш лагерь раскинулся вдоль серпантина, подобно Леону извиваясь матерящейся, слегка пованивающей змейкой.

Всюду кипела возня: солдаты, несмотря на все лишения и трудности, всё ещё были

готовы пойти вслед за мной через огонь, воду, медные трубы, и, возможно, даже отстоять в очереди в супермаркете, где работает всего одна касса. Глядя на такую лояльность, я начал подозревать себя в том, что её не достоин. Служили бы мне эти люди с таким же усердием, знай они, кто перед ними на самом деле?

«Привет! Я Ота Кохэку, неплохой маркетолог, колочу капитал, очень успешен в своём мизерном кругу и боюсь это изменить, а теперь полезайте ради меня в болото!» — представился мне мой личный дебют здесь.

Ещё одно доказательство тому, что это вот всё — незаслуженно. Нельзя присваивать чужую жизнь, каким бы сильным ни было искушение.

Ноги вывели меня из лагеря и повели куда-то в сторону от серпантина, по маленькой, почти незаметной тропке, уходившей вверх всё выше и выше. Довольно резкий и неудобный подъём на время отбил у меня желание думать над чем-либо, кроме того, как бы не свернуть тут ноги. При этом вариант повернуть назад и не рисковать своей спасительно-отечественной задницей почём зря мной всерьёз даже не рассматривался.

Впрочем, вид, открывшийся мне, когда тропинка завела на небольшой уступ, это покрывал. Гора, которую мы пытались миновать, не была самой высокой ни среди окружающих, ни тем более среди остальных гор Тофхельма, и тем не менее с неё открывался потрясающий обзор.

Всё же, несмотря на весь мой скепсис, в любых других обстоятельствах это место я бы назвал мечтой любого фотографа или художника. Изумительные картины в этих горах разбросаны повсюду куда ни глянешь.

Невольно можно было всерьёз задуматься над тем, что не сделали ли боги это место специально таким труднодоступным, чтобы скрыть его красоты от глупых человечков?

Неожиданно за моей спиной послышался треск камней. Я резко обернулся, споткнулся о какой-то камень и едва не улетел со всей этой верхотуры вниз.

К счастью, меня подхватила чья-то рука и не без усилий поставила на твердую поверхность. Без своей трубки и полагающегося облака дыма узнать Лоя Ноктима, который к тому же побрился и помылся, было не так уж просто.

Капитан, слегка смущаясь того, что он только что спас меня, возможно, от самой глупой смерти на Играх, отсалютовал:

— Командующий.

— Капитан, кхм, спасибо за, м-м-м, поддержку, — растерянно поблагодарил его я.

— Обращайтесь, — усмехнулся Лой.

Кивнув, он прошёл чуть выше, где, как оказалось, была небольшая, относительно ровная площадка с крупным камнем, который явно кто-то сюда притащил специально. Лой Ноктим, ничуть не смущаясь холода, расположился на нём, глядя куда-то вдаль, явно не на окрестности.

— Красиво тут, да? — спросил он тихим, расслабленным до умиротворения голосом.

— Похоже, у вас дар находить подобные виды, — припомнился мне один из предыдущих наших разговоров. — Хотя у меня все эти горы не вызывают ничего, кроме отвращения.

Капитан никак не отреагировал, чем лишний раз напомнил мне, что иногда стоит думать над тем, что говоришь. Выдержав небольшую паузу, Лой вдруг рассказал:

— Мой сын Рейонд очень любил этот серпантин. Называл его Небесной Змеей. Горы вообще были его стихией. Если нам во время Игр доводилось оказываться хотя бы рядом с

ними, то приходилось этого сорванца постоянно отлавливать, иначе бы его объявили дезертиром.

— Вы вместе участвовали в Играх? — удивился я, хотя ничего удивительного как раз не было: на этом «мероприятии» выросли целые поколения солдат.

— Да, как только он слегка повзрослел, так сразу же заразился этим от меня, — лицо старика перекосила неестественная гримаса, словно Лой улыбался через силу. — Он был талантливым воином, горячим, чем-то похожим на Эльта, тоже не без искорки в глазах, только поспокойнее. Сейчас он был бы уже не меньше чем капитаном.

Последнее предложение отбило у меня любые мысли ещё раз шутить.

— Что с ним случилось? — очень осторожно поинтересовался я.

— Пропал. Вроде как не выдержала верёвка во время восхождения на Пик Орла. Это севернее от нас, самая высокая точка Тофхельма. Никто толком и не знает, что произошло. Это было вне Игр.

Лой замолчал, и я очень хорошо понимал почему. Родители не должны терять своих детей. Никогда. Хуже всего было осознание, насколько же лишней получилась та моя шутка.

Собравшись с силами, я присел рядом с Лоем, который неожиданно постарел и выглядел разбитым. Это был уже не бравый капитан со смешной тягой к курению, а старый солдат, пришедший на импровизированную могилу своего сына.

— Ненавижу эти горы, — неожиданно признался Ноктим в слезах. — Срыть бы их взорвать до последнего камня.

— Это ничего не изменит, — заметил я коротко.

— Знаю... — он вздохнул, вытер глаза и неожиданно начал рассказывать о своём сыне.

Я, молча улыбаясь, слушал, то и дело тоже рассказывая свои истории, не сильно беспокоясь о том, что к Рейланду Рору они имеют весьма посредственное отношение. Лой Ноктим явно был не в том состоянии, чтобы задумываться над всем этим. Сейчас ему требовался кто-то с эмпатией отличной от нуля.

Где-то вдалеке садилось солнце, играя закатными красками на горах. Понимая, что в потемках спускаться будет не в пример сложнее, нежели днём, я встал, показывая, что нам пора возвращаться в лагерь. Капитан тоже поднялся, протянул мне руку и сказал:

— Спасибо, Рейланд, что выслушали.

— Не за что, — я не без труда улыбнулся. — Жаль, что мне не довелось познакомиться с вашим сыном.

— Он бы вам понравился, — Лой усмехнулся. — Иногда я надеюсь, что когда вновь приду, то встречу его здесь. Что он ещё жив и просто заплутал.

Мы ещё некоторое время поговорили, а затем я оставил Лоя одного — это явно было ему нужно. Когда я спускался, мне пришло в голову, что каждый находит своё место на Играх. Кому-то они давали возможность проявить себя, а кому-то — не потерять, сохранив тёплые воспоминания о давно минувших днях.

Точка бифуркации

Ноа, нервничая, прошлась по палатке. Ей срочно надо было на ком-то сорваться, но до заката, а значит, и до встречи с Рором оставалась ещё пара часов.

Как раз кстати рядом крутился Альт, который явно не знал, чем себя занять, и разглядывал недавно захваченные вещи Рейланда. Собственно, всё это место ранее принадлежало наглецу, который так торопился развить свой мнимый успех, что бросил практически все свои пожитки.

Когда Ноа доложили о находке, она хотела вернуть вещи, но быстро подавила в себе это предательское желание. Вернуть чужое всегда успеется, например, после того как Рор проиграет — это лишний раз подчеркнет её превосходство. К тому же Рейланд откуда-то достал матрас из занзебальского шёлка, а такие вещи на дороге не валяются, во всяком случае, если их там кто-то очень наглый не бросит.

Глядя на то, как Альт задумчиво разглядывает содержимое одного из ящиков стола командующего «солнечных», Ноа недовольно спросила:

— Ты уже разобрался, куда пропало почти десять килограммов пороха?

Адъютант вздрогнул, словно сильно чем-то увлёкся, медленно и аккуратно закрыл ящик стола, словно там находилась бомба, и лишь затем ответил:

— Все на нервах, палят в темноте на первый же шорох. Странно, что пропало всего десять кило, а не больше.

Кейтлетт, чего-то такого ожидая, порылась в документах на столе и извлекла три листка, целиком покрытые таблицами и цифрами.

— Три разных отчёта за разные дни, и везде эти десять кило есть, — указывая на них, сообщила Ноа, прежде чем достать четвёртый лист, — а сегодня его уже нет!

Альт скривился. Он терпеть не мог весь тот ворох бюрократии, которым окружала себя командующая всегда и везде.

— Ну, может, списал кто-то, мало ли, бочонок разбили.

— Не было списания, а по поводу «расстрелял»...

Пока Ноа подбирала подходящий пример, тот нашёлся сам собой: издали послышался хрипловатый голос, напевающий что-то вроде песни, как если бы её исполнял человек, напрочь лишённый способностей к музыке.

— А Гун-Гун, между прочим, от нас почти в трёх километрах! — ехидно заметила Кейтлетт. — Думаешь, мы бы не услышали, как кто-то решил пострелять в воздух? Может, это Рор решил нанести свой визит пораньше?

Вот тут с ней уже не согласился Альт, который и придумал весь этот план.

— Он достаточно безумен, чтобы в принципе решиться на такое, но не при свете дня. Это как громоотвод отвлечёт его интуицию. Будто украсть несколько бочонков — легко. К тому же он до сих пор не подорвал серпантин. Это не Рейланд Рор, — резюмировал адъютант не без самодовольства.

— Если это не он, так выясни, кто и куда дел порох! — вернулась к прежней теме командующая.

Она хотела ещё что-то добавить, но её отвлек вошедший Кайл Расс. Он был весь в пыли и явно сильно уставший. Похоже, денёк у него выдался так себе. Как мгновенно поняла Ноа, пришёл он для того, чтобы в очередной раз попытаться отговорить её от претворения плана

Альта в жизнь.

«Будто он не понимает, что наоборот подталкивает меня!» — усмехнулась мысленно Кейтлетт, дивясь наивности некоторых, как казалось ей, вполне разумных людей.

— Командующая, вы сильно собой рискуете! Рейланд совсем не тот, что раньше... — сразу же без предисловий начал Кайл, совсем не в первый раз произнося это.

Ответ Кейтлетт тоже не блистал новизной:

— Вы, скорее всего, правы, однако свой последний шанс он, как и все мы, заслужил. К тому же лучшей возможности схватить его может и не представиться.

— Прошу вас лишь об одном — быть осторожной. Вы нам всем ещё очень пригодитесь, — вздохнув и кивком показав, что он понимает, хотя и не одобряет такого благородства, сказал Кайл перед выходом.

Ноа проводила его взглядом, размышляя над тем, с чего это он стал так о ней заботиться. Она сама могла за себя постоять, что и собиралась показать, не Кейлу, конечно, а одному зарвавшемуся наглецу.

— Пойду ещё раз проверю документы, — чихнув и принявшись к чему-то, задумчиво сказал Альт. — У меня появилась одна идея, куда мог пропасть порох.

Командующая, не слушая его, махнула рукой, отпуская. До randevу осталась всего пара часов.

Когда ночь окутала горы непроглядной темнотой, я, Леон и Гун-Гун выдвинулись из лагеря в сторону сил Ноа Кейтлетт. Мне очень плохо представлялось, как именно мы будем воровать бочонки с порохом — предметы, мягко говоря, тяжёлые и достаточно малоподвижные, однако за прошедшее время ни мне, ни тем более остальным ничего лучше этого в голову не пришло.

Тяжело признавать, что лучший твой шанс — идея, выслушав которую, любой врач, даже патологоанатом, отправит тебя в психушку. И тем тяжелее пытаться выстроить вокруг этой идеи сколько-нибудь разумный план.

Пока мы приближались к лагерю Ноа, мне нравилось думать, что мой гениальный разум при поддержке остальных чувств, например, вопиющей скромности, сможет найти выход из сложившегося положения и предложит идею получше. И только оказавшись практически на месте, я понял, что у меня до сих пор нет никаких мыслей насчет того, как же украсть тяжеленную бочку, а лучше несколько, оставаясь незамеченными.

Леон, который двигался за мной, в очередной раз напомнил:

— Это полное, неприкрытое, вопиющее, переходящее все грани, нарушающее все нормы безумие!

Из-за патрулей, то и дело тревоживших нашу невинную прогулку, граф вынужден был высказывать своё возмущение тихим шёпотом, чем сильно напоминал типичного злого прислужника, нашептывавшего своему господину всякие гадости. В принципе, такое сравнение было не так уж и далеко от реальности.

Мы втроём залегли на небольшом возвышении и наблюдали за лагерем противника. Артиллерийские позиции со всем характерным для этого места инвентарём были отсюда прекрасно видны. Казалось, что пробежать совсем немного — и мы уже у цели.

К сожалению, нас разделяли сто метров плоской, как Ноа, местности. Ночь же, хоть и

выдалась тёмной — всё небо было затянуто тучами — но чтобы не различить три фигурки, тащивших на бочки надо быть не просто слабо видящим, а вообще слепым.

— Устроим переполох, сопрём порох, пока никто не видит — делов-то на пять минут! — желая поддержать не столько моих подельников, сколько самого себя, прошептал я с зашкаливающим количеством оптимизма в голосе.

Речь вышла настолько так себе, что даже мне самому не удалось в это поверить ни на секунду. Прежде чем сомнения насчёт разумности происходящего меня не одолели окончательно, я двинулся вперёд, отрезая голосу разума и остальным пути к отступлению. Граф двинулся следом, продолжая что-то тихо сам себе бубнить. Гун-Гун, удивительно тихий и спокойный, замыкал шествие.

Уж не знаю, горный ли это климат, выматывающие переходы или недостаток пропитания, но наш чудак за последнюю неделю отличился лишь тем, что дважды устроил всему лагерю побудку, тренируясь в исполнении йодля, а также своим неприлично коротким килтом, который я запретил ему носить под угрозой расстрела.

Самое удивительное, что путешествие к пушкам прошло без приключений. Лишь единожды вдаль показался какой-то солдат, да и то, выглянувший из своей палатки только затем, чтобы покурить.

Такая лёгкость должна была бы насторожить кого угодно, и я даже собирался всерьёз об этом подумать, благо неподалеку имелся отличный, огромный камень, за которым можно было спрятаться и сообразить, что делать дальше.

Однако, оказавшись в укрытии, вместо того чтобы осознать, что всё идёт как-то подозрительно легко, моё внимание ukrала одна из палаток, стоявшая чуть в стороне от оружейных позиций. Она была мне очень хорошо знакома, хотя бы потому, что это была палатка Рейланда Рора — то есть моя.

«Ах ты мелкая, наглая воришка, Ноа!» — меня заполонила какая-то запредельная, мещанская злоба.

В этой палатке осталась не только почти вся коллекция оружия Рейланда Рора, но и огромное количество других не менее полезных в быту вещей. Например, мыло.

Бриться как-то надо было, поэтому пришлось идти и просить брусок у интенданта. Схожих с чем-то эмоций мне не приходилось испытывать никогда. Я почувствовал себя настоящим демоном, которого изгоняют святой водой, когда эта дрянь попала мне в глаз. Кажется, что мыло не только очищало тело, но и душу. Причём последнюю огнём инквизиции.

Что до оружия, то после памятного сражения с прапорщиком Любовым у меня из «своего» остался разве что пистоль — меч обнаружить так и не удалось. С тех пор приходилось носить обычную солдатскую саблю, главные характеристики которой скрывались за выражением «проста в изготовлении и надёжна как топор». То, что это наглая ложь, я убедился после первого же применения: она не годилась даже для рубки дров.

Леон продолжал что-то предлагать, но мой разум его не слышал. Я уже решил, что делать, думать, насколько это разумное решение, было нельзя — так недалеко и передумать.

— Как только начнётся переполох — рвите когти, меня не ждите! — договорив, я бросился к палатке.

— ...зумие! — донёсся до меня отрывок фразы графа.

Одним решительным рывком добравшись до цели, мне не оставалось ничего, кроме как ворваться внутрь. Именно здесь меня догнал голос разума, который, отвесив

экзистенциальный пинок, сообщил, что вообще-то наличие моей палатки на краю лагеря, да ещё и рядом с орудиями — весьма странное совпадение. А уж если это и вправду была палатка Ноа, то где караул?

Кроме того, до меня только сейчас, пожалуй, в самом неподходящем для размышлений месте дошло, что мои сны начались откуда-то отсюда. Именно сегодня ночью случится некое событие, волею которого мы с Ноа окажемся вдвоём в этих горах и далее по сценарию.

К сожалению, было слишком поздно для здравых мыслей. Я уже был внутри, а Ноа елевым голосом акулы меня поприветствовала:

— Приятно видеть, что ты решил меня навестить!

Кейтлетт была одна в палатке. Она сидела в моём кресле и нахально, явно упиваясь моментом, попивала кофе из «семейного сервиза Роров». По крайней мере, Рейланд называл его именно так.

Для него это был бесценный предмет. В буквальном смысле. Он сам не помнил, при каких обстоятельствах заполучил набор уродливых, неудобных, напоминавших по форме ракушку, фарфоровых чашек, но выкинуть у него никак не поднималась рука.

Я со злорадством заметил, что даже для Кейтлетт с её миниатюрной рукой держать чашку с горячим напитком не так уж и просто, а каждый глоток по сложности напоминал спецоперацию, в которой задействовались все мышцы.

Я понял, что попался, и теперь вернусь обратно к своим, только если мне невероятно повезёт. Мне не оставалось ничего, кроме как напоследок оторваться по полной.

— Воришка, верни мои вещи! — начал я нахально.

Командующая «лунных» пожалала плечами и молча, как ей казалось, спокойно сделала глоток. Увы, спокойным это действие казалось только для Ноа, я то прекрасно видел, что чашка едва не выпадала у неё из рук.

Всё дело было в слишком непропорционально маленьком ушке, с помощью которого невозможно было удерживать остальную чашку в горизонтальном положении. Ты сразу же попытался себе помочь свободными пальцами, но те натыкались на гладкую фарфоровую поверхность, в полной мере передающую температуру напитка внутри.

Словом, зрелище мучений Кейтлетт стоило того, чтобы попасть в безвыходную ситуацию. Проследив за моим взглядом, она сдалась, поставила чашку на стол и растёрла обожженные пальцы.

— Где ты взял этот проклятый сервиз, и зачем он тебе вообще нужен? — не без возмущения в голосе спросила Ноа.

— Отличная приманка для мелких, назойливых воришек, которые думают, что могут брать чужие вещи! — с претензией ответил я.

— О, не порти такую прекрасную ночь своими склоками. Ну, подумаешь, забрала твою палатку. Ты украл у меня лучшие годы!

— Ноа, не знаю, кто объяснял тебе концепцию воровства, но украсть то, чего не было, невозможно.

Если предыдущие реплики разбились о щит ледяного спокойствия Ноа, то эта фраза достигла цели. Во всяком случае, брать чашку обратно в руки Кейтлетт уже не рискнула. Немного устало, выдохнув так, чтобы показать мне, мол «игры кончились», она сказала:

— Такое тяжело признавать, Рейланд, но это конец. Сам посуди: твоя армия истощена, застряла в горах и зажата в тиски, которые неизбежно сомкнутся. Итог этого сражения нельзя изменить даже твоими трюками. Можешь, конечно, начать бахвалиться, искромётно

шутить... — Ноа улыбнулась с таким же выражением на лице, с каким акула наблюдала за аквалангистом, решившим выйти из безопасной клетки, — выхода нет. Кроме одного: сдавайся, и мы избежим этой ненужной траты времени. Тогда палатка твоя — даю слово. В таком случае, возможно, уже через пару дней мы начнем спокойно отмечать завершение Игр. И даже, возможно, за одним столом. Напьёшься, как свинья, и будешь всем рассказывать, что почти победил в одиночку! Разве этого мало? Если будешь себя хорошо вести, может быть, я даже постараюсь забыть все эти фокусы.

— Зря, может, чему бы и научилась, — пользуясь её явно заготовленной заранее речью, как временем для раздумий, отвлечённо заметил я.

— Да-да, великое воинское мастерство, основанное на том, что ты нарушаешь традиции, нормы и правила! — едко возразила Кейтлетт.

— Лучшего приглашения и быть не могло, — я пожал плечами и нахально улыбнулся. — Кстати, хочешь шутку? Как называется книга, в которой описаны все самые сокровенные желания? — По лицу Ноа многое можно было прочесть, например, точное географическое указание места, куда мне следует отправиться со своими шуточками, но меня было уже не остановить: — Сборник законов!

— Сложно поверить, что такой клоун, как ты, сумел стать командующим армией, — покачав головой, вздохнула Кейтлетт и наигранно удивилась: — неужели судьба настолько слепа?

— Не слепее твоей, дочь королевского писаря, — фыркнул я.

Кейтлетт, встав из-за стола, медленно приблизилась ко мне и, ехидно улыбнувшись, спросила полушёпотом:

— Ну, и какво это попасть в плен к дочке писаря? По мне так в твое унижение, чем к клоуну.

Ответ был хорош, и заставил меня потупить, перед тем как ответить. Ноа же тем временем неторопливо прошлась по палатке и вернулась в моё-своё кресло.

— Ну, хоть к войскам вернуться позволишь, в последний раз?

Это была не просьба, а скорее способ потянуть время, надеясь как-то выпутаться. Понимала это и моя собеседница.

— Мы с тобой слишком давно знакомы, Рейланд, — скептически сообщила Ноа. — Ты, похоже, забываешь, что наивной я была только в молодости. Доверие — оно как бумага, и высшие круги меня научили, что туалетная.

Она выразительно посмотрела на меня. Я лишь пожал плечами.

— Почему же, я вполне доверяю своим людям.

— Это ты про тех двоих, что сейчас пытаются украсть порох? Интересно, что они будут делать, когда повстречают целый взвод солдат, который наблюдает за вами с тех пор, как вы покинули лагерь.

Не особо стараясь скрыть обречённость, я уселся в то кресло, где обычно сидели передо мной. Надо признать, удобным оно точно не было.

— Значит, конец, да? Неужели просчитала беспроектную комбинацию?

— О! — Ноа явно с самого начала ожидала этого вопроса. — Это не я. Этот цирк — идея Альта. Феноменальная глупость. Самый тупой, абсурдный план, который можно вообразить. Только дурак мог попасться, и вот ты здесь.

— Ты ведь знаешь, что я не сдамся? — решительно поинтересовался я.

— Догадываюсь, — совсем не удивилась Кейтлетт. — Ты всегда...

— Нет, у меня есть и другие причины, — прервал её я. — Поверишь на слово, что проиграть в этих играх для меня равносильно смерти? Кстати, — тут мне вспомнилось содержание моих снов, — искренний совет: будь осторожнее с Кейлом Рессом.

— Обязательно.

Ноа окинула меня презрительным взглядом, похоже, не веря ни единому слову. Тут до меня дошло, что в снах я уже пытался провернуть нечто подобное в куда более располагающей обстановке. Как и тогда, эта затея была обречена на провал. Доверие между Рором и Кейтлетт если и существовало, то весьма абстрактное, на уровне каких-то совсем базовых понятий. Например, что дважды два — четыре или что небо голубое.

— Ты ведь не копалась в моих вещах? — цепляясь за последнюю ниточку, спросил я с надеждой.

Она рассмеялась в полный голос и сказала:

— Ха-ха! Ты неисправим, Рор! — рассмеялась Ноа. — Даже сейчас ты думаешь о себе больше, чем...

— Нет, нет, не в этом дело. Просто если бы заглянула в третий снизу ящик моего стола, то это могло плохо кончиться.

Я не видел, зато отлично слышал, как выдвинули деревянный ящик. Затем раздался тихий, но очень противный звук «ш-ш-ш».

— Бомба?! — раздался осевший голос Ноа, удивления в котором было больше, чем всех остальных звуков вместе взятых.

Пока она пребывала в растерянности, я бросился к своему шкафу, собирая пожитки и попутно тараторя:

— Извини, не хотел прерывать твой смех, он действительно тебе очень к лицу, но, учитывая сложившиеся обстоятельства... Осталось секунд десять до взрыва.

Мои ноги куда лучше чувствовали опасность и уже несли меня к выходу. Надо отдать Ноа должное: она не была бы собой, если бы не добралась туда едва ли не быстрее меня.

— Безумец! Ты заминировал свой стол? — набросилась Кейтлетт на меня только что не с кулаками. — А если бы ты посреди ночи промахнулся? Или твой адъютант...

— Жизнь — ничто без риска, — пожал я плечами, не став упоминать тот факт, что никому содержимое стола Рейланда и даром не нужно, даже ему самому. — И да, это важно: не бомбу, а бомбы. Их там четыре штуки.

Как лучшее подтверждение моих слов, именно в этот момент палатка взорвалась, буквально взлетев в воздух. Лагерь вокруг мгновенно ожил и зашумел, словно потревоженный улей. Вряд ли для меня это сулило чем-то приятным. Мёда у местных пчёл не было, а вот мечей сколько угодно.

— Прости, любовь моя, обстоятельства вновь разлучают нас, — театрально повернувшись к Ноа, которая стояла, не в силах прийти в себя, провозгласил я.

— Как ты можешь в такой момент...

Договорить Кейтлетт не смогла, так как кто-то, возможно, даже я, хорошенько ударил ей по голове гардой меча.

— На командующую напали, срочно все сюда! Тревога!!! — крикнул я во всё горло и застыл на мгновение, в растерянности глядя на бесчувственное тело моей соперницы.

Разумно было бы её добить. Вполне в духе Рейланда: взять в плен, утащив с собой. У меня же внутри что-то ёкнуло и не позволило сделать ни то, ни другое.

Уже мчась прочь от лагеря, взорвавшегося суматохой, к Леону и Гун-Гуну, я осознал,

что точка бифуркации пройдена, и мои сны останутся лишь снами. Все те события, в которых я искал крупницу чего-то важного, никогда со мной не произойдут. Потому что в тот раз, покидая лагерь «лунных», у меня на плече была пленённая Ноа Кейтлетт.

Мне не оставалось ничего иного как, перехватив тесёмку со своими вещами, быстро отправиться в ту сторону, где предположительно были Леон и Гун-Гун. Мои подельники, пользуясь тем, что вокруг творилось не пойми что, а взвод солдат, что упоминала Ноа, бросив всё, умчался к лагерю — и всё благодаря моему крику, всё же смогли украсть бочки с порохом и даже укатить их довольно далеко от оружейных позиций.

Это были довольно типичные бочки размером почти с человека. Тяжёлые и очень неудобные — обычно их использовали для транспортировки, а затем содержимое рассыпали по емкостям меньшего объёма. Однако, в нашем случае это был идеальный вариант. Двух таких вполне хватит, чтобы обвалить часть серпантина, замедлив, а то и остановив армию Ноа, при этом не рискуя попасть под завал самим. Впрочем, сейчас я ничего взрывать и не собирался. Лучше докатить бочки до нашего лагеря и уже там доверить дело профессионалам. Эльту, например, пускай порадуется.

Кажется, моё появление из ниоткуда сильно смутило Гун-Гуна и Леона, которые заливались потом, усердно толкали бочки вверх, но опомниться я им не дал, нагнал их и крикнул на ходу:

— Нужно торопиться! Сейчас «лунные» найдут Ноа и вернутся к нам. Всем лагерем. — Леон посмотрел на меня и с выражением глубокой обеспокоенности собирался что-то сказать, но я опередил его: — Да-да, безумие, понял, давайте толкайте уже...

Граф продолжил смотреть с очень привычным выражением лица — явно желая что-то возразить, но вдруг, когда до моих подельников оставалось меньше метра, мир вокруг меня взорвался, закружился, загремел и, как мне показалось, даже полетел куда-то вниз, унося в тёмную бездну не только часть серпантина, но заодно и мою тушку.

Пуская пыль в глаза

«Во снах мы видим наши ошибки»

Распивая с Ноа вино и оценивая день грядущий как исторический, я немного ошибся, недооценив масштаб этого самого «грядущего». Историческими событиями этот день был наполнен как ни один ранее, разве что за исключением того, когда изобрели пастилу.

Эпохальные события начались с самой побудки. Обычно солдат — это такое существо, которое хочет спать в любом состоянии, даже когда он спит. Соответственно, солдат пользуется любой возможностью для сна — дела до стратегических замыслов своего начальства им, как правило, особого нет.

И хотя о предстоящем сражении кроме меня, Леона и Ноа по идее знали разве что посыльные, в то утро, не успел по лагерю раздаться звук трубы, как из палаток повалили одетые, полностью собранные люди, которые как будто только и ждали этого момента. Даже подчинённые Гоа Эльта, которые всю ночь работали, выглядели так, словно ожидали, что их отправят сражаться в самое пекло.

На фоне всех этих воодушевленных, бодрых лиц, мы с Ноа, растрепанные, заспанные, дёрганные и слегка страдающие похмельем, выглядели малодушными предателями. Кейтлетт ещё как-то держалась. Мне же все эти поздние посиделки с вином явно аукнулись. Спасительного кофе-то не было. Миюми, конечно, принесла свой напиток, но такого мой организм мог уже не выдержать. Его я решил оставить на случай поражения, чтобы не попасть в плен.

Видя, что проку от меня сейчас будет мало, Ноа использовала мою персону как могла: усадила в штабе, подперла голову рукой взирать тяжёлым, мутным взглядом на всех посыльных и просителей, что-то при этом невнятно бурча в ответ, а сама отправилась всё организовывать. Судя по тому, как ко мне волнами забегали с претензиями все те, кого она уже посетила, дела шли у неё неплохо, даже плодотворно.

Всех недовольных, надеявшихся найти в моём лице справедливость, ждало разочарование: в то утро у меня на лице можно было отыскать лишь следы недосыпа и навязчивого желания умереть. Однако некоторых не смущало и это. Так, Гоа Эльт, например, прибежал трижды.

— Командующий, считаю необходимым оставить моей полубригаде сапёрные лопатки! — вытянувшись по струнке, заявил капитан.

— Мммм?

Это было моим единственным, и универсальным ответом в это утро, не вызывавшим у большинства визитёров каких-то последующих вопросов. У большинства, но не у Гоа.

— Это поднимет боевой дух, — ответил, будто всё понял, Эльт.

— Мммм.

— Командующий, я считаю приказ командующей Ноа Кейтлетт их сдать, якобы по причине негуманности, вредным, — продолжать спорить Гоа по сути со своей фантазией. — И вообще, она не моя командующая!

— Мммм.

— Но командующий...

— Мммм.

— Ладно...

Будь я способен думать о чём-то, кроме желания спать, мне бы показалось, что всё закончилось. Однако не закончилось. Во второй раз Гоа вернулся практически мгновенно, секунд через сорок. Кажется, до него начало доходить:

— Командующий, разрешите уточнить, что вы имели в виду?

— Мммм.

— Но...

— Мммм!

— Вы уверены, командующий? — хитро уточнил капитан.

— Мммм.

— Так точно! Будет выполнено немедленно! — самодовольно заявил Эльт, отсалютовал и выскочил из штаба пулей.

Перед третьим визитом прошло почти полчаса. На этот раз Эльт вырядился не иначе как шахтёром.

— Командующий, ваше указание выполнено в полном объёме! — доложили мне с улыбкой ребёнка, который только что разрисовал вареньем обои.

— Мммм?

Как раз очень вовремя появился Леон, который растерянно осмотрел сначала меня, а затем Эльта и сделал абсолютно правильные выводы — ничего не понял.

— Что здесь происходит? — подозрительно осведомился граф.

— Командующий приказал... — начал капитан, абсолютно уверенный в правомерности своих действий.

— Вы приказали им наряжаться шахтёрами? — удивился Леон, требуя у меня объяснений.

— Мммм!

— А-а-а, понятно, — мгновенно понял суть происходящего граф, нервно потёр лоб и рывкнул: — Эльт, немедленно вернуть всё как было, и марш строиться!

— Но... — растерялся Гоа, у которого забирали варенье.

— Мммм!

— Так точно, командующий! Больше не повторится!

Подгоняя отобранной киркой, Леон отконвоировал Эльта на выход. Пользуясь этим, ко мне, попыхивая трубкой, подошёл Лой Ноктим.

— Командующий, скажите честно, почему Эльту можно наряжаться как вздумается? — поинтересовался старик немного обиженно.

— Мммм.

— Мои солдаты хотели бы одеваться в соответствии с современной модой — пиратами!

— Мммм?

— Мне кажется, что это положительно скажется на боевом духе перед битвой...

Его прервал Гун-Гун, который словно дожидался подходящего момента, чтобы вмешаться:

— Гун-Гун считает, что нужно срочно сломать четвёртую стену!

— Мммм?

— И вообще, если речь зашла про пиратов, то Гун-Гуну требуется говорящий попугай!

— Мммм?!

— И срочно увидеть утконоса!

Отгнав их одним своим видом, возвратилась Ноа, которая принесла мне кружку с чем-

то дымящимся внутри.

— Мммм?

— Нет, сама сделала, — верно истолковав моё мычание, ответила Кейтлетт. —пей давай, ты мне нужен.

Кофе буквально вернуло меня к жизни, причём меньше чем за минуту. Оно наполнило силой мои руки и заставило шевелиться шестерёнки мозга со скоростью, отличной от нуля. Ноа тем временем старалась сделать всё, чтобы испортить мне возвращение к жизни — рассказывала новости.

— Противник уже строится. Как ты и думал, свои лучшие части они расположили на холме.

— Я бы тоже некоторые свои части сейчас расположил... — Мне очень понравилась её формулировка.

— Отдай немедленно кофе! — разозлилась Ноа. — Мне больше нравилось, когда ты мычал.

— Не отдам мою прелесть! — бросился я на кружку, будто той и вправду что-то угрожало. — Что там ещё про их лучшие-худшие части?

— Уже же сказала: они на холме. Шахту никто не заметил. Подрывники готовы по первому сигналу и всё в этом духе. Ты, кстати, уверен, что этот твой «сигнал» справится?

— Конечно! — я нисколько не сомневался в Миюми.

— Рор, она кофе не может нормально приготовить, — напомнила Ноа.

— А я не умею вязать, — возразил я. — Уже пора сдавать погоны?

— Ты невыносим, знаешь об этом?

— Угу. Ведь я сижу и пью кофе, выносить меня ещё рано.

Перед ответом Кейтлетт некоторое время раздражённо молчала. Наверное, она была единственным человеком, который умел выражать эту эмоцию без каких-либо слов или жестов.

— Кстати, благодаря тебе и твоим идеям мы остались без пороха, — вдруг вспомнила Кейтлетт.

— Всегда пожалуйста! — моё лицо расплылось в самодовольной ухмылке.

— Это был не комплимент, идиотина! — взвилась пуще прежнего Ноа. — Солдатам нечем стрелять, Рейланд.

— Ух, хорошо! — залпом допив напиток и ощутив, что готов свернуть горы или кому-нибудь шею, сказал я, поднимаясь. — Если они настоящие патриоты Риверкрасса, то найдут способ выстрелить и без пороха.

Только сейчас мне удалось заметить, что Ноа уже успела переодеться. Непривычно было видеть её не в фирменном «совином доспехе» с белым плащом и рапирой, а в простом солдатском с не менее простецкой саблей наперевес.

— Давай пошути про мальчика оруженосца, который украл доспех, — заметила мой взгляд Ноа.

— Не буду. Я ведь знаю, что за тебя воровал Альт. — Меня ударили по плечу. — Ай! Знаешь, латной перчаткой не очень приятно получать!

— Знаю, — Кейтлетт расплылась в улыбке. — Миюми ждёт тебя в палатке, а я с солдатами в центре. Кажется, людям нравится, когда ты им сообщаешь очевидные вещи перед боем.

С помощью Миюми я оделся по первому разряду — в лучшее, что удалось найти быстро и сейчас. Получилось не так шикарно, как во время парада или предыдущих битв. Впрочем, главным оставалась защита, а внешний вид хоть и вызывал огорчение, но к смерти вряд ли мог привести. Вооружившись трофейным полуторным мечом и бросив в зеркало прощальный взгляд, мы отправились к войскам.

Когда шли по пустому лагерю, меня посетила забавная мысль: кому вообще могло прийти в голову доверить судьбу целого мира такому человеку? Офисный работник с непомерным чувством юмора и амбициями короля вселенной, от которого зависят жизни тысяч людей — это диагноз, причём неизлечимый. Если в этой вселенной есть бог, то ему явно нужно обратиться к хорошему психиатру.

Хотя, надо сказать, я сильно сомневался, кто тут ещё сильнее сошёл с ума. В этом со мной явно соперничали мои подчинённые, готовые выполнить любой мой приказ, и Ноа Кейтлетт, которая неожиданно из моей личной немезиды превратилась в мою самую преданную соратницу.

Тем не менее, вот он финал всего этого сумасшествия, и судя по тому, что я увидел, выйдя из лагеря, он планировался эпичным.

Мои войска внешне были в худшем из возможных положений. Менее многочисленные, нежели соперник, мы ещё вдобавок и расположились так, что выбирай позицию даже маленький ребёнок, он и то справился бы лучше.

Моя армия стояла в низине, перед холмом, который уже заняли «лунные» и опираясь на который могли диктовать нам условия боя. Если зрение меня не подводило, то судя по отблескам, наш противник даром времени не терял и уже затащил на возвышенность свои пушки. Мы же все наши две пушки, которые я вчера мысленно прозвал «Биба» и «Боба», даже не выкатывали — пороха-то не было.

Примерно такая же ситуация была и с нашей кавалерией. Тех немногих лошадей, которых удалось сохранить до сих пор, едва хватало для транспортировки хотя бы части вещей. И для боя эти измученные животные уже не годились вовсе.

Кавалерия же «лунных» была, что называется, при полном параде. Пока. Если всё пойдёт, как я задумал, этого преимущества они временно лишатся.

Так или иначе по всем правилам дальнейшее должно было стать не боем, а расстрелом практически безоружных людей. Впрочем, я и не собирался вести его по правилам. Сейчас нам нужна была быстрая, решительная победа, которая бы сорвала планы Ресса. А правила? Ну, они могли и подождать.

Возможно, стоило схватить скипетр Солнца, щит Луны и просто рвануть к башне, надеясь закончить это всё. Но, как мне казалось, это заранее провальный путь — из-за его предсказуемости. Маленькому отряду не дадут пройти «лунные», чьи небольшие заслоны располагались на единственном пути, а всю армию настигнуть будет не сложно из-за скорости и неповоротливости.

Пока я шёл и размышлял, «лунные» ещё собирались с силами, продолжая окапываться на холме. Я решил им в этом пока не мешать и потратить лишние минуты на демонстративный осмотр выстроенных в несколько линий войск.

Все эти показательные кивки, поправление воротников и протираание пуговиц почему-то страшно нравились простым солдатам. Казалось, что счастливцы, которых я потрогал

своей ручкой, прямо сейчас, окрылённые таким вниманием, ринутся на противника и всех победят.

Дойдя до центра, я остановился, прочистил горло и, обменявшись взглядами с Ноа, принялся орать, стараясь, чтобы меня услышало как можно больше народу:

— Друзья, товарищи, братья! Сегодня мы бьёмся не за победу, нет! Совсем нет! — от такого начала по рядам прокатилась растерянность. — Наша цель куда важнее — сохранение единства и дружбы двух народов. Во что бы то ни стало! Наш противник — это простые люди, такие же, как мы, которых одурманили ложью, запугали и сбили с пути. Но правда на нашей стороне, и сегодня боги докажут это! — Вдохнув поглубже, я ещё сильнее повысил голос, срывая связки в ноль: — За Риверкросс! За Тофхельм! За наш мир и нашу свободу! Победа будет за нами!

Пользуясь тем, что абсолютно все пришли в экстаз, я достал флягу с водой. Удивительно, но несмотря на то, что половина её содержимого отправилась мимо, а другая была вылита скорее на меня, чем в меня, это помогло.

Увы, противник, похоже, нашей радости не оценил. Ноа коснулась моей руки и указала на холм.

— Они заряжают пушки! — предостерегла она.

— Зачем? — мгновенно ответил я цитатой. — А, они будут стрелять!

— Ты сегодня как никогда проницателен, — Кейтлетт смерила меня тяжёлым взглядом. — И это не комплимент.

— Дадим им пострелять немного или можно начинать? — меняя тему, поинтересовался я.

— Вряд ли солдатам придётся по вкусу, когда по ним начнут попадать тяжёлыми металлическими объектами, — ехидно заметила Ноа.

В наш разговор вмешался крутившийся неподалёку Эльт. Он, услышав эту фразу, возмутился с видом человека, которого называли трусом:

— Это закалит наш дух и воодушевит сердца!

Ноа это замечание абсолютно не впечатлило. Похоже, с такими «храбрецами», как Гоа, она имела дело более чем регулярно.

— Наиболее вероятно, что кто-то просто получит ядром по голове и отправится домой.

— Но отправится с чувством выполненного долга! — не согласился Эльт. — Если каждый из нас поймает широкой грудью хотя бы по одному ядру, то у противника закончатся боеприпасы!

— А у нас солдаты! — вмешался я, пока эта дурь не распространилась дальше. — Эльт, немедленно вернитесь на свою позицию и не покидайте её вплоть до моего распоряжения.

Что-то на холме звучно ухнуло, и впереди, буквально в паре метров упал шарообразный дымящийся объект, не предвещавший абсолютно ничего хорошего. Ведь за ним, к счастью, тоже мимо прилетело ещё шгук пять таких же.

— Пристрелочные. Во второй раз они не промажут, — уверенно заявила Ноа.

— Твой звёздный час, дуди, — кивнув, соглашаясь с этой оценкой, я отыскал взглядом Миюми, крутящуюся рядом.

Моя помощница, которая только этого и ждала, выхватила из-за пояса трубу, приложила к губам и в нерешительности замерла. Судя по её лицу, она сейчас мучительно пыталась вспомнить, что конкретно от неё требовалось продудеть. Сигнал-то был не простым!

Раздался один гудок, затем второй, на котором и нужно было остановиться, потом

третий, четвёртый. Всего за полминуты Миюми издала такую кавалькаду звуков, что, окажись запись в руках у земных музыкантов, это мгновенно стало бы хитом.

— Напомни, почему ты выбрал её в качестве сигнальщика? — тихо, так, чтобы это слышно было только мне, спросила Кейтлетт.

— Труба у меня была только одна, и вдобавок поди теперь её отбери.

Ноа обменялась взглядами с Миюми, которая прямо светилась от счастья, словно цезий, и, кажется, готовилась ко второй попытке. Она не успела совсем чуть-чуть: неожиданно мир вздрогнул, и холм, где были сосредоточены основные силы «лунных», красиво взлетел в воздух. Не менее красиво бросилась врассыпную и кавалерия противника. Всадники отчаянно пытались привести в чувство испуганных животных, но куда там! Мало того, что взрыв — уже страшно само по себе, так ведь и весь табун бросился наутёк. Такой инстинкт превозмочь было совсем не просто.

Идея напихать внутрь холма весь наш порох, запечатать, поджечь и посмотреть, что будет, пришла ко мне во многом благодаря Ноа. Тот её номер с разрушением заброшенного форта ещё долго мне будет сниться в кошмарах.

Под холм мы, по моим скромным оценкам, засунули раз в десять больше взрывчатки, чем было тогда. План вполне мог закончиться полным фиаско, если бы всё та же Ноа не сообразила, что шахту, в которую мы поместим порох, необходимо запечатать, иначе взрывная волна уйдёт совершенно не туда, куда нам надо.

Мир мгновенно погрузился во тьму, укутавшись пылью и дымом. Видимость была такой, что если ты видел стоящего в метре от тебя, то это уже являлось достижением. Впрочем, учитывая, что самым нашим дальнобойным оружием теперь был примкнутый к мушкету штык, большего и не требовалось. Оставалась лишь суцая мелочь — найти в этом дыму врага.

На памяти Рейланда Рора (про мою даже говорить нечего) это было, пожалуй, самое странное сражение. Стоило полю боя погрузиться в непроглядную пыль, как мы ринулись в атаку. «Ринулись» скорее фигурально, чем буквально, ведь идти по местности, засыпанной кучами земли, камнями и прочим мусором иначе как медленным, размеренным, очень осторожным шагом было чревато.

Шли мы клином. Впереди самолично я. Передо мной стояла весьма интересная задача: ориентируясь по компасу, в пыли, вывести всю армию туда, где до взрыва находился правый фланг «лунных».

Местность, окутанная пылью и порядком перекопанная взрывом, выглядела какой-то чужеродной и таинственной. Казалось, что ещё вот-вот — и на нас из тумана повылазят чудища из ужастиков, лошадки и прочая нечисть.

Реальность для меня оказалась куда скучнее. Первым, кого я встретил, был растрёпанный, явно потерявшийся молодой паренёк в униформе Тофхельма.

А вот для него неожиданно возникший из тумана Рейланд Рор оказался ничуть не хуже того самого чудища. Оно и понятно — парень был капралом.

— Ты потерялся, растерян, не можешь найти свой жизненный путь? Присоединяйся к церкви Летящего Макаронного Монстра — мы покажем тебе истину! — положив ему руку на плечо и проникновенно глядя в испуганные глаза, сказал я.

Парень странно затрясся и принялся издавать такие звуки, как будто он был ракетой, а я ему мешал взлететь. Кажется, у него даже подтекало топливо.

— По-моему, ты не веришь в ЛММ, так? — эта моя фраза его доконала, и он упал без чувств.

— Рор, между прочим, пока ты его не отправил в дом скорби, он мог подсказать, где остальные «лунные», — вмешалась, обламывая самое интересное, Ноа.

— Да и так найдём. — Я указал на компас. — Судя по приборам, идём верно.

— Мы идём в тумане, ища вражескую армию с помощью компаса! — возмутилась Кейтлетт.

— Да, примерно так я и сказал, — невозмутимо развёл руками я.

Поиски долго не продлились. Где-то в ста шагах сначала слышались голоса людей, тщетно пытающихся понять, что происходит, а затем показались и сами «лунные».

Надо отдать им должное, на наше появление они среагировали максимально трезво — завопили во всю глотку «Враг!» и, сомкнув ряды, принялись пятиться назад.

Несмотря на то, что здесь, на правом фланге была от силы треть вражеской армии, их всё равно было много. Даже слишком, по меркам тех сил, что имелись у меня. Стоит нам завязнуть, с первым же ветерком всю эту пыль сдует куда подальше, и мы останемся в очень невыгодной позиции против численно превосходящего противника.

— Открыть огонь! — как это ни странно, но ничего не произошло.

— Но, сэр... — раздался озадаченный голос сзади.

— Я не сэр!

— К-командующий, у нас нет пороха...

— Вы что, не патриот?!

— Бдышь! — появляясь откуда-то из тумана, крикнул Гун-Гун и побежал в атаку.

За ним, аккомпанируя подобным же образом, понеслись и остальные, в том числе мы с Ноа. Практически сразу, куда быстрее, чем обычно, битва рассыпалась на отдельные схватки. Это было мне на руку: мои-то солдаты были закалены в боях, а вот среди «лунных» опытом подобных свалок могли похвастаться лишь солдаты тех армий, что ранее возглавляла Ноа.

Не сговариваясь, мы с ней сражались плечом к плечу, впервые в истории не пытаясь убить друг друга, а помогая и прикрывая. Часть «лунных», завидев, какой тандем против них сражался, приходили в шок и забыли о идущем сражении. Другие, напротив, завидев Ноа рядом со мной и тем самым убедившись в верности слов о её предательстве, принимались биться с завидным усердием.

Несколько же солдат вообще сделали нечто невероятное и, завидев Кейтлетт, вовсе побросали оружие:

— Мы не будем сражаться против своей командующей!

Я видел, как Ноа едва не засияла от этого жеста. Тебя могут оболгать в глазах тысяч, но если среди них останется хотя бы пяток верных — это всё нивелирует.

Воодушевленная этим, она понеслась вперёд с такой скоростью, что я едва за ней поспевал. Так же неожиданно Ноа и остановилась, указывая мне на что-то, валяющееся на земле.

Там лежал её недавний противник, который не успел даже среагировать на атаку. В руках он сжимал штандарт с изображением серого коронованного грифона — герб короля Тофхельма Хоакима Клыка.

— Значит, где-то рядом... — кто именно рядом она не успела закончить, так как «он» оказался пожалуй даже слишком рядом.

Король — это не Рейланд Рор, его в одиночку на поле боя никто не отпустит, даже если он будет сильно настаивать. При нём всегда должна находиться охрана, лучшие из лучших, именуемые королевской гвардией.

Один за другим из тумана к нам выступили четверо. От одного их вида мне очень сильно захотелось домой к маме. Здоровенные амбалы, целиком закованные в массивные чёрные латы и вооруженные двуручными клинками с волнообразным лезвием, чей удар не мог выдержать ни один щит или доспех.

Друг от друга они отличались исключительно шлемом. У каждого из них он был уникальным, и, разумеется, это был зверинец: волк, олень, медведь, рысь.

— Ноа Кейтлетт, ты обвиняешься в предательстве своей страны, дезертирстве, нарушении правил и традиций Игр. Тебе есть что ответить на эти обвинения? — крикнул гвардеец в «оленьем» шлеме.

— Есть, но отвечать я хочу перед королём! — с заметной растерянностью в голосе возразила Ноа.

— Пока мы стоим на ногах, этому не бывать, — ответил гвардеец решительно.

— В таком случае пускай боги рассудят, есть ли у меня право оправдаться перед его величеством.

— Да будет так, — согласился гвардеец. — Сталь рассудит нас.

Мне казалось, что это будет что-то вроде дуэли один на один, хотя Ноа была скорее одной десятой на фоне гвардейца, но остальные также приготовились к бою. Возмущённый этим, я схватился за меч:

— Эй, разве что честный поединок. Четверо на одного?!

— Сталь рассудит, — ответили мне из-под «медвежьего» шлема с заметной иронией.

Уже не в первый раз я заметил, насколько глупо судить о маневренности противника по его размерам. В суровой реальности, увы, Голиаф прихлопывал Давида, словно назойливую муху.

Гвардейцы двигались не столько быстро, сколько непредсказуемо. Один из моих двух противников, тот, что в «медвежьем» шлеме, начал свою атаку показательно неторопливо, но лишь затем, чтобы уже через секунду ускориться так, что даже если бы он промазал клинком, то всегда мог просто втоптать меня в землю.

От грустной участи меня спас опыт. С первых же секунд глядя на неторопливость соперника, я понял, что нужно драпать, причём прямо сейчас, иначе потом убежать уже будет некому.

Тут бы мне перейти в атаку, но противников-то у меня было двое! «Рысий» шлем не стал великодушно дожидаться, пока я разберусь с его коллегой, а сам перешёл в нападение, широкими взмахами оттесняя меня от напарника. Опасности эти удары представляли не большую, чем лопасти вертолёта — главное было под них не попасть. Парировать было чревато: я всерьёз опасался, что мой клинок подобное мог не пережить, а он мне ещё пригодится.

У Ноа дела обстояли лучше. Всё же она была куда меньше меня и ловчее. Поэтому также не имея возможности отражать удары, уворачиваться от них, она сражалась гораздо лучше.

Всё бы хорошо, да вот только победить таким образом у нас вряд ли бы вышло. Даже

если один из гвардейцев открывался, мгновенно атаковал его напарник. Так, сменяя друг друга, они могли вести бой если не вечно, то гораздо дольше нашего.

Рассчитывать на помощь со стороны не приходилось: на моих глазах пара солдат из сорок второй полубригады попытались вмешаться. Гвардеец в «медвежьем» шлеме, предоставив развлекать меня своему напарнику, отправил их всех домой буквально за пару секунд короткой серией быстрых атак. Та же участь постигла ещё пятерых. После этого вмешиваться в наш поединок никто и не пытался.

Всему хорошему рано или поздно приходит конец. Я продержался почти минуту, избегая всех атак, но затем усталость и чрезмерное напряжение начали брать верх и посыпались ошибки. Сначала не рассчитав, я сделал слишком маленький шаг в сторону, этого хватило для того, чтобы меня не разрубили напополам, но и только. По моей кирасе, высекая искры и оставляя некрасивую борозду, скользнул кончик вражеского меча. Не успел я опомниться — и мне дали хорошую оплеуху стальной перчаткой, отправив в короткий, но зрелищный полёт.

Чудо, что бой не закончился прямо в тот момент. Меня выручила Ноа, которая, давая мне время оправиться, налетела на моего противника. Не желая оставаться в долгу, несмотря на то, что мир вокруг качался, двоился и слегка позванивал, я резко вскочил на ноги и вместо того, чтобы дожидаться, когда на меня нападёт гвардеец, сам понёсся в атаку.

Удивительно, но это сработало! На мою атаку не успел среагировать не только гвардеец в «медвежьем» шлеме, отвлечённый на Ноа, но и его товарищи по оружию.

Не рискнув попытаться пробить доспех ударом — это вполне вероятно закончилось бы тем, что клинок просто отскочил в сторону, не нанеся никакого вреда — я вместо этого ударил в предплечье правой руки. Это место в любом доспехе всегда было защищено куда хуже, чем остальные его части, иначе боец просто бы не смог шевелить руками. Гвардеец в «медвежьем» шлеме вскрикнул от неожиданности, покачнулся и выронил меч, а уже в следующую секунду Ноа одним точным ударом под шлем добила его.

«Один есть, осталось трое!»

Увы, гвардия не просто так носит такое название. Оставшиеся бойцы мгновенно поняли свою ошибку и приняли меры, чтобы такого не повторилось. Теперь нас с Кейтлетт держали порознь, не давая сближаться на пару метров.

Двое бойцов — у меня «рысь», у Ноа «волк» — сковывали нас боем, а третий «олень» держался посередине, одновременно мешая нам соединиться и готовясь в случае чего прийти на выручку товарищам.

Мы с Кейтлетт обменялись понимающими взглядами: пусть так, но он был один, а значит, прийти на помощь двоим сразу не сможет физически.

— Сейчас! — крикнул что было мочи я, выгадав момент.

И вместо очередного уворота перешёл в отчаянное нападение, рассчитывая, что Ноа занята примерно тем же. В момент удара я понял, насколько мудрым оказалось решение не пытаться пробить доспех противника. Прежде чем «рыси» пришёл на помощь «олень», тот пропустил три моих удара, приняв их кирасой, и все они не оставили даже царапин.

Далее уже мне пришлось сражаться за свою жизнь. На этот раз меня атаковали оба гвардейца сразу, причём бились они так, словно хотели убить.

Это был не бой, а мясорубка, в том смысле, что больше всего происходящее напоминало то, что произошло, если бы я оказался именно в этом кухонном инструменте. Мои противники не просто атаковали — они делали это абсолютно синхронно, действуя не как

два бойца, а как один, у которого было два меча и четыре руки.

Мне на помощь вовремя подоспела Ноа, которая расправилась с «волком», иначе это был бы конец. Однако ей эта победа тоже не легко далась.

Её нагрудник был в нескольких местах помят, а в одном вообще проломлен, где-то потерялся шлем, а судя по красному пятну на лице — сняли его не самым вежливым образом. Но самое худшее было в том, что Кейтлетт сломала свою саблю. Она, конечно, взяла меч своего недавнего противника, но тот был ей совсем не по размеру.

Мой полуторный меч пришёлся бы ей куда лучше, но как его передать, если нас разделяли два весьма решительно настроенных на убийство человека? Подойти ближе двух метров друг к другу нам всё ещё не давали, пускай и куда менее уверенно, чем когда противников было трое.

Казалось, сама судьба направляла меня, потому что, уворачиваясь от очередного взмаха «рыси», я попросту споткнулся о тело ранее поверженного гвардейца в медвежьем шлеме. У него-то оставался клинок!

— Ноа, лови!

Размахнув посильнее я швырнул в её сторону свой меч. Получилось не слишком изящно — он не долетел почти метр до цели, но это уж Кейтлетт как-нибудь переживет.

Гвардейский двуручник оказался тяжеловат даже для меня. Непонятно, как им вообще можно было махать, как вертолёт лопасть, да ещё и почти пять минут подряд. Впрочем, плюсы всё равно перевешивали: теперь мне не нужно было скакать кузнечиком, уворачиваясь от каждого удара.

Впервые за бой я смело принял взмах противника на клинок, отводя удар в сторону, отчего окружающий туман наполнился звучным гулом, от которого у меня ощутимо заболели зубы. Сквозь прорези в шлеме, я увидел, что «рысь» злорадно ухмыляется, наблюдая за моей реакцией.

— Этот клинок не по тебе, тигрёнок.

Бой шёл по моим меркам уже довольно долго, и усталость начала постепенно одолевать, но после этой фразы я словно обрёл второе дыхание. Теперь мы бились на равных, а значит, пора было переходить в атаку.

Примеряясь к оружию, начав с осторожных, коротких ударов и выпадов, я постепенно наращивал обороты. Гвардеец явно не ожидал от меня такой прыти и, начав пятиться, ушёл в глухую оборону, что раззадорило меня ещё сильнее.

Продолжая молотить по нему, как разъярённая бабка по наркоману, посмевавшему влезть перед ней в очередь, краем глаза я заметил слева от себя какое-то тёмное пятно. На секунду мне подумалось, что это второй гвардеец расправился с Ноа и идёт за мной, но затем мои глаза разглядели рядом ещё одно пятнышко, мелкое и назойливое.

Кейтлетт хитрыми манёврами толкала своего оппонента ко мне, да ещё и спиной! Лучшего момента для атаки и быть не могло. Следующий мой удар пришёлся не по «рыси», который даже успел изготавиться его отражать, а в спину его товарища. Я рубанул сверху наискосок вниз. Удар вышел настолько чудовищным, что доспех гвардейца разошёлся, будто был сделан из фольги, а не лучшей стали Тофхельма.

Гвардеец в «рысьем» шлеме всё понял мгновенно: либо он сейчас атакует меня, либо поражение. Его товарищ ещё не успел упасть, а «рысь» уже атаковал. Я прекрасно это видел, но как назло двуручник застрял, а мои руки, напряжённые до предела, наотрез отказывались его отпускать.

Что-то беловолосое с отчаянным криком кинулось наперерез гвардейцу, пытаясь заблокировать удар полуторным мечом. Клинок Ноа согнулся пополам, почти в форме буквы «Г», а она сама повалилась на землю.

Это дало мне время на то, чтобы подхватить меч «оленя» и нанести удар, пока гвардеец был отвлечён на Кейтлетт.

— Да будет так, — перед тем как пасть, заключил последний гвардеец.

Как только последний гвардеец был сражён, на меня нахлынула такая усталость, что захотелось к ним присоединиться. Всё-таки адреналин — страшная вещь.

— Рейланд, как мы это пережили? — спросила Ноа, которая даже не пыталась подняться на ноги.

— Я не знаю, но больше так не хочу, — честно ответил я. — Вставай, нам ещё надо найти Ресса и короля...

— Ах, хорошо пошла! — вдруг раздался новый голос неподалёку. — С последним могу помочь.

Чуть в стороне от нас стоял старик, по чьему виду можно было с уверенностью сказать, что он не только может, но и регулярно позволяет себе предаваться гедонизму. В частности, судя по увесистой фляжке в руках — алкоголизму. Впрочем, это было заметно и без неё: он был тощий, как сухая палка, чувствовалось, что его организму не хватало в компанию к спирту ещё чего-нибудь питательного.

Король, а это был никто иной как Хоаким Клык, чьи лучшие годы шли прямо сейчас, сделал хороший такой глоток и протянул флягу нам.

— Угоститесь? — с хитрецей поинтересовался он.

Хитрость в принципе была отличительной чертой короля Тофхельма. Всё из-за причёски и усов. Они придавали ему вид бывалого жулика, и, как подсказывала мне интуиция, в первую очередь жулик передо мной и находился.

Жажда была сильнее опасений в разумности такого шага, поэтому я не без опаски сделал глоток. Как только содержимое фляги коснулось моего языка, мне стало ясно, что стоило отказаться. Не знаю, что там было внутри, но этим определённо можно было заправлять ракеты.

Поглядев на мою реакцию, подошедшая ближе Ноа вежливо отказалась и перешла сразу к делу:

— Ваше величество, я знаю, что про меня ходят определённые слухи...

— Скорее весьма конкретные, — заметил с усмешкой Хоаким.

— Да-а-а, — протянула Кейтлетт растерянно, — кхм, в общем, это всё подстроил Кайл Расс. Он хочет подняться на Саум единолично и...

— Что? — прервав её король. — Это он сам вам сказал?

— Ну, скорее это наше предположение на основе его поведения... — переглянувшись со мной, призналась Ноа.

У Хоакима уже была наготове своя оценка таких предположений.

— Иначе говоря: вилами по воде.

— Просто дайте нам с ним поговорить, и мы выведем его на чистую воду!

— Не могу при всём желании... — развёл руками король.

Вот это уже было для Ноа чересчур. Краснея от гнева, она медленно начала надвигаться на короля:

— Ваше величество, вы совершаете...

На Хоакима это произвело мало впечатления. Прервав Кейтлетт жестом, он сделал глоток из фляги:

— Командующая вражеской армии Кейтлетт, будьте добры не перебивать ваше величество. Кайл Расс дезертировал сегодня утром, оставив весьма оскорбительную записку, в которой сообщал, что переходит на сторону «солнечных».

— Это не так! — воскликнул я решительно.

— У меня были определённые сомнения на этот счёт, но видя вашу реакцию, могу сказать, что верю вам, Рейланд, — доверительно сообщил Хоаким.

— Но если Расс не здесь... — растерянно задумалась Ноа.

Ответ был на поверхности. Мы с ней одновременно схватились за голову:

— Реликвии!!!

Готовясь к битве, мы совершенно о них забыли. Практической пользы от них всё равно не было, а о том, что их могут похитить, нам даже в голову не приходило. Единственный, кому это было нужно, должен был быть на поле боя и командовать «лунными»!

Неожиданно из тумана выскочил очень сильно запыхавшийся граф Сайрас верхом на своём коне. Хотя он обычно достаточно скрупулёзно относился к своему внешнему виду, сейчас Леон и его верховое животное выглядели так, будто только что пробежали марафон.

— Башня ожила... — сообщил он едва шевеля губами, указывая на столб света, что был виден даже сквозь туман.

Это могло значить только одно: к Сауму добрался кто-то, имея при себе скипетр Солнца и щит Луны

— Сьорп. — Это Хоаким, наблюдая за нашей реакцией, приложился к фляжке. Заметив наши полные осуждения взгляды, он пожал плечами. — А что? Если всё так плохо, то самое время выпить.

— Нужно срочно остановить битву! — воскликнул я с отчаянием.

Планы Ресса были мне малопонятны. Но если он дойдёт до Саума и завершит Игры прямо посреди боя, особенно такого, как сейчас, в непроглядном тумане, случится катастрофа. Это будет кровавой резней, которая мгновенно приведёт к самым плачевным последствиям вплоть до настоящей войны. Любая пролитая кровь требует отмщения, из-за чего всегда проливалось многократно больше крови.

— Это будет немного сложно. Да и есть ли у нас время? — указав на пылевой туман, констатировала очевидное Ноа.

Его-то и не было. Ресс сильно нас опережал. Для того, чтобы прекратить битву и избежать крови, у нас было самое большее полчаса-час. Затем любой удачный удар, выстрел и даже сильный пинок мог закончиться весьма плачевно.

«Это катастрофа!»

«Во снах можно попробовать как сладость величайшей победы»

«Это катастрофа!» — понял я очень отчётливо, глядя на свет вдаль, и тут меня пронзила идея, как всё предотвратить.

— Победа!

Ноа, Хоаким и Леон скептически посмотрели в мою сторону, не понимая, к чему тут этот возглас, и в целом не разделяя внезапного воодушевления.

— Что? — растерянно уточнила Кейтлетт.

— Победа! — уверенно повторил я, силясь с помощью одного слова и махания руками выразить невыразимое.

— Релайнд, по-моему, тебе сильно досталось... — вздохнув, констатировала Ноа.

— Нет, послушай, победа — это... — попытался снова я, но мне даже не дали договорить.

— Рор, сейчас совсем не вовремя для бредней...

— Да послушай же! — я не сдержался и хорошенько её встряхнул. — Что обычно происходит, когда Саум светится? Это значит, что кто-то победил! Никто, кроме нас, не знает, что там происходит в самом деле.

— Ресс может делать что угодно, но битва к тому времени уже закончится, — сообразила Ноа.

— Именно, вот наш шанс остановить битву — просто указать на очевидное и сказать, что победили.

— Победил кто? — с подозрением уточнил Хоаким.

— А какая разница? — возмутился я. — Сейчас главное сложить оружие, чтобы никто не пострадал по-настоящему.

— Не нравится мне то, во что вы превратили эти Игры. Я человек набожный... — Король скептически пожал плечами и отхлебнул из фляги. — Ах, хороша! Боги будут не в восторге от подобного.

— А они будут в восторге, если сегодня куча народа поубивает друг друга? — удивился я.

— Кто ж знает этих богов? — развёл руками король. — Ладно, делайте что хотите. Мешать не буду.

— А вы нам не хотите помочь? — уже догадываясь, каким будет ответ, спросил я.

— Я?! Каким образом? — искренне удивился Хоаким. — Не предлагаешь ли ты мне, Рор, бегать по полю и верещать «Победа!»? Моё королевское дело заделать наследника — у меня их четыре. Хранить мир — мне это пока удаётся — и выпить столько вина, сколько успею за свою жизнь — тут мне ещё есть куда расти.

Хоаким демонстративно приложился к фляге, всем своим видом показывая, что он задачу выполняет с полной самоотдачей, жертвуя для этого даже здоровьем. Ему на выручку пришёл слегка оклемавшийся Леон Сайрас:

— Думаю, я справлюсь с тем, чтобы донести ваше сообщение до армий.

— Как?

— Найду Эльта, он сейчас где-то неподалёку, и сообщу ему и его бригаде вести о победе, — с усмешкой поделился планами граф. — А дальше...

— Как пожар. Они сами всем всё расскажут, — закончила за него Ноа и усмехнулась.

Мне в такое верилось не без труда, но вспомнив, где нахожусь — такое вполне было возможно. Именно в этом мире, именно в этих обстоятельствах. Ведь это не настоящая война, а своего рода соревнование. Если соревнование закончилось, не важно, кто победил, важно, что смысл в дальнейшей борьбе отсутствует. Конечно, найдутся свои горячие головы, но их утомляют. По памяти Рейланда, такие находились почти всегда, однако их обычно успокаивали щедрой порцией целебного насилия.

— А вы тем временем доберётесь до башни, — кивнув, добавил Леон.

Это было разумно. Даже если бой остановится и кровь не прольется, кто знает, на что был способен Ресс, добравшись до такого могущественного артефакта, как Саум? В конце концов, он может попытаться сбежать. Так что вне зависимости от того, справится ли граф, мы с Ноа проследим, чтобы Кейл не смог уйти от наказания и не натворил ещё чего-нибудь.

Переглянувшись с Кейтлетт, я понял, что она пришла к схожему выводу. Не сговариваясь и не прощаясь, мы, ориентируясь на свет, двинулись в путь, точнее собирались, когда нас остановил Хоаким.

— Вы что, пешком собрались идти? — удивился нашей тупости король.

— Ну... — я выразительно огляделся, намекая, что никаких транспортных средств в округе не наблюдалось.

Неодобрительно покачав головой, король очень залихватски, почти по-разбойничьи свистнул несколько раз. На свист отреагировали не сразу, но отреагировали: появился нервно озирающийся по сторонам слуга, который не рискнул приблизиться к нам, остановившись в паре метров.

— Ваше величество, но у вас же есть специальный свисток, — причитая, начал он.

— У меня есть и неспециальные пальцы, — фыркнул Хоаким пренебрежительно. — Мне нужны два коня. Быстро и сюда. Пошёл.

Слуга покорно поклонился и убежал. Вернулся он с парой помощников минут через пять, неясно как ориентируясь в этом тумане, но всё равно безошибочно найдя короля.

— Вернёте в целости и сохранности, — махнул нам рукой, приглашая, Хоаким и приложился к фляжке, словно сделал тост. — Удачного спасения мира. А, и ещё, — не с первой попытки он снял с пальца одно внушительных размеров кольцо и перекинул его Ноа, подмигнув: — поможет в пути.

Башня и до того нагоняла на меня жути одним своим видом издали, что уж говорить о сегодняшнем дне, когда огромное, даже скорее колоссальное строение, источающее яркий свет, показалось нам с Ноа из тумана.

Рейланд Рор искренне верил, что башня — это посох богов, который они оставили при сотворении мира. Также он верил, что сами боги жили где-то на небосводе. Казалось бы, сказка и сказка, не первая и не последняя такого рода, но я отчётливо видел, что башня в самом деле напоминала посох слишком сильно для того, чтобы это было случайностью или чем-то, созданным руками простого человека. Кто оставил её здесь и с какой целью? В любом случае, для существа обладающего такой силой мы с Ноа были чем-то вроде глупых муравьёв.

Странности были не только с самой башней, но и с тем, что её окружало. Здесь, в кратере очень неясного происхождения, в самом центре которого и располагалось строение, росли совсем иные растения нежели в окружавшей местности. Таких цветов и кустарников я прежде не встречал, даже трава выглядела иначе: молочно-зелёная, длинная, несколько не

напоминающая ту, что росла вокруг кратера.

Кони тоже слегка нервничали, но чувствовалось, что их выдрессировали так, что гнева хозяев за непослушание они боялись значительно сильнее, чем какой-то там башни и странной растительности. Не в меньшей растерянности пребывали и люди, встреченные нами, особенно «лунные». Эти, если бы не печать короля, вряд ли бы нас пропустили.

— Рейланд, ты в порядке? — спросила Ноа, замечая мою растерянность.

— Не знаю, это место, — не стал отрицать очевидного я, — такое, эм, странное.

— Ну, а чего ты хотел? — уверенно ответила Кейтлетт. — Здесь были боги.

Я поёжился. Какое простое объяснение — боги! Для меня все эти религии были чем-то вроде очень древних сказок. Чем-то крайне далёким и имеющим очень небольшое отношение к реальности. Это же место было более чем реально.

— Ха, могучий Рейланд Рор боится мистики! — усмехнулась, подначивая меня, Ноа. — Ты поди и от грозы прячешься под одеялом?

— Грозу я могу объяснить. А ты можешь мне объяснить, откуда взялся этот посох, в смысле башня?

— Как это откуда? Её оставили нам боги в качестве благословения. Чтобы прекратить войны и распри, — ответила Кейтлетт, а затем посмотрела на меня так, будто я только что не смог сказать, сколько будет дважды два, и теперь меня следовало на всякий случай сжечь.

Тем временем мы добрались до основания башни. Отсюда казалось, что она упирается прямо в небо. Пока Ноа привязывала коней, чтобы они не потерялись, я с опаской обернулся в сторону поля боя. Где-то там позади, в тумане метался Леон Сайрас, который пытался окончить битву. От того, выйдет ли у него или нет, теперь зависело будущее этого мира. То, что столь важная роль досталась именно этому человеку, который до сих пор подвергал сомнению каждое моё действие — пугало. Вдруг Леон и сейчас решит сначала всё хорошенько обдумать? А ведь любое промедление могло закончиться катастрофой.

— Не занимайся лицемерием, — посоветовала Ноа, догадавшись, о чём я сейчас думал.

— А?

— Он в тебе не сомневался, хотя большая часть твоих идей — безумие, какое ещё поискать нужно. Значит, и ты не должен сомневаться в том, что Леон справится.

— Но... — Мне очень захотелось рассказать ей о всех тех случаях, когда граф во мне сомневался, хотя это заняло бы несколько часов и это если упоминать события только последних дней.

— Не должен и точка, — не дала мне даже начать Ноа. — Идём.

Дальше же были ступеньки, тысячи ступенек, которые стали для меня всем миром на последующие полчаса. Тот, кто их вырубал, казалось, делал это так, чтобы вне зависимости от роста они были одинаково неудобны для всех.

Для меня они оказались слишком маленькими: я мог с легкостью переступить через две, но уже до третьей моя нога не дотягивалась. Ноа, у которой шаг был короче моего, столкнулась с похожей ситуацией: две ступени для неё было много, а одна мало. Из-за чего нам пришлось идти либо маленькими шажками, либо махать ногами, словно мы танцевали в кабаре.

На самой вершине, посреди весьма немалой, открытой площадки нас ждал в белесом свечении Саум — огромный кристалл, медленно вращающийся на одном месте, невероятной красоты, внушающий одним своим видом трепет. Его свечение было ярким, но не ослепляло, хотя видно его было с огромного расстояния — это тот самый луч света, ориентируясь на

которой мы с Ноа добрались до башни через пылевой туман.

Здесь же находился и Кейл Ресс. Человек, который за столь короткий срок успел предать всех по несколько раз, спокойно, даже смиренно, словно зная свою участь, сидел прямо на каменном полу, неподалёку от Саума. Рядом демонстративно лежало его оружие — парные клинки и ставшие ненужными реликвии.

Проигравшим он не выглядел. Скорее походил на человека, который только что, напрягая все силы, добился желаемого и теперь пытался перевести дух, дожидаясь неизбежного.

«Игры закончились, пройдёт совсем чуть-чуть времени, и Саум позволит загадать желание, каким бы оно ни было», — понял я, немного удивляясь тому, что как раз о желании Кейл, похоже, даже не думал. Ему почему-то было плевать.

«Скорее всего потому, что главное его желание — завершить Игры — Саум не может выполнить ни в какой форме» — пришла мне в голову догадка. — «Кто бы ни создал это место, они должны были предусмотреть определённую защиту от дураков и их дурацких идей».

— Всё кончено, — сообщил с торжеством и уверенностью Ресс, указывая на кристалл. — Игры завершились. Навсегда.

Не выпуская его из поля зрения, я осторожно подошёл к невысокому, каменному парапету башни, откуда открывался отличный обзор на округу. Там, далеко внизу находилась огромная масса людей, но чем конкретно они занимались ясно не было — туман и расстояние всё ещё скрывали всё происходящее от посторонних.

Похоже, что Кейл интерпретировал это по своему, считая, что преуспел. Мы с Ноа были несколько иного мнения.

— Для вас, Кайл, безусловно, — сказала моя спутница. — Как вы вообще могли додуматься до такого — завершить Игры во время битвы? Это против всех правил и традиций!

— Это не имеет значения, — ответил Кейл Ресс. — История меня оправдает.

— Вы считаете, что кто-то спустя некоторое время решится оправдывать того, кто задумал устроить кровавую резню? — вспыхнула Кейтлетт. — Какое вообще оправдание может быть для того, кто задумал разрушить мир и покой между двумя королевствами?

— Мир и процветание будущих поколений, чьё общество не будет построено вокруг культа насилия, — очень уверенно, явно не раз это проговаривая, ответил Кейл.

Это было странным заявлением. У Ноа так вообще отвалилась челюсть. Её можно было понять: она наверняка считала Кейла кем-то вроде маньяка, который задумал зло ради зла, потому что был злым и вырос в злобной среде.

У меня же и ранее проскакивали сомнения на этот счёт. Взять хотя бы тот странный разговор накануне первого предательства: те речи ещё тогда показались мне необычными, но сейчас это выстраивалось в картину, ироничную до слёз. Перед нами сидел на полу, сложив оружие, не кровавый маньяк, не фанатик, желавший войны ради войны, а первый в этом мире чистокровный пацифист...

— Вы считаете, что, устроив бойню на Играх, вы покажете всем, что воевать — плохо? — желая подтвердить свои мысли, спросил я.

— Именно! — в глазах Кейла зажёгся безумный огонёк, словно мне удостоилось чести быть первым, кто это понял. — Не будет больше глупого, надуманного конфликта, который вытягивает столько сил, вызывает столько вражды. Будет вечный мир!

Кейл осёкся, заметив, как я по мере его объяснений мрачнею. Причина была проста: вот она, культурная разница между Землёй и этим миром.

Он не знал и не мог знать, что Игры — это самое невинное воплощение слова «война», которое только можно было придумать. То, что являлось для него ужасом, с моей точки зрения было невинной, достаточно забавной традицией, которая позволяла выместить людям свою злобу, решить споры и дразги без кровопролития.

По иронии судьбы Ресс, решивший бороться против ужасов войны, родился, возможно, в единственном месте во вселенной, где это могло принести лишь вред.

Пока я размышлял, а Кейл продолжал свою «проповедь» миротворца, наконец налетел ветер, который принялся постепенно разгонять пылевую тучу вниз, обнажая происходящее там.

— Вы ничего не добьётесь, Кейл, по той простой причине, что сами не понимаете своего счастья, — уверенно заявил я.

— Счастья?! Вы называете это... — Ресс перешёл на крик, — ЭТО СЧАСТЬЕ?! Как может быть счастье в том, что тысячи страдают ради забавы? Бесконечный цикл насилия, которое порождает лишь насилие!

Кроме этого я краем глаза поймал вопросительный взгляд от Ноа, которая пока молча наблюдала за нашей дискуссией. Пришлось объяснять:

— Пролив кровь однажды, вы не остановите насилие, а лишь переведёте его на качественно новый уровень. Вместо Игр этот мир будут сотрясать настоящие войны, гибнуть в которых будут совсем не понарошку, — сказав это, я кивнул вниз, туда, где ещё час назад шло сражение. — Впрочем, похоже, вы недооценили тех, кого собирались убить. Они, может, ничего и не понимают, но интуитивно выбор сделали верный.

Там множество солдат двух армий, разом позабывших про все различия, дразги и ссоры, уже начинали банально напиваться. С их точки зрения Игры закончились, начались два года мира и процветания. Оружие стало ненужным, а знаки различия лишь подчёркивали былые заслуги.

Невзирая на явную угрозу от Ноа, которая мгновенно схватилась за меч, стоило ему направиться в мою сторону, Кейл подошёл к парапету и изумлённо глянул вниз.

— Похоже, вы рано решили отдать себя на суд истории, — со злым сарказмом заметил я. — Люди внизу вряд ли положительно оценят ваше стремление их убить.

Мне наивно казалось, что это конец, и мой противник, глядя на свою неудачу сломается, однако Кейл, оказавшийся куда крепче морально, решил иначе. Одним движением Ресс подскочил ко мне и с размаху заехал кулаком по лицу. Это было настолько неожиданно и резко, что ни Ноа, ни тем более мне не удалось среагировать.

Повинуясь запоздавшему инстинкту, я попытался отскочить назад, однако не рассчитал, что там лишь пустота, огороженная весьма условным каменным парапетом. Видя, что у меня проблемы равновесия и явно на это рассчитывая, Ресс нанёс следующий удар, попросту скинув с башни.

Лишь в последнюю секунду мне удалось ухватиться за небольшой каменный выступ на самом краю площадки, да и то одной рукой, для второй не осталось места. О том, чтобы из такого положения подняться, и речи не шло, хорошо бы не упасть окончательно. И судя по боли в руке, до этого оставалось совсем немного.

— Мне не нужна кровь! Хватит и двух «героев», которые трагически погибнут, сражаясь до последнего! — крикнул Кейл в отчаянии, переключая внимание на Ноа. — Саум доделает

остальное!

«А вот теперь он вспомнил, что перед ним артефакт, исполняющий желания», — с неудовольствием отметил я, надеясь на то, что до этого не дойдёт. — «Если с помощью Саума можно загадать всякое изобилие, то, скорее всего, можно попросить и обратное».

Кроме как думать и покрепче цепляться из последних сил, мне ничего и не оставалось — парапёт скрывал от меня происходящее на площадке. Оттуда некоторое время было слышно лишь напряжённую возню, а затем неожиданно взвизгнул металл и раздался очень неприятный режущий звук.

Возле края башни снова показался Ресс. Он посмотрел на меня своими удивительными глазами, но пустыми и мёртвыми в этот раз, из последних сил перевалился через ограждение и полетел вниз. В спине у Кейла торчал, загнанный туда практически по самую рукоять, меч Ноа.

Я зачарованно смотрел на то, как падало его тело. Как бы странно ни звучало после всего пережитого, но это была первая смерть, которую мне довелось увидеть воочию. Это до того меня потрясло и выбило из колеи, что я даже не заметил Ноа, ошарашенную ничуть не меньше, которая перекинулась через парапёт, словно силилась что-то достать. Или вернее кого-то.

Сообразил, что происходит, я очень вовремя: Кейтлетт как раз, кажется, собиралась заехать мне по лицу, что, учитывая моё шаткое положение, могло закончиться весьма фатально.

— ...то время, Рор! — долетел до меня обрывок её фразы, сказанный одновременно с отчаянием и злобой.

Удивлённо моргая, глядя в её серые, такие живые и красивые глаза, я наконец сообразил, чего она от меня хотела, и помог себя спасти.

Когда всё закончилось, мы молча сели, прижавшись к парапету спинами, тяжело дыша. Ноа, заметив на своей левой руке кровь Ресса, вздрогнула и всем телом прижалась ко мне.

— Зачем, зачем он это сделал? — спросила она испуганно.

Кейтлетт смотрела на свою окровавленную руку с выражением искреннего, практически религиозного ужаса на лице. В это мгновение она нисколько не напоминала командующую, славящуюся своим ледяным нравом и такой же выдержкой.

— Мы не оставили ему выбора, — зачем-то пустился в размышления я, хотя следовало промолчать. — Это был его единственный шанс на победу. Он поступил так же, как мы до этого — был верен своим убеждениям до конца.

Ноа ничего не ответила, продолжая зачарованно глядеть на кровь. Через некоторое время, будто это как-то могло всё исправить, она оторвала от одежды кусок ткани и обмотала им руку. Я же, отключив мозг, просто сидел и смотрел на светящийся кристалл перед собой. Последнее, что мне сейчас было нужно — это думать над произошедшим.

Так мы и сидели, прижавшись друг к другу, потеряв счёт времени. Может, пять минут, а может, и пять часов. Нам удалось спасти мир, но не похоже, чтобы мы спасли сами себя. Это убийство, вынужденное или нет, запомнится нам обоим навсегда.

— Твоё предложение по поводу гор ещё в силе? — первой нарушила покой и мерное гудение Саума Ноа.

— Да.

— Тогда собираем вещи и в путь. Куда угодно, только... — Кейтлетт осеклась, заметив пятно крови на полу.

— Как можно дальше отсюда, — проследив за её взглядом и тоже вздрогнув, закончил за неё я.

Уставшие и разбитые, мы медленно, помогая друг другу и ничуть не смущаясь того, что идём фактически в обнимку, побрели вниз по лестнице.

Наверху остался кристалл, к которому, опасаясь осквернить его кровью, никто из нас так и не осмелился прикоснуться. Я знал, что могу с его помощью вернуться на Землю, но сразу выбросил эту мысль из головы. Бросить здесь Ноа, оставив её с Рором, который ещё неизвестно как отреагирует на произошедшее? Самому сбежать от своих ошибок?

Нет, моя судьба была здесь — это я подсознательно знал с самого начала. Просто теперь между моей старой жизнью и новой пролегла кровавая черта, которую мне никогда уже не удастся пересечь.

Без всякого сожаления, словно два призрака, мы с Ноа спустились вниз и никем не замеченные, взяв королевских коней, поскакали прочь от башни.

— Мы сюда больше никогда не вернёмся, — сказала Ноа, оглядываясь назад, после того как мы поднялись по склону кратера.

Тоски или какой-то горечи в её голосе не было совсем. Только констатация неизбежного факта. Я целиком разделял её чувства и был готов сорваться куда угодно, лишь бы подальше отсюда и забыть тот взгляд Ресса перед падением.

Пока на меня накатывала рефлексия, Кейтлетт уже уверенно шла дальше, всюду планируя наше путешествие. Ещё раз посмотрев в сторону Саума и решительно махнув головой, отгоняя нехорошие мысли, словно мошкарку, она, приняв решение, постановила:

— Прежде чем мы отправимся, сначала заглянем куда-нибудь, где есть тёплая вода, мыло и чистая одежда.

Её бодрый настрой оказался заразителен и очень притягателен. В этом была вся Ноа: проиграв, она вновь поднималась и продолжала идти дальше, верно полагая, что подумать о плохом всегда успеется. Я так не умел, но готов был научиться.

— О, я знаю одно местечко! — память Рейланда, вернее, моя память, подсказала мне оное.

— Только не говори, что это какой-нибудь бордель, — едко попросила моя спутница.

— Нет, что ты! Это скорее салон специфичных услуг. — Не успел я договорить, как мне уже хорошенько прилетело по голове.

— Идиот! — воскликнула Ноа и вдруг тихо, будто сама в это не верила, спросила: — мы взаправду это делаем? Бросаем всё и уходим?

— А что, похоже на сон?

— На лучший из снов, — призналась Кейтлетт.

Удивленный таким несвойственным ей романтизмом, я взглянул на неё. Теперь, когда Игры оставались позади, у Ноа словно груз с плеч свалился: наконец-то она могла быть сама собой, никем больше не притворяясь и не отгораживаясь ёжиком от остального мира.

Может, и не настолько уж был не прав Кейл Ресс? Рейланд и Ноа совершенно забыли, что Игры — это не весь мир, а лишь ничтожно малая его часть. Так или иначе, но иллюзия развеялась и перед ними лежал дивный новый мир, так и зовущий его исследовать.

Пройдут годы, прежде чем Рейланд Рор и Ноа Кейтлетт, успокоившись, побывав там,

где прежде не ступала нога человека, осядут в уютном доме неподалеку от Файфика. Вскоре в его стенах раздадутся первые детские крики.

Ота Кохэку, его личность и история сначала станут воспоминанием, затем редким сном, а после и вовсе исчезнет без следа. За любое счастье всегда нужно чем-то платить.

«Так и горечь ужаснейшего поражения»

— Кха! Как же я ненавижу горы! Кхе-кхе! Кха! — кривясь от боли во всём теле и откашливая песок и камни, набившиеся в рот, простонал я, желая убедиться, что вообще ещё могу говорить.

К моему облегчению, главное моё оружие осталось при мне. Правда, ясности, где я находился и даже когда, это не внесло. Вокруг стояла непроглядная темень и пахло не очень хорошо.

«Башня. Саум. Ресс», — подсказала мне невыносимо болящая голова.

На секунду я хотел подхватиться с места и ринуться предотвращать катастрофу, но затем понял, что она ещё не случилась. По крайней мере, пока. Да и моё состояние было таким, что даже встать на ноги уже было бы подвигом, какое тут спасение мира!

Не без труда я вспомнил, что именно предшествовало всей этой боли: я, Леон и Гун-Гун отправились воровать бочки с порохом, и что-то пошло не по плану. Особенной в той его части, когда серпантин неожиданно взорвался у меня под ногами.

— Можете ненавидеть горы, Рор, — вдруг сообщил мне очень хорошо знакомый голос. — По опыту скажу, им всё равно.

Затем меня ударили по голове, будто та и так недостаточно болела.

АКТ III — ПРЕДАТЕЛЬ

Если ты потерялся, лучший выход — это остановиться и оглянуться назад, вспоминая, каким путём сюда пришёл. Возвращаться не следует, но это поможет лучше понять, где ты сейчас.

Мне снился странный сон. Будто я очутился безумно далеко от дома, в теле незнакомого человека и теперь руковожу от его имени детским садом, зачем-то организованным в армию, на войне, но не настоящей, а на как будто игрушечной, где есть место храбрости, благородству, самопожертвованию, но нет утрат.

Могло ли подобное место взаправду существовать? Был ли хоть один уголок во вселенной, где слово «война» не ассоциировалось у его жителей с разрушениями и смертью? Или же это всё плод моей нездоровой фантазии? Мираж, приятный на вид, но абсолютно пустой внутри. Что есть реальность, как не превалирование чистоты разума над зыбью фантазий?

Может, это всё не реально? Нет никакого Рейланда, Ноа, Ресса, Миюми, Гоа, Леона и прочих. А я на самом деле не оказался погребён под кучей камней, а просто лежу у себя в кровати, отравившись испорченным кексом. Или чаем, или бутербродом с сыром, или кусочком ветчины на здоровенном куске хлеба, или варёной картошечкой с котлеткой, или тортиком, или пиццей...

В тот момент, когда мне уже действительно удалось убедить себя, что тот кекс был лишним, я наконец проснулся, ясно осознавая, что никакой картошки вчера не ел. Только сухари, жидкость под названием «кофе» и, судя по привкусу на губах, немного камней.

Последнее было очень легко объяснимо: ведь мне на голову свалилась целая гора их, причём в буквальном смысле. Куда сложнее было понять, почему я оказался привязан к дереву. Где-то в этот момент заболела голова, напоминая, что по ней недавно били, причём уже после того, как подо мной взорвался серпантин.

Ясности в происходящее это не внесло. Со мной столько в последнее время случилось, что отличать реальность от гиперреалистичных, явно не просто так появившихся снов было очень и очень не просто.

К дереву меня привязали не слишком-то хорошо. Верёвка оказалась закреплена не слишком надёжно и, приложив некоторые усилия, я смог её слегка сдвинуть, что давало надежду в светлом будущем освободиться. Пока же мне удалось хотя бы оглядеться.

Стояла глубокая, ясная ночь. Неподалёку от «моего» дерева уютно потрескивал костерок, рядом с которым сидел спиной ко мне кто-то, целиком закутавшийся в плащ, а в поле зрения нависали громадой знакомые горы. Проклятый серпантин тоже был здесь. Правда, запомнился он мне ещё целым, тогда как сейчас большая его часть сильно пострадала от взрыва, вызвавшего обвал, и очевидно стала непроходима.

Если я правильно понимал, где нахожусь, то здесь же должен был стоять лагерь Ноа, однако от него осталась только сильно вытоптанная множеством ног земля.

«Значит, прошёл как минимум один день. Кейтлетт при всём желании не смогла бы уйти в ту же ночь, особенно после того, как я двинул ей по голове», — заключил я.

— Доставать вас из-под этих камней было большим одолжением, — сказал мне мой

пленитель, не оборачиваясь.

Наверное, он рассчитывал удивить меня своим появлением, но благодаря снам я уже примерно понимал что к чему. В них всё пошло совершенно иначе, но не сложно догадаться, что основное действующее лицо, строящее свои козни, осталось прежним — Кейл Ресс, он же Кайл Расс для Ноа и её товарищей.

— Да? А связан я для того, чтобы гарантировать возвращение долга? — Мне захотелось подыграть моему собеседнику.

— В том числе. Должна же быть от вас хоть какая-то польза.

— Кейл, — сдал я свой главный козырь, заставив того вздрогнуть, — вы просто никогда не играли со мной в угадайку. А ещё у меня отличная память на голоса. И предателей, перешедших к «лунным».

К его чести, Ресс не стал продолжать своё «представление» и откинул плащ, а затем повернулся ко мне.

— Меня не интересуют ни «лунные», ни «солнечные», ни «мармеладные», ни прочие глупости, — в голосе Кейла чувствовалось презрение. — Мне с ними не по пути.

Это тоже не стало для меня каким-то откровением, хотя, наверное, Ресс на это рассчитывал. К сожалению, это также подтверждало, как и во снах, цель Кейла — устроить кровавую трагедию, чтобы, как ему казалось, прекратить Игры.

Оставалось лишь понять, что он намеревается делать. В снах он сам встал во главе «лунных», а Ноа оболгал и вместе со мной бросил в этих горах. Очевидно сейчас происходило что-то иное, и нужно было понять, что именно.

— Им я тоже, как выяснилось, оказался не нужен, — вдруг добавил Ресс не без горечи.

— А?

— Альт Цион заметил подлог в документах, — с высокомерной усмешкой рассказал Кейл. — Будь проклята эта бюрократия, которую развела Ноа.

— Ничего не понимаю, — честно признался я. — Вас что, выгнала Кейтлетт?

— Отослала в тыл. Пока. Она что-то поняла. Не знаю, когда и как, но до неё похоже дошло, — очень обтекаемо объяснил Ресс и добавил с сожалением: — как знал, что не нужно было впутывать её в это. Галлен подошёл бы куда лучше...

— Знаете, Кейл, если вам нужно кому-то излить душу, не стоит искать сочувствующих среди тех, кого вы привязали к дереву, — едко заметил я.

— Насмехайтесь, я это заслужил, — кинул Ресс с усмешкой. — Только учтите: вам из этих гор одному не выбраться.

— О чём это вы? — до меня не сразу дошло, что он имел в виду. — Вы что, хотите, чтобы я вам помог?! Ха-ха-ах, лучше сразу тащите меня вместе с деревом.

Смеяться было, наверное, не лучшим проявлением моего характера, но сдержаться мне не удалось. Слишком уж абсурдно это всё было.

Кейл повернулся в мою сторону и безучастно посмотрел. Затем, пожав плечами, он встал и просто, даже ничего не сказав, ушёл прочь. Я ожидал, что это уловка и что Ресс сейчас вернётся, но шло время, а этого не происходило. В тот момент, когда небо начало светлеть, до меня наконец дошло, что тот смех был и вправду лишним.

«Идиот!» — выругался мой внутренний голос. — «Ты единственный человек в этом мире, понимающий, какую опасность представляет Кейл. И что ты делаешь? Даёшь ему уйти! Фактически прогоняешь!»

«Может, он не выберется из этих гор?» — попытался оправдаться я.

«Серьёзно? Человек, который сам говорил тебе, что составляет карты Игр, не сумеет выбраться?» — звучало и вправду очень так себе.

Даже мне наверняка удалось бы выбраться отсюда, просто идя по тому пути, по которому мы с армией сюда пришли. Главное «лунным» не попадаться. Только заняло бы это очень много времени.

Тогда как Кейл Ресс выберется отсюда за считанную неделю, если не меньше. Что будет дальше я знал очень хорошо: он стравит «лунных» и «солнечных» вблизи Саума и устроит катастрофу. Впрочем, думать об этом пока было бессмысленно, прежде требовалось избавиться от верёвок.

Освободиться удалось часа через полтора, большая часть времени прошла в непрерывном ёрзанье вокруг дерева. Больше всего процесс напоминал выступление пьяной танцовщицы, которую шутки ради подключили к розетке. Радовало, что это хотя бы никто не видел.

Рассвет к этому времени уже взял своё. Впрочем, в темноте было даже лучше. В ней хотя бы существовала призрачная надежда найти свои вещи или то, что удалось спасти перед взрывом палатки. Свет же поставил на этом жирный крест.

Похоже, я влип по полной: один среди безлюдных гор в порванной одежде и даже без огнива. Самое время было вспомнить навыки, почерпнутые из различных книг и телепередач про выживание в дикой природе. К сожалению, единственное, что мне удалось запомнить — это то, что умирать от голода придётся долго и тоскливо.

«В прошлый мы с Ноа нашли много выброшенных вещей», — напомнил мне внутренний голос и оказался как всегда прав.

Здесь же стоял лагерь «лунных»! Может, сами они и ушли, однако любая армия оставляла за собой целые груды мусора. Учитывая моё положение, это вполне приемлемый вариант.

— Мда, хоть сейчас на показ мод. На моём фоне даже пакет будет выглядеть вершиной вкуса, — заметил я вслух, разглядывая своё отражение в луже, после того как закончил копаться в грудях мусора.

Обновка у меня вышла очень так себе. Почему-то солдаты не выбрасывали последние новинки моды и лучшее снаряжение, предпочитая проделывать это со старыми вонючими вещами. Впрочем, всё было не так плохо: мне удалось более-менее нормально одеться по погоде, а значит, замёрзнуть уже не грозило. Нашлось огниво, моток верёвки и даже сабля, кривая настолько, словно ею плашмя рубили дрова.

Вот чего в мусоре не было — это ответа на вопрос, куда мне идти.

Серпантин был завален и без альпинистского снаряжения. Даже если бы я знал, как им пользоваться, пройти там не представлялось возможным. Моей армии также не было видно, очевидно, они двинулись дальше. Искать тропу, тыкаясь наугад по окрестностям, было бессмысленно, а воспроизводить в уме карту местности, которую мне неоднократно приходилось изучать, мой мозг отказывался наотрез.

Но ведь Ресс же куда-то ушёл, значит, и путь был. С другой стороны, не стоило сомневаться, что у Кейла имелось подробное досье на каждый здешний камень.

Другим вариантом была Ноа, тоже куда-то испарившаяся со всей своей толпой. У Кейтлетт точно имелись карты местности, скорее всего, наилучшие. А ещё планы свернуть мне шею, как только я ей попадусь, но мне от неё нужно было только первое. Если выследить одного человека, особенно такого, как Кейл, который мог незамеченным

подкрасться в упор, для меня было задачей мягко говоря непосильной, то найти путь, по которому шло стадо раздолбаев, казалось куда проще.

Многотысячная армия оставляла за собой весьма заметный шельф из мусора и разрушений. Мне нужно было лишь идти по нему и надеяться, что произошедшее в лагере настолько разозлило Ноа, что она без раздумий кинулась в погоню за «солнечными» обходным путём, а не куда-то там ещё.

От серпантина армия «лунных» повернула обратно на юг, но вопреки моим ожиданиям, вернулась не на дорогу, а свернула где-то на полпути до неё. Здесь находился перевал, на всех картах прозванный «Коварным», что абсолютно не соответствовало действительности.

Коварство обозначало наличие какого-то скрытого, зачастую злого умысла. Это же место нисколько не пыталось скрыть свою суть. Тонкая дорожка, на которой и трое в ряд бы не разминулись, петляющая вокруг глубокого ущелья, двоящаяся и троящаяся почти каждые сто метров, без укрытий от стихии и какой-либо растительности. Пожалуй, через игольное ушко было проще провести армию, чем здесь.

Выбирая маршрут для армии, я в своё время на это место даже не обратил внимания. Переходить здесь было бы пустой тратой сил и припасов. Впрочем, учитывая, что даже при движении по куда более безопасным маршрутам мы постоянно несли потери, они могли уже и не пригодиться. Тебе не понадобится есть, если ты свалишься с обрыва!

Но, видимо, для Ноа догнать мою армию теперь было куда приоритетнее, чем оставить свои силы в целостности и сохранности. Не самое разумное решение с её стороны, но кто я такой, чтобы осуждать противника за его ошибки?

Поначалу мне не очень хотелось повторять её ошибку. Зачем выбирать трудный путь, если южнее имелась весьма удобная для перемещения дорога? Первый же встреченный патруль, даже не на дороге, а в её дальних окрестностях, переубедил меня в этом. «Лунные», дураки такие, не только не оставили важную для перемещения людей и грузов магистраль, но ещё и перемещали по ней этих самых людей и грузы. Подлые подлецы!

Сменив точку зрения на происходящее, я рассудил, что у меня ещё один запасной вариант. В снах мы с Ноа шли через некий «Заброшенный форт», и пускай визит был мягко говоря разрушительным, путь тот в целом оказался нетрудным. Пройти его одному казалось ничуть не сложнее, чем двоим.

Однако и здесь меня ждала неудача, но уже по другим причинам. «Тогда» путь к Заброшенному форту удалось найти благодаря тому, что тем же путём прошла часть «лунных», оставляя за собой всё тот же след из мусора. «Сейчас» же Ноа отправила всю армию через Коварное ущелье.

Конечно, я мог бы попытаться найти путь и сам, но это заняло бы непозволительно много времени, которого было в обрез. Пришлось смириться идти за армией «лунных».

К тому времени как моя нога ступила на Коварный перевал, подходил к концу второй день моего пребывания в горах, а моей главной мечтой стало поспать.

Во время первой ночёвки помешал дождь. Проклятый ливень едва не унёс меня в пропасть. Но даже так умудрился напакостить: не сумев смыть мою тушку, он сделал это со следами Ноа и её армии, лишив как ориентира, так и источника пополнения запасов. Из-за этого пришлось без всякой надежды на успех тыкаться наугад.

Тыкаться наугад, на секундочку, в месте, в котором дорога то ветвилась словно какой-то куст, то была прямой и узкой, как кишка, но вела в тупик, вынуждая возвращаться назад на много километров к последней развилке. А уж что здесь творилось по ночам!

В первую ночёвку мне не удалось оценить какофонию окружающих меня звуков во многом благодаря дождю. Однако на вторую все местные обитатели словно набрались сил, решив сполна это компенсировать.

Горы они только внешне пусты и безжизненные. На деле же жизнь здесь кипела ничуть не меньше, чем в каких-нибудь джунглях. Особенно ночью. Стоило солнцу скрыться и водвориться темноте, как вокруг меня кто-то непрерывно принялся чавкать, блять, лаять, стонать, рычать и издавать ещё тысячи различных звуков различной степени неприятности. Учитывая, что за весь предыдущий день единственная живность, которую мне удалось увидеть, были крошечные ящерицы. Такая резкая перемена откровенно пугала. Казалось, ещё чуть-чуть — и вся эта свора придёт чавкать и стонать уже мною.

Уснуть в этом вот всё мне так и не удалось. Пришлось с рассветом вставать и, проклиная всё на свете, двигаться дальше.

Три дня без сна да ещё и в однообразном каменном лабиринте привели к весьма ожидаемому итогу. Весь день я блуждал буквально «куда-то», так никуда на самом деле и не придя, а лишь устав больше прежнего. Не слишком способствовало появлению сил и моё питание — старые сухари.

Это слово в контексте армии приобретало совсем иное, нежели в нормальной жизни, значение. Здесь сухарём называли любую субстанцию, которую без воды употреблять можно было лишь с риском повредить зубы, а в некоторых случаях особо прочные экземпляры годились даже в качестве картечи.

Сухари в армии были возведены в ранг чего-то святого, почти божественного. Количество различных ритуалов, которые с ними проделывали, зашкаливало, больше существовало только шуток на тему их съедобности.

Кто-то, получая очередную порцию сухарей, сразу же принимался каждый кусочек встряхивать, надеясь выкинуть различных непрошенных гостей. Другие же, напротив, к «дополнительному белку» относились положительно и предпочитали дожидаться, пока его станет побольше.

Из сухарей делали суп, чай, рагу, иногда использовали вместо обезболивающего или шин. Уверен, существуй рецепт превращения сухарей в самогон, его бы автор вошёл в историю, потеснив разом всех остальных мировых светочей науки.

Для меня сухари тоже стали частью ритуала. Иной пищи-то не было. Солдаты Ноа, пока я ещё шёл по их следам, почему-то не спешили выбрасывать свежие овощи или мясо.

Каждая моя попытка принять пищу превращалась в лотерею — сколько времени, воды и дров понадобится в этот раз, чтобы очередной сухарь стал съедобен. Пару раз мне случайно попадались камни, и они куда быстрее разваривались, чем эти проклятые сухари!

Без воды же попытка употребить такой превращалась в пытку. Я словно лизал очень невкусный кусок наждачной бумаги, а тот только впитывал всю влагу, но даже и не думал становиться мягче.

Ближе к закату, пытаясь рассосать очередной такой «камень», я, совсем отчаявшись и разозлившись, со всей дури швырнул его в ближайшую скалу.

— Да что ж за мучение такое!

Сухарь ударился об камень, отскочил в сторону и полетел в пропасть. Пару секунд мне казалось, что ничего не произошло, но затем сверху что-то гроыхнуло, а земля подозрительно задрожала.

А уже в следующую секунду я со всех ног, невзирая на опасность свалиться в пропасть,

бежал в обратную сторону, чтобы укрыться от обвала. От смерти мне удалось спастись едва ли не в последнюю секунду, однако тропа, ведущая дальше, оказалась заблокирована. А последняя развилка повстречалась мне ещё утром!

— Надеюсь, это не единственный путь, — вслух заметил я.

Разговаривать с самим собой мне было не привыкать. Ещё на Земле это оставался верный способ не замечать одиночества. Однако, как и тогда, меня всегда пугало, если на мои мысли вслух кто-то внезапно отвечал.

— Нет, — ответил никто иной как Кейл Ресс, стоявший позади меня, лениво прислонившись к камню. — Вам повезло, этот путь не единственный.

— Ближе не подходите, на куски порублю! Будет больно и очень обидно! — пригрозил я.

Кейл с усмешкой посмотрел на мою согнутую саблю и как бы невзначай откинул в сторону подол своего плаща, демонстрируя, что его парные клинки при нём.

— Не отчаялись ещё тут в одиночку бродить без сна и еды? — спросил Ресс. — Долго вы так не протянете.

— Лучше так, чем каждую ночь опасаться, что вы мне воткнёте нож в спину.

— Если бы у меня были такие планы, то вы бы так и остались под теми камнями. — звучало логично. — К сожалению, вы мне нужны.

Я хотел было язвительно уточнить «уж не для прекращения ли Игр навсегда», но вовремя прикусил язык. Стоит это сказать — и меня сбросят в пропасть. В ту же секунду. Кейл не станет так рисковать, если поймёт, что мне известны его планы. Конечно, он меня не сможет убить: магия Игр защитит — но выведет из строя вплоть до их окончания.

Как это ни странно, но я ему был нужен куда меньше, чем он мне. Из гор Кейл выберется, рано или поздно. Вероятнее всего, это случится до конца Игр, а значит, теоретически сможет осуществить свои ужасные замыслы. Если в мои планы входит помешать ему, нужно тоже выбраться отсюда и тоже как можно раньше.

«Придётся идти с ним и делать вид, что я ничего не знаю», — пришла в мою уставшую голову дельная мысль.

Впрочем, изображать дурака мне было не впервой:

— Для чего это я вам нужен?

— Вам всё надо повторять по несколько раз? — раздражённо уточнил Ресс. — Я уже говорил, одному отсюда не выбраться. В разумные сроки.

— Иди себе по тропинке и... — продолжая убедительно отыгрывать роль идиота, начал я.

— Вы уже прошлись, как, понравилось? — Кейл даже не дал мне договорить. — Это вы ещё не видели изюминку этих мест, оно чуть дальше.

— И что же там?

— Обрыв, такой, что дна не видно, и узкая полоска дороги, где одному развернуться уже проблема.

— Ноа же как-то прошла...

— Она шла иным путём. Вот тем, — он указал на другой завал, как мне казалось ранее, очень давний. — Даже не будь здесь этих камней, там, дальше, в километре ещё один обвал, куда крупнее. Ноа взорвала за собой путь.

— Какая она... расчётливая.

— Да, — с усмешкой подтвердил Кейл. — По-моему, у вас проблемы. Вы же ещё не

научились летать?

— Умею с детства, но только вниз и недолго, — хмуро ответил я и спросил напрямую: — что вы предлагаете Кейл?

— Вы помогаете мне, я — вам. Как только выйдем отсюда, наши пути разойдутся.

Сделка была не из тех, выгода от которой очевидна. Впрочем, другого выхода, кроме как согласиться, у меня похоже не осталось. Если я хотел успеть вернуться к своей армии, чтобы вместе с ней дойти до Саума и отправиться домой, у меня не было иного выбора, кроме как пойти на сделку с дьяволом. Однако тот почему-то задерживался, и кроме Кейла вариантов не оставалось вообще.

— Похоже, у меня нет выбора, — нехотя признал я под пристальным взглядом Ресса.

— Что, даже не спросите, зачем мне это? — удивился он.

— Ну, и чего же вы хотите? — нехотя поинтересовался я, подыгрывая и заранее зная, что ответ меня не устроит.

— Самого наилучшего для этого мира, — вполне ожидаемо и очень искренне ответил Кейл.

— Чего?

— Наилучшего.

— Не думали о карьере политика? Там очень ценится умение много говорить так, чтобы это вообще не имело смысла.

— Подробности в сделку не входили. У меня нет ни времени их описывать, ни надежды, что вы их поймёте, — хмуро ответил Ресс и, развернувшись, направился по единственной тропе в обратном направлении. — Там, — Кейл Ресс неопределённо махнул рукой, — есть площадка, на ней можно будет переночевать. Нам, особенно вам, не мешает сейчас отдых. Завтрашний день будет сложным.

Площадка действительно имелась: в километрах трёх от той точки, где мной был устроен обвал, и, если мне не изменяла память, то в своих бесцельных бродениях я проходил мимо неё несколько раз, даже не заметив. Оно и немудрено: проход к ней представлял из себя узкую щель меж двух камней. В такую мог пролезть не слишком объёмный, примерно 2D человек, но почти без вещей.

Их Кейл, а затем и я по его примеру, оставил возле входа, припрятав за камнем. За них можно было не переживать, люди по этому ущелью ночами не шастали, а зверьё очень хорошо знало своё место в пищевой цепочке и лишний раз не рисковало.

Когда мы проползли меж камней, то оказались в тесном закутке между двух скал, которые сходились на высоте около двух метров, образуя тем самым потолок. Место оказалось обжитым: имелось кострище, пара очень сильно потрёпанных лежака, и, что меня особенно удивило, небольшой запас дров. Как они здесь оказались, я совсем не понимал.

Это объяснил, заметив мой интерес, Кейл, указав на округлое отверстие в скалах, явно не природного происхождения, располагавшееся аккурат над кострищем.

— Сюда есть обходной путь. Что-то серьёзное там не пронесёшь, но пару поленьев запросто.

— Кому надо таскать сюда поленья? — удивился я, к вечеру совсем плохо соображая.

— Тем, кому нужно надёжное убежище в этих горах, — пожав плечами, спокойно ответил Ресс, возясь с костром. — Хотя в дождь здесь может быть небезопасно.

Слива для большого потока воды в этом каменном мешке и вправду не было. Да и лежаки, на один из которых я с облегчением плюхнулся, хранили в себе следы недавнего

буйства стихии.

Наконец раздался треск огня, и наше убежище постепенно наполнилось каким-никаким, но теплом. Убедившись, что костёр горел нормально и внезапно гаснуть не собирался, Кейл тоже плюхнулся на лежак. Сначала он, как и я, смотрел на пламя, но затем лёг и отвернулся.

Мне же было не до сна. Меня, глядящего на спину спутника, одолевала одна очень простая, но такая соблазнительная мысль...

— Прикидываете, крепко ли я заснул? — прервал мои размышления сам Ресс, неясно как догадавшись о их содержимом. — Найдётся ли здесь камень подходящего размера и не дрогнет ли ваша рука? Хочу напомнить, что у меня при себе два клинка, острее того посмешища на вашем поясе, и тем более любого из камней. Идите спать, завтра будет тяжёлый день

Ложась на бок и закрывая глаза, я гадал, увижу ли ещё совместные приключения Рейланда и Ноа. Однако, всё, что мне хотели сказать той историей, уже сказали. Эпилог был рассказан, и последняя точка заняла своё место, аккурат после слова «конец».

Вместо тех снов пришли новые, совсем другие по тону. Почему-то от них нестерпимо несло гарью. Начинались они с выстрела, который поставил точку в одном давнем противостоянии.

«Честный» бой

«Недостаток сна — опаснее любого яда»

— Командующий, с вами всё в порядке?

Голос Миюми, раздавшийся у меня над ухом, ясно говорил, что лично она в правильном ответе не сомневалась, а просто пыталась понять, являлось ли моё состояние нормой по моему мнению.

Тоненькая полоска света из-за двери-шторки намекала, что уже утро. Это означало, что мне удалось проспять невероятных два часа. После такой бурной ночи я чувствовал себя как недопеченный пирожок: хотелось куличиком растечься на чём-нибудь тёплом и, бесстыдно являя всему миру свою начинку, поспать.

Так или иначе, но предыдущая ночь прошла плодотворно. Мне, Леону и Гун-Гуну удалось обвалить серпантин, а немногим ранее я застрелил из её же пистоля Ноа Кейтлетт.

Каким самомнением надо обладать, чтобы на randevу-засаду со мной принести заряженный пистолет, направить его на меня и с пальцем на курке начать читать мне нотации. Дескать, я спалил городишко, расстрелял каких-то там солдат, вместо того чтобы взять их в плен или опустить, повесил пару подосланных Ноа же лазутчиков.

Звучало всё так, будто я нарушил какие-то там традиции и правила. Но как по мне, если кто-то что-то и нарушал, так это сама Кейтлетт — правила здравомыслия.

Один быстрый, внезапный удар, короткая потасовка на полу, в которой у Ноа не было ни единого шанса, и выстрел вместо точки в нашем «противостоянии». Вот к чему приводили глупость и наивное следование каким-то там «правилам».

Отринув мысли о прошлом, мне ничего не оставалось, кроме как подняться с кровати и обратить их на будущее. Судя по тяжести в голове, сухости во рту и желанию кого-нибудь убить — впрочем, последнее я испытывал ежедневно — у меня было похмелье. Самое обидное заключалось в том, что накануне не происходило никакой бурной попойки. В моём рту вообще за последнее время не появлялось ничего крепче кофе. Кстати, о нём...

— А я принесла вам кофе! — Миюми, полная энтузиазма, водрузила передо мной дымящуюся чашку.

Она всегда его приносила по утрам, как бы говоря: «У тебя всегда есть выбор: жить или умереть». Всё бы ничего, но дымилась именно посуда, а не напиток, он, напротив, оставался подозрительно спокойным.

Факт того, что ещё чуть-чуть — и сие вещество может оказаться во мне, пусть и ненадолго — меня основательно взбудрил. Сразу вспомнился мой школьный учитель физкультуры, который любил повторять: «Ничто так не бодрит поутру, как угроза неминуемой гибели». Вроде как несколько лет назад его наконец посадили за незаконное хранение оружия, торговлю наркотиками и проституцию.

— Ты молодец, — дежурно похвалив свою помощницу, я стал размышлять, куда бы деть жидкость.

Доступных вариантов было преступно мало. Виной тому, помимо того, что большая часть моих вещей осталась далеко позади, являлось то, что немногие оставшиеся больше одного-двух «употреблений кофе» почему-то не выдерживали.

Я и так позаимствовал у всего лагеря все возможные цветы в горшках. А так как вернуть их не представлялось возможным, по лагерю уже ходили упорные слухи, что их

великолепный командир обратился в вегетарианство.

Словом, живых растений, чьи горшки идеально подходили, практически не осталось, а те, что пережили процедуру, теперь способны были постоять за себя. Недавно героически отдала концы мусорка, повывавшая кучу битв, пару вспышек гнева, а также некое происшествие, которое Рейланд помнил как «тазик для Ноа», но без каких-либо подробностей.

К моему облегчению, мне всё же удалось избавиться от кофе. Я сделал вид, что пролил его на какие-то бумаги. Весь этот театр отвлекал меня от главной проблемы текущего, только начавшегося дня — предстоящей битвы. Может, нам и удалось отрезать одну армию «лунных», обвалив за собой серпантин, но вторая-то никуда не делась, а так как пройти мимо было невозможно физически, оставалось лишь пробиваться с боем.

Нет, конечно, можно было подождать, пока эти трусы отступят, и я даже не сомневался в том, что в конечном счёте так оно и случится. Вот только ирония заключалась в том, что даже битва в столь невыгодных условиях — а противник занимал крайне удобное для обороны ущелье — была нам нужна.

Кто знает, что нас поджидало за этим перевалом? Скорее всего, что там мы увидим ещё больше «лунных», всяких разных, а значит, ни в коем случае нельзя давать им фатального численного превосходства.

Проблема в том, что у меня абсолютно не было представления, каким образом победить противника так, чтобы после боя осталось хоть что-то, отдалённо похожее на армию. Парадоксально, но чем больше я разбирался в вопросе, тем хуже оказывалось наше положение.

В дверях раздался шум. Это оказался похожий на свою зомбоверсию больше чем сам на себя Леон. Он совершил немыслимое и выглядел ещё хуже, чем его командующий, но принёс донесения разведки. Не говоря ни слова — ведь зомби не разговаривают — граф передал их вернувшейся Миюми и то ли вышел, то ли попросту выпал из палатки.

Развернув принесённую карту со схематичными отметками на столе, я не сдержался и неосторожно воскликнул:

— Окопы, реданы, орудия и, это что, Редут?! Когда они только успели построить эту линию Мажино?

Похоже я сильно недооценил уровень потерь. Судя по карте, мне потребуется или две таких армии, как та, что была у меня сейчас, чтобы прорвать укрепления, или целиком засыпать их трупами.

— Что такое «линия Махино»? — спросила Миюми, продолжавшая крутиться рядом.

— Это ф... еноменально серьёзные укрепления, — вовремя оборвав себя на полуслове, ответил я. Не хватало ещё объяснять моей помощнице, что такое «Франция».

Возвращаясь к основной проблеме, мне пришлось перейти к детальному разглядыванию карты, словно надеясь найти какой-то способ обойти неприятеля. С тем же успехом можно было искать способ его облететь или обплыть.

Продолжавшая ковыряться Миюми вдруг заметила вслух:

— Наверное, «лунные» вне себя от злости...

— С чего ты решила? — спросил я скорее из вежливости, удивляясь тому, что это её вообще волновало.

— Ну вы же расправились с Ноа, знаете... — девушка явно очень осторожно подбирала слова, не желая в это лезть, и похоже уже сама была не рада, что заговорила. — Без дуэли и,

ну, всё такое.

— Во-первых, у нас была достаточно длинная перепалка, так сказать, словесная дуэль. Во-вторых, вряд ли они уже знают об этом.

Тут меня осенило, точнее, правильно сказать, накрыло. Яркая мысль пронеслась по моему разуму, освещая даже самые тёмные его уголки и наполняя энергией. Вот оно — решение, которое я так долго искал!

Не в силах усидеть на месте я подхватился, на секунду обнял Миюми, которая от неожиданности замерла, будто оказавшись в лапах у хищника, и, воскликнув «пора действовать!», вышел прочь. Вдогонку мне донёлся робкий голос моей помощницы, которую никто уже не слышал:

— Командующий, вы забыли свои штаны...

Я ожидал встретить обычно сонный по утрам лагерь, но вопреки прогнозам оживление здесь царило нешуточное. К сожалению, причиной оказалась не фантастическая прозорливость моих подчинённых, которые заметили гениальную идею своего командующего, а банальный пожар, о котором мне как раз торопились доложить.

— Что горит? — спросил я, опередив торопыгу-капрала.

На самом деле, это был глупый вопрос. Что ещё могло гореть в месте, где находился Гоа Эльт? Поэтому ответ оказался вполне предсказуем.

— Палатки сорок второй, командующий!

Виновника происшествия долго искать не пришлось. Собственно, пока остальные тушили пожар, Эльт стоял перед горящим расположением своей полубригады с факелом и как-то странно, словно он был глубоко впечатлён происходящим, смотрел на пожарище.

Заметив моё появление, капитан вытянулся по струнке, отсалютовал мне факелом и, почему-то не спуская взгляда с моих глаз, поспешил оправдаться:

— Я просто хотел нести тепло и радость...

— Замечательно получилось, — едко оценил я его успехи. — Положите, пожалуйста, факел, капитан. Когда вы только успели столько накосячить?

— Нас рано подняли, командующий! Разрешите приступить к тушению?

Решив, что с ним можно будет разобраться и потом — пожар был актуальнее — я почти отпустил Эльта. Вдруг мне пришло в голову, что столб дыма наверняка видели «лунные», сидящие в ущелье. Учитывая, что мне как раз требовалось что-то в таком стиле, этим происшествием вполне можно было воспользоваться.

Но одного дыма недостаточно, нужно, чтобы была иллюзия боя. Распорядившись прекратить тушить палатки, а вместо этого вынести оттуда ценное и сделать всё, чтобы пожар никуда не распространился, я вернулся к Эльту:

— Капитан, немедленно соберите свою бригаду во всеоружии, постройте её и открывайте ружейный огонь по... — мой взгляд пробежал по окрестностям. — Вот той горе вдали.

Моя рука указала на небольшую серую точку где-то в километрах ста от нас. Учитывая, что прицельная дальность стрельбы из мушкета была метров двести, а пуля летела максимум метров семьсот, даже у такого изобретательного человека, как Гоа, отсутствовали шансы кому-либо навредить.

У капитана явно возникло множество вопросов по поводу моего приказа, но благо он был военным, а эти сначала делают и только потом спрашивают. Продолжая сохранять зрительный контакт, Эльт отсалютовал и побежал созывать свою полубригаду.

Я же в это время приказал собрать здесь остальных офицеров — нам было что обсудить. Долго ждать не пришлось, но, к моему огорчению, откуда-то, по-видимому из могилы, достали Леона, что сильно портило момент. У графа явно возникли вопросы по поводу происходящего вокруг безумия. Он, как представитель короля, всё же не был настоящим военным, поэтому не стеснялся спрашивать:

— Командующий, у меня несколько маленьких вопросов по поводу, кхм, всего. Для начала: почему на вас нет штанов?

Краем глаза убедившись, что эта претензия не так уж и беспочвенна, а также заметив неподалёку ушки своей помощницы, я гордо ответил:

— Настоящему мужчине нечего скрывать! Поэтому, эй, Миюми, быстро принеси мои штаны! — Когда я разобрался с этой проблемой, мне не оставалось ничего, кроме как перейти к обсуждению следующей. — Что ещё?

— Почему палатки бригады Эльта горят, а он и его люди в это время тратят силы и боезапас, расстреливая воздух?

— Они устраняют нашу самую главную угрозу: каждый человек, который дышал — умер! — шутка не особо кому-то понравилась, поэтому пришлось объяснять уже нормально. — Это наш шанс выманить «лунных» из укреплений. Они ещё не знают, что остались с нами один на один, как и не знают того, что именно у нас сейчас происходит. Зато видят дым и слышат выстрелы. Вариантов немного.

Леон, удивлённый до глубины души, несколько раз моргнул. Ещё раз оглядев происходящее, граф потрясённо спросил:

— Как это вам вообще в голову приходит? Что вы употребляете?

— Суровую реальность, внутривенно ежедневно по утрам. Это последний вопрос?

— Нет...

— В таком случае, на остальные нет времени. У нас тут бой вот-вот будет.

Лой Ноктим, который неплохо сливался с окружающей обстановкой, заметил из своего облачка:

— Возможно, нам стоит построить войска для отражения нападения?

С этим было не так просто.

— Нет. «Лунные» наверняка хотя бы примерно в курсе, сколько нас здесь. Если они увидят, что их ждёт сразу вся армия, то могут что-то заподозрить. Поэтому мы позволим им завязать бой, дадим иллюзию скорой победы, а затем контратакуем и на плечах бегущих займём все их укрепления.

Собравшиеся выразительно замолчали. Люди передо мной не хуже меня понимали, что будет с теми, кто станет приманкой — на них навалятся численно превосходящие силы противника, но ни отступить, ни рассчитывать на подмогу, по крайней мере, пока в бой не вступят все «лунные», они не смогут.

Практически одновременно раздались два голоса. Один принадлежал капитану Каю, другой исходил из облачка дыма, окружавшего Лоя Ноктима:

— Я готов!

Это был сложный выбор. С одной стороны, если кто и выстоит — то это подчинённые капитана Ноктима. С другой, терять закалённых в боях ветеранов, используя их как

приманку? Капитан Кай годился на эту роль куда сильнее — этих не жалко.

— Кай, это ваш шанс попасть на страницы истории. Собирайте своих людей и немедленно выдвигайтесь на позиции.

Капитан, бодро отсалютовал мне, похоже, плохо понимая, что именно его ждёт, ринулся исполнять поручение. Я проводил Кая тяжёлым взглядом.

«Пускай наши потери будут выше, но зато мы сохраним лучшие наши части для наступления. Так будет правильно»

Приведя армию в полную готовность, так, чтобы по первому приказу все были готовы ринуться в атаку, мне не оставалось ничего, кроме как наблюдать за тем, как орда «лунных» втаптывала в землю капитана Кая.

Тут важно было ждать, невзирая ни на что. Начнём рано — противник успеет отступить за свои укрепления, слишком поздно — то же самое.

Поэтому, когда из густи боя прибежал вестовой, глядя на которого из-за гари не сразу удавалось понять, какого цвета его кожа, мне не оставалось ничего, кроме как выслушать его с каменным лицом.

— Капитан Кай просит подмоги или приказа отступить. Их слишком много...

— Вернитесь обратно и передайте капитану мои наилучшие пожелания и мою благодарность, — холодно ответил я, оборвав солдата на полуслове. — Его бригада сегодня войдёт в историю своим мужеством и стойкостью.

Вестовой бросил на меня полный отчаяния взгляд и убыл обратно.

— Разуштите Эльта, — обращаясь к Ноктиму, сказал я. — Хватит ему стрелять в воздух — воздух ранимый и может обидеться. Пускай он со своими людьми двигается сюда: они разгорячённые, им сейчас самое место в авангарде атаки.

Когда все собрались, я бросил в сторону битвы оценивающий взгляд, посмотрел на карманные часы, прикидывая, что ловушка захлопнулась, и скомандовал:

— Вы знаете, что делать! Рассчитываю, что все из вас покажут себя сегодня не хуже, чем капитан Кай. В атаку!

В этот раз мне захотелось воспользоваться привилегией командующего и не участвовать в битве лично. На беготню и драки откровенно не было сил, но гораздо важнее — ничего там от меня не зависело.

Если всё получится, то и без моего участия разберутся, что делать. Нет — поляжет вся армия, и моё присутствие ситуацию никак не исправит.

Поэтому я следовал изобретённой ещё в прошлой, Земной жизни формуле: «Если ничего не делать, то придётся меньше переделывать» и просто наблюдал за битвой издали.

Рядом находилась Миюми со штандартом, которая без меня не решилась пойти в атаку, и Леон, который просто стоял то не слишком ровно, не то что куда-то шёл.

В том, чтобы вот так нервно топтаться на месте, смотреть и ждать исхода, было что-то странное и непривычное. Мне хотелось забить на усталость и всё же броситься туда, в гущу событий, хотя бы для того, чтобы лично убедиться, что всё в порядке. Что-то внутри останавливало меня от этого решения, может, лень, объединившаяся с голосом разума, а может, и нечто другое.

«Командир в конце концов я или нет? О каком успехе может идти речь, если не верить в

своих подчинённых? Ноа вот не верила — и где она теперь?»

При воспоминании о ней меня захлестнула невесть откуда взявшаяся паранойя. На секунду мне даже показалось, что сейчас эта самовлюблённая дура стояла за моей спиной. Я огляделся, не доверяя своему разуму, твердившему, что это бред. Разумеется, никого там не было, ведь в этой схватке победа уже досталась мне, кто бы что ни говорил по поводу её честности.

Убедившись, что из окружающих никто не заметил моей панической атаки и немного успокоившись, я задумался над тем, что такое вообще честная схватка, вокруг которой все носились с таким благочестивым видом. Разве сидеть за укрытием, дожидаясь атаки, как собирались наши противники, это честно? А атаковать при соотношении сил больше десяти к одному?

Почему-то это считалось честным боем, а убить своего противника, когда тот не ожидал удара, — уже нет. В чём смысл такого избирательного благородства? Уж не в том ли, чтобы закрепить за сильными статус единоличных победителей, отобрав лавры у всех, у кого была хоть капелька фантазии и интеллекта?

Как раз в этот момент мимо нас прошествовали остатки бригады капитана Кая. От их первоначальной численности осталась едва ли четверть, остальные сгнули в гуще свалки, которую Ноа бы без всякого зазрения совести назвала бы честным боем.

Выглядели солдаты злыми, даже по-детски обиженными и очень измотанными. Их предводитель молча отсалютовал мне и, бросив недовольный взгляд, поплёлся в лагерь.

Пускай злится — имеет право. Уже завтра, когда остальные офицеры будут завидовать ему, он изменит своё мнение. Зависть эта будет крайне странной, такой в стиле: «Вот бы сделать то же самое, но без лишних усилий».

К тому же победителей не судят, а судя по тому, что битва постепенно отодвигалась всё дальше и дальше в ущелье, можно было сделать вывод, что исход боя уже predetermined.

— Что вы собираетесь делать дальше? — неожиданно подал голос Леон.

Я вполне искренне пожал плечами. По идее надо было искать вторую реликвию, щит Луны или как там его, без которой на Играх не победить, вот только где она? «Лунные», если не дураки, отправили её как можно дальше от меня. Единственный шанс выяснить точное месторасположение артефакта — взять ставку «лунных». Туда стекалась вся информация, и если где-то и был ответ, то именно там.

— Отправимся к вражеской ставке в поисках славы, ответов и припасов.

— Мы можем не взять замок Яой такими силами... — заметил граф, сомневаясь.

— Как? — я даже поперхнулся от такого названия.

— Ну-у-у, нас слишком мало, — похоже Леон из-за усталости не понял вопроса.

— Нет, это понятно. Как он называется?

— Яой, — спокойно повторил граф, не замечая нелепости такого вопроса. — Кажется, это какая-то птица или сказочный персонаж, не уверен.

Угу, птица, как же. Судя по названию — битва предстояла жаркая. Жаль, что никто из окружающих не поймёт ни один из многочисленных каламбуров, которые мгновенно пришли мне на ум. Вот и Леон не очень понял, почему его командующий вдруг стал давиться от смеха.

— Мы можем не взять его нашими силами, — повторил он упрямо.

— Не бывает неприступных крепостей, если внутри сидят живые люди. Штурмом, измором или подкупом мы войдём в него.

— Вряд ли после всего случившегося с нами станут разговаривать... — граф деликатно решил не уточнять, что конкретно он имел в виду, но и так было вполне понятно.

— Наоборот, — самоуверенно ответил я. — Страх расправы сработает куда лучше денег, которых у нас не так уж и много.

— Вы не считаете это... перебором? — едко поинтересовался Леон. — Король...

— Его величество уже показал свои воинские умения, настал мой черёд, — прервал его я. — К тому же, в самом деле, мы побеждаем, какая ему разница каким образом?

Леон развёл руками, показывая, что не ему судить, но на судебном заседании он непременно присутствует. Граф, откланявшись, ушёл, оставив нас с Миюми наедине.

— А что будет, если мы проиграем? — вдруг тихо спросила моя помощница.

— Победителей не судят, а вот проигравших — сколько угодно. Поэтому для нас предпочтительнее побеждать.

В широко открытых глазах Миюми застыла неуверенность. Немного помявшись, она рассказала:

— Просто я читала в одном журнале предсказание старой провидицы, что эти Игры станут последними, и после них будет конец света.

Даже не знаю, что позабавило меня сильнее: само предсказание или наивность верившей в него Миюми. Она явно обиделась на мою реакцию.

— Но что вы будете делать, если придёт конец света? — повторила девушка, требуя ответа.

Она распереживалась настолько, что пришлось даже успокаивать её:

— Пока я здесь, он сюда не придёт, а выйдет, причём вперёд ногами.

— Вы так уверены? — с искренним восхищением удивилась Миюми.

— Конечно! После Ноа даже легионы демонов — так, ерунда.

Девушка не очень поняла ответ, но судя по улыбке вполне уловила его суть.

— Вы всегда так спите? — вырвал меня из объятий сна голос Кейла.

Судя по уровню освещённости, солнце только-только поднялось. Получившихся в сумме пяти часов сна для меня, как человека, который спал впервые за несколько дней, это было категорически мало, но всё лучше, чем совсем ничего.

— Как сплю? С закрытыми глазами, не держась за оружие? — нехотя поднимаясь и попутно разминая затёкшие мышцы, спросил я.

Ресс вместо ответа окинул меня многозначительным взглядом и пожал плечами. Что он хотел этим сказать, я не понял, но искать ответ определённо стоило в области странных снов. Рассказывать же о них или тем более их содержанием Кейлу Рессу было равнозначно смерти.

Сборы много времени не заняли, ведь вещи-то наши остались снаружи убежища на ночь. С ухмылкой глянув на мои продовольственные запасы, Кейл нехотя сунул мне пару своих сухарей, которые всё равно нестерпимо напоминали по вкусу камень, но хотя бы подавали признаки того, что их можно рассосать, и фляжку с водой.

Его собственная диета оказалась точно такой же: ссохшийся хлеб и вода. Глядя на неё, я начинал скучать даже по «кофе» Миюми.

«Позавтракав», мы двинулись в путь. Шёл Ресс уверенно и быстро. Он легко ориентировался в переплетениях тропинок Коварного ущелья.

Поначалу я пытался как-то запоминать наш маршрут — меня с детства учили, что не стоит ходить с незнакомыми дядями в горы, но Кейл так часто и быстро менял направление движения, что бесконечные повороты, перекрёстки и раздваивающиеся тропы просто слились у меня в мозгу в один монолитный кусок непонятно чего.

Только к вечеру мне удалось понять, как же Кейл так ловко ориентировался в казалось бы одинаковых скалах. Разгадка оказалась простой — пометки.

Остановившись возле очередной раздваивающейся тропы, одна половина которой уходила влево и немного вверх, а другая вниз, Ресс долго, внимательно разглядывал окрестные камни.

— Потеряли любимый булыжник? — Ответа на мой сарказм не последовало, пришлось спрашивать нормально: — Что-то случилось?

— Какой-то идиот случился. Здесь должен быть мой знак.

— А?

Ресс указал на кусок камня. Часть была отколота — по виду не так уж давно.

— Тут находилась отметка. Кто-то целенаправленно её отколол.

— И что, мы теперь не знаем, куда идти? — с иронией поинтересовался я.

— Теперь я не знаю, какой из этих двух путей опасный, а какой, — Кейл ухмыльнулся, — чуть менее опасный.

— А чем они отличаются?

— Тем, что в одном случае будет обидно погибнуть, а в другом вы даже не поймёте, где же ошиблись.

— Как по мне и то и то звучит не очень. Особенно после слова «погибнуть».

Ресс словно не обратил на мою реплику никакого внимания. Вместо этого он извлёк из кармана кусок угля и принялся выводить им на камне небольшой витиеватый знак. Не знай

я, что это рукотворный символ, в жизни бы об этом не догадался.

«Интересно, сколько таких раскидано по горам?»

— Много раз вы бывали в этих горах? — спросил я.

— Сотни. Тысячи... не знаю, — ответил, не отвлекаясь от своего занятия, Кейл, пожимая плечами. — Такая уж работа. Пока вы гоняете новобранцев по плацу, я составляю наиболее подробные карты местности. Особенно такой изменчивой как эта.

— Странно, что вам вообще нужны эти пометки, — заметил я без претензий.

— Это сильно облегчает ориентирование.

— Разве для этого не используют карты?

— Карты здесь теряют актуальность быстрее, чем их рисуют, — судя по ухмылке предвещающей ответ, Рессу этот вопрос показался особенно глупым.

— Находчиво, — натянуто улыбнувшись, сделал я комплимент.

— Один мой друг подсказал это... — увлекшись процессом, случайно проговорился Ресс.

Поняв, что сказал лишнего, он хмуро на меня посмотрел, одёрнул свой плащ и уверенно направился по той тропе, которая вела влево. Такой выбор меня удивил. Эта тропа была уже, темнее и постоянно петляла из стороны в сторону, тогда как вторая ничем не отличалась от всех других дорог в этих местах. Выбирая между этими двумя дорогами, я бы несомненно выбрал иную.

— Можете объяснить свой выбор?

— Да, — спокойно ответил Кейл и лукаво поинтересовался, — а вы?

Мне ничего не оставалось, кроме как дать максимально уклончивый ответ:

— Ну, другая тропа выглядела лучше...

— Она идёт вниз, а значит, там или вода, или всё засыпано из-за воды.

Звучало вполне логично, правда, я не был уверен, что всё то же самое мы не встретим на втором пути. Зато что на нём точно присутствовало, так это ветер. Я с ним уже был знаком, но вскользь, косвенно. Однако, стоило подняться чуть повыше, как сразу стало понятно, чьи тут владения.

Будь ветер чуть теплее или хотя бы слабее, мы с ним, возможно, даже стали бы друзьями, однако с каждым шагом дальше вверх становилось только хуже. Будто этого мало, без предупреждения подкрался вечер, и стало стремительно темнеть. В горах вообще смена суток происходила как-то внезапно, без длинных рассветов или закатов. Просто словно дёргали рычаг, и становилось либо темно, либо светло.

Это был верный знак, что пора бы вставать на ночлег, однако Кейл уверенно продолжал двигаться дальше.

— Вы что, собираетесь и ночью идти?! — пытаюсь перекричать ветер, спросил я.

— Я не собираюсь спать на продуваемой ветром скале.

Снова ответ звучал вполне логично, правда, где он собирался искать здесь укрытие, мне было категорически непонятно — вокруг имелись лишь бездонные обрывы или неприступные. Но, очевидно, если существовал один относительно уютный закуток для путников, должны быть и другие.

Нашли мы его к тому моменту, когда темнота стояла уже такая, что я едва видел спину Ресса, который шёл всего в паре метров впереди. Неожиданно он свернул с тропы куда-то вправо. Мне казалось, что там обрыв, но, к моему удивлению и радости, вместо него нашлась тесная пещера, где не было ветра, но ещё и оказалось неожиданно тепло.

Пока я радовался, Ресс уже успел неведомо как развести костёр. У него на это ушла пара минут, и это в полной темноте! По мере того, как свет распространялся по пещере, которая оказалась не так уж и мала, как казалось изначально, мне стала понятна причина такой скорости — мы определённо были здесь не впервые. Судя по множеству мусора, разбросанного повсюду, это место пользовалось некоторой популярностью.

Здесь было даже что-то вроде вывески, гласящей, что эта пещера есть ничто иное как: «Отель Оверл...» К сожалению, вторую половину названия порубили на дрова.

— Какое милое местечко. Не хватает только скелетов, — прокомментировал я.

— Чем ёрничать, лучше сходите за водой — тут недалеко должен быть источник, — Ресс протянул мне несколько пустых бурдюков и вонючий факел, указав вглубь пещеры.

Мне не сразу удалось заметить странности в окружавшей меня толще камня. Что пол, по которому я шёл — слишком ровный, а стены то тут, то там подозрительно прямоугольные. Только когда за очередным поворотом свет факела выхватил из темноты огромный кусок каменной кладки, покрытый каким-то странным, непонятным, но очень завораживающим рисунком, до меня наконец дошло — это место не было изначально пещерой.

Более того, коснувшись стены рукой, я понял, почему в пещере посреди холодных гор, где царствовал пронизывающий всё и вся ледяной ветер, оказалась так неожиданно тепло. Материал, использовавшийся для строительства этого места, грел, конечно, не как современная батарея зимой, но всё равно неплохо. Дальше же тепло распространялось по остальной пещере, создавая тем самым весьма комфортные условия, особенно на фоне всего остального.

В переплетении линий на стене, которые находились передо мной, чувствовалась невероятная древность. Чем больше я на них смотрел, тем отчётливее понимал, что это — история, древняя настолько, что это было, наверное, последнее место в мире, где получилось бы узнать хотя бы её обрывки.

«Не последним», — вдруг вспомнилось мне. — «В снах я и Ноа были в похожем месте, только располагалась та пещера совсем в другой части гор».

К сожалению, как и в прошлый раз, понять, что именно здесь рассказывалось, уже не представлялось возможным. Время не пощадило это место. К тому же прямо в центре рисунка имелся след от пули.

«Кому вообще взбрело в голову тут стрелять?» — вряд ли мне кто-то мог ответить на этот или другие мои вопросы.

Оставалось лишь довольствоваться ощущением тягучей древности. Ещё немного поглядев на переплетение линий, я отправился дальше. Долго идти не пришлось — это фактически был конец пути: чуть дальше случился обвал, и пройти стало невозможно.

На моё счастье, источник, который упоминал Кейл, не пострадал, заодно стало понятно, почему он выбрал такое странное слово, а не просто «ручей» или «озеро». В явно искусственной нише в стене находился небольшой, хитросделанный бассейн, в который стекала вода откуда-то из толщи камня.

Мне оставалось только удивиться мастерству строителей и понадеяться, что данная вода не стирала память, а поблизости не будет шестилапых.

— Что это за место? — спросил я у Кейла по возвращению без особой надежды на внятный ответ.

— Никто не знает и уже, видимо, никогда не узнает, — не отвлекаясь от процесса приготовления сухарей, который больше напоминал работу скульптора, с явной скорбью в

голосе ответил Ресс. — Раньше пещера была длинней, а та стена с рисунком не единственной, но пару лет назад случился тот обвал и остался только этот кусок.

— Неужели нет, архи... кхм, людей, которым было бы интересно узнать, что здесь находилось раньше? — удивился я.

— Кому какое до него дело? — Кейл изобразил презрение. — Как может сравниться рисунок с историей в несколько тысяч лет, с Рейландом Рором, который сжёг очередной город.

Мне показалось это замечание как минимум несправедливым:

— Одно не отменяет другого!

— Вы, видно, не из этих мест, — усмехнулся Ресс. — Здесь отменяет. Сотни, тысячи глупцов находят время впустую сражаться, но не могут уделить пяти минут на то, чтобы перерисовать, если не для себя, так хоть для потомков рисунок со стены.

Мне хотелось ответить что-нибудь колкое на эту тему, но почему-то ничего не лезло в голову. Пришлось взять свой сухарь, запить его коктейлем из дигидрогена монооксида и пойти спать.

От новых снов уже меньше пахло гарью, хотя запах чего-то палёного всё равно витал где-то неподалёку.

«Сны указывают путь»

Чтение нового выпуска «Вестника войны» вызвало у меня беспредельное возмущение:

— Ну как можно было придумать такой отвратительный слоган? Это же просто смешно. Звучит не как кампания против меня, а словно они объявили войну лесным обитателям. «Дикого зверя — в клетку», ха!

Я терпеливо относился к заголовкам, где меня обвиняли во всех смертных грехах — люди просто не понимали, что они теряют, отказываясь, например, от лени или обжорства. Оскорбления? — да сколько угодно. Как же без них узнать, в каком направлении тебе ещё есть куда расти. От карикатур на себя я и вовсе был в полном восторге. Вот уже где фантазия авторов разыгралась на полную, один сюжет лучше другого: Рейланда Рора съедала гигантская сова. Сова нападала на валяющегося в грязи тигра. Тигра загоняли факелами в клетку. Тигр злобно рычал на дрожащих от страха капралов...

Однако моим личным фаворитом оказался комикс, где Рейланда Рора представили в виде гигантского осьминога, который своими тентаклями напознал на Тофхельм.

Я было хотел даже написать в редакцию и попросить поделиться источником вдохновения, но передумал. Ещё чего доброго люди, рисовавшие это, слезут со своих наркотиков, и что мне тогда читать? Тысячное по счёту обвинение в насилии?

И тут такой подлый удар в спину от людей, которые ещё вчера сияли оригинальностью — дурацкий слоган, кошмар маркетолога наяву.

— Уверена, они не хотели вас оскорбить... — Миюми, принёсшая мне эту газету, запнулась. — Ну, в смысле так оскорбить, ну, то есть хотели, но по-другому, а вышло как есть... то есть...

Чтобы мой мозг не свернулся в вывернутый бублик, пришлось незамедлительно остановить её поток сознания:

— Да, спасибо, я понял.

Причина такого моего интереса к бульварной прессе была тривиальной — мне стало скучно. Дело в том, что продвигались в глубь Тофхельма мы исключительно на карикатурах. Одолев этот проклятый серпантин, очередную армию «лунных» и перевал, который они

защищали, мы вырвались на оперативный простор и сразу остановились.

Причина банальна: непогода. Последние несколько дней наблюдалась следующая картина: стоило солнцу показаться из-за горизонта, как на него с криком: «э-э-э, ссышь, чё ты такое яркое?!» налетали серые тучи и принимались нещадно поливать землю под собой.

Пару часов ещё можно было двигаться, благо, хоть по ночам не лило, и дороги успевали слегка подсохнуть. Однако, спустя два максимум три часа после рассвета лафа заканчивалась, и в грязище начинало вязнуть буквально всё: люди, припасы, низко летящие птицы.

Приходилось вставать лагерем и ждать, пока распогодится. Чаще всего последнее случалось не раньше вечера, когда смысла сворачивать лагерь и двигаться в путь уже никакого не было. Нет, я, конечно, попробовал как-то двигаться ночью после очередного ливня. Получившиеся из моих солдат дерьмодемоны долго ещё будут сниться мне в кошмарах.

В «Вестнике» писали, мол, лейтенант Распутица играл мне на руку и мешал «лунным» собрать силы, но, честное слово, служи этот подонок у меня взаправду, я бы лично расстрелял его из пушки картечью в упор.

Будто мало мне бед, из тумана неизвестного вылезло, пожалуй, худшее, что со мной случалось в этом мирке — игры в карты. Без моего ведома в армии от скуки и ничегонеделания выросла целая раковая опухоль, называвшаяся «офицерский клуб», члены которого собирались в свободное время, коего было навалом, и проводили несколько часов кряду играя.

Более заунывное действие сложно даже представить. Кучка взрослых мужиков несколько часов сплетничала обо всём вокруг, неторопливо перебрасываясь картишками. Даже такой разгильдяй как Эльт, стоило ему сесть за стол, словно под воздействием магии превращался в какого-то медлительного, склеротичного пенсионера. И ведь требовалось туда ходить — только так можно было избежать перемывания своих костей.

Вполне вероятно, эти посиделки проходили бы куда веселее, будь у нас хоть капля чего-то алкогольного, но дело в том, что мою армию поразил недуг под страшным названием «трезвость». Он вытворял с людьми невообразимое: вынуждал работать, улучшал запах изо рта и связность речи. Иначе говоря, у нас закончился алкоголь, а попытки бодяжить самогон из чего есть пока результата не возымели.

Ситуацию усугублял тот факт, что в зависимости от того, сколько человек сидело за столом, столько существовало наборов правил. Пока Эльт рубился в вариацию «Дурака», Леон собирал местные покерные комбинации, а Ноктим пытался не перебрать больше двадцати двадцати двух. Объединяло их одно — играли во всё это они просто отвратительно!

Чего не сказать о Миюми. Не помню, как так вышло, что она села с нами играть, ведь до того момента я и подумать не мог, что моя помощница окажется умелым и хитрым соперником, но главное — знающим правила игры.

— Понимаете, у меня дома из развлечений только прогулки и карты. Вот и научилась, — объяснила Миюми с выражением милого смущения на лице.

Судя по кислым лицам всех остальных «игрунов», научилась она неплохо.

Во время очередной такой партии, пока довольная собой девушка собирала фишки, на

которые мы играли, остальные — Эльт, Ноктим, Сайрас — тихенько отползли в сторонку и принялись шушукаться о чём-то. Тему обсуждения угадать было несложно: полные удивления вперемешку с гневом лица выдавали заговорщиков даже сильнее, чем те обрывки фраз, что я расслышал:

— ... офицерская честь... — шипел Гоа.

— ...чтобы какая-то... адъютантка нас обыграла! — поддакивал Леон.

— ...давайте её сожжём, как ведьму! — предложил Эльт.

— ...надо отыграться, а сжечь всегда успеем... — остудил его пыл Ноктим.

А уже через секунду ко мне осторожно подошёл крайне загадочный Леон:

— Командующий, с вашего позволения мы отойдём, кхм, покурить.

Я одарил некурящего графа Сайраса задумчивым взглядом, который правда был безнадёжно испорчен густым дымом из трубки Лоя, и махнул рукой. Если моё предчувствие насчёт офицеров меня не обманывало, этот вечер скучным точно не будет. Пользуясь моментом, пока мы одни, я спросил у Миюми:

— Ты же вроде из каких-то аристократов, да?

Она сильно смутилась этому вопросу. Причём, что интересно, сделала она это в то же время весьма ловко тасуя колоду карт — и если сама девушка залилась румянцем и на несколько секунд онемела, то её руки безошибочно продолжили перебирать карты.

— Мой отец оруженосец короля, ему пожалован этот, эм, ну, как его, э-э-э, дворянский титул!

— Подожди-ка, письма мне приходили от некоего Герхарда Циона, который подписывался королевским камердинером, — припомнил я растерянно.

На этот раз Миюми всё же выронила карты. Видок у неё был такой, словно её поймали с поличным как минимум за поеданием маленьких щенят, а не просто уточнили перипетии прошлого.

Довольно иронично, но последний раз я задумывался над тем, кто такая Миюми Цион ещё тогда, в лагере, сразу после парада. И с тех пор об этом даже не вспоминал. А ведь по сути, несмотря на длительное количество времени, проведённого вместе, я не имел ни малейшего понятия о том, кто такая моя помощница и как вообще оказалась на этом месте.

Девушка тем временем наконец вышла из оцепенения:

— Это, должно быть, какая-то ошибка. Мой папа оруженосец, а не...

— Всё в порядке. Мне всё равно, кто твой отец, — попытался успокоить её я.

Увы, это не помогло — надвигалась какая-то катастрофа. Судя по лицу Миюми, от этого буквально зависела вся жизнь девушки:

— Но как это всё равно?! Ведь выходит, мой отец вас обманул, а значит, и я тоже. Мне нельзя быть вашей помощницей! Боги проклянут меня за это на вечные муки!!! А я ведь делала вам кофе!!!

Спокойно выслушав это и вспомнив напиток, который Миюми ежедневно подавала, я вдруг подумал, что боги немного поторопились и прокляли меня авансом за что-то там в будущем.

— Может, он просто хотел таким образом привлечь моё внимание? Знаешь, мне накануне Игр пришла уйма писем, — пока моя помощница из чувств патриотизма не наложила на себя руки, постарался урезонить её я.

Следующую часть фразы, гласившую: «и все от твоего отца» мне пришлось оставить при себе. В текущий момент это было явно лишней деталью.

— Правда? — Миюми вытерла слёзы.

— Ну конечно!

Для полной убедительности я даже помог ей собрать разлетевшиеся во все стороны карты, что на девушку произвело какое-то невероятное впечатление. Наверное, таким же взглядом древние египтяне взирали на пришельцев, которые прилетели через всю галактику, чтобы помочь им складывать огромные каменные куличики.

— А ваши друзья много курят, — отвлечённо заметила Миюми.

— Угу. Слышала про каплю никотина, убивающую лошадь? Вот они и выясняют человеческую дозу.

Моя помощница, как и любой другой хорошо воспитанный человек, услышавший абсолютную ахинею, из которой он ни слова не понял, вежливо улыбнулась. Эта улыбка заставила моё сердце слегка дрогнуть.

До сих пор я собирался безучастно наблюдать за происходящим, попутно наслаждаясь какой-никакой игрой в карты, но теперь сомневался в правильности своего выбора. Отдать это милое, провинившееся лишь в том, что оно умеет играть в карты, создание на растерзание подчинённым мне дуболомам? Даже по моим весьма расплывчатым меркам это было чересчур.

— Сильно же ты их задела, если они там так долго думают, как им тебя обхитрить, — заметил я как бы между прочим.

— Я их обидела? — удивились так, будто даже подумать о таком не могла, Миюми.

Ответить мне так и не удалось — Леон и компания вернулись. Сели они демонстративно напротив моей помощницы, да ещё и вдобавок таким образом, чтобы с лёгкостью светить друг другу карты — партия предстояла в аналог «дурака». Одно это уже говорило, что офицеры серьёзно подготовились к реваншу.

Правда, несмотря на явный сговор, у меня были определённые сомнения насчёт того, выйдет ли у такой «команды мечты» победить. Мне, например, удалось выйти из партии первым. Это был огромный плюс, ведь у меня появилась возможность внимательно наблюдать за игрой и в частности услышать шедевральные диалоги.

— Гоа, подсоби шестёркой... — шептал Леон, — да не этой, а бубновой... и вообще-то это девятка пик!

— Да? — удивился Эльт в полный голос. — А тут цифра шесть...

— Перевернутая, — с усмешкой заметил Ноктим.

— Не дыми мне в лицо, Лой, — продолжал шептаться граф. — Скажи лучше, почему ты сидишь с козырями на руке и ничего не делаешь?

— Граф, мне спешить некуда, — в привычной манере возразил старый капитан.

— Ха, старость, а мне вот бояться нечего! — воскликнул Гоа, сдавая несколько карт.

— Эльт, зачем ты скидываешь ей козырного туза, когда у тебя есть шестёрка? — у Леона от такого манёвра разве что карты из рук не выпали.

— Да? А я думал, это девятка... — возразил капитан.

— Лой, какого... — дела у графа шли всё хуже и хуже, — моржа ты ходишь на меня со своих козырей?

— Граф, ну вы же сказали не сидеть с козырями, — возразил Ноктим.

— Теперь то их у тебя нет, они у меня, как и остальная треть колоды! — Леон расплылся всё сильнее. — Гоа, ты то куда лезешь со своей девяткой, тьфу, то есть шестёркой? Тут их вообще нет!

— Да, а мне показалось...

— НЕТ! — вспыхнул как спичка после свидания с шершавой поверхностью граф.

— Граф, а держите-ка погоны. Звиняйте, что семёрки, но шестёрка у меня немає, — тем временем подкинул Ноктим.

— Но мы же в одной команде?!

— Дык, красиво же... — пожал плечами старый капитан, ухмыляясь.

— А я тоже всё! — Эльт продемонстрировал пустые руки.

— И ты туда же?!

— Если старик скинул руку, то почему мне нельзя?

— Но... но... — кажется, у графа просто закончились слова.

Наблюдая за тем, как Леон остался в одиночестве с рукой как веер против Миюми, я захотел сделать, пожалуй, самый искренний комплимент в своей жизни.

— Господа, господа... — внимание к себе у меня получилось привлечь совсем не с первого раза. — Никогда не видел ничего подобного в вашей игре.

— Мы сражались как звери! — Эльт хлопнул себя в грудь кулаком.

Я с этим был не до конца согласен. Как по мне, посади за стол кошку, собаку, осла и петуха — и то вышло бы лучше. В крайнем случае, этот квартет мог бы стать труппой бродячих музыкантов.

— Ха! Вот как надо играть, господа офицеры! — вдруг воскликнул Леон.

Отвлечшись на Гоа, я не заметил момент, когда Миюми, сидевшая с парой хороших карт, умудрилась проиграть графу с его третьей колоды. Тем не менее именно моя помощница, скромно потупившись, царапала ноготками карты, тогда как Леон демонстрировал пустые руки.

Потрясённый произошедшим, я решил с ней поговорить:

— Миюми, пойдём-ка покурим.

— Но... но... — растерянно начала моя помощница, не понимая, чего от неё хотели, — папа мне запрещает курить!

— Ничего страшного, мой отец тоже мне много чего запрещал, — я попытался её успокоить, ведя за собой. — Например, когда он напивался, то запрещал уворачиваться от бутылок, которые в меня кидал. Идём.

Миюми пришлось вытаскивать наружу едва ли не силком.

— У тебя же была идеальная рука! — воскликнул я, когда мы, покинув палатку, оказались под лёгким дождём.

— Ну да, была... — не стала отрицать очевидного девушка.

— Тогда почему ты поддалась?

— Мне показалось, что граф очень расстроился, когда друзья его бросили, — спокойно объяснила Миюми.

— Но зачем? Они объединились против тебя и мухлевали!

— Ну... я же и так знаю, что победила. Сдала бы десятку, а затем отбилась бы королями и тузом, так почему не сделать ему приятно?

У меня беззвучно отвалилась челюсть. К моему стыду, мне бы подобное никогда даже не пришло в голову. Такой поступок можно было совершить только имея доброе сердце и чистый ум.

— А это правда, то что вы сказали про своего отца? — обеспокоенно поинтересовалась моя помощница.

Судя по выражению её лица, это было для неё куда важнее, чем только что произошедший эмоциональный гамбит. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что надо подобрать челюсть и что-то сказать:

— А? Да. Да...

Вообще это не моё дело и не моё прошлое. Я старался в такие вещи не лезть — у всякого любопытства есть свои пределы. С другой стороны, воспоминания Рейланда уже успели срастись со мной до такой степени, что не всегда удавалось сразу определить, где моя память, а где нет.

Сам Рор не часто касался всего связанного с его родителями, стараясь в основном отшучиваться, но я же не он, мне можно было и поговорить:

— Мой старик был сапожником, плотником, ткачом, но чаще всего просто грубияном-алкоголиком. Он терпеть не мог ни меня, ни мою мать. Считал нас обузой, хотя на выпивку тратил в несколько раз больше, чем на семью.

— Почему ваша мама не ушла от него?

Я почесал щёку, пытаюсь вспомнить, в чём было дело. Судя по учатившемуся сердцебиению, Рейланд очень не любил это вспоминать.

— Видишь ли, их двоих кое-что объединяло...

— Любовь к вам?

— Если бы. Скорее, наоборот. С отцом всё ясно, а вот моя мать была до беременности бродячей артисткой, чем-то средним между бардом и акробатом. После родов у неё пропал голос, да и связки стали уже стали не те, — я посмотрел на пасмурное небо и вспомнил сцены бесчисленных скандалов, где виновным неизбежно оказывался Рейланд. — Вот и получается, что для одного я был нахлебником, а второй сломал жизнь.

Видя, что Миюми застыла в шоке, я подумал, что неплохо было бы сменить тему разговора.

— Ну а ты? Какая у тебя семья?

— Папа, он очень заботливый! Только и думает о нас с братом! Всё пытается пристроить нас хоть куда, обеспечить будущее, как он говорит. А мама фрейлина, она одевается в красивые платья и развлекает королеву.

Мне не сразу удалось понять, почему говорить о таких в общем-то хороших вещах у Миюми выходило с огромным напряжением. Можно было подумать, что ей не очень нравилось такое положение дел, но моя интуиция оказалась против такого вывода.

Скорее девушке после моих рассказов не хотелось показывать, что её детство прошло лучше моего. Будто это имело какое-то значение.

— Знаешь, наверное, у меня было не самое счастливое детство. Пожалуй, совсем не самое. Понимаешь... мир он... у всех разный. Но важно только то, как ты это всё воспринимаешь. У кого-то всё розовое и пушистое, и это здорово! — Миюми, удивлённая моей фразой, довольно улыбнулась; я галантным жестом пригласил её внутрь. — Ладно, идём, у нас ещё есть время на несколько партеек...

Она уже скрылась в палатке, поэтому не могла слышать окончание моей фразы.

— И пускай только кто-нибудь попробует разрушить твой мир — я его на клочки порву.

Проснулся я разбитым и уставшим, что после такой ночи и предшествовавшего ей дня, совсем не удивляло. Все эти гиперреалистичные сны в принципе меня выматывали, оно и не удивительно — напрямую в мозг мне загружали огромные объёмы информации в то время, когда голова, наоборот, должна отдыхать.

Это не слишком давило на меня, пока мой быт организовывали другие люди, но здесь, в горах, этим некому было заниматься. Кейл Ресс на роль горничной-служанки не годился вообще — те редко бывали лысыми мужиками за тридцать.

Кроме того я нисколько не сомневался, что все эти сны важны. Особенно после того, как увидел в одном из них Саум — скорее всего, кристалл и стоял за всем этим. Мне пытались что-то сообщить, вот только что именно? Если то, что Кейл опасен, то почему сны продолжились? Я и с первого раза понял.

У меня имелась одна идея на основе уже увиденного, но пока никаких обвинений, особенно в свой адрес, мне выдвигать не хотелось. Я не мог быть ТАКИМ человеком!

— Опять просто поспали? — поинтересовался с заметной иронией в голосе Кейл, прерывая мои думы.

Меня такой интерес позабавил. Похоже, Кейл Ресс тоже по ночам что-то видел и теперь пытался выяснить, что снилось другим.

— Что, вам тоже снятся странные сны? — делая вид, что говорю это нехотя, спросил я, внимательно наблюдая за реакцией.

Увы, Ресс заметил мой интерес и мгновенно закрылся в себе, став абсолютно непроницаемым в плане эмоций.

— Здесь иных не бывает, — коротко ответил он и засобирился в путь.

— Жаль, а я так надеялся выспаться.

— Даже не надейтесь. Здесь вам не курорт. Нам пора идти.

Похоже, Коварное ущелье наконец осталось позади. Очень быстро мы с Кейлом оказались в довольно просторной долине, окружённой горами, словно стеной, с зелёной травой, деревьями и даже небольшим пресным озером. Будь я на Земле, то подумал бы, что оказался в рекламе швейцарского шоколада — настолько это место было красивым. Правда, меня очень смутило, что здесь никого и ничего не было.

Не то чтобы остальная территория, где проводились Игры, была так уж густо населена, но там по крайней мере были видны следы человеческого присутствия. Может, не прямо в текущий момент времени, но в общем и целом.

— А вам было бы приятно смотреть на то, как ваш дом раз в два года сгорает до тла? — ответил Ресс на мой вопрос по поводу «а где хоть кто-нибудь».

— Но ведь после Игр всё восстанавливается! — удивляясь такому ответу, заметил я. — Да и вряд ли каждый раз сюда забредают солдаты.

— У меня нет для вас другого ответа.

Ничего не поняв и убедившись, что Ресс пока не собирился продолжать путь, я отошёл в ближайšie кусты подумать над его словами и не только. Закончив с размышлениями, я вздумал немного прогуляться. Сил у меня осталось не очень много, но когда в следующий раз в этом царстве серых безжизненных скал удастся увидеть нормальную зелень было не ясно, так что надо было ловить момент.

Я шёл между молодых деревьев, вдыхал множество запахов цветущего леса и никак не мог понять, почему здесь никого нет — ни людей, ни животных. Да, раз в два года это место превращалось в поле битвы, точнее, могло превратиться, но ведь в остальном чем не рай?

Неожиданно мой взгляд зацепился за одно дерево, за другое, третье. Все принадлежали к разным видам, но всех их объединяло одно: они были примерно одного возраста. Оглядевшись, я понял, что нигде вокруг вообще нет старых деревьев, только молодняк.

«Может, виновата лавина или что-то такое? Но где тогда бурелом?»

Размышляя над этими и не только вопросами, я бродил по округе, пытаюсь понять, что не так с этим местом. За этим занятием меня и застал Кейл Ресс, который уже собрался продолжить путь.

— Что-то ищете? — раздражённый моей медлительностью, спросил он.

— Грибы и ответы. В основном второе, хотя и от грибочков тоже не откажусь, — заявил я и спросил в лоб: — почему здесь нет старых деревьев?

— Четыре года назад здесь проходила армия Анри Галлена, им нужна была древесина — вот они и вырубали это место подчистую. Грибницы, наверное, погибли тогда же.

— Но ведь всё должно было восстановиться?!

Кейл посмотрел на меня, как на идиота, и ничего не ответил, впрочем, суть ответа я понял сам. Магия Игр не распространялась на природу — это было понятно на примере лошадей, только на рукотворные, созданные человеком вещи. Сожги я город — тот восстановится, но стоять будет на выжженной равнине. Обвал так и останется на месте, а вырубленный лес не вырастет в мгновение ока.

На самом деле, это было логично, иначе бы Игры превратились в битву лесорубов и рудокопов на выживание — кто добудет всего ценного побольше да побыстрее. Стаханов наверняка бы оценил настолько брутальный подход.

«Интересно сколько ещё подобных деталей и мелочей. я не замечал вокруг, когда оценивал происходящее?»

Где-то в процессе измышлений мне попались на глаза небольшие красные ягоды на одном из кустов неподалёку. В иное время я бы даже не посмотрел на них, но после стольких дней на сухарях они показались мне самым аппетитным, что есть на свете.

— Кейл, может, разнообразить наш рацион?

Ресс посмотрел сначала на меня, затем на куст, после чего с усмешкой сообщил:

— Солдаты называют эти ягоды «прочистителем».

— Они помогают при засорах канализации? — надеясь на лучшее, уточнил я.

— Тем, кто их съест, на ближайшие пару дней становится не до засоров. Совсем.

— Звучит не аппетитно.

— А уж как выглядит!

Мне вдруг вспомнилась история со старичком-отравителем, которого к нам подослали. При нём было нечто, судя по всему имеющее крайне схожие свойства. Да и Ноа говорила, что её подчинённых отравили до такой степени, что они на ногах стоять не могли.

— Вы этой гадостью травили солдат? В том числе и моих!

— Да, — не стал отнекиваться Кейл, к моему удивлению.

— Но зачем?

— Вы хотите знать причину такого поступка или почему я выбрал именно эти ягоды? — не без иронии уточнил Ресс.

— Причину! — догадываясь, что ответ мне не понравится, сказал я.

— Причину вам не понять. — Ответ мне не понравился.

— Вы постоянно это повторяете, и знаете что? — с намёком начал я. — Если окружающие не могут понять ваших поступков, то это хороший повод задуматься над тем, что они из себя представляют.

— Или, возможно, окружающие находятся в плену у собственных иллюзий, упорно отрицая всё то, что им противоречит, — заметил Кейл.

— Но вы же даже не пытаетесь объяснить!

— Почему? С вами же я разговаривал, — возразил Ресс. — Или, может, вы, побыв на Играх подольше, теперь ответите иначе?

— Речь про тот разговор, после которого вы нас предали? — припомнил я. — Ну, или как вы это называете...

— Можете называть это как угодно, суть не изменится, — прервал меня Кейл и вдруг повторил тот свой вопрос: — за что вы сражаетесь? Только не говорите мне снова про славу, почёт и уважение. Она принадлежит не вам.

— Мои солдаты... — растерянно начал я, но договорить мне не дали.

— Я про другое. Нам обоим хорошо известно, что вы — не Рейланд Рор. Не знаю, кто на самом деле и как тут оказались, но либо передо мной сейчас стоит беспросветный идиот, который не замечает очевидного, либо беспринципный маньяк, которому нравится происходящее.

Я замер от удивления. Впрочем, а было ли чему удивляться? То, что Кейл знал, кто перед ним на самом деле, стало понятно ещё во время нашего первого разговора. Просто на фоне остальных событий это как-то подзабылось. Тут скорее вызывало вопросы, почему он сохранил это всё в тайне.

— А что, если что-то другое? — пытаюсь выглядеть уверенным в своих словах, поинтересовался я. — Если мне просто хочется вернуться домой, и мой единственный шанс — это победить?

— Тогда вы ещё хуже, — почти без раздумий заключил Ресс. — Потому что окажетесь эгоистичным манипулятором, чья единственная цель — использовать всех вокруг, а затем убежать от ответственности. Наиграетесь в солдатиков и уйдёте.

Повисла пауза. С Кейлом и так было сложно разговаривать, а уж в такие моменты он становился поистине невыносимым. Нет ничего хуже, когда твой оппонент оперировал аргументами, на которые тебе нечего ответить.

— Вы не правы, — всё же попытался возразить я.

— Да? В чём же? — спросил он притворно, будто заранее зная, что мне нечего сказать по существу.

— Во всём! Я не маньяк и не более наивен, чем все остальные, про манипуляторство не вам меня упрекать. Да, моя цель — вернуться домой. Не сбежать, Кейл, а вернуться. Потому что это не моя жизнь, не мой мир.

— Говорить вы можете что угодно... — Буркнув себе под нос ещё что-то, он поудобнее перехватил мешок со своими вещами, поправил плащ и молча пошагал дальше, не особо заботясь, иду ли я следом.

Прекрасную долину мы покидали в тишине, делая вид, что оба наслаждались природой, хотя лично я был полностью погружён в собственные мысли.

У меня скопилось множество вопросов к человеку впереди. В первую очередь, что, чёрт возьми, здесь происходит. Мне была известна его конечная цель: завершить Игры навсегда.

В снах Ресс говорил, что, дескать, они — это бесконечный цикл насилия. Доля правды в его словах, конечно же, имелась, куда же без этого. Но ровно до тех пор, пока ты не начинал думать об альтернативах. И тут то вся логика Кейла мгновенно терпела крах.

Он ненавидел Игры за насилие, но ведь они не были крайней степенью этого самого насилия, и ему это должно быть известно. Я видел карту этого мира. Здесь имелись и другие страны. В Играх они не участвовали, а значит, решали все свои конфликты по старинке — воюя.

Конечно, на Риверкросс и Тофхельм никто не осмеливался нападать: опытнейшие, закалённые армии двух королевств размотали бы любого агрессора в клочья, а ведь имелся ещё и Саум, который исполнял желания, но между собой другие страны вполне могли воевать. Кейл Ресс должен был хотя бы в общих чертах знать, как это происходит.

И тем не менее он почему-то считал именно Игры злом во плоти. Что-то здесь не сходилось.

Где-то на фоне этих мыслей вновь потянулись однообразные скалистые пейзажи. Тут мне уже пришлось отвлечься — постоянно приходилось думать о более актуальных вещах. Таких как зачем я вообще сюда пошёл, за что мне это вот всё и классическое: «А-А-А-А, ТАМ ОЧЕНЬ ГЛУБОКО!!!».

Последнее было не так уж и безосновательно. Кое-какие поводы бояться упасть с огромной высоты у меня были. Например, бездонная пропасть, от которой меня отделяла полоска дороги, крошечная настолько, что идти приходилось боком, прижавшись лицом к скале.

Всё бы ничего, если бы не ветер, который своими резкими порывами периодически хорошенько меня тыкал носом в камень, словно нашкодившего котёнка. Учитывая, что я оказался здесь из-за своей очередной дурацкой идеи, сравнение было очень очень даже в тему.

Не сосчитать, сколько раз в тот день мне пришлось попробовать окружающие горы на вкус. Могу с уверенностью заявить, что сделаны они были отнюдь не из шоколада. Хотя всё равно были вкуснее сухарей, которые составляли абсолютное большинство в нашем с Кейлом рационе.

Вплоть до наступления ночи мы с ним не перекинулись ни единым словом. И только оказавшись на куске скалы, который хотя бы минимально подходил для ночёвки, Ресс нарушили тишину, сообщив:

— С завтрашнего дня будет самый сложный участок пути.

— Правильно, какой поход без страшилок у костра... — Меня окинули недовольным взглядом, и я нехотя уточнил: — и какая ж... неприятности нас ждут?

К моему ужасу, Кейл принялся загибать пальцы:

— Во-первых, река, ручей или что-то такое.

— Звучит как-то неопределённо, — перебил я его.

— Это зависит от того, сколько здесь было дождей в последнее время. Если сегодня ночью не польёт, то это будет легкий участок, — сказав это, он загнул второй палец. — Потом так называемые Ступени в небо — простой участок, но выматывающий и немного странный.

— Надеюсь, меня не прибьёт внезапно упавшей с неба ветчиной...

— С чего бы? — не понял моих слов Ресс.

— Если вы называете что-то странным — это приличный повод для паники.

— Как скажете... — хотя на лице Кейла читалось раздражение от этого разговора, он загнул третий палец. — Затем Змеиный путь.

— Пожалуйста, скажите мне, что его так называют из-за обилия змей!

Ресс посмотрел на меня своим немигающим взглядом, и я понял, что эта шутка только казалась мне удачной.

— По сути то же, что и сегодня, но чуть меньше.

— Куда ещё меньше-то!

— Хотите узнать? — По его виду мне стало понятно, что Ресс с радостью меня отведёт туда, где пройти будет ещё сложнее.

— Нет, спасибо, лучше побьюсь ещё головой о скалы. Знаете, сегодня ближе к вечеру это даже начало приносить мне определённое удовольствие.

— Не втягивайте меня в свои девиации, — раздражённо попросил Кейл и загнул четвёртый палец. — Последний пункт — «Могильник».

Это название было мне знакомо и так же, как во снах, звучало предельно неприятно, о чём я и сообщил.

— Да уж, это место жутковатое, — без всякой иронии или издёвки согласился Ресс. — Старое кладбище, целиком окутанное туманом. Обычно там спокойно, но...

— Ох, после этого всегда начинается самая весёлая часть, — прервал я его. — Про орды зомби, неуспокоенные души, туман, пожирающий твои чебуреки...

— Вы закончили? — холодно уточнил Ресс.

— ... или летающих макаронных монстров. — Я махнул рукой. — Всё, можете продолжать.

— Учитывая, что эти Игры проходят очень странно, вам ли не знать, опять же Рыцарь розы... — Кейл выразительно промолчал. — Можно ожидать разного.

Мне на секунду показалось, что Кейл боялся этого «Могильника» гораздо сильнее любого другого участка пути. И даже больше меня, хотя специально наводил жути.

— Бойтесь призраков давно умерших людей?

— А вы разве нет? — удивился Кейл Ресс.

— Ну, знаете, я в такое не верю... — я попытался выглядеть уверенным.

— Думаете, духам есть какое-то дело, верят в них или нет? — с усмешкой уточнил Кейл. — Сколько там людей вообще знало про Рыцаря розы, и что?

Мне вспомнился побитый временем Рубиновый рыцарь, чей доспех буквально рассыпался от старости. Кто знает, если бы его не забыли, может, он выглядел бы иначе?

— В любом случае, вам же нечего бояться? Эти люди умерли не по вашей вине.

Это была явная провокация с моей стороны. Каково же было моё удивление, когда она сработала! Кейл Ресс опустил голову, уставившись в землю, а затем без предупреждения встал и куда-то ушёл.

«Неужели он боится там встретить кого-то знакомого? Как вообще можно погибнуть на Играх? Или не на Играх».

Записав эти вопросы в список, который уже стремился к бесконечности и похоже не собирался уменьшаться, мне не оставалось ничего, кроме как идти отдыхать. В конце концов завтра будет важный день, настолько, что если мне не повезёт, то эту дату выбьют у меня на надгробии.

Улыбнувшись своей шутке, я глянул на небо, на котором почему-то отсутствовали

звёзды, и лёг спать.

Ноа Кейтлетт без всякой приязни смотрела на горы, оставшиеся позади. Самая сложная часть их пути наконец миновала. Даже имея на руках лучшие карты местности, этот путь всё равно оставался рискованным. Огромным везением было найти хорошую тропу, по которой удалось без особых потерь провести целую армию. И это всё без Кайла Расса.

Она даже подумать не могла, что такой уважаемый человек оказался предателем! А она ведь верила ему. Почему он их предал? Зачем, в такой-то момент? Ноа не знала ответы на эти вопросы, но нутром чуяла, что Рейланд тут как-то замешан.

Если бы не Альт Цион, который обнаружил подлог в документах, это бы так и осталось нераскрытым. Впрочем, давать огласку этому событию Ноа всё же не стала. Она верила, что Кайл и без её помощи покинет Игры навсегда. Если же нет, то вот тогда-то и нужно будет ему «помочь».

Её мысли прервал Альт, обозначивший своё появление вежливым кашлем:

— Кхм.

— Полчаса! — раздражённо вскрикнула Ноа. — Полчаса тебе потребовалось, чтобы сделать одну чашку кофе?

— Больше, я её не сделал, — едко ответил адъютант.

Кейтлетт, полная решимости устроить ему взбучку, повернулась к нему лицом и только тогда заметила у него в руках два письма, оба с королевской печатью. Сломанной.

— Тебе не говорили, что ломать эту печать без спроса — грозит переломом твоей шеи на виселице? — поинтересовалась командующая.

— Было что-то такое. В той части моей памяти, состоящих из пустых угроз, которые никогда не претворятся в жизнь.

— Надеюсь, содержимое этих писем как-то компенсирует отсутствие кофе, — с намёком сказала Кейтлетт, жестом требуя, чтобы ей пересказали содержимое.

— Одна новость хорошая, другая плохая, с какой мне начать? — начал Альт.

— Ну, давай с плохой, — нехотя сказала командующая, догадываясь, про что пойдёт речь. — Что опять там натворил Рор?

— Не он. О нём тут ни слова. Что странно, и я считаю это подозрительным.

— Ближе к делу.

— «Солнечные» взяли Яой, — сообщил адъютант. — Без боя.

— Зачем только мы строим эти крепости, которые способны выдержать многомесячную осаду? — Ноа устало потёрла переносицу.

— Они красиво смотрятся на открытках, — заметил Альт.

— Хе-хе, — посмеялась Кейтлетт. — Это точно не про Яой: пустошь, скалы, серное озеро и ещё множество скал.

Вспоминая, как там прошла его «предИгровая» подготовка, Альт пожал плечами:

— Интересный пейзаж, жалко, не было времени за мытьём полов его рассмотреть.

— А хорошая новость? — постаралась вернуть разговор в прежнее русло Кейтлетт.

— Нашу армию передали под командование... — как можно спокойнее начал адъютант.

— Меня что, отстранили?! — удивлённо вытаращилась на него Ноа, ожидая какого-то подвоха.

— Э-э-э, ну-у-у, в общем-то да, — растерянно и виновато развёл руками Альт.

— И это, по-твоему, хорошая новость?! — командующая начала закипать.

— Нет, — не стал спорить адъютант, — но если бы я сказал, что обе новости очень так себе, то разрушил бы вашу веру в лучшее!

— Это, конечно, многое поменяло, — мрачно буркнула Кейтлетт, пытаюсь успокоить. — И кто там наш новый командующий?

— Плохих новостей на самом деле три... — съёживаясь перед большой, но неизбежной взбучкой сообщил Альт.

— Неужели Шинку? — ехидно уточнила командующая.

— Анри Галлен, герой Аркольского моста, победитель при холме Беннбёрна, защитник Калки...

— Хватит! — воскликнула Ноа и укусила себя за руку, чтобы не закричать в полный голос.

По её мнению, это был, пожалуй, наихудший из возможных вариантов. Галлен был безоговорок лучшим командующим Тофхельма. Ни разу за всё время, что Анри был во главе армии, он не потерпел поражения на поле битвы. Проблема заключалась в методах. Для Галлена не существовало ничего, кроме победы, и чтобы её достигнуть, он был готов на что угодно.

— Боги, лучше бы Шинку... — тихо прошептала Кейтлетт.

— Разве это не хорошо... — удивился Альт, — ну в том плане, что теперь-то победа точно наша?

— Наша? — Ноа была на грани истерики. — Ты плохо знаешь этого старикана. Победа будет только его.

— Эм? Как это?

— О, ты же слышал о битве на Аркольском мосту? — уточнила командующая.

— Конечно, это одна из самых знаменитых его побед, — начал адъютант как по учебнику. — Прорвать оборону в таком месте...

— Я между прочим там была в тот день, — сообщила Ноа. — Двенадцать лет назад.

— Да? Но я никогда...

— Конечно, не слышал, — не удивляясь этому, продолжила Кейтлетт. — Это же Анри Галлен. В тот день моя рота оставила на том проклятом мосту каждого второго, если не больше. — Вспоминая, что было дальше, она вспыхнула гневом. — Семь раз мы ходили в атаку. Семь! По нам лупила, наверное, половина пушек Риверкрасса, а мы шли в полный рост со знамёнами и барабанами. Отступали, собирались и снова шли. Семь раз. На восьмой явился Анри и с лёгкостью прорвал оборону. Знаешь, почему?

— Внезапная атака крупными силами на одном направлении... — продолжил цитировать книги Альт, но без прежней уверенности.

— Почти, у противника попросту закончился порох, — рассказала Ноа. — Ушёл весь на нас. В этом весь «непобедимый» Галлен: мы для него ничего не стоим, просто отметки на карте, которые принесут ему очередную медаль.

— И что делать? — осведомился адъютант.

Прежде чем ответить, Ноа долго смотрела на письмо, словно сомневаясь.

— Сделаем всё от нас зависящее и будем наблюдать, — решила она.

— Так просто? — удивился Альт.

— Ни Галлен, ни Рор у меня симпатий не вызывают, — объяснила своё решение Кейтлетт. — С удовольствием посмотрю на то, как они вцепятся друг другу в глотку. Откуда-

нибудь со стороны. С чашечкой кофе и пряником, кстати, об этом...

— Эм, мне, кажется, пора идти, да? — Альт своим шестым чувством, расположенным чуть пониже спины, почувствовал опасность, сделал робкую попытку сбежать, но был пойман за ухо.

— Три простых слова: кофе, быстро, сюда и пряник не забудь, — Ноа свободной рукой показала ему три пальца

— Но это же не три слова... — делая робкую попытку высвободиться из захвата командующей, огрызнулся Альт. — Ай-ай-ай, моё ухо!

— Пока твоё. Слышал про художника Ган Вога?

— Который отрезал себе ногу, выражая протест против супрематизма? — въедливо уточнил адъютант.

— Понятия не имею, что он там выражал, но если у меня через пять минут не будет кофе, ухо я тебе оторву.

— Всё, иду-иду.

«Сны указывают путь, но не единственный»

Наконец погода дала слабину и не смогла выдавить из себя хоть сколько-нибудь внятный дождик. Дороги просохли, и моя армия получила возможность двинуться дальше — к замку Яой.

Непогода стоила нам целой недели промедления. И если солдаты были в полном восторге от возможности ничего не делать, то я считал иначе. Противник явно воспользовался заминкой, и то небольшое преимущество, которое мы получили, отрезав одну и разбив другую армию «лунных», стремительно сходило на нет.

Меня абсолютно не беспокоило, что Кейл Ресс, или как там его, стал командующим Тофхельма, заменив на этом посту Ноа. В ситуации, когда против меня играло само время, какой-то зарвавшийся предатель был наименьшей из моих проблем.

Радовало, что хотя бы дело наконец сдвинулось с мёртвой точки, и мы выбрались из этих проклятых всеми богами гор. Чтобы нагнать упущенное, приходилось маршировать круглые сутки напролёт, вставая на отдых лишь когда становилось совсем темно и вновь поднимаясь с первыми лучами света.

Самым сложным во всей этой ситуации оказалось следить за тем, чтобы никто не потерялся. В условиях, когда на тебя могли в любой момент отовсюду напасть, идти одной вытянутой колонной было неразумно, пришлось разделить на три поменьше и двигаться параллельно. Проблема заключалась в том, что, одурев от бесконечной ходьбы, солдаты порой совсем не следили за тем, куда они шли.

То одна бригада забрела не туда, то другая. Но это всё были мелочи: пропавших быстро находили и возвращали на место. Когда до замка с очень смешным для меня названием Яой оставался день или даже меньше, грянула настоящая беда:

— Тридцать третья, семнадцатая и двадцатая бригады не вышли в условленном месте, командующий, — доложил мне Леон с явным осуждением в голосе.

К его чести, ему хватило благородства хотя бы не играть со мной в викторину под названием: «угадайте, кто был прав, когда говорил, что не надо делить силы?».

— А седьмая бригада? — припомнил я состав колонны, где находили другие перечисленные части моей армии.

— Вышла. Они отстали и поэтому двигались независимо от капитана Ноктима, — сообщил Леон.

— Вы отправили...

— Отправил, — перебил меня граф. — Мои люди никого не нашли.

— Как такое вообще возможно? — удивился я. — Их же там почти десять тысяч.

— Отправить ещё кого-то на поиски? — с сарказмом уточнил Леон и к своему удивлению услышал положительный ответ.

— Конечно! Желательно верхом. Распорядитесь выдать пару лошадей.

— У нас их и так не хватает, — начал спорить граф.

— Да. А ещё у нас не хватает людей! Короче, сделайте всё, но треть моей армии найдите и побыстрее!

В наш разговор вклинился стоявший рядом Эльт, который прямо светился самодовольством по поводу того, что не его бригада сегодня накосячила.

— Давайте разожжём большой костёр...

— У нас нет столько древесины, — на самом деле я где-то внутри уже ждал этой фразы. — А та, что есть, нам скоро понадобится.

— Хм. Неподалеку, в двух километрах, есть небольшой лесок, — вдруг зачем-то сообщил Леон.

Мне пришлось одарить его долгим предельно осуждающим взглядом. В присутствии Гоа, таких подробностей можно было бы и избежать. Реакция капитана оказалась предсказуема:

— О, давайте его сожжём!

Я хотел прочесть целую лекцию на тему того, какое блюдо получится, если в лесу окажется Ноктим или кто-то другой из наших, но начал её совершенно не с того.

— Отличная идея...

Большого Эльту и не надо было. Дополнительные подробности нужны только тем, кто не уверен в себе и своих действиях. Капитан же горел решимостью.

— Разрешите приступить?! — спросил он, вытягиваясь по струнке.

— НЕТ! — гневно вскрикнул я. — Ничего не жечь, отправить конных разведчиков. Сидим и ждём их возвращения. ВСЁ!

— Но как же... — удивился Гоа, — большой костёр?

— Уверяю вас, капитан, если мы доберемся до Яоя, у вас ещё будет возможность зажечь по полной. Свободны.

— Вы думаете, что капитан Ноктим в том лесу? — поинтересовался Леон, когда Эльт ушёл.

— Может, и там, — я пожал плечами. — В любом случае, сейчас не лучшее время для того, чтобы устраивать пожарища. Хм...

Меня не покидало ощущение, что что-то не так. Интуиция подсказала посмотреть на карту, что и было мной сделано.

— Что такое, командующий? — заметил мою реакцию граф.

— Где, говорите, этот лес? — я пригляделся к карте.

— К востоку от нашего положения, — начал объяснять и показывать Леон. — Мы вот здесь, а километрах в двух...

— На картах ведь никакого леса нет. Сейчас, ага, вот это место.

Мой палец провёл прямую линию от того места, где мы находились сейчас. С художественной точки зрения карта была так себе и не пестрела всякими красивыми чудовищами по углам или детальной проработкой рельефа, но в остальном пока нареканий у меня не вызывала.

Леон удивился этому не меньше моего. Он растерянно достал из кармана свою карту. Это была копия моей, только меньших размеров, нужная в первую очередь для того, чтобы делать на ней пометки. На ней-то лес имелся — недавно нарисованный от руки.

— Быть не может, чтобы эта карта была НАСТОЛЬКО старой, — заметил я обеспокоенно приглядываясь.

Увы, уголок, где должен быть подписан автор карты и год, когда он её сделал, оказался оторван.

— Мы взяли эту карту в качестве трофея в лагере «лунных» на той неделе... — напомнил Леон.

Дело принимало интересный оборот. Интуиция подсказывала, что пропажа Лоя и этот

лес как-то связаны. Меня уже просто физически тянуло пойти и посмотреть, что ж это за место такое, которого нет на картах. Впрочем, соваться туда лично да ещё и ночью — идея из тех, которые очень сложно объяснить вменяемым людям.

— Отправьте отряд и туда, — мне вдруг подумалось, что это тот случай, когда требовалось чуть больше, чем просто куча солдат. — Хотя, знаете, лично тоже проверьте.

— Командующий, я понимаю ваш энтузиазм, но есть ли в этом смысл? Лес как лес, а на карте вполне может быть ошибка...

— Только не говорите мне, что боитесь.

— Никак нет, — лицо графа свидетельствовало явно об обратном.

— Вот и отлично. Не забудьте корзинку для грибов. Доброй ночи.

Судя по его реакции, к грибам Леон не испытывал тёплых чувств. Попрощавшись, я отправился к себе, желая отдохнуть.

Последние деньки выдались весьма суетными и откровенно выматывающими. Причём непонятно было почему так. Работы больше чем сейчас уже и быть не могло. То же самое, только в обратную сторону, касалось сна. Тем не менее таким измученным я себя никогда ещё не чувствовал, даже после сражений и бессонных ночей.

Несмотря на это, когда я уже почти дошёл до своего логова, меня вдруг озарила одна догадка, и пункт назначения резко изменился — теперь он находился в штабе. Хотя для меня эти два места давно уже стали словами синонимами, и ещё неизвестно, где мне приходилось проводить больше времени, располагались они всё же раздельно.

Меня интересовали другие карты. Может, моя карта и была самой подробной из всех, но ведь ошибки бывали везде. Требовалось это проверить. Но ни на общей карте Тофхельма, ни паре других никаких лесов в нужном месте не находилось. Впрочем, точность была не их сильной стороной. Так если ориентироваться по ним, то мы до сих пор находились где-то в горах, хотя они были уже далеко позади.

Вдруг сзади послышался шум. Это пришла Миюми с подносом.

— Вот вы где! Я принесла вам ужин. — Она попыталась поставить его прямо на стол, невзирая на бумаги, но я остановил её. — Ой, простите!

Мой жест оказался большой ошибкой. Вместо того чтобы помять или испачкать одну из карт, девушка опрокинула на меня весь ужин, устроив настоящий разгром.

Хмуро посмотрев на бутерброд, медленно сползающий у меня по штанине, я хотел только стряхнуть с плеча пучок макарон, образовавших своеобразный эполет.

— Спасибо, конечно, но у меня не получалось так быстро есть, — ехидно, но без злобы сообщил я.

— Простите, извините, мне хотелось, то есть не хотелось, то есть...

Не в силах злиться на это милое создание, мне ничего не оставалось, кроме как поднять пару относительно целых бутербродов и демонстративно сдуть с них пыль.

— Всё в порядке, но ужин придётся переделать. И подготовь мне новый комплект одежды, этот теперь вызовет излишнюю гастрономическую заинтересованность окружающих.

Миюми принялась кивать с таким усердием, словно собиралась сшить мне новую одежду из самостоятельно выращенного льна, предварительно проделав подобные операции с чаем. Она уже почти убежала, когда мне вдруг пришла в голову ещё одна идея. Сегодня я вообще излишне фонтанировал сомнительными затеями.

— Ты не знаешь каких-нибудь легенд про лес, которого нет на картах?

Миюми знала не просто «какие-нибудь», а вообще все из них, что и принялась перечислять:

— Ну, есть лес Брокилон...

Слушая её вполуха, я начал крутить в голове варианты, что же на самом деле это за лес и как с ним приключилась такая картографическая оказия. И если мне всё правильно удалось понять, выходило весьма забавно. Вполне ожидаемо — никакой магии. Только хитрость.

Вокруг крепости Яой располагалось не так уж много лесов, только скалистая пустошь. Тогда как для осады, да и в принципе для любой армии, требовалось большое количество древесины.

Напрямую из крепости лес контролировать было затруднительно — он слишком далеко располагался. Вот «лунные» и попытались его спрятать, и весьма находчиво, надо сказать. Они убрали его со всех карт, тогда как представить себе старшего офицера, строящего свои планы не на основе изображения местности, лично мне было очень сложно.

Конечно, всегда оставался шанс, что лес заметят, как это сделал Леон. Но ведь если бы Эльт не заговорил про свой костёр, то мы бы прошли мимо! Так что хитрость нет-нет, но работала.

В связи с этим я начинал догадываться о том, куда именно подевался Лой Ноктим и что найдут разведчики во главе с Леоном. Правда, прежде нужно было дожидаться их возвращения.

Миюми тем временем продолжала что-то там самозабвенно лепетать. Окинув взглядом её, а затем беспорядок вокруг, я сказал:

— Ты мне очень помогла!

— Правда? — моя помощница, кажется, сама этому удивилась.

— Как и всегда, — абсолютно серьёзно подтвердил я. — Навести на нужную мысль — это самое главное. Ну, кроме отдыха, конечно.

— О, вы сильно устали? — догадалась девушка.

— Ещё как! Приберись тут, пожалуйста, а насчёт ужина — забудь. Только форму принеси. Пойду отдыхать.

— Хорошо, обязательно! — Миюми попыталась вытянуться по струнке, как делали другие мои подчинённые, что заставило меня непроизвольно улыбнуться.

Только наконец дойдя до своей палатки и переступив её порог, я понял, насколько на самом деле устал. Сил у меня осталось разве что некрасиво упасть на кровать и уснуть. Однако даже в этом крайне простом деле мне помешали.

— Измотался, принимая тяжелые решения, верно, Ота? — вдруг раздался до боли знакомый голос, который я совсем не ожидал услышать в ближайшее время.

На моём столе вольготно восседала Ноа Кейтлетт. Как живая.

— Удивлён, смущён, растерян, — перечислила она, насмешливо наблюдая за моей реакцией.

Не в силах что-то сказать, я, покачиваясь, на негнущихся ногах подошёл к столу и махнул рукой, убеждаясь, что передо мной ни что иное как призрак или вернее наваждение.

— Это вообще-то невежливо, — заметила Ноа, глядя на меня немигающим взглядом. — А как же интрига, загадка — вдруг я и в самом деле здесь, м? Может, это не бред твоего разума, а?

Меня в этот момент интересовало иное:

— Как мне от тебя избавиться окончательно?

— Ну, ты можешь выстрелить в меня для надёжности... — наваждение сложило из пальцев пистолет. — Целься себе в голову! Я теперь там, дружочек-пирожочек!

Вариант, который она предложила, конечно, был неплохим, но я предпочитал держать всё своё при себе, а не раскидывать по окрестностям.

«Может, алкоголь поможет?» — подумал я, прикидывая, на что можно его выменять.

— Это поможет, да! — поддакнула Ноа. — Не так эффективно, как пуля, конечно, но пару лет интенсивного употребления — и ты от меня избавишься.

Смутно, пробираясь через тернии усталости, до меня начало доходить, что тут происходило:

— Так, что ли, теперь выглядит моя совесть? А где полуобнажённая брюнетка с третьим размером?

— Уволена за нарушение высоких корпоративных стандартов. Теперь ты мой на веки вечные, — с усмешкой рассказало наваждение.

— Звучит как что-то, за что не хочется пить...

— Вы что-то сказали, командующий?

Я моргнул. Ноа исчезла без следа, зато в палатке появился только что вошедший Леон, который, кажется, услышал обрывок моей фразы.

— Просто мысли вслух. Вижу, вы уже вернулись?

Вид у графа был очень довольным. Глядя на него, можно было бы подумать, что он наконец сумел меня переспорить, но этого вроде бы ещё не произошло. Что же случилось на самом деле в том лесу, он рассказал сам:

— Капитан Ноктим и остальные нашлись. Они в лесу. И не одни.

— Неужели браконьеров поймали?

— Лучше! — улыбка Леона стала акульей. — Лоя Шинки и несколько рот «лунных». Они собирались устроить нам засаду и...

— Помешать заготовить лес. — Для меня мозаика происходящего окончательно сложилась воедино. — Неплохо придумали. И на чём же они попались?

— На глупости, — развёл руками, словно и не ожидал иного, граф. — Капитан Ноктим вышел к ним ближе к ночи, когда они сняли посты и отправились на ночлег.

— Что, даже битвы не было? — удивился я.

Конечно, о военном искусстве «лунных» у меня сложилось в целом превратное представление, но чтобы они настолько отвратительно себя показывали...

— Сдались в полном составе, — доложил Леон. — Сейчас их ведут сюда. Лой Шинку настаивает на личной аудиенции.

— Да? Это ещё зачем?

— Хочет сдаться в плен лично вам, — объяснил граф. — Послушайте, я немного знаю, что это за человек. Начав говорить о нём плохо — очень трудно остановиться.

Мне понравилось это высказывание. Оно очень много говорило про Шинку и лишь немногим меньше про графа Сайраса.

— Не оказывайте ему такой чести, он...

— Так вы говорите, пленных ведут сюда — в лагерь? — перебил я Леона, на что тот кивнул. — Зачем?

— Как это зачем? Они же сдались!

— А-а-а, — я понимающе кивнул и, выглянув из палатки, подозвал одного из

караульных и сказал ему: — отправляйтесь к капитану Эльту. Передайте ему, что его бригаде необходимо построиться за лагерем, лицом в сторону леса. Также пускай возьмёт с собой пару трофейных пушек и зарядит их картечью.

У солдата, конечно же, никаких нареканий не возникло — на то он и солдат — а вот у графа Сайраса — сколько угодно:

— Что вы собрались делать?

— Организовывать торжественную встречу. Ну, знаете, с ружейными залпами и фланкирующим огнём артиллерии.

К моему удивлению, вместо того чтобы прийти в полное негодование, Леон безмолвно открыл, а затем закрыл рот. Похоже, в нём боролось какое-то противоречие, что мне было только на руку.

— Личные счёты с Шинку, а, граф? — постарался угадать я. — Кентенберг, верно?

— Да, — мрачно подтвердил Леон. — Этот человек участвовал в тамошних махинациях два года назад. Покупал и продавал жизни своих подчинённых, победы и боевую славу. И всё же поступать с ним так...

— С ним, если я правильно понял, надо поступить многократно строже, — вмешался я. — Он ведь так и не понёс наказания за свои «достижения», верно?

— Судя по тому, что он на Играх — не понёс.

— В таком случае оставляю правосудие в ваших руках. Мой вам совет: найдите моток верёвки, пару дюжих солдат и сук покрепче. Шинку весь ваш. Можете ступать.

Судя по взгляду графа — для него это было очень радикальным решением. Однако соблазн мести оказался превыше личных убеждений. Ничего не сказав, Леон удалился.

Я же, немного покругившись в платке, отправился посмотреть, что же будет дальше. Увы, опоздал. К моменту моего прихода, Эльт и его бригада уже заканчивали добивать выживших.

«Битва», хотя это слово оскорбляло любое другое вооружённое столкновение, длилась едва ли минут десять. Фактически всё закончилось после первого же залпа, затем было унылое, методичное добивание, за которым я наблюдал со стороны.

— Интересные вы, командующий, принимаете решения в последнее время, — сказал, подходя ближе, Лой Ноктим.

По его лицу сложно было сказать, но мне показалось, что старый капитан не очень одобрял всё это побоище. Так его солдаты вообще в нём не участвовали.

— Просто не хочу возиться с пленными, — на это Ноктим только плечами пожал, не желая вступать в дискуссию. — Трофеи?

— Весь их обоз. Пушки, припасы, порох.

— Учитывая, что предстоит осада, это нам не повредит. Вы проделали хорошую работу, капитан.

— Рад стараться. Разрешите идти?

Я махнул рукой, показывая, что не задерживаю его. Когда Ноктим удалился, оставив меня в некоем подобии одиночества, рядом, прямо из пустоты, раздался ехидный голос:

— Надеюсь, ты доволен собой. Бессмысленная жестокость ради бессмысленной жестокости. Кровь ради крови.

— Да, а ещё черепа для трона черепов, — я старался говорить как можно тише. — Мы на войне, если кто-то это забыл. Это, знаешь ли, плохое время для сюсюканья и милосердия.

— Странно. А мне почему-то казалась, что мы на неких «Играх», где люди проявляют

свои лучшие качества.

— Особенно их проявил Шинку, если я правильно понял Леона.

— У каждого своё понимание лучше, уж не тебе ли знать, а? Подумай над этим.

Думать мне не хотелось. Только спать.

— Как спалось?

Голос наваждения резал слух, а её лицо, появившееся у меня впритык перед глазами, стоило мне их открыть, откровенно наводило жути. Я надеялся, что хороший крепкий сон устранил эту «неприятность», однако что-то пошло не так. Провалившись четыре часа кряду, ворочаясь с бока на бок, я так и не смог толком уснуть, а те немногие отрывки сна на ситуацию никак не повлияли.

— Исчезни с глаз моих.

— Как скажешь.

Ноа и вправду исчезла, но только лишь затем, чтобы её голос раздался у меня над ухом, так, словно она стояла у меня за спиной. Учítывая, что я лежал на спине, создавалось ощущение, словно со мной разговаривала подушка.

— Так лучше? Хочешь я буду шепта-а-ать, растя-ягивая сло-ова? — едко поинтересовалось наваждение.

— Нет, верни всё в зад.

Словно она всё время там и сидела, Ноа демонстративно убрала с края кровати невидимый волосок, ехидно помахав мне ручкой.

«Мда, непонятно, что хуже: видеть её глазами или слышать у себя за спиной. Что ей от меня вообще надо?»

— Шоколада, мармелада и маленьких, очень маленьких детей. На завтрак, обед и ужин, соответственно.

Кажется, от этой версии Кейтлетт толку было ещё меньше, чем от настоящей.

— Если ты совесть, то происходящее, очевидно, некие угрызения. Спрашивается за что? Меня ничего не беспокоит.

— Значит, твоя крыша просто уехала в далёкие края. Здорово, правда? — наваждение демонстративно ослабилось, причём так, как не сумел бы сделать живой человек — буквально от уха до уха.

Не выдержав издёвок, я швырнул в неё подушкой. Как и следовало ожидать, та пролетела насквозь и шмякнулась где-то в районе стола. Кейтлетт усмехнулась и, качая головой в такт некой музыке, безумно фальшивя напела:

— If there's something strange. In your neighborhood. Who you gonna call? Ghostbusters! If there's something weird. And it don't look good. Who you gonna call? Ghostbusters!..

Я мигом пожалел, что выбросил подушку: слушать эти стенания было просто невыносимо, особенно в контексте происходящего.

— Прекрати это!

— Не могу понять, что более нелепо: то, что ты на меня орёшь, или всерьёз рассчитывал подушкой закрыть уши от воображаемого пения? — принялось размышлять наваждение.

На моё счастье, зашла Миюми, и моя персональная Кейтлетт или совесть, или кто она там, исчезла. Уж не знаю, как это работало, важно было, что в присутствии других меня отвлекали только материальные люди.

— Вы опять рано проснулись, командующий, — подозрительно заметила моя

помощница.

— Покой нам только снится, а мне в последнее время даже сны не снятся, — поделился я своей болью.

— Это очень плохо. Вас что-то беспокоит?

Меня порой удивляла наивность Миюми в некоторых вопросах:

— Знаешь, мне приходится управлять огромной армией, состоящей словно из младенцев — стоит предоставить их самим себе хотя бы на пару часов, и возникшие проблемы приходится разгребать несколько дней кряду. Это уже не говоря о том, что мы тут вообще-то в глубине вражеской страны, где каждый второй мечтает издать мемуары «Как я повесил Рейланда Рора».

Миюми выслушала меня с каменным спокойствием, словно лечащий врач своего пациента.

— Я знаю, что вам поможет! — уверенно заявила она, когда я закончил.

— Почка цапли, камень мандрагоры? — вспомнился мне предыдущий опыт «лечения».

— Нет. Кружка горячего, крепкого чаю! Я быстро, никуда не уходите!

Учитывая «кофе», я очень живо представлял тот напиток, который Миюми может называть «чаем» и какие разрушения он способен причинить, если окажется в желудочно-кишечном тракте. С другой стороны, имелся положительный опыт с другими блюдами: их она готовила вполне сносно.

Утро и вправду было слишком ранним, чтобы всерьёз заниматься какими-то делами, поэтому я решил рискнуть и подождать её возвращения. К сожалению, стоило Миюми выйти, как вернулась Ноа.

— Какое поразительное лицемерие, — фыркнуло наваждение. — Ты с таким рвением топчешься на всех местных правилах, традициях и обычаях, но её бредовый маньямирок и пальцем тронуть не смеешь.

— Должно же быть в этом безумном мире хоть что-то хорошее.

— Интересно, сколько ты продержишься, прежде чем разрушишь и этот песчаный замок?

— Не собираюсь его рушить, — заявил я решительно.

— Конечно-конечно! — притворно закивала Ноа. — Ведь твоё слово так много теперь стоит. Ломать — не строить, слышал такое выражение?

— В некоторых случаях это необходимо. Иначе никак.

— Интересно, с чего ты вообще взял, что местным так необходима твоя помощь? Кто ты такой, чтобы указывать остальным, как жить?

У меня уже был заготовлен ответ на этот вопрос:

— Победитель. Слышала про право сильного?

— Да, слышана. Почему-то все подобные силачи, очень любят помирать в самом начале правления от рук своих приближенных. Лонгин не даст соврать.

— Это убийца Цезаря, что ли? — припомнил я. — Он-то тут при чём?

— Да так, просто, не бери в голову.

К моей радости, этот замечательный монолог прервала вернувшаяся Миюми. Помощница принесла всего одну увесистую чашку. Зато несла её с таким видом, будто в неё была налита божественная амброзия.

Пах напиток травами, но это ещё ничего не значило. «Кофе» тоже чем только не пах: от нефти до урана.

— Спасибо, — поблагодарив её, я осторожно сделал глоток.

Напиток оказался горячим, но вопреки ожиданиям очень даже вкусным. Не знаю, как насчёт расслабления, звуки пробуждающегося лагеря снаружи лишали всякой надежды на покой, однако, выпив его, я точно почувствовал себя чуть лучше.

Вместе с этим меня посетила ещё одна мысль. Это было неплохой возможностью избавиться от ежедневной травли кофе.

— Очень вкусно, спасибо. Не могла бы ты делать мне по утрам чай?

План казался мне безупречным, я вообще не мог представить, с чего бы Миюми отказываться. Однако она сумела меня в очередной раз удивить:

— Хорошо, буду делать вам и кофе, и чай.

— Можно только чай... — я растерянно улыбнулся, не представляя, что тут ещё можно сделать.

— Но как же вы будете тогда просыпаться? — поинтересовалась Миюми подозрительно.

Я едва не ляпнул: «Как и все остальные люди — без угрозы моему желудку».

Поразительно, но «кофе» Миюми, несмотря на то, что нисколько не напоминал настоящий, свою задачу все же выполнял — пока я думал, куда бы его деть, волей-неволей просыпался. Хотя с тем же успехом меня можно было поднимать с помощью пистолетного выстрела.

Шум снаружи всё усиливался, поэтому времени разбираться с Миюми не оставалось. Наступал черёд снова становиться командующим.

— Точно. Но чай ты всё равно делай, побольше.

— Конечно!

Торопился я не просто так. День предстоял сложный. Именно сегодня, спустя пару часов марша, мы вышли к крепости Яой.

Что ни говори, она внушала трепет. Сама по себе небольшого размера, но окружённая гигантским лагерем, среди скалистых пустошей и в целом безрадостного пейзажа, расположенная на берегу небольшого озера, крепость выглядела непреодолимым препятствием на нашем пути.

Особенно меня смущала водная гладь, этаким естественный ров. Выглядело озеро безобидно, даже несмотря на желтоватый туман, стелющийся над его поверхностью. Однако был у него свой секретик: вне зависимости от небольших размеров и безобидного внешнего вида, вода в нём была ядовитая, к тому же горячая, из-за чего даже в самые лютые морозы не покрывалась льдом.

Сама же по себе крепость Яой не представляла ничего интересного. Может, на момент постройки её высокие стены и пара башен, обращенные к единственной доступной для прохода полоске суши, могли вызвать какие-то проблемы у атакующих, но развитие пороха свело все их достоинства на нет.

Сейчас для любого, кто забирался настолько вглубь территории Тофхельма, куда большей проблемой было озеро и окружающая местность: плоская, безжизненная скалистая равнина, на которой осаждавшие находились как на ладони. Это место идеально подходило для того, чтобы, заманив сюда противника, сковать его необходимостью осады или хотя бы подготовки к штурму, и в это время нанести удар в спину.

Именно поэтому для «лунных» было так важно держать под контролем все леса,

расположенные неподалёку, особенно тот, который не был отмечен на картах.

Но это всё были «цветочки». Худшее раскинулось вокруг Яоя на несколько километров во все стороны. Гигантских размеров лагерь, окружённый деревянным частоколом, где укрылась армия Кайла Расса. Судя по всему, сюда стянули всех, кто хоть как-то мог держать оружие.

— Название смешное, а ситуация страшная, — глядя на крепость и раскинувшийся вокруг лагерь, издали пробубнил я сам себе.

— Такой гарнизон будет сложно запугать или подкупить, — едко заметил Леон.

Мне было тошно и без его ехидства. Откровенно говоря, я абсолютно не представлял, что здесь делать. Даже на первый взгляд там было втрое-вчетверо больше солдат, чем у меня. Тут не то что о штурме, тут даже об осаде думать было нечего!

Мои солдаты, конечно, не ровня этим гарнизонным крысам, но при всем умении, чтобы компенсировать такой разрыв, нужно быть не меньше чем волшебником.

— Приказы, командующий? — напомнил о себе Леон.

Они у меня имелись. Сразу три.

Первый заключался в том, что нужно было кого-то отправить на разведку. Местность вокруг Яоя была предельно так себе: здесь даже банально разбить лагерь толком негде. Солдатам нужна вода и еда, но где их взять посреди этой пустоши? Воткнуть палку и надеяться, что она прорастет? У нас, конечно, был некоторый запас, но хватит его от силы на неделю, может, две. О качестве даже говорить нечего.

Кто ж справится с разведкой, как не наш главный разведчик? Заодно и от меня отстанет хотя бы на пару часов.

— Леон, осмотрите окрестности, для лагеря нужна позиция получше, и отправьте людей на поиски пресной воды, помнится, это озеро ядовитое.

— На картах есть источник, я отправлю проверить, всё ли с ним в порядке, — сказал, погружившись в свои мысли, граф, прежде чем уйти.

С этим разобрались. Во-вторых, надо было начать осаду. Проще говоря, отрезать крепость и лагерь от подкреплений и снабжения. Это было не так сложно, благо, дорога имела всего одна.

О том, что «лунные» будут получать снабжение по воде, можно было не беспокоиться. Рейланд здесь уже бывал и обжёгся на этом — в буквальном смысле. Не знаю, из чего состояло это озеро, но жидкость лишь выглядела как вода.

Учитывая, как рвался в бой Эльт и его полубригада, отправить их громить вражеские караваны было лучшим из возможных вариантов. Во всяком случае, они будут чем-то заняты. Нет ничего хуже и опаснее, чем скучающий Гоа.

— Капитан Эльт, видите там вдалеке дорогу?

— Так точно! — мгновенно подхватился он. — Будет уничтожено!

— Что? Нет! Стоять! — Я помассировал переносицу и постарался как можно точнее подбирать слова. — Отправляйтесь к дороге и проследите, чтобы по ней ни один караван не прошёл. Понятно?

— Так точно... — растерянно ответил Эльт; судя по его виду, он совсем не так себе представлял битву за Яой.

В-третьих, надо было готовиться к штурму. Оценить укрепления, заготовить материалы для всяких лестниц и прочего. Увы, а может, и к счастью, времени вести полноценную осаду у нас не было. Учитывая силы гарнизона, появление любой армии в помощь «лунным» извне

приведёт к быстрому нашему разгрому. А то, что к противнику шли огромные подкрепления, я знал точно. И их прибытие было вопросом максимум недели.

Тем не менее уходить было бы странно, да и куда? Реликвия-то здесь. Скорее всего. Можно было, конечно, уйти в сторону Саума и сидеть там, надеясь, что Кайл Расс придёт сам. Правда, в таком случае приведёт он с собой такую орду, что нас мгновенно втопчут в землю.

Если и был кто-то среди нас, знающий о укреплениях всё, так это предводитель бригады, что строила не просто укрепления, а настоящие шедевры оборонительного искусства.

— Капитан Ноктим, если нам предстоит штурм, какие шаги следует предпринять перед этим?

Ответ последовал на удивление быстро:

— Заготовить древесину для строительства штурмовых орудий.

Я кивнул. С этим мы частично разобрались ещё накануне ночью.

— Найти слабое место в укреплениях и... — Лой не просто рассказывал, но при этом уже даже примерялся, что и где он будет делать. Мне этого вполне хватило:

— Достаточно. Можно приступать.

Разобравшись с этим и скривившись от головной боли, которая стала только сильнее, я погрузился в раздумья. Нужно было придумать, как взять крепость.

Горы полные чудес

— Знаете, Кейл, по-моему, вы зря вчера говорили про дождь. Вы его спровоцировали! — язвительно заявил я, оглядывая округу.

— Чем шутить, выдайте лучше идею, как нам перебраться, — раздражённо буркнул в ответ Ресс.

Как он и говорил накануне, не успели мы двинуться в путь, как наткнулись на горную реку. Всё бы ничего, если бы в середине ночи не пошёл дождь. Непогода словно дожидалась нас, поэтому старательно поливала землю до самого утра.

Скалы, и без того не слишком удобные для ходьбы, стали скользкими. Но главной проблемой оказалась та самая река: дело было даже не в её ширине, а в скорости потока воды. Он буквально сметал всё на своём пути. На моих глазах поток оторвал огромный кусок скалы и понёс его куда-то дальше по своим мокрым делам с такой лёгкостью, будто эта каменюка совсем ничего не весила.

Вопрос, что случится с нами, окажись я или Кейл в воде, можно было считать на этом закрытым: шансы перейти реку вброд отсутствовали как таковые.

— Откуда мне знать? Это же вы тут разведчик. Со своей стороны могу предложить помолиться богу воды — пускай уберёт это непотребство.

— Надо было вас сбросить в ту пропасть, — тихо пробормотал Кейл.

— Что? — Я всё слышал, но переспросил, рассчитывая, что мой собеседник изменит ответ.

— Говорю, вас надо было сбросить в ту пропасть, — слово в слово повторил Ресс, только громче.

— Знаете, обычно в таких ситуациях произносят что-то безобидное...

— А я говорю, что надо было сбросить вас в пропасть! — злостно прервал он меня.

Сила убеждения и донесения информации поистине была его коньком. Закончив говорить, Ресс тяжело вздохнул и принялся пинать мелкие камушки, скидывая их в воду.

Похоже, идей у него не было никаких. У меня, впрочем, тоже. Ну, если не считать за такую попытку реку преодолеть где-то ещё. Судя по тому, что Кейл Ресс не спешил воскликнуть что-то вроде «а, знаю, где тут мост!», такие варианты отсутствовали.

Неожиданно раздосадованный Кейл промахнулся и отправил в бушующий поток не камешек, а небольшой пучок росшей на берегу желтоватой грубой травы. Тот, пролетев по дуге, плюхнулся в воду и поплыл дальше.

Мне его маршрут показался странным. Ниже по течению метрах в трёх река слегка изгибалась. Совсем чуть-чуть, однако несчастный пучок задержался там почти секунд на десять, кружась как будто в водовороте. Причём происходило всё буквально в метре от противоположного берега. Это навело меня на интересную мысль, которую, впрочем, требовалось сначала обосновать теоретически:

— Можете повторить? — попросил я.

— Что?

— Киньте ещё травы.

— Слушайте, и так настроение паршивое, не до шуток, — отмахнулся Кейл, отходя в сторону.

Не выдержав препирательств, я сам голыми руками вырвал большой пучок травы и

швырнул его в воду.

— Смотрите!

Как и ранее, в месте изгиба трава немного покружилась на месте и лишь затем поплыла дальше.

— Вау, — безразлично фыркнул Ресс, — вы нашли водоворот, слушайте...

— Да это же наш шанс!

— Вы осознаёте, что если что-то пойдёт не так, то вас унесёт потоком воды? — уточнил Кейл, который, как выяснилось, всё прекрасно понял и без объяснений.

— Да что вообще может пойти не так? — самоуверенно отмахнулся от этой мысли я.

— Всё! — по лицу Кейла я понял, что, по его мнению, список таких вещей получился огромным. — Нырять туда — безумие. Вас затянет на глубину, стукнетесь головой о камень и...

— Говорите как Леон Сайрас, — заметил я вскользь.

— То есть как разумный человек.

Нехотя мне пришлось с ним согласиться. Однако что-то всё равно не давало покоя. Неожиданно я понял, что именно:

— Слушайте, а как вы собирались тут переправляться? Ну не вброд же?

— Нет, конечно. У меня есть лодка.

— Стоп, что?! — вытаращился я.

— Лодка, — повторил Кейл спокойно. — Я же говорил вам, мне здесь бывать не впервой. Только ничего не выйдет, поток слишком сильный.

— Спустим на воду, а когда её захватит водоворот, спрыгнем на другой берег, — придумал я мгновенно.

— С чего вы взяли, что кто-то позволит вам разломать мою лодку? — раздражённо поинтересовался Ресс. — Вы хоть представляете, сколько усилий стоило затащить её сюда?

— Вас смущает только это?

— Нет, конечно, но, очевидно, на остальные вопросы вы точно не сможете внятно ответить.

— Просто вы живёте в плену своих иллюзий, Кейл, поэтому не желаете признавать мою правоту.

Кажется, мне удалось его наконец зацепить. Обычно спокойное до безразличия лицо Ресса исказилось гневом вперемешку с возмущением:

— Вы понимаете, что мы тут застряли, и всё из-за...

— Что, хотите сказать, что из-за меня пошёл дождь? Что дальше? — издеваясь, уточнил я. — Кошка бросила котят — это Рейланд Рор виноват? К тому же, если вы так желаете осуществить свои планы, может, ради них стоит рискнуть? Или...

— Хватит этой чуши, — прервал меня Кейл гневно. — Ждите здесь, я скоро.

Когда Ресс говорил о лодке, мне представлялось что-то вроде байдарки. Странно, что сразу не линкор Ямато. Ведь, вспоминая предыдущий путь, так легко представить, как Ресс бы его сюда затащил!

Реальность оказалась куда как приземлённее. Это был небольшой челнок, в котором и одному-то уместиться оказалось не просто.

— А где весло? — вспоминая похождения Одиссея, поинтересовался я.

— Как вам здесь поможет весло? — удивился Кейл, кивая на бушующий поток, видимо, подразумевая, что он его даже брать не стал.

— Ну как же, как в том пророчестве: ходить по миру с веслом, пока кто-нибудь не спросит, зачем тебе лопата.

— Хватит нести чушь, лучше придумайте, как нам спуститься в воду.

Вопреки его сомнениям, этот процесс много усилий не потребовал. Поток воды, с лёгкостью отрывавший скалы, без всякого труда подхватил и небольшой челнок. Нас закружило, зашатало, причём с такой скоростью, что мир слился в одну сплошную полоску света. Не знаю, как мне удалось понять, когда нужно прыгать и куда, но я сумел сделать это, хотя в себя пришёл уже на противоположном берегу. Где-то рядом, судя по стонам, «вынырнул» и Кейл.

Радуюсь тому, что ещё жив, я откинулся на спину и взгляделся в синее небо:

— Ну как вам самый лёгкий участок пути? Может, назад и по домам?

— Вещи... мы забыли вещи! — неожиданно громко воскликнул Кейл.

Я поднял голову, убеждаясь, что на противоположном берегу и вправду лежали сумки.

— Там же не было чего-то ценного или необходимого?

— А вы как сами думаете? — фыркнул Кейл Ресс.

— Нет? — подозревая, каков будет правильный ответ, но не теряя надежды, спросил я.

— Вы идиот? — раздражённо уточнил Кейл.

— Я мечтатель!

— Идёмте, мечтатель. — Ресс тяжело вздохнул и поднялся на ноги. — Теперь, когда у нас из вещей только бесполезное оружие, лучше не терять время попусту.

И вправду, ни я, ни Кейл не догадались, перед тем как переправляться, снять ножны. Может, оно и к лучшему: забыть на другом берегу вообще всё было бы совсем унижительно.

Без торбы за спиной перемещаться стало гораздо удобнее. Не требовалось тащить на себе уйму бесполезных вещей, вроде еды, средств для её приготовления или спальных мешков. Из-за этого исчезла необходимость тратить ценное время на остановки. Попил водички — хоть её у нас было много — и пошёл дальше, есть-то нечего!

Именно такими мыслями я пытался убедить себя, что всё идёт нормально. Получалось так себе: мой желудок упорно отказывался переходить на фотосинтез, а ноги требовали для движения хотя бы сухарей.

Местность, которую Кейл называл «Ступенями в небо», началась незаметно. Просто тропинка, по которой мы двигались между скал, пошла вверх, постепенно набирая наклон. О том, что это именно какие-то ступеньки я догадался, когда начались небольшие уступы, тоже постепенно прибавлявшие в высоте. Пока через них можно было переступать, всё было легко и просто. Сложности начались в тот момент, когда очередной уступ оказался мне по пояс, а на следующий за ним пришлось уже подтягиваться. Всё бы ничего, но стояла уже середина дня, а у меня в животе не находилось ничего, кроме воды и остатков сухарей, которые всё равно не переваривались.

Сил хватило на десяток таких «ступеней», неизменно продолжавших расти, после чего я повалился на землю.

— Всё, больше не могу.

Кейл, тяжело дыша, присел рядом и, как ему, наверное, казалось, постарался меня приободрить:

— Большая часть пути пройдена. Осталось ступенек двадцать, в худшем случае тридцать, максимум сорок, ну, в крайнем случае пятьдесят, вряд ли больше шестидесяти...

— Остановитесь! — паникуя, вскрикнул я. — Вы сейчас уже до сотни дойдёте!

Ресс пожал плечами и замолчал, словно намекая, что это не совсем от него зависело.

Собравшись с силами, мы продолжили путь, преодолев ещё десять ступеней. На эти уже пришлось по-настоящему карабкаться, что оказалось крайне утомительно, особенно без снаряжения.

На одиннадцатом по счёту уступе моя рука, которой я ухватился за край, не выдержала и сорвалась. Последовало короткое, но очень насыщенное на эмоции падение на спину. Было не столько больно, сколько обидно. Когда я только попал в тело Рейланда Рора, мне казалось, что моей задачей будет руководить. Ни про какие горы и карабканье по ним речи не шло! Нужно быть поистине одарённым, чтобы из менеджера по продажам переквалифицироваться сначала в полководца, а затем в скалолаза, и похоже, что это было ещё не последней пертурбацией, что меня ожидала на этом скользком пути.

— Вы там живы? — спросил Кейл откуда-то сверху.

— Что вы там подразумеваете под этим вопросом? — уточнил я растерянно.

— В основном ваше состояние.

— Моё состояние описывается очень просто и коротко: ещё не мёртв, но уже хочу.

— Давайте там побыстрее, не хотелось бы шляться по Могильнику ночью. — Судя по тону его голоса, он взаправду не хотел этого.

«Неужели такой человек, как Ресс, может, подобно Миюми, бояться каких-то суеверий?»

Оставшийся участок Ступеней в небо мы преодолели часа за три. В конце пути уступы стали такой высоты, что для того чтобы на них влезть, приходилось вставать друг-другу на плечи и уже оттуда карабкаться вверх, а затем подтягивать за собой напарника.

Причём из-за отсутствия у нас верёвки пришлось изобретать её заменитель из имеющихся элементов одежды. Плащ Кейла, который стал центром этой конструкции и явно не был рассчитан на то, что на нём будут висеть здоровые мужики, в итоге порвался. К счастью, произошло это при подъёме на последний уступ, а не в самом начале, иначе мы бы весь день провели возле них, подпрыгивая и пытаясь словить друг друга за руку.

По идее после такого длительного подъёма мы должны были бы оказаться где-то очень высоко, однако никаких особых различий с теми видами, что были в начале пути, я не заметил. Те же горы, всё такие же высокие, холодные и серые.

Это было не единственной странностью. Пока мы отдышали, я всё не мог понять, откуда доносился стук, словно кто-то игрался с множеством маленьких камушков, насвистывая при этом странную мелодию. Пришлось подниматься и идти на разведку.

Источник звука нашёлся чуть дальше. Здесь было старое, скрюченное, засохшее дерево неясной породы, что стояло на самом краю обрыва и непонятно как ещё в него не свалилось. На каждой его ветке висело по несколько странных предметов. При ближайшем рассмотрении это оказались небольшие амулеты, сделанные из костей, нанизанных на шнурки, и закреплённые так, чтобы на ветру они производили тот самый стук.

Все кости были разных размеров и форм, некоторые с орнаментом или рисунками, некоторые явно модифицировались для того, чтобы не только стучать, но ещё и свистеть.

— Его называют Лешим, никто не знает, что это за дерево, откуда оно взялось и к чему на нём эти трещотки, — прокомментировал мою находку Кейл.

— Почему не каким-нибудь свистуном или ещё как? — удивился я.

Прежде чем ответить, Ресс зачем-то отвернулся от дерева.

— Закройте глаза на пару секунд и руки за спину уберите.

Не понимая, что должно произойти, я попробовал. Посчитав в уме до пяти, после чего открыв глаза, я с удивлением обнаружил, что никакого дерева передо мной нет. Хотя звук по-прежнему был рядом.

— А?

— Сзади, — пояснил Кейл.

Я обернулся и вскрикнул от неожиданности, неосторожно делая шаг назад. Только своевременное вмешательство Кейла, который схватил моё плечо, уберегло меня от падения в пропасть. Дерево, как ни в чём не бывало, находилось у меня за спиной, одной из веток практически касаясь плеча.

— Вот так деревце, — стараясь не выпускать растение из виду, прокомментировал я. — Странно, что его никто не срубил за такие фокусы...

— Рубили и не раз, — по тону мне стало понятно, что Кейл тоже в этом участвовал. — После Игр оно восстанавливается, причём даже если срубить его до их начала.

«Вот это номер! Выходит, деревце-то не просто рукотворный объект, а ещё и живущий по своим законам!» — думая над этим, я мгновенно занялся привычной деятельностью — попытался найти причину происходящего.

— Оно одно такое... странное?

— В Могильнике есть похожие, — подумав немного, сообщил Ресс.

Неожиданно моё внимание зацепилось за один из амулетов. Было в рисунке на нём что-то смутно знакомое. Как будто я где-то это уже видел. Большой круг, а ниже ещё девять разных размеров, от совсем крошечного девятого до солидного пятого и шестого, который почему-то был перечёркнут, а от третьего вообще шла стрелочка в сторону...

«Стоп!» — я принялся загибать пальцы, про себя считая порядок планет в Солнечной системе.

Та, что со стрелочкой — Земля, третья по счёту. Пятый — Юпитер, самый крупный. Шестой — Сатурн, и он не перечёркнут, а таким образом изобразили его кольца. А точка в конце — Плутон, который уже лет пятнадцать и не планета вовсе...

«Но как такое возможно? Откуда здесь может взяться этот рисунок? Неужели здесь уже кто-то бывал с Земли?»

— Что за... — невольно пробормотал я.

— Вы аж побелели, нашли что-то интересное? — участливо заметил Кейл Ресс.

— Да, рисунок, который никак не мог здесь оказаться.

— Первый раз вижу, — Ресс с искренним интересом посмотрел на амулет у меня в руке. — Но вы не один такой. Мне приходилось слышать истории о том, что на этом дереве находили послания даже от умерших.

— Вы тоже находили? — догадался я.

Перед ответом Кейл замер и пробежался взглядом по веткам, словно что-то ища:

— Нет.

Понятно было, что он врёт. Но спрашивать я не стал, так как по опыту уже знал, что это — пустая трата времени.

— Лучше этого не делать, — предостерег меня Ресс, заметив моё намерение забрать амулет с собой. — Я знал нескольких людей, которые забирали себе «сувениры» отсюда — все они погибли, причём при очень странных обстоятельствах.

— Мда? Это как же?

— Один утонул едва ли не в луже — неудачно упал. Другой, молодой парень, который эти горы знал лучше меня, пропал в них без следа. Третьи, их было двое, вообще вздумали устроить драку — вы наверняка видели след от неё.

— На той фреске я ещё никак не мог понять, кому могло прийти в голову тут стреляться.

— Вот именно, да ещё и вне Игр.

— Только Миюми не рассказывайте, она меня убьёт, если узнает, что мне довелось видеть ТАКОЕ и не взять что-то на память. — Нехотя я отказался от идеи забрать себе сувенирчик.

Кейл никак не отреагировал на шутку, если он вообще её понял, вместо этого махнул рукой, жестом предлагая отправляться дальше. Стоило нам обоим отвернуться от дерева, как оно тут же исчезло, оставив после себя лёгкий свист и стук костяшек.

«Если это было странным, то что же меня ждёт в «Могильнике», которого так боится Ресс?»

Увы, мои надежды на то, что «Змеиный перевал» всё же назван так из-за обилия соответствующих рептилий, нисколько не оправдались. Да и вряд ли на такой узкой тропинке, а именно её из себя представляло это место, могли жить змеи или вообще кто-то крупнее воробья.

В принципе что-то подобное мы уже проходили днём ранее, хотя по сравнению с тем, что было здесь, там была тренировка.

Петляющая из стороны в сторону, словно пьяный солдат, которому осталось пройти из таверны до дома тридцать метров, тропа стала ещё уже, настолько, что поставить нормально ногу было в принципе невозможно. Ветер успокоился, зато, словно компенсируя эту поблажку, камень оказался как будто мокрым и потому очень скользким.

— Сам перевал короткий, буквально метров четырёста, но застрянем мы тут на пару часов, — сказал мне Кейл Ресс, перед тем как мы начали путь.

Тогда я не понял, к чему это он. Шли мы действительно крайне медленно. Каждый шаг, каждое действие вымерялось по несколько десятков раз. Любая ошибка могла стать последней: внизу, поблёскивая на свету, ждали острые камни, падать на которые не очень хотелось ни мне, ни Кейлу.

Правда, усталости на это всё было плевать. По моим находящимся в постоянном напряжении мышцам то и дело пробегали болезненные судороги, любая из которых могла закончиться плачевно. Очередная такая заставила меня застыть в нелепой позе, скривившись от боли.

— Держитесь там, осталось всего пару метров! — крикнул Кейл, слегка обогнавший меня.

— Я бы рад, но остальной организм, кажется, против.

— Хватит ныть и...

Разговаривать во время такого сложного процесса оказалось ошибкой. Ресс отвлёкся и не заметил небольшого камушка, который отказался у него под ногой. Даже такой мелочи хватило, чтобы всё мгновенно вышло из-под контроля.

Ресс поскользнулся, потерял равновесие и лишь в последний момент ухватился за камень, на котором ещё пару секунд назад стоял, и спасся от падения в пропасть.

— Держитесь! — я сразу понял, что он сам не выберется и что время на то, чтобы ему

как-то помочь, стремительно заканчивалось.

Наверное, торопиться в такой ситуации было худшим из решений, но выбора как такого мне не предоставили. Или рисковать, или наблюдать за коротким полётом Кейла в пропасть.

Поначалу всё шло хорошо: один шаг, второй, третий, расстояние между мной и Рессом неумолимо сокращалось. Окрылённый успехом, я забыл про осторожность и едва не поплатился за это.

Наступая на очередной камень, мне не сразу удалось заметить, что он слишком гладкий, чтобы на него становиться. Ещё бы чуть-чуть, и я повторил путь Кейла.

Выбрав более удачный путь, я наконец оказался неподалёку от Ресса. Но как его спасти, если для того, чтобы просто стоять на месте, мне нужны обе руки?

— Левее... есть... площадка, — подсказал мне Кейл.

И вправду, не ахти что, конечно, но даже эти двадцать сантиметров относительно ровной поверхности сильно помогли. Переместившись на неё, я задумался, что делать дальше.

Отсюда имелась возможность дотянуться до Кейла, но как ему помочь? Вытянуть — это одно, но вдвоём мы здесь не уместимся, а тянуть не просто вверх, но ещё и вбок было для меня непосильной задачей.

Ища выход, я принялся осматриваться. О возвращении назад и речи быть не могло — оттуда мне не достать до Кейла. Переместиться вперёд? Пожалуй, это было мне по силам, к тому же я уже заприметил для себя удобный камушек, который как нельзя лучше подходил, чтобы за него уцепиться, но опять же — оттуда не достать Ресса. Только если вытянуть его на своё место, а затем боком перепрыгнуть дальше. Что, мягко говоря, мало напоминало не план, а скорее игру в русскую рулетку с пистолетом с полным барабаном.

Шальная мысль предложила и вовсе этого не делать. Кейл Ресс ведь сам мне сказал, что это практически конец маршрута. Дальше Могильник, но чем бы он ни был, я скорее всего смогу его преодолеть в одиночку. Так зачем рисковать собой и спасти человека, который задумал недоброе? К тому же, когда, как не сейчас, у меня ещё будет возможность избавиться от него?

Я не без труда отогнал эти мысли. В такие моменты очень легко быть рациональным и практически невозможно оставаться человеком. Твой корабль разбился возле необитаемого острова? Бей, кусай, грызи всех вокруг, спасая свою шкуру. Ведь только ты имеешь право выжить — и всё тут. Прибывшие на место спасатели наверняка будут очень впечатлены размахом твоей рациональности, когда увидят, что ты за пару часов успел перебить остальных потерпевших крушение и стать каннибалом.

— На счёт три я вас потяну вверх, а затем прыгну. Вы должны будете за что-то ухватиться!

— Вы что?! — растерянно переспросил Кейл, но я не стал вступать в спор, начав действовать.

— Три!

Собрав все имеющиеся силы, мне удалось схватить и потянуть Ресса вверх. Боль была такой, что, казалось, у меня сейчас оторвётся рука. Тем не менее я смог вытянуть его туда, где Кейл зацепился за скалу.

Однако это был ещё не конец операции: всё будет тщетно, если не уступить Рессу ровную поверхность, на которой можно стоять. Мне не оставалось ничего, кроме как прыгнуть вбок, надеясь, что всё это закончится нормально. Те несколько мгновений, что я

провёл в полёте, казалось, длились вечно. Это могло бы дать массу времени подумать над рациональной составляющей моих последних действий, если бы она вообще имелась.

В такие моменты очень мало думаешь над тем, что вообще-то сейчас Игры, и падение, конечно, закончится катастрофой, но явно не последней в твоей жизни. Напротив, сразу вспоминаешь кучу различных вещей, которые обычно кажутся абсолютно неважными.

Например, вкус бананов. Мне даже не удалось вспомнить его, но во чтобы то ни стало захотелось съесть сейчас один. Ну, не совсем прямо в этот момент, всё же выжить хотелось сильнее, но в целом я решил для себя, что если выберусь отсюда — объежусь бананами до тошноты.

Не совсем понятно как именно, но мне всё же удалось зацепиться за один из камней, а дальше тело действовало уже рефлекторно. Оно, словно пиявка, присосалось к камню, судя по всему наотрез не желая больше двигаться. Будь у него такая возможность, моё сердце наверняка уже бы паковало вещички, собираясь остановить происходящее безумие. У меня ушло несколько минут, чтобы немного успокоиться и начать понимать, что происходило вокруг. Например, то, что всё это время Кейл мне что-то кричал.

— А? Что?

— Вы чёртов самоубийца! — повторил Ресс раздражённо.

— Вы имеете что-то против?

— Лучше спросите, имею ли я что-то за!

Я так и сделал.

— Имеете?

Кейл в ответ только что-то невнятно прошипел. Немного собравшись с силами, мы продолжили путь. Как оказалось, конец перевала был совсем рядом, не прошло и получаса. Мне удалось оказаться на твёрдой поверхности, на которой можно было стоять и не бояться куда-то упасть. Именно поэтому первое, что я сделал — повалился на землю.

— Земелюшка, земелька родненькая!

— С вами всё в порядке? — хмуро уточнил Кейл.

— Конечно же нет, вы что, не видите?

— Вижу. Воды? — спросил Ресс, а в ответ мой живот звучно проурчал, требуя чего-то более серьёзного. — Понимаю, почему вас прозвали тигром.

— За храбрость и благородство на поле боя... — подумав немного, я добавил: — после хорошего перекуса.

— Нужно идти, может, успеем пройти Могильник до наступления темноты, — дав мне немного времени отдохнуть, сказал Кейл, решительно поднимаясь.

Не оставалось ничего иного, кроме как подняться и пойти за ним, надеясь изо всех сил, что следующий участок пути пройдёт легко и просто. У судьбы, однако, на этот счёт имелись иные планы.

После целого дня в горах, полных всяких странных штуковин и прочего неудобного для перемещения ландшафта, кроме голода и усталости меня терзало также и несколько вопросов касаясь следующего места, которое нам предстояло посетить. Мой интерес становился особенно острым на фоне близящегося к завершению дня.

— А нет ли смысла подождать до завтра? — поинтересовался я у Кейла. — Если уж вы так боитесь темноты в этом «Могильнике»?

— Думаете, что после голодной ночи на холодной скале вам будет двигаться сильно легче?

Звучало как всегда логично и обоснованно, даже не придерёшься, но у меня имелись и другие вопросы:

— Что из себя представляет Могильник?

— Это совсем небольшая долина. При желании её можно пройти минут за двадцать, — подумав, ответил Ресс. — Если идти по прямой. Но там почти всегда стоит густой туман, такой, что не видно даже солнца. В нём очень легко заблудиться, особенно ночью.

Звучало жутковато, а выглядело, наверное, и того хуже.

— Популярностью это место не пользуется, да?

— Вы правы. Другие, хм, следопыты его стараются избегать.

— С таким-то маршрутом... — я указал назад, намекая на предшествующий путь. — Да и название явно не располагает.

— Дело не в названии или сложности пути сюда. В этих горах в принципе нет безопасных или простых путей, — объяснил Ресс и, сделав паузу, добавил полущёпотом: — считается, что Могильник проклят.

— И только? — уточнил я с намёком. — Кейл, пора бы уже сказать, чего вы так боитесь.

Мне казалось очевидным, что в месте, где такое количество различной магии, как на «Играх», существует целый список «проклятых», «святых» и иных несомненно важных мест.

— В этом тумане пропадают люди, — рассказал Ресс.

— В смысле?

— Без смысла. Мой друг отправился туда один и не вернулся. Просто исчез посреди бела дня, хотя эти горы знал так, что мне и не снилось.

И тут до меня дошло, с чем связано внимание Кейла к тому странному дереву, что мы встретили ранее:

— Это тот, который сорвал костяной амулет?

— Да, — нехотя подтвердил Ресс. — И знаете, что странно...

— Вы вновь видели этот амулет на дереве, — угадал я без проблем. Тут даже думать нечего было, впрочем, Кейла моя догадливость всё равно удивила, поэтому пришлось объяснять. — Тогда, у дерева, видел, как вы внимательно смотрите на амулеты, словно что-то ищете.

— Вы правы. После пропажи моего друга мне удалось увидеть тот самый амулет. Один раз, — Ресс потупился, словно его поймали за руку за чем-то постыдным. — Он выглядел почти так же, как в тот день: та же кость, тот же рисунок, только снизу новое, небольшое пятнышко — знак, вроде тех что мы оставляли на скалах, чтобы потом знать, куда идти.

— Думаете, если найдёте амулет, сможете его вернуть? Друга, в смысле.

— Нет, не верну. Думаю, это место просто показало мне, что бывает с воришками, — с уверенностью обречённого ответил Кейл. — Я каждый год бываю возле дерева, но амулет видел лишь один раз, сразу после того как... как Рейонд пропал.

— Подождите, как его зовут? Рейонд? — Мне это имя показалось знакомым.

— Да почти тёзка...

— Нет-нет, я не про это. Просто сына Лоя Ноктима зовут, кхм, звали так же.

Только меня успело удивить такое совпадение, как Ресс сам объяснил, что никаких совпадений и нет:

— Это он и есть. Мы с ним знакомы практически с самого детства. Рейонд просто обожал эти горы, хотел разгадать все их секреты. Пожалуй, это единственный человек, которого я мог бы назвать другом. — Кейл грустно вздохнул, слегка кривясь, как от давней боли. — Я — Шпион, а до того — следопыт. И то, и то подлая и неблагодарная работа, но нужная. Знаете, как золотарь, только тот может сходить в баню, а мне не отмыться вовек.

Это не прозвучало для меня каким-то откровением. Подобное было до определённых пор и на Земле. Однако это всё лирика. Мне казалось странным и подозрительным совсем иное. Ведь Лой Ноктим, похоже, имел совсем другую версию событий, касавшихся гибели своего сына.

— Его отец думает, что сын погиб, взбираясь на какой-то пик.

— Потому что я ему так сказал, — не стал врать Кейл. — Придумал историю про Пик Орла, он действительно тут неподалёку.

— Но зачем? — Вопрос был идиотским, и Кейл не забыл отразить это на лице.

— Как вы себе представляете этот разговор? «Ваш сын сорвал со странного дерева костяной амулет и исчез в тумане»? Меньше всего мне в тот момент хотелось, чтобы вслед за моим лучшим другом пропал ещё и его отец.

— По-моему, вы просто сбежали от ответственности, — заметил я спокойно. — Ведь расскажи правду, Лой непременно спросил бы, как так произошло, что Рейонда никто не остановил.

— Это вы говорите мне про ответственность?! — вспыхнул, как стог сена, политый бензином, Ресс. — Вы не имеете ни малейшего понятия, что тогда произошло, но смеете меня судить?!

— Я смею заявлять вам, что скрывать правду от Лоя — мерзко.

— Неужели? — Кейл аж остановился, упершись в меня своим взглядом. — Вам нужна правда? Держите: его сынок, не слушая меня, помчался к Могильнику в поисках нового пути через эти горы, которым смогла бы воспользоваться армия на следующих Играх! Это-то мне следовало сказать скорбящему отцу? Или то, что его сын бросился в проклятую долину вопреки всем моим советам, м?

Мне на секунду показалось, что ещё чуть-чуть — и Ресс набросится на меня с оружием. Настолько он был зол. Это сильно контрастировало с его обычным спокойствием вплоть до безразличия. Оставалось только догадываться, что Кейл испытывал на самом деле, если даже спустя столько лет то происшествие так мучило его.

— Пройдём Могильник, и затем наши пути навсегда разойдутся, — решительно заявил Ресс.

У меня были определённые сомнения на этот счёт, но я решил промолчать. Похоже, о том, насколько сложно разговаривать с теми, кто находился в плену собственных иллюзий,

Ресс знал по собственному опыту.

Да, мне не были известны подробности пропажи Рейонда Ноктима, и уж точно я лишь приблизительно мог представить, что испытывал в тот момент Кейл. Однако могло ли что-то из этого оправдать такую гнусную ложь? Нет. Это был не более чем страх ответственности, основанный на осознании размаха собственной ошибки.

Я вспомнил, что за всё время, пока Кейл был в составе моей армии, мне ни разу не удалось увидеть прямого общения между ним и Лоем. Значит, вся эта неприятная история тянулась и по сей день.

О том, что мы подходим к Могильнику, стало понятно заранее. Небо до того практически идеально ясное оказалось затянуто серой дымкой. Стих, а затем и вовсе пропал ветер. В воздухе же появился странный, едва уловимый запах, усиливающийся по мере приближения к долине. Я никогда не сталкивался с ним прежде, но с лёгкостью на уровне инстинкта понял, что это запах смерти.

Появился и обещанный туман, сначала в виде лёгкой дымки стелящийся у ног, а затем и вполне плотный, постепенно окутавший нас с Кейлом. Он съедал все звуки, попутно делал окружение непонятным, загадочным и даже слегка пугающим.

— Это и есть Могильник? — уточнил просто на всякий случай я, надеясь на лучшее: может, это просто внеплановый смог или какое-то иное место с высокой степенью задымления.

— Да, — к сожалению, подтвердил худшие опасения Ресс. — Нам нельзя терять друг друга из вида.

— Понял. А куда тут идти-то?

— Прямо.

Я осмотрелся, пытаюсь понять, где здесь это самое «прямо». Уверен, стоило мне закрыть глаза и сделать поворот — и его направление бы кардинально изменилось. Ориентироваться в этом тумане было невозможно.

— Могильник сам решит, когда нас выпустить, до тех пор мы его игрушка, — сообщил Кейл.

— Я не хочу быть чьей-то игрушкой. Хочу к маме, овсяной кашки и банан.

Ни туман, ни тем более Ресс мою шутку не оценили. Оно и неудивительно: один был холодным, как лёд, а другой вообще газообразной водой.

Когда я впервые услышал про Могильник, мне казалось, что это будет что-то вроде жуткого древнего кладбища, где лучше никого не хоронить, особенно домашних питомцев. Однако реальность по большей части состояла исключительно из тумана, в котором ничего не было видно. Даже земля и та проступала из тумана какими-то пятнами. Поэтому о реальном внешнем виде этого места приходилось только догадываться.

Оттого вдвойне жутко стало, когда в тумане показался сторбленный силуэт, словно размахивающий кривыми тонкими руками. Впрочем, мой испуг длился недолго.

— Ну, банально же — старое дерево... — договорить я не успел, так как в тумане отчаянно закричали несколько голосов наперебой:

— *Помогите!!!*

— *Богов ради, на помощь!!!*

— *Оно здесь, среди теней!!!*

Мы с Кейлом разом вздрогнули от страха, принявшись озираться. Из-за обступившего

нас со всех сторон тумана источник звука определить не представлялось возможным. Казалось, что кричали отовсюду одновременно.

— Каков шанс, что сюда всё же кто-то забрёл? — спросил я шёпотом.

— Ноль, — уверенно ответил Кейл. — По пути нигде не было ни следа людей как минимум за последние несколько недель.

— Тогда откуда эти голоса?

Ответа на этот вопрос у него не было, у меня, впрочем, тоже. Только идеи, одна другой хуже. Подумать и обсудить хоть одну из них нам не позволили, раздался новый голос:

— *Картошка! Домашняя, свежая, разваристая!!!*

Пожалуй, это объявление пугало даже сильнее, чем крики о помощи. Их-то в подобном месте как раз ожидаешь услышать, а рекламу варёной картошки — нет.

— Нельзя сбиваться с пути, что бы там ни вопили, это место просто играет с нами, — нерешительно заметил Кейл Ресс, который, как мне показалось, скорее подбадривал самого себя.

Опасливо озираясь по сторонам, мы продолжили медленно двигаться вперед. Из тумана тем временем донёлся неразборчивый голос, словно кто-то оставил в соседней комнате включенный телевизор, по которому транслировали чью-то речь:

— *Добро пожаловать! Добро пожаловать в мхмхмх... его выбрали за вас, это лучший... мхмхмх... из оставшихся...*

Идти под подобные речи среди густого тумана было действительно жутковато. К тому же я не мог не заметить, что начинало темнеть.

Таинственного силуэта, который встречал нас, раскинув руки, мы достигли довольно быстро. Им и вправду оказалось всего-навсего дерево, пускай и жутко странное: никогда прежде я таких пород не видел. Вдобавок оно ещё и было увешано костяными амулетами, очень похожими на те, что мы сегодня уже видели. Они, треща, мерно раскачивались на ветру, которого здесь не было и в помине.

— Какая прелесть, — буркнул я, — всего минут пять, а мне уже так нравится это место, что хочется никогда бы больше в нём не появляться.

— Идёмте, чем быстрее выйдем отсюда, тем лучше, — поторопил меня Кейл, пока на фоне продолжали бормотать.

— *Я... мхмххм... что решил разместить... хмхмхмх... заботливо предоставленной... хххх... горжусь тем, что называю... хцхцхцх... собираетесь ли вы остаться здесь... мхмхмх... добро... хмхмххм... Здесь безопасно.*

— С последним можно по... — не успел я договорить, как споткнулся о внезапно появившийся у меня под ногами некий предмет.

К сожалению, я неосторожно отфутболил его куда-то в туман и выяснять, что же это такое было, желанием не горел от слова «совсем». Мне удалось заметить лишь красную, вполне современную для Земли этикетку и какую-то белую надпись на ней. Из-за этого происшествия мы с Кейлом не сразу заметили, что голос, до этого заунывно бубнящий на фоне, умолк. Повисла странная, звенящая тишина.

Вдруг Кейл замер и жестом приказал остановиться и мне.

— К нам что-то приближается, — почти одними губами сообщил он.

Прислушавшись, я тоже это услышал: странный, очень ровный звук: «шух-шух», словно бежал кто-то в синтетических спортивных штанах. Наконец, после неимоверно долгих мгновений ожидания в тумане показался силуэт. Понять, что это за точка, было решительно

невозможно, но она уверенно и главное быстро приближалась к нам.

Кейл, не задумываясь, положил руку на один из своих клинков, готовясь к бою. Я повторил его жест, хотя от моей сабли если кто-то и мог погибнуть, то исключительно лопнув от смеха.

Силуэт, казалось, и не думал менять направление движения, двигаясь прямо на нас. Секунды ожидания тянулись одна за другой, а неизвестный приближался и приближался, продолжая шуметь штанами. При этом разобрать, человек ли это вообще, всё ещё было невозможно. В тот момент, когда силуэт должен был выскочить на нас, он неожиданно свернул и пробежал совсем рядом, метрах в трёх, так и не показавшись из тумана.

— *Сегодня я буду первой! Первой! — донёсся радостный голос.*

— Первый раз тут такое творится. Это всё из-за вас! — вытирая пот со лба, укоризненно заметил Кейл, когда силуэт исчез в тумане.

— Кошка бросила котят — это Рейланд виноват, да?

— Слушайте, я был здесь десятки раз и никогда...

Неожиданно совсем рядом раздался голос, необычайно разборчивый не только для густого тумана, но и вообще. Казалось, говоривший стоял у нас за спиной, буквально в считанных сантиметрах:

— *Кейл, это ты? Я здесь, тут какая-то штука, она меня не отпускает!*

Не нужно быть детективом или психологом, чтобы по реакции моего спутника понять, что голос принадлежал Рейонду Ноктиму. Кейл Ресс, приоткрыв рот от удивления, как замороженный повернулся по направлению к голосу, мгновенно позабыв про все свои предупреждения.

— Это не может быть он, — воскликнул я, пытаюсь привлечь к себе внимание Ресса. — Столько лет прошло, здесь никого кроме нас нет!

— *Кейл, чего ты стоишь, помоги мне! — повторил голос из тумана с нотками страха. — Она тянет меня вниз, в землю!*

Я собирался повторить свои слова, но Ресс меня уже не слышал. Мне не оставалось ничего, кроме как попытаться схватить его за руку, но Кейл удивительно ловко для человека, который даже не смотрел в мою сторону, увернулся, а затем без предупреждения, хорошенько заехал мне кулаком в живот и, откинув, повалил на землю.

Пока я приходил в себя и поднимался на ноги, Кейл уже скрылся в тумане. Меньше всего на свете мне хотелось оставаться в такой ситуации одному. Однако моя отчаянная попытка нагнать его сначала быстрым шагом, а затем и бегом ни к чему не привела: силуэт Ресса, хоть и был хорошо различим в тумане, будто находился в считанных метрах, по отношению ко мне оставался неподвижен, несмотря ни на какое движение.

Зато вокруг творилась чертовщина, какую ещё поискать нужно было. В один момент из тумана вдруг без предупреждения на меня выехал самый настоящий автомобиль! У него работал двигатель, горели фары, шипело радио, но водителя при этом внутри не оказалось, как и ключа зажигания. Зато на левом крыле имелась надпись: «мне удалось напугать Ота Кохэку!».

— Тоже мне достижение, — фыркнул я. — Как житель двадцать первого века заявляю: для меня отсутствие интернета больше пяти секунд — вот это конец света! А вы меня тут машинками из тумана пугаете...

Миновав автомобиль, я снова направился к Кейлу, но вновь безрезультатно. Дело не сдвинулось ни на метр.

Зато в процессе по правую руку от меня показалось что-то здоровенное, метров эдак под сто в высоту. Как положено, я вначале испугался и лишь затем сообразил, что это такое, и фыркнул:

— Какая отвратительная архитектура! И маленький санузел!

Впереди высился мой дом в буквальном смысле — я даже мог разглядеть окно своей квартиры. Дверь подъезда призывно со скрипом приоткрылась, словно намекая, что меня ждали.

— Что, опять забыл внести плату за домофон? У меня есть оправдание: я попаданец!

В дом мне идти не хотелось. Слишком много я ужасиков видел на своём веку, чтобы не сомневаться, что меня там уже поджидало нечто, что будет счастливо чавкать моим трупом через десять натужных скримеров.

— Приве-е-е-т, Ота! — раздался как обычно за спиной хорошо знакомый мне голос.

Обернувшись, я увидел перед собой последнего человека, которого бы ожидал увидеть в месте, называемом «Могильник», чёрт знает где, на другой планете — свою двоюродную сестру Рей. Миленькая девушка низкого роста с зелёными волосами, скрепленными неизменной синей заколкой и очень цепкими, внимательными, вечно горящими глазами. Такой я её и запомнил, хотя мы последний раз виделись за несколько месяцев до моего «путешествия».

— П-п-привет, — не без труда удалось выдавить мне.

— Что ты здесь делаешь? — осведомилась моя сестра. — Ты заблудился?

— Ещё как!

— Ничего страшного, все мы иногда теряемся, но потом обязательно находимся! Это самый незабываемый момент, не так ли?

— Эм...

Мне не удалось ответить что-то внятное. На самом деле, для Рей подобные разговоры были в порядке вещей: она была дико странным ребёнком с очень своеобразным мировосприятием даже по моим меркам. Однако контекст происходящего делал этот разговор особенно жутким.

— Ты боишься, верно? — спросила она, будто одного моего вида было недостаточно для точного диагноза. — Но ведь здесь нет ничего страшного!

— Правда, что ли?! — возмутился я, безмолвно указывая рукой на свой дом посреди густого тумана.

— Ну конечно! Это ведь всего лишь старое кладбище, окутанное туманом, — Рей нравоучительно подняла палец — ещё один её характерный жест. — Здесь нет монстров, нет пропавших друзей, твоего дома, даже меня здесь нет.

— И что же тогда здесь есть?

— Во-о-оот, ты уже на верном пути домой, — вместо прямого ответа сказала моя сестра, улыбнулась и растворилась в тумане.

Вместе с ней растворился и мой дом. Остановившись, я принялся думать, что делать. Один, посреди тумана, на фоне медленно наступающей ночи. Тут бы очень пригодился кто-нибудь вроде Миюми, которая наверняка знала, что тут происходило. Однако приходилось полагаться исключительно на свои собственные силы. Сражаться тут явно не с кем, а значит, оставался только ум.

— Всё происходящее нереально, магия это или нет, не важно, — принялся рассуждать я. — Туман играет со мной, старается запутать и отвлечь. От чего? Как сказал Кейл, ночь

здесь опасна. Значит, туман ждёт, когда станет совсем темно!

«Страх — вот ключ ко всему» — дошло до меня. — «Если при свете дня это место умудрялось пугать до дрожи в коленках и испорченной одежды, то что творилось тут по ночам?»

— Хочешь, чтобы тебя боялись? Хрен тебе с редькой, а не страх! Я — Ота Кохэку, офисный менеджер, которого не повышали уже три года, и худшее со мной уже случилось!

В ответ из тумана раздался смутно знакомый смех. Вдали, помимо силуэта Кейла, появился ещё один, явно человеческий, с мечом наперевес, который достаточно целенаправленно приближался.

— *Ха-ха-ха-ха!*

— Мне не страшно! Только если чуть-чуть!

Незнакомец никак не отреагировал на мои слова, продолжая безумно смеяться.

— *Ха-ха-ха-ха!*

— Стой, не то...

Фраза застряла у меня в горле, оборвавшись на полуслове, когда из тумана ко мне вышел я сам. Выглядел я-он просто ужасно, и дело было даже не в растрёпанном внешнем виде. Что-то не так было во взгляде. И дело даже не в явном безумии, просто глаза эти были пустыми, как будто мёртвыми.

Я вспомнил, что в литературе подобное частенько называли глазами убийцы, и пожалуй, это было весьма точным сравнением. Особенно учитывая, что у «меня» в руках был меч, с которого капала кровь.

— *Я победил, победил их всех! На моей стороне сами боги!*

— Для победителя видок у тебя так себе.

— *Это не важно, — на этот раз его ответ точно был адресован мне. — Идём со мной! Вместе мы построим новый, лучший мир!*

Звучало, конечно, в определённой мере соблазнительно. Что может быть заманчивее, особенно для такого идеалиста как я, чем перспектива сделать мир лучше?

Глядя на своего «собеседника», я очень отчётливо понимал, в чём состояла опасность такого подхода. Переступить грань, отделяющую хорошее от плохого, очень просто, а вот вернуться обратно — невозможно. Только катиться дальше по накатанной дороге из благих намерений и правильных решений.

— Знаешь, как-то не хочется что-то строить на крови. Кстати, чья она?

— *Предателя, который посмел встать у меня на пути!*

— Страшное, наверное, преступление: встать у самого тебя на пути. И сколько таких «предателей» ты зарубил?

— *Ради лучшего мира я готов сделать что угодно!*

— Ради лучше мира нужно делать не что угодно, а вполне конкретные вещи, например, не убивать людей.

Мой двойник замер на мгновение, словно сказанное он уже где-то слышал.

— *Ты ничем не лучше неё, такой же глупый и наивный! Вечно говорит, что мне делать. Вы оба слепы!*

Интуиция подсказывала мне, что если кто-то и остался рядом с этим безумцем, то это такие же несостоявшиеся пациенты психиатра, как и он сам.

— Не знаю, о ком ты, но мы здесь с тобой одни.

— *Ложь! Мои солдаты, моя армия — они здесь, со мной...*

Двойник посмотрел куда-то вниз и, кажется, увидел там что-то, сильно его испугавшее. Окровавленный клинок выпал у него из рук, звякнув о камень.

Затем по «мне» прошла волна, изменившая облик до неузнаваемости. В этот раз представший передо мной человек оказался мне смутно знаком — я видел его много раз в своих снах. Это тот, кем мне уже не суждено было стать ни при каких обстоятельствах.

Среди тумана Могильника стоял старик, в котором с огромным трудом можно было опознать сильно постаревшего, минимум лет на пятьдесят, Рейланда Рора.

— Вау, что на этот раз со мной случилось плохого, что меня так потрепало? — шутливо спросил я.

— *Долгая и счастливая семейная жизнь, — спокойно, с умиротворённой улыбкой ответили мне.*

— Мда, больше похоже на Вьетнам. — На этот раз мне улыбнулись скорее из вежливости. — Я видел тебя во снах. Ты та версия меня, что решила остаться здесь, а не вернуться на Землю, не так ли?

— *Земля? — Мой престарелый двойник сильно задумался. — А-а-а, точно! Это было так давно, что я уже и позабыл о ней. Да и зачем о ней помнить? Моё счастье здесь.*

— И что, ты вправду был счастлив, лишившись своего дома? — лукаво уточнил я.

— *Да, ведь я обрёл новый, — уверенно ответил двойник. — Хочешь, покажу?*

У него за спиной в тумане появились очертания дома, послышался звон посуды, детский смех, потянуло чем-то свежее испечённым.

— *Опять дочка буйнит, ну что за неугомонный ребёнок... Заглянешь на чай? Мы с Ноа будем рады.*

Пожалуй, из всех трёх предложений от этого отказаться было наиболее сложно. Соблазн посмотреть, как сложилась моя судьба, если всё пойдёт хорошо, был просто до невозможности огромен. Но прежде интуиция подсказала мне уточнить один момент:

— Я смогу вернуться?

— *Нет.*

Это всё и решило. Подглядеть одним глазком как там всё — это одно дело, но застрять навсегда...

— Нет, но спасибо за предложение. Мой дом не здесь. Да и ты уже не я. Ты взаправду стал Рейландом Рором.

— *Наверное, ты прав, хотя мне не понять, — он посмотрел в ту сторону, где среди тумана виднелся силуэт Кейла Ресса. — Ты должен спасти его. У нас этого не вышло.*

— У меня есть сомнения насчёт того, заслуживает ли Кейл спасения.

— *Это самый храбрый человек из тех, кого я когда-либо знал, — уверенно ответил мой двойник.*

— Он задумал плохое, — напомнил я. — Уничтожение Саума станет катастрофой.

— *Это если ты позволишь его уничтожить. А если нет? К тому же, если чужие убеждения тебе не нравятся — это не повод оставлять людей ЗДЕСЬ. Существуют другие способы свершить правосудие, — закончив говорить, престарелый «я» слегка поклонился, прощаясь. — Удачи тебе и прощай, Ота, спасибо за разговор.*

Сказав это, мой двойник растворился в воздухе, оставив меня в полной растерянности. Было ли это взаправду или просто очередной обман тумана? Вряд ли кто-то на всём белом свете знал верный ответ. Так или иначе произошедшее придало мне уверенности и сил. Я намеревался выбраться отсюда во что бы то ни стало и заодно вытащить своего попутчика

На этот раз силуэт Кейла Ресса взаправду становился ближе от каждого моего шага. Даже более того: моя решимость словно отталкивала туман вокруг, разгоняя тот, что позволяло лучше ориентироваться.

Страх — это то, чем питался Могильник. Пока у него выходило запугивать меня и Кейла, всё становилось только хуже. Однако теперь я не боялся. С худшим мне уже довелось повстречаться: с самим собой.

Ресс сидел на земле, ухватившись за выступавший из земли корень очередного кривого дерева, стоявшего неподалёку. Судя по разрытой земле, он уже некоторое время пытался вытащить его из земли, но пока безрезультатно.

Опасаясь его напугать — это серьёзно усугубило бы ситуацию — я осторожно к нему приблизился, стараясь привлечь к себе внимание. Удивительно, но мне это удалось. Услышав мои нарочито громкие шаги, Ресс поднял голову:

— Помогите, он застрял, и я не могу его вытащить!

«Вот оно что. Значит, туман убедил его, что эта коряга — Рейонд!»

На секунду меня посетила шальная мысль о том, что, может, это передо мной находилась иллюзия и здесь взаправду сын Лоя Ноктима. Как можно быстрее я отогнал эту мысль прочь. Худшее, что сейчас можно было сделать, это поддаться паранойе.

— Кейл, как, по-вашему, где вы и что делаете? — поинтересовался я осторожно.

— Да не стойте же вы! Вы что, не видите, как ему больно?! — в гневе прикрикнул Ресс, отчаянно цепляясь за корень.

— Сначала ответьте на мой вопрос.

— Я... я... не знаю, — он опустил голову, кажется, начиная понимать происходящее.

— Это тяжело, но вам пора бы смириться с тем, что Рейонда больше нет.

— Он мой друг, я должен найти его! Во чтобы то ни стало...

— Вы встретитесь однажды, но не сегодня. Отпустите корень и идёте отсюда, пока окончательно не стемнело.

— Корень?! Ух... — Кейл удивлённо ахнул, поняв, что он держал в руках. С непередаваемым огорчением Ресс опустил руки. — Он был так близко, могу поклясться, что это точно был Рейонд!

— Мне можете не рассказывать, только что...

— Что? — удивлённо переспросил Ресс.

— Ну, как минимум поговорил двумя версиями себя самого, — рассказал я.

— И как?

— Это помогло мне кое-что понять: отсюда надо сваливать как можно быстрее.

— И почему вы не ушли? — мрачно, словно подозревая подвох, спросил Кейл.

Мне не оставалось ничего, кроме как ехидно поинтересоваться:

— И бросить вас здесь?

— Я заслужил это, — сказал Ресс мрачно.

— Нет. Не знаю, что тогда случилось, не одобряю лжи Лою, злых планов, но оставаться здесь в этом тумане, который бы питался вашим страхом и отчаянием, вы не заслужили. Никто не заслужил.

— Я бы не стал так сделать. Спасать вас в смысле.

Слышать такое было обидно, но особого удивления такие слова у меня не вызвали. Моё желание вытащить отсюда Кейла было вызвано совсем не надеждой на признательность.

По мере исчезновения страха туман Могильника редел, позволяя взглянуть на окрестности. Вокруг и вправду оказалось старое кладбище. Удивительно только, как мы столько блуждали здесь и умудрились не наткнуться ни на одну из могил.

— Значит, мне повезло не оказываться в ситуации, когда меня нужно было бы спасать, — проговорил я, думая совсем о другом. — Идёмте уже, пока туман опять не загустел.

Мы побрели куда-то, как мне хотелось надеяться, в сторону выхода из этого проклятого места. Кейл шёл, погрузившись в свои мысли, наверняка пытаясь понять причину, по которой его спасли. Мне это позволяло безнаказанно поглядывать на него, размышляя над тем, правильно ли я поступил.

Передо мной стояла извечная моральная дилемма, на которую мне хотелось бы найти ответ. Стоит ли спасения десятков тысяч, может быть, миллионов, одна, пока невинная жизнь?

Покидая Могильник, я и Кейл Ресс погрузились каждый в свои мысли. Мой попутчик наверняка размышлял над тем, зачем его спасли от опасного магического тумана. В общем и целом, мои мысли были направлены в том же направлении, только я пытался не понять причину, а найти себе оправдание.

Мне «повезло» оказаться в положении путешественника во времени, который навис с ножом в руке над кроваткой младенца. Этот ребёнок был невинен, ведь он родился считанные дни назад. Однако много лет спустя всё изменится: Адольфа Гитлера, а именно так будет называть себя этот человек, сложно как-то оправдать.

И всё же передо мной не монстр, погубивший миллионы жизней, а всего-навсего ребёнок. За свою короткую жизнь он даже мухи ещё не успел обидеть. Да и станет ли он монстром?

Ему предстоит длинная жизнь, насыщенная на события. Кто знает, может, в этот раз всё будет иначе и своё имя в историю кроваво-красной нитью впишет кто-то иной?

Я бы, наверное, не смог нанести удар. Как не смог оставить Кейла, точно зная, что он задумал. Как не смог даже просто сбросить его со скалы, всего-навсего выбив из Игр.

Наравное, это было слабостью. Не физической, а моральной. Я не умел принимать «простые» решения, мне хотелось всегда попытаться сделать не как «просто», а как «правильно».

Кейл Ресс на данный момент не совершил ничего ужасающего. Самым плохим поступком в его истории пока оставалась ложь Люю Ноктиму касаясь сына. А значит, у меня ещё есть время попытаться предотвратить катастрофу как-то иначе. Не силой, а убеждением.

Солнце уже село, и на горы опустилась ночь, когда мы добрались до унылого, перекошенного сарая, неумело спрятавшегося среди скал.

— Это Призрачный дозор, пожалуй, самое «популярное» место для службы во всем Тофхельме, — пояснил Кейл, указывая на строение.

Причину такого отношения искать долго не нужно было: Могильник находился всего в получасе ходьбы отсюда.

— Смотрю, это место настолько популярно, что гарнизон отсюда дезертировал? — Я указал на тёмные окна строения и общее запустение вокруг.

— Наиболее вероятно, его всё же отозвали, — предположил Ресс. — Ноа провернула этот фокус со всеми силами «лунных» по ту сторону гор и, скорее всего, повторила его и по эту.

Как бы то ни было, этот Призрачный дозор нас изрядно выручил. После потери снаряжения днём при переправе вопрос ночёвки оставался мягко говоря щекотливым. Бессмертен ты или нет, спать на холодной земле приятнее не станет.

Внутри нашёлся не только комплект одежды, пускай и старой, но и другие припасы, а также какое-никакое пропитание — сухари. Ну или запас артиллерийских снарядов, тут как посмотреть.

«Интересно, как это выглядит со стороны? Рейланд Рор в форме Тофхельма — за такое зрелище некоторые были бы готовы отдать солидную сумму денег», — с ухмылкой на лице подумал я, заканчивая переодеваться.

— Вам, между прочим, идёт, — заметил Кейл с долей сарказма в голосе откуда-то со стороны, уже всю обустроивая быт.

Я на его замечание решил не реагировать, предпочтя этому молчаливое наблюдение за его действиями. Меня искренне удивляла ссорка Кейла в вопросах обустройства удобств.

Мы были в хижине всего полчаса, а он уже успел развести огонь, найти не то шлем, не то котелок, набрать в него воды и начать попытки разварить сухари до съедобного состояния. На моих глазах Ресс обустроил себе лежанку, уселся на неё и принялся, используя подручные материалы, латать свои сапоги.

Чувствовался богатейший практический опыт путешествий вдали от цивилизации. Рейланд Рор, или я сам, ничего подобного и близко не умел. Моим максимумом и вовсе было развести в кипятке пакет рамэна, и то данный процесс не каждый раз заканчивался успехом.

Глядя на то, как Кейл крайне ловко невесть откуда взявшейся иглой накладывал латку на сапог, в то время как я сам отчетливо ощущал фактуру поверхности под обеими стопами, меня обуяла зависть. С такими навыками весь мир был бы у моих сухих ног!

Впрочем, сейчас это было не важно. Интуиция мне подсказывала, что уже утром я далеко не факт что увижу Кейла, а значит, нужно было выяснить, каковы его дальнейшие планы, и попытаться отговорить от безумной авантюры.

Вдруг Ресс, очевидно заметив интерес к себе, отложил сапог в сторону и поднял на меня взгляд:

— Никак не успокоитесь? Неужели вам так нужно понять всех вокруг?

— Не то чтобы да, — подумав, ответил я честно, — но в вашем случае однозначно.

— И зачем мне вам что-то рассказывать? Чтобы вы точно знали, как помешать?

— Во-первых, думаете, не попытаюсь в любом случае? — Я хитро улыбнулся, решив, что самое время выложить на стол свой главный козырь. — Во-вторых, хотите услышать одну интересную историю?

Кажется, Кейл Ресс собирался отказаться, но меня это не особо интересовало.

— Мне довелось услышать и даже мельком посмотреть за судьбой одного человека, который решил прекратить Игры. — Как и ожидалось, Ресс вытаращился на меня, стремительно теряя самообладание. — Для этого он планирует сравить «солнечных» и «лунных», устроив форменное побоище. И знаете, зачем это всё? Чтобы больше не было Игр. — Выдержав паузу и поглядев на ошарашенного собеседника, я уточнил: — Ну как, знакомо?

— Как?! Откуда?! — немного оправившись от удивления, спросил Кейл. — Никто кроме меня не в курсе...

— Разве? А как же боги?

— Какая чушь! — фыркнул Ресс и вдруг осёкся, озарённый догадкой. — Саум, ну конечно! Вот зачем вы здесь — он показал вам будущее!

— Нет, не будущее, — я грустно покачал головой. — Скорее, другие версии настоящего. Но знаете, что-то мне подсказывает, что некоторые события останутся неизменны вне зависимости от того, удастся ли мне переспать с Ноа или же убить её.

Ничего не говоря, Кейл Ресс поднялся на ноги и прошёлся взад-вперёд, над чем-то размышляя. Итог этих размышлений меня удивил:

— Так, значит, вы на моей стороне?

— Чего? — мне не удалось скрыть удивления от такого решения. — С чего такой вывод-

то?

— За сегодняшний день вы столько раз имели возможность меня остановить, но всё равно не стали этого делать. Почему?

— Потому что некоторые вещи надо предотвращать не убийствами. По крайней мере, стоит попытаться поговорить.

— Хм, ну давайте поговорим. — Ресс сел обратно на лежанку. — Вам, очевидно, известны мои мотивы...

— А давайте уточним их, просто на всякий случай, — предложил я, опасаясь, что могут найтись неожиданные различия.

— Для того чтобы понять мой мотив, вам нужно ответить на один простой вопрос: ради чего сражаются на Играх? В чём конечная цель всей этой борьбы? — начал Кейл не без раздражения — ему, видно, надоело мне это повторять.

— Победить в Играх? — предположил я.

— Ну победили, дальше что? — со скепсисом уточнил Ресс. — Пройдёт два года — и вперёд побеждать заново, разве это можно назвать конечной целью? Да, победившая сторона получает благословение богов: урожаи и всё такое. Не задумывались о том, куда это всё уходит?

Он выразительно посмотрел на котелок, где загадочно булькали сухари.

— И это только малая часть. Представляете, сколько стоит снарядить бойца? Два-три комплекта одежды, оружие, снаряжение, еда опять же. А ведь таких тысячи, десятки тысяч с каждой стороны.

Надо признать, в своей ненависти к Играм Кейл оказался чертовски последователен и логичен. В снах его аргументация показалась мне куда более «жидкой».

— Каждые два года на Играх закапываются в землю труды двух королевств, и ради чего? — продолжал Ресс самозабвенно. — Ради хорошего урожая хлеба? Ради того, чтобы небольшая кучка лентяев повеселилась? И с каждым годом ситуация становится только хуже: ещё две сотни лет назад в Играх принимало раза в четыре меньше народа. Даже самая крупная битва прошлого — Мортилская бойня — не сравнится по масштабу с теми сражениями, что вы провели в этом году.

Сделав небольшую паузу, потраченную на глоток воды и глубокий вдох, Кейл продолжил:

— Игры, как пиявка, вытягивают из нас все силы, моральные и физические, ради иллюзорной награды. В Риверкроссе или Тофхльеме они не просто часть жизни, они и есть жизнь! Непрерывный цикл, состоящий из войны! Каждая победа вызывает желание её повторить, каждое поражение — желание отыграться. Это бесконечный круг из взаимной ненависти, длящийся уже тысячелетия! Разве можно так жить?! Я разорву этот круг ненависти. Навсегда, — закончил Кейл Ресс, самоуверенный донельзя и спокойный, словно это было неизбежно.

— Да, без Игр пропадёт ненависть, которую они вызывают, — согласился я уклончиво, — но ведь люди-то не перестанут быть людьми! Другие поводы для взаимной неприязни никуда не денутся! Войны продолжатся, только теперь в них будут гибнуть по-настоящему.

К моему удивлению, когда я это озвучил, Кейл кивнул с видом человека, который задумывался над этим и не раз.

— Поэтому просто завершить Игры навсегда неплохо, но недостаточно. Необходимо

показать людям черту, за которую нельзя переступать. Черту, нарисованную кровью. Смерть на Играх — чрезвычайно редкое происшествие. И каждый раз это огромная трагедия. А теперь представьте что будет, если погибнет не один человек, не два, а гораздо больше. У кого появится желание повторить такое вновь? — Свою фразу Кейл завершил испугавшей меня до дрожи фразой: — Это будет война, которая положит конец всем войнам.

— Но ведь погибнут люди, взаправду погибнут!

— Да, к сожалению, — слишком уж спокойно согласился Ресс. — Вам ли не знать, что такова цена победы? Только в отличие от мнимых достижений Рейланда Рора, моя будет окончательной.

Не сдержавшись, я схватился за голову. Такая наивность откровенно злила. Впрочем, наивность ли? Для Кейла война — это Игры, а Игры — это война. Слова-синонимы. Мне сразу вспомнилась та испугавшая меня поначалу решимость, с которой Рейланд готовился к ним. Только позже я понял, что для нас эти слова попросту означали разное.

Ближайшим земным термином, который максимально отражал суть происходящего, можно назвать чемпионат мира по футболу или иное спортивное состязание. Там тоже хватает ненависти, соперничества, грязных трюков и прочего, но никому в здравом уме не придёт в голову бороться с этим подобно Кейлу. Хотя бы потому, что есть куда более худшие варианты выяснения кто лучше.

Но Ресс то этого толком не знает! Риверкросс и Тофхельм не воевали «по-настоящему» уже несколько тысяч лет. Не только между собой, но с кем бы то ни было. Для него эти события так же далеки, как для меня какие-нибудь гладиаторские бои насмерть.

Если бы мне вдруг ударила в голову мысль бороться против спортивных состязаний, я бы в жизни не предположил, что, отказавшись от водного поло, люди отстроят Колизей и пойдут убивать друг друга на потеху публике. А ведь в случае с Играми ситуация будет куда как плачевнее.

— Вы ничего не поняли, да? — словно уже зная мой ответ, спросил Ресс.

— Ошибаетесь, — я отрицательно покачал головой. — Всё прекрасно понятно, к сожалению.

— Разве вечный мир — это плохо?

— Именно в этом вы и ошибаетесь. Не будет мира, Кейл. Думаете, исчезновение Игр и гибель кучи народа кого-то остановит от насилия?

В этом Ресс похоже не сомневался и ответил едва ли не мгновенно:

— Конечно! Разве может быть иначе?

— Любая пролитая кровь всегда требует отмщения. Люди начнут задавать вопросы, из-за чего погибло столько их родственников и друзей, будут выяснять детали, — в дальнейшем я почти не сомневался. — Как думаете, что они обнаружат? Вас! Солдата сразу двух армий, устроившего резню! Вы не успеете отойти от Саума, а внизу уже будет кипеть настоящая война. А она, поверьте моему опыту, дрянная штука. Игры по сравнению с ней — сущий пустяк.

Ресс открыл рот, желая мне возразить, но, кажется, не мог подобрать слов, кроме слепого отрицания:

— Вы не правы! Вы не можете быть правы!

— Увы, могу. Вы сами знаете, что я не из этого мира. Как, по-вашему, у меня дома есть Игры? Нет! А вечный мир? Зато там был конфликт, который солдаты тоже называли «войной, которая положит конец всем войнам». Только она не была ни первой, ни последней.

Погибли миллионы и ещё больше людей остались инвалидами, лишились домов, семей, родины.

— Вздор! Ужасы остановят... — начал Кейл, но я не дал ему договорить.

— Ужасы не имеют значения. Всё притупится. Даже если конфликт не возникнет сразу же, а это маловероятно, то неизбежно между Тофхельмом и Риверкроссом возникнут такие противоречия, которые можно будет решить только на поле боя.

Мне показалось, что я сумел до него достучаться, но лишь на миг.

— Вы были на ней? На той войне с миллионами жертв?

— Нет, но... — Моя честность всё погубила.

— Значит, вы ничего не знаете, — уверенно заявил Ресс. — Прочитали в книжках и теперь примеряете ко всему вокруг. Наши миры очевидно слишком разные. Ваш определённо построен на жестокости и злобе, а этот — нет.

— Люди везде одинаковы!

Такой аргумент Ресса не убедил.

— Возможно, однако кто говорит, что если в вашем мире они настолько глупы, чтобы убивать друг друга раз за разом, то здесь будет так же?

Я не знал, что на это ответить, у меня попросту закончились аргументы, а брошюры «почему война — это плохо», к сожалению, с собой не было. Хотя, судя по уверенности Кейла в собственных выводах, не факт, что её бы здесь хватило.

Размышляя над тем, как вообще можно убедить человека, который не хотел слушать никакие доводы, мне пришла в голову мысль о том, откуда это всё вообще взялось в голове у Кейла.

Родись он на Земле, я бы нисколько не сомневался в источнике вдохновения у подобного пацифизма. С моей точки зрения, Кейл вообще был самым невезучим пацифистом во вселенной: ему не повезло родиться именно в том мире, где его старания и мечты могли принести исключительно вред.

«Возможно, узнав это, я смогу отыскать способ убедить Ресса отказаться от своих планов? Главное, чтобы он вообще ответил».

— Как вы вообще пришли к подобным идеям?

Как и ожидалось, ответа не последовало. Кейл молча вернулся к починке сапога.

— Неужели это из-за Рейонда?

— Теперь всюду будете его приплетать? Нет, не из-за него.

Судя по реакции, вопрос попал в цель. В тоне Ресса ничего не говорило об этом, но я всё равно понял, что сказанное — неправда. Или во всяком случае не вся правда. Эти два события не могли быть не связаны между собой.

Кейл обратился взглядом куда-то вдаль, в далёкое прошлое, и нехотя принялся рассказывать:

— Мои первые Игры. Всё такое непонятное и загадочное. Я подошёл к ним очень ответственно, со всем возможным старанием. Это заметили. Мне удалось попасть не просто в какой-то тыловой гарнизон, как это часто бывает, а к самому Анри Галлену. Его уже тогда называли непобедимым командующим.

В памяти Рора этот Галлен представлял довольно мерзкой персоной. С точки зрения Рейланда, это был лишённый чести негодяй, который ради наград и славы был готов на что угодно.

— Первый и последний бой в тех Играх у моей роты был за безымянный холм. Нам

наперебой рассказывали, насколько важна эта цель и что от неё зависит буквально всё. Мы штурмовали его восемь раз. Под ураганным огнём, сквозь дым и крики. Двенадцать часов подряд мы отступали, собирались и снова шли вперёд. Когда наконец холм был взят, я спросил у сержанта, ради чего это всё было? Знаете ответ?

— Слава и уважение? — пришёл мне в голову самый очевидный ответ.

— Да, — подтвердил Ресс с мрачной улыбкой. — Вот только ни мне, ни кому-либо ещё из нашей роты не досталось ни капли этой славы. Ведь нашим командиром был Анри Галлен, и хотя он даже не соизволил явиться на поле боя, говоря о том холме, вспоминают только его. Однажды меня даже назвали лжецом, когда я сказал, что был там.

— Печальная история, но ведь не все такие мерзавцы...

— Мда? Думаете, Рейланд Рор или Ноа Кейтлетт сильно лучше? — Кейл выразительно фыркнул. — Да, они не сидят в своей палатке во время боя, переставляя фишки и составляя красивые отчёты для короля. Но в остальном разницы никакой нет. Игра в солдатики, где вместо фигурок настоящие люди. Так не должно быть.

Реакция вполне ожидаемая. Было очевидно, что Игры влияли на всех по-разному, и каждый делал свои выводы из происходящего. Кейл просто был достаточно умён, чтобы осознать, что любая война, даже Игры, ведутся в интересах очень узкого круга людей и не так уж часто бывают выгодны рядовым её участникам.

И всё же такая скорость мысли удивляла.

— И после такой несправедливости, вы дошли, до... всего этого?

— Нет. Но это было началом всего. Я стал задавать вопросы, смотреть и слушать. Так я оказался сначала в следопытах, а потом и в шпионах — ниже падать уже некуда.

«Вот оно как! Значит, Кейлу не впервой заниматься такими вещами. Учитывая его взгляды, возможность изучить обе воюющие стороны изнутри, это всё наверняка сильно подкрепило его убеждённости в собственной правоте».

— Будут ещё вопросы? — закончив ремонтировать сапог, спросил Ресс.

— Только один. — Мне всё ещё не давало покоя то, какое место в этом всём занимал сын Лоя Ноктима. — Как по-вашему, что бы сказал, услышав всё это, Рейонд?

Я практически физически ощущал, что он занимал во всей этой истории едва ли не главную роль, но почему и как оставалось не ясно.

— Дешёвая демагогия, — презрительно ответил Кейл.

— Другой не бывает. Ну так как, думаете, он одобрил бы ваши планы?

— Какая разница, если он мёртв?! — гневно повысив голос, ответил Кейл. — А знаете из-за чего? Как думаете, что мы вообще тогда забыли в этих горах?

Ответ не только лежал на поверхности, но даже уже был озвучен днём ранее.

— Составляли карты.

— Да, хотя их и без того сделано с запасом на сто лет вперёд. Но ведь этого мало! Игры требуют большего! Рейонд как раз хотел себе новое звание и поэтому рискнул полезть в Могильник. Выслужиться перед начальством — это всегда лучший способ повышения на Играх.

Повисла тягучая тишина, прерываемая разве что стрекотом каких-то ночных насекомых снаружи.

— Что он мог бы сказать, узнай, что всё, чем он жил — пустая трата времени и сил? Думаю, как минимум не стал бы мне мешать. В отличие от вас, хотя вы куда как лучше всё понимаете.

«Узнай» — это слово меня очень удивило.

«Ресс не делился с ним своими мыслями? Моя интуиция твердила, что это очень важно, но почему?»

Пока я думал над этим, Кейл неожиданно предложил:

— Просто не мешайте мне, и я обещаю дать вам возможность вернуться домой.

Это прозвучало легко и просто. Как будто одолжить ручку на две секунды. Но по факту это было предложением стоять и молча смотреть на то, как Кейл уничтожал собственный мир. Взамен — возможность оказаться снова дома.

Вот только как дальше жить, осознавая, что из-за моего бездействия погибли миллионы? Перед ответом мне вспомнились слова моего двойника о самом храбром человеке на свете.

— Нет. Если вы готовы пожертвовать чем угодно ради своих безумных планов, то мне не остаётся ничего, кроме как вам помешать.

— Да? Тогда вам следовало оставить меня в тумане или сбросить со скалы.

— Если бы знал куда упаду — подстелил бы соломку. Я не сбрасываю всех не нравящихся мне людей со скал.

— Если вы не готовы даже на такое, то как же вы тогда будете меня останавливать?

— Любыми другими способами: убеждением или как-то иначе, но точно не туманом Могильника, — заявил я решительно. — Если потребуется, то я готов всю жизнь посвятить этому.

— Вы не напугаете меня подобными обещаниями, — фыркнул Кейл.

— Я и не стараюсь этого сделать.

Ресс только развёл руками и, к моему удивлению, принялся собираться в путь.

Пришлось уточнять, что тут происходило:

— Мы уже выходим? Сейчас же ночь.

— Я иду один. Без вас. Мы были нужны друг другу, чтобы преодолеть горы, в дальнейшем вы будете меня только замедлять. Это уже не говоря о потоках бреда.

— Обычно людям нравятся мои шутки, — не без обиды заметил я.

— Значит они слишком вежливы.

Мне хотелось с этим поспорить, но глядя на Кейла, я понял, что это лишено всякого смысла. Да и меня совсем не привлекала перспектива находиться рядом с человеком, который мог воткнуть мне клинок в спину, если я ему слишком надоем.

Может, сейчас он и не хотел на меня нападать, конкретно в этот момент. Из-за благодарности за спасение или по иной причине. Но сколько это перемирие продлится? Как быстро изменные чувства и желание достичь своей цели возьмут над ним вверх? Мне этого выяснять не хотелось.

Удивительно, но взял с собой Ресс совсем не многое, оставив большую часть сегодняшних находок мне.

— Считайте это... благодарностью за то, что вытащили из тумана. Прощайте, — прокомментировал Кейл такой поступок, стоя в дверях.

— Спасибо, но мы с вами ещё встретимся, — заявил я, на что Ресс только пожал плечами и, хлопнув дверью, вышел. — И в какой момент всё стало так сложно? Нормально всё шло — знай себе побеждай Ноа, двигайся к Сауму, а там домой и поешь бананов. Про спасение мира никто не говорил!

На самом же деле говорили и очень часто. Просто мне не хотелось этого слышать.

— Ноа Кейтлетт, наконец-то мы встретились лицом к лицу.

Голос Анри Галлена ласкал уши словно мёд губы. За всей этой приторностью не сразу обращал внимание на то, что сказанное — чушь. Они уже виделись сегодня утром во время краткой церемонии приветствия нового командующего. Впрочем, Ноа хоть и заметила это, но виду не подала:

— Командующий Галлен.

Палатка оного, где и проходил этот разговор, больше напоминала музей тщеславия. Так и не скажешь, что среди этих трофеев, памятных знаков, захваченных флагов и прочих наград находился и даже работал действующий командующий крупной армии.

Сам же её хозяин имел вид неказистый и мало походил на других военных Тофхельма. Тонкий и вытянутый, как сухая ветка, немного сутулый из-за постоянной работы за столом, с непропорционально длинными, очень живыми пальцами, седовласый старик с аккуратными усиками и в круглых очках, за которыми прятались маленькие, колючие глазки. Встреть такого дедушку на улице, и понять кто он такой можно было лишь по форме — очень чистой, гладко выглаженной с обилием наград.

— Рад, что мы будем работать вместе, — наигранно вежливо продолжил Галлен. — Уверен, это поможет достичь нам невиданных ранее высот.

— Согласна, — не меняя интонацию, коротко ответила Ноа, стараясь не думать о том, что под «нами» Анри имел в виду исключительно себя и своё эго.

— Под моим чутким руководством вы сумеете наконец остановить этого мерзавца Рора, — заметив, что его лесть не работает, улыбнулся Галлен, делая вид, что не имел в виду ничего такого.

Хоть звучала фраза вполне в рамках приличий, фактически это была звонкая пощёчина. Ноа потребовалось собрать все внутренние силы, чтобы на её лице не дрогнул ни один мускул. Впрочем, Анри это не остановило, и её молчание он истолковал по-своему:

— Не надо делать такое удивлённое лицо. Между нами говоря, я считал и считаю ваше нахождение на Играх... м-м-м, скажем так, излишним.

— Но... — попыталась возразить Ноа, но ей не дали сделать даже этого.

— Вы — женщина, а значит, более подвержены эмоциям. Они только мешают вам, превращая конкретные приказы в какое-то глупое личное противостояние с этим выскочкой Рейландом Рором. Такому не место на Играх. Вскоре я докажу это.

— Буду рада увидеть, — сжав кулаки и ничем не показывая бушующие эмоции, сказала Кейтлетт. — Какие-то приказы, командующий?

В глазах у Анри на мгновение мелькнула злоба: он явно рассчитывал на более эмоциональную реакцию на свои слова, что развязало бы ему руки. К его огорчению, Ноа прекрасно это знала и потому, несмотря на всё желание дать ему в морду, разбить эти проклятые нелепые очки и извалить в пыли одежду, сдерживалась. Эмоциями она ничего тут не добьётся, только терпение, и однажды труп её врага сам проплывёт мимо. По крайней мере именно так она себя утешала.

Поняв, что первый раунд не принёс ему решительной победы, Галлен взял со стола папку бумаг и протянул её Ноа:

— Ознакомьтесь.

Командующая бегло пролистала документы. Слова, ещё слова, карты, стрелочки, отметки. Не война, а какая-то бухгалтерская таблица — как-то иначе Галлен воевать не умел.

— Это... доклад? — не без сомнений уточнила Ноа.

— Скорее план дальнейших действий. Один из, — вежливо, но с намёком, что она ничего не понимала, поправил её Анри и пустился в объяснения. — Дело в том, что на днях нас посетит его величество король. Будет большое совещание, и мне бы хотелось, чтобы вы выступили перед господами офицерами.

— Здесь ваше имя, командующий, — вернувшись к первой странице, Кейтлетт убедилась в том, чьё имя стояло в качестве автора.

— Ну конечно! Ведь я его написал, а не кто-то ещё, — притворно изумился её вопросу Галлен. — Вы же представите его широкой публике, а затем будете в соответствии с ним действовать.

— Но вы... — гневно начала Ноа, однако быстро взяла себя в руки. — Кхм, у меня нет солдат.

— Вам выдадут под командование роту, не переживайте на этот счёт, — пожал плечами Анри Галлен, прекрасно понимая, какое это оскорбление.

Роту — человеку, который руководил целыми армиями! Это была уже не пощёчина, а звонкий пинок в причинное место.

Кейтлетт вмиг раскусила его задумку. Преуспей она — план-то всё равно не её. В случае же провала все обвинения полетят именно в исполнителя. Галлен в любом случае окажется в выигрыше. Прикинув, чем это ей грозило, Ноа уже собиралась как можно вежливее послать Анри куда подальше с такими предложениями, но тот предусмотрел и это:

— Пока это только предложение, но всё может измениться, — уточнил командующий.

Ничуть не удивившись такой практически неприкрытой угрозе, Ноа, вздохнув, бегло пролистала ещё пару страниц, убеждаясь, что это несвязный бред.

— Я имею право внести правки? — уточнила она.

Улыбкой Галлена, пока он перед ответом поправлял очки, можно было отапливать дома, такой тёплой она была.

— Ну конечно же нет. Это ведь мой план, а не чей-то ещё. Но если вас что-то в нём потревожит, я с радостью выслушаю любые ваши замечания.

Как будто случайно после этих слов Анри поправил табличку на своём столе, гласившую, что приём обращений происходит в нечётные дни не чаще двух раз в месяц и по предварительному согласованию не менее чем за четыре недели.

Ноа даже знала, кто ему эту табличку подарил — она сама, пару лет назад. Правда, Галлен шутку не понял и воспринял написанное скорее как руководство.

— Как я только могла подумать о таком. С радостью прочитаю ваш доклад завтра.

— С удовольствием его послушаю, — с приторной вежливостью вторил ей Анри. — Можете быть свободны.

Ноа отсалютовала и, развернувшись на месте, пошла прочь, пылая от гнева, которому наконец можно было дать выход. Этот старикан бесил её с той самой минуты, как он помпезно явился, забрав у неё всех подчинённых кроме Альта, которого назвал абсолютно бесполезным.

Не то чтобы ей было обидно за своего ленивого помощника, она вполне согласна с такой оценкой, но всё равно было неприятно!

После полутьмы палатки закатное солнце неприятно резало глаза. Караул, стоявший у входа в обиталище Галлена, с опаской расступился. Это были солдаты Ноа — Анри не привёл с собой никого, кроме своего ассистента, невзрачного, даже на фоне своего

командира. Уж кто-кто, а эти ребята знали, когда их командующая, пускай и бывшая, не в духе.

Впрочем, на них Ноа и не собиралась срывать. Для таких целей у неё имелся Альт Цион. Долго искать его или причину не пришлось: он валялся у неё в палатке, на её диване и, накрыв голову вчерашним номером «Вестника войны», похрапывал.

— Альт Цион!

Адъютант дёрнулся и сразу же замер, найдя, как ему казалось, приемлемое объяснение своему поведению:

— Я не сплю, а читаю, у меня близорукость.

— У тебя криворукость, причём врожденная. Почитай лучше это, — Ноа кинула ему или вернее в него папку с докладом Галлена.

— На туалетную бумагу вроде не похоже, а пахнет даже хуже, — только увидев, чьё имя стояло на заглавной странице, заметил Альт.

Такая оценка Кейтлетт пришлась по душе, и она впервые за последний час улыбнулась:

— Галлен хочет, чтобы я это прочла завтра перед всем Тофхельмом.

— Что, прямо перед всем? — отвлѣкшись от изучения доклада, уточнил Цион.

— Нет, конечно! — язвительно ответила Ноа. — Перед королѐм, его свитой и ещё сотней других высокопоставленных офицеров.

— А, ну да, почти весь, — въедливо заметил адъютант. — Остальными двенадцатью миллионами можно пренебречь.

— Читай давай, — скривилась Ноа, чьей сильной стороной математика никогда не была.

— Тут нечего читать, — отмахнулся Альт. — С тем же успехом можно вообще ничего не делать, понадеявшись, что Рор будет поддаваться.

— Всё настолько плохо? — удивилась Ноа.

— Этот план невыполним, — объяснил адъютант. — Мало того, он построен на одних предположениях, так ещё и требует такой координации, словно мы можем передавать указания мгновенно по воздуху.

— Как я и думала.

— Если вы прочтаете это завтра, вас размажут по трибуне критикой, как муху газетой, — добавил Цион невозмутимо.

— В таком случае это будет хорошим исходом, — истолковала такой ответ по-своему Кейтлетт. — Если всё, как ты говоришь, этому плану будет лучше завтра умереть.

— Вы не собираетесь вносить правки? — искренне удивился Альт.

— Галлен запретил мне это делать. Это же его план. Пускай сам выкручивается.

На это Альт только пожал плечами, про себя обрадовавшись тому, что ему ничего не надо будет делать, и вспомнил то, что его уже некоторое время беспокоило:

— О Роре никаких новостей?

— Галлен ничего не говорил, но он похоже считает, что «солнечные», которых мы так небрежно преследуем, находятся под его командованием, — припомнила Ноа.

— «Небрежно» ещё очень мягко говоря.

С тех пор как армия Рора покинула крепость Яой, «лунные» трижды пытались навязать ей бой и трижды промахивались мимо, неправильно рассчитав маршрут движения противника. «Солнечные» же по неизвестным причинам передвигались словно пьяный матрос по палубе корабля, попавшего в шторм.

— В газете пишут, что он пропал, — указывая на номер «Вестника», сообщил адъютант.

— А ещё, что Рейланд моллюск, — ехидно ответила Кейтлетт. — Либо мы принимаем, что он моллюск и пропал, либо ни то, ни другое. Сейчас он не наша проблема. — Командующая на секунду задумалась, остановив свой взгляд сначала на Альте, а затем на лампе. — Возьми во-о-он ту лампу, зажги её и ступай к Галлену.

— Зачем? — удивился адъютант.

— Спросишь у него, в какое время завтра мой доклад, — спокойно ответила Ноа.

— Вообще-то я про лампу.

— А это, ну-у-у... предположим, темно на улице, — растерялась Кейтлетт.

— Там только начался закат.

— Взял зажженную лампу и быстро пошёл к Галлену! — потеряла терпение Ноа.

— Но меня накажут если, я устрою у него пожар! — возразил адъютант, который ничуть не хуже Кейтлетт понимал, что тут происходит.

— Именно поэтому ты идёшь спросить про время, а пожар должен случиться сам собой, — ехидно сообщила Ноа. — У тебя обычно это отлично получается.

Буркнув что-то про то, что это в его обязанности не входит, Альт демонстративно взял лампу, немного повозился с огнём и сделал всего один шаг. К его глубокому огорчению, там, куда он наступил, стояла ножка тумбы, которая мгновенно вывела адъютанта из равновесия.

Падение всей этой сложной системы из Циона и зажжённой лампы предотвратил рык Ноа, который, кажется, воздействовал даже на физические законы:

— Аккуратнее!

Внимательно проводив Альта до дверей, Кейтлетт, вздохнув, принялась ждать. Вскоре до неё долетели приятные уху крики: «Пожар, пожар!».

— Этот день становится не так уж и плох, — мечтательно вздыхая, заметила Ноа и принялась думать.

Подумать ей было над чем.

В ожидании чуда

«Бойся своих снов, Ота Кохэку!»

Стоило Кейлу уйти, а мне закрыть за ним хлипенькую дверь в Призрачный дозор, как на меня навалилась усталость. Оно и немудрено: стояла уже глубокая ночь, а предшествующий день вымотал меня до предела, настолько, что мне даже не удалось заметить, когда явь сменилась очередным дурно пахнущим сном.

Я снова был неподалёку от крепости Яой, только-только закончив организовывать её осаду, и теперь погрузился в размышления касаясь того, что делать дальше. Чтобы взять настолько защищённое место, требовался поистине гениальный план. Оставалась сущая мелочь — придумать его.

Именно в его поисках я провел большую часть этого дня. Пока солдаты в предвкушении штурма обустривались, разбивали лагерь и занимались другими не менее полезными вещами, вся окружающая пустошь была мной досконально изучена. Едва ли не вплоть до отдельных камней. Сомневаюсь, что кто-то до меня составлял настолько подробные карты этой проклятой местности.

Увы, вместо элегантного, хитрого или хотя бы отчаянного решения проблемы я нашёл лишь отчаяние от осознания того, что ничего не могу тут сделать. У меня не было никаких идей на тему того, как взять Яой. Точнее, идеи-то имелись, но реализовать их наличными силами не представлялось возможным. Вопрос даже не стоял в величине потерь или удаче — сколько бы моих солдат ни было, их все равно не хватило бы.

Более того, уточнённая информация относительно сил «лунных» ясно говорила, что если бы мой противник решился на вылазку, то далеко не факт, что победа достанется мне.

Единственной хорошей новостью стало то, что Эльту удалось перехватить несколько запоздавших караванов. Теперь, пока их командир ломал голову над тем, что делать, солдатам хотя бы будет что есть. Место для лагеря усилиями Леона мы также нашли. Лой Ноктим же уже вовсю готовил приспособления для штурма.

Я в очередной, наверное, уже сотый раз осматривал Яой в подзорную трубу. Не знаю, что мне хотелось там увидеть, но меня бы устроил даже банальный пожар. Уж больно плотно стоял лагерь вокруг крепости — случись что, потушить такой будет ох как непросто. К тому же вода из озера не очень-то для этого подходила. Помимо температуры она и сама по себе оставляла ожоги.

По сравнению с лагерем непосредственно крепость не являлась такой уж большой проблемой. Она явно была рассчитана на совсем другую эпоху войн и на текущий момент играла скорее роль хорошо укреплённого тыла.

— Есть какие-то идеи, командующий? — этот вопрос Леон задавал мне тоже совсем не в первый раз.

Вкупе с аналогичными, поступающими отовсюду, особенно от меня самого, это начинало подбешивать:

— Может, вместо того чтобы спрашивать, вы выдвинете какую-нибудь идею, граф?

— Можно подождать...

— А-а-а-а! — я не удержался и простонал.

У Леона на все возникшие ситуации был один ответ: ожидание. Создавалось

впечатление, что граф Сайрас — бессмертен и собирался банально пережить всех своих противников. У меня же столько времени и подавно не было:

— Напоминаю вам, главный разведчик, что это вы часа три назад принесли мне донесение о том, что на нас движется ещё одна армия во главе с королём, гвардией, гриппом и прочими плохими вещами, — напомнил я Леону.

Граф потупился, отчётливо понимая, что его совет был так себе.

Не знаю, откуда у Тофхельма столько сил, хотя тут скорее вопрос был в том, куда делись аналогичные бесконечные орды Риверкрасса, но это подкрепление ставило крест и на без того слабой надежде взять Яой осадой.

— Пожар, мне нужен пожар... — пробурчал я себе под нос.

— Один момент, командующий, сейчас всё будет... — раздался совсем рядом голос Эльта.

— Стоять! Смирно, огниво убрать, фитиль затушить! — скомандовал я мгновенно. — Что вы вообще здесь делаете, капитан? Вы должны контролировать дорогу в крепость.

Гоа сильно растерялся от такого вопроса, словно и сам забыл, что он тут делал. По его виду можно было сказать, что идей на этот счёт у него нет никаких. Я давно опасался, что если возникнет необходимость долго стоять на одном месте и ничего не делать, то с Эльтом начнутся проблемы, но не думал, что это случится настолько быстро — мы ведь толком остановиться не успели.

На помощь Гоа, как это ни странно, пришёл Леон, заметивший у него в руке какие-то листы бумаги:

— Что это у вас, Эльт?

— Р-растопка? — словно сам не ожидавший там что-то увидеть, капитан смущённо посмотрел на бумагу.

Вздыхнув, я забрал у него листы и сразу же их осмотрел. На каждом было по одной фразе. Первый лист грубый, мятый, с пятнами грязи гласил очень аккуратным почерком: «Ночью будет пожар». Второй же, написанный на шикарной бумаге кривым и косым почерком, сообщал: «Мост в замок сегодня ночью не будет поднят».

— Взгляните, граф. Что думаете? — протянул я обе записки Леону.

— Писали разные люди, вот этот... — Леон показал на сообщение про мост, — явно на канцелярской бумаге написан. А второй на обёртке от чего-то.

— Эльт, откуда вы их взяли? — поинтересовался я.

— Э-э-э-э...

— Свободны, капитан. — Мне срочно захотелось на кого-нибудь накричать, да посильней, но надо было держать себя в руках. — Если вспомните, откуда вы взяли это или найдёте новые — вернитесь и сообщите немедленно.

— Думаете, этим сообщениям можно доверять? — поинтересовался Леон с опаской.

К его облегчению, я отрицательно покачал головой.

— Вряд ли у нас в крепости нашлось сразу два сторонника. Это больше похоже на какую-то ловушку. Вполне в духе Ресса. Однако это одновременно лучшее, что у нас есть.

— Безумие какое-то, — сообщил с подозрением граф.

— Оно самое, — подтвердил я. — Отдайте приказ войскам быть начеку. Если что-то начнётся, надо, чтобы солдаты были готовы по первой команде кинуться вперёд. И пришлите ко мне Лоя Ноктима. Буду у себя.

Он был нужен мне, как специалист по всяким осадным штуковинам. Вряд ли за

оставшиеся пару часов мы успеем сообразить что-то более серьёзное, нежели лестницы, но всё же.

Зайдя в свою палатку, я не глядя бросил бумаги на стол и принялся выбирать оружие на грядущий бой. Поскольку принадлежавшая Рейланду Рору коллекция оружия до сих пор была в руках у «лунных», мне приходилось обходиться запасами, «позаимствованными» недавно у Лоя Шинку. Проблема заключалась в том, что вкусы, как и стиль боя, у нас явно были разные: предыдущий владелец этой коллекции, кажется, никогда ничего из неё не держал в руках. Иначе бы понял, что ему продали какую-то сувенирную продукцию.

С моей точки зрения, большая часть трофеев напоминала вариации на тему зубочисток или шпилек для волос. Мне же хотелось чего-то более внушительного. Такого, чтобы враги от одного взгляда в мою сторону разбегались. Душа требовала кровавой бани, но реальность позволяла устроить разве что очень агрессивное подравнивание ноготочков.

К счастью, один экземпляр, подходящий моему стилю боя, всё же нашёлся. Не знаю, зачем Шинку нужна была эта сабля — для него она явно была слишком тяжёлой — но мне пришлось в самый раз.

Где-то в процессе моих сомнений в палатке появилась Миюми.

— Будет бой? — поинтересовалась участливо моя помощница.

— Возможно, но не факт. Лучше, если будет, но если не будет, то тоже неплохо.

У Миюми только что дым из ушей не пошёл от такой загадки.

— А-а-а, вам что-нибудь нужно? — осведомилась девушка.

— Хорошие новости и побольше, если можно, — ответил я отвлечённо.

— Ну, сегодня погода приятная, небо ясное, — полностью серьёзно принялась перечислять Миюми. — Каша на завтрак была вкусная. А ещё у капрала Фельта день рождения.

Не поворачиваясь к девушке, я зажмурился и мысленно сосчитал до десяти, чтобы не сказать что-нибудь на тему того, насколько мне есть дело до дня рождения или погоды. К каше у меня претензий действительно не было — она и вправду выдалась на славу.

— Ой, а что это у вас на столе? Вам пишет мой брат? — вдруг сменила тему разговора помощница.

Я с удивлением на неё посмотрел. Миюми держала в руках лист бумаги, сообщавший про поднятый мост.

— Это почерк моего брата, — сообщила она уверенно. — Я его из тысячи узнаю! У него буква «д» вечно выглядит как жук. Вот, посмотрите!

С моей точки зрения, там все буквы выглядели как жуки — писала словно курица с тремором всех конечностей. Но сведения в любом случае были интересными.

«С чего бы вдруг Альту симпатизировать мне? Неужели он так вдохновился моей расправой над шайкой Шинку, что решил сменить сторону конфликта? Вряд ли!»

Впрочем, Миюми навела меня ещё на одну мысль. Я принялся копаться в скопившихся бумагах в поисках старой корреспонденции, некогда принадлежавшей Шинку. Моей, понятное дело, здесь не было, но и письма, адресованные капитану «лунных», тоже вполне подходили. Благо, его почта досталась мне практически в полном составе.

Мелькали имена, даты, названия. Неожиданно мой глаз зацепился за одно из них: «К. Расс». Если мне не изменяла память, то именно так называл теперь себя Кейл Ресс. Это-то мне и было нужно.

Почерк с тем, что был на листе с сообщением о пожаре, слегка различался, но только слегка. В остальном это явно писал один и тот же человек, возможно, в разных обстоятельствах.

— Миюми, — начал я, предвкушая нечто интересное.

— Да, командующий? — Моя помощница только что не подпрыгнула от переполняющей её решимости действовать.

— Сходи, будь добра, за Леоном.

Пока девушка бегала за графом, ко мне наконец явился Лой Ноктим, который определённо не торопился на аудиенцию.

— Как, по-вашему, мы сможем взять лагерь штурмом под покровом темноты? — поинтересовался я.

Капитан задумчиво выпустил небольшое, по своим меркам, облачко дыма. Палатку мгновенно заволочло плотным слоем смога.

— Лагерь хорошо укреплён, даже лучше, чем крепость. Стены, ров, гарнизон...

Я нетерпеливо постучал пальцами по столешнице, намекая, что меньше всего мне сейчас нужно повторение уже известных фактов. Лой нехотя перешёл к сути:

— Если «лунные» отвлекутся на что-то, то мы сможем ворваться внутрь.

Похоже, он уже так или иначе был в курсе загадочных сообщений. Тем не менее, это получился не совсем ответ на мой вопрос.

— Нам понадобится что-нибудь специфичное? Лестницы, мантелеты?

Ноктим выпустил ещё одно облако дыма, на этот раз побольше, отчего кислорода в атмосфере осталось совсем мало.

— Для штурма лагеря лестниц должно хватить, — хмурясь, сообщил старый капитан.

— Замок нам одними лестницами не взять, — сходу заявил Леон, входя в палатку.

Судя по кивку, Лой Ноктим с ним был более чем согласен.

— А нам так нужно его брать? — поинтересовался я с насмешкой. — «Лунные» сидят по большей части только в лагере, сам замок используется скорее как склад. К тому же...

— Командующий, вы же не хотите всерьёз сказать, что рассчитываете на эти мутные сообщения? — начал спорить граф. — Ваша помощница сказала мне, что одно из них от её брата — это не самый надёжный источник.

Мне не нравилось, когда меня прерывают, особенно так грубо. Граф, конечно, был прав, однако спускать такое было чревато.

— Граф, вы многовато себе позволяете для всего лишь ушей короля. Ваша задача — слушать, что говорят, а не перебивать. — Я, выдержав с грозным видом небольшую паузу, продолжил: — И да, меня тоже не слишком вдохновляет рассчитывать на сообщения, автор одного из которых Альт Цион, а второго Кейл Ресс, однако, повторюсь, лучшего варианта у нас может не быть.

Я выразительно ткнул пальцем в то место, где на карте располагался Яой, и продолжил свою импровизированную речь:

— Не знаю, что они задумали, но, судя по всему, один собирается поджечь собственный лагерь, а второй — открыть ворота в сам замок. Нужно ли нам для победы что-то сверх этого? Как по мне — нет. Они хотят проверить, можно ли засунуть тигру в пасть руку и остаться невредимым! Что ж, пускай. Огонь — не та стихия, что легко поддаётся контролю, особенно ночью. Да и ворота быстро закрыть в толкучке пожара может не выйти. Кейл Ресс и Альт Цион определённо переоценивают свои шансы.

— Не переоцениваем ли мы их сами, командующий? — спросил Лой.

— Нет. Гораздо важнее, что мы их не недооцениваем. В любом случае, это вопрос уже решённый: если ночью что-то будет, мы воспользуемся этим шансом. Капитан Ноктим, на вас организация штурмовых всячин. Леон, соберите мне остальных офицеров, надо будет и им сказать что-нибудь зажигательное.

Лица моих подчинённых выражали множество эмоций, по которым ясно читалось, что они сильно сомневались в том, что данное решение здравое. Я же в этом не сомневался ни секунды — большего безумия, чем рассчитывать на такое стечение обстоятельств, наверное, не было. И всё же это лучший шанс из имевшихся.

Когда Леон и Лой вышли, я задумчиво почесал щёку. Происходившее явно выбивалось из череды простого везения. Вот только что была нерешаемая проблема, и как по волшебству появляется решение.

«Это скорее напоминает провидение». Я потряс головой, отгоняя эти мысли.

Сначала нужно победить, а подумать время ещё будет. Но прежде надо ещё разок выступить с этой речью перед подчинёнными...

— Итак, господа офицеры, всю эту ночь мы будем смотреть Яой, — стараясь, чтобы на моём лице не дрогнул ни один мускул, грозно закончил я свою речь, которая представляла из себя копию сказанного в палатке, но уже перед более широкой публикой.

Мои подчинённые растерянно переглянулись: шутка была им непонятна, а потому фраза выглядела максимально коряво. Однако отказать себе в удовольствии я не смог.

Когда офицеры разошлись по своим делам, коих после моей короткой, но зажигательной речи у них прибавилось, ко мне подошёл Лой Ноктим:

— Командующий, вы уверены в том, что делаете?

— Штурм — наш единственный шанс, — решительно и без сомнений ответил я.

— Речь не совсем про это... — я недоумевающе на него посмотрел, однако Лой ничего объяснять не стал, только ухмыльнулся. — Забудьте.

Откланявшись, он вышел. Ко мне же подошёл Гун-Гун, которого сюда никто не звал, но он всё равно припёрся:

— А Гун-Гуну нравится! Огонь, пожары, человеческие крики! Разве это не лучшая песня?

Уже второй раз за пять минут мне пришлось недоумевать по поводу сказанного. И точно так же никто ничего мне не стал объяснять. Чудак даже до загадочной ухмылки не снизошёл, а просто ушёл, что-то там сам себе насвистывая.

Проводив их растерянным взглядом, я отправился ждать чуда. Всё, что от меня зависело, уже было сделано, теперь наступал черёд госпожи, которая никогда не приходит, если её звать. Что мне страшно не нравилось.

Ночь выдалась прохладная, но зато предельно ясная. Идеальную чистоту неба с множеством звёзд портил лишь лёгкий дымок, шедший от лагеря вокруг крепости. Будь я чуть наивнее и куда романтичнее, мгновенно нашёл бы во всей этой картине множество параллелей с битвой тьмы и света. Даже несмотря на то, что на стороне зла выпало оказаться мне. Хотя, учитывая, что в этой «тьме» прятались мои войска, это весьма тешило самолюбие.

— Какое жалкое зрелище: великий Ота Кохэку сидит на холме и надеется, что случится чудо, — раздался насмешливый голос у меня над ухом. — Пха!

Учитывая, что её не было весь день, у меня появилась слабая надежда, что моя персональная Ноа наконец куда-то пропала и больше меня не будет доставать, однако всё хорошее когда-нибудь заканчивалось.

— Придумай что-нибудь посмешнее, — предложил я. — Например: исчезни и...

— Не знаю, что может быть смешнее, чем то одиночество, в которое ты себя загнал, — прервало меня наваждение. — Вокруг тысячи человек, а ты здесь совсем один.

— Они все заняты...

— Ой ли? Или, может, причина в чём-то ином? Давай посчитаем, — Ноа демонстративно принялась загибать пальцы. — Сайрас тебе не доверяет, Ноктим откровенно сомневается, Эльт слишком верен, но даже он уже бурчит себе под нос. Остальные тоже колеблются.

— Леон не доверял мне с самого начала, тут без изменений, — я тоже умел гнуть пальцы. — Лой слишком рассудителен, только и всего. Эльт бурчит, потому что ему не дают заканчивать каждый день с огоньком. Что до остальных: все они люди, а значит, им по определению свойственно колебаться.

Не похоже, чтобы это её хоть как-то убедило. Впрочем, сам я тоже в это слабо верил и постарался приободриться:

— Будущее туманно, но это не означает, что оно обязано быть мрачным.

— О-о-о, — потянула Ноа с иронией, — это не туман. Это дым.

— Мне везло раньше, повезёт и сейчас, — упрямо заявил я, не особо слушая её.

— Мда, откуда такая уверенность? — удивилось наваждение.

— Считаю это интуицией.

— Считаю это бредом.

— Если моя догадка верна, мои противники сегодня решили поиграть против меня в поддавки, — объяснил я свою догадку. — Мне нужно лишь воспользоваться этим.

— Тебе надо воспользоваться вот этим, — она ткнула своим пальцем мне в лоб. — И убраться отсюда как можно дальше, пока не поздно.

— Или что?

— Или станет поздно.

Мне не удалось понять, о чём она талдычила, зато краем глаза удалось заметить, как от нашей стоянки в моём направлении двинулся небольшой, периодически пропадающий из виду огонёк, в котором, несмотря на расстояние, прямо читалось желание угодить своему командиру. Я усмехнулся, зачем-то указывая на него Ноа:

— Похоже и по поводу одиночества ты не права.

— Тешь себя иллюзиями, пока можешь. Конец близок, и тебе это известно, — уверенно заявило наваждение.

— Мы собираемся штурмовать крепость с названием «Яой» — что это, если не конец всего сущего? — с насмешкой уточнил я.

— Вы что-то сказали, командующий? — раздался запыхавшийся голос Миюми.

— Привет, Миюми, говорю, ночь сегодня хорошая.

Моя помощница пришла не с пустыми руками, а с подносом. Вызывало искреннее удивление, как так вышло, что обычно не отличающаяся ловкостью девушка умудрилась донести его в целости.

Впрочем, реальность быстро взяла верх, и поднос бодро полетел на меня. Выудив из остатков ужина пару переживших падение бутербродов, я принялся их меланхолично жевать,

попутно слушая причитания девушки, которая тщетно пыталась собрать рассыпанное.

— Почему вы держите такую неумёху, как я? — вдруг спросила Миюми.

Это был провокационный вопрос, поэтому пришлось отшутиться:

— Неумёхе командующему такого же адъютанта.

— Я хотела принести вам еды, вы совсем сегодня не ели, но у меня ничего не вышло... — протянула мне поднос с уцелевшим содержимым девушка.

— И какая же ты неумёха после этого? Соображаешь лучше, чем твой командир.

Некоторое время мы молчали, думая каждый о своём.

— Как здесь красиво! — заметила Миюми восторженно.

— Пока красиво, — поправил я её. — Если всё пойдёт как задумано, то очень скоро это место превратится в царство огня и дыма.

Миюми поёжилась от моих слов.

— Вам не страшно?

Я заглянул в себя, пытаюсь понять, что чувствую. Возможно, в огромном числе эмоций, которые мне приходилось испытывать, был и страх, но он явно стоял не на первом месте — там прочно укоренилась усталость. Сильнее всего на свете мне хотелось вернуться в самое начало, когда самыми большими моими проблемами было не ляпнуть что-то не то Леону и проследить за тем, чтобы при переправе никто не утонул.

— Нет, не страшно, — соврал я.

— Тогда и я не буду бояться, — решительно сказала девушка.

— Почему?

— Если вам не страшно, значит, всё хорошо, и вы нас всех защитите.

Со смесью удивления и восхищения я посмотрел на Миюми, поражаясь непоколебимости её веры в меня. Было даже немного завидно: достанься мне хоть маленькая толика этого, жить было бы куда проще.

— Может, мне стоит вернуться в лагерь и подготовиться к бою? — вдруг вспомнила Миюми.

— Нет, сегодня ты остаёшься в запасе. Слишком опасно.

Мне хотелось добавить: «Нечего тебе там делать посреди насилия и огня», но я сдержался.

— Разве это не означает, что мне надо быть рядом с вами? — кротко уточнила Миюми. — Я всё-таки ваш оруженосец.

Я усмехнулся, глядя на этого бутербродоносца, и ответил:

— И кто мне тогда подаст чашку кофе после боя? Или чая, в общем, подашь мне что-нибудь, а там посмотрим.

— Но кто тогда понесёт штандарт? — продолжала упорствовать девушка. — А дудеть кто будет?

— Ты, кто ж ещё? Должны же понять, когда надо...

В этот момент земля под ногами слегка вздрогнула от мощного взрыва в лагере «лунных». Отчётливо было видно, как над ним поднимался столб чёрного дыма с всполохами огня у его основания. Послышались крики, прерываемые командами. Крепость и окружающий лагерь забурили, словно кипящая вода.

— Такая хорошая ночь была, — я бросил прощальный взгляд на звёздное небо. — Возвращайся в лагерь, Миюми, здесь скоро будет не протолкнуться. Поговорим после боя.

— Думаете, это оно, командующий? — мрачно осведомился Леон.

— А что же ещё, Леон? Пожар есть, и он разрастается, хаос и неразбериха тоже на месте, — перечислил я и добавил куда громче, чтобы слышали и остальные тоже. — Это наш лучший и, возможно, единственный шанс, господа.

Рядом со мной в несколько колонн выстроилась вся моя армия. Ещё раз мысленно оценив происходящее, для себя убедившись, что у меня нет другого выбора, кроме как действовать прямо здесь и сейчас:

— Капитан Ноктим, вы готовы?

— Так точно, командующий.

— Выступайте, — скомандовал я. — Эльт, идёте следом. Когда лестницы будут у стен лагеря, именно вы пойдёте на штурм. Помните, ваша задача не победить там всех в одиночку, а открыть нам ворота. Всё поняли?

— Так точно, командующий, выполним самым наилучшим образом, — ответил мне Гоа, вытянувшись по струнке.

Что-то мне подсказывало, что, сказав это, Эльт уже позабыл, что от него требовалось.

— Свободны. Что до остальных, господа, строимся в колонну и вперёд. Надеюсь, никто не забыл вооружить бойцов согласно приказу?

Идея о том, что огнестрельное оружие в тесноте лагеря будет не слишком эффективно, в общем-то витала в воздухе. Однако мне показалось хорошей идеей не вооружать всех солдат повально режуще-колющим, а оставить в каждом отделении пару с мушкетами.

К моему удивлению, идею развил никто иной как Леон, предложивший вместо мушкетов использовать гранаты, недавно захваченные у Шинку — неясно зачем такому отребью их дали, но всё же. Идти посреди пылающего лагеря рядом с человеком, у которого весь подсумок набит взрывчаткой, конечно, немного нервировало, но зато помирать хоть с фейерверком.

Солдаты тридцать третьей бригады без особых проблем добрались до внешней стены лагеря. Судя по отдельным всполохам выстрелов, помешать им пытались в лучшем случае отдельные дозоры. Ни о каком организованном сопротивлении речи даже не шло.

С другой стороны, если бы я хотел заманить противника к себе, решение максимально ослабить сопротивление на начальных этапах напрашивалось само собой.

За солдатами Ноктима двигались ребята Эльта. Надо отдать должное, и те и другие шли в полной тишине, без лишних криков, воплей и прочего шума.

Когда на стенах внутри лагеря завязался бой, я стал не дожидаться, пока откроются ворота, и крикнул:

— Вперёд!

Несмотря на наличие огромного количества полевых укреплений вокруг Яоя, никакого сопротивления нам не оказали. Все дозоры так или иначе бежали ещё от нашего авангарда, а те, кто сидел в самом лагере, даже если и были в курсе атаки, уже никак не успевали занять позиции.

Тем не менее ворота оказались закрыты. Ругань, доносившаяся изнутри, ясно говорила, что там шёл бой, но что-то впускать нас никто не торопился. Чувствуя, что Эльт всё же увлёкся и забыл о самом главном, я раздражённо пнул ворота и прикрикнул:

— Откройте! Пожарные! Вы горите!

Удивительно, но это в самом деле сработало. Ворота слегка приоткрылись, и оттуда выглянул капрал в форме сорок второй полубригады с видом, будто он просто вышел

покурить и никого не ожидал тут увидеть.

Заметив меня, он в ошеломлении застыл, не зная, что делать. Судя по растерянности на лице, вариантов у капрала было даже слишком много. Такое мне уже приходилось видеть, правда, не на лице живого человека, а на мониторе допотопного офисного компьютера, когда я пытался запустить на нём одновременно с десятков программ.

— Пожарную бригаду вызывали?

— Э-э-э-э-э... нет?

— А мы пришли!

Леон, стоявший рядом со мной, не выдержал этой идиотии:

— Капрал, протрите глаза! Перед вами ваш командующий! И откройте эти проклятые ворота!

Кажется, несчастного едва не хватил удар, когда он меня узнал. В любом случае, ворота наконец открылись, впуская основную часть моих сил внутрь лагеря. Первая часть штурма Яоя прошла успешно.

Битва за Яой

«Иногда, в снах ты видишь то, чего так боялся увидеть в реальности»

Лагерь, раскинувшийся неровным пятном вокруг крепости Яой, пылал. Хаос внутри царил невообразимый. Стараниями Эльта и его полубригады было решительно невозможно понять, что подожгли они, а что уже горело. В целом, горело вообще всё, включая те вещи, которые, как казалось мне, воспламеняться не должны. Больше всего меня смутил каменный колодец неподалеку от входа, полностью объятый пламенем. Как так вышло неясно, но выглядело максимально апокалиптически.

Сами «лунные» присутствие врага уже заметили, но ещё не осознали. На это им потребуется много времени. Не так уж и просто поднять по тревоге лагерь, который уже поднят по тревоге.

Поэтому не было ничего удивительного, что на первых порах нашим самым опасным противником стали не разрозненные солдаты «лунных», а огонь и дым. Ориентироваться в горящем лагере, когда твои лёгкие пылают от гари, а глаза слезятся — так себе удовольствие. Лучше выбрать другое место для прогулок.

Самым важным являлось ни в коем случае не терять строя. Идти приходилось плотно сбитой колонной. Разделяться в условиях, когда враги находились буквально повсюду, а видимость составляла от силы пару метров, идеей было смертельно опасной. Чем-то это напоминало очень брутальную версию игры «змейка». Любое промедление, остановка или разрыв строя грозили обернуться внеплановым концом игры.

По мере продвижения вглубь лагеря, усиливалось и сопротивление, особенно там, куда ещё не добрался огонь, впрочем, ничего даже отдалённо похожего на хитроумную ловушку не было: «лунные» действовали хаотично, кто во что горазд. Без единого командования, даже без единого плана. Ясно с первого взгляда, что для них пожар являлся большей неожиданностью, чем для нас.

Часть «лунных» пыталась спешно возводить из чего попало под руку баррикады на нашем пути. Как по мне, абсолютно бессмысленное занятие. Лагерь, даже такой крупный и долговременный как этот, всё равно не город. Здесь нет каменных зданий, которые не так просто разрушить, нет чётко очерченных улиц и естественных преград. Как только на пути появлялось препятствие, мне просто нужно было немного скорректировать вектор движения, снести ряд палаток и обойти её.

Другие пробовали жалить нашу колонну с флангов и тыла. Это, может быть, и сработало бы, действуй они хоть немного сообща. В эти моменты особенно остро чувствовалось, что у «лунных» банально нет лидера, который бы заставил эту орду действовать слаженно. Не знаю, где находился в этот момент Кейл Ресс, но я точно знал, где его точно не было — во главе своей армии.

Я же, напротив, носился по всей нашей колонне как ужаленный, пытаюсь одновременно проконтролировать всё. Именно действия противников помогли мне понять, что если мы не будем действовать слаженно, решительно и быстро, то битву, несмотря на фактор внезапности, нам не выиграть.

В эти минуты весь мой мир составляли четыре предельно простых мысли. Если колонну остановят — нам конец. Если колонну разорвут — нам конец. Если колонна разделится — нам конец. Если мы не дойдём до крепости — нам конец.

Стоило мне задуматься и отвлечься на что-то стороннее, как сразу начались проблемы. Огонь подточил основание какой-то деревянной вышки, и та рухнула поперёк колонны, придавив собой с десяток человек и разделив нас на две части.

Видя, что солдаты замешкались и не знают что делать, я изобразил на лице самую зверскую рожу из возможных и проорал:

— Вперёд! Это всего лишь огонь! Поверьте, мой гнев гораздо страшнее!

Убедившись, что страх передо мной оказался сильнее и подкопченная колонна с рёвом кинулась сквозь пламя, я отправился следом.

С другой стороны нас уже поджидали «лунные», которые, пользуясь возникшей заминкой, решились на очередную атаку. В этот раз у них даже вполне могло получиться. Вокруг грохотали взрывы, свистели пули, звенела сталь, орали как бешеные люди, однако, когда из огня появился я, всё замолкло.

«Лунные» замерли, словно увидели самого сатану, а затем, не взирая на крики командиров, численное превосходство и то, что им, наконец, удалось разделить колонну, побросав оружие, разбежались. Увы, падали и мои солдаты — многие от усталости или надыхавшись дымом. Таких приходилось оставлять — все прекрасно понимали, что никакой возможности нести «раненых» не было и в помине, у нас имелся только один путь — вперёд.

Не прошло и минуты, а я, ревя во всю глотку, уже возглавлял атаку на очередную баррикаду, обходить которую пришлось бы слишком долго. Ни шквал пуль, ни залпы картечью практически в упор — ничего не могло остановить или даже замедлить нашего продвижения.

Когда всё стихло, я разглядывал захваченные позиции, и мне на глаза попало знакомое лицо. Он лежал на баррикаде, сраженный залпом картечи. Молодой капитан, с которым мы повстречались совсем недавно, но который уже за такой срок успел мне запомниться, в отличие от многих своих коллег.

В пылу боя я и не заметил, что штурмовал вражеские укрепления не с кем-нибудь, а плечом к плечу с капитаном Каем. Будь его бригада чуть менее истрёпана предшествующими боями, кто знает, может, он и остался бы с нами. В любом случае, прошлого не изменить.

«Вот она, цена моих ошибок. Результат неверных решений, принятых ранее. Но был ли у меня тогда выход? Вряд ли...»

Что-то, наверное, интуиция мне подсказывала, что всё произошедшее результат не одной ошибки, а целой их череды. Но где я оступился, где свернул не туда? Думать над этим времени не было — впереди раздались крики, в иное время вызвавшие бы у меня усмешку:

— Яой! Вижу Яой!

Некоторые солдаты от этого начали облегчённо выдыхать, чего допускать категорически нельзя. Битва была далека от завершения. Скорее, приближался её эндшпиль — самая важная часть.

— Не сбавлять ходу! Это ещё не конец! — проревел я, стараясь перекрыть шум пожара, крики людей и звуки боя.

— Командующий, там солдаты, кажется, они собираются поднять мост! — сообщили мне с выражением растерянности на лице, так, будто не знали, что тут нужно делать.

— Так остановите их!

Судя по растерянности солдата, он, может, и рад бы, но абсолютно не представлял, как

это сделать.

Я бы и сам туда отправился, однако в тот же момент прибыл ещё один вестовой, выглядевший особенно ужасно — одна сплошная копоть и белые, безумно вращающиеся зрачки.

— Командующий, — доложил он мне по всем правилам, — Лой Ноктим просит поддержки.

Старый капитан шёл в самом арьергарде. Если уж он просит помощи, значит, дела совсем плохи, и там моё присутствие было нужнее. Мост можно было поручить кому-то другому, тому, кто вообще не знал, что такое страх.

— Гун-Гун!

Чудак появился мгновенно. Его волосы и борода в нескольких местах обгорели, а на одежде плясали небольшие огоньки, что придавало ему особенно inferнальный облик.

— Этот мост не должен быть поднят, — приказал я. — Любой ценой! Если надо, раскурочьте его, но чтобы мы могли пройти по нему, ясно?

— Так точно! — подмигнул мне Гун-Гун и, поудобнее перехватив свой фонарь, убежал.

Отыскав графа Сайраса, который в меру возможностей пытался держаться рядом, но всё равно постоянно отставал, я нашёл работу и ему:

— Леон, соберите бойцов и отправляйтесь в замок. В бой вступать только при необходимости. Меня интересует реликвия и вражеский штаб. Первое принести мне, второе захватить в целости.

— Командующий, не разумнее ли...

Кажется, он хотел что-то возразить или добавить, но я и так слишком задержался на одном месте.

— Не разумнее! Вперёд! — мельком убедившись, что он отправился выполнять приказ, я понёсся в хвост колонны.

Дела там оказались очень плохи. Кажется, здесь собрались «лунные» со всего остального лагеря. Радовало лишь то, что они, утратив всякое подобие порядка, просто ломались напролом, пытаясь не столько убить в бою, сколько завалить численно. Это бы у них, возможно, даже получилось, если бы не одно веское НО, которое звали Лой Ноктим.

Посреди дыма и огня старый капитан наверняка чувствовал себя как рыба в воде. Обстановка также была под стать его стилю боя: ни одно другое соединение моей армии не смогло бы устоять в тех условиях, в которых сейчас держалась тридцать третья бригада.

Я прибыл очень вовремя, как раз в тот момент, когда очередная волна «лунных» накатила на позиции, которые удерживал Лой. Он и его люди, сбившись плотным квадратом, используя мушкеты с примкнутыми штыками в качестве пик, стояли уже в практически полном окружении. Но стояли! «Лунные» разбивались о строй солдат, как бушующее море разбивалось о волнорезы.

Пока я спешно соображал, чем ему можно помочь, тридцать третья успела отразить две или три атаки. Однако даже такая, практически невероятная стойкость долго продолжаться не могла. Нужно было вытянуть Лоя и его людей из этого котла, но как?

Тут мне на глаза попала компания, в окружении которой мне «повезло» находиться. Множество солдат просто стояли и не знали, что им делать, издали безучастно наблюдая за тем, как сражались их товарищи.

— Почему стоим, бойцы? — с удивлением поинтересовался я.

Какой-то молодой рядовой, явно вчерашний новобранец, которому не повезло в этот

момент стоять прямо передо мной, робко ответил:

— С-сэр, у нас нет командиров, м-мы не знаем, что делать...

— Я не сэр...

Одного взгляда на несчастного было достаточно, чтобы понять, что тут произошло. Судя по разномастной форме, практически без знаков различия, здесь собрался весь «молодняк» моей армии. Отставшие, разбитые, лишившиеся своих командиров и воли к борьбе. Огонь в их сердцах, такой необходимый сейчас, практически померк. Однако его всегда можно было разжечь заново, что мне и требовалось проделать.

— Какое-то отребье собралось здесь! — Я окинул скептическим взглядом эту кучку. — И вы называете себя моей гвардией?! Чушь!

— Командующий, но мы не называем себя вашей гвардией...

— А я называю! Отныне и навек вы — моя гвардия! Бригада без номера, знамен и знаков различия! Худшие из лучших, лучшие из худших! Ваша клятва — кровь, своя или врагов, мне без разницы, и вы все дадите её мне прямо здесь! — Моя рука указала на Лоя Ноктима. — Посмотрите туда. Вот где настоящие бойцы, лучшие мои солдаты. А теперь взгляните на себя. Кто вы по сравнению с ними?

К моему огромному удивлению, мне даже не пришлось подсказывать, ответ раздался сам, сразу несколько раз:

— Худшие! Худшие! Худшие!

— Именно, худшие! И прямо сейчас вы докажете, что вы худшие из лучших!

В сердцах людей передо мной разгоралось новое пламя. Не успел я договорить, а солдаты уже во всю скандировали этот клич:

— Худшие из лучших, лучшие из худших!

— В колонну, гвардия! — по одной моей команде те, кто еще минуту назад не знал, что им делать без командиров, самостоятельно принялись строиться. — Сражайтесь за себя и за тех, кто пал, не знайте жалости и милости к врагу. Я сам пристрелю того, кто посмеет замешкаться перед «лунным»! Только смерть! Вперёд, моё отребье, принесите свою клятву!

И они пошли, а затем побежали. А я бежал впереди всех. Молча, без воплей и лишних криков мы двигались на противника.

Когда «лунные» заметили нас, то опешили и растерялись, абсолютно не понимая, что происходит. Толпа оборванцев без знамён, сквозь дым и пламя неслась на них с выражением желания убивать на лицах и при этом абсолютно молча! Вместо того чтобы встретить нас во всеоружии, наш противник так и стоял в изумлении.

Кольцо врагов вокруг Лоя Ноктима к тому времени окончательно сомкнулось, однако мы вскрыли его в один момент, пройдя через ряды «лунных» как горячий нож сквозь масло, сметая всех на своём пути. Это привело к самому неожиданному результату. Понимая, что ещё немного — и им конец, «лунные» понеслись в последнюю, отчаянную атаку. Но не на меня и моё отребье, а на капитана Ноктима.

У всякой стойкости есть свои пределы, однако у солдат Лоя этого предела, кажется, не было. Даже когда их строй наконец прорвали и квадрат распался, они стояли и бились до самого конца, пока последний из «лунных», оставляя испачканные штаны, не сбежал.

Вот почему я так берёг их тогда, отправив на верную смерть солдат капитана Кая. Тяжёлое, во многом спорное решение, принятое ранее, обернулось полным успехом. Окажись на месте тридцать третьей бригады кто угодно другой, нам всем, всей армии пришёл бы конец. Не выстояли бы они, «лунные» направились бы к нам в тыл, громя

оставших и разбитых солдат, которых я никак не успел бы воодушевить.

Лоя Ноктима мне удалось найти не сразу. Он сидел на каких-то обломках в порванной одежде, с погнутым клинком, будто им рубили дрова, и меланхолично смотрел в пустоту.

Моё появление несколько привело его в чувство. Отработанным движением он хотел затянуться трубкой, которую не бросил даже в этом бою, но та попросту развалилась у него в руках.

— Напомните мне купить вам новую, — пошутил я нервно.

К моему удивлению, Лой Ноктим усмехнулся и, ничего не говоря, достал из одежды точно такую же, только целую, и ловко принялся набивать её табаком.

— Хм, ладно. Как отдышитесь, собирайте своих людей и догоняйте. Оставляю вам свою гвардию в качестве подмоги.

— Гвардию? — капитан недоумевающе осмотрел тех бойцов, что я привёл с собой. Кажется, они его не слишком впечатлили.

Ухмыльнувшись, я обвёл рукой собравшихся вокруг солдат:

— Знакомьтесь, моё отребье...

— Худшие из лучших, лучшие их худших! — раздался клич.

— Да, как-то так. Передаю их вам, Лой, а то вас уже что-то маловато.

Я собирался добавить, что возвращать их в целости и сохранности не обязательно, но меня отвлек подоспевший вестовой:

— Граф Сайрас просит вашего присутствия в крепости.

— О, она уже взята?

— Нет, в этом и проблема, командующий.

— Что ж, решим и её.

По сравнению с тем огненным адом, в котором мне только что довелось очутиться, рядом с крепостью была тишь да гладь. «Лунных» здесь в больших количествах не было, а всё, что могло гореть, или уже сгорело, или догорало.

Колонна развернулась в линию, отрезая крепость от возможного удара из лагеря, однако внутри мои солдаты почему-то не спешили. Мне было подумалось, что противник всё же успел поднять мост, но тот оказался там, где и нужно — на земле. Ворота также были открыты. А вот во внутреннем дворе слышалась пальба.

Леона я нашёл в галерее, неподалёку от входа, где он вместе с десятком солдат безуспешно пытался выкурить стрелков из их укрытий.

— «Лунные» засели на втором этаже, стоит нам высунуться, сразу же стреляют с нескольких мест сразу, — доложил мне граф обстановку.

Он указал на тела нескольких наших бойцов впереди. Я хотел было выглянуть наружу, но мимо сразу же просвистела пуля. Стрелок слегка поторопился с выстрелом, иначе в качестве трофея ему вполне могла достаться моя голова.

— Мда, весело тут у вас, — мрачно усмехаясь, задумался я. — Давно сидите?

— Да как вы сюда нас отправили, так и сидим. Гун-Гун успел прорваться внутрь, но последние полчаса от него ничего не слышно.

— А другие входы?

— Если бы. Галерея ведёт к толстым стальным дверям, которые открывать никто не торопится. Напротив такая же, но там вообще глухая стена.

Решив проверить всё сам и пригибаясь на всякий случай каждый раз, когда проходил мимо бойни, я отправился посмотреть на эту самую дверь. Всё было не так плохо, как

казалось изначально, а гораздо хуже: для того чтобы вскрыть эту «дверку», надо было тащить сюда взрывчатку и раскурочить полстены. Проще было взорвать всё это место сразу.

Решить эту «задачку» было уже посложнее, чем повести в бой кучу оборванцев. Объективная реальность к моим пламенным речам почему-то была глуха. А жаль, своим длинным языком я такого мог натворить...

Снова послышалась пальба — это кто-то из людей Леона попытался было сунуться, но его сразу же загнали обратно в укрытие.

По ощущением стреляло не так уж и много людей — человек десять, может, пятнадцать, у которых, судя по всему, было наготове сразу несколько ружей на человека. Учитывая точность и время перезарядки, не такая уж и большая угроза.

Прорваться к ним тоже не составляло никакого труда: на второй этаж во внутреннем дворе имелось аж две широких лестницы. Всё-таки замок это такая вещь, которая в основном предназначена для обороны «наружу». Что вполне логично — строить укрепления, рассчитанные на то, что в их черте окажется враг, очень пессимистичная затея.

Тут хватило бы и сотни умелых бойцов. Те же парни Эльта вполне бы тут справились. Однако такое решение задачи в лоб могло привести к абсолютно ненужным потерям. Ради десяти стрелков терять лучших своих бойцов?

И почему вообще их так мало? Крепость, по моим оценкам, могла вместить до тысячи бойцов. Где же остальные? Либо это какая-то ловушка, либо. Второе «либо» я решил попридержать до тех пор, пока не доберусь до штаба «лунных».

Уверен, здесь было и другое решение куда проще, просто до сих пор мной не найденное. Любой замок всегда представлял из себя что-то вроде лабиринта с кучей проходов, коридоров, скрытых дверей, лестниц и прочего. Один из таких обходных путей защитники в спешке и хаосе вполне могли и забыть, но где его искать?

Кроме того поджимало и время. Сколько ещё продлится это затишье снаружи никто не знал и знать не мог, даже я. Прямо в этот момент «лунные» могли готовить контрудар, и любое промедление смертельно опасно.

Решив, что у меня нет времени искать решение, которого могло и не быть вовсе, я принял проблему как есть: грубо и в лоб.

— Леон, отправляйтесь к Эльту и приведите его сюда с сотней бойцов. Будем штурмовать в лоб.

— Вы уверены, командующий? — уточнил граф.

— Если у вас есть решение лучше, граф, то я готов его выслушать немедленно, — зло сказал я.

— Нет, но...

— Жаль, в таком случае больше вас не задерживаю.

К моему удовольствию, Леона такое отношение изрядно подбешивало, однако ничего сделать с этим он не мог, только бросать злобные взгляды и кривиться. До тех пор, пока он выполняет мои приказы — сколько угодно. Пока Леон ходил, у меня была пара свободных минут, которые мне захотелось потратить, испробовав ещё один способ решения проблемы — дипломатический.

— Эй там, вы окружены, сдавайтесь, — крикнул я, стараясь сделать так, чтобы меня слышал гарнизон крепости.

— Сами сдавайтесь, вы первые были окружены! — раздался, пускай и не сразу, ответ.

— У нас труссы в полоску, поэтому...

У меня таких аргументов были полные штаны, но, как оказалось, говоривший со мной был подкован в спорах ничуть не меньше.

— Не канает, мы в домике!

Похоже, там сидел кто-то с не менее длинным языком, чем у меня. Наглости ему во всяком случае было не занимать.

— И вообще, Рор, поди-ка сюда!

— Это зачем?

— Чтоб целиться было удобнее!

В тот момент, когда говоривший ещё только заканчивал фразу, моя интуиция сказала упасть ничком на землю, и не зря: один из «лунных» незаметно покинул укрытие и, спустившись по лестнице, выстрелил в меня. Пуля взвизгнула, рикошета чуть в стороне.

— Так вы обращаетесь в парламентёром?! — гневно прорычал я.

— Так мы обращаемся со зверем, которого пора запереть в клетку!

— Посмотрим, кто ещё окажется в клетке...

Я отошёл подальше, став дожидаться подмоги. Долго ожидать его возвращения не пришлось, оно и неудивительно — Эльту только скажи что где-то требуется что-то взорвать или кого-то убить, как он тут как тут. Судя по лицам бойцов, которых он привёл с собой, перспектива лезть под пули их нисколько не пугала, скорее даже наоборот.

— Господа, кажется, там внутри вас уже заждались, в...

Закончить мне не дали многочисленные кровожадные крики:

— Вперёд! Убьём их!

— Пустите, пустите, я первым буду!

— Рядовой Махмед, поджигай-поджигай!

— Огня, огня!

— Вперёд!

— Кровь за кровь!

— Синяки за синяки!

Я так и остался стоять с раскрытым ртом, не успев даже договорить, а солдаты сорок второй с криками понеслись во внутренний двор. Послышались взрывы, с потолка посыпалась пыль. «Лунные» пытались отстреливаться, но их просто задавили числом. Всё закончилось практически мгновенно — буквально за считанные минуты. Это, по-своему, разочаровало.

— А разговоров-то было, — с усмешкой отметил я, когда всё закончилось.

Увы, как бы мне ни хотелось обратного, потери всё же были. Семнадцать наших так и остались лежать на земле. Бессмысленная потеря. Впрочем, какая разница? Время бесценно, а солдат у меня ещё много.

Были и приятные новости — мы захватили нескольких пленных. Их прижали к земле, дожидаясь моей команды. Придумывая казнь на ходу, я задумчиво почесал подбородок:

— Хм, клетка, говорите? Нет, это слишком долго, да и мало ли что. Вы, двое, найдите пару камней поувесистей и устройте господам экскурсию на дно озера. Уверен, там отличный вид.

Как раз возвратившийся Леон дёрнулся так, словно собирался возражать против этого решения, но, заметив, что остальные не высказали даже толики осуждения, застыл с каменным лицом. Ничего не говоря, он резко развернулся и пошёл прочь.

Не знаю, что Леон хотел этим жестом показать, но ему это не удалось. Кроме того, мне

было абсолютно плевать, согласен он со мной или нет. Мои пленные — мои правила.

— Эльт, общитесь со своими людьми замок, — приказал я спокойно. — Пленных к остальным. На дно.

— Так точно!

Четверо солдат остались рядом на случай различных сюрпризов, которые мог таить этот «киндер-сюрприз». Мне требовалась от него не игрушка и даже не вкусный молочный шоколад, а самый обыкновенный штаб, который нужно было найти во что бы то ни стало. Хотя, учитывая размеры крепости, это было слишком громко сказано. Поиски не заняли даже получаса, как я с командой оказался перед дверью с двумя надписями: «штаб» и «входить запрещено, идёт совещание».

Увы, совещание если и было здесь, то оно закончилось очень давно. А мне бы так хотелось на нём оказаться! Давно хотел посмотреть в глаза тем людям, которые так уверенно мне проигрывали из раза в раз. Хотя один такой здесь всё же имелся.

В просторном помещении с множеством столов, карт и прочей необходимой и не очень атрибутики, стараясь казаться невозмутимым, сидел в самом углу, положив себе на колени пистоль, Альт Цион. Увидев меня, он без раздумий вскинул оружие и выстрелил. Пуля прошла мимо, убив одного из шедших следом солдат.

За это оставшиеся от души надавали парню тумачков, отобрали пистолет, скрутили, для проформы пару раз пнули и, подняв на ноги, презентовали мне.

— Глупо, — оценил я его попытку. — Хоть бы прицелился или бомбу какую взял.

Альт дёрнулся, пытаясь вырваться. Учитывая, что держали его сразу двое солдат и каждый был в несколько раз сильнее, вышло у него только ещё раз получить по рёбрам.

— Хватит его бить, — остановил я подручных. — Пошлите лучше за графом Сайрасом, скажите, что командующий ждёт его в штабе.

Ввиду того, что рук, державших Альта, стало на две меньше, тот получил даже немного свободы, которую потратил на то, чтобы размять затёкшие конечности.

— Я не буду вести пустые разговоры, — заявил он презрительно.

— Не вести пустые разговоры куда как менее почётное достижение, чем тебе кажется. К тому же этот разговор для тебя важнее, чем ты думаешь. От него зависит то, что с тобой будет через десять минут. — Оглядевшись, я убедился в том, что больше сюрпризов не планировалось. — Вообще не ожидал тебя тут увидеть...

— Кайл Расс исчез ещё вечером задолго до... этого бардака, — рассказал с выражением осуждения Альт.

О чём-то таком я подозревал уже в тот момент, когда узнал, что крепость обороняло меньше взвода солдат. Оставалось только вздохнуть и смириться.

— Ему не впервой кого-то предавать. Где щит «Луны»? Куда вы его отправили?

— Никуда. Он был здесь. Но тоже пропал. — Мне на секунду показалось, что Альт сейчас лопнет от ехидства.

Это было плохо, но ещё хуже мне стало от осознания, куда направился Кейл потом. Нет, он не был трусом и не сбежал. Дождавшись, пока начнётся бой, Расс вне всякого сомнения направился ко мне в лагерь, где попытаться остановить его могла разве что Миюми.

На секунду моя душа дрогнула от волнения за то, всё ли с ней в порядке, но мне быстро удалось подавить это в себе. В первую очередь я — командующий, а значит должен быть спокойным и рассудительным. О том, что там с моей помощницей, можно будет узнать позже.

— Значит, у него теперь две реликвии, — принялся рассуждать вслух я. — Интересный гамбит получается. Обменять свою армию на это? Дурак.

— Он закончит Игры, и тогда вам конец! — вспыхливо бросил Альт, видно решивший, что с ним что-то обсуждали.

Меня это заявление откровенно позабавило.

— Сегодня он пытался меня победить, устроив пожар в собственном лагере, из-за чего погибла куча людей. Жду не дождусь того, как он попытается меня разбить в следующий раз. Сбросит на головы своих солдат бомбу или устроит децимацию перед битвой?

— Так пожар не был случайностью? — похоже, эти известия стали для Альта новостью. — Ну конечно! — вдруг он принялся причитать едва ли плача. — Дурак, дурак, ИДИОТ тупой! Ты же знал, знал, чего он хочет, нет... этого не может быть...

У него начиналась настоящая истерика. Мне даже стало жаль его на секунду, но затем Альт Цион прекратил ругать себя и поднял на меня полные злобы вперемешку со слёзами глаза:

— Я убью вас! Не сегодня, так завтра или потом. Вся моя жизнь теперь будет посвящена только этому. Посмотрим, как вы после этого будете спать!

Всё моё сочувствие к нему мгновенно улетучилась и не только из-за пустых угроз, но и из-за того, что будь он умнее — держал бы такие слова при себе до тех пор, пока не сумел бы их воплотить.

— Верить или нет, но от твоих угроз мой сон хуже уже не станет. Свой шанс остановить меня ты уже потратил, так что хватит упражняться в языкастости. Оно не помогло твоей командирше, не спасло тебя и уж точно не поможет Кейлу.

Как раз кстати мне на глаза попала люстра, освещающая помещение. Она висела на здоровенной, крепкой на вид цепи, которая при необходимости позволяла её опустить, чтобы зажечь свечи.

— Помнишь начало этого разговора? Мои слова про то, что от него будет зависеть твоя дальнейшая судьба? Что ж, ты, видимо, не понял, что шутки кончились. Солдаты! — я указал на люстру. — Возьмите во-о-он ту цепь, и подвесьте этого горе-мстителя за ноги с самой высокой башни. Пускай подумает над своим поведением.

Смотреть на поменявшегося в лице Альта, который, судя по испугу, очень хорошо понимал, чем ему грозило подобное заточение, было одним большим удовольствием.

— Ну как, всё ещё желаешь, чтобы Кейл завершил Игры поскорее? — поинтересовался я ехидно. — А вдруг тебя не успеют снять? Выйдет ой как неудобно. Увести!

Солдаты повели отчаянно сопротивляющегося Циона на выход, где в дверях столкнулись с Леоном. Граф всё ещё был зол, но пока сдерживался.

— Замок наш, лагерь, в смысле пепелище, тоже. «Лунные» разбежались, — рассказал он.

— Вот как? Хм, мда, тоже мне воины.

— Реликвии нигде нет...

— Да, я знаю. Похоже, её забрал Кейл и наверняка уже успел посетить наш лагерь в поисках второй.

На секунду мне показалось, что сейчас граф не удержится и покажет, что испытывает радость по этому поводу, но он остался спокоен и даже нашёл в себе силы уточнить:

— Значит, это конец?

— Нет, только начало, — очень уверенно ответил я. — Прикажете собрать всё ценное и

перетащить к нам. В первую очередь из замка. Кстати, а где Гун-Гун?

Леон стушевался и подозвал одного из солдат, что-то ему сказав. Чудака привели ко мне через пару минут вдрызг пьяного, настолько, что он даже приветствие отдал не той рукой, и едва стоящим на ногах. При этом он был собой доволен, словно кот, впервые в жизни сходящий в лоток.

— Гун-Гун, ИК, диверсант! Он уничтожил запасы противника!

— И начал, видимо, с винного погребка, — раздражённо прокомментировал я.

— Погребок — самое ценное, что есть в крепости! Его обороняли самые храбрые, ИК бойцы!

Ничего не оставалось, кроме как только отмахнуться от него, приказывая увести. Усталость навалилась на меня, лишая всяких сил к различного рода головотяпству.

В чужой униформе

Утро нового дня мне сразу не понравилось. И дело состояло не только в предельно неприятных сновидениях, от которых с каждым разом несло гарью всё сильнее, но и в том, что день начался с того, что в дверь Призрачного Дозора начали стучать, попутно требуя совсем невозможного — немедленно открыть её. Аккуратно выглянув наружу, я убедился, что ломятся ко мне «лунные».

— Вы кто такие? Я вас не звал! Идите... идите отсюда.

Стук немедленно прекратился, зато раздался удивлённый голос:

— Эй, это вообще-то наша сторожка!

— Тут нигде не написано, чья она! — возразил я ехидно.

— Счас узнаешь чья. Ну-ка, ребята, навались!

Не успела ко мне в голову заглянуть мысль о том, что дверь неплохо было бы чем-нибудь подпереть, хотя бы собой, как она уже сорвали с петель. Внутри и без того тесного помещения с оружием наготове ввалились четверо «лунных»: трое рядовых и сержант. Заметив его, мне пришлось укусить себя за язык, чтобы не ляпнуть глупость — это был никто иной как «сержант Прометей» из моих снов. Остальные мне повстречались впервые, но клички я придумал и им, основываясь на характерных внешних чертах: Ветеран, Новичок, и Скучный.

Учитывая, что у меня из оружия была только кривая в плохом смысле сабля, перевес сил не в мою пользу оказался фатальным. Впрочем, «лунные», с таким задором влетевшие внутрь, почему-то не спешили атаковать, уставившись на мою одежду.

Я тоже на неё посмотрел и только тогда вспомнил, что вчера ночью переоделся в чужую униформу. Неужели этого вкупе с моей недельной щетиной достаточно, чтобы меня не узнали? Ответ на это пришёл практически мгновенно вместе с удивлённым вопросом от Скучного:

— Так ты из наших?! Как ты тут очутился?

Понимая, что любой неверный ответ поставит крест на любых моих планах, кроме тех, которые касаются безнадёжной схватки один против четверых, я принялся как можно аккуратнее подбирать слова.

— Отстал. Пришлось нагонять через Могильник.

Краткость — сестра таланта и мать любого вранья. Солдаты вытаращились на меня полными от удивления глазами.

— Да пи... привираешь ты! — уверенно заявил Ветеран, пытаясь уличить меня во лжи. — Ни один сумасшедший туда бы не полез!

— Иначе меня бы объявили дезертиром, — возразил я.

— Ну ты даёшь! — оценил моё решение Прометей. — Стальные яйца ходить не мешают?

— Только при беге звенят, — ответил я на шутку шуткой. — Так чем обязан?

Услышав вопрос, сержант немного ступевался, словно забыл, зачем они сюда пришли:

— Так это мы выходит и так, и так за тобой. Нам приказано проверить, не осталось ли где отставших.

— Ноа собирает силы? — кажется, я сказал что-то не то, потому что солдаты передо мной удивлённо переглянулись.

— Кейтлетт, что ли? Не, она больше не командует, — тяжело вздохнул Ветеран с неодобрением. — Мы здесь по прихоти командующего Галлена.

— А мне он нравится, — заявил Новичок. — Приятный такой дедушка...

— Это ты его в бою не видел, — ехидно заметил Скучный.

— Его в бою никто не видел, — фыркнул Ветеран.

— Разговорчики! — прервал их Прометей. — Пойдёшь с нами — всё узнаешь.

— Ага, будешь с нами солдат Рора гонять! — рассказал Новичок. — Мы уже неделю за ними бегаем!

— Шоб он сдох, этот Рор! — пожаловался Ветеран, указывая на дырку в голенище. — Две пары сапог на него убил и третьи на подходе, представляешь?

— Каков мерзавец! — посочувствовал я вполне искренне. — Увидишь его — плюнь от меня ему в рожу.

Такое признание сильно растрогало моего собеседника. Он только что не прослезился:

— Понимаю, брат, за тебя и за наши сапоги плюну.

Кажется, мне удалось влиться в коллектив. Что ни говори, общая боль по поводу плохой обуви сближала людей. Пока я думал над тем, что дело принимает интересный оборот, Прометей взглянул в сторону котелка, где со вчерашнего дня лежали на дне те сухари, и усмехнулся.

— Извини, но это придётся оставить, приказ есть приказ — пойдёшь с нами, — заявил он категорично. — Там тебя накормят другими сухарями.

— Старыми, что те сапоги! — добавил Скучный, отчего остальные хором рассмеялись.

А вот мне поддерживать общее веселье как-то не захотелось.

— Счастье-то какое...

Впрочем, ныл я зря: меня собирались отвести примерно куда нужно, накормить, ввести в курс насчёт актуальных событий. Большого и желать было сложно: бананы-то здесь не растут, но и без них такой расклад мне более чем нравился. Похоже в ближайшее время мне предстояло вернуться к своей армии, а значит, шансы остановить Ресса резко возрастали.

Этот солдатский квартет стал лучшим, что со мной случилось на этих Играх, благо, достаточно быстро мне удалось перевести все разговоры на тему актуальной обстановки. Такому любопытству мои спутники, конечно, удивились, но продлилось это недолго: стоило мне рассказать, что я отстал ещё неделю назад, на следующий день после обвала серпантина, и простой солдатский разум сам выстроил всю картину случившегося за меня. Вышло, наверное, даже лучше, чем если этим занимался бы я.

Моя история мгновенно обросла маршрутом, обилием географических названий, парой-тройкой событий и прочих деталей, которые в сумме делали её более реальной, чем то, что случилось на самом деле.

— А что происходит сейчас? — поинтересовался я, когда нужный уровень доверия был достигнут.

Реакция последовала мгновенно, но не совсем та, которую бы я хотел увидеть. «Лунные» дружно плюнули в разные стороны.

— Происходит где? — уточнил Прометей. — Как «солнечные» обвалили тот клятый серпантин, так мы за ними гоняемся. Горы-ху... кхм, короче, много гор.

— Помнится, мы здорово прижали Рора у того серпантина, как он вырвался? — делая вид, что для меня эти события были не только давно, но ещё напрямую меня не касались,

спросил я.

— Мы-то прижали, тьфу... — ответил Ветеран, выразительно сплюнув. — Эти криворукие жопоруки обосрались, не снимая штанов, и бежали! Да так, что побросали не только свои грязные портки, но и снарягу.

Интонации солдата говорили о том, что этот поступок они в своей моральной палитре ставят где-то между просьбой закрыть окно в душном офисе и поеданием младенцев.

«Ага, то есть всё как и во снах», — заключил я. — «Только меня нет».

— Говорят, у них есть какой-то безумный, словно в жопу ужаленный капитан, который носился по полю боя обвязавшись взрывчаткой, и орал, что желает обнять весь мир... — пожившись, поделился страшилкой Новичок.

Я с лёгкостью представил, какой ужас вселял такой вид Гоа Эльта. Не столько в сердца врагов, сколько в союзников. «Лунные»-то убежали, а вот моим солдатам с ним ещё служить и служить.

Тем не менее расспросы требовалось продолжить:

— А потом?

— А шо потом? — переспросил сержант. — Там дальше Яой, в нём отродясь солдат не было, только крысы тыловые. Они сами Рору ворота и открыли, тьфу!

— Зато как сапоги выписать или жратвы нормальной прислать — за каждую цифарку будут спорить до посинения! — поделился личной болью Ветеран.

— Говорят, когда эти мерзавцы добрались до Яоя, там не осталось камня на камне, — рассказал Скучный. — Они выпили и съели всё, что там было! Даже сухари!

— Брешут! — не поверил Ветеран. — Там одни психи, конечно, но сухари бы даже они не стали все сжирать.

— А сам Яой? — уточнил я просто на всякий случай.

— Да что ему будет? Кому он нужен? — растерялся Прометей. — Его строили... ну, чтобы это... как его, ну это короче, оно самое перекрывать, вот, да. А что там перекрывать?! Вот и сдали...

Ответа я не знал. Хотя бы потому, что абсолютно не понял вопроса, но по интонациям сержанта осознал, что Яой на этих Играх оказался отнюдь не стратегически важной точкой, во всяком случае по назначению. Хотя как помнил Рейланд, обычно этот замок для Тофхельма играл роль последнего рубежа, за который отступать уже некуда, либо узловой точки снабжения, через которую проходили все припасы, прежде чем отправиться в какое-то конкретное место.

— Говорят, захватом руководил тот псих, он вроде как собирался даже сжечь замок, — рассказал Скучный, наверное, впервые за всё время улыбаясь во все свои неполные четырнадцать зубов, — но тут подошли мы, и они вроде как передумали.

После этой фразы у меня не оставалось сомнений, что захватом ставки «лунных» руководил никто иной как Гоа Эльт. Только ему могло прийти в голову пытаться сжечь каменное строение. При мне такой дичи не было. Видимо, просто раньше мне удавалось найти этому безумию точку приложения силы, используя как своеобразный рычаг, а теперь капитана никто уже не сдерживал.

Остальные детали этой истории тоже вполне вписывались в мою обычную картину мира. Я легко мог представить, как поведут себя полуголодные, изможденные солдаты, оказавшись в месте, где припасов было на несколько армий.

— Передумали, ага! — фыркнул Ветеран. — Нас увидели и драпанули.

— Бросая портки? — догадался я.

— Не знаю... мы бежали впереди... — нехотя буркнул «лунный».

— А ну цыц! — гаркнул сержант. — Нечего распускать... эти. как их...

— Панические сплетни? — снова угадал я.

— Ху... короче да.

— Неужели Рор бежал от Яоя?

К моему удивлению, этот вопрос вызвал странную паузу. Сначала мне показалось, что я спросил что-то не то, но затем по ответу сержанта стало понятно, в чём тут дело.

— Конечно! Трусы и паникёры говорят, дескать, что это мы бежали от них — так вот это ложь! — ответил Прометей. — Просто мы бежали быстрее армии Рора, поэтому оказались впереди!

— Даже в беге мы лучше риверкроссцев! — самодовольно заявил Скучный.

— Конечно лучше! Мы во всём лучшие! — присоединился Новичок.

— Даже сухари у нас вон какие, гвозди забивать можно! — поддакнул Ветеран. — А у этих хлюпиков что не так, так рассыпаются!

— Хе-хе, — хихикнув над очевидной шуткой, я постарался скрыть радость от новостей касательно армии. Было у меня опасение, что к моему возвращению от нее останутся только хорошие воспоминания.

Остался ещё один весьма щекотливый момент. Мои спутники разумеется этого не знали, но ведь в Яое находилась реликвия «лунных» — щит Луны. И вполне вероятно, как и во снах, что она могла сейчас находиться в руках моих подчинённых.

Впрочем, это можно было узнать, только действовать требовалось осторожно.

— А куда «солнечные» двинулись-то?

— Да на юг, попёрли шо дурные, — ответил Прометей, почему-то не плюнув. — Даже наше наступление назад обогнали.

Если мне не изменяла память, то Саум как раз находился на юго-востоке от Яоя, примерно в полутора неделях пути. Значит, сейчас мою армию от финиша отделяло всего ничего.

— Непорядок, ещё немного, и они посмеют победить без меня! — фыркнул я рефлекторно.

— Что? — не понял меня Новичок.

— Говорю, ещё немного, и эти подлецы победят!

— Не бойсь, старый петух их никуда не отпустит, — уверенно сказал Ветеран.

«Репутация у Галлена, среди солдат так себе», — ничего иного и не ожидая, подумал я.

— А чего командующая, кхм, — я поспешил исправиться, — в смысле Галлен собирает-то всех?

— Говорят, бой будет скоро, — рассказал Новичок с тревогой. — Но так нам говорят всю последнюю неделю.

— Угу, вроде как парни из двадцать первой уже два дня дёргают «солнечных» за хвост, а те только огрызаются, — кивнул Скучный.

— Мы гоняем их по окрестностям последние дни. Что ни день, то стычка, а то две! — со смесью презрения и гнева поддержал общее настроение Прометей. — Эти трусы боятся выйти с нами на бой!

Я не стал комментировать то, что конкретно он сейчас на максимальном удалении от «солнечных», если не считать меня самого.

Насколько Рейланд знал Галлена, этот «старый петух» был не из тех, кто непрерывно рвётся в бой. Скорее он устроит сотню совещаний, напишет пару десятков докладов, дожждётся, пока ситуация станет однозначной, и если его успех будет гарантирован — вот тогда отправит солдат в бой. Вся его «непобедимость» только на этом и строилась. Такая решимость лезть в бой была скорее в духе Ноа.

«Интересно, чем она там занимается, лишившись командования? Наверное, сидит у себя в палатке, попивая чай и пиная известные продолговатые объекты от безделья».

Впрочем, устроил стычки Галлен или Кейтлетт, они «солнечным» на пользу однозначно не шли. «Лунные» постоянно получали припасы и пополнение, тогда как Леон и остальные — нет. Их просто изматывают перед решающим боем.

— Ничего, бой рано или поздно будет. Вот тогда-то мы зададим Рору! — уверенно заявил Прометей. — Пинком отправим обратно в Риверкросс!

Его уверенность в завтрашнем дне воодушевила даже меня. Ещё чуть-чуть, и я навсегда застряну в этом мире абсурдной войны, нелепых ушек и плохого кофе! Радость-то какая!

— А как мы их разобьём-то? — усомнился Новичок, ещё не наученный горьким опытом, что такие вопросы задавать нельзя.

Перед ответом сержант заговорщически оглянулся, словно его кто-то мог подслушивать:

— Только никому не говорите, это секретная информация, но скоро к нам на помощь прибудет король с гвардией.

— Какая замечательная новость! — восторженно заявил я, всеми силами изображая радость.

На самом деле эта новость не сулила ничем хорошим для моей армии и меня в том числе. Ещё немного, и против нас будет воевать весь Тофхельм, включая деревья и скалы.

А ведь где-то на фоне всего этого плетёт свои сети Кейл. Ему как никому другому выгодно такое противостояние и особенно то, что оно обострилось. Ведь если всё продолжится, то эпицентр противостояния вместе с реликвиями сместится в район Саума. Большого подарка для него и быть не может.

В принципе, остановить его можно было просто сложив оружие — это гарантированно ставило крест на его планах. Вот только как это проверить? Вряд ли, если я являюсь после недельного отсутствия и скажу, что-то вроде: «Ребят, вы все молодцы, прошли такой путь, столько победили, столько натерпелись неудобств, а теперь сдаёмся и по домам», то меня кто-то послушает. Точнее послушать-то послушают, только затем пристрелят, приняв за изменника.

С другой стороны, а кто мне помешает устроить бой где-нибудь подальше от Саума и «слить» его? При таком раскладе вернуться на Землю уже не выйдет, но это всё равно не имеет смысла, если не остановить предварительно Ресса.

Дальнейшие разговоры солдат в течение дня я слушал вполуха, лишь иногда с чем-то соглашаясь для вида. Всё обсуждение свелось к тому, какие мерзавцы в этом сезоне «солнечные».

Мне очень быстро стало понятно, что «лунные» были вне себя от гнева. Сказывалось как то, что мои фокусы не прошли незамеченными, так и то, что Игры, начавшиеся с тотального разгрома Риверкросса везде где только можно, в итоге затянулись, и весь Тофхельм был занят тем, как прищучить одного Рейланда Рора.

Действия моей армии тоже подкинули дровишек в огонь взаимной ненависти:

«солнечные» на своём пути буквально уничтожали всё ценное, что не могли унести или съесть на месте. Этакая вооружённая стая саранчи. Причём, судя по рассказам, не брезговали мои подчинённые и простым вандализмом, разрушая всю инфраструктуру за собой. Учитывая, что всё действие происходило на территории «лунных», тем, мягко говоря, не нравилось, что их и без того неудобную для перемещения страну портят ещё сильнее. Они отвечали на это постоянными яростными стычками, которые велись до последнего вздоха, царапины или хотя бы хрипа.

Мне сложно было поверить, что речь шла про тех же людей, которые ещё пару недель назад разбежались кто куда из-за угрозы быть сметёнными здоровенным прапорщиком. Сначала я думал, что это всё из-за перенапряжения, но чем больше слушал подробностей и сопоставлял их с увиденным во снах, тем сильнее понимал, что у происходящего куда более сложная причина, нежели простая усталость от постоянного напряжения.

Люди накручивали сами себя. В любой невзгоде, происшествии или чём-то таком мгновенно обвинялся противник. То, что началось с обвинений меня в нарушении «правил и традиций» постепенно перерастало в кипучую взаимную ненависть.

Тем хуже, что именно в такой момент Ресс собирался разрушить последний барьер, не дававший этой ненависти пожрать оба королевства целиком — Игры. Я был прав, предполагая, что новый конфликт в таком случае происходит мгновенно, и Кейл со своими дурацкими отравлениями сыграет не последнюю роль.

«Как он мог этого всего не замечать? Или вернее: почему?»

Шла наша компания быстро, даже очень, поэтому ничего удивительного в том, что в тот же день, ближе к ночи, мы достигли расположения основных сил «лунных» — армии теперь уже Галлена.

Оценивая раскинувшееся впереди море света, я понял, что против такой орды у «солнечных» шансов будет немного. Во сне вокруг Яоя и то было меньше народа, чем здесь. Эльт может сколько угодно обвешиваться взрывчаткой, но если там не окажется какой-нибудь ядрёной бомбы, то этого явно будет мало.

Была в этом столпотворении и опасность для меня самого: пропорционально количеству людей вокруг вырос риск быть узнанным.

— Слушай, а ты вообще из какой роты-то? — вдруг спросил Прометей.

Это был без преуменьшения проблемный вопрос. Тофхельм постоянно переименовывал свои воинские подразделения, перетасовывал их, менял структуру и иными способами изгалялся. Разобраться во всём этом хаосе даже будучи внутри него было сложно. Куда уж там мне — попаданцу в тело человека, который вообще воевал с «противоположной» стороны.

Впрочем, моё молчание вместо неверного ответа меня и спасло. Сержант расценил его по-своему:

— Не хочешь обратно? Хм, айда тогда к нам?

— Если ты взаправду прошёл Могильник, то смелости тебе не занимать, — поддержал идею Ветеран.

— Видишь флагшток с зелёным флагом? — сержант указал на знамя поодаль. — Это знамя нашей роты, мы третья егерская, если что. Там вообще утка нарисована, но ты лучше не спрашивай почему. Тебя интересуется палатка рядом и капрал Крюге в ней. Скажешь, что ты от сержанта Моргенштраусфультендорхва, он сразу всё поймёт.

Я в этом сильно сомневался, хотя правильное произнесение этой фамилии в нужных

местах наверняка автоматически выдавало диплом логопеда, «казус белли» на аннексию небольших европейских стран или хотя бы губную гармошку.

— Удачи, надеюсь, завтра увидимся на построении, — Прометей хлопнул меня по плечу на прощание.

С одной стороны, наверное, стоило прямо сейчас отправиться к «солнечным». С другой же, когда это мне ещё выпадет такая отличная возможность узнать планы противника, так сказать, из первых рук? Главное не заиграться, а то так можно было и победу на стороне «лунных» отпраздновать.

Нужную палатку, как и молодого капрала, вяло ковыряющегося в документах, я отыскал практически сразу.

— Кто такой? Чего надо? — окинув меня быстрым взглядом, деловито спросил Крюге.

— Я от сержанта...

Фамилия напрочь вылетела у меня из головы, хотя и состояла практически из всего алфавита сразу. Капрал же терпеливо ждал моего ответа.

— Страусгитлерюгента? — предположил я неуверенно.

— Нет у нас таких, но я, кажется, понял, о ком ты, — Крюге тяжело вздохнул. — Чего он хочет?

— Говорит, чтобы вы записали меня в ваши ряды.

Капрал скептически меня осмотрел и, кажется, не был согласен с таким решением.

— Я прошёл Могильник!

Данный аргумент не особо впечатлил Крюге. Наверное, потому что он в него абсолютно не поверил.

— А я спал с королевой Риверкрасса, — заявил капрал с усмешкой.

Повисла неловкая пауза. Её надо было как-то прервать, поэтому мне не оставалось ничего, кроме как обернуть всё шуткой, благо как раз вспомнился возраст одной дамы:

— С королевой-матерью, что ли? Ей же восьмой десяток идёт.

— Чтобы дерзить человеку, который запросто может отправить тебя целый месяц чистить картошку, нужно либо не иметь мозгов, либо выдающуюся храбрость, — холодно заметил Крюге. — Ты из которых?

— Из безмозглых, но наглых храбрецов, — не стал врать или скромничать я.

— Пожалуй ты достаточно, хм, храбрый, и вправду мог сунуться в Могильник... — нехотя признал капрал, беря в руки чистый лист бумаги и письменные принадлежности. — Как звать?

— Гжегож Бженчишчикевич.

— КАК?! — вспыхнул Крюге растерянно. — Вы что с Моргеном родственники? Братья по фамилии, не влезающей в одну строку?

— Шутка, Ота Кохэку меня зовут, — его эмоциональную реакцию я встретил показательно спокойно.

— Это последний вариант? — с намёком уточнил Крюге. — Третий лист ты будешь заполнять сам, рядовой, в перерывах от чистки картошки!

— Последний и самый правдивый.

Формулировка ответа явно смутила Крюге, но он ничего по этому поводу не сказал. Закончив заполнять бумагу, капрал вручил ее мне и сообщил:

— Завтра с самого утра ещё до построения сунешься с этим к интенданту. По идее он должен выдать тебе нашу униформу.

— По идее? — уточнил я, предчувствуя проблемы.

— Это тебе не Могильник, парень, тут всё куда жёстче. — Капрал кинул на меня взгляд, как бы говоривший: у нас тут война, вообще-то. — Учти, на построении присутствие обязательно, и форма должна быть в полном порядке, а не как... сейчас.

Крюге выразительно посмотрел на мою щетину. Я пожал плечами и, желая выяснить всё и сразу, продолжил расспросы:

— Без проблем, во сколько построение?

— В семь.

— А интендант...

— С девяти.

— Но...

— Крутись как хочешь, ты ж прошёл Могильник, — пожал плечами капрал. — Считаю это первым испытанием на пригодность.

Что-то мне подсказывало, что с этим поручением будут определённые проблемы пространственно-временного характера. Впрочем, на подобных аномалиях любая армейская структура всегда и стояла.

Решения здесь принимались задолго после их исполнения, задачи выполнялись так, чтобы не только удовлетворить первый запрос, но и сразу переделать «как надо», а любые исполнители обязаны были существовать как минимум в пятимерном пространстве.

Откланявшись, я вышел наружу и сразу же в кого-то врезался, да так, что повалил этого человека на землю.

— Смотри куда прёшь, дубина! — раздался знакомый, полный раздражения голос.

В моих ногах валялся никто иной как помощник Ноа Кейтлетт — Альт Цион. Вот уж кого точно не дёргали по поводу внешнего вида, так это его — выглядел он по меркам солдата ужасно. А по меркам адъютанта, то есть представителя важной шишки, и того хуже.

Не получив ответа, Альт поднял голову, желая посмотреть, кто его сбил, и замер, разинув рот. Двух толкований такой реакции быть не могло — он меня узнал. На нас уже косились окружающие, поэтому я по-дружески помог ему подняться, точнее поставил на ноги.

— Ну что ж ты, дружок, на ногах-то не стоишь! Кушаешь мало?

Цион в ответ только и смог что беззвучно открыть и закрыть рот. Пользуясь его ошеломлением, я хлопнул его по плечу, да так, что адъютант едва ли не полетел обратно на землю.

— Где здесь расположилась третья егерская, не знаешь?

Дрожащей рукой Альт рефлекторно указал куда-то вправо. Кивнув ему в знак благодарности, я помахал ручкой на прощание и отправился выяснять, где мне предстоит ночевать.

Что до Циона, то столкновение с ним меня мало беспокоило — сам он мне ничего сделать не может, а его рассказам о Рейланде Роре, притворяющимся «лунным», никто всё равно не поверит.

Уверен, даже если привести меня в порядок, надеть полагающуюся униформу и громогласно заявить, кто я такой, то всё равно половина будет сомневаться в правдивости сказанного, а вторая и вовсе воспримет ложью. Люди очень скрупулёзно относились к окружающей реальности, настолько, что порой выстраивали её самостоятельно, исключая «заведомо невозможные» элементы.

В этом я сумел убедиться позже тем же вечером, когда добрался до палаток, где расположилась третья егерская рота, и выяснил, где мне спать.

Не успело пройти и пяти минут, как ко мне подошла тройка солдат из тех, которые предпочитали воевать не с врагом на поле боя, а с более слабыми сослуживцами, лишний раз подтверждая тезис о том, что неизвестно, что возникло раньше — армия или дедовщина.

Некоторые почему-то считали, что если они оказались на Играх не в первый раз, а второй или третий, то это как-то их выделяет на фоне менее «заслуженных» братьев по оружию. Демонстративно потирая кулаки и похрустывая костяшками, ко мне подошёл их главарь:

— Ты кто такой, чо тут забыл? — Говорил он крайне специфично, сказывалось как отсутствие большей части зубов, так и куча переломов носа и челюсти.

— Рейланд Рор, служить с тобой буду, братишка, — понимая, что от моих ответов тут ничего не зависит и конфликта не избежать, ответил я, кося под дурачка.

— Кто?! Ты этот риверкросский хмырь? — удивился главарь. — Ну тогда я — королева.

— Что ж вас всех так тянет на эту бабульку... — буркнул я в сторону.

— Што ты там вякнул про мою мать?!

Вот именно поэтому я не особо думал над тем, что отвечать — это было абсолютно не важно. Моей надеждой было не предотвратить конфликт, а оттянуть его настолько, насколько возможно. Чем больше длится эта сцена, тем выше шанс, что мимо пройдёт какой-нибудь сержант и наведёт порядок. Правда, с той вероятностью к «дедушкам» могло подойти подкрепление, и мои дела станут ещё хуже, если такое вообще возможно.

Однако, пока мимо проходили только другие рядовые, которые на нас косились, но вмешиваться не спешили. Их логику легко можно было понять: трое на одного в драке так себе расклад, а получать тумачков за неведомо кого никому не хотелось.

Занимая такое положение, чтобы при нападении главарь загородил своим дружкам обзор, я ответил нараспев:

— Говорю, твою мать вдесятером не обнять.

По растерянности на морде солдата мне стало понятно, что шутка оказалась слишком сложной для него. Впрочем, суть происходящего была всё равно не в моём ответе.

На этот раз без лишних слов мне в район живота полетел кулак. Удар был хорошо поставлен и явно регулярно отрабатывался совсем не на мешках с песком. Впрочем, чего-то такого я и ожидал, поэтому сделал небольшой шаг назад, уворачиваясь и сразу же как получалось вмазал «дедушке» с левой в челюсть. Что-то хрустнуло и, судя по усмешке главаря, мне было больнее, чем ему.

— Шо, больно, ничего, сейчас...

Разговаривать во время драки идея плохая. «Дедушка» самолично в этом убедился, когда я, пользуясь заминкой, пнул его в то самое место, про которое каждый уважающий себя представитель мужского пола утверждает, что туда не бьёт.

Главарь с хрипом повалился на пол. Упреждая вмешательство его дружков, моя нога оказалась у него на груди, давя и мешая подняться. Я старался стоять так, чтобы держать в поле зрения всё происходящее.

— Ещё шаг в мою сторону, и ваш дружок отправится домой, — заметив, что один из нападавших всё же решил проигнорировать предупреждение, моя нога мгновенно оказалась на шее главаря. — Ну что, домой, братишка?

— Назад, он меня ща придушит! — прошипел главарь, паникуя.

Мне было неприятно всё происходящее, но иного выбора попросту не оказалось. Некоторые понимали только язык силы, а давать себя избить в мои планы не входило.

Неизвестно, чем бы всё завершилось, если бы не раздался новый, весьма неприятный голос вперемешку с сопением:

— Что тут, вашу мать, ПРОИСХОДИТ?!

Ковыляя так, будто у него обе ноги деревянные, показался сержант, настолько классический квадратно-гнездовой, что иначе как серж его называть не хотелось. Даже пахло от него соответствующе: лютая смесь из чеснока, табака и алкоголя.

Увы, первыми сориентировались в происходящем мои противники, которые тот же час принялись жаловаться:

— Серж Торук, он напал на Ясю!

— Прямо взял и напал, серж Торук, стал душить ни за что!

— Мы просто проходили мимо.

— А он выскочил и стал требовать от нас этих, как их... репатриаций!

Не знаю, что у меня вызывало большее удивление, то, что он знает такие словечки, или то, с какой скоростью они «переобулись». Хуже всего оказалось, что сержант им похоже был склонен поверить.

— Вот так взял и напал на троих, не успел толком разложиться? — пока до этого не дошло, я задал наводящий вопрос.

Это явно качнуло чашу весов в мою пользу, но ровно до тех пор, пока серж не посмотрел на меня с прищуром повнимательнее:

— Вы вообще кто такой, РЯДОВОЙ?

Мало того, что голос у него был противный, так вдобавок к концу фразы он повышал интонацию так, что едва ли не начинал повизгивать, что жутко резало по ушам.

— Рядовой Ота Кохэку, с сегодняшнего вечера служу в третьей егерской. У меня и справка есть!

— Меня не интересуют ваши БУМАЖКИ! — прокричал Торук мне в лицо. — Почему одеты не по ФОРМЕ? Вы солдат или, мать вашу за ногу, КТО?!

Похоже этот вопрос волновал его куда сильнее, нежели то, что здесь происходило. Такая избирательность удивила не только меня.

— Эй, серж Торук, а ничо, шо он меня тут душыд? — подал голос главарь нападавших, до сих пор лежавший с моей ногой на груди.

— ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ! — рявкнул сержант. — Сначала форма, затем всё остальное, ЯСНО?

— Хорошо-хорошо, я никуды и не тороплюсь, обожду.

— Так где ваша форма, РЯДОВОЙ? — повторил свой вопрос Торук.

— Не успел получить, завтра к построению всё будет, капрал Кей разрешил! — отчеканил я.

Упоминание капрала вызвало у сержанта странную реакцию, словно тот сильно ревновал:

— Я здесь ВЛАСТЬ! ЯСНО?

Похоже все две извилины, что были у него в голове, сейчас оказались заняты именно тем, что кто-то посмел покушаться на его авторитет.

— Конечно, незачем так волноваться.

У меня действительно вызывала опасение такая реакция сержа. В основном за его

здоровье. По виду он был в предынсультном состоянии, во всяком случае его лицо стало уже не просто красным, а, кажется, светилось в темноте.

— Что у вас с оружием, РЯДОВОЙ? — он указал на мою саблю формы морской волны.

— Это специальная модификация, чтобы обходить блок, серж!

Мою шутку, увы, не оценили.

— Я не себе не серж, ГНИДА! Шагом марш к интенданту получать форму и оружие **БЫСТРО!**

— Он ещё на месте?

Увы, спрашивать тоже было ошибкой.

— Не **СПРАШИВАТЬ!** Не **ДУМАТЬ!** Бегом **МАРШ!** И чтоб через полчаса, рядовой, в были в надлежащем **ВИДЕ!** — Не успел я отойти и на пару метров, как сзади донеслись новые крики — это сержант взялся за напавших на меня. — Двадцать кругов вокруг лагеря, **ЖИВО!**

Всё же некоторые люди буквально рождены для своей профессии или в данном случае звания. Вряд ли Торук на самом деле понял, что происходило между мной и «дедушками», однако он на уровне рефлексов знал, что делать. Это и есть настоящий профессионализм. Это же и относилось к моей униформе: накажут криком меня, а вот спросят по итогу с него.

Мне каким-то чудом и вправду удалось получить новенькую униформу, ровно такую же как та, что сейчас была на мне, но порядок есть порядок. Правда эта оказалась слишком большого размера, но в этом ничего удивительного не было. Наверное, не существовало такой армии во вселенной, где солдату бы доставалась униформа нужного размера. Как не существовало новобранцев, которые бы самостоятельно догадались её подшить.

Последнее мне стало понятно после того, как по возвращению встретил Торука на том же месте и примерно в том же предынсультном состоянии от гнева. Отвлекаясь от какого-то несчастного, который сразу же куда-то убежал, видимо, наворачивать круги вокруг лагеря, сержант сразу заорал так, будто я был глух на оба уха:

— Форму к утру подшить, РЯДОВОЙ. Вы солдат **ТОФХЕЛЬМА!** Гордость и разочарование всего **КОРОЛЕВСТВА.**

Последнюю фразу так и тянуло уточнить:

— Вы хотели сказать оплот?

— **РАЗОЧАРОВАНИЕ, ВОТ ВЫ КТО!** — повторил Торук так громко, что наверняка его было слышно и в Риверкроссе. — Бегом марш изучать **УЖИН!** А потом есть **УСТАВ!**

— Разве...

— Не разве. Если вы завтра не будете знать устав, рядовой, на зубок, я вам устрою весёлую **ЖИЗНЬ!**

Это смахивало на своеобразную заботу, но упоминать об этом я не стал — так недолго тоже отправиться нарезать круги вокруг лагеря. Кроме того мне практически там же выдали миску похлёбки, что-то вроде чая, сваренного по рецепту «немного воды, листик травы, остальное залить водкой и подогреть», а также бритвенные принадлежности, позволившие привести морду в состояние лица.

После недельного путешествия по горам этого было достаточно для того, что, если бы у меня сейчас потребовали дать присягу на верность «лунным» и лично Ноа Кейтлетт, я бы сделал это не раздумывая.

Когда я расправился с ужином, подшил форму, мне ничего не оставалось, кроме как отправиться спать. Делать этого откровенно не хотелось, хотя усталость давила на плечи

пудовой гирей.

Всё дело было в снах. Если в тех из них, в которых мы с Ноа бродили по горам вместе, я чувствовал, что теряю самого себя, но хотя бы остаюсь кем-то крайне похожим по сути, то в другой версии всё было значительно хуже. Та версия меня стремительно несла под откос, и, как подсказывала интуиция, окончательный момент перелома, когда от Ота Кохэку в этом человеке не останется ничего, кроме имени и фамилии, был уже очень близко.

Возможно, мне предстояло увидеть это уже ночью.

Прозрение

Альт очень аккуратно, словно кот, поскрёб в дверь своей командующей. Осторожность была не напрасной — он прекрасно знал нрав Ноа, как и то, что если зайти в неудачное время, то его больше никто и никогда не увидит. Учитывая наступившую ночь, такая вероятность, по мнению Циона, была весьма вероятна. Впрочем, Кейтлетт оказалась занята совершенно иным делом, а именно полировала свою любимую рапиру и похоже спать пока не собиралась.

— Где ты шлялся? — раздраженная его задержкой, спросила Ноа. — Передал моё сообщение Галлену?

— Э-э-э, не совсем, — растерянно начал адъютант.

— Что такое уже? — мрачно осведомилась Кейтлетт.

— У него в палатке я встретил Кайла Расса, — рассказал Альт.

Ноа недоверчиво подняла голову, прервав полировку.

— Он должен быть на юге — я отослала его туда.

— Но Кайл здесь, они с Галленом что-то горячо обсуждали, — рассказал адъютант. — Кажется, по поводу битвы.

— Галлен и Расс? Мне с трудом в такое верится, ты обознался.

— Но...

Кейтлетт его возражения слушать не стала, вернув разговор в первоначальное русло:

— Почему сообщение не передал?

Весь день Ноа только и занималась тем, что гоняла к Галлену Альта по любому поводу. Во-первых, это ей нравилось; во-вторых, не нравилось Анри; в-третьих, и самому адъютанту тоже было неприятно безостановочно бегать туда-сюда, что опять же нравилось Кейтлетт.

— Галлен сказал, что слишком занят, — рассказал Альт.

— Мха, как обычно, — презрительно фыркнула Ноа. — И где тебя тогда носило весь вечер?

Уже заранее понимая, как это будет выглядеть после предыдущей новости, адъютант принялся осторожно подбирать слова:

— Э, по дороге обратно, в районе штаба третьей егерской, я встретил Рейланда Рора.

На этот раз Кейтлетт смотрела на него куда дольше и даже принялась.

— Ты что, пил? — уточнила она мрачно.

— Нет, говорю же, я их видел!

— Кого ты ещё видел? Рыцаря Розы? Короля? Бабушку короля? — перебила его Ноа. — Ой, лучше возьми фонарь и ещё раз сходи к Галлену.

— Ни за что! — категорически отказался Альт. — Он и так вlepил мне два дежурства по кухне за прошлый раз!

— Не любишь мыть посуду? — ехидно спросила Кейтлетт.

Вспомнив главную кухарку, Цион поёжился и признался:

— Не люблю Доброву...

— А по-моему, вполне милая женщина размерами с тот мой шкаф, — пожала плечами Ноа, — хорошего же человека должно быть много, да?

— Именно поэтому вы такая м... — начал Альт, косясь на женщину весьма небольшую куда ни глянь.

Прерывая фразу на середине, мимо его уха, буквально в сантиметре просвистела брошенная рапира.

— М-м-милая, — испуганно закончил адъютант.

— Верный выбор, — хмуро прокомментировала Ноа.

Альт осторожно подал ей рапиру и на всякий случай отошёл подальше. На счастье адъютанта, Кейтлетт уже и думать забыла о его словах, переключив своё внимание на другое:

— Говоришь, видел Расса? Здесь? Как он оказался здесь так быстро? — даже не подходя к карте, Ноа озадаченно вспомнила. — Мы же обвалили единственный проход севернее дороги...

— Единственный по картам, — заметил Альт. — Расс может знать иные.

Ноа кивнула, соглашаясь с ним, и предположила несколько иное:

— Или ему кто-то помог. Что ему надо от Галлена и почему тот вообще стал с ним связываться? Вот уж кто-то, а наш «непобедимый» тщательно выбирает с кем говорить. Боится запачкать руки.

— Не уверен, но, по-моему, они обсуждали дальнейшие манёвры «солнечных», — предположил адъютант на основании тех нескольких фраз, что успел услышать. — Расс уверен, что те пойдут к башне.

— Конечно, пойдут, — не видя в этом чего-то такого, пожала плечами Кейтлетт. — Обе реликвии-то у них.

— Мне показалось, что Галлен хочет устроить там битву, возле Саума в смысле, — добавил Альт совсем тихо.

— Это объясняет, почему наш план такой дурацкий, — мгновенно сопоставило одно с другим Ноа. — Похоже старому петуху простой победы уже недостаточно, и он хочет заполучить звание спасителя отчизны.

— Хм, мы будем пытаться этому помешать? — Альт хмыкнул, размышляя, к чему это может привести. — Это будет означать, что нам нужно проиграть Рору. Дважды.

— Знаю, поэтому и не уверена, — сомневаясь, Ноа прошла по палатке, а затем посмотрела на рапиру у себя в руках и погладила пальцем королевскую печать на рукояти. — Эту рапиру мне вручил король за прошлые Игры. К сожалению, я потеряла оригинальные ножны. На них была надпись: «Самой храброй и стойкой женщине Тофхельма».

— За ту битву в конце? — припоминая, что читал об этом в газетах, спросил адъютант.

— Да, мясорубка, шедшая с самого утра и до вечера.

Альт действительно читал об этой битве. Кейтлетт и Рор сражались практически целый день кряду. Обе стороны допустили целую кучу ошибок, особенно к концу дня, однако победила всё же Ноа, чьи войска оказались устойчивее солдат Рейланда.

— Это я к чему, — продолжила Ноа, — Галлен мерзавец, подлец и карьерист. Но он желает победы Тофхельму, пускай даже в своих интересах. Вставать на сторону Рора, только для того чтобы отыграться, будет неправильно. Мы солдаты, Альт, а не детишки. Это означает, что для нас долг перед родиной должен быть превыше личных обид. Даже если это означает сотрудничество с Галленом.

— Вряд ли он оценит вашу преданность, — въедливо отметил адъютант.

— Мне плевать на то, что Галлен оценит. Я служу не ему.

— Но подчинены вы ему, а он в свою очередь — эгоизму. До страны...

— Следи за языком. Ещё немного, ты и меня обвинишь в измене родине! — Ноа оборвала его на полуслове.

— Нет, ещё немного, и я обвиню в измене Галлена, — едко ответил Альт.

— Кому же?

— Своему эго.

— Хех, неплохо, — Кейтлетт оценила такой ответ улыбкой. — Можешь быть на сегодня свободен. Завтра жду тебя с самого утра на этом «докладе».

****«Безумие рождается в головах тех, кто не доверяет снам»*

Закончив все свои дела в Яое, убедившись, что солдаты чем-то заняты, я возвратился обратно в наше расположение. Лагерь встретил меня какой-то странной тишиной. И дело было совсем не в том, что стояла поздняя ночь. Сегодня всем было не до сна. Те немногие люди, что остались в тылу на время битвы, расступались передо мной с виноватым видом и опускали глаза. Глядя на это, я хотел плохо пошутить, но сердце щемило от предчувствия чего-то ужасного.

Если не считать странной реакции на моё появление, внешне всё было в порядке. Тыловая жизнь текла своим привычным чередом: ругались кухарки, толстый прапорщик потирал в предвкушении ручки, думая, как получить напоследок жалование за всех погибших, носильщики понуро таскали туда-сюда ящики с захваченным скарбом.

Такая обыкновенная, привычная глазу и уху текучка лагерной жизни немного подбодрила меня: похоже, Кейла Ресса здесь не было. Однако ощущение тревоги и не думало меня покидать. Надо поскорее найти Миюми и расспросить её, что здесь произошло и почему народонаселение так подавлено.

Впереди показалась моя палатка. Внутри даже свет горел, значит, меня кто-то ждал. Живот в предвкушении заурчал, явно намекая, что этому «кто-то» неплохо было бы позаботиться об позднем ужине, ну или раннем завтраке.

— С победой меня! — сказал я, распахивая двери.

Увы, такая хорошая фраза ушла в никуда — внутри было пусто. Точнее, мне показалось, что пусто. Далеко не сразу я заметил в привычном бардаке, что вообще-то стул не должен лежать вверх тормашками, а на столе не место следам, словно его рубили чем-то острым. А ещё из-под него торчали ноги, будто там лежало тело.

Сердце моё пропустило сразу несколько ударов, когда я узнал обувь Миюми. Сзади подошёл кто-то из лагерных сидельцев, трясаясь от страха и рассказывая:

— С-сэр, м-м-ы не успели чем-то помочь, он словно возник из ниоткуда... и сразу же исчез...

— Почему мне не сообщили? Почему не прибрались?! — накинулся я на тыловика так, будто это был сам Кейл Ресс.

— М-мы боялись, что вы разозлитесь на нас за вмешательство в ваши вещи. Ничего же не пропало, ну, кроме вашей адъютантки...

«Пропала» — вот как. Не убита, не погибла, а «пропала», будто это не она лежала вот там.

— Прочь! Все вон, оставьте меня!!! — крикнул я, да так, что разбежались все в радиусе нескольких сотен метров.

Разгадать, что же тут произошло, не составляло никакого труда. Кейл не стесняясь вошёл через дверь, наверняка он рассчитывал, что здесь будет пусто, однако это оказалось не так. Вон в углу лежит поднос с простенькой едой — Миюми и вправду приготовила мне

ужин. Девушка, видимо, наводила порядок в моих вещах, когда вошёл Ресс. Завязался ли бой сразу же или моя помощница решила любой ценой защитить реликвию, не оставив Кейлу иного выбора, кроме схватки — гадать можно было сколько угодно. Я склонялся ко второму варианту, однако, зная натуру Ресса, тот вполне мог и убить её, просто чтобы насолить мне.

Бой Миюми приняла, вооружённая своей оглоблей, то есть моим штандартом — вон он валяется с парой зазубрин на древке. Толку от этой здоровенной палки и в обычное время было немного, не то что в тесноте помещения. Судя по тому, что разгром был минимален, схватка длилась хорошо если пару секунд. Девушка оказалась обезоружена, попыталась сбежать, но не смогла.

Ноги словно застыли, но я всё же нашёл в себе силы подойти к столу. Вот и сама Миюми. Вид у неё такой, как будто она спала. В каком-то смысле так оно и есть — магия Игр всё ещё действовала, а значит, с ней всё будет в порядке.

— Почему? Почему ты здесь оказалась? — сам не зная зачем, спросил я.

Моя помощница ничего не могла мне ответить, поэтому за неё высказался голос Ноа:

— Потому что ты побоялся взять её на поле боя. Потому что она верила в тебя до такой степени, что решилась на заведомо проигранный бой. Потому что она тебя лю...

— Прочь из моей головы! — безумно крича и хватаясь за оружие, проревел я.

— Или что?

— Однажды мне удастся найти способ с тобой расправиться, — пообещал я мрачно.

Наваждение нигде не показывалось, но судя по тону следующей фразы, улыбалось оно во весь рот:

— Удачи, только совершённых тобой ошибок это не исправит.

После этого повисла тишина — моя персональная Ноа отключилась. У меня вдруг появилась апатия ко всему. Не в силах устоять на ногах, я не то сел, не то просто упал рядом с Миюми. Хотелось всё бросить и уйти.

«Плевать на Игры, на этот мир, на всех наплевать. Пускай идут к черту!» — мне хотелось, как никогда ранее, всё бросить и уйти. — «Полный лагерь людей и никто, никто кроме хрупкой девушки, которая трёх метров не могла пройти, чтобы не споткнуться, не попытался защитить реликвию. Им не хватило не то что смелости сообщить мне об этом в лицо, но даже мозгов отправить посланца! Ради этого я сражаюсь? Ради вот этого?!» — пришла мне в голову мысль, а за ней осознание. — «Нет! Нет-нет-нет! Это всё пыль — маленькая неудача. Моя цель куда больше, важнее! Этот мир полон трусливых слабаков и людей им сочувствующих. Они забыли, что значит думать головой. Заменили себе мозги надуманными идеалами!»

— Много ли чести, Ноа, в том, что произошло здесь сегодня, м? — спросил я у наваждения, но оно, конечно же, не ответило. — Это твой идеал войны?

Ещё раз посмотрев на лежащую Миюми, я, преисполненный полной решимости, поднялся. Меня и до этого не особенно что-то сдерживало, но теперь... посмотрим, как мои противники будут сражаться с тем, кому нечего терять.

Там, за пределами Игр, куча людей только и думала о том, как посадит меня в клетку и на потеху публике осудит. Я покажу им, что думать надо было о другом. Докажу, что не всё так просто. Что зверь опасен, и его нелегко упрянуть в клетку.

«Настало время последнего рывка к лучшему миру! Моему миру!»

Тот же час по моему приказу вызвали Эльта. Капитан появился на удивление быстро или, возможно, мне так показалось, ведь я был целиком погружен в свои мысли. Прибыл он

не один, а в компании Леона, который похоже посчитал, что случилось что-то важное.

На их лицах, когда они увидели палатку, было одно большое удивление на двоих, но ничего объяснять я не стал, сразу перейдя к приказам:

— Замок Яой должен сгореть. Дотла, так, чтобы даже камень оплавился.

— Командующий, это... — начал спорить Леон.

— Вас не вызывали сюда, граф! — криком перебил его я, окончательно устав от него. — И ваше мнение на этот счёт мне безразлично. Эльт, вы всё поняли?

— Так точно, — вытянувшись по струнке, отсалютовал мне Гоа.

— Отлично. Ступайте немедленно. К рассвету я хочу, чтобы это это место сгорело.

Дотла...

Понуро стоя на том же холме, с которого всё началось этой ночью, я смотрел на округу. Давным-давно должен был наступить рассвет, но всё заволокло дымом. Вдалеке, освещая всю округу, бушевал пожар. Нет, горел не лагерь — он к этому времени выгорел дотла и теперь лишь слегка дымил.

Пылал Яой. По моему приказу из крепости вынесли всё, что смогли, а затем подожгли. Мне хотелось дать «лунным» чёткий сигнал о том, что сегодня произошло — любое сопротивление мне бессмысленно и будет жестоко караться.

Ещё вчера эта крепость и лагерь вокруг казались такими неприступными. Последняя преграда сил света перед безграничной тьмой, хех. Теперь же всё сгорело.

Горела и моя душа. Кейл Ресс действительно побывал у меня в лагере. Будь он умнее, сжёг бы его или перебил там всех, но предатель поднял оружие только на одного человека. На единственную, кто пытался защитить реликвию во что бы то ни стало. Миюми больше не было. Я не сдержал своё слово и не сумел её защитить.

Горела моя душа и по другому поводу. Её жгло осознание всего произошедшего. Всё это просто не могло быть случайностью. Таких случайностей не бывало! Судьба, вот что это такое. Сегодняшняя ночь всё расставила по своим местам. Мне было уготовано оказаться в этом мире, чтобы изменить его к лучшему. Сжечь, если это необходимо.

Без Миюми меня больше не волновали Игры. Пускай Кейл Ресс делает что угодно со своими реликвиями, эти безделушки абсолютно бесполезны. Моему новому миру не нужен будет весь этот цирк.

Тем не менее путь мой всё также будет лежать к башне. Горящий Яой это, конечно, хорошо, более чем ясный сигнал всем тем, кто всё ещё надеется упрятать меня в клетку. Однако миру нужно послание поярче, и у меня имелась идея, как его подать. Кейл Ресс окажется там очень кстати. Я не только отомщу, но и с его «помощью» завершу Игры навсегда. Но перед всем этим необходимо было избавиться от тех, кто мог помешать мне изнутри. Такие, к сожалению, ещё оставались.

Я обернулся к своей армии, выстроившейся у подножья холма. Несмотря на крайнюю усталость, никто и слова не сказал против. Без сил, закопченные, потерявшие этой ночью товарищей, но всё ещё верные мне.

Посередине между армией и мной кучкой стояли старшие офицеры, куда как менее единодушно воспринимающие происходящее. Многие из них до сих пор колебались, цепляясь за старую реальность, которая с каждым днём становилась всё более фантастической.

Простым решением было бы просто убрать тех, кто смел противиться, вроде Леона,

однако это привело бы лишь к тому, что в сердцах остальных поселился бы страх за свою шкуру. Нет, они нужны были все до единого. Даже граф.

С него я и решил начать. Граф Сайрас долгое время был главным моим оппозиционером, и потому переманить его на свою сторону означало сильно пошатнуть позиции всех сомневающихся. Шёл Леон устало, ничуть не скрывая, что ему не нравилось происходящее.

— Вы сошли с ума, — сообщил он мне в лицо без всяких прелюдий.

Несмотря на всё происходящее, граф нисколько меня не боялся. Это как минимум вызывало уважение.

— Нет, Леон. Напротив, я прозрел. Увидел, в каком несовершенном мире мы с вами живём.

— Что? Да вы точно рехнулись! — вспыхнул граф. — То, что вы делаете, ужасно...

— Увы, новый мир не построить, не разрушив предварительно предыдущий, — я коварно улыбнулся. — Скажите, неужели, вешая тогда Шинку, вы задумывались над тем, что это ужасно?

Леон опустил глаза. Его губы дрожали.

— Посмотрите на вещи реально — система не работает. С чего начались эти Игры? «Солнечные» проиграли по всем фронтам за неделю! За неделю, Леон! А я выстоял, вы выстояли, все мы выстояли. Разве подобное положение дел вас устраивает? — мне пришлось в голову повесить голос так, чтобы его слышали и остальные тоже. — Вас устраивает недоросль на троне, который ни разу не был на Играх, указывает вам, мне, остальным, что и как нам делать? Перед которым вы отчитываетесь, словно мальчишка?

— То, что вы задумали, обернётся массой жертв... — стоял на своём граф.

— Увы. Но какова альтернатива? Жить в цепях, надеясь, что однажды на троне окажется кто-то без эха в голове? И что потом? Все смертны, на его место сядет очередной идиот с якобы кровью другого цвета. Не лучше ли попробовать всё изменить сейчас? Будущие поколения нам будут только благодарны. Вы же умный человек, Леон, вы-то должны это понимать.

— То, что вы делаете, Рейланд, тоже очень далеко от идеала, — сообщил Леон с вызовом.

— Да, никто не идеален, даже я. Так помогите мне, подскажите, где надо, укажите на ошибку. Вы на протяжении всех Игр только этим и занимаетесь! Так почему бы не применить ваш талант к чему-то действительно стоящему? Сгладьте углы там, где это необходимо. Только не в угоду юнцу на троне, а ради нового мира... — прежде чем закончить фразу, я слегка сбавил голос, так, чтобы никто лишний ничего не услышал. — Со мной Шинку бы отправился на виселицу ещё два года назад. Как и прочие. Вы это очень хорошо знаете.

Леон удивлённо на меня посмотрел, не веря своим ушам. Его явно раздирали противоречия. Желая подтолкнуть графа в нужную сторону, я продолжил свою речь, хотя конкретно к нему и не обращался:

— Вы сомневались во мне с первого же дня, а теперь посмотрите, какой путь мы вместе прошли. Хотите отступить теперь? Я-то вас отпущу, мои солдаты тоже, но примут ли вас на «другой» стороне? Вы теперь для них опаснее самого лютого зверя, потому что посмели вместе со мной бросить им вызов.

Граф растерянно оглянулся в сторону солдат, затем окинул взглядом горящий Яой.

Наконец он сказал:

— Нет. Пускай меня посадят в клетку, но с вами, Рейланд, мне не по пути. Ваш новый мир... это безумие и ничего более.

— Что ж, тогда ступайте, — мрачно вздохнув, отпустил его я. — Только не рассчитывайте потом на пощаду.

— Вашу «пощаду» мне уже доводилось видеть, — едко возразил граф. — Поэтому нам и не по пути.

На этом он ушёл. Молча, один, бросив все свои вещи и похоронив мои надежды сохранить единство армии. Впрочем, так ли был нужен мне этот нытик? Гораздо важнее, чтобы за ним не последовали остальные офицеры.

Леон не единственный из них, кто осмеливался мне возражать. Был ещё Лой Ноктим. Он, подобно графу, не слишком одобрял происходящее. Старый капитан встретил меня усталым взглядом человека, который не хотел дальнейшего разговора.

— Как так вышло, Лой, что мы с вами оказались по разную сторону баррикад? — поинтересовался я, делая вид, что обижен.

Капитан выразительно посмотрел в сторону горящего замка, пыхнув дымом.

— Разве... — начал я.

— Я здесь ради Игр, Рейланд, — не дал мне договорить Лой Ноктим, — а вы превратили их в нечто из моих кошмаров. Может, делаете вы и правильные вещи, но методы всё портят. — неожиданно он сорвал с себя знаки различия и кинул их мне. — Хотите сжечь этот мир? Жгите, но без меня.

Сказав это, он развернулся и медленно пошёл прочь. Этот удар был уже куда болезненнее. Мне хотелось догнать его, попробовать убедить, но что-то меня остановило. Осознание, что я не смогу переубедить этого упрянца, только впустую потрачу своё время и выставлю себя не в лучшем свете.

«Пускай идёт, с ним или без него, меня уже не остановить».

— Вот теперь ты точно остался совсем один, — раздался у меня за спиной голос Ноа, которая зачем-то будто бы шептала мне на ухо.

Не обращая на неё никакого внимания, я повернулся к своим солдатам, которые хоть и стояли в растерянности, но расходиться не спешили, и тихо ответил:

— Нет. Не нужны мне Леон, Кай или ещё кто. Пускай катятся ко всем чертям. Они и раньше были по большей части на побегушках, так что справлюсь и без них. Солдат предостаточно, мои мозги всё ещё у меня, мне благоволят сами боги, разве нужно что-то ещё?!

— И из-за этой башни весь сыр-бор? Мне казалось, что она будет внушительнее... — осматривая Саум в подзорную трубу, фыркнул я сам себе.

Я видел гигантскую каменную палку, воткнутую непонятно кем и зачем, с кратером вокруг, на краю которого сейчас находилась моя армия.

«И вот эта звенящая пошлость — религиозный центр местного мира? Впрочем, какой мир, такой и центр».

— Спускаемся, командующий? — поинтересовался Гоа.

— Нет, Эльт, слишком поздно. Завтра. Разбивайте лагерь, буду у себя. — Разминая затёкшие плечи, я побрел туда, где было некое «у себя».

Без присмотра Миюми моя палатка вполне ожидаемо превратилась в свалку. Искать

замену девушке было некогда и не из кого. Мне вполне хватало, чтобы у меня имелись стол, стул и кровать.

Ел я, когда была такая возможность и прямо там, одевался по методу «кота в мешке». Зато отпала необходимость в зеркале: чего в него смотреть, если картина день изо дня становилась только хуже.

Казалось бы, у меня должна была освободиться огромная куча времени, но нет. С уходом офицеров работёнки значительно прибавилось. Хоть мне и до этого приходилось регулярно сравнивать своих солдат с детьми, то всё же была шутка. Как оказалось, реальность не сильно далеко ушла.

Вот и сейчас, не успел я отдать приказ разбивать лагерь, как ко мне потянулись с вопросами. Первым был какой-то недавно назначенный офицер. Таких в моей армии разом образовалось очень много.

Изначально мне показалось это неплохой идеей, но практика оказалась куда печальнее. Всё же для этого требовался не только опыт, нельзя было просто взять толкового солдата, сказать ему: «Теперь ты тут чуть главнее остальных» и надеяться, что всё будет хорошо.

— Командующий, как нам быть? Наши палатки вчера промокли из-за дождя! — сообщил мне один из тех, кто недавно получил повышение. — В них невозможно спать, а просушить днём мы не успели...

— Почему не накрыли брезентом? — удивился я.

— Но это же долго! — возразили мне бестолково.

— Возьмите, если есть, из запасов. Надеюсь, это научит вас правильно ставить палатки. Свободны. Следующий.

Следующий солдат был без знаков отличий и в потрёпанной униформе. Ещё одна головная боль — моя новоиспечённая гвардия. Будь у меня кто-нибудь вроде Леона, управление ею можно было свалить на него, но без графа управлять приходилось лично.

«И когда этот бесполезный брюзга успел взять на себя столько моих обязанностей?»

— Командующий, списки тех, кто хочет пополнить ряды гвардии. Как вы и просили, — доложили мне.

— Как-то тут многовато... — я скептически осмотрел грудку бумаги, которую вывалили предо мной.

— Тут все, сэр! — отчеканил гвардеец.

— Я не сэр, и что значит "все"?

— Вся армия решила записаться в гвардию!

— Э, даже Эльт, что ли? — я полез рыться в бумаги.

— Так точно, с... командующий!

Не доверяя услышанному, я бегло прочитал несколько листов. Списки и вправду выходили поименными, только что не в алфавитном порядке. Инициатива, конечно, заманчивая, однако вряд ли полезная, скорее наоборот.

— Примите только тех, кто тогда выручал Лоя Ноктима, — отмахнулся я, но судя по растерянному виду солдата с этим тоже имелись проблемы. — Что, все говорят, что участвовали, даже Эльт?

— Так точно.

Не сдержавшись, я простонал. Как же меня это всё достало! Хотелось быть стратегом, тактиком, а приходилось становиться банальным бюрократом.

— Всем, чьи подразделения после битвы остались целыми, с офицерами и прочим —

отказать и вернуть по месту прописки. Остальных, так и быть, принимайте. Свободны.

Окинув взглядом следующего, я понял, что мне это надоело. Не успел вошедший сказать даже слово, а у меня уже болела голова:

— Что там ещё у вас? А, не важно, разберитесь сами каким угодно способом. Остальных это тоже касается. Все прочь!

Солдат не ушёл, а только странно на меня посмотрел и упрямо сообщил:

— С-сэр, у нас проблема с при...

— Не сэр, а командующий! — зло крикнул я. — Прочь! ВОН!

На этот раз солдат выполнил моё требование сразу же и без возражений. Оставшись наедине с собой, я облегчённо выдохнул.

«Ничего, завтра это всё закончится. Кейл Ресс с небольшим отрядом «лунных» в долине Саума, нагнать его, разбить и подняться на башню, а там пойдёт куда легче».

— Да, и что же ты собираешься делать после?

Ноа привычно появилась там, где, как мне казалось ещё пару секунд назад, было абсолютно пусто. На этот раз на груди хлама, под которым по идее располагалась моя кровать.

— Изменить весь этот мир, — зачем-то ответил я.

— Каким таким образом? — осведомилось наваждение, преисполненное скепсисом. — С кучкой этих голодных, уставших бедолаг, что ли?

— Неважно, сколько их, важно, что каждый предан мне до последнего вздоха!

— Хм, ну это, конечно, многое меняет, — Ноа грустно улыбнулась. — Интересно, а они сами в курсе, что ты собираешься отправить их на верную смерть, причём буквально?

— Это не важно. Мои солдаты готовы, если надо, даже погибнуть. А вот их противники — нет.

— Любопытно, и на основании какого бреда ты сделал такое умозаключение? — удивилось наваждение.

— В смысле? — я тоже удивился, но уже тому, что часть меня не понимала очевидных вещей. — Они же постоянно разбегаются!

— О, ты просто не давал им повода стоять насмерть, — уверенно ответила Ноа.

— Побеждал раньше, смогу победить и сейчас. На моей стороне провидение и мой ум.

— Знаешь, мне вспоминается одна фраза. Ты её слышал, но не помнишь, где именно. Кхм. Каждому нужно, чтобы в трудный момент кто-то сказал: «Не бойся, я рядом». В идеале, чтобы это был не начальник отделения полиции и не санитар психиатрии, — Ноа внезапно оказалась прямо передо мной, заслоняя весь обзор. — Твой ум уже две недели шлёт тебе меня, как думаешь, с ним всё в порядке?

Её голос неожиданно стал громоподобным и звучал словно отовсюду.

— Как закончу, выплюсь нормально, и тебе конец, — заявил я, не очень уверенный, что оно так и будет.

— Ну-ну, — наваждение хитро улыбнулось и вдруг исчезло. — Кстати, по поводу сна...

Неожиданно в палатке раздался голос:

— Командующий, командующий! Вы в порядке?

Я понял, что сижу у себя в кресле и смотрю в пустоту, а передо мной не Ноа, а кто-то из моих подчинённых. Из-за всей чехарды воспринимать кто из них кто, у меня давно уже не получалось, только отдельные эмоции. Этот, судя по виду, был весьма встревожен.

— Что такое? Я же сказал, меня не беспокоить...

— Командующий, но уже полдень, время выступить! — сообщили мне растерянно.

— Что? — моргнув, я понял, что в палатке действительно как-то светловато для вечера.

«Вот так номер!» — где-то вдалеке раздался противный моим ушам смех Ноа.
«Проклятье! Неужели я сам не заметил, как уснул? Мда, а по ощущениям как будто и не спал вовсе...»

Тем не менее важно было держать себя в руках:

— Время так время. Просто заработался. Пришлите ко мне кого-нибудь с, эм, завтраком, и людей, чтоб палатку собрать.

— Командующий, с завтраком есть проблемы, — сообщил мне гвардеец растерянно.

— Что ещё?

— Припасы сгнили.

— Что?! Как? Когда? — разозлился я.

— Вчера. Кто-то не досмотрел, и их залило дождём, солдаты попытались просушить на огне, но сделали только хуже.

— Почему мне не доложили...

Для того, чтобы понять причину этого, даже не нужен был полный укора взгляд солдата. Ведь я сам отослал человека, который собирался мне об этом доложить. Оставалось лишь уточнить масштаб проблемы:

— Много сгнило?

— Э, не уверен. На утро нам хватило, но...

— Тогда ладно. Что ещё мы потеряли? Порох? Ружья?

— Никак нет, командующий, с ними всё в порядке.

— Отлично, — я облегченно выдохнул, решив, что беда миновала. — Тогда ступайте.

— Прислать кого-нибудь за палаткой? — осведомился мой подчинённый.

Я осмотрел разгромленное помещение, и мне показалось уместным отмахнуться, мол: «делайте, как хотите». Смысла цепляться за вещи в такой день не было никакого.

Когда солдат вышел, я осторожно встал. Ноги болели, словно после длительного марша. Руки были ничуть не лучше, как будто налились свинцом, а уж голова раскалывалась так, будто по ней били чем-то тяжёлым.

Собравшись с силами и решив, что еда нужна только слабым духом, пришла пора выйти наружу. Наружа встретила меня полуденным солнцем, полным лагерем не знающих чем себя занять людей и Гун-Гуном, ожидающим меня. Выглядел и вёл себя чудак как-то странно. Ну, по его меркам, так-то это был, наверное, первый случай за всё это время, когда он был собран и серьезен.

— Гун-Гун уходит, — бросили мне пренебрежительно.

— О как, почему? — удивился я.

— Знаю, что ты хочешь сделать, и не собираюсь помогать, — чудак мне подмигнул.

— Почему же не ушёл раньше?

— Отсюда ближе идти домой, — ехидно сообщил Гун-Гун.

Мне вдруг стало очень тошно. Если тебе так со мной не по пути, то к чему весь этот цирк? Леон и прочие ушли молча, а этот решил в последний момент устроить мне сцену.

— Не задерживаю. Только не обижайся потом...

Чудак остался равнодушен к угрозе:

— О, Гун-Гун спокоен. Ведь не будет никакого «потом».

Оставив меня в полной растерянности, он медленно поковылял прочь.

— Трус! — нашёлся я, пускай и не сразу.

Гун-Гун остался равнодушен и к этой реплике, только как-то странно на меня посмотрел через плечо. Почему-то мне показалось, что он хотел сказать, что быть трусом — не самое худшее, что могло случиться с человеком.

«Самое ужасное во сне — увидеть свои ошибки»

Плохие новости по одиночке не ходят, только табунами, поэтому, не успел Гун-Гун свалить ко всем чертям, как прибыл вестовой.

— Командующий, разведка просила передать, что в семи часах от нас крупная армия «лунных»! — доложил он почему-то сильно растерянно.

Это его поведение вкупе со странным речевым оборотом заставили меня подозрительно уточнить:

— Что значит «просила» передать?

— Ну, вы... — совсем «поплыл» вестовой, — спали, и мы...

— Когда это было? — раздраженно спросил я.

— Когда вы спали или...

— Когда пришло донесение, идиот! — злясь, прикрикнул я.

— Пять часов назад, командующий! — вытянувшись по струнке и дрожа как лист на ветру, доложил вестовой.

Мне вдруг захотелось его убить. Очень-очень сильно захотелось. Увы, на это банально не было времени. Если это те «лунные», о которых я думал, то мне следовало как можно скорее отправляться к башне.

Ещё возле Яоя мне докладывали о армии «лунных» во главе лично с королём. Кажется, они прибыли откуда-то с юга и поэтому так задержались. Очередные отборные части, лучшие из лучших и прочий сброд, который разбежится, стоит мне изменить одно маленькое правило происходящего.

Я собирался завершить Игры, желательно раз и навсегда. Посмотрим, как эти «гвардейцы» будут сражаться, когда на кону окажется не просто поражение, а их жизнь.

Именно поэтому мне было плевать, похитил там Кейл Ресс артефакты или нет. А то, что он направлялся к башне, собираясь тем или иным способом завершить Игры, и вовсе было отлично! Будучи в моих рядах, Кейл не был так полезен, как сейчас: и лагерь поджог, и побрякушки за меня таскал. Загляденье!

— Собрать лагерь, командующий? — участливо поинтересовался один из стоявших около меня недавно назначенных офицеров.

— Только самое необходимое для боя.

По рядам собравшихся понесли растерянные перешёптывания:

— Но как же палатки...

— Припасы?..

— Мы туда ненадолго, незачем таскать на себе лишний груз, — объяснил я своё решение, недобро ухмыляясь.

Долина перед Саумом была местом странным и лично для меня крайне неприятным. Здесь всё было каким-то не тем, неправильным, словно чужеродным. Окружение давило на меня, будто стараясь прогнать. Воздух был тяжёлым и сухим. Тёмное, пасмурное небо нависало, хотя мы были в низине, словно грозило свалиться нам на голову. Где-то вдалеке виднелись всполохи грозы.

Башня до того просто казавшаяся несуразной, стала неприятной. Слишком крупной и

ровной, какой-то неправильно правильной. Она своей громадиной словно делила весь мир на две половины.

А ещё здесь, в долине, не было животных. Здесь вообще ничего не было, кроме странной, слишком зелёной травы, даже насекомых. Ветер и тот остался далеко позади. Из-за этого стояла странная, таинственная тишина, прерываемая лишь голосами людей и звуками шагов. В остальном же мы были будто бы в пещере какой-то.

— Может, это место знает, что ты собираешься сделать? — спросило наваждение.

По мере приближения к башне оно появлялось всё чаще. К счастью, кажется, уже никто и не обращал внимания, что их командир стал постоянно бурчать себе под нос.

— Может, этому месту пойти в бездну? — раздражённо предложил я. — Меня не пугают какие-то суеверия!

— Тогда почему тебе так страшно? — насмешливо осведомилась Ноа.

— Мне не страшно! — возразил я через сжатые зубы.

— Зачем мне врешь?

— Мне не зачем врать. Ложь нужна только для того, чтобы казаться лучше, чем есть на самом деле.

Наваждение мгновенно нашло чем возразить:

— Забывая, что самое лучшее в человеке — честность?

— Лучшее в себе я определяю сам!

Последнее было сказано, пожалуй, даже слишком громко. Однако никто из окружающих не обратил на это никакого внимания. Или сделал вид, что не обратил. Разницы как по мне не было.

У подножья башни стоял небольшой лагерь под чахлыми в отсутствии ветра флажками Тофхельма. Меня этот вид откровенно позабавил.

Ещё недавно у Кейла Ресса была гигантская армия, которую он непонятно зачем самостоятельно, при моём небольшом участии, разбил. Теперь у него осталась лишь эта кучка.

«Стоило оно того? В чём вообще был его замысел?». Наверняка за этим стояла интересная и глубокая история, над которой стоило подумать, но я твёрдо решил сделать это не раньше четверга високосного года, после дождика из жаб.

Какая разница, какой там план у Кейла, если он всё равно проиграет! Невозможно победить, когда ты сам себе из раза в раз ставишь палки в колёса. Победу нужно желать, стремиться к ней, несмотря ни на что. Именно поэтому я пришёл сюда победителем во главе армии, а он прибежал, поджав хвост!

Горстка «лунных» из Яоя, храбριвшись, стояла на пути моей армии. Довольно иронично, но впервые за эти Игры численное преимущество было на нашей стороне.

— Пойдите прочь с пути или умрите! — крикнул я.

Ответом послужил выстрел в мою сторону. И вновь пуля прошла мимо, убив рядом стоящего. Ещё одно доказательство правильности выбранного мной пути и заодно конец переговоров. Больше всего в этом мире меня утомило с кем-то разговаривать и что-то обсуждать.

— Эльт, вперёд, — скомандовал я. — Убить всех, пленных не брать.

— Сорок вторая, к бою! — восторженно крикнул капитан. — За Рейланда Рора, за честь, за славу...

Мне эта кичливость сразу не понравилась настолько, что пришлось вмешаться, спеша

упредить тот момент, когда Гоа начнёт рвать на себе одежду от переполнявших его чувств.

— Да их там всего несколько сотен, Эльт.

— Простите, командующий, — исправился капитан и куда тише прежнего скомандовал, — вперёд!

Произошедшее даже схваткой было сложно назвать. «Лунных» без лишних слов смяли: окружили, а затем добили в рукопашной. К сожалению, ни среди них, ни в самом лагере Кейла не оказалось, как и реликвий. Зато на башне появился яркий луч, бивший в небо. Не иначе как указатель для меня, куда идти. И как мне только раньше удавалось без него перемещаться?

Размеры башни башни предвещали, что подъём наверх будет крайне веселым. Веселиться мне предстоит весь ближайший час, а может, и больше. Я уже почти собрался с силами и начал подъём, когда меня отвлек прибывший вестовой:

— Командующий, к нам приближается группа «лунных» под белым флагом!

Не веря своим ушам, я лично пошёл убедиться в этом. И вправду, в долину спускалось человек пять с чем-то белым вместо знамени. Это могла быть как хитроумная ловушка, чтобы выиграть время, так и что-то дельное. В конце концов до этого «лунные» к переговорам склонны не были.

«Неужели чего-то боятся?» — ещё раз посмотрев на башню, я решил, что, ловушка это или нет, но лучше дождаться «парламентеров».

К тому же даже такой относительно короткий марш изрядно меня измотал, и отдохнуть было неплохой идеей.

Приказав солдатам также перевести дыхание, я нашёл в лагере булку черствого хлеба, которая стала моей первой, если не считать воды, пищей за день, съел её и принялся ждать. Еда мгновенно меня разморила, отчего я едва не уснул. От этой желанной участи меня «спас» подошедший Эльт.

— Мне это не нравится, командующий, что-то здесь не так, — поделился своими опасениями Гоа. — Вы уверены, что всё идёт как надо?

Такое заявление от него меня удивило. Вот уж так день открытий! «Лунные», стоящие насмерть, и посылают парламентёров, Гун-Гун с зачатками разума, а теперь ещё и рассудительный Эльт! Что дальше? Окажется, что палочки твикса на самом деле делаются не на разных фабриках? Нет разницы, кто Вупсень, а кто Пупсень?

Так или иначе, пришлось объяснить свою задумку:

— Основная армия врага только на подходе. Спуститься без нашего ведома у них не выйдет, да и путь неблизкий, дойдут не сразу. Так что всё в порядке.

— Но, командующий, разве вы не собираетесь заканчивать Игры? — вытянувшись по струнке, осведомился Гоа, продолжая пребывать в явной растерянности.

— Собираюсь, конечно, — подтвердил я, недобро ухмыляясь. — Но разве не лучше ли будет дать ещё один бой напоследок?

По лицу Эльта сложно было что-то сказать, но кажется, он был сильно не уверен в происходящем. День точно был ненормальным.

— Мы за вас умереть готовы! — заявил капитан, но как по мне прозвучало это куда менее уверенно, чем ему бы хотелось.

— Не волнуйтесь, ради меня умирать не нужно, — успокоил его я. — Только ради нового лучшего мира, который мы будем строить вместе.

— О, и когда начнём? — наострил уши Эльт.

— Ну вот закончу Игры, и можно будет приступить.

— Сражаться вне Игр... — вытаращился на меня Гоа.

— Да, а почему бы и нет? — я развёл руками, показывая, что не вижу никаких препятствий.

— Но ведь тогда могут погибнуть люди...

— Не вы ли, капитан, только что сказали, что они на это готовы?

Растерянность Гоа в этот момент была ощутима физически:

— Да, то есть нет, то есть так точно, разрешите идти!

— Идите, подготовьте своих людей морально к грядущему. На вас равняется вся армия!

Парламентеры добрались до нас лишь спустя час. К тому времени на склоне кратера успели показаться основные силы неприятеля, коих как по мне было даже как-то больше обычного.

Особенно меня смущали их флаги. Беглый осмотр в подзорную трубу не позволил найти что не так с ними, но интуиция твердила, что что-то здесь нечисто.

Убедившись, что переговорщики ближе чем на три сотни метров к нам приближаться не будут, а из вооружения у них только один штандарт, я подозвал Эльта:

— Следите в оба за армией неприятеля. Если они начнут спуск — немедленно готовьтесь к обороне.

— Так точно, командующий.

К моему изумлению, капитан взаправду взял две подзорные трубы и на манер бинокля начал пытаться в них что-то высматривать. Получилась скорее пьяненькая улитка. Тяжело вздохнув от этого зрелища, я, прихватив для солидности пару солдат из своей гвардии, отправился на переговоры.

Этот день точно старался удивить меня всеми возможными способами, потому что на переговоры со мной «лунные» прислали Альта Циона и графа Сайраса.

Особенно меня удивил, казалось бы, повешенный адъютант Ноа, который вдобавок обзавелся новенькой сержантской формой.

— Кто ж тебя снял, а? — поинтересовался я с неодобрением. — И зачем?

— Я, Рейланд, — ответил за него Леон.

— Знаете, вашим предательством вот насколько не удивлён.

— Я никого не предавал, — граф грустно усмехнулся. — Мне велено находиться здесь лично королём Риверкросса и нести его волю. — Леон извлёк солидного вида манускрипт, который, наверное, должен был меня впечатлить, и зачитал его содержимое: — Леонар IV, король Ривекросса и сопредельных земель, титулы опустим, декларирует: Рейланд Рор объявляется вне закона и должен предстать перед судом по обвинениям в измене, посягательству на трон и жестокому обращению с пленными. То же самое касается всех, кто будет ему помогать.

Вздохнув и усмехнувшись, я вопросительно посмотрел на Альта, ожидая, что и он достанет какую-нибудь бумажку. Новоиспеченный сержант меня разочаровал и ничего доставать не стал, а просто ехидно сказал:

— Король Тофхельма присоединяется к декларации своего коллеги.

— Жаль, а то у меня в войсках, хе-хе, туалетная бумага закончилась, — демонстративно рассмеявшись, ответил я.

— Король предлагает сдаться, Рейланд, — продолжил гнуть свою линию граф. — В таком случае вам будет обещана замена смертной казни на пожизненное изгнание.

Остальных ваших солдат это тоже касается.

— Соппротивление бессмысленно, — добавил Альт въедливо. — Даже если вы закончите Игры, вас всё равно поймают!

Я положил руку на свою саблю. Мне ничего не осталось, кроме как ответить с вызовом и уверенностью:

— Я и не собираюсь бегать. Придите и возьмите. Покажите, чего стоят ваши угрозы. Мы будем ждать вас здесь, у подножья башни.

— Вы безумны, Рейланд! Посмотрите, до чего вы дошли! — возмутился Леон. — С кучкой оборванцев...

— О, это не оборванцы, это моя гвардия, — прервал я его и бросил взгляд на своих подчинённых. — Да, ребята?

— Худшие из лучших, лучшие из худших!

— Неужели вы готовы отправить всех этих солдат на смерть... ради чего? — Не знаю почему, но на лице Леона появилось выражение противной жалости.

— Знаете, граф, у вас уже был шанс оценить мои планы, вы отказались. Могу лишь предложить сдаться и понаблюдать со стороны за тем, как этот мир изменится к лучшему, — с презрением и усталостью ответил я. — Обещаю в таком случае придумать не слишком жестокое наказание за предательство.

Леон в ответ только выразительно фыркнул. Пожав плечами, я развернулся и пошагал в сторону Саума, показывая, что переговоры закончены. Судя по тому, что армия солнечно-лунных вовсю уже спускалась в долину, следующий их этап оставалось ждать недолго.

То, что весь мир восстанет против меня, нисколько не вызывало удивления. Это было слишком очевидно с самого начала. В верхушках Ривекросса и Тофхельма будет мало моих сторонников, особенно учитывая, что я собирался их убить.

«Плевать! Это будет не первой и не последней моей победой. Когда Игры закончатся навсегда, и у этих трусов взаправду польется кровь, посмотрим, на что годятся их заявления и бумажки. Сколько найдётся желающих умирать за неизвестного мужика на троне, который правит просто потому, что ему повезло родиться в нужной семье!»

— Сначала тебе нужно будет одолеть Кейла Ресса, — напомнила, прерывая мои размышления, Ноа, вышагивая рядом со мной.

У меня имелась собственная версия того, как мне будет противостоять этот предатель:

— Уверен, стоит мне подняться на башню, как он в тот же момент всадит себе в бок клинок и начнёт кричать про проклятого Рейланда Рора, который вновь его обыграл.

— Ты, кстати, не задумывался над тем, что всё это время не он играет тебе на руку, а ты ему, м? — уточнило Наваждение.

— Нет, но если ты выдаёшь такие сентенции, то это повод задуматься над тем, не спятил ли я взаправду.

— Сектор безумие на барабане! — словно ведущий на какой-то телепередаче воскликнула моя персональная Ноа во весь голос.

Ловя очередной обеспокоенный взгляд от моих подчинённых, я не без труда выключил ей звук. Наваждение никуда, к сожалению, не пропало, но могло теперь только беззвучно кривляться. Это выглядело даже по-своему забавно. Для полноты образа ему только костюма мима не хватало.

Эльт уже ожидал меня, как обычно находясь в крайней степени нетерпения:

— Ну как там? Что?

— Будет битва. Подготовьтесь к обороне, капитан.

— А вы?... — Гоа догадался, что командующего здесь не будет.

— Меня ждут дела на башне. Не волнуйтесь, вы очень хорошо поймёте, когда нужно будет переходить в наступление. Главное, не останавливайтесь до тех пор, пока все силы неприятеля не будут разбиты.

Вот у кого-кого, а у Эльта подобный приказ вообще не должен был вызвать каких-либо вопросов. Однако, судя по его растерянному лицу, всё же вызвал, причём вперемешку с какой-то странной обидой.

«Он что, так переживает, что меня не будет на поле боя с ним? Ну дела!»

Мне показалось, что растеряны и солдаты вокруг него, но это уж точно казалось бредом. Быть такого не может, чтобы люди, прошедшие со мной сквозь огонь и медные трубы, сомневались!

— Командующий, у нас нет припасов, скоро ночь, сколько нам ещё здесь стоять? — раздался вдруг голос одного из солдат.

Это очевидно глупый вопрос. В иное время я бы ответил на него всем сразу, но сегодня на это у меня не было ни времени, ни сил. Эти люди должны не хуже меня понимать, что нужно просто ещё немного потерпеть.

— Столько, сколько будет нужно. Помните главное: наградой за перенесённые трудности и невзгоды будут лишь новые трудности и невзгоды. Нужно идти вперед и не останавливаться!

Закончив свою речь, я, вздохнув и собравшись с силами, направился в башню.

Там меня ждали ступеньки. Целый мир ступенек и ничего кроме них. Треклятая башня словно была бесконечной и стремилась измотать, заставить сдаться, отступить. Однако такое препятствие меня лишь раззадорило. На верхушку ненавистного строения я поднялся в предвкушении грядущего триумфа. Моя окончательная победа была близка, осталась сущая мелочь.

Вот и он, окутанный белесым свечением кристалл, который, помнится, назывался Саумом, мерно вращающийся по центру площадки, а рядом — Кейл Ресс, как раз закончивший какие-то манипуляции с ним. Увидев меня, он достал свои парные клинки и кивнул на кристалл:

— Всё кончено. Я завершил Игры.

— О, это мне говорят не в первый раз за сегодня. Отвечу то же, что и остальным: всё только начинается. — Моя сабля тоже уже была наготове, но прежде мне захотелось немного поизголяться в красноречии. — И да, спасибо, окончание Игр мне очень на руку. Надеюсь, это случилось навсегда.

— Вы взаправду собираетесь продолжить сражаться? — удивился Ресс.

— Ну, если мир не собирается единогласно сдаться, приняв моё правление, то тогда почему бы и да!

— Разве вам мало всех ужасов, что вы устроили на этих Играх?! — вспыхнул Кейл с нотками отчаяния.

Мне такое обвинение, да ещё и от него, показалось попросту смехотворным:

— Ой, кто бы меня обвинял, только не вы. Ха! Сколько своих солдат вы, Кейл, подставили? Скольких предали, и ради чего? Кстати, вправду, а ради чего?

— Вы не поймёте, — раздражённо буркнул Ресс.

— Что, в последний момент великий герой Кейл Ресс остановит злодея? — выдвинул

свою версию происходящего я. — Таков ваш план?

— Нет. Но в любом случае сегодня для вас всё закончится!

— Да-да, это я уже слышал.

— Игры окончены, помните об этом, — предупредил Ресс. — Схватка сейчас закончится для одного из нас смертью. Лучше отступите.

— Что ещё мне сделать для вас, Кейл? Сплясать канкан? — не скрывая своего презрения к этому человеку, уточнил я. — Не волнуйтесь, не сдамся. Весь этот путь, проделанный мной, был не для того, чтобы отступить в самый последний момент.

— Пожалейте если не себя, так своих солдат, — жалостливо предложил Ресс.

— Оставьте при себе свою жалость, она скоро понадобится. К вам я так же щедр не буду и предлагать пощаду не стану. Вы сегодня умрёте за Миюми и все те неприятности, которые мне доставили. К бою!

Время разговоров подошло к концу, и мы оба подняли оружие. Секунду мы простояли в тишине, а затем я ринулся в атаку.

Сражаться против противника с парными клинками Рейланду было впервой, и тем более мне самому. Однако преимущества и недостатки этого вида оружия стали видны после обмена первыми же ударами.

Кейл Ресс был быстрее. Он мог наносить мне удары с разных сторон, лишая возможности встречать сталь сталью. Зато мой меч был длиннее, что позволяло держать противника на расстоянии, не давая ему реализовывать весь потенциал скорости своего оружия.

Из-за того что мы оба старались соблюдать дистанцию, держась от своего противника на расстоянии, а атаки проводили очень осторожно и потому редко, наша битва больше напоминала драку двух дворовых котов. Только без шипения и вздыбленной шерсти. Бой и я, и Кейл вели молча, сосредоточившись на главном — не умереть первыми.

Мы водили странный хоровод, подгадывая удачный момент, лишь изредка переходя в атаку. Своеобразная стальная гроза: вспышка, звон стали и тишина.

Мне эта битва давалась очень сложно. Всё же не зря парные клинки называли дуальными. К тому же, в отличие от предыдущих схваток, в этой полагаться на мышечную память тела получалось куда как хуже — сказывалось отсутствие опыта. Помогало предателю и окружение. Позади него висел светившийся Саум, который переливами света меня отвлекал.

Кейл Ресс прекрасно видел мою растерянность и потому наглел всё сильнее. Осторожные выпады и короткие наскоки сменились длинными сериями ударов и попытками войти в клинч. Мой противник, потеряв всякую осторожность, стал действовать ещё наглее, усилив напор до максимума. Сталь звенела не переставая, удары сыпались один за другим, словно я сражался не с человеком, а с ожившим кухонным комбайном.

Бой прекращался лишь на короткие промежутки времени, необходимые чтобы отдышаться, и сразу же начинался по новой всё жёстче и жёстче. Моё сознание сузилось до небольшой точки, которая желала лишь одного: убить человека передо мной. Ударить, сильнее, быстрее, ещё сильнее. Кейл Ресс должен был умереть.

Противник открылся, совершив ошибку? Отлично, вперёд, усилить напор, удар, ещё удар! Жаль, что у меня всего две руки.

За моими атаками неизбежно следовали ответные выпады Кейла. Часть достигала своей цели, часть я принимал на свой клинок. На раны мне было наплевать.

Один особенно удачный выпад Ресса едва не стоил мне почки и уж точно оставил рубец на всю жизнь. Такой успех подтолкнул его подойти ещё ближе ко мне и наконец допустить первую значимую ошибку.

Кейл сам не заметил, как открылся, позволяя нанести мне удар. К сожалению, не клинком, а только гардой, но удар всё равно вышел на славу — предатель скривился от боли и сразу же попытался отскочить, чтобы разорвать дистанцию. Это стало второй его ошибкой, на этот раз фатальной. Позади Кейла находилась не пустота, а Саум, который до этого мешал только мне. Предатель, не рассчитав расстояние, ударился об него спиной, растерялся и уже физически не успел среагировать на мой внезапный выпад.

Толкая вперёд, я пронзил Ресса своей саблей, вогнав клинок по самую рукоять в грудь предателя, намереваясь буквально насадить его, словно бабочку, на кристалл. В Саум мой обогранный кровью клинок вошёл без каких-либо особых проблем, словно тот был сделан из чего-то рыхлого по типу талого снега.

В ту же секунду кристалл остановил своё вращение и покрылся сетью трещин. Они пульсировали алым светом, попутно, словно губка, жадно впитывая кровь Кейла. Белесый до этого Саум потускнел, померк и как будто стал тяжелее. Свет, бивший из него в небо, распался на отдельные лучи, которые быстро гасли.

Я физически ощущал, как вся магия, наполнявшая это место, исчезала, уходила в никуда навсегда. Понял это и Кейл, который на последнем издыхании отвернулся, желая посмотреть, что происходило у него за спиной. Когда он повернул голову обратно, в его глазах застыл неподдельный страх.

— Радуйтесь, Кейл, ваше желание исполнено: вы стали героем! — злобно прошипел ему я.

— Будьте вы прокляты, кхе... вы погубили нас всех н...

Кейл явно ещё много чего хотел сказать, но, к его огорчению, жизнь оставила предателя, оборвав прощальную речь на полуслове. Следом упал, разбившись на бесчисленное количество тёмных, налитых кровью осколков и Саум.

Весь мир словно замер в этот момент, даже ветер, всё это время нещадно бивший по лицу, стих. А затем с неба без предупреждения полил мелкий, противный дождь чёрного цвета.

Наверное, стоило обратить на это внимание, попытаться понять причину, но мне до всех этих погодных аномалий не было никакого дела. Торжествуя, я извлёк из тела Кейла свою саблю и, подняв её над головой, подошёл к парапету башни, желая продемонстрировать, что тут только что произошло. Мои солдаты вполне имели право видеть мой триумф.

«Я победил! Победил их всех!!!»

Эта фраза, так и не высказанная вслух, застряла у меня в горле. Увы, картина, развернувшаяся внизу, «слегка» отличалась от той, которую мне бы хотелось видеть. Мои рука, державшая окровавленный клинок, непроизвольно разжалась, и он полетел вниз.

Прямиком туда, где моя армия, окруженная со всех сторон бесчисленной ордой солдат Тофхельма и Риверкрасса, побросав оружие и подняв руки, понуро сдавалась в плен. Среди них, к моему удивлению, был даже Эльт.

Только моя гвардия, мои оборванцы остались верны до конца. Лишь они исполнили приказ и, не взирая ни на численное превосходство врага, ни на сдавшихся союзников, понеслись в атаку с тем же криком.

— Худшие из лучших! Лучшие из худших!

Кто-то, судя по голосу Леон, кричал им через рупор:

— Стойте! Вы же погибнете!

К моей гордости, ни один не остановился. Ни тогда, ни когда объединенная армия Риверкрасса и Гофхельма ошетилилась ружьями, готовясь стрелять.

На секунду мне показалось, что у моих гвардейцев всё получится, что смелость возьмёт своё, и враг дрогнет, не решится стрелять. Затем, руша мои мечты, прокатываясь волной по рядам противника, грянул залп, поставивший точку. Это не был бой, это был расстрел.

— Закономерный итог всего этого безумия, — без грамма сочувствия сказала Ноа, которая, свесив ноги вниз, сидела на парапете, тоже наблюдая за происходящим внизу. — Поправь, если я ошибаюсь, но твои планы по завоеванию мира придётся отложить на неопределённый срок, да?

Мне нечего было ответить на это ехидство.

— Смотри-ка, к тебе гости! Наверное, собираются взять автограф и послушать твои рассказы про право сильного, — наваждение указало на рвущихся в башню солдат. — Ну и так, по мелочи: немножко схватить тебя, чтобы затем слегка повесить в назидание потомкам. Я же говорила, все подобные истории заканчиваются одинаково.

Я её практически не слушал. Мне не было никакого дела до этого бреда:

— Но как же так... на моей стороне ведь боги! Я не проиграл ни единой битвы!

— О, ну это не совсем правда. На поле боя — возможно, но ведь битвы были не только там... — Ноа указала мне на грудь, намекая на душу.

— Но я принимал наилучшие решения...

— Наилучшие для кого? — уточнило наваждение, слегка наклонив голову вбок.

— Для всех нас! Для... для...

— Для твоих больных хотелок, — закончила за меня Ноа. — Всё это время ты только и делал, что совершал поступки один ужаснее другого. По итогу оттолкнул от себя всех, кроме кучки таких же безумцев. И стоили эти твои победы того?

— Я сражался за лучший мир...

— А по итогу сломал или уничтожил всё, до чего дотянулся, ничего своего так и не построив, — наваждение махнуло рукой вниз, намекая на произошедшую бойню. — Эти люди жили вполне сносно и без тебя, и жили бы так ещё очень долго.

— Будто что-то сильно изменится, — фыркнул я. — Этим дуракам только дай возможность и...

— Мне можно не врать. Ты прекрасно знаешь, что без магии Игр всё быстро сломается. Люди — это люди. Была бы возможность, а взаимные претензии всегда найдутся. Сейчас у них есть общий враг — ты, но когда тебя повесят, вот тогда начнётся самое весёлое.

«Как же она меня достала! Вся такая правильная, разумная, добренькая! Эти бесконечные нравоучения, пафос, льющийся отовсюду, и язвительность. Эта Ноа ещё хуже оригинала!» — я скривился, не в силах это больше слушать.

— Н-е-е-е-т. Это просто образ, рождённый измотанным сознанием. Яркая обёртка, чтобы привлечь внимание, — поправило меня наваждение. — Мне выпала честь быть не Ноа Кейтлетт, а твоими лучшими качествами, которые ты так целенаправленно отверг.

— Ты ни разу не предложила ничего дельного! — крикнул на неё я.

— А должна была? — удивилась Ноа. — И даже если так, ты бы меня послушал?

— Если бы это было чем-то дельным...

— Твоим единственным шансом было сдать, тогда, возле Яоя...

— СДАТЬСЯ? МНЕ?! — я кричал так, что меня, наверное, было слышно и внизу, даже не взирая на ветер и ливень. — Я ПОБЕДИЛ! ПОБЕДИЛ!!!

— Оно и видно, — наваждение кивнуло в сторону лестницы, где уже слышались не предвещающие ничего хорошего шаги. — Кажется, к тебе спешат твои поклонники. Они тебя немного побьют, а затем, как и мечтали, посадят в клетку.

Мне не было до этого уже никакого дела. Я вдруг вспомнил слова наваждения, сказанные мне в самом начале:

— Ну, ты можешь выстрелить в меня. Для надёжности — целься себе в голову. Я теперь там, дружочек-пирожочек!

«Провести остаток своих дней в клетке, слушая обвинения от людей, которые словно соревнуются, кто из них глупее, и вот эти вот комментарии от НЕЁ?» — дошла до меня ближайшая перспектива. — «Ну уж нет. Эта история закончится так, как хочется мне, и тогда, когда угодно мне!»

— Что ж, торжествуй, пока можешь. У этого мира был шанс с моей помощью стать лучше. И вот чем они мне отплатили. Но точку во всём этом я поставлю сам! — Под пристальным взглядом Ноа мне с некоторым трудом удалось забраться на парапет.

— Ты же не думаешь... — не дослушав, я сделал шаг в пустоту.

Свистел воздух, в теле образовалась приятная лёгкость, мой разум наконец очистился от всех переживаний и забот, но главное, наконец-то я был совсем один.

«Свобода!»

Ноа осталась там — на башне, озадаченно смотря мне вслед. Её растерянный, немного обеспокоенный взгляд окончательно убедил меня, что и эту, самую последнюю битву мне тоже удалось выиграть. Одними губами наваждение прошептало, хотя я слышал его голос с явным нотками презрения, будто оно летело рядом:

— Вот значит какой финал ты себе выбрал, победитель. Трусливое бегство от справедливого наказания. Что ж, каков воин, таков и финал. Прощай.

Сказав это, Ноа растворилась в воздухе. На меня же волной нахлынул страх. Осознание всего ужаса, царящего вокруг последнее время. Ужаса, который мною самим и был создан. Хаос, огонь и насилие — вот что сопровождало меня с тех самых пор, как я оказался в этом мире.

Горящие города, пленные, которых вешали на деревьях на потеху публике, предательства, подлые убийства. И как венец всего — мои собственные солдаты, измотанные и голодные, но всё равно верные до самого конца. Которых я просто бросил, глупо надеясь, что они будут сражаться и умирать за меня. А часть за них так и сделала...

Мне вдруг вспомнилось моё имя. Не Рейланд Рор, а Ота Кохэку. И никакой я не мессия, чья цель менять судьбы миров, а простой менеджер, который так и не дошёл до работы...

— Что же я натворил? Где свернул не туда?

Никто мне, разумеется, не ответил, ведь никого вокруг уже не было. Только свистящий воздух и стремительно приближающаяся земля.

Гравитация поставила точку в этой истории. Навсегда.

Чужое совещание

Проснулся я тяжело, весь в испарине, не сразу вспомнив, где нахожусь. Дышать было сложно — в мои лёгкие словно пепла набили. К тому же мне до сих пор казалось, что падение с башни продолжалось, и вот-вот последует удар о землю.

Лишь храп одного из моих новоиспеченных сослуживцев привёл меня в чувство, вернул в реальность к актуальным событиям, проблемам и поводам для несварения желудка. Теперь-то я понял, почему сны не закончились в тот момент, когда окончательно и бесповоротно стали ясны планы Кейла Ресса. Опасность представляли не только они. Мнимое всемогущество, подкреплённое верой в собственные силы и идеалы, одинаково разрушительно, что в руках безумного пацифиста, что в исполнении офисного сидельца.

Теперь я понимал, почему оказался в этом мире. Не для того чтобы сделать его лучше. Совсем нет. Моя задача состояла в том, чтобы защитить его, в том числе и от меня самого.

Не знаю, насколько Саум был разумен, но вполне очевидно, что он таким образом защищал себя. По каким-то причинам, вряд ли я когда-нибудь пойму мотивы гигантского магического кристалла, на эту роль оказался выбран не оригинальный Рейланд Пор.

«Скорее всего потому, что с чистого листа проще начинать», — пришла в мою голову дельная догадка. — «Рейнланд слишком вовлечен в происходящее. Он просто бы не увидел угрозу, несмотря ни на какие видения. Не сумел бы остановиться вовремя. Или даже хуже...»

Мне снова вспомнился момент уничтожения Саума. Та ненависть, злоба и самоуверенность, что меня переполняли тогда. Дойти до такого состояния было нетрудно, даже слишком просто. А вот преодолеть его, отринуть это всё и сдаться — невозможно.

Так или иначе, теперь можно спать спокойно — снов больше не будет. Если, конечно, можно назвать «спокойным» сон человека, на которого взвалили участь спасителя мира, хотя он даже свою жизнь в куда более спокойной обстановке обустроить не смог!

Утренняя лагерная суэта несколько отвлекла меня от тяжких дум. В первую очередь сытным, горячим завтраком, поданным под аккомпанемент разговоров про форму сухарей, обмена новостями с теми, кто ночью нёс караул или просто быстрее остальных узнал сплетни.

Согласно им, король Тофхельма Хоаким Клык вопреки планам прибыл слишком рано, настолько, что даже успел упредить выполнение ещё не порученных заданий. Всех офицеров от мало до велика погнали к нему, фактически предоставив солдат самим себе. Пользуясь предоставленной возможностью, они делали то, что умели лучше всего: ничего и жаловались.

— Говорят, будет большое совещание, — рассказал один из моих сослуживцев. — Петух к нему уже несколько дней готовится.

— Второй день эти консервы житья не дают, — пожаловался другой, получив массу одобрительных кивков.

«Консервами» здесь называли людей с обилием медалей, но не всех подряд, а только тех, у кого размеры талии были сравнимы с ростом. Лагерь и вправду с самого утра оказался переполнен какими-то тучными людьми с зашкаливающим количеством орденов, медалей и лент. Только вот солдатами они не интересовались от слова «совсем», считая себя выше этого.

— Хорошо же сидим, не? — заметил я, прекрасно зная на личном опыте, что могло быть сильно хуже.

— Ну да, эти вон носятся! — поддержали меня насмешливо. — Работают! Хе-хе!

Все разом с улыбкой посмотрели на мчавшуюся мимо стайку адъютантов, куда-то спешивших с таким видом, будто они выполняли задание вселенской важности, а не несли своим начальникам второй завтрак.

Я тоже улыбнулся, ясно представляя, в каком состоянии сейчас Ноа, которая терпеть не могла всю эту шуштуру. Для неё оказаться в их обществе было хуже, чем в окружении врагов. Вторым хотя бы можно было дать в морду.

— А что за совещание-то такое? — продолжил узнавать важную информацию под видом праздного любопытства я.

— Кто ж нам скажет-то? Самое важное, поди! Будто у консервов бывают другие.

— Что ни день, то победа, что ни час, то подвиг, — вклинился я, поднимаясь на ноги.

— Твоя правда, хе-хе, — раздался одобрительный смех, а затем кто-то спросил, — а ты это куда?

— Пойду прогуляюсь, ноги затекли. — Меня это совещание крайне заинтересовало, настолько, что я даже согласился ради него немного отвлечься от завтрака, но с одной оговоркой.

— Миска тебе с собой зачем? — с усмешкой заметил один из моих сослуживцев.

— Всё дорогое сердцу и желудку ношу с собой!

— Даже не рассчитывай, что дадут подсмотреть, — попытался урезонить меня другой «лунный». — И на выстрел не подпустят.

— Я настырный, найду способ.

— Расскажешь, стало быть, о чём там консервы сплетничают.

Как показала «случайная» прогулка рядом со штабом, рядовых, как это ни странно, туда и вправду не пускали. Размышляя над тем, как бы мне спасти мир в краткие сроки и тем самым сразу заслужить внеочередное повышение до величайшего из лучших, я заметил торопящегося куда-то Альта Циона с целой кипой бумаг.

На этот раз он посмел меня не заметить, за что практически мгновенно поплатился метко поставленной подножкой, отправившей его с бумагами на землю. Ойкнув, адъютант быстро вскочил и, продолжая игнорировать всё вокруг, принялся их собирать.

Я по-дружески безучастно постоял рядом, не забыв мельком изучить содержимое бумаг. Похоже это был какой-то доклад. Причём писала его явно не Ноа. Она терпеть не могла показушную заумность, а текст прямо пестрел перлами вроде: «максимизация коллективных усилий», «неизбежность ложных отходов», «неопределённость фланговых манёвров в пространстве», «перемещение вопреки воле противника».

— Куда это ты так торопишься? — с усмешкой спросил я, когда Альт закончил.

Адъютант Кейтлетт, который после сбивания с моего лица лишней растительности не узнать меня не мог при всём желании, явно сильно сомневаясь в реальности происходящего, беззвучно указал на штаб.

— Ноа тоже там будет, да?

— Д-да... — неуверенно подтвердил Альт.

— Веди, — самодовольно разрешил я, показывая, что готов, так и быть, следовать за ним.

— Э, куда? — осторожно уточнил адъютант, явно догадываясь, каким будет ответ.

— В штаб, конечно же! Там же будет доклад о грядущей битве, так?

— Ну да-а-а...

— Вот, а я разве не офицер? Значит мне нужно его выслушать.

Адъютант Ноа посмотрел на меня таким взглядом, словно глубоко восхищался степенью моей наглости и даже собирался взять у неё автограф. Вздохнув, он провёл меня мимо караульных, которые на него даже не взглянули, заодно миновав своим вниманием и меня.

В штабе яблоку негде было упасть, хотя палатка эта оказалась размерами с хороший такой конференц-зал. Все собравшиеся как на подбор — с кучей орденов, медалей и выражением наигранной заинтересованности на лицах. Сразу было видно, что где-то здесь находился король. Единственная, кто выбивался из этой компании как одеждой, так и отсутствием желанья подлизаться к монаршей особе, была Ноа Кейтлетт.

Кажется, она не приложила ни грамма усилий для того, чтобы сегодня выглядеть лучше, чем обычно. Та же форма, что и всегда, чистая до скрипа, никаких орденов и медалей, хотя у неё их было ничуть не меньше, чем у остальных.

В этом была вся Ноа. Если группа хотя бы из трёх человек в лютый мороз надевала тулупы, можно было не сомневаться, что Кейтлетт откажется переодеться в такой же даже под угрозой замёрзнуть насмерть.

В настоящий же момент она явно оппонировала абсолютному большинству присутствовавших, готовясь выступить перед публикой. Судя по Альту, который к ней бодро посеменял, с тем самым докладом. Получив бумаги, Кейтлетт тот же час начала что-то там сама себе бубнить, зачитывая доклад, не обращая на происходящее никакого внимания, хотя адъютант, этот подлый подлец, судя по жестикуляции, пытался сдать ей меня!

Что до моей персоны, то не успел я войти, как в мою сторону сразу же полетело несколько раздраженных взглядов, явно предлагавших проваливать да побыстрее. У Циона-то было место прямо на трибуне, а вот мне путь туда был противопоказан и грозил переизбытком железа в организме.

— Кто такой? Что тут забыл? — вдруг схватив меня за руку, осведомился один из офицеров, окидывая недобрым взглядом.

— Эм, сопровождающий! — выпалил я на удачу.

— Ну так займи своё место, чего встал? — прошипел на меня «лунный», подталкивая дальше.

Он видел то, чего мне ещё не удалось заметить — свободное место в одном из центральных рядов. Видимо, решил, что оно предназначалось мне, как одному из адъютантов. Очень медленно, на цыпочках, я направился туда и тихонько, стараясь ничем не обратить на себя внимание, сел. Только после этого до меня дошло, что в моих руках до сих пор полупустая миска с кашей.

Соседом слева оказался старик с аккуратными усиками и очками без дужек, который просто светился самодовольством. То и дело он принимался делать какие-то пометки угольным карандашом в небольшой книжке, которую бережно держал в руках.

«Мемуары пишет», — мгновенно понял я.

Это был никто иной как Анри Галлен собственной персоной. По его довольной роже мне сразу стало понятно из-под чьего пера вышел этот отвратительный доклад. «Непобедимый» командующий был так погружен в самолюбование, что даже не заметил моего появления.

Сосед по правую руку оказался ещё более экзотичной компанией: неопрятного вида старик, измученный гедонизмом, в частности его производной — безответственным алкоголизмом. Он постоянно икал, всеми силами стараясь понять, что же там нудела Ноа. С некоторым трудом в этой развалине можно было опознать короля Тофхельма, Хоакима Клыка.

Судя по растерянному пареньку, который крутился меж рядов, я только что занял место королевского адъютанта или вернее сказать виночерпия.

«Во выбрал местечко, хотя-я... здесь-то меня будут ждать в последнюю очередь», — закралась в мою голову шальная мысль. — «Однако эти двое знают Рейланда в лицо».

Впрочем, мои опасения были безосновательны. Галлен на меня ни разу не посмотрел. Оно и не удивительно — он видел солдат только с высоты своих карт, а в остальном полностью и безоговорочно игнорировал. Король мне тоже особого внимания не уделил, интересуясь куда сильнее припрятанной в одежде фляжкой, которой периодически загадочно булькал.

Не успел я как следует расслабить булки, как Хоаким неожиданно ожил:

— Не желаете, ик?

— Не-е-ет, спасибо, — взглянув в его мутные глаза, я подумал про себя, что не стоило так играть с судьбой.

— Для смелости не повредит, — пожимая плечами, заметил король, но больше выпить не предлагал, снова переключив внимание на доклад.

Стараясь не думать, как буду отсюда выбираться, я попытался сосредоточиться на том, что там рассказывала Кейтлетт. То ли из-за качества самого доклада, то ли из-за того, что Ноа была далеко не идеальным докладчиком, её выступление оказалось подобно реке.

— Таким образом, после решительных действий наших основных резервов, в действие с целью предупреждения возможных действий противника будут введены, подобно разящему мечу богов, наши не основные резервы, которые решительно воспрепятствуют, как плотина потоку воды, действиям врага. Таким образом, мы добьемся очевидных успехов в борьбе за позицию, обозначенную на карте под цифрой «5». Что позволит, как мы знаем из исторического опыта, создать доминирующее превосходство наших основных сил, а также неосновных резервов на левом фланге противника. Это в кратчайшие сроки заставит противника ввести в действие уже свои резервы...

Выступление лилось каким-то нескончаемым потоком воды, состоящим из отступлений на вольную тему, ссылками на различные источники и весьма куцым центральным материалом, который был спрятан за закрученными оборотам речи. Что-то понять в этом словесном поносе, сложить цельную картину из этих лоскутов было невозможно и явно неспроста. По Ноа было видно, что общий замысел даже ей самой не очень ясен. Отсюда и целые океаны воды, льющейся на слушателей.

К тому же то и дело проскакивали очевидные ошибки. Большинство присутствующих их даже не заметило, но я, наученный богатым опытом прослушивания различных «очень-очень» важных совещаний, влёт выделял ключевые моменты. Здесь в докладе забыли подразделение, которое просто оставалось стоять, тут не учли манёвры противника и так далее.

Мне стало окончательно ясно, что сей документ написан явно не Ноа. При всех своих недостатках она не была настолько тупой. Тут скорее чувствовалась рука другого «мастера», сидевшего от меня слева и упивающегося, словно мёдом, каждым словом. Он не забывал

делать об этом пометки в своей книжечке.

Ошибок тем временем становилось всё больше и больше. Причём крайне глупых, таких, что даже ребёнок бы их заметил.

— Но вы же оголяете свой фланг! А если противник туда ударит? — не выдержав такого издевательства над военным искусством, на очередной такой ошибке громко заявил я.

Ноа, не ожидая такого, несколько секунд невидящим взглядом моргала в сторону слушателей, а затем далеко не с первой попытки нашла взглядом меня и, похоже, забыла, что ей нужно дышать.

Кажется, я даже слышал скрип, когда она беззвучно открыла рот от удивления, а затем закрыла, так и не найдя нужную фразу, хотя по её лицу было видно, что она сейчас лопнет от переполнявших её чувств. К сожалению, радости среди них точно не было.

Её выручил, как это ни странно, король. На протяжении всей этой сцены он вглядывался в карту, и в тот момент, когда Ноа уже собиралась сказать что-то вроде банального: «Убейте этого мерзавца Рора» или иначе ранить меня, решил взять слово.

— А он прав, командующая Кейтлетт! — заявил Хоаким с сарказмом. — Приятно видеть, что ваш доклад собрал здесь таких талантливых офицеров, эм, в смысле рядовых! Не представите нам своего оппонента?

Взгляд Ноа судорожно забегал от моей персоны к Хоакиму. Наконец, она, приняв окончательное решение, злорадно ухмыльнулась и начала:

— Это Р...

Осознав, что песенка моя спета, я нахально, под взглядом Кейтлетт, съел ложку каши и поставил пустую миску на пол, мол, ну давай, угрожь свою карьеру. Оpozнай она перед всеми присутствующими, выяснится, что целая куча народа проморгала своего главного врага, который оказался в полуметре от короля. Полетит столько голов, что количество врагов Ноа, которая и без того не пользовалась любовью, вырастет в разы. Для человека, чьи успехи рассматривали с огромным скепсисом, а каждый промах под лупой — это слишком большой просчёт. Мне даже было её немного жалко. В конце концов, кого-кого, а Кейтлетт в недостатке старания и упорства не мог обвинить даже я.

— Это... это... — помявшись, начала она и, похоже, придя к аналогичным выводам, закончила фразу, — рядовой Реджинальд Хрен. Который забыл свои регалии и какого-то, кхм, себя, своё место!

Пока Ноа, лишённая всякого воображения, спешно пыталась его в себе развить, ожил Галлен. Он вскочил на ноги и указал на меня пальцем, констатируя очевидное:

— Да это же Рейланд Рор!

Установилась физически ощущаемая тишина. Я побледнел, представив, что могла со мной сделать толпа офицеров, включая короля. Ноа побледнела ещё сильнее, представляя, видимо, своё положение после этого.

Как это ни странно, но нас обоих опять выручил Хоаким Клык. Он рассмеялся, словно это была очень хорошая шутка:

— А кого вы здесь ожидали увидеть? Епископа? Ха, ну у вас и шутки, Анри!

Большинство в палатке засмеялись в унисон. Ноа при этом издала звук средний между отрыжкой и первым вздохом после глубокого погружения. Не смеялись не только Кейтлетт, но и я ввиду своей безграничной скромности, которая у меня всегда проявлялась в момент испуга, а также Галлен, который был вне себя от злобы из-за того, что его выставили посмешищем.

Когда парад лицемерия чуть поутих, я сел, а Ноа попыталась вернуться к докладу. Однако после произошедшего это больше напоминало рассказ стеснительной школьницей стишка, когда весь класс за спиной учительницы корчил рожицы. .

— Таким образом, мы... то есть мы, армия... простите, я хотела сказать, что наши резервы... будут, эм...

Хоаким, видя что с докладом всё плохо, решил вновь вмешаться:

— Возможно, ваш оппонент, как его там...

— Хрен, ваше величество, — с радостью подсказал я.

— Точно! — король кивком подтвердил, что это действительно так. — Как думаете, этот Хрен поможет вернуть вам доклад в нормальное русло?

Хоть это и звучало как вопрос, понятно было, что у Ноа не хватит смелости сказать «нет». Мне ничего не оставалось, кроме как демонстративно отряхнуться и спешно, пытаясь оценить по десятибалльной шкале степень абсурдности всей ситуации, пойти к трибуне.

«По моей шкале это как минимум одиннадцать, а может быть, даже бубновый туз».

Кейтлетт, у которой, кажется, вместо слюны уже начала выделяться серная кислота, сунула мне какую-то бумажку. Это было почти признанием в любви, настолько красива, выверена, идеально отцентрирована оказалась надпись: «Я ТЕБЯ УБЬЮ!!!». Улыбнувшись ей в ответ, я окинул взглядом карту, глубоко вздохнул и начал объяснять, что же на ней нарисовано:

— Пока противник будет связан боями на правом фланге, пользуясь ситуативным, кратковременным преимуществом, мы введём в бой наш левый фланг, а когда противник перебросит туда свои резервы, усилим свой центр и перейдём в решительное наступление...

После многочисленных тренировок с Леоном Сайрасом, Гоа Эльтом, Лоем Ноктимом и прочими это было похоже на brutальный выпускной экзамен, где в случае неправильного ответа наказанием служила смерть.

Меня слушали куда более внимательно, нежели Ноа. Сначала я решил, что это побочный эффект от моего непревзойдённого обаяния, которое осколками зацепило самые ранимые сердца, но когда меня за пять минут трижды прервали вопросами, от этой версии пришлось отказаться.

Похоже, дурной пример был заразителен, а мой так вообще смахивал на пандемию. Каждый в аудитории теперь стремился задать свой вопрос, чтобы выделиться среди других. Спрашивали что угодно, порой самые дурацкие вещи. Я старался отвечать под стать:

— А какой размер обуви у идущих в атаку гренадёров?

— Сорок второй.

— А у стоящих в обороне?

— Сорок второй.

— Как считать солдат в строю? По росту или по алфавиту?

— Лучше всего считать цифрами.

— Как скажется на дальнбойности орудия калибром двадцать пять сантиметров зарядание его ядрами калибра тридцать сантиметров?

— Сугубо отрицательно. Оно взорвётся.

— При атаке штыком удар лучше наносить по центру?

— Лучше всего по врагу.

— Как вы считаете, влияет ли использование чёрного зернистого пороха на проблему вымирания тропических верблюдов?

Последний вопрос принадлежал Альту Циону, который, судя по всему, за последние полчаса успел написать завещание, выбрать гроб, место захоронения и уже был готов отойти в мир иной. Потому что после всего этого, если его не порвёт на клочки Ноа, то это сделаю я.

Заметив выражение моего лица, адъютант только ухмыльнулся и даже не подумал, паскуда, отозвать свой вопрос.

«Будет тебе порох! Отправлю к тому прапорщику на орбиту!»

Отогнав злорадство, я ответил максимально коротко, рассчитывая, что адъютант не сможет ни к чему прицепиться:

— Нет.

Однако Альт Цион, похоже, считал себя бессмертным, потому что вместо того чтобы как и прочие молча сесть, сделав довольное лицо, продолжил задавать вопросы:

— Но современные исследования, проведенные в чудесной стране Занзебал...

Название этой неведомой страны, которую я уже заочно ненавидел, очень ёмко отражало моё отношение к этому диалогу. Тем не менее ответить что-то надо было, желательно так, чтобы этот паршивец наконец заткнулся. К счастью, неожиданно вспомнилось, что когда-то там давно, похоже уже в другой жизни, я был менеджером по продажам, и этими «современными исследованиями» мне регулярно выносили мозг.

Сожрал кусок мыла и теперь у тебя запор? Срочно в номер! — «Современное исследование показало, что мыло вызывает проблемы с пищеварением!». Употребил упаковку виагры и зачем-то пошел на пасеку? Пиши, что препараты для потенции вызывают агрессию у пчёл! После трёх килограммов сельдерея у тебя начались галлюцинации? Немедленно найдётся умник, который попытается повторить опыт.

Что-то мне подсказывало здесь примерно тот же случай:

— Я не считаю данные современных исследований, даже таких подробных как те, что провели в Заенбале...

— Занзебале, — едко поправил меня Альт.

— Конечно. Так вот, данные этих исследований требуют дополнительной проверки, желательно экспериментальной.

Кажется, Альт хотел продолжить, но замешкался, раздумывая к чему придраться, поэтому я быстренько дал высказаться кому-то другому.

— Ещё вопросы?

Ноа стояла рядом и невероятно упивалась происходящим. Её можно было понять: она как никто другой знала, каково постоянно иметь дело со всеми этими людьми, и на те вопросы, что сейчас задавались, Ноа отвечала ежедневно. Даже Гоа Эльт был гораздо адекватнее, чем большинство в помещении, особенно если отобрать у него спички. Кейтлетт на самом деле ещё неплохо держалась. Окажись я на её месте, уже через неделю оказался бы в психушке.

Когда ручку поднял пухленький офицер, по лицу которого можно было определить все те напитки, что он регулярно употреблял, Ноа расплылась в особо коварной улыбке. Похоже, этот экземпляр у мамы был совсем уж особенным. Ещё бы, ведь это был никто иной как Лой Шинку.

— Почему вы упорно игнорируете тот факт, что без командующего наш противник будет деморализован? — Что удивительно, вопрос был не таким уж и плохим, в сравнении с другими, конечно.

— А почему должен? — удивился я.

— Да будет вам! — заявил Шинку высокомерно. — Рейланд Рор погиб, сгинул в горах! Без него «солнечные» — пшик, пустое место.

Это был первый человек, который за всё время моего путешествия назвал меня погибшим, да ещё и в лицо! Это уже было обидно. Меня по-разному называли, но чтобы покойником! Не знаю, что бы случилось, успею я ответить, но именно в этот момент слово снова взял Хоаким.

На протяжении всего моего выступления он сидел тихо, практически не привлекая к себе моё внимание, продолжая прикладываться к фляге, словно перед ним разворачивалось крайне интересное представление. Хотя, если подумать, по сути так оно и было.

Моё внимание, соответственно, на него и не отвлекалось, а очень зря. Будь я чуть-чуть повнимательнее, то смог бы заметить, что Хоаким при всех своих «—измах» не так прост, как хотел казаться. Он медленно встал и, повернувшись к капитану, устало спросил:

— Как ваше имя?

— Капитан Лой Шинку, ваше величество! — Кажется, несчастный думал, что его сейчас наградят, судя по виду, рассчитывал он не меньше чем на орден.

— Рядовой Шинку... — начал Хоаким.

— Ваше величество, но я капитан...

— Не перебивайте своё величество, — голосом, холодным как лёд, прервал его король. — Так вот, рядовой Шинку. Будь вы хотя бы в половину меньшим идиотом, то заметили бы, кому вы адресуете вопрос о смерти Рейланда Рора... — Хоаким, явно сдерживая смех, выдержал небольшую паузу, а затем рывкнул во всю глотку: — РЕЙЛАНДУ РОРУ!

Повисла по-настоящему мёртвая тишина. Я посмотрел на помрачневшую Ноа и невозмутимо сообщил:

— Кажется, нам конец.

Вся аудитория, за исключением Галлена, который сидел с видом «вам же говорили», и Кейтлетт, у которой, судя по отрешенному виду, перед глазами проносилась загубленная карьера, как по команде повернулась в мою сторону. Стало ясно — сейчас меня будут бить, возможно, даже мечами.

Король тем временем каким-то образом оказался возле трибуны, неторопливо взошёл на неё и похлопал меня по плечу.

— Должен признаться, я ваш фанат, Рейланд, хе-хе, — Хоаким хихикнул. — Стервец, если вы что по-настоящему умеете, так это воевать и удивлять.

— Схватить его? — кровожадно спросила Ноа. — У нас есть дыба...

— Зачем она вам? — искренне удивился король и отмахнулся. — А впрочем, не суть. Нет, этот человек может быть свободен!

Единственная причина, по которой по залу не прокатилась волна возмущения, заключалась в том, что от удивления выпучив глаза и широко открыв рот невозможно разговаривать.

— Отпустить?! ЕГО?! — осевшим голосом уточнила Кейтлетт.

— Да, что-то не так? — невинно уточнил Хоаким.

— Но... но...

— Скажите, Ноа, вы набожный человек? — перебил её мычание король.

— Ну, иногда хожу в храм... — растерянно призналась Кейтлетт.

— А я набожный. Каждое моё утро начинается у алтаря с мольбой избавить меня от похмелья или хотя бы от тёщи... — Хоаким достал и приподнял свою фляжку, будто делал тост. — Долгих ей лет.

— Ваше величество, я всё равно не понимаю, как связан этот мерзавец и боги...

— Этот, как вы говорите, мерзавец прошёл горы, в нашей форме попал в лагерь, умудрился получить здесь еду и кровать, а затем проник на это совещание, где с огоньком в глазах рассказывал, как мы будем с ним сражаться, — перечислил король и спросил обращаясь ко всем присутствующим: — если это не воля богов, то что тогда? — Убедившись, что объяснений не будет, он продолжил: — Я не желаю ссориться с богами, а иначе как их проведением происходящее объяснить нельзя. Милостью короля Тофхельма, Рейланд Рор может быть свободен! Надеюсь, его наконец прибьют в грядущей битве, но здесь он под моей защитой!

Удивленный ничуть не меньше, а, наверное, даже больше, чем все остальные, я направился к выходу. Меня одолевало странное чувство по поводу случившегося. Это была красивая, очень рискованная игра, но ей для завершения чего-то не хватало. Эффектного эпилога, своеобразной вишенки на вершине торта.

Уже в самых дверях мой внутренний перфекционист не выдержал:

— Прощайте, господа и Ноа. Спасибо за еду, и не огорчайтесь сильно грядущему поражению. Пока-пока.

Мне в след полетели приглушённые проклятия и предложения сходить по весьма загадочным координатам, возможно, даже в Занзебал.

По вполне очевидным причинам не желая здесь задерживаться, быстрым шагом я пошёл по лагерю «лунных». Слово короля — это, конечно, хорошо, но ведь сначала меня прибьют, а уже потом будут оправдываться.

То и дело за моей спиной слышалось тяжёлое приглушённое дыхание вперемешку со злобным шипением. Меня словно преследовал кто-то высокопоставленный, очень желающий поговорить, но при этом из-за чувства собственной важности не смевший перейти на бег на глазах у солдат. Ноа иногда была так предсказуема.

Я в целом тоже хотел с ней поговорить, но там, где поменьше лишних ушей и глаз, поэтому позволил себя догнать только в воротах лагеря, у которых кроме пары караульных, мгновенно сделавших вид, что им нужно срочно уйти, никого не было.

Кейтлетт подошла ко мне и начала разговор, сразу обозначив ху из ху — с размашистой пощёчины, которую я решил стоически пережить. После всего произошедшего она заслужила маленький реванш.

— Что ты устроил здесь за цирк?! — злобно поинтересовалась Кейтлетт.

— Не поверишь, чистая импровизация, — самодовольно ответил я. — Впрочем, ты мне не поверишь, даже если я скажу, что дважды два — четыре.

— Пять! — упрямо возразила Ноа.

— Ну-ну.

— Как ты вообще выжил? Мне сказали, что на тебя свалилась целая гора!

— Ну, предположим, не целая... но... короче, меня вытащил Кейл Ресс. Тебе он может быть знаком немного под другим именем.

Подобная откровенность могла выйти для меня боком, однако сейчас было важнее заручиться поддержкой кого-нибудь из «лунных». План Кейла строился на том, чтобы

заставить нас ненавидеть, сцепиться друг с другом, а значит, нужно действовать прямо противоположным образом.

— Вот как ты здесь так быстро оказался, — кивая, словно отмечая этот пункт в уме, сказала Ноа.

— Да, мы прошли через Могильник, — не видя причин отрицать очевидное, рассказал я.

Увы, выводы из этого Кейтлетт сделала самые что ни на есть неверные:

— Значит, вы работаете сообща.

— Стой, ты всё неправильно поняла!

— А что тут понимать, Рейланд? Все Игры вокруг вас постоянно происходят, кхм, «совпадения»: то Расс-Ресс предупредит меня о твоей атаке, опоздав на пару часов, то две роты окажутся отравлены тем же самым ядом, что в избытке имеет Кайл. Потом та история с порохом...

«Точно! Как я только мог забыть, что Ноа сама выгнала Кейла, заметив за тем махинации. Это на корню рушило мою аргументацию!»

— Всё... не так просто, — растерянно начал я, уже понимая, что проиграл эту битву. — Послушай, Ресс задумал...

— О, мне известно, что вы с ним задумали. Обхитрить всех, чтобы победить. Не важно, каким образом. Победа не пахнет, да? — мрачно уточнила Кейтлетт.

— Да послушай же... — в отчаянии воскликнул я, но мне не дали договорить.

— Хватит! — Ноа ткнула кулаком мне в грудь и сразу же отступила на шаг назад, вынимая попутно из ножен роскошную рапиру. — Хочешь поговорить, Рейланд? Давай, но сначала прими бой, и если победишь, то я тебя выслушаю.

И в лучшие времена ещё неизвестно кто бы вышел из этого поединка победителем, но сейчас, когда у меня из оружия только погнутая сабля, исход был очевиден. К тому же я попросту не мог так рисковать — на кону нечто большее, нежели просто противостояние с Кейтлетт. Хватит одного доклада, вряд ли мне повезёт за один день дважды.

С холодом в груди пришлось принять, что эта битва мной уже была проиграна. Ноа не верила ни единому моему слову, и, надо признать, у неё были на это основания.

— Нет, дуэли не будет. Верить ты мне или нет, но происходящее далеко выходит за пределы нашего с тобой противостояния. Кейл... задумал очень плохое, и его надо остановить, а значит...

— Это означает, что ты трус! — злясь, перебила Ноа.

— Пускай. Это не худшее, что может случиться с человеком. Сражаться в такой ситуации...

И снова она меня перебила:

— Если ты так боишься сражения, то почему бы тебе тогда не капитулировать? Принеси мне или королю реликвии, и всё будет в порядке. Не для тебя, конечно, трус несчастный.

Удивительно было то, насколько правильные выводы сделала Ноа, абсолютно не владея ситуацией. Да, просто сдаться — наилучшее из решений. Такой исход ставил крест на любых планах Кейла, которые так или иначе были завязаны на сражении возле Саума.

Однако я не мог так поступить. В первую очередь из опасений, что, приняв такое решение, против меня взбунтуются подчинённые. И ещё неизвестно, чем всё закончится. Пока армия под моим контролем, я точно знаю, что и зачем делаю. Конечно, если всё останется как было. Ещё требовалось вернуться к своим и посмотреть, как отреагируют

подчинённые, может, не быть мне дальше командующим.

Моим лучшим вариантом на текущий момент было проиграть следующее сражение. Благо, теперь мне были досконально известны планы Галлена.

— Я боюсь не сражений, Ноа, а того, что может случиться, если оно произойдёт не в том месте. Поэтому, думаю, в ближайшие дни нам ещё предстоит сразиться. И, веришь или нет, но искренне желаю тебе победы.

— Думаешь, я пожелаю тебе того же? — с усмешкой осведомила моя собеседница, всем видом намекая, каким будет её ответ.

— Нет, и это даже радует. Надеюсь, ты выложишься на полную.

— Ты что, хочешь сказать, что обычно я выкладываюсь не на полную?! — начала заводится с пол-оборота Кейтлетт. — Наглый, мерзкий...

Любой разговор Рейланда с Ноа всегда напоминал прогулку с факелом по погребу, набитому порохом: вопрос состоял не в том, полыхнёт или нет, а когда это случится. Понимая, что разговаривать здесь больше не о чем, только бесконечно препираться, мне не оставалось ничего, кроме как попроситься:

— Да, именно так и считаю. Надеюсь увидеть твою настоящую силу.

Не обращая внимания на её возмущения, я пошёл туда, где, по мнению «лунных», сейчас были мои подчинённые. Путь предстоял не близкий, но что-то мне подсказывало, что после всего пережитого за это утро он не покажется сложным.

Ноа Кейтлетт вернулась в свою палатку куда более задумчивая чем обычно. Её терзали сомнения. Не из-за слов Рейланда — она не верила ни единому — а из-за него самого.

Она не узнавала этого человека. Ни в первый день, когда он пришёл на встречу в одиночку, ни сейчас. Нет, Рор вёл себя практически как и всегда: смело до нахальства, храбро до безумия, артистично до нарциссизма. Но то, как он командовал, то, какие решения принимал...

У Рейланда всегда был внутренний ограничитель. Расшатанный донельзя, но всё же. Он знал, когда надо остановиться, и останавливался. Неужели это всё влияние Рассы? Впрочем, стоило этому удивляться, учитывая сколько Кайл водил за нос её саму.

В палатке Ноа уже ждали. Альт, с видом человека, который ясно осознавал, что сейчас его будут бить, стоял по стойке смирно. Даже одежду поправил. Впервые за Игры, это говорило о многом.

— О чём болтали? — беспокойно поинтересовался адъютант.

— Да так... о всяком.

Не успела Кейтлетт сказать что-то ещё, как в палатку, пылая гневом, не вошёл, а ворвался Анри Галлен, державший в одной руке какие-то бумаги, а в другой средних размеров книжку без каких-либо опознавательных знаков.

Книжка эта мгновенно привлекла внимание Альта, но всего на пару секунд, затем его отвлек её владелец. Командующий был настолько вне себя от злости, что даже потерял где-то свои очки, из-за чего постоянно щурился, что придавало ему злобно-заговорщический вид.

— Вы ответите за этот позор, оба!

— Командующий... — начала Кейтлетт, но ей не дали договорить.

— Может, король и благосклонен к вам, Ноа, но я-то вижу вас насквозь! Всю вашу суть, — прошипел Галлен презрительно. — Вы противник прогресса, а значит, самый

страшный враг нашего королевства. Гораздо страшнее даже Рейланда Рора.

— Можете считать как угодно. Мне плевать, — упрямо возразила Ноа. — Я служу Тофхельму всю свою жизнь и делаю это так, как умею.

— Служите значит? — лукаво уточнил Анри, не особо впечатлившись таким заявлением. — Что ж, в таком случае у меня и короля есть для вас новый план. Ознакомьтесь.

Он демонстративно бросил на стол Кейтлетт те самые бумаги, что принёс с собой. К глубочайшему удивлению Ноа и Альта, ими оказался новый план действий.

— Когда вы успели... Вы... вы что, заранее написали два плана?

— Да, — самодовольно подтвердил Галлен. — И этот вариант уже утверждён королём.

— Но как? — удивился Альт, не понаслышке знавший, как неспешно работал его величество. — Так быстро?

— Разумеется. После того, как вы вдвоём скомпрометировали перед врагом предыдущий, мне не оставалось ничего, кроме как предложить новый.

Не веря этому, Ноа вчиталась в текст. По мере чтения на её лице сменялась одна эмоция за другой, от гнева до отчаяния. Галлену явно понравилась такая реакция:

— Время доказать не словом, а делом, насколько вы преданы своей родине. Она этого не забудет. — Анри мерзко улыбнулся и добавил: — Если повезёт.

— Да уж, такое не забудут, — отрешённо согласилась Кейтлетт.

Договорив, Анри рефлекторно попытался поправить очки, но поняв, что их нет на месте, раздражённо поморщился и вышел прочь. Ноа же безвольно осела в своё кресло. План выпал из её опустившихся рук и разлетелся по полу. Альт, не замечавший ранее за своей командующей подобного драматизма, осторожно принялся собирать листы.

— Что, всё очень плохо?

Вместо ответа Кейтлетт молча покачала головой. Циону даже показалось, что у неё слёзы на глазах.

— Я возглавлю в грядущей битве авангард, — рассказала Ноа. — Пять сотен солдат, отобранных на моё усмотрение.

— Оу, ну это, конечно, так себе, но...

— Мы должны будем выманить противника, сковать его боем.

— Зачем? — растерянно спросил, пытаясь найти в этом зерно замысла, адъютант.

— Это известного одному Галлену, — мрачно ответила Кейтлетт.

— Но... — Альт осёкся, принявшись думать над тем, зачем такой манёвр вообще мог понадобиться. — Выглядит как самоубийство.

— Это не само, это просто убийство, — не согласилась Ноа. — Галлен посылает нас на смерть.

— Ну, может, если всё пройдёт гладко... — постарался утешить её адъютант.

— Как может пройти гладко атака в лоб такими крошечными силами? — раздражённо поинтересовалась Кейтлетт.

— Иначе говоря, вы просто приманка, — догадался Альт. — Неужели Галлен рассчитывает, что Рор на это поведётся?

— Ошибаешься, — Ноа вздохнула и объяснила. — Старый петух рассчитывает, что я поведу солдат в бессмысленную самоубийственную атаку, где мы все поляжем. Получится, что куча людей под моим командованием погибнет зря, и только Галлен спасёт отечество от полного разгрома... Это конец моей карьеры, Альт, после этого... ничего уже не будет.

— Но ведь это не ваш план... — начал адъютант, но в следующую секунду оборвал сам себя.

План — хитрая вещь. Его неисполнение грозит серьёзным наказанием, но и точное его выполнение не гарантирует награды. Галлен, как вышестоящий, всегда всё сможет вывернуть так, будто это Ноа повела людей в глупую атаку, неверно истолковав приказ. Случись это с кем-то иным, вмешались бы другие офицеры. Но в случае с Кейтлетт такого не будет. Её не любят. Анри Галлена, впрочем, тоже, но его готовы терпеть, в отличие от «выскочки девчонки».

— Шанс ещё есть, — вдруг с мрачной решимостью на лице заявила Ноа. — Победить. Плевать, что там хочет старый петух, сколько он отдаст сил в авангард или ещё что. Если мне удастся с их помощью разбить Рейланда, то мне удастся избежать катастрофы.

— Это безумие похлеще предыдущего плана! — заявил Альт. — Пятьсот человек против целой армии!

— Пускай. Это мой единственный шанс. Галлен считает, что я погибну. Рор — что сражаюсь не в полную силу. Значит, пора показать им обоим, насколько они заблуждаются.

Огонёк в её глазах испугал Альта до жути. Никогда ранее он не видел Ноа такой.

— Может, оно того не стоит? — всем своим видом стараясь подчеркнуть, что не имел в виду ничего такого, спросил Альт.

— А что стоит? Тебе, Альт, нечего терять — это твои первые Игры. У меня они седьмые.

Адъютант с запозданием понял, насколько дурацким был его вопрос. Ноа Кейтлетт участвовала в Играх с десяти лет, считай, всю свою жизнь. Разумеется, для неё текущий выбор равнозначен выбору между жизнью и смертью.

— Значит, или победа, или...

— Никаких «или», — прервала его Ноа. — Только победа, иного выбора у меня теперь нет.

Альт тревожно покосился на неё и неожиданно словил себя на мысли, что он заметил что-то, но уже не помнит, что именно. Какая-то мелочь, которая могла всё перевернуть.

Хитрость против хитрецов

Примерное месторасположение «солнечных» мне удалось узнать ещё до доклада. А вот найти «вживую» оказалось уже не так просто. Сказывалось то, что мои подчиненные с самого утра снялись с лагеря и двинулись в путь. Поэтому, когда я к полудню добрался до того места, где проходила ночёвка, меня встретила только сильно вытоптанная земля и разбросанный мусор. Впрочем, я очень хорошо знал, что по этому же мусору будет легко определить, куда именно направились мои подчинённые.

После унылых серых гор местность вокруг приятно радовала глаз, хотя ничего сверхвыдающегося в ней не было. Зелёные холмы с редкими скалами, напоминающими о том, что горы хоть и закончились, но всё ещё неподалёку. Пару раз где-то на горизонте мелькнули леса, но до них было далековато; несколько раз попадались по пути и мелкие озёра, к которым жалась многочисленная растительность, но я возле них задерживался лишь для пополнения запасов воды.

Наконец, спустя пару часов, когда день начал клониться к закату, вдали показалась моя цель — растянувшаяся на многие километры серая змея, поблескивавшая сталью на солнце. Догнать её получилось не сразу, но не передать моей радости, когда я это наконец сделал. Вонзившаяся рядом со мной в землю пуля тоже была рада меня видеть.

— Стой! Кто идёт? — раздался крик, напомнивший о том, во что я был сейчас одет.

С моей униформой, надо думать, мне ещё повезло. Учитывая накал страстей, могли пристрелить и без спроса.

— Свои!

— Здесь нет никаких своих! Знаем мы вас, «лунных», идёте воровать наши дома, насиловать гусей и сжигать женщин!

Я взгляделся в того, кто это говорил. Хотя расстояние между нами было весьма солидным, мне удалось разглядеть знакомые черты лица у предводителя патруля, благо, он восседал на коне.

— Ничего не перепутали, капитан Кай?

— Э-э-э, возможно, а что?

— Да так, ничего. Говорю, свои.

Я тяжело вздохнул и не без сомнений продолжил путь, подняв на всякий случай руки вверх. Капитан Кай, который меня наконец опознал, бросился ко мне:

— Мы столько прошли без вас, думали, вы погибли...

— Два дня гауптвахты вы уже себе заработали, — я остановил этот поток сознания жестом.

— За что? — удивился Кай.

— За пораженчество! Вы не должны были допускать и мысли о моей гибели! — сообщил я нравоучительно, и, дождавшись, пока радость у него на лице сменится отчаянием, добавил, — на ваше счастье, в честь летнего солнцестояния будет объявлена амнистия.

— А почему не в честь вашего возвращения? — усмехнувшись моей шутке, поинтересовался капитан.

— Потому что это само по себе праздник.

Оставив Кая, которого переполняли эмоции, вместе с его подчинёнными сторожить фланги, я отправился дальше, достигнув наконец колонны сбоку. Измученные ходьбой

солдаты в такой близкой сердцу и знакомой форме тридцать третьей бригады отдавали чем-то родным, практически домашним. Хотелось кинуться и обнять кого-нибудь с криком «наконец-то, родненькие»!

Однако подобная радость определённо была односторонней. Солдаты, увидев меня, отреагировали примерно никак. Некоторые, конечно, приободрились, заметив, что командующий обратил на них внимание, но не более того. Словно все они только что максимум этим утром меня уже видели.

Я ожидал куда как более яркой реакции на возвращение. Мои надежды на это окончательно похоронил какой-то сержант:

— Командующий? Вы вроде были только что во главе колонны? И верхом...

— Да вот прогуляться решил... — ещё не понимая, что тут происходит, но уже смутно подозревая, ответил я.

— Вас кэп ушёл искать... капитан Ноктим в смысле.

— Надо — найдёт. Так держать, бойцы!

— Так точно! — хором раздалось мне ответ.

Полностью обескураженный происходящим, я двинулся вперёд, намереваясь найти Леона и остальных людей, принимающих решения.

На всём протяжении пути меня встречала одна и та же реакция от подчинённых, точнее полное отсутствие оной. Будто, по мнению окружающих, их командующий и не пропал никуда. У меня, конечно, были определённые сомнения насчёт собственной важности в армии, но чтобы НАСТОЛЬКО всё было плохо, я и подумать не мог.

Ближе к голове колонны ситуация и вовсе стала пугающей: солдаты при взгляде на меня замирали на секунду, словно у них выскакивала системная ошибка.

Долго искать причину такого не пришлось: она остановилась передохнуть в тенёчке скалы, чуть в стороне от марширующих солдат, где компанию ей составляли граф Сайрас, а также капитаны Эльт и Ноктим.

В целом это была практически полная моя копия, если не считать такого МАЛЮСЕНЬКОГО факта, что Гун-Гуна просто переодели в мою одежду. Он даже свой обычный халат не снял! Не говоря уже про волосы и фонарь.

Привлекая к себе внимание, я демонстративно закашлялся, словно бывалый астматик, чему очень поспособствовало «небольшое» облачко, выпущенное Лоем:

— КХЕ-КХЕ!

— Командующий... — первым заметил меня Леон с таким выражением, будто его застукала жена за изменой. — Рейланд, я могу всё объяснить!

— Что Гун-Гуну нечего было надеть, и вы просто не нашли другого выхода? — ехидно уточнил я. — Или, может, он случайно упал в кучу с моей одеждой?

— Это абсурдно, — заметил граф.

— Не абсурднее того, что я сейчас перед собой вижу.

Я рукой указал на проходящих мимо солдат, половина из которых спотыкалась на ровном месте из-за переизбытка командующих в поле зрения, а вторая никак не могла поднять челюсть с пола.

— Ну, мы же не могли вот так сообщить, что вы погибли... — признался Леон полушёпотом.

Я собирался крикнуть «кто тут ещё погиб», но остановил себя. У солдат и так едва не выкипал мозг от дубликата командующего, а уж если выяснится, что помимо двух

командующих есть ещё и третий — погибший — будет совсем плохо. Многие могли не пережить такой экзистенциальный кризис.

— Обычно люди гибнут после того, как на них падает гора, — заметил капитан Ноктим спокойно.

Замечание было дельным. И всё же одно мне не было понятно:

— Как в это вообще поверили, это же... ну... Гун-Гун???

Чудак с хитрецей посмотрел мне прямо в глаза.

— В наши дни кто угодно может быть Рейландом Рором, — возразил мне чудак. — Даже Гун-Гун.

Не успел я понять, что он имел в виду, как меня от этих мыслей отвлек Леон:

— На самом деле мы объявили, что вы заболели и поэтому не показываетесь на людях. Гун-Гуна мы им презентовали только вчера.

— И как прошло?

— Гун-гун сорвал овации! — самодовольно сообщил чудак.

Не желая признавать, что такое возможно, я встал рядом с чудакон и руками принялся показывать, что общего у нас в лучшем случае принадлежность к мужскому полу. Даже рост был разным, не говоря уже о комплекции, цвете волос и их длине, особенно на лице.

— Вас же неделю не было, — пожал плечами Гоа Эльт, показывая, что не заметил особой разницы. — Отросло.

— Угу, отросло, побелело и вспучилось...

Неожиданно меня прервал радостный женский крик:

— Вы вернулись!

Это ко мне на полном ходу неслась Миюми с полным подносом еды наперевес. Я хотел было предупредить её, что бегать с таким грузом по неровной местности — не лучшая идея, а в случае моей помощницы она и вовсе обречена на провал, но было уже поздно.

Как и следовало ожидать, девушка споткнулась, уже падая постаралась спасти содержимое подноса, но всё, чего ей удалось достичь, это отправить его мне в лицо. Обидно было даже не получить бутербродами по лицу, а то, что зелёная егерская форма, которая мне так нравилась, оказалась безнадежно убита «кофе». Она не просто испачкалась, а в нескольких местах прожглась, словно ее облили какой-то кислотой.

— И я рад тебя видеть, Миюми, — снимая со лба кусочек колбасы и отправляя его в рот, сказал я. — Ты то хоть догадалась что к чему?

— Конечно! — девушка, крайне довольная собой, кивнула. — Сердцем почувствовала, что это не вы!

— Да, других зацепок не было... — ещё раз оглядев Гун-Гуна в моей одежде, тихо буркнул я.

— Были! — вдруг возразила Миюми. — Он отказался пить кофе!

Все присутствовавшие, включая меня, осуждающе посмотрели в сторону чудака, который остался безучастен к этому:

— Гадость несусветная.

Градус осуждения, направленный в его сторону, возрос пропорционально количеству слёз, проступивших у Миюми на глазах.

— Куда собственно идём-то? — понимая, что сейчас разговор может уйти совсем не в то русло, спросил я у Леона.

— Наступаем в сторону Саума, конечно! — ответил за него Эльт самоуверенно.

— Мда? «Лунные» считают иначе, мол, это они вас преследуют, — поделился «разведданными» я.

— Вы, наверное, не в курсе, но мы захватили вторую реликвию и... — начал рассказывать Леон, но был мной остановлен.

— Да, слышан. «Лунные» до сих пор с ужасом рассказывают страшилки про некоего капитана, который собирался сжечь каменную крепость.

— Это было бы великолепно... — Эльт смущённо потупился и скромно шаркнул ножкой, словно художник, чью работу наконец поместили в национальную галерею.

— К слову, о «лунных»: что это у вас за одежда такая и где вы всё это время в самом деле были? — настороженно поинтересовался Леон, взглядываясь в остатки надетой на меня униформы.

Уже зная, что лишнее упоминание Кейла сделает только хуже, поэтому своего попутчика я решил вовсе не упоминать:

— В основном в горах, вас догонял. Пришлось идти через Могильник... — мне определённо начинала нравиться та реакция, которая производило это слово на остальных.

— Не лучший выбор маршрута, — даже Лой Ноктим и тот удивлённо пыхнул своей трубкой.

— Иного варианта выбора у меня не было.

— Понравилось? — подмигивая, спросил Гун-Гун

— Ещё как. Так понравилось, что больше туда ни ногой.

Все дружно покачали головами, как бы признавая, что согласны со мной. Особенно сильно кивала Миюми, и что-то в её глазах мне подсказывало, что это не последний мой рассказ про путь через Могильник.

— Но есть у меня и хорошие новости, — я указал на свою форму. — У лунных отличная форма! — Шутку почему-то никто не оценил, наверное, им не нравился зелёный цвет. — Мне удалось провести некоторое время в лагере Кейтлетт, точнее Галлена, и выведать все планы нашего противника.

Это уже заинтересовало собравшихся, особенно сильно Леона:

— Откуда? Источник надёжный?

— Более чем. Это я. Не поверите, но этим утром лично представлял эти планы королю Тофхельма.

Граф потрясённо на меня уставился, не зная что на это ответить. По эмоциям, тенью проскальзывающим у него на лице, стало понятно, что мысль его двигалась совсем не в том направлении, в котором мне бы хотелось.

— Сколько безумно удачных совпадений... — с явным подозрением в голосе и на лице начал Леон.

— Ага, и всё это мой злобный план, — с раздражением отмахнулся от него я. — Начиная со скалы, которая упала мне на голову, путём через горы, Могильник опять же, «лунные», принявшие меня за своего. Экий я затейник, да, Леон? Если надо организовать свадьбу — обращайтесь.

— Нет, спасибо, я уже женат, — снижая накал подозрений, отказался граф.

Заметив, что разговор в очередной раз уплыл куда-то не туда, я сменил тему, кивнув в сторону марширующих войск:

— Так или иначе ваше бодрое совсем не отступление нужно прекратить. «Лунные» твёрдо намерены дать бой, и последнее, что нам нужно, — это падающие от усталости

солдаты.

— Их кратно больше, — напомнил соотношение сил капитан Ноктим.

— Да, и это хороший повод встречать их не уставшими в голом поле.

Всех вполне устроил такой план действий. Удивительно, но даже Леон не имел ничего против:

— Значит, вы вернулись и готовы к действиям?

— Угу.

К моему удивлению, от такого ответа на лице графа появилось облегчение. Похоже, ему очень понравилась перспектива переложить бремя власти, а значит, и ответственности на кого-то другого.

— Ну, тогда ура командующему, — провозгласил Леон, и был мгновенно поддержан остальными.

— Ура. Ура! Ура!

Глядя на всю эту волне искреннюю радость, я, к своему удивлению, ощутил себя последней мразотой. Ведь в моих планах было грядущую битву целенаправленно проиграть.

Новость о моём возвращении распространилась по армии со скоростью света. Люди, которые ещё полчаса назад были свято уверены в том, что я никуда и не пропадаю, радовались этому событию так, будто ничего лучше в их жизни не происходило. А стоило мне пройти рядом, как сразу же раздавались крики, полные радости:

— Слава Рейланду Рору! Победа будет за нами!

Учитывая, что дел у меня оказалось более чем достаточно и скакать туда-сюда на выделенном по такому случаю для меня коне приходилось словно на уроке физкультуры, сдавая «челнок», то таких криков я наслушался за день с избытком.

И опять же худшим было понимать, что подобное отношение абсолютно незаслуженно. Впрочем, самокопание и прочая рефлексия были не на первом месте по важности.

То и дело мои перемещения прерывала очередная пальба ближе к концу колонны. Это были лёгкие стрелки «лунных», которые двигались за нами, периодически предпринимая попытки ущипнуть нашу колонну за хвост.

— Леон, с этим точно ничего нельзя сделать? — спросил я, когда услышал очередные отдалённые хлопки.

— Они этого и ждут, — граф только развёл руками. — Их вроде немного, человек двадцать на конях, но стоит погнаться, и встретит вас уже целая сотня или даже больше.

— Они нас всю неделю терзают, — рассказал Лой Ноктим. — Это двадцать первая лёгкая рота — «Гончие псы севера».

— Надо же, впервые слышу, чтобы название совпадало с сутью...

— Пускай бегают сколько угодно, — фыркнул старый капитан. — Их слишком мало, чтобы что-то сделать.

Звучало логично. И тем не менее происходящее мне не давало покоя — ещё чего доброго на нас нападут посреди ночи. Не хватало ещё, чтобы, пользуясь хаосом и неразберихой, у нас похитили реликвии. Проиграть в крупном сражении — это одно, а вот дать противнику себя затыкать зубочисткой — совершенно другое. Поэтому я твёрдо вознамерился проучить «лунных». Но как это сделать?

«Вылазка? Не выйдет — так или иначе попадём в засаду. Может, самим организовать засаду? Но как это сделать? Так, чтобы быстро, посреди открытой местности?»

Даже сейчас, находясь совсем не в хвосте колонны, я мог легко наблюдать за передвижениями противника. Тот держался небольшими группками на расстоянии, чуть превышающем дальность стрельбы мушкета.

«Мне бы мины — и проблема решена. Только откуда их здесь взять? Хотя-я-я, пороха — после того как армия разграбила тылы «лунных» — сколько угодно, шрапнели — не меньше».

Это уже куда больше смахивало на план, точнее первую его часть. Также требовался меткий стрелок.

— Кто у нас самый меткий стрелок в армии? — поинтересовался я и сразу уточнил. — И с какого расстояния он сможет попасть в бочонок с порохом?

— Ноктим, наверное... — растерянно сообщил Леон.

— Нет, — покачал головой старый капитан. — Глаза уже не те. Это скорее про вас, граф. Я видел, как вы орудовали мушкетом: опыта не хватает, но рука и глаз знают, что делать.

— Что вы придумали? — смущаясь из-за комплимента, спросил у меня граф.

— Возьмём небольшой бочонок пороха, литра на три, я видел, у нас таких полно...

В разговор влез Лой Ноктим, который, кажется, уже не только понял мою идею, но и нашёл в ней изъян:

— Не выйдет, что тот бочонок сделает? Поднимет пыль?

— Для этого заменим часть пороха картечью. Заманим «лунных» поближе с дистанции, выстрелом подорвём пару. Должно хватить.

Леон и Лой переглянулись — затея им определённо нравилась, но требовалось больше подробностей.

— Неплохая идея, но как заставить противника по ним пройти? — спросил граф.

— Это предоставьте мне и капитану Ноктиму, — самодовольно ответил я. — Вы же, граф, разыщите Эльта и объясните, что от него требуется: порох, картечь и солдаты, которые это всё быстро закопают в земле. Затем отправляйтесь вперёд на пару километров по ходу нашего движения и найдите там место получше, в идеале чтобы это был обратный к нам склон холма. Потренируйтесь, если надо, возьмите пару помощников, чтобы перезаряжали за вас мушкет.

— Понял, сделаю.

— Удачи. Отправляйтесь немедленно, нужно это всё проверить до того, как солнце сядет. Жду сигнала. — Имелось у меня поручение и для Ноктима: — Ну а вы, капитан, отберите мне десяток солдат из своей бригады, из тех, которых очень тяжело найти, легко потерять и невозможно забыть.

— В смысле? — растерялся Лой.

— Чтоб бегать умели и прятаться в голой степи.

— Может, на коней их посадить?

— Нет, впустую угробим животных, — я отрицательно покачал головой. — По всаднику попасть легче, да и без них мы будем выглядеть более желанной мишенью.

Как раз очень вовремя, подтверждая мою мысль, мимо, на расстоянии где-то полукилометра, проскакало несколько десятков «лунных». Им наперерез сразу отправилось несколько наших конных патрулей. И хотя численность и тех, и тех была примерно равной, противник бой принимать не стал и отступил, сделав всего несколько выстрелов, к счастью, мимо.

Пока я с солдатами тридцать третьей ждал сигнала о готовности от Леона, «лунные» предприняли ещё несколько атак. Мне даже довелось поучаствовать в отражении.

Впрочем, битвой это назвать было сложно. Наш противник неожиданно, очень организованно, мелкими группками, верхом на конях, пошёл на сближение, дал залп, кто куда горазд, и сразу же бросился наутёк от патрулей. Что-то сделать в этой ситуации было фактически невозможно, настолько всё началось и закончилось внезапно. Благо, стреляли «лунные» с предельного расстояния, и точность откровенно хромала. Куда как сильнее подобные нападения били по боевому духу солдат, заставляя тех постоянно нервничать и при малейших признаках опасности падать ничком на землю.

Зато мне удалось разглядеть вражеских бойцов, не во всех подробностях, но достаточно, чтобы понять, что тут происходит. Судя по тому, что о подобной тактике Рейланд Рор раньше только слышал, но никогда самолично не сталкивался, это было свеженьким военным ноу-хау Тофхльема.

Видимо, исток этой тактики крылся в ружье новой конструкции, которое было легче и компактнее образцов стрелкового оружия, что стояли на вооружении обоих королевств. С таким уже и побегать нормально можно было и даже верхом пользоваться, но что гораздо важнее всего этого, судя по тому, что я увидел, эти ружья были казнозарядными. То есть, зарядив такой, ты мог не беспокоиться о том, что при тряске или наклоне ствола у тебя выкатятся пули или высыплется порох. Это очень многое меняло. Как минимум позволяло вражеским бойцам резко сближаться, стрелять, а затем отходить на перезарядку. Обычный мушкет таких фокусов не выдерживал.

— Нам таких хотя бы сотню... — с горечью сказал я, провожая взглядом отступающего противника.

— Такое ружьё стоит бешеных денег, — рассказал с сожалением Лой Ноктим. — И с ним надо уметь обращаться. У нас таких нет.

Это было справедливо — обидно, но справедливо. Рядовому солдату и саблю не всегда можно было доверять, чего уж говорить про куда более требовательный к месту произрастания рук агрегат.

— Видели такие? — удивлённо спросил я.

— Только очень хорошую подделку, — усмехнувшись, сказал старый капитан.

Наконец прибыл Эльт, который разве что не светился самодовольством:

— Это было сложно, но...

— Сложно было выкопать яму? — насмешливо уточнил я, однако Эльт остался невозмутим к моему сарказму.

— Но мы справились, хотя это и потребовало максимального напряжения наших сил. Ответственно заявляю, что это — лучшая яма во всём Тофхельме!

— Капитан Ноктим, как считаете, это медаль или сразу орден? — обменявшись с Лоем взглядами, в шутку спросил я.

— По меньшей мере, наградная лента, — фыркнул старый капитан.

Идея мне понравилась, но захотелось её развить:

— С надписью: «За лучшую яму в стране».

— Могу закопать обратно... — обиженно сообщил Гоа.

— Не надо ничего закапывать, — успокоил его я. — Она нам скоро пригодится...

Согласно плану, Леон нашёл подходящий холм. Это сильно облегчало задачу.

«Лунные», конечно, не идиоты и будут ждать засаду, однако, если не увидят на другой стороне никакого скопления солдат, без сомнений сунутся. А так их уже будут ожидать мои импровизированные мины и граф с мушкетом.

Оставалось только выманить противника. Для этого я со специально отобранными солдатами как будто случайно отстали и оказались отделены от основных сил тем самым холмом. Лёгкая жертва для численного превосходящего противника.

Стоять посреди поля, зная, что ещё чуть-чуть, и из высокой травы по тебе начнут стрелять со всех сторон, конечно, было нервно. Однако мысль о грядущей мести сильно утешала.

— Когда начнут стрелять, не падаем, а пригибаемся и бегом за холм, — напомнил я своим товарищам по приманиваю на живца.

— А можно в ответ шмальнуть? Гун-Гуну очень нужно!

Мне не удалось заметить, в какой момент чудак, сменивший свой фонарь на мушкет, но при этом всё так же щеголяющий в одежде командующего, оказался в числе «приманки», но исправлять это было уже поздно.

— Можно, но потом всё равно за холм. — К моему удивлению, тот же час раздался выстрел, а через пару секунд вдали послышался крик: чудак Гун-Гун ловко снял одного из всадников прямо на полном скаку. — Неплохо...

Меня прервали звуки стрельбы. Обычно они не мешали мне говорить, но в этот раз, будучи направленными в мою сторону, немного нервировали и сбивали с мысли.

— Валим!

Со всех ног я и остальные понеслись к холму. Нам вслед полетели пули, а также отрывистое пересвистывание — так наш противник общался между собой. До вершины, к сожалению, добежали не все: одного зацепило практически сразу, ещё одного пуля нашла буквально в метре от цели.

Перевалившись за холм, мы в ту же секунду залегли. Я осторожно выглянул, желая узнать, чем там заняты «лунные». А они сильно сбавили ход и о чём-то перекрикивались, похоже, чувствовали, что что-то происходит.

— Чёрт, неужели догадались? Гун-Гун, можешь их ещё раз взбодрить?

— Ща шмальну, — подмигнув, чудак ловко принялся перезаряжать мушкет.

За этим последовал выстрел и ещё один вскрик. Я всерьез начал задумываться над тем, что стрелком надо было назначать совсем не Леона.

Провокация сработала и разозлила «лунных». Одна их группа решительно перебралась через холм чуть в стороне от нас, держась на безопасном расстоянии, и тут же принялась свистеть, видимо, сообщая, что никакой засады тут нет.

Убедившись, что остальные силы противника тоже перешли в движение, я сразу же крикнул, прекрасно понимая, кто побеждает в забеге — пехотинец или всадник:

— Бегом со всех ног! Когда рванёт — вжимайтесь в землю!

Одновременно с этим послышалась пальба со стороны противника, заходившего к нам с боков. Поэтому дважды приказ повторять не пришлось.

Со всех ног мы рванули в сторону виднеющегося примерно в километре от нас хвоста колонны «солнечных». Где-то на полпути к ним должен был быть Леон, но ни его самого, ни рекомендованных помощников я не видел. Может, оно и к лучшему — значит, противник тоже вряд ли что-то заметил.

Ничто так не прибавляло сил и скорости, как стрельба сзади и осознание, что где-то под

ногами буквально разбросана взрывчатка. Мне даже показалось, что я видел одну из бочек, но думать об этом не хотелось — сразу в голову лезли мысли о том, что будет, если в неё случайно попадут «лунные».

Они же тем временем по полной втянулись в преследование, наплевав на всякую осторожность. Видимо, им ничуть не меньше нашего надоела эта бессмысленная суета, которая производила больше шума, чем вреда. Противник гнался за нами во весь опор с криками и улюлюканьем, изредка стреляя.

Мне казалось, что это будет не слишком эффективно, однако тройка упавших моих солдат, которые вот только что бежали рядом, считали иначе. Если так продолжится, то ещё чего плохого и по мне попадут.

«Солнечные», которые остановились и явно болели, наблюдая за происходящим, были всё ближе, а Леон всё не стрелял. Я уже начал думать, что что-то пошло не так и план сорвался, когда мимо меня просвистела одинокая пуля. В отличие от прочих, эта летела откуда-то спереди, а не сзади. Мгновенного взрыва не последовало — это было даже хорошо, ведь это дало мне время ничком упасть на землю и крикнуть:

— Ложись!

Интуиция не подвела. Практически сразу же последовал второй выстрел, за которым прогремел взрыв. Громыкнуло знатно, причём, как мне показалось, не так уж и далеко. Меня даже присыпало землёй. Соблазн подняться и посмотреть, что там происходит, был огромным, но удалось сдержаться и не зря — спустя несколько секунд последовательно раздалось ещё два взрыва, а затем сразу три, слившихся в один.

Свист «лунных» сменился паническими криками, которые резко оборвались ещё одним взрывом, на этот раз настолько громким, что у меня заложило уши.

Выждав немного и теребя уши, я осторожно приподнял голову, желая посмотреть, чем всё обернулось. Весь склон холма позади был изрыт следами от взрывов, рядом с которым лежали не шевелясь, как будто спали «лунные» и их верховые животные. На вид воронок было куда больше, чем выстрелов, которые я слышал. Видимо, некоторые бочонки, взрываясь, задевали соседние, производя эффект цепной реакции.

Успех был абсолютным: обратно за холм вернулось едва ли с десятков всадников, тогда как на земле оставалось не меньше сотни. Мы, конечно, тоже понесли потери, причём одного накрыло уже нашей картечью, но оно того стоило.

Тем временем ко мне, перехватив мушкет посередине ствола, подошёл Леон, вытирая пот со лба. Судя по всему, он с тройкой солдат спрятался за большим кустом метрах в ста от нас. Граф прямо светился самодовольством. Впрочем, было за что:

— Без шуток, отличная работа. Но почему так поздно?

— Мы с Эльтом думали, что вы побежите немного с другой стороны, — сообщил Леон с выражением лёгкой вины на лице. — К счастью, разница оказалась не такой уж большой, и «лунные» всё равно оказались там, где надо.

— А взрыв в конце?

— Пороха было больше, чем картечи, Гоа с горя закопал весь оставшийся кучей, — граф усмехнулся. — Надо признать — сработало.

— Всем, кто участвовал, моя безмерная благодарность, — заявил я восторженно. — Гун-Гун, тебе значок за меткость. Леон, вы знаете награды Риверкрасса лучше моего, найдите себе подходящую медаль...

Вдруг мне пришла в голову идея получше.

— Что? — заметив моё кратковременное смятение, спросил Леон.

— Вы, полагаю, не будете против не самого нового, зато очень современного ружья? — поинтересовался я с намёком. — По-моему, вон там позади как раз валяется несколько таких. Полагаю, их владельцам они уже ни к чему, а вот вам может пригодиться. Остальные тоже могут взять себе, хех, сувенир.

Мародёрство в армиях Тофхельма и Риверкрасса официально запрещалось. Неофициально практиковалось всеми повсеместно. Именно поэтому из всех присутствующих возмутился только граф:

— Вы же не предлагаете мне...

— Что?

— Грабить выбывших! — раздражённо возмутился Леон.

— Ну что вы, граф! Как так можно. Я предлагаю позаимствовать у них отличные современные ружья. Только и всего. Считайте это, м-м-м, обменом передовым опытом. А себя — исследователем.

— Но... — продолжил спорить Леон.

Тут явно требовалось зайти с другой стороны:

— Представляете, как король Риверкрасса обрадуется, если вы представите ему чертёж наиболее современного вооружения Тофхельма?

— Но я же буду им пользоваться. Чужим!

— Конечно, вам придётся попользоваться, — подтвердил я, всем видом показывая, что в этом нет ничего предосудительного. — Иначе как вы опишете его характеристики и внутреннее устройство? Решено. Приказываю вам немедленно пойти и начать исследовательскую деятельность во благо королевства! Приступать!

Судя по кислому виду, Леон не очень оценил мой вариант сделки с совестью, но спорить не стал. «Лунные», к слову, меня тоже в тот день больше не беспокоили.

Рвы, враньё и легенды

Вечером того очень насыщенного на события дня, когда армия встала на ночлег и была организована какая-никакая оборона на случай внезапного нападения, состоялся большой совет, на котором я как можно подробнее обрисовал всё что узнал, пока был у «лунных».

— Как видите, план противника откровенно дурацкий. Галлен переоценивает себя и свои силы. Конечно, их всё ещё больше, и у них есть гвардия...

Последнее предложение заставило помрачнеть даже круглосуточно самоуверенного Эльта:

— И что нам с ними делать?

— Ничего. Это лучшие из лучших, которые всю свою жизнь посвятили Играм и подготовке к ним. Всё, что мы можем... — перед тем как продолжить Лой Ноктим выпустил облачко дыма, которое разве что в череп не сложилось, — погибнуть достойно.

— Главное не ошибиться в написании последнего слова, — заметил я обеспокоенно.

Старый капитан был всецело прав. Гвардия Тофхельма — элита из элит. Обычно это был последний резерв. Их бросали в бой, только если других вариантов уже не оставалось. Десяток таких бойцов могли перевернуть ход боя, а сотня решить исход сражения.

У нас просто не было соизмеримых по мастерству воинов. Нет, теоретически, у Ривекросса существовала своя гвардия. Только если она ещё и участвовала в Играх, то была очень далеко на юге, отделенная от нас расстоянием в сотнями километров.

Видя, что настроение среди офицеров стремительно пошло вниз, я сунул руку в карман, нарисовав у себя на лице выражение неискренней жизнерадостности:

— Но есть и хорошая новость!

На меня в ожидании чуда устремились десятки глаз. Судя по всему, они ожидали, что в кармане окажется нечто, что решит все их проблемы.

— Господа, вашему вниманию... смотрите, какой четырёхлистный клевер я нашёл, пока бегал сегодня от «лунных»!

Похоже, от меня ждали не совсем этого. По лицам даже можно было предположить, что ждали совсем не этого.

Увы, чего-то более дельного мне предложить было нечего. Даже если бы я этого хотел. Весь день во мне боролись две противоположные точки зрения. С одной стороны, необходимость предотвратить кошмарный план Кейла любым возможным способом, самым простым из которых был проигрыш в грядущей битве. С другой же, нежелание предавать ожидания и надежды подчинённых, которые в меня искренне и по праву верили.

Вторая точка зрения держалась в основном на моём желании найти некое срединное решение, которое бы элегантно решало все проблемы. Но чем больше я над этим думал, тем сильнее понимал, что такого решения попросту не существовало.

Далеко не факт, что, окажись мы и «лунные» возле башни, даже случись там сражение, произойдёт катастрофа. План Кейла, как мне казалось, основывался скорее на удаче, чем на точном расчёте. Это был вопрос шанса, только на кону стояли даже не человеческие жизни, а судьба целого мира.

А ещё, если мне не удастся достичь Саума, то можно попрощаться с идеей вернуться домой. Несомненно, будут ещё Игры, а значит, будет ещё возможность вернуться. Только пройдёт в наилучшем случае два года — огромный срок. Мне уже доводилось видеть, что для

того, чтобы личность Рейланда Рора взяла надо мной верх, даже такого времени не требовалось. Сразу вспоминался мой постаревший двойник, оставшийся здесь, который даже не сразу вспомнил, что Ота Кохэку вообще существовал. Это фактически равноценно моей смерти — и на Земле, и тут останется один Рейланд.

— Может, нам не давать сражения, а сразу двинуться к Сауму? — прерывая мои мысли, раздался робкий вопрос, принадлежавший капитану Каю.

Этот же вопрос я задавал и сам себе. Такая версия развития событий была моим лучшим «срединным» вариантом. Галопом проскакать, игнорируя Ноа, Галлена и «лунных» вообще, с реликвиями к Сауму, завершить Игры, а потом домой. Оказавшись в своём теле, Рейланд наверняка сообразит что к чему и с Рессом сумеет справиться.

Однако всё бы хорошо, будь Саум где-то за тем холмом, тогда как в реальности до него был почти день пути. Вроде бы и немного, но это только так кажется.

— С «лунными» на хвосте мы далеко не уйдём. Поэтому необходимо давать бой, — заметил я с явным сомнением.

— А что изменится? — принялся спорить Леон. — Мы не сможем победить весь Тофхельм!

«Да, на это-то и вся надежда», — подумал я, но ответил иначе.

— Нам это и не нужно. Рассеять их, дезориентировать, заполучить немного времени и прорваться к башне.

Звучало это логично, и было видно, что многие офицеры с этим вполне согласны. Однако мне отлично было известно, что это заведомо гибельный план. Нас слишком мало, чтобы нанести «лунным» серьёзные потери. На одного моего солдата приходилось по пять-шесть противников. Неважно, сколько у кого львов или овец. Нас банально задавят числом.

Это станет неприятным поражением, но зато не бросит тень ни на Рейланда, ни на остальных. Всё лучше, чем сделать какую-нибудь глупость и потом перед всеми оправдываться. А дальше реликвии окажутся у Галлена или Ноа, и те завершат Игры как им угодно.

Да, при таком раскладе я здесь застряну, но что важнее: Кейл Ресс не сумеет осуществить свой чудовищный план. Судьба целого мира куда весомее моей собственной.

«А там, может быть, однажды...»

Отгнав эти мысли и вздохнув, я продолжил излагать свои планы на грядущую битву:

— Противник рассчитывает запутать нас множеством атак с разных направлений. Заставить метаться, паниковать и звать мамочку. Вместо этого мы стойко отразим несколько атак и перейдём в решительное наступление по центру.

И вновь чудеса моей демагогии. Звучало всё приемлемо, однако на деле сработать никак не могло из-за численного превосходства противника.

У меня по спине пробежали мурашки, когда я увидел, что Леон собирался что-то спросить. На секунду мне показалось, что он понял мой замысел, что всё пропало, однако его вопрос состоял в другом:

— А что, если противник изменит план?

— Значит, мы тоже всё изменим и будем действовать иначе, — развёл руками я, не видя проблемы.

— Не лучше ли тогда изначально продумать такой вариант? — подозрительно поинтересовался граф.

— И ещё сотню других, на случай если в бой вмешаются боги, зайцы-людоеды,

Рубиновый рыцарь, мать Гун-Гуна...

— Эй! — возмутился чудак, обнаружив своё присутствие там, куда его не звали.

— Что на офицерском совещании забыл, Гун-Гун? — раздражённо поинтересовался я у караула. — Выведите его!

После сегодняшнего подвига чудак твёрдо решил, что теперь ему можно всё. Впрочем, он и раньше влезал на офицерские собрания, но обычно сидел тихо и никому не мешал. Ладно, может, не тихо, но мне он точно не мешал. Прежде чем продолжить, я дождался, пока пара караульных, появившихся на мой оклик, вытолкают Гун-Гуна из палатки.

— Давайте, Леон, это всё просчитаем, «лунные» же подождут пару дней.

— Что ж, будь по-вашему, — граф не стал развивать тему дальше и, кипя недовольством, сел обратно.

— Давайте лучше подумаем, где нам завтра остановиться и дать бой...

Я указал рукой на карту местности, и все в палатке разом удручённо вздохнули. Во всём имеющемся в Тофхельме паноптикуме из гор, ущелий, перевалов, холмов, лесов и болот нас окружала сплошная равнина.

— Если, конечно, вообще есть какая-то разница.

— Зато рельеф максимально предсказуемый, — с мрачной ухмылкой заметил Лой Ноктим.

А вот Эльт считал иначе. Похоже, он уже планировал, как превратить эту равнину в нечто непредсказуемо хаотичное.

— Давайте выкопаем ров! — вдруг предложил Гоа.

— Зачем? — поинтересовался я нехотя.

— Противнику будет сложнее нас атаковать!

— Капитан, вы меня вообще слушали? Это мы собираемся атаковать...

Это был глупый вопрос. У меня давно было подозрение, что Эльт никогда никого не слушал, а просто действовал так, как ему хотелось, и только благодаря невероятной удаче, всюду следовавшей за Гоа, ему удавалось попадать в общую канву происходящего. Следующая его фраза только укрепила мои подозрения насчёт этого:

— Тогда давайте выроем ров рядом с противником!

— И что изменится? — уточнил я терпеливо.

— Не знаю, просто хочу выкопать ров, — честно признался Гоа.

В разговор откуда-то из дыма вмешался Ноктим:

— Может, ров и не такая плохая идея, командующий...

— Точно вам говорю — надо рыть!

— Знаете, капитан, — я злобно посмотрел на Эльта. — Гун-Гун там поди заскучал...

— Да не, тут довольно весело, — раздался жизнерадостный голос чудака, который неведомо как снова оказался в штабе.

— КАРАУЛ! — когда на мой крик явился караульный, я указал на Гун-Гуна. — Вывести его прочь и отправить чистить картошку.

— Но командующий... — робко попытался возразить мне солдат.

— Что ещё такое?

— У нас нет картошки...

— Что?

Мне и в голову прийти не могло, что этот извечный спутник солдатских провинностей мог иссякнуть. Это сулило катастрофой, ведь на нём строилась почти вся система

наказаний. Провинившийся или отправлялся чистить картошку, или лишался возможности её есть, или носил мешки с ней, или отправлялся её копать...

— Закончилась, командующий, — подтвердил страшный сон каждого белоруса солдат.

— Ладно, пускай тогда идёт чистит... — пришлось ляпнуть первое пришедшее в голову, — сухари.

— Мне снять с них кожуру? — ехидно уточнил чудак.

— УВЕСТИ! — крикнул я, после чего Гун-Гуна быстро вывели во второй раз. — Так с чём это я?

— Надо копать ров, — напомнил о своей идее, нахально улыбаясь, Гоа.

У меня в голове уже почти сложилась фраза, которая посылала Эльта с его идеями подальше от меня и поближе к чистке сухарей, но снова вмешался Лой Ноктим:

— Если вам не удастся быстро смять вражеский авангард, противник может успеть нас окружить. Пара ровов с кольями по флангам замедлят его.

Это было не только дельной идеей, но и вполне безопасной для моих истинных намерений. Никакой ров ход заведомо проигрышного сражения не изменит. Пришлось соглашаться:

— Неплохо, ещё предложения?

— Нужно... — снова подал голос Гоа.

— Эльт, мы уже решили копать ров, — напомнил Леон устало.

— А, да? Хорошо! — Гоа пришёл в полный восторг и сразу продолжил фонтанировать идеями: — Давайте сделаем бруствер!

— Эльт, нафига нам эти окопы? — снова спросил я. — Мы собираемся атаковать!

— А вдруг у противника тоже будет? — развел руками капитан. — Сделаем свой. Покажем, что в Риверкроссе делают лучшие брустверы!

— Капитан Эльт, вы пили? — осведомился граф Сайрас.

— Никак нет!

— Тогда идите и выпейте! — рявкнул я, едва удержавшись от того, чтобы добавить два слова: «свои таблетки».

Чеканя шаг, Эльт вышел прочь, как мне хотелось надеяться, до самого конца совещания.

— Командующий... — растерянно начал граф.

— Тоже хотите выкопать ров?

Раздались редкие смешки. С одной стороны, над шутками своего начальства было принято смеяться, с другой, граф был представителем короля, над которым смеяться было не принято. Подтверждая последнее, Леон косо глянул на смеявшихся, из-за чего те мгновенно умолкли.

— Нет, хочу напомнить вам, что у нас вообще-то есть пушки.

— Точно!

Удивительно, но это было дельное замечание. Все эти Игры с артиллерией у меня как-то не срасталось. Мы её теряли, не могли использовать, снова теряли. Словом, не прижилась она у меня. Теперь всё было иначе, и пушки попросту мешали мне проиграть. Их нужно было исключить из боя, аккуратно убрав куда-нибудь, где они не смогут себя проявить.

— Поставим на фланги. Будем строить нашу оборону там вокруг пушек.

Таким образом они не смогут ни помешать «лунным» атаковать своим авангардом по центру, ни как-то поддержать нашу самоубийственную атаку. Леон смерил меня долгим взглядом, но возражать не стал. Мне стало понятно, что надо поумерить пыл в своём

пораженчестве, иначе всё вскрыется.

К счастью, всех отвлек очередной внезапно вернувшийся Гун-Гун:

— А давайте поставим их на телеги, укрепим мешками с песком и на них...

Я успел только покраснеть от злости, как караульный явился сам и честно признался:

— Не знаю, как ему удалось это сделать.

— Убедитесь, что в этот раз он доберётся до места наказания. И сами там часик-другой посидите.

Закончив с этим, я осторожно свёл дальнейший разговор к долгим обсуждениям кому и где стоять, продлившееся до поздней ночи. Вот уж что можно обсуждать до бесконечности, так это.

Больше всего подобные разговоры походили на попытку построить чрезвычайно сложную систему, в которой каждый её элемент априори хотел быть на другом месте. Но стоило ему там оказаться, как он менял своё мнение и желал изменить позицию.

Достигнув некоего консенсуса по вопросу месторасположения, который в основном заключался в том, что я всё решил за всех, мне не оставалось ничего, кроме как отправиться отдыхать. В палатке меня уже ждала Миюми с ужином наготове и, что удивительно, Эльт, весьма специфически выглядящий.

— Капитан, что с вами? — На самом деле, мне даже не надо было ничего спрашивать, чтобы понять, что тут произошло.

— Ваше приказание выполнено, командующий!

Я окинул его долгим взглядом и не стал уточнять, что это и где этот ров расположен. Оставалось надеяться, что где-нибудь он нам не будет мешать проигрывать.

— Великолепно, свободны.

— Рад стараться! — отсалютовал Эльт и вышел прочь.

— По-моему, вы не слишком рады... — с сомнением заметила Миюми.

— Конечно, нет, ведь я ему запретил что-то где-то копать.

— Но он ведь стара-а-ался, — сообщила девушка с умилением. — Гоа мне столько рассказал, пока ждал вас, про этот ров...

— Миюми, нам с тобой давно пора поговорить о кое-чём более важном...

Я имел в виду что угодно, кроме рвов, но, кажется, она поняла меня как-то превратно.

— Конечно, ради вас что угодно! — сказав это, девушка принялась решительно собирать мои вещи.

— Ты что делаешь? — удивлённо осведомился я.

— Ну вы же хотели... — моя помшница запнулась. — Ой! А что вы хотели?

— Не обсуждать окопы, рвы, брустверы, лунный заговор, последнюю редакцию днд, новости моды, и конечно же всё что хотя бы отдалённо их напоминает, — перечислил я. — Идёт?

— Д-да, — немного разочарованно ответила девушка, кажется, ожидавшая чего-то другого, и уточнила: — а что такое окоп?

Это был неожиданный вопрос, учитывая, что в моей речи содержалось много других не менее загадочных для моей помощницы вещей.

— Не важно. Не бери в голову.

Неожиданно мне на глаза попались те две вещи, из-за которых и был весь сыр бор. Щит Луны и скипетр Солнца.

Больше всего щит Луны напомнил мне крупное блюдо, покрытое странным, но уже знакомым по приключениям в горах орнаментом. Концептуально — те же самые закорючки. Однако в отличие от них эти казались не более чем рисунком. Где-то на интуитивном уровне я знал, что это просто закорючки, ничего в себе не таящие. Хотя, наверное, должны бы — не просто так же их сюда поместили. Просто смысл давно забыли.

«Хотя-я-я, может, и не забыли!» — вдруг догадался я.

— Миюми, ты знаешь, что это символы?

Как и ожидалось, моей помощнице даже не потребовалось показывать, что же имеется в виду:

— Это язык богов, создавших реликвии.

— И что пишут боги?

— Ну, изначальный смысл утерян...

— Ожидаемо... — тихо буркнул я. — Так что там про смысл?

— Ну, здесь описывается история бога, который создал щит Луны, — рассказала моя помощница.

— Да? Хм, какой-нибудь кузнец?

— Нет! — неожиданно твёрдо возразила Миюми. — Это был великий правитель, мудрый и добрый. Ему хотелось защитить свой дом во что бы то ни стало. Но чем больше он для этого делал, тем меньше это нравилось его жителям. Дошло до того, что враги им угрожавшие стали людям милее, чем правитель, стремившийся их защитить. Они свергли его и казнили как тирана, оставив щит в наизидание потомкам.

— Типичная на самом деле история, — заметил я вскользь и указал на щит, — так что с ним-то? Или свою страну хотели защищать одной этой железякой?

— Не железякой! — возмутилась девушка с нотками религиозного фанатизма в голосе. — Это могущественный артефакт!

У меня на этот счёт были большие сомнения. Может, оно так и было. Когда-то очень давно. Сейчас же я видел перед собой переделку переделки переделки... и так далее очень-очень много раз.

Отложив щит, я взялся рассматривать другую реликвию. Скипетр Солнца уже побывал в моих руках ранее, хотя особого внимания тогда не удостоился — как-то не до того было. Однако сейчас меня обуяло любопытство. Не в последнюю очередь потому, что на этой палке тоже обнаружили знакомые мне по путешествию в горах символы.

Так же, как и на щите Луны, они не выглядели осмысленным письмом, а не более чем повторением некоего орнамента без понимания сути.

— А здесь что написано? — спросил я у человека, который точно знал и был готов дать мне ответ.

— Ну... — с очень знакомым выражением лица растерялась Миюми.

— Что, изначальный смысл конечно же утерян?

— Как вы узнали?

— Догадался... — жестом я пригласил свою помощницу начать рассказывать. — Так что там со смыслом-то?

— Здесь рассказывается история бога, создавшего этот скипетр.

— Какой-нибудь жадный до денег прохиндей? — и снова я не угадал.

— Не совсем. Это был правитель, желавший добра: чтобы все были сыты, хорошо одеты, счастливы. Ему действительно нравилось золото, но только потому что оно позволяло

сделать людей счастливыми.

— И что пошло не так?

На самом деле, мне очень хотелось заметить это с большим сарказмом — слишком уж очевидно было, что ничем хорошим подобные идеи не заканчиваются, но я решил не мешать Миюми.

— Люди обленились и хотели получить всё больше и больше, вообще ничего не предлагая взамен, — рассказала девушка. — Они перестали верить в своего правителя и начали считать богами уже себя, а всё происходящее — само собой разумеющимся. Когда к ним пришла беда, люди, наивно полагавшие, что им ничего не грозит, даже не пытались защититься... Гуляя по опустевшим руинам, правитель отдал свой скипетр последним выжившим и, виня себя во всём произошедшем, ушёл скитаться по миру.

— Типичные люди: чего не им дай, всё будет мало. Так, стало быть, эта палка — символ бога процветания? Так сразу и не скажешь...

Выглядел скипетр Солнца и вправду неказисто. Так же, как и другая реликвия, это была переделка переделки и так далее очень-очень много раз.

— Неужели ради этих безделушек люди готовы рисковать, бегая под пулями?

Вопрос был, прямо скажем, не «рейландовский», но так как услышать меня могла только Миюми, я не очень-то переживал по этому поводу. Да и вообще не сильно рассчитывал на ответ.

— Они очень важны — это дар богов! — ожидаемо возмутилась моя помощница.

Осторожно ковырнув ногтем деревянную рукоять скипетра, я убедился в том, что на лаке боги определённо сэкономили, и его неплохо было бы обновить.

— Что вы делаете? Это святотатство! — она решительно отобрала у меня скипетр, сразу бросившись проверять, всё ли с ним в порядке.

— Прости. Не надо было мне в это всё лезть...

В конце концов здесь раз в два года происходит крайне брутальная версия Олимпиады, и пара якобы магических предметов определённо не самое странное в этом всём. И это если не вспоминать про те вещи, которые мне повстречались в горах или того же Рубинового рыцаря.

— Почему вы не верите в богов? — вдруг спросила Миюми. — Вы ведь стольким им обязаны!

— Мдэ? — удивился я тому, что, оказывается, кому-то задолжал.

— Каждая ваша победа — это их дар! — фанатично заявила девушка.

— У меня иной взгляд. Более честный.

— В смысле?

— Ну, смотри. Ты же видишь вокруг кучу людей, так?

Миюми, словно ответственная школьница перед экзаменом, кивнула.

— Говорить, что победу им «даровали» боги, — это сильно принижать их труды.

— Боги награждают тех, кто старается! — стояла на своём девушка.

— Ты мне только что рассказала очень похожую историю, в которой стараться по итогу перестали вообще все, — напомнил я. — Ничего не имею против богов, но мне кажется, сейчас на Играх есть только люди. Победы и поражения — это лишь их заслуги и ничьи больше.

Не желая больше спорить — вся эта теология вызывала у меня изжогу — я оставил реликвии на попечение Миюми и медленно переместился за свой стол, где заметил не

только поднос с ужином, но и свежий номер «Вестника Войны».

И хотя брать эту мерзкую газетёнку мне абсолютно не хотелось, любопытство, что в ней написали по поводу моей пропажи, взяло надо мной верх. Мои руки сами открыли её, мгновенно заставив меня об этом пожалеть.

Глядя на заголовки, оставалось надеяться, что все хвалебные некрологи просто были написаны в более ранних выпусках. Ну, или просто в редакцию «Вестника» прибыла свежая партия бутиратов:

«Релейнд Рор не моллюск, а скользкий проходимец?»

«Сообщество Женвьенских ветеранов выступило с заявлением о сексуальном давлении по отношению к ним от некоего командующего Риверкрасса».

«Тигр Риверкрасса или похотливый извращенец? Анализируем вместе».

«У него были холодные скользкие руки...» — воспоминания капрала Крюге о Рейланде Роре».

Новостей с полей сражений в этот раз не было совсем. Оно и понятно. Даже мне начинало казаться, что Рейландов Роров уже существует не меньше трёх. Один сейчас где-то далеко наслаждался цивилизацией двадцать первого века, второй за него страдал в цивилизации века, навскидку, семнадцатого, а третий безустанно подбирался своими похотливыми холодными ручонками к каждому невинному, пухленькому капралу. Разумеется, «Вестник» знать не мог, как там поживал оригинал, однако даже с оставшимися двумя он явно не справлялся!

Я уже было хотел порвать эту мерзкую газетёнку и никогда больше не брать её в руки, но вспомнил о том, что Миюми всё ещё рядом. Мне не очень хотелось, чтобы завтра-послезавтра в газете вышла статья о том, что Рейланд Рор, красный от гнева, трясущимися руками рвёт ПРАВДУ о себе, поэтому пришлось отложить эти планы на потом.

— Миюми, что означает слово «аналитика»? — желая поразвлечься, поинтересовался я.

Её ответ, как это ни парадоксально, был одновременно неверным, но абсолютно правильным — девушка зарделась и покраснела, будто спросили что-то очень неприличное.

Позже, когда я уже собирался ко сну, Миюми вдруг решила ещё немного поговорить и осторожно поинтересовалась:

— Мы ведь победим, да?

— Конечно! Откуда такие вопросы?

— Просто... вы выглядите не очень уверенно, словно вас что-то гложет, — рассказала девушка обеспокоенно. — Странно, но раньше вы горели победой, а сейчас как будто нет.

Если и есть вещь более страшная, чем женская логика, то это несомненно женская же интуиция. Я боязливо покосился на свою помощницу:

«Неужели она так хорошо видит, что происходит у меня внутри головы?»

Тем не менее ответить что-нибудь надо, желательно что-нибудь эдакое, псевдофилософское и звучащее очень мудро или хотя бы мудрёно:

— Не важно, кто победит, важно, что мы сражались до последнего, — заметил я нравоучительно. — Но иногда победа может обернуться катастрофой большей, чем любое из поражений. В таком случае, не лучше ли проиграть?

— Нельзя так говорить! — возразила Миюми так решительно, как не спорила со мной даже по поводу реликвий. — Одинокий рыцарь победил в одиночку, и вы сумеете!

Уверенности девушки в моих способностях можно было только позавидовать. Но меня заинтересовала сама эта история:

— Кто?

— Одиноким рыцарь! — повторила девушка.

— Не слышал.

— Как это? — очень сильно удивилась Миюми — Двадцать четыре года назад один человек, которого потом прозвали Одиноким рыцарем, выиграл Игры!

Напрягшись, я сумел оживить какие-то воспоминания Рейланда на эту тему. Надо сказать, весьма смутные и непонятные. Впрочем, само событие было им под стать: никто так и понял, что случилось, хотя желающих разобраться было предостаточно. Сам Рор, как и многие другие, считали историю красивой выдумкой: формально на тех Играх, не взирая на череду ужасающих поражений, победил Тофхельм, но никак не один человек.

— Да брось ты, выдумки это всё...

— А вот и нет! — уверенно заявила Миюми.

— Ну хорошо, не выдумки, — нехотя согласился я и попытался успокоить девушку. — Не волнуйся, завтра мы победим, разве может быть иначе?

— Д-да? — очень умилительно уточнила моя помощница. — Можно мне тогда будет пойти с вами?

— Разумеется, куда ж мы без твоей дудки. — Пришлось соглашаться, хотя эта затея мне совсем не нравилась. — Спокойной ночи.

Оставалось надеяться, что завтра или Миюми забудет про это обещание, или битвы не будет.

Снова очутиться в родной кровати было невероятно приятно. Это даже позволило мне на пару мгновений забыть о том, насколько подло я собирался поступить, чего с лихвой хватило, чтобы провалиться в столь желанный сон, который в кои-то веки прошёл без видений, важных откровений и прочего. Просто расслабляющая, дающая сил темнота...

Современные методы войны

И хотя гиперреалистичных снов больше не было, спал я нервно. Всю ночь мне казалось, что меня кто-то окружал, приближался из ночной тьмы, тянул в мою сторону свои потные ручонки...

В конце концов меня попросту разбудили какие-то крики снаружи. Не успел я протереть глаза, как в палатку ворвался Леон уже при параде, но явно тоже поднятый совсем недавно:

— Командующий, у нас проблема!

— Нас что, атакуют?

— Пока нет.

Не сильно беспокоясь о своём внешнем виде, я выскочил наружу, благо, моя палатка стояла на небольшой возвышенности, откуда кое-как была видна округа. Надо признать, округа была бы видна значительно лучше, не будь она занята почти целиком «лунными». Леон, вышедший следом, подтвердил, что это не моя персональная галлюцинация:

— Похоже, Галлен совершил ночной переход.

— И что ему только не спится? Может, он ещё и про обед забудет?

— Хорошая новость: Эльт за ночь нарыл вокруг лагеря кучу рвов, — оставив моё бурчание без внимания рассказал Леон.

Мне было известно продолжение этой «хорошей новости».

— Дайте-ка угадаю плохую: он и его бригада на ногах не стоят из-за усталости?

— Да...

— Увидите его, передайте мою искреннюю от всего сердца неблагодарность.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы наметить в голове план битвы. Никаких особых хитростей, уже было откровенно не до них. Нужно было действовать прямо сейчас. Пускай я и собирался проиграть, но сделаю это так, чтобы никто меня не смог упрекнуть в том, что «солнечные» поддавались.

— Леон, поднимайте наших. Эльта и его сонь на правый фланг, там на вид поспокойней будет. Ноктима на левый, судя по флагам, гвардия будет там. Остальных ко мне в центр. Я пошёл собираться, буду у себя.

Однако Леон не собирался исполнять обязанности вестового, а вдруг вспомнил, что он глаза, уши и, наверное, жопа короля и принялся спорить:

— Нас прижали с трёх сторон, и у противника достаточно сил, чтобы замкнуть круг, не лучше ли будет ослабить центр, но оставить кого-то в тылу?

Идея была неплохой, но хотел бы Галлен нас окружить — уже бы окружил. Не знаю, что он там задумал, но если не собирается атаковать со всех сторон сразу, то и пускай.

— У нас нет столько солдат, чтобы их так размазывать по окрестностям. Наш шанс — это отразить атаку в лоб и с флангов, а затем контратаковать на плечах бегущих.

— Но...

— Времени нет, отдайте распоряжения!

Сборы у меня не заняли много. Не потому что мне повезло родиться организованным и умным, а потому что у меня есть Миюми. Без неё я бы всю битву простоял, не зная за что хвататься в первую очередь: идти выбирать себе оружие, искать одежду и доспех, ждать Миюми или сделать всё самому.

С её же помощью «в полном обмундировании» я был уже через пятнадцать минут. Я выбрал себе в качестве оружия обычную саблю, отличающуюся от таковых у других солдат разве что качеством исполнения и мордой тигра на рукояти — похоже, для Рейланда Рора это было более чем просто шалостью. Увы, с доспехом дела обстояли значительно хуже. Если часть оружейной коллекции моего альтер эго сумела пережить этот безумный поход, то про одежду и тем более броню такого сказать никак не получалось. Миюми, это чистое золото, принявшее форму моей помощницы, конечно, подсуетилась и нашла какую-то замену, но именно что «какую-то». От прежнего лоска и шика не осталось ни следа.

Таким образом, я уже через двадцать минут находился в центре нашего построения, где пока — это ключевое слово — всё было спокойно. Полусонные солдаты выстроились в кривоватые шеренги и кто во что горазд ожидали начало боя: кто-то проверял снаряжение, кто-то пил, кто-то грыз сухари, кто-то молился.

Меж шеренг с грозным видом ходили капралы и сержанты, скорее создавая видимость контроля, нежели действительно его обеспечивая. Из знакомых лиц я разглядел только капитана Кая, который как раз что-то рапортовал Леону, остальных же знал весьма заочно.

— Ваша подзорная труба, командующий, — запыхавшись, передала мне прибор Миюми.

— Спасибо. Что бы я без тебя делал.

«Стоял бы и пытался смотреть на противника как есть», — таким был верный ответ. Из-за всей этой спешки я не забыл свою голову в палатке исключительно потому, что она пока — опять же ключевое слово — была неотделима от тела.

Даже отсюда были заметны приготовления противника к атаке, но какие-то странные и мне не до конца понятные. Обычно перед атакой строились клином или колоннами, но «лунные» стояли длинными шеренгами, что-то там манипулируя позади своих рядов. Это было лишено всякого здравого смысла, такое построение попросту развалилось, стоило ему пройти сотню метров. Гораздо эффективнее действовать по принципу «семеро на одного» — атаковать могучими кучками на узких участках.

— Не могу понять, что они там затевают! — сказал я, отлипая от подзорной трубы.

— Думают, как эффектнее сдаться? — саркастично предположил Леон.

Вот от кого-кого, а от него юмор был очень неожиданным. Ему удалось меня удивить не менее сильно, чем «лунным»:

— Граф, вы наконец встали с той ноги?

— Будет дождь, — одарив меня кислым взглядом, заметил Леон.

Мне не сразу удалось понять, что это не какое-то фигуральное выражение, а буквальное: небо и вправду было мрачно. Кажется, даже вдалеке громыхнуло, однако понять, гром ли это или просто начало сражения, не представлялось возможным.

— Как, по-вашему, что они делают? — передавая ему трубу, спросил я, но, к моему удивлению, граф отказался.

— Понятия не имею, хотели бы атаковать, как вы говорили, уже бы атаковали.

Такой ответ меня не устраивал, потому что не был ответом.

— Тогда что они там делают? Не пришли же они сюда просто стоять!

— Может, им нравятся ваши истерики?

Мне захотелось ответить Леону его фирменным взглядом «я подозреваю каждый камень в измене», но меня отвлекли — прибыл вестовой в форме тридцать третьей бригады.

— Капитан Ноктим шлёт командующему свои наилучшие пожелания и просит сообщить, что противник катит пушки вперёд. Капитан просит указаний.

Это навело меня на интересную мысль, и я побыстрее снова приложил к глазу подзорную трубу. Присмотревшись, я смог заметить, что непонятные приготовления есть ничто иное, как подготовка к грядущему обстрелу, только чуть более неторопливая, нежели на нашем левом фланге.

— Эти паскуды катят на нас пушки! — воскликнул я раздосадованно и, кивнув вестовому, сказал. — Передайте капитану Ноктиму мою благодарность и лучшие пожелания. Скажите вести ответный огонь и действовать по обстоятельствам.

— У нас такой возможности не будет, — кисло заметил Леон, намекая на отсутствие пушек.

Я кивнул, показывая, что в курсе этого, спешно соображая, что же делать. Очень быстро мне на глаза попала небольшая земляная насыпь впереди:

— Эльт что и здесь успел выкопать ров?

— Вроде бы, — растерянно ответил граф.

Меня такая неопределенность не устраивала, пришлось пойти посмотреть. Ров это напоминало мало, скорее очень неровную канаву. Впрочем, какое-никакое, но всё равно укрытие. Правда, вместить в него всех не вышло бы при всём желании.

Тут мне вспомнились мои сны. В них многое полезное можно было отыскать.

— Леон, помните мою речь в первый день?

— Не очень. Какую именно? — уточнил граф.

— Ту, которая касалась изменения карт местности. Так вот, пришло время её воплощать в реальность.

— Вы же не хотите...

Но меня было уже не остановить. Вскочив на ближайшую кочку, я крикнул:

— Солдаты! Противник подло собирается воспользоваться своим преимуществом в пушках и засыпать нас ядрами. Не позволим! Не дадим! Лопаты, кирки в зубы и вперед копать и углублять канаву! А для тех, кто будет плохо стараться и отлынивать, она станет могилой! Капитан Кай, проследите.

Когда я договорил, мне оставалось только поступить как наилучший руководитель: отойти в сторону и не мешать процессу. Глядя на происходящее, я понял, что шутка про то, что десять чернорабочих заменяют экскаватор, крайне далека от реальности — хватит и шестерых.

— Думаете, сработает? Не лучше ли было приберечь силы для атаки? — с неодобрением глядя на вкалывающих солдат, спросил граф.

— Если нас засыпят ядрами — силы нам уже не понадобятся.

— Как рытьё земли нам поможет? — подала голос Миюми, которая, судя по выражению лица, категорически не понимала, что здесь происходит.

— Посадим здесь репку. Здоровую такую, чтоб целыми семьями приходилось вытягивать! — ответил я весело. — А вон там, где сейчас «лунные», будет картошечка. После нашей атаки и землю удобрять не придётся...

Судя по кислым лицам всех присутствующих, мой юмор никто не оценил и причин закапываться в землю так и не понял. Помнится, до тех пор пока на Земле в боях не начали убивать стоящего пехотинца в считанные секунды, тоже к окопам прибегали исключительно по случаю осады.

Объяснять эти прописные истины было долго, да и смысла особого не имело, поэтому я решил потратить это время на то, чтобы ещё раз посмотреть на противника. Пока я

разглядывал армию «лунных», мне пришло на ум сравнение с зоопарком.

Галлен собрал такой паноптикум из имевшихся у Тофхельма сил, что аналогия напрашивалась сама собой. Пухленькие интенданты, по которым сразу видно было, насколько хорошее у армии снабжение. Тощие, взъерошенные штабисты с неизменными кругами под глазами от постоянного недосыпания. Нервные, дёрганные логисты, которые на любой вопрос отвечали криком. Выдернутые со своих насиженных мест гарнизоны, явно страдающие лёгкой формой агорафобии. Ну и конечно же воспетые в легендах боевые прапорщики, которые были такими свирепыми, что их даже в плен не брали.

— Ваше хорошее настроение перед битвой это, конечно, прекрасно, командующий, но не следует ли предпринять определённые предосторожности? — тем временем поинтересовался нарочито спокойно Леон.

— Вы о колорадском жуке?

— О чём? — вытаращился на меня граф.

— Вредитель такой.

— Знаете, кто тут настоящий вредитель? — начал закипать Леон.

— Ну?

Я, увлекшись наблюдением, не видел, что там в районе расположения ушей короля происходило, но судя по заминке перед ответом графу потребовалось некоторое время, чтобы отлепить руку от лица.

— Забудьте, — вдруг его тон резко изменился. — Кстати, о реликвиях. Не лучше ли будет усилить их охрану?

— Неплохая идея, — согласился я. — Отправьте туда взвод солдат и...

— Так вы же уже, — неожиданно вмешалась Миюми.

— Что уже? — в этот момент, очень хорошо понимая каким будет ответ, я едва не упал.

Примерно аналогичные эмоции испытывал и Леон.

— Ну, пока я бегала, к вам пришёл солдат и сказал, что ему велено перенести реликвии в более безопасное место, — глядя то на меня, то на графа, рассказала девушка растерянно.

— Никто никого... — начал Леон.

— Это Кейл, — прерывая его, рассказал я осевшим голосом, понимая, какую ошибку допустил.

«Это же было во снах, один в один! Дважды! Вернее уже трижды!»

— Ой... — только и смогла сказать Миюми, осев на землю и начав реветь. — Я-я не хотела! Я не х...

Я бросил недобрый взгляд на Леона, который, похоже, был иного мнения. Мне не оставалось ничего, кроме как попробовать утешить её:

— Успокойся. Твоей вины в этом нет. Кейл бы заполучил реликвии... так или иначе.

Такой исход тоже был во снах. И тогда никакой жалостливый взгляд или общая милота его бы не остановила. Таким образом, уже не в первый раз общая наивность здорово выручала мою помощницу, защищая её лучше любого доспеха.

— Никому не слова о произошедшем, — сказал я, обращаясь не столько к Миюми, сколько к Леону.

— Думаю, солдаты сами узнают что происходит, когда «лунные»... — начал он, но, заметив гримасу раздражения на моём лице, прервался. — Мне что-то неизвестно?

— Ресс не имеет никакого отношения к «лунным». Они его считают таким же предателем, как и мы.

— Но-о...

Похоже, у Леона было по этому поводу множество вопросов, и судя по недоброму взгляду, не последний из них был о том, откуда мне всё это известно.

— Я всё объясню... — Прерывая меня, откуда-то слева, раздался отдалённый грохот, похоже, на нашем левом фланге уже начиналось. — После битвы.

Именно в момент, когда раздались первые взрывы, я понял, что не имею ни малейшего понятия, что делать дальше.

Проигрывать, как и собирался? Но ведь реликвии теперь у Кейла, и одним богам известно, что он сможет с их помощью натворить. Скорее всего, он решит осуществить свой план в урезанном виде: без гибели множества людей. У Ресса попросту не останется выбора, кроме как сделать так, ведь иначе он упустит свой единственный шанс на успех.

Побеждать? Но как, да и что потом? Нестись сломя голову к башне, надеясь догнать Кейла? Это означало дать ему возможность осуществить свой план в полной мере и устроить бойню.

Как это ни странно, но, похоже, именно второй вариант был моим единственным шансом. Пройти по кромке лезвия и остановить Кейла возле Саума — или полный триумф, или катастрофа, третьего было не дано. Правда, сначала нужно было победить «непобедимого» Галлена. Который, скорее всего, данное прозвище получил совсем не потому, что часто терпел поражения.

— Леон, мы меняем план битвы, — решительно заявил я, быстро оценивая обстановку.

— Зачем? — удивился Леон, начиная по привычке спорить.

— Затем, что мне пришло в голову, что наш старый план плохой. Уверен, здесь, посреди хаоса начинающегося сражения и плохих новостей, я смогу придумать что-то получше.

— И какой новый план? — фыркнул граф.

— Ещё не знаю, но поверьте мне на слово — он точно будет лучше старого.

— Командующий, вы...

— Такой молодец! — заметила фанатично, прервав графа, Миюми. — Не сдаётесь, несмотря ни на что!

— Спасибо, — умилился своей помощнице я.

— Это бесчестно! — воскликнула гневно и с презрением Ноа, врываясь к Галлену в палатку. — Вы меняете наши планы на ходу! В угоду своему самолюбию!

Прежде чем ответить, Галлен закончил что-то писать, вложил лист в небольшую книжку без обложки и, отложив её на край стола, сказал:

— С чего вы так решили, Кейтлетт, м?

— Думаете, я не знаю? Ха-ха! Вы узнали, что в мой авангард набились все ветераны! Этого вы испугались — что я преуспею!

— Вы очень высокого мнения о своей незначительной персоне... — фыркнул Анри.

— Да? Что ж вы меня так боитесь? Не потому ли...

Снаружи громыхнуло, затем ещё и ещё — похоже, пушки Рейланда тоже не молчали. Кейтлетт не могла не заметить, что Галлен при этом заметно дернулся, словно испугавшись.

— Это бесчестно! — повторила Ноа. — У нас преимущество: нас больше, мы атакуем, а вы собираетесь стрелять из пушек до вечера?

— Так вы выражаете мне свою благодарность? — насмешливо уточнил Анри. — Предпочитаете всё же возглавить атаку?

— Да! — решительно воскликнула Ноа.

— Возможно, в другой раз...

— Вы трус! — грубо перебив его, заявила Кейтлетт. — Сидите здесь, почти в километре от битвы и...

— И всё равно побеждаю, — самоуверенно закончил за неё Галлен и презрительно объяснил: — ваш взгляд на ведение боевых действий, Ноа, как бы так сказать... устарел. Честь, отвага, храбрость — это всё давно в прошлом. Современные методы войны в них не нуждаются. Времена, когда поединки один на один что-то решали, давно уже прошли. Пора бы вам это понять и начать мыслить иными категориями. Стратегическими.

— Да, я слышана о ваших категориях, — ответила на презрение презрением Кейтлетт. — Говорят, графу о потерях в отчётах вы заполняете ещё до начала битвы, записывая туда сразу треть своего личного состава.

Услышав это, Анри странно улыбнулся, снял свои очки и принялся протирать их краем френча:

— Знаете, Ноа, солдаты могут говорить всякое. Не станем же мы доверчиво слушать этот необразованный сброд?

Ноа встрепенулась от такого заявления.

— Мои солдаты — не сброд! И дело тут не в образованности!

— Может быть. Я в этом сомневаюсь. Как по мне, все они не стоят тех денег, что мы на них тратим. И тем не менее, несмотря на то, что там кто-то говорит — мои методы хоть и жестоки, но они работают.

— Просто у вас не было достойного соперника.

— У меня, в отличие от вас, нет никаких соперников, — ехидно объяснил Анри. — Есть только люди, которые стоят на пути и которых нужно с него убрать. Во благо моей страны. — Галлен надел очки и оправил френч, прежде чем продолжить. — Очень не советую оказываться у меня на пути, дочь писаря, иначе...

— Хватит! — не сдержавшись, Ноа со всего размаха влепила ему пощёчину.

Куда-то в угол полетели, разбившись, очки Анри, с его стола посыпались на пол бумаги, а голова командующего дёрнулась так, что он едва не повалился со стула.

— Вы пожалеете об этом... — прошипел Галлен, сжав зубы.

— Даже не надейтесь, — пренебрежительно фыркнула Кейтлетт.

Схватив перо и чистый лист, командующий размашисто что-то написал, а затем скрепил это печатью и вручил Ноа:

— Хотели атаковать? Вперёд. Прямо сейчас.

Взяв лист и бросив на его содержимое один короткий взгляд, Кейтлетт демонстративно пожалала плечами и развернулась, собираясь выйти.

— И не рассчитывайте, что я прерву обстрел... — исходился ядом ей вслед Анри.

— Не собираюсь. Мне плевать. Я, в отличие от вас, старый петух, не шарахаюсь от каждого ядра, разорвавшегося в километре.

Сказав это и подумав о том, что чем бы всё ни закончилось, оно того стоило, Ноа вышла. Снаружи её поджидал Альт, ожидавший новостей. Только заметив командующую, он ойкнул и поспешил обратиться с её пути.

— Ну как прошли переговоры? — осторожно спросил он, стараясь держаться на расстоянии.

— Я дала ему в морду и хочу повторить, — мечтательно закатывая глаза, ответила

Кейтлетт. — А ещё мы идём в атаку.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Но там же... — Альт боязливо покосился в ту сторону, откуда ежесекундно слышались разрывы ядер.

— Да-да: пушки, взрывы, Рейланд Рор. Мне плевать!

— А Галлен?

— Он предпочитает делать записи в своём дневничке, а не воевать. ТРУС! — последнее было скорее выкрикнуто, нежели сказано.

Замечая косившихся на них немногочисленных обитателей лагеря, Альт скромно шаркнул ножкой:

— А мне что делать?

Ноа окинула его коротким взглядом и пренебрежительно отмахнулась:

— Можешь быть свободен.

Больше не задерживаясь, она решительным шагом направилась к своим солдатам, оставив адъютанта одного. Он чувствовал себя паршиво — наори на него Кейтлетт, ему бы не было так обидно, нежели от подобного пренебрежения.

Когда «лунные» начали настоящий обстрел, а не просто пристрелочные выстрелы, залегли мы все дружно, даже команды не потребовалось. Оно и неудивительно, мало кто видел на Играх нечто хотя бы отдалённо похожее. У противника было много пушек, очень много. И он все пустил в дело, засыпая мою армию отнюдь не чугунными шарами, тоже весьма опасными, а разрывными бомбами.

Если бы я мог в этот момент думать о чём-то, кроме боязни умереть, то признал бы, что солдаты постарались на славу: за такой короткий срок ров Эльта был углублён и расширен как минимум втрое. Конечно, не номер-люкс, но всё равно лучше, чем лежать в чистом поле и надеяться, что в тебя ничего не прилетит.

Увы, на настолько высшую нервную деятельность я был в этот момент не способен. Меня с головы до пят сковал животный страх, такой, что даже пошевелиться было нельзя. Когда вокруг настоящий ад, сложновато объяснить своему мозгу, что всё в порядке и это понарошку.

Хотелось сжаться в маленький комочек и не шевелиться, пока не придёт мама и не спасёт меня. С трудом мне удалось открыть один глаз, что позволило увидеть, что спасать меня некому — все вокруг находились примерно в аналогичном состоянии панического страха, и если бы не ежесекундно рвущиеся повсюду вокруг бомбы, давно бы побежали.

«Неужели всё закончится вот так? Галлен победил меня просто всухую!»

Вспомнив того напыщенного старика, я понял, что очень не хочу, чтобы он меня победил. Это будет позором посильнее, чем то происшествие с ксероксом и моим галстуком.

«Ну уж нет! Чтобы меня победил человек, который даже на поле боя боится сунуться?! НИ ЗА ЧТО!»

Решимость надрать кое-кому зад, даже если это не приведёт к победе, помогла мне прийти в себя. Ещё немало этому поспособствовало то, что обстрел начал затихать — пушки «лунных» не могли стрелять непрерывно дольше десяти минут, после этого требовалось дать стволам остыть. Я снова мог шевелиться и даже сумел бегло осмотреться и найти Леона, вжавшегося в землю рядом со мной:

— Граф, вы меня слышите?!

Ответа не последовало — похоже, он и вправду находился в аналогичном моему состоянию. Нужно было привести его в чувство.

— Леон, я знаю, вы не трус! Иначе бы вы доставляли мне вдвое меньше проблем! — Увы, это не сработало, тут требовалось что-то посильнее. — Леон, мы собираемся атаковать противника в полный рост, танцуя джигу-дрыгу и распевая песню: «А я любила его сильнее, чем тебя»! Немедленно.

На этот раз граф отреагировал: поднял голову, а на его лице медленно, словно на старой фотографии, проявилось выражение возмущения.

— Это безу... — начал он, но прервался на полуслове, поняв, где находится. — Что? Ох, кажется, отпустило! Спасибо!

— Понимаю, — кивнул я. — Нужно остальных тоже привести в чувство. Самое время для атаки.

Я указал вперёд, на пушки «лунных», которые как раз окончательно затихли, но ненадолго. Леон скептически посмотрел на остальных, которые не то что атаковать, но даже встать вряд ли смогли бы.

— Это безумие! — повторил он.

— Нет, это современная война! Захватим пушки и покажем «лунным», насколько приятно получать ядрами по голове.

— Нас расстреляют на подходе!

— Храбрых и глупых ядра не берут! — заявил я самоуверенно.

— А они в курсе?

— Кто?

— ЯДРА! — Леон в этот момент был одним большим возмущением, впрочем, имелся у него и иной довод «против». — И как вы собираетесь привести в чувство остальных?

— Есть одна идея! — я стал озираться в поисках Миюми.

Она свернулась комочком где-то у меня в ногах. Похоже, происходящее для неё было настоящим кошмаром наяву. Впрочем, так было для всех нормальных людей. Только полностью отмороженные социопаты вроде меня видели что-то нормальное в этом вот всём. Вообще сейчас мне нужна была исключительно дудка, но моя помощница ухватила за нее так, словно от этого зависела её жизнь.

«Зачем я вообще потянул сюда это милое создание? Надо было отослать её обратно». Впрочем, жалеть об этом было уже как-то поздно.

— Миюми! Миюми!

Девушка никак не отреагировала на это. Мне уж подумалось, что её накрыло, но потом я заметил, что она жива, просто испугана донельзя.

— Миюми! Ты в порядке?!

Идиотский вопрос. Никто из находившихся здесь явно не был в порядке. Быть «в порядке» это вообще противоположное нашему состоянию.

— Ты мне очень нужна!

— Я-я-я не м-м-м-могу... — это были первые слова, и то сказаны они были сквозь дрожь и слёзы.

— Можешь и ещё как! — заявил я, пытаюсь её приободрить. — Сейчас от тебя зависит исход всей битвы!

В ответ на это девушка сжалась ещё сильнее, намереваясь, похоже, коллапсировать в

чёрную дыру.

— Мне не место здесь! — повторила она одними губами.

— Никому не место! И чтобы мы выбрались, ты должна протрубить!

— Не могу!

— Можешь! Если кто и может, то только ты!

— Почему?

— Потому что ты храбрая и добрая! Ты — мой лучик света в этом...

Совсем рядом разорвался снаряд: начинался второй раунд обстрела. Это заставило меня оборваться на полуслове и посильнее вжаться в землю. Удивительно, несмотря на взрыв, мой план сработал: Миюми медленно разогнулась и, приподнявшись, с выражением абсолютной решимости со всей силы дунула в трубу.

По полю боя разнёсся мерный низкий гул. Вскочив на ноги и взобравшись на земляную насыпь, я обернулся к солдатам:

— За Риверкросс! В атаку! Покажем этим трусам, как надо воевать!

Мне на секунду показалось, что всё зря, и сейчас меня просто прибьёт первой же бомбой, но затем случилось невероятное: они и вправду поднялись! Со всех сторон на ноги вставали перемазанные землей, все в пыли солдаты с выражением решимости на лицах.

— Вперёд!

— В атаку!

— За Рейланда Рора!

Бешено крича, мы понеслись сломя голову в атаку. Очень вовремя: как раз возобновился обстрел. Повсюду рвались снаряды, поднимая в воздух комья земли и людей, везде висела пыль вперемешку с дымом и гарью. Само поле преобразилось до неузнаваемости. Фактически это уже не было полем, да и равниной тоже. Обилие воронок всех форм и размеров скорее навевали мысли про лунный ландшафт. И сквозь этот ад мы упрямо бежали вперёд.

Постепенно взрывы остались позади. Похоже, «лунные» ещё не поняли, что происходит, и не успели перенацелить орудия. Это было хорошим знаком. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы по нам, то есть мне, вдарили картечью в упор. У меня была острая непереносимость маленьких кусочков железа — начиналась сыпь.

Дым закончился внезапно и без предупреждения: из-за отсутствия ветра он висел на одном месте, и стоило его покинуть, как видимость пришла практически в полную норму. Вражеские орудия стояли от нас метрах в пятидесяти, в основном без прикрытия — основные силы неприятеля поодаль. Кроме прислуги вокруг пушек едва ли набралось бы несколько сотен солдат. Этим надо было пользоваться!

С диким криком я и остальные за мной понеслись к орудиям. «Лунные» смотрели на нас словно на живых мертвецов. Похоже, они и подумать не могли, что под таким обстрелом кто-то мог не только уцелеть, но ещё и атаковать после этого. Пораскрывав рты от удивления, они смотрели на нас пару секунд, а затем, кинув оружие, бросились наутёк.

— К орудиям! К орудиям! — кричал я, срывая горло. — Разворачивайте их на «лунных»!

Впрочем, солдаты и без меня сами сообразили что надо делать. Сказался огромный опыт всех участвующих.

Не прошло и пары минут, а снаряды полетели уже по рядам стоящих вдалеке «лунных». Вот только у них рва, за которым можно укрыться, не было. И хотя точность и кучность огня оставляла желать лучшего, эффект был колоссальным! Ровные шеренги людей на ровной же

местности — идеальная мишень, даже для не особо опытных стрелков.

То тут, то там солдаты «лунных», бросая всё, убегали прочь, тем самым дёргая соседей и образуя своеобразную человеческую паникующую лавину. Я даже не поверил своим глазам и приложился к подзорной трубе, которую зачем-то до сих пор таскал. Я убедился, что ряды «лунных» дрогнули. Оно и не мудрено, учитывая, кого тут собрали: гарнизоны, тыловики, остатки уже натерпевшихся рот, одним словом — антигвардия, худшие из худших.

— Неплохо вышло, а? — спросил я у Леона, но тот был несколько иного мнения.

— Не уверен. Наши потери...

Оглядевшись, я понял причину его скепсиса — до пушек добралась едва ли треть тех сил, что была у меня перед обстрелом. Потери были катастрофическими. Не факт, конечно, что все остальные погибли, часть наверняка просто убежала куда-то не туда. Я бы тоже с удовольствием убежал отсюда куда-нибудь не сюда.

— Да какая разница, если «лунные» бегут даже от такой небольшой кучки?

— Так что, мы победили? — восхищенная донельзя спросила Миюми, кажется, уже позабывшая о том, в каком аду находилась ещё несколькими минутами ранее.

— Но ещё нет, но... — начал я самоуверенно, и именно в этот момент неожиданно прозвучала незнакомая труба.

— Там! — указывая вдаль, без лишних эпитетов сказал Леон, хотя они все читались у него на лице.

Когда я тоже туда посмотрел через подзорную трубу, моё сердце пропустило несколько ударов.

Ослепляющая ненависть

Как оказалось, не все «лунные» поддались панике. Продираясь сквозь бегущих, вперёд вышла небольшая фигурка в доспехе, за чьей спиной развевался, словно знамя, ослепительно белый плащ. К сожалению, она была совсем не одна.

За Ноа, чеканя шаг и не обращая никакого внимания на происходящее, шагала разномастная колонна «лунных». Настроены они все были крайне решительно. Кейтлетт очень знакомым мне жестом извлекла из ножен свою рапиру, подняла её над головой и что-то крикнула остальным, очевидно, напутствовала их перед боем.

— Как думаете, ваше правило о том, что храбрых не берут снаряды, распространяется на неё? — с сарказмом осведомился Леон.

— Сейчас и проверим! — отдавая подзорную трубу Миюми, буркнул я, а затем скомандовал. — Из всех орудий по колонне противника — огонь!

Словно услышав меня, Ноа взмахнула рапирой в мою сторону и вместе со своими солдатами понеслась в атаку.

На взрывы вокруг ей было не больше дела, чем мне парой минут ранее. Я отчётливо понял, что сейчас Кейтлетт пройдёт по моим солдатам, выстроившимся тонкой шеренгой вокруг пушек, так же, как мы парой минут ранее по «лунным» — словно каток по сыру.

— Ко мне! Бросьте пушки! Все ко мне! — переменял своё решение я.

Нашим единственным шансом уцелеть было сейчас же сбиться в максимально плотную кучку и тем самым не дать себя банально растоптать. Это противоречило моим первоначальным планам аккуратно проиграть, но у меня уже имелось оправдание: «Для того чтобы остановить Кейла и вернуться домой, нужно победить! Иного выбора нет».

Где-то в это же время с неба полился такой поток воды, словно боги решили устроить очередной великий потоп и смыть вообще всё. Земля под ногами мгновенно превратилась в одну большую лужу грязи. Неподдалёку бабахнул гром, заглушивший даже шум битвы.

Кое-как мне и остальным удалось собраться в кучу, оцетинившуюся оружием во все стороны. Учитывая происходящий вокруг природный апокалипсис, непонятно с кем именно мы собирались сражаться: с бушующей стихией или с «лунными». Впрочем, вторые были куда как ближе. Я даже не успел заметить, когда колонна во главе с Ноа врезалась в нашу оборону, и завязалась самая жестокая схватка, какую мне или Рейланду только доводилось видеть.

«Лунные» напирали, сметая всё на своём пути, не считаясь ни с какими потерями. Учитывая, что мы тоже стояли насмерть, получилась гремучая смесь безостановочного насилия в ультимативной его форме.

Люди кричали во всю глотку и остервенело рубились. Я был в самой гуще, превратившись в один большой рефлекс. Когда на кону стоит вопрос не просто победы в сражении, а самого твоего существования, волей-неволей будешь за него бороться всеми силами.

Прежде я больше полагался на умение сражаться Рейланда, но теперь мы стали единым целым. Его сила и умение вкупе с моим умом, помноженные на желание выжить, выдавали страшный результат. Клинок как продолжение разума. Каждое моё движение, каждый шаг делался только для того, чтобы нанести или избежать удара. В ход шли любые подручные средства — не только моя сабля, но и кулаки, ноги, попавшиеся под руку предметы и даже

люди. Настоящий танец смерти и разрушений.

Один за другим мои противники падали, не успевая даже понять, что происходит. Ни один из них не мог сравниться со мной и в обычное время, не то что сейчас. Хотя, впрочем, одна всё же могла.

С Ноа мы столкнулись абсолютно случайно, не ища схватки, а просто выскочив друг на друга на относительно свободный от других солдат участок. Свободен он оказался в основном потому, что мы перебили всех. Мне прекрасно было видно и понятно, что Кейтлетт пребывала примерно в том же состоянии, что и я. Что она также сражалась за нечто большее, нежели победа в этом сражении.

— Ой, она выглядит злой, — раздался встревоженный голос, принадлежавший Миюми.

— Уходи. Найди Леона и держись его, — не оборачиваясь, чтобы не показать своего состояния (уверен это напугало бы девушку ещё больше), сказал я.

Мне было неприятно это делать, но творящееся вокруг с каждой секундой всё меньше напоминало ту же забаву, что раньше. Что бы ни надумала себе Миюми, этому лучику света не место здесь.

— Но...

— Это не твоя битва, уходи, — мрачно повторил я.

— Берегите себя, х-хорошо?

Пришлось промолчать, чтобы не давать пустых обещаний.

Ноа тем временем отстегнула свой плащ, который из белого стал скорее коричневым, и вызывающе взмахнула рапирой, как бы говоря, что переругиваний в этот раз не будет. Как и диалога вообще.

А уже в следующую секунду Кейтлетт неслась в атаку, желая своим коронным выпадом нанизать меня на острие своего клинка. Не желая становиться ещё одним экспонатом в её коллекции бабочек и понимая, что пытаться парировать такой удар без щита бессмысленно, я кувырком ушёл в сторону. Кататься по грязи дело не для брезгливых, но если хочешь жить пойдёшь и не на такое.

Я надеялся, что Ноа из-за ярости потеряет контроль над собой и будет совершать множество ошибок, но последовавшие события наглядно показали, что это совсем не так. Кейтлетт потребовалось всего несколько мгновений, чтобы понять, что её атака прошла мимо, и перестроиться для нового нападения.

На этот раз я встретил её клинок своим, отводя удар в сторону. Взвизгнула сталь, скрестившаяся со сталью, в аккомпанемент, словно повинуюсь воле невидимого дирижёра, желавшего нагнать драмы, раздался грохот грома.

Мгновенно последовала моя контратака, а Ноа, вместо того чтобы уйти в оборону или уклониться, тоже понеслась вперёд. Всё против всего: и Кейтлетт, и я накиннулись друг на друга, позабыв про осторожность, с единственной целью — убить, причём, скорее всего, погибли бы мы оба. Не знаю, у кого из нас первым сдали нервы, но в последний момент и она, и я уклонились, пропуская противника мимо себя.

Ко мне было сунулся какой-то «лунный», остервенело крича что-то про Тофхельм, но, в отличие от своей предводительницы, он не выдержал даже одного удара нанесённого не глядя и отправился домой.

Мы с Ноа снова оказались на расстоянии нескольких метров друг от друга. На этот раз Кейтлетт не спешила сближаться, а напротив, кружила вокруг меня, стараясь запутать и сбить с толку. Это была ловушка — Ноа выгадывала момент. Стоило мне хотя бы на секунду

упустить её из виду, и она нанесла бы удар, который мне не заблокировать, а уворачиваться в этой грязище чревато риском завязнуть.

Понимая, что ещё чуть-чуть, и коллекция бабочек Кейтлетт всё же пополнится, я сам пошёл в атаку. Это оказалось ошибкой, не меньше чем оборона.

Ноа легко уклонилась от одного моего удара, от второго и, не дожидаясь третьего, едва не проткнула меня рапирой. К счастью, мне удалось понять свою ошибку и вовремя уйти от удара в сторону, хотя острое клинка было от меня едва ли в сантиметре.

Вокруг гремела гроза, лил невероятной силы ливень, остервенело сражались две армии, но для нас двоих этого всего словно не существовало. В этом мире чистой ненависти существовали только я и Ноа, а вскоре должен был остаться только один из нас или никто вообще.

Наша схватка превратилась в короткие яростные стычки. Мы сближались, расходились, атаковали, защищались, парировали и отпрыгивали. Инициатива как бешеная скакала от Кейтлетт ко мне, туда, сюда, обратно, но ни один из нас не мог получить решающее преимущество.

В прошлой нашей дуэли это привело к усталости и, как следствие, к валу разговоров и насмешек, однако в этот раз ничего такого не было и близко. Ни я, ни тем более Ноа не желали говорить. Всё, что можно сказать, уже было сказано, и слово взяла сталь. Да и в окружающем грохоте, в шлемах вряд ли бы мы услышали друг друга, даже если захотели это сделать.

На самом же деле, происходящее нисколько не напоминало нашу первую дуэль, которая была всего месяц назад. Неужели в этом заключалась цель Ресса? Ослепить мир ненавистью? Вымарать из него то небольшое хорошее, что удалось местным жителям привнести в слово «война»?

По крайней мере, я знал, за что сражался. Иронично, но за то, чтобы таких битв, подобной этой, больше никогда не случалось. Это всё заставило меня задуматься и о другом: «Интересно, а за что так свирепо бьётся Ноа? По виду как будто за свою жизнь».

Удары сыпались один за другим. Усталость начала брать своё, и Ноа, наконец смогла меня подловить: в замахе я слишком сильно отвёл левую руку, чем сразу же воспользовалась Кейтлетт. Мне удалось уйти от прямого удара рапирой, но она не растерялась и крепко заехала мне кулаком по голове. Всё бы ничего, но он был в латной перчатке. Даже в шлеме это было чувствительно.

Уже через миг мне удалось отыграться: я поставил Ноа подножку, отправив ту искупаться в грязи. Её вид после этого так раззадорил меня, что мне даже удалось забыть про пропущенный ранее удар.

Этот «обмен» нас только приободрил, и танец смерти продолжился сильнее прежнего. Те немногие правила, которых мы хоть как-то придерживались, улетучивались со скоростью света. В ход шло всё, что можно было использовать против противника. Подножки, толчки, пинки. Не будь мы оба закованы в сталь, наверное, даже зубы пошли бы в дело.

Быстрее каких-то рамок приличия в этом круговороте исчезали только мысли. С каждым ударом мой разум слово погружался в темноту, где было лишь одно слово: «УБЕЙ». Похоже, то же самое происходило и с Ноа: в её глазах, прекрасных серых глазах, осталась лишь злоба и ненависть. Мы дрались с отчаянностью бешеных зверей, для которых это было единственным путём к выживанию.

Вокруг, где-то очень далеко, в паре метров от нас продолжался бой. Нам что-то

кричали, слова ободрения или проклятия, но мы были слишком далеко от этого, в своём мире, выясняя, кто сегодня проиграет.

Неожиданно вспышка молнии отразилась на клинке Ноа, ослепив меня. Всего на секунду я растерялся, и этого оказалось достаточно. Посреди океана ненависти стоял уже не Рейланд Пор, а Ота Кохэку, разум, лишённый клинка.

Тут бы взять себя в руки, снова вернуться в «боевой режим», но Кейтлетт уже неслась на меня с перекошенным от злобы лицом, и было слишком поздно. У меня оставались считанные мгновения, чтобы что-то предпринять.

Время словно остановилось. С необычайной ясностью я увидел всё происходящее вокруг. Леона и Миюми, которые вместе с прочими отчаянно отбивались от наседавших «лунных». Приятно оказалось увидеть такое упорство, но похоже, оно было тщетно — противников было слишком много. А ещё ошибку Ноа, которая, поддавшись гневу, допустила промашку, недостойную даже такого новичка как я.

Один меткий удар мог всё закончить. Точный, направленный в нужное время, в нужное место. Одно движение, которое могло бы поставить точку в этой схватке, возможно, даже во всём сражении.

Мне вдруг вспомнились слова Кейла о бесконечном круге ненависти, которая множила сама себя. Вот она, возможность разорвать этот круг. Самое сложное на войне — это не тяжёлые решения, а необходимость, несмотря ни на что, оставаться человеком, а не зверем, бьющимся насмерть.

Поэтому никакого моего удара не последовало. Так, тычок в бок и подножка. Этого вполне хватило, чтобы Ноа повалилась в грязь, а я успел наступить ей на правую руку, в которой находилась рапира, тем самым заставив выронить оружие.

Кейтлетт извивалась и орала, словно бешеная. Я оказался прав: ненависть начисто лишила её разума, сделала животным. Мне было несложно представить, что если бы не случайная вспышка, то мы бы вместе вот так лежали в грязи, сражаясь до последнего вздоха. Уже не люди, животные.

Через пару секунд в голову к моей противнице наконец вернулось сознание. Заметив эти положительные перемены, я убрал ногу, переставив её с руки Ноа на рапиру.словно человек после долго сна, Ноа, рывком поднявшись, посмотрела на меня и со страхом в глазах оглядела поле битвы. Впрочем, длилась эта растерянность недолго, вновь пришло место злости:

— Давай добивай! — крикнула она, срывая мешавший выражать эмоции шлем. — Трус!

— Нет! — крикнул я в ответ, чем сильно удивил свою соперницу. — Хватит этого безумия!

Хоть меня и одолевали противоречия, но я убрал оружие в ножны. Возможно, это было ошибкой — оставлять такого врага в живых. Однако если и имелась возможность распутать клубок ненависти, то начинать надо именно с этого — с разговоров.

— Посмотри, во что мы превратились, Ноа! В зверей!

— Ты не понимаешь, на кону нечто большее, чем победа...

— Это действительно так, — прервав её, подтвердил я. — Сомневаюсь, правда, что ты осознаёшь, что именно на кону!

К нам попыталась приблизиться тройка «лунных», но Ноа отогнала их одним взглядом, после чего потребовала:

— Объяснись!

Несмотря на агрессивный тон голоса, я понял, что дальше драться Кейтлетт пока не собиралась, а значит, можно было немного расслабиться.

— Незадолго до начала боя Кейл Ресс похитил реликвии.

— Но вы же... сообща... — начала очень растерянная этой новостью Ноа.

— Мы просто вместе прошли через эти проклятые горы!

Противоборствующие стороны, видя, что их предводители перешли от контактной дуэли к словесной, тоже слегка остудили свой пыл, и битва вокруг затихла. Солдаты разошлись на пару метров, но в любой момент были готовы сорваться снова в бой. Даже ливень с грозой закончился, точнее, ушёл куда-то вдаль.

— Неплохо было бы, чтобы вы, командующий, впредь держали меня в курсе подобного! — заявил, подходя ко мне, Леон и после чего представился Ноа. — Граф Леон Сайрас, представитель короля Леонара IV.

— Это правда? — спросила Кейтлетт у него, очевидно продолжая сомневаться во мне.

— Я знаю только то, что реликвии были скорее всего похищены Кейлом Рессом, — спокойно ответил Леон. — Работают ли они сообща с Рейландом, мне неизвестно, но это маловероятно. Скорее, Ресс работает с «лунными».

— Чушь! — отвергла криком эти обвинения Ноа. — Я сама его выгнала! Он больше никогда... — вдруг она осеклась, вспоминая. — Кайл был у Галлена. Они что-то обсуждали, какие-то манёвры, — по её лицу волной прокатилась растерянность. — Выходит, реликвии сейчас... у нас?!

— Это сильно вряд ли, — выразил я сомнение. — Ресс действует сам по себе. Ему требуется битва вблизи Саума. Галлен ему нужен, только чтобы... — и тут до меня дошло. — Какой же я дурак!

Неожиданно картинка происходящего сложилась в моей голове, заставив оборваться на полуслове. Всё происходящее встало на свои места. Вот почему Галлен не окружил мою армию, хотя такая возможность у него была — он хотел заставить нас побежать к башне. Старый петух надеялся урвать себе не просто победу, а победу в последний момент! Кейл же был только рад ему подыграть в этом. Если Ноа говорила правду об их разговоре, а не верить ей было бы странно, то происходящее сейчас — хитрая манипуляция Ресса, который в очередной раз умудрился обвести вокруг пальца всех в собственных интересах.

— Как это «сам по себе»? Зачем ему тогда идти к башне? — удивилась Ноа.

— Затем, что он хочет прекратить Игры навсегда, попутно поубивав кучу народу, и пойдёт на что угодно ради этого, — объяснил я, заставляя моих собеседников опешить.

— Это... серьёзное обвинение, — чуть отправившись от удивления, заметил Леон с явным недоверием в голосе. — Кейл, конечно, предатель, но такое? Это безумие!

— Нет, к сожалению, нет, — возразил я. — Напротив, это весьма продуманный план действий. Ресс трудился над ним почти всю жизнь.

— Ты же не предлагаешь поверить тебе на слово? — презрительно поинтересовалась Ноа.

— Увы, ничего кроме слов у меня нет.

— Пффф, да за грязь дадут больше! — фыркнула Кейтлетт.

— Командующий, что нам делать? К ним идёт подкрепление! — раздался откуда-то сзади крайне озадаченный голос одного из моих солдат.

Я обернулся, замечая, что откуда-то слева к нам приближалась ещё одна колонна «лунных», но не простых солдат, а гвардии. Они были от меня далековато, и всё равно даже

отсюда смотреть на них было боязно. Так нашкодивший школьник наблюдал за возвращающимися родителями.

В своих чёрно-белых в цвет флага Тофхельма латах гвардейцы выглядели словно ожившие по воле богов скалы. Это было не так и далеко от истины, если учитывать их могучее телосложение. Впрочем, ни одна скала в мире не была столь богата, чтобы позволить себе такие мечи, как у них. Огромные двуручники с волнообразным лезвием, выкованные из лучшего железа, а им Тофхельм был богат, как никто в мире. От их удара была только одна защита — не попадать под него. Всё остальное заканчивалось предельно плохо. В этом с ними мог посоревноваться разве что Рубиновой рыцарь в лучшие свои дни.

Во снах мне уже выпадала возможность с ними встретиться на поле боя. Всего против четверых, на пару с Ноа, но даже тогда стало ясно одно: гвардия — не просто лучшие из лучших. Это была ожившая, неумолимая стихия, само воплощение Тофхельма, его гор, скал, упорства, стойкости и неумолимости.

Оглядевшись и оценив имеющиеся силы, я понял, что вступление в бой гвардии поставит точку в этом противостоянии. Нас было слишком мало даже для того, чтобы справиться с солдатами Ноа, если бы те снова полезли в бой, ни о каком противостоянии с королевской гвардией в таком случае и речи не шло.

— Да это же сам Галлен! — с удивлением воскликнула Ноа, прищурившись.

И вправду, во главе колонны гвардейцев шёл никто иной как Анри Галлен в крайне странном нагруднике. Только когда он подошёл ближе, я понял, что меня смущало — это и не было нагрудником вовсе.

— Он же кирасу задом наперёд надел! Ха-ха-ха! — первой успела сказать Кейтлетт, посмеиваясь.

Пока она и другие «лунные» упивались смехом, ко мне подошёл Леон и тихо шепнул:

— Надо что-то делать, они нас втопчут в грязь.

Не я успел ответить, а «что-то» начало делаться само по себе, вопреки всем правилам и нормам.

— Наши идут! — радостно крикнула Миюми, указывая на ещё две колонны.

Похоже, Ноктим и Эльт, заметив передвижение противника, спешили к нам на выручку. Совершенно непонятно было, что именно они собирались противопоставить гвардии, но всё равно приятно.

Не прошло и пяти минут, а вокруг меня началась новая схватка, пока только словесная, но до рукоприкладства явно было недалеко. Дождь к тому времени совсем прекратился, поэтому ругани ничто не мешало. Ругались буквально все со всеми.

Кейтлетт в полный голос собачилась с Галленом, игнорируя то, что офицерам таким перед солдатами обычно не положено заниматься. Гоа Эльт и Лой Ноктим на повышенных тонах выясняли, кому принадлежала идея отправиться ко мне на выручку, кто первым пришёл, кто первым отдал приказ выдвигаться и так далее. Даже спокойный обычно Леон и тот нашёл с кем поругаться, отыскав невесть что забывшего на поле боя Лоя Шинку, которого уже всюю обвинял во всех смертных грехах и алкоголизме. Сами солдаты двух армий, выстроившись в две параллельные прямые, солдаты, разделённые едва ли десятью метрами расстояния, обменивались малоцензурными ругательствами.

Я же стоял и взирал на это, абсолютно не понимая, что происходит. Ладно рядовой состав или Эльт с Ноктимом, они не знают, но Ноа и Леон же в курсе произошедшего! Чтс

все эти старые дразги, споры лишены всякого смысла и думать надо не над этим!

— Да что вы все делаете?! — весь в недоумении от происходящего прокричал я, да так, что заставил умолкнуть всех вокруг.

На меня разом устремилось множество осуждающих взглядов, будто им сильно помешали.

— Реликвии похищены безумцем, а вы выясняете, словно бабки у подъезда, чьи огурцы вкуснее? — продолжил кричать я, пытаясь донести до окружающих очевидную истину. — Оглянитесь вокруг: Ресс вот-вот разрушит ваш мир, а вы стоите и тратите время на ругань! Нет, понятно, конечно, что лучше спорить сегодня, потому что завтра Игры завершатся навсегда, но, может, мы постараемся это предотвратить?!

— Командующий, почему вы так уверены, что Ресс собирается сделать именно это, а не просто работает на Тофхельм? — холодно осведомился Леон, всем видом выражая сомнение.

— Вы обвиняете нас в том, что ваш шпион работает на нас? — желчно бросила Ноа.

— Это ваш шпион, который внедрён к нам! — возразил граф.

Кажется, всё снова было готово взорваться руганью или чем посильнее, но мне удалось это предотвратить почти что в последний момент:

— Заткнулись оба! Пока вы тут выясняете, чей там Ресс, он преспокойно идёт к башне!

— Не смейте меня затыкать, я — уши короля! — взвился Леон.

Мне очень хотелось сказать, какая конкретно сейчас часть короля граф Сайрас, но это было бы вопиющим неуважением к королевской заднице.

— Не груби мне, грязный выскочка! — сказала Ноа, на которой после нашей драки чистого места не было.

— А-а-а-а! — простонал я. — Вы оба невыносимы. Если считаете, что Ресс работает против вас, так помогите его остановить. Там с него и спросите, чей он, все вместе!

Именно в этот момент в разговор влез Галлен, который прежде лишь наблюдал за происходящим, как паук из уголка своей паутины, очевидно, надеясь воспользоваться происходящим в своих интересах. А его интересы всегда касались лишь одного — преумножения собственного величия. Вот и сейчас, не состоявшийся «великий спаситель Тофхельма» решил сыграть на патриотизме:

— Я запрещаю подобный союз! Это предательство родины!

Это было настолько тупо, что у меня вдруг закончились слова. К счастью, меня выручила Ноа:

— Конечно, запрещаете, ведь вы с Кайлом Рассом заодно! О чём вы с ним шушукались пару дней назад?

— Возмутительная ложь! — возразил Анри категорично. — К тому же мне, как прославленному командующему, защитнику Тофхельма, не нужно ни в чём оправдываться!

— Мой адъютант видел ваш разговор, — напомнила Кейтлетт, но уже не так уверенно как прежде.

— Ваш, с позволения сказать, адъютант — ленивый лоботряс, которому не место на Играх! — ответил Анри с нескрываемым презрением.

— Если это не так, Галлен, то почему мы с вами здесь разговариваем? — По растерянности у него на лице мне стало понятно, что он абсолютно не понял моего вопроса. — Сегодня вы атаковали внезапно, имея преимущество вообще во всём, с гвардией за спиной. И тем не менее битва только стараниями Ноа не закончилась для вас

поражением! — Видно было, как каждое моё слово раздражало Анри всё сильнее и сильнее, потому что выводило того на чистую воду. — Вы же совсем не идиот, даже напротив. Своё прозвище, не «петух», а другое, вы заслужили по праву: умом и подлостью, но всё же. А тут вдруг взяли и отупели? Сколько раз за сегодня мы, «солнечные», могли отступить к Сауму? Потому что нам позволяли это сделать! — эту фразу я адресовал уже не Галлену, а вообще всем собравшимся, но после снова вернулся к «петуху». — Вы ведь даже с гвардией сюда припёрлись исключительно затем, чтобы вынудить нас побежать! Даже сейчас вы делаете всё, чтобы «лунные» и «солнечные» сразились ещё раз, но уже вблизи башни. Не самый логичный поступок, учитывая, что обе реликвии у меня, а это победа.

На Галлена устремилось множество вопросительных взглядов, в которых бурлило подозрение по поводу происходящего. Я же решил высказать свои мысли напрямую.

— Но вы-то знаете, что реликвии на самом деле не у меня, а у Ресса. Что он вам пообещал, Анри? победу надо мной? Славу спасителя родины? Поверьте, вы не получите ничего.

Надо отдать ему должное, что ответить Анри Галлен придумал почти мгновенно, пускай и не был чрезмерно оригинален:

— Голословные обвинения. Неужели вы так низко пали, Рейланд? Я был о вас лучшего мнения.

— Это вряд ли! — сообщил Альт Цион, который как раз с какой-то книгой в руках продирался сквозь солдат к нам.

Только заметив его, а затем и книжку, Галлен побледнел и взвизгнул:

— Схватить его, этот предатель похитил важные документы из штаба!

— Это никакие не документы, а ваш дневник, — возразил адъютант. — Я всё думал, что за книгу вы постоянно таскаете с собой, куда бы ни пошли. На совещании, у себя. Даже к нам, поорать, вчера вы прибежали с ней! Удивительно! — он усмехнулся. — Хотя нет, учитывая содержимое, я бы тоже носил такое при себе непрерывно, даже в бане.

Анри собирался подскочить к нему и отобрать дневник, но путь ему преградила Ноа.

— Альт, ты его уже прочитал? Дневник в смысле, — спросила она.

— О да! Тут масса... неинтересного, — Альт скривился, а затем подленько ухмыльнулся. — Но одна запись за позавчера меня очень, м-м-м, поразила. Кхм... — Адъютант выразительно прочистил горло и зачитал вслух: — Имел разговор с «К.Р.» Его предложение интригует: я даю ему реликвии, а он мне победу над неудачником Рором на блюдечке. Хочет восстановить репутацию. Надо подумать над тем, как получить наибольшую выгоду из этой сделки.

— Это ложь! — вопил Галлен, пытаясь перебить. — Наглые инсинуации!

— Да? А что они делают в вашем дневнике, написанные вашим же подчерком? — прервав чтение, ехидно уточнил Альт и, не дождавсь ответа, перелистнул несколько страниц и зачитал другую запись. — Обставить всё так, чтобы Ноа лишилась своего поста, не составило никакого труда. Ещё одно поражение, и я избавлюсь от неё навсегда.

— Это... это...

Договорить Анри не успел, так как по толпе вокруг пошло очередное оживление. На этот раз оно было вызвано самолично Хоакимом Клыкком, который неторопливо шёл через расступающуюся перед ним толпу.

— Что здесь происходит? — выйдя на наш пяточок и окинув происходящее взглядом, тихо спросил он.

Впрочем, несмотря на внешне спокойный тон его голоса, даже такому далёкому от понимания намёков человеку как я, стало понятно, что отвечать на него нужно незамедлительно и во всех подробностях. Первым попытался сунуться к королю Галлен.

— Ваше величество...

Король повернулся к нему и холодным голосом прервал на середине фразы:

— Моё величество не желает слушать вас без адвоката.

— Но... зачем вам адвокат? — растерялся Анри.

— Он понадобится не мне, а вам, потому что если я всё правильно расслышал, вас ждёт суд. — Убедившись, что Галлен больше не собирался ничего говорить, да и вообще съежился, сжался и как будто уменьшился в размерах, Хоаким перевёл свой взгляд на меня и повторил свой первоначальный вопрос: — Что здесь происходит?

Собираясь с мыслями, я вздохнул и постарался как можно понятнее изложить своё видение ситуации. Получилась каша из имён, событий, действий, передвижений, взбитая в блендере из плохого повествования, а затем присыпанная толикой странных совпадений. Лучшее всего о качестве моего рассказа высказался сам король, который, прежде чем ответить, крепко приложился к своей неизменной спутнице — фляжке, а затем признался:

— Ничего не понял, но звучит очень интересно.

— Главное в том, что Кейл Ресс похитил обе реликвии и собирается совершить что-то кошмарное.

— Что-то конкретно кошмарное или просто кошмарно-кошмарное? — уточнил лукаво Хоаким.

— Завершить Игры навсегда, поубивав при этом кучу народу.

— Как же скучно я живу... — услышав это и предварительно отпив из фляжки, заметил король. — Жил бы так и дальше, да мешают всякие.

Хоаким посмотрел на меня с надеждой, будто я сейчас рассмеюсь, укажу на скрытую камеру и скажу, что всё происходящее розыгрыш. Поняв, что ничего такого не произойдёт, он устало поинтересовался:

— И что вы предлагаете делать, Рейланд?

— Остановить Кейла Ресса, ваше величество! — ответил я мгновенно.

— Моё величество попросило предоставить план действий, а не высказать очевидное, — раздражённо буркнул король.

Здесь в моих планах имелось здоровенное белое пятно.

— Ну-у, направиться к башне всем вместе...

— Не вы ли только что сказали, что этого он и хочет? — перебил меня Хоаким.

— Ресс хочет сражения и уверен, что Галлен ему его устроит, — вдруг выручил меня Альт. — Поэтому, если обе армии отправятся к Сауму, то мы его как минимум запутаем, выиграем этим время на его поимку.

— Идиотский план! — оценил Хоаким. Он приложился к фляжке и, останавливая вал ехидных смешков, уточнил: — Есть у кого-нибудь что-то получше?

К его королевскому огорчению, никто ничего лучше предложить не смог. Никто, кроме одного безумца:

— Давайте выроем ров! — предложил Эльт решительно.

Хоаким в его сторону даже не посмотрел. Зато обратил внимание на Галлена, когда тот, поняв к чему всё идёт, неожиданно для всех решил высказаться:

— Вы что, пойдёте на сделку с ним?! — подобное заявление от человека, который, как

выяснилось пару минут назад, сам не гнушался никакими союзами и методами, вызвало шквал осуждения, но Анри, к моему удивлению, оказался непреклонен. — Это наш враг — командующий Риверкрасса! Мы должны сражаться с ним, а не идти на какие-то уступки! Нас больше, мы ещё можем победить, мы Гофхельм, а не...

Мне было сложно представить менее удачное время для подобных речей. С тем же успехом Анри мог рассказывать о том, что не нужно бояться морской воды на тонущем корабле. Причём, что хуже всего: его мысли в массе своей так или иначе разделяли обе стороны. Вражду одной речью не прекратить, а Галлен в данный момент ещё и усугублял положение дел. Это надо было срочно прекратить.

К моему удивлению, Хоаким, заметив мой растерянный взгляд, кивнул, как бы говоря: «Давайте, остановите это». Без лишних слов подойдя к распинающемуся Галлену, которому вздумалось вдруг взывать к патриотизму, я без предупреждения хорошенько вдарил ему по лицу, повалив его на землю. Правда, как мне показалось, били по лицу его сегодня не в первый раз.

— Правильно сделал, — одобрительно усмехнулась Ноа.

— Будем считать это первым вашим поражением, бывший командующий, — упреждая другие возможные реакции, сообщил с сарказмом король.

— Б-бывший? — удивлённо уточнил Анри откуда-то у меня из под ног.

— Да, — Хоаким потряс своей фляжкой, чье содержимое похоже почти иссякло. — Или вы всерьёз рассчитываете после случившегося остаться не при делах? Оглянитесь вокруг, если бы не вы, мы бы к этому моменту уже фактически победили. Убирайтесь прочь, я позже придумаю, что с вами делать. — Прежде чем продолжить, он жестом подозвал Кейтлетт и допил. — Ноа, очевидно, снимать вас с поста командующей было ошибкой. Поэтому я вновь назначаю вас командующей и передаю под ваше руководство все имеющиеся силы «солнечных».

Вперёд выступил Леон с очевидным вопросом, который в этот момент волновал всех вокруг:

— А-э-а-э-а, ваше величество...

— Ты кто? Барон, герцог, камердинер? — прервал это бляение Хоаким.

— Г-граф... кхм, граф Леон Сайрас, ваше величество, — смущённо представился Леон и перешёл к ключевой проблеме, указав на ряды моих подчинённых. — Дело в том, что «солнечные» — это мы.

— Да, я в курсе, — играя ухмылкой, подтвердил король. — Никакой ошибки тут нет. Рейланд в свою очередь станет командующим «лунных». Полагаю, такой вариант немного снизит градус недоверия между нами, не так ли?

— Наверное... — на лице графа так и читалось желание поспорить, но он сдержался.

— Звучит разумно, — признал я, удивляясь тому, что эта идея принадлежала человеку, который на наших глазах за минут десять выпил флягу, полную совсем не воды.

Тут волей-неволей задумаешься над тем, не являлся ли образ алкоголика просто очень удобной ширмой.

Ужин в штабном шатре больше напоминал королевский приём, не в последнюю очередь из-за того, что на нём присутствовал король со всей полагающейся свитой, и проходил как-то нервно, даже нервозно. За столом прямо чувствовалось напряжение.

— Выпьем же за непоколебимую, непреклонную, нестигаемую стойкость солдат Риверкрасса, погнавших сегодня противника одним своим могучим видом! — закончил произносить я тост.

Собравшийся за столом цвет офицерства Тофхельма почему-то не оценил его по достоинству. Тишина после моих слов стояла просто гробовая. Лишь король, мало заинтересованный в происходящем, весь вечер глубоко погруженный в свои мысли, криво усмехнулся, явно оценив мою попытку. Затем снова зазвучал звон приборов, и трапеза продолжилась.

— Ну и как хотите. Неблагодарные... — тихо буркнул я, так, чтобы меня услышал только прислуживающий мне за столом Альт. — Думаю, всё дело в скудном меню — настроение у людей не то. Особенно этот суп.

— Думаете, всё дело в супе из шампиньонов? — ехидно уточнил адъютант.

— Не только. Скорее в мясе, которое не сочетается с этим белым вином.

— Рагу, по-моему, неплохое, — невозмутимо отметил Альт, умудрившийся раньше меня и даже короля перепробовать большинство блюд.

— В нём всего-то тридцать восемь ингредиентов, где такое видано вообще? На кого это рассчитано? — пренебрежительно фыркнул я и с удовлетворением заметил. — Ну вот, у меня испортился аппетит.

— Так вам не нести новую добавку? — удивлённо уточнил адъютант.

— Неси, конечно, что ж делать... — моё лицо исказила гримаса решимости, — но есть я её буду с превозмоганием!

Пока его не было, застолье успел покинуть Хоаким, после ухода которого стали медленно разбредаться и остальные. Формально приём завершился, но мне пока уходить не хотелось — ещё не всё было съедено или хотя бы попробовано.

— Хорошо у меня там наверное Ноа: сухари, прелая вода, красота, — когда спустя пару минут передо мной водрузили новую порцию тарелок, заметил я мечтательно.

— А настроение у неё, наверное, вообще выше гор! — поддержал беседу Альт. — Особенно после того, как вы поддержали решение офицеров не делиться припасами.

— Что ж поделаться, воля народа — есть воля народа, — пожал плечами я. — Приятно всё же осознавать, что даже в этот трудный час люди остаются людьми. Жадными и гордыми!

— Эм, гордыми? — удивлённо переспросил адъютант.

— Дело в том, что «солнечные» тоже отказались от обмена. Даже не ожидал, что мои солдаты настолько категорично не захотят отдавать свои сухари.

Вернее было сказать «мои бывшие солдаты», ведь теперь я командовал оравой «лунных», и ничего кроме головной боли у меня это не вызывало. Нет, в отличие от того же Леона, они не влезали со своими замечаниями каждую минуту. Их не надо было контролировать каждый час, как Эльта, или ожидать очередной странной выходки от Гун-Гуна. Но сколько же они ныли! Офицерство «лунных» напоминало мне огромную визгливую

шайку вечно плачущих детей.

Стоило мне об этом только подумать, как нитьё возобновилось с новой силой — его источник, вернее источники, подкрепились и были готовы к новому раунду. Ныли они все разом, наперебой:

— Ваши планы на завтрашний марш, так называемый командующий, абсолютно неприемлемы...

— Наши солдаты не смогут столько пройти после сегодняшней битвы!

— Кроме того, наши линии снабжения излишне растянуты, что может создать проблемы в будущем...

— И тем не менее завтра в назначенный час мы выдвигаемся, — терпеливо выслушав это всё, упорствовал я.

— Но... — начали возражать мне, за что получили в ответ полный злобы рык.

— Я сказал — выдвигаемся!

Мой крик был подкреплён ударом по столу. Подействовало это просто замечательно и впрямь как на детей: недовольно поджав губы, спорщики переключились на ковыряние в еде. Мне же удалось возобновить беседу с Альтом:

— Знаешь, что было бы, если бы я так попробовал сделать у себя в штабе?

— Ничего? — предположил адъютант.

— Ничего — это хороший вариант. Леон Сайрас принялся бы спорить и возмущаться вдвое активнее, Гоа Эльт стоял бы с видом, будто его смертельно оскорбили, Лой Ноктим злобно бы пыхтел своей трубкой втрое чаще обычного, Гун-Гун бы стучал по столу как по барабану, а где-то в углу рыдала бы твоя сестра, которая непременно бы посчитала себя виноватой в чём-нибудь.

Пока я увлечённо толкал свою небольшую речь, нацеленную только на одного слушателя, то упустил из виду, как неподалёку появился субъект, именовавший себя «капитаном Лоем Шинку». Такое самоназвание здорово контрастировало с его формой рядового.

Он буквально преследовал меня, улущая каждый возможный момент, чтобы поговорить. Подкравшись ко мне в тених, словно ассасин, специализировавшийся на устранении булочников и их продукции, рядовой принялся мерзко канючить:

— Милейший Рейланд, не будете ли вы так любезны выслушать мою небольшую скромную просьбу, касающуюся сущего пустяка, мелочи, которая не отнимет у вас и минуты вашего драгоценного времени.

— Эк... это уже заняло две минуты моего времени, — икнув от переедания, ответил я.

— Прошу меня простить, каюсь, не хотел! Прошу лишь покорнейше выслушать мою наискромнейшую просьбу...

— Нет.

— Нет — не выслушаете и мне зайти позже? — уточнил Шинку с нескрываеваемой надеждой.

— Да, примерно через никогда.

Сгорбившись, словно на него взвалили несколько туюков кирпичей, рядовой удалился. У меня не было абсолютно никакого желания заниматься подобным вредительством по отношению к Ноа. Мелким — сколько угодно, но Лой Шинку на «мелкое» не тянул ни по каким параметрам.

Убедившись, что он ушёл, мне не оставалось ничего кроме как продолжить с

превозможанием закидывать в себя тарелку за тарелкой, стремясь отъестся если не на всю жизнь наперёд, то хотя бы компенсировать последний месяц строгой диеты.

К тому моменту, когда я наконец встал из-за стола и покинул шатёр, меня, наверное, было проще катить в сторону палатки, а не заставлять шевелить ногами. Впрочем, как бы то ни было — оно того стоило. Смерть от переедания куда приятнее голодной. Точно как пузо от пива куда лучше горба от работы.

Не то чтобы я был таким уж малодушным лентяем, но, во-первых, всё же был, а во-вторых, вполне искренне полагал, что успех человека определялся не тем временем, что тратилось на работу, а тем, которое он мог себе позволить тратить на всё остальное.

Альт, следовавший за мной, не успели мы зайти в палатку, сразу же по-хозяйски устроился на диване, даже не предложив мне как-то помочь с вечерней рутинной.

— Напомни, как так вышло, что мы с Ноа обменялись армиями, но мне всё равно достался ТЫ? — уточнил я недовольно.

Подавать блюда и иногда высказывать здравые идеи Альт ещё годился. Но в остальном уступал Миюми по всем параметрам, кроме веса.

В целом он следовал моей собственной философии, но не понимал ключевого: звание лентяя — это не статус, который ты сам себе выбираешь, а награда за предшествующие труды и лишения. Ну или надо стать попаданцем в тело какого-нибудь Рейланда Рора.

— Я обижен, она меня оскорбила! — заявил адъютант.

— Это как же?

— Ноа считает меня ленивым и бесполезным! — невозмутимо рассказал Альт, не вставая.

— Надо же... — Адъютант хотел меня прервать, но был остановлен жестом, требующим дослушать. — Надо же, насколько мудрая мысль под авторством Ноа! — Я выдержал его недовольный взгляд и добавил: — На сегодня можешь быть свободен, завтра разбудишь меня пораньше, часов так в шесть...

— Не уверен, что проснусь так рано... — сообщил мне Альт растерянно.

Я вытаращился на него, не понимая о чём он. В ответ адъютант вытаращился на меня, тоже не понимая, в чём состояла претензия. Когда я понял, что на роль будильника этот овощ не годится, пришлось вызывать караулящего мою палатку королевского гвардейца. Их ко мне приставил Хоаким, выделив пару своих людей и объяснив это соображениями безопасности. Чьей именно он уточнять не стал.

В палатку заглянула массивная фигура в доспехе.

— Кнкин прнкзнанин, комндующий? — донеслось неразборчивое бормотание из-под шлема в форме волчьей головы.

— Чего? — переспросил я.

— Слншкю вниши прнкзнания, кнмандующий!

— Сними шлем и повтори!

Увы, стало только хуже. Это лопухое рыжеволосое чучело, представшее передо мной всеми своими веснушками, стало разговаривать ещё невнятнее:

— Слншкн внишн прнкзнрнктя, кнмакнднкрм!

— Ты-то меня понимаешь? — уточнил я, ища выход из этого тупика и заметив, что гвардеец собирался дать устный ответ, принялся его останавливать. — Стоять, не нужно слов. Просто кивни, если да. — «Волчий шлем» послушно кивнул. — Чудесно. Меня

необходимо разбудить в шесть и ни минутой позже, понятно?

Лопухая голова резво закивала.

— Свободен.

К своему удивлению, разобравшись с этим, я обнаружил, что Альт всё ещё лежал на диване, явно наслаждаясь сценой. Мне захотелось подпортить ему удовольствие:

— Если завтра утром у меня на столе не будет тёплого горячего кофе, то у Шинку появится напарник по лебезению на полусогнутых. И только посмей сказать, что ты не сможешь его приготовить, потому что будешь спать.

— Знаете что? — насупился адъютант, всё же поднимаясь на ноги.

— Ну?

— Ноа мне нравилась больше!

— А-ну иди сюда...

Уклонившись от брошенного в него сапога, Альт скрылся снаружи. Прodelал он это так ловко и умело, что мне сразу стало понятно, что уворачиваться от брошенных в него предметов адъютанту не впервой. Решив, что сапог посреди палатки неплохо смотрится, я снял второй и принялся готовиться ко сну, попутно осознавая, насколько мне не хватало Миюми.

Нет, мне, конечно, ещё не нужна была помощь посторонних, чтобы раздеться, но моя помощница обладала поразительным и немного сюрреалистичным, чисто женским свойством ничего не зная всё прекрасно понимать и тем самым наводить на верные мысли. Вроде и странно, но я к ней сильно привязался за это время. Мой личный исповедник, психолог и химик-бариста в одном лице.

Я бы много отдал за информацию о том, что нас ждёт завтра. Учитывая то, что Рейланду и мне было известно о Сауме, я мог ожидать чего угодно.

Чаще всего магический кристалл использовали как эдакое божественное удобрение, благодаря чему начинала цвести даже мебель, сделанная из древесины фруктовых деревьев. Реже для устранения природных катаклизмов: так, лет двести назад на севере Тофхельма рванул вулкан с поэтичным названием «Драконья жопа», сделав эту страну ещё более непригодной для жизни, хотя казалось бы, куда сильнее. Или, например, восточное побережье Риверкрасса регулярно «подмачивало» пятидесятиметровыми волнами. Рейланд, одно время там живший, считал этот край очень весёлым — сегодня у тебя тут пустыня, а завтра днище морское.

Ещё у Саума регулярно просили богатства, бессмертия, любви женщин, оживления мёртвых и прочих вещей, которые ожидаешь увидеть в любой истории, где есть джинн. Впрочем, учитывая, что обилие бессмертных богачей, окружённых красотками, нигде не наблюдалось, что-то общее между ними всё же, наверное, было.

Вот чего точно до сих пор не было — так это просьб у Саума самоуничтожиться. В этом Ресс был вне конкуренции по оригинальности. Конечно, такое желание кристалл не станет исполнять, но, как я уже видел, имелись и другие способы его уничтожить.

Оставалось надеяться, что этот процесс займет у Кейла больше обычного часа, который уходил на то, чтобы одна из сторон стала победителем в Играх. Это и надежда на то, что Ресс не сразу догадается, что две армии идут к Сауму не для того чтобы сражаться между собой, и были по сути всем моим планом на завтра.

Кроме того это означало, что мне, скорее всего, предстояло подняться на вершину башни и там сразиться с Кейлом Рессом. Во снах это всегда заканчивалось плохо для него. У

меня данное обстоятельство, как ни странно, вызывало тревогу.

Прошедший день ясно мне показал, что выводы Кейла об Играх вполне имели место быть. Насилие, ненависть, карьеризм по головам — этого на Играх было с запасом. Если бы план Ресса был чуть менее радикальным и чуть более разумным, то, может, не сразу, но после увиденного сегодня я бы точно оказался на его стороне. Однако план убить всех убийц, чтобы больше никто никого не убивал, меня категорически не устраивал.

Впрочем, как и в принципе убийство другого человека по какой бы то ни было причине. Я всерьёз подозревал, что люди рождаются и живут некоторое время совсем не для того, чтобы их зарубили тремя килограммами заточенного железа.

Для меня осуществление планов Кейла и его смерть во избежание оных являлись одинаково неприятными вариантами.

«Конечно, если придётся выбирать, то...». Я оборвал ход мысли, даже не желая думать о таком исходе.

Имея две такие опции, я не желал выбирать вовсе. Хотелось найти какое-то другое решение или не дойти до момента выбора. Такой шанс тоже имелся: ещё днём Хоаким отправил несколько сотен всадников прочёсывать кратер вокруг Саума. Если им удастся схватить Кейла, то ничего не будет. Игры спокойно завершат, а самого Ресса к ним больше никогда не подпустят. Мир спасён!

Но на самом деле нет. Сколько людей ни отправь — тысячу, десять или ноль, ничего не изменится. Кейл Ресс в любом случае доберётся до Саума. Я твёрдо знал, хотя ничем не мог это подтвердить, что это предопределено заранее. Иначе какой смысл был вообще меня сюда тащить и столько всего показывать?

Именно на такой невеселой ноте сон наконец меня одолел.

Спалось мне плохо. Сказался то ли общий негативный настрой, то ли мрачные предчувствия, то ли тот факт, что меня буквально окружали люди, которые ещё день назад являлись моими противниками. Пробуждение тоже вышло весьма экстравагантным: сначала рядом некоторое время гремели латами в нерешительности, а затем рывкнули так, что я испуганно вскочил и вытянулся по струнке.

— ПОДЪЁМ! — Закончив, гвардеец, на этот раз в шлеме, изображавшем голову медведя виновато добавил: — Кхм, простите, командующий, привычка.

Возможно, я бы на него наорал, но орать на человека вдвое больше тебя в полном доспехе было не самой разумной идеей даже по моим меркам.

— Нет-нет, всё в порядке. Именно так меня каждое утро и будят.

Поправив вставшие дыбом волосы и надеясь, что безумно колотящееся сердце всё же окажется патриотом и не выпрыгнет из груди, я отправился одеваться. После чего не без удивления обнаружил в палатке Альта, который стоял в дверях с подносом в руках, умудряясь совмещать это с видом человека, которого разбудили слишком рано.

— Ваш завтрак, командующий, — бросая в меня прожигающие насквозь взгляды, сказал он.

Затем адъютант, наверное, хотел эффектным жестом поставить еду мне на стол и удалиться, пылая праведным гневом, но что-то пошло не так. Где-то на полпути к столу Альт неожиданно для себя обнаружил под ногами мой давнишний сапог и мгновенно об него споткнулся.

Надо отдать ему должное, адъютант сделал всё, чтобы сохранить в целостности еду. Ему

даже удалось в падении извернуться так, что поднос с содержимым оказался невредимым. Но затем Альт со всей силы впечатался в него лицом, вывернув на себя всё до последней капли.

— Мда, что-то общее у вас сестрой точно есть, — заметил я разочарованно и, оглядев масштаб учиненного разгрома, добавил: — хочу, чтобы «кофе у меня на столе» в следующий раз выполнялось менее буквально. Стол и остальное — почистить, еду с пола убрать и сходить за новой. Буду через полчаса-час.

Альт хмуро осмотрелся и, видимо, поняв, что он тут застрял надолго, поинтересовался:

— А вы куда?

— А ты бы куда пошёл на моём месте?

— Спать, — честно признался адъютант.

— Неплохо, наверное, ещё бы и поел перед этим, да?

— Ну...

— Я пошёл к своей армии, к «солнечным», очень интересно, что там происходит. А ты наведи здесь порядок!

Мои слова про интерес были чистой правдой — делать всё равно было нечего. Никаких новостей о успешной поимке Кейла пока не пришло, и вряд ли на их появление вообще можно было рассчитывать. Раз уж приятные вести и еда от меня упорхнули, мне не оставалось ничего, кроме как насладиться концентрированной болью и страданиями Кейтлетт, оказавшейся среди моих остолопов.

Идти было недолго, армии расположились практически бок о бок. Я опасался того, что в такую рань на месте обнаружу только кучу спящих, однако в лагере «солнечных» царило необычайное для такого времени оживление. Солдаты в полном обмундировании носились туда-сюда, словно отражая атаки некоторого противника с разных направлений. Чуть в стороне, в чистом поле группа людей со знаками различия офицеров что-то усердно копала. Решив, что ни у первых, ни у вторых спрашивать что происходит смысла нет, а нужно искать корень проблемы, я направился туда, где стояла палатка командующей.

Предположение оказалось верным, и Ноа была на месте, с удовлетворением глядя на чехарду вокруг. Мне удалось прийти очень вовремя: Миюми как раз вручала своей новой начальнице кружку с «кофе».

Отвлёкшись на моё появление, Кейтлетт рефлексивно и не глядя взяла напиток, не замечая, что тот бурлит, и жестом отпустила девушку прочь. После оказалось не так уж и просто, ведь Миюми заметила меня.

— Я так рада вас видеть! — широко улыбаясь, сказала она.

— Это взаимно. Иди по своим делам, мне... с твоей командующей надо поговорить.

— Вы мой единственный командующий, — шёпотом призналась моя помощница, прежде чем удалиться.

Не успел я умилиться, как Ноа всё испортила, начав сочиться ядом:

— О, припёрся. Не спится? Чего надо?

— Да так, гуляю, — делая невинный вид, ответил я и поинтересовался, походя указывая на мечущихся солдат, — а что здесь происходит?

— Атака противника, представляешь? — ехидно ответила Кейтлетт.

— Мда, и где он? — я на всякий случай даже огляделся, но ничего такого не увидел.

— Понятия не имею, — раздраженно фыркнула Ноа. — Но именно из-за него меня трижды за ночь поднимали на ноги. Вот теперь они его ищут.

— Думаешь, найдут?

— Найдут, непременно найдут!

— Похоже на Эльта, это в его духе, — прикинув, что из всех моих подчинённых подобной фигнёй мог страдать только один человек, предположил я.

— Наверное, — Кейтлетт призадумалась, явно пытаюсь вспомнить кто есть кто.

— А он сам где? — оглядевшись и не обнаружив капитана, хотя бойцы его полубригады бегали, спросил я.

— А тебе он зачем? — едко поинтересовалась Ноа. — У тебя теперь целая куча «восхитительных» офицеров.

— Да, я ими тоже восхитился по самые гланды.

— Наверняка копает ров, — ответила Кейтлетт на первоначальный вопрос. — Он весь вечер про него только и говорил, вот решила его порадовать, — она мне подмигнула. — Я так понимаю, у вас в армии за отсутствием припасов рытьё рвов выступает в качестве награды?

— Конечно. И чем глубже — тем лучше! Нет такого дна, которое мы бы не смогли пробить! — Мой восторженный бред прервала необходимость спросить ещё кое-что. — Кстати, Эльт понятно, а остальные?

— Остальные кто? — мрачно уточнила Ноа.

— Знаешь, офицеры, ну там Лой Ноктим...

Кейтлетт ответила, будто судья, оглашающая приговор:

— Курил мне в лицо. Копает ров.

— Леон Сайрас?

— Спорил со мной целых полчаса на тему того, где мне расположить мою палатку. Копает ров.

— Капитан Кай?

Ноа призадумалась, но так и не сумев вспомнить кто это, спустя секунд пятнадцать отмахнулась:

— Скорее всего копает ров. Из всех твоих офицеров этим сейчас не заняты, ну, эм, получается только я.

— Ты не мой офицер.

— Угу, поэтому и не копаю. — Ухмыльнувшись, Ноа взмахнула кружкой, неосторожно выплеснув на траву часть содержимого, отчего та мгновенно пожухла, и в сердцах призналась: — Знаешь, твои офицеры невыносимы! Ты их совершенно разбаловал! Они считают, что у вас какая-то дерьмократия...

— Ты наверное имеешь в виду демократию? — уточнил я.

— Я имею в виду то, что говорю, — возразила Кейтлетт. — Дерьмократия как она есть. Вот скажи, зачем ты Гун-Гуна-то сделал командующим?

— Он никакой не командующий, просто до сих пор притворяется им. Зачем — не знаю.

— В любом случае, он сейчас тоже копает ров, — самодовольно заявила Ноа, предварительно смерив меня долгим взглядом врача психиатрии.

— Такими темпами мои подчинённые скоро выроют тут метро...

— Что? — Судя по ответу, Кейтлетт не испытывала страха или хотя благоговейного трепета перед метрополитеном, вероятнее всего только потому, что не знала, что это такое.

Впрочем, объяснять, что это такое, заняло слишком много времени, а у меня уже были другие вопросы и причины для сомнений:

— Ты кстати не думала над тем, что эти люди могут ещё тебе понадобиться?

Перед ответом Ноа одарила меня взглядом такой кислоты, что от него наверняка окислялось серебро:

— Для чего? Ты же не думаешь, что чтобы остановить одного человека нам потребуются две армии? Его уже словили, просто ещё не успели доложить.

Кажется, Кейтлетт, в отличие от меня, нисколько не сомневалась в успехе. Мне так и хотелось сказать, что не всё так радужно, но как-то обосновать эту позицию я не мог. Пришлось развести руками и согласиться.

— Резонно.

Убедившись в своей правоте, Ноа удовлетворённо вздохнула и наконец приложила к чашке. Её зрачки сузились, по лицу пробежала судорога отвращения, а сама Кейтлетт застыла, не зная что делать с жидкостью у себя по рту.

— Незабываемо, да? — уточнил я ехидно. — Это как жидкая боль. И тебе ещё повезло — коктейль остыл. Химические реакции, знаешь ли, быстрее протекают в горячей жидкости.

— Что это за дрянь?! — внимательнее изучая кружку у себя в руках, прикрикнула Ноа так, будто я ей готовил этот напиток.

— Миюми называет данный коктейль кофе.

— Называет?! Коктейль?! — Кейтлетт вытаращилась на меня как на самоубийцу. — Ты правда это пьёшь?

— Конечно. Каждое утро. Верить или нет, но бодрит гораздо лучше рытья рвов.

— Понимаю, почему ты такой д...

— Душка? — перебил я её.

— Почти угадал, — ухмыльнулась Ноа. — Чего ты кстати припёрся-то? Только не говори, что гулял.

— Я это уже сказал. Но вообще пришёл посмотреть, как у вас тут всё. Результат мне даже нравится.

— Мда? — удивилась Кейтлетт. — Может, ещё скажешь, что тебе у меня всё понравилось?

— Ну, еда конечно ни в какое сравнение, но в остальном — вполне.

— Особенно Альт, да? — вглядываясь во что-то вдаль и ухмыляясь, спросила Ноа

Я обернулся. Вдали в воздух поднимался столб чёрного дыма, будто горело что-то большое, размером примерно с палатку командующего.

— АЛЬТ ЦИОН! — с этим криком я побежал кое-кого убивать.

Проводив незваного гостя взглядом, Ноа посмотрела на пустую кружку у себя в руках и затем отыскала взглядом Миюми, которая всё это время крутилась рядом, подслушивая.

— Золотце, а что ты умеешь готовить кроме купоросного масла? — спросила командующая.

— Ну... чай? — растерянно сообщила девушка.

— Чудесно. Неси. — Глядя на бегающих солдат, Ноа сама себе улыбнулась и напела: — Ах, какой чудесный день, ах, какой чудесный я...

Прибежать мне удалось к шапочному разбору — то есть к тому моменту, когда всё, что нужно было спасти, уже сгорело, а остальное зачем-то спасли в первую очередь. В огне сгинула вся моя одежда, документы, часть оружия, зато со мной остались такие

необходимые вещи, как кровать, пустая бутылка из-под вина, подшивка номеров «Вестника» за последний год и униформа егеря «лунных».

— Не переживайте, Рейланд, могло быть и хуже, — попытался подбодрить меня Хоаким, который вышел посмотреть, что за шум снаружи.

Кажется, он чего-то от меня ждал, наверное, какого-нибудь реверанса, но обо всех этих тонкостях у меня не только отсутствовало какое-либо представление, но и желание закрывать этот пробел в знаниях.

— Да, ведь огонь мог распространиться и дальше, — покосившись на его палатку, которая стояла напротив моей и была в полной целостности, ответил я.

— Вот именно! — явно догадавшись, что имеется в виду, кивнул Хоаким — А у меня там полная тумба горючих веществ. Полыхнуло бы знатно.

— Кстати, а где виновник? — вдруг пришла мне голову мысль о моём «помощнике». — Неужели сгорел?

— Бойтесь не пережить утраты? — с сарказмом уточнил король.

— Боюсь пережить, — тихо ответил я. — Где этот крысёныш?

— Я вам кто, король или поисковое бюро? — раздражённо поинтересовался Хоаким.

— Королевское поисковое бюро.

— Не нарывайтесь, а то вы тоже можете где-нибудь потеряться, — посоветовал мне король. — Знали бы вы, сколько людей теряется на моей осенней охоте...

Поняв, что поиски необходимо проводить самостоятельно, я огляделся. Альта найти конечно не удалось, зато отыскался Лой Шинку, который, как и полагалось ассасину, всегда был где-то рядом, прячась в тенях.

Поняв что мне от него что-то нужно, капитан-рядовой мгновенно оказался рядом и приложился к королевской руке с таким почтением, что тому пришлось её вытирать.

— Чего угодно, ваше преблагородие господин командующий? — принялся противно лебезить Шинку, тоже попытавшись приложиться губами к моей руке.

— Мне нужен Альт Цион...

— Конечно-конечно, сию же минуту сей отрок...

— Живым, — глядя на неуёмный энтузиазм Шинку, на всякий случай добавил я.

— И я смогу... — с трепетом начал рядовой.

— Для начала станете сержантом.

Кажется, это серьёзно подрезало крылья надеждам Шинку, но ничего иного предлагать я ему не собирался. Осознав это, он ещё раз попытался поцеловать мою руку, ещё раз получил ею же по губам и быстро куда-то ушёл.

— Я не одобряю вашу кадровую политику в отношении этого кре... кхм, кренделя, — заметил король настороженно.

— Ничего страшного, путь от сержанта до капитана долог, тернист и скорее всего ведёт в тупик, — равнодушно ответил я. — Серьёзно, не припомню ни одного сержа, который бы выбился в люди.

— Да? Вообще ни одного? — хитро уточнил Хоаким.

Наверное, его вид в этот момент должен был навести меня на некие мысли или давние воспоминания, или недавние воспоминания, но не навёл.

— Ну да, а что?

— Странно, а мне казалось, один из них сейчас со мной говорит.

— Исключение, подтверждающее правило.

— Это не так работает. Существование исключений подтверждает существование правила и всё, — король смерил меня долгим взглядом, приложился к своей фляге и перешёл к куда более важным вещам. — Когда выступаем-то?

— Где-то через смерть одного Альта Циона! — потирая руки в предвкушении, сообщил я весело.

— А можно и раньше, где-то примерно через смерть одного Рейланда, — намекая, что у каждой шуточки есть предел, переиначил мою фразу Хоаким.

— Где-то через час, — рассказал я, поняв, что не стоит перегибать палку.

Пока ещё живой адъютант отыскался на кухне, где ему вдруг ни с того ни с сего вздумалось перемыть посуду за всю остальную армию. Учитывая масштаб и темп работы, это могло занять у него от полугода до полувека.

Поначалу я не понял этого манёвра: никакая посуда не спасёт от моего гнева эту паскуду, но затем мне повстречалась главная кухарка, и всё встало на свои места. Это милое утончённое создание скорее напоминало огра, нежели женщину. Хотя что-то женственное у неё всё же было: платье в розочках, смотревшееся на ней так же уместно, как если бы его надели на ель.

Понимая, что добраться до Альта у меня получится только обойдя это препятствие, я впервые за всё время пребывания здесь решил сделать это «методом Рейланда» — вызывающим рвоту и ночные кошмары флиртом.

— Привет, красавица, не видела, тут в последнее время с небес ничего не падало?

«Красавица» за один присест откусила половину яблока и бросила на меня удивлённый взгляд:

— У нас тут кухня, а не это вот всё.

Что скрывалось за этой фразой я не сильно понял, как и самого ответа — говорила кухарка с набитым ртом, поэтому я продолжил действовать по той же программе.

— Я про тебя, звёздочка. Такое ощущение, что ты свалилась с неба...

Произносить подобное было тяжело хотя бы из-за того, что мне очень живо представилось, как это создание шмякается на землю, пару раз отскакивает, затем поднимается на ноги и с фразой «Я родилось» идёт жрать людей.

— Можно узнать ваше имя, миледи?

— Доброй меня все кличут. А ты кем будешь?

Такой ответ вполне вписывался в стандартную программу, которую регулярно исполнял Рейланд, поэтому мой, а точнее его ответ последовал незамедлительно:

— Неподражаемый и неповторимый Рейланд Рор к вашим услугам!

Реакция на эту фразу всегда разнилась от впадения в фанатский экстаз до вежливой улыбки, но кухарка сумела удивить, когда без предупреждения двинула меня здоровенным кулаком по голове, едва не убив.

— За что?!

— За мужа моего, — объяснила кухарка с претензией, принявшись причитать. — Бедняжка до сих пор спать не может из-за тебя, мерзавец.

— Какого ещё м...

Вопрос, кем был её муж, застрял у меня зубах, так и не вырвавшись наружу. Мне вспомнился прапорщик Любов, которого я запустил в космос. Фамилии у них были разные, а вот облик один на двоих. Всё сразу встало на свои места, кроме моей шеи, которую кухарка

едва не сломала. Стало понятно, почему Альт скрылся именно здесь.

Перестав играть в деревенского Дон Жуана, я перешёл к сути и указал на адъютанта:

— Мне нужен этот крысёныш.

— Зачем это? — Доброва повернула голову, убеждаясь, что речь шла про Циона.

— Да так, для лёгкой утренней экзекуции. Не знаю, что с ним будет, но могу гарантировать, что он это запомнит.

— Мда? А мне пообещал мыть посуду до конца Игр...

Альт натянуто улыбнулся, всем своим видом показывая, насколько он сегодня щедр.

— Упоминать то, что они так или иначе закончатся сегодня, он не стал, да? — уточнил я с хитрецей.

А вот это Доброву заинтересовало куда как сильнее. Она посмотрела сначала на меня, а затем на Циона и спросила:

— Крысёныш, это что, правда?!

Его губы сказали одно, а вот лицо и жесты совершенно противоположное:

— К-конечно же, нет...

— Да что ты говоришь, — всё поняла кухарка, — поди-ка сюда.

— 3-зачем?

— Я тут подумала, что ты не с того начал. Сначала отмоешь общий котелок...

Похоже, моё участие тут больше не требовалось. Так или иначе Доброва Альта теперь не отпустит.

— Он весь ваш вплоть до окончания торжеств по поводу Игр. — Это означало, что Цион застрянет здесь не на один день, а как минимум на две недели.

— Вот и чудесно, — кухарка злобно ухмыльнулась. — Посуды там выше гор.

— Уверен, Альт это всё с радостью отмоеет, — поддакнул я, играя улыбкой.

«У меня появился лишний стимул остановить Кейла», — подумалось мне.

Когда я закончил с такими важными делами как наказание Альта, мне ничего не оставалось кроме как заняться какими-то там мелочами вроде командования армией и прочим спасением мира. Увы, посланные ещё накануне всадники не сумели схватить или хотя бы найти Кейла. В данный же момент они отправились охранять пока закрытый вход в башню.

Пришлось снимать с лагеря обе армии и двумя идущими порознь колоннами выступить в сторону Саума. Его мы увидели буквально через час пути и совсем не потому, что так приблизились к башне и кратеру вокруг. Просто это сооружение оказалось настолько здоровым.

По мере приближения к Сауму многие окружающие, включая даже короля, требовали от меня какого-то плана, но я держался как мог. У меня имелось лишь примерное представление, чего стоило ожидать, основанное на снах и собственных размышлениях. Строить на такой зыбкой основе какой-то минимально долгосрочный план означало впустую потратить время. Сначала нужно понять, с чем мы столкнёмся.

Если всё будет как в снах, Кейл Ресс заберётся на башню и попытается завершить Игры, как он думает, во время битвы. Предотвращение этого не требовало каких-то особых действий: достаточно выслать к Сауму отряд и не начинать никаких сражений.

Другим возможным вариантом, тоже навеянными сновидениями, было, что можно попытаться уничтожить сам магический кристалл. Кейл, вполне, в отчаянии мог бы пойти и до такого. В связи с этим требовалась определенная осторожность, именно поэтому «солнечные» и «лунные» двигались отдельно. Пускай лучше Ресс верит, что его сделка с Галленом всё ещё в силе, чем, отчаявшись, понесётся воплощать свои замыслы любым возможным способом.

Тем не менее лично я считал, опираясь на интуицию, что всё будет совсем иначе. Именно поэтому не спешил планировать наперёд и действовал предельно осторожно, даже пассивно. Это устраивало далеко не всех, о чём эти самые «все» не забывали напоминать каждые несколько минут, обрушив на мои уши поток непрерывного нытья. Впрочем, в колонне «лунных» имелся один человек, игнорировать которого было нельзя и перед которым пришлось держать ответ.

Надо сказать, что Хоаким довольно терпимо относился к моим действиям, но когда армия почти дошла до края кратера — то есть от Саума её отделяло всего-ничего — не выдержал даже он. Меня довольно вежливо, но настойчиво попросили навестить его величество немедленно.

От остальной армии король двигался несколько обособленно, но не отдельно. Просто его от солдат отделяла неприступной стеной целая толпа слуг, прихлебателей, а также гвардия. Даже меня, командующего, пропустили лишь пристально удостоверившись, что я не собирался причинить королевскому здоровью какой-то вред. Это было прерогативой исключительно самого короля.

Несмотря на возраст и алкоголизм, на коне, роскошнее которого мне в жизни не доводилось видеть, Хоаким держался куда более уверенно, нежели молодой, почти непьющий, да и что там говорить, питающийся не каждый день я. Отогнав слуг на пару метров от себя, чтобы подслушивали менее тщательно, он сказал:

— Рейланд, пора бы вам рассказать свой план на день.

— У меня замечательный план! День будет отличным! — ответил я, имитируя полную, абсолютную уверенность в происходящем. — Просто блеск!

— Да? — с сарказмом удивился король. — С радостью послушаю подробности.

— Отлично, я...

— Немедленно, — видя, мои попытки уклониться от ответа, мрачно уточнил Хоаким.

— Мой план состоит в том, чтобы не придумывать никаких планов, пока не будет основы для нормального плана! — отчеканил я бодро, не скупясь на лексические повторы.

Король, выслушав это, скривился как от зубной боли и раздражённо заметил:

— Знаете, Рейланд, вы хуже похмелья.

— В смысле больше?

— В смысле вам не предшествует что-то хорошее и вкусное, как Тираширское красное, например, — Хоаким махнул рукой. — Идите отсюда и продолжайте делать что вы там делали.

— Ничего, ваше величество, не делал!

— Удачи.

Увы, просто так вернуться в голову колонны мне не дали. Где-то на полпути туда прискакала Ноа, который тоже захотелось узнать что будет дальше.

— Ну и какой план? — с хитрецей осведомилась она. — Ты его вообще придумал?

— Ну да, а что? — чувствуя, что это скорее подводка к чему-то, нежели интерес, ответил я.

— А то, что против нас всего один человек, — напомнила с нотками самоуверенности Кейтлетт. — Его уже ждут возле Саума! Ладно, предположим, но не думаешь же ты, что он сможет оказать сопротивление такой толпе?

— Вот поэтому у меня и нет толком никакого плана, — мрачно возразил я, вызвав у Ноа сильное удивление. — Мы сделали всё возможное, чтобы остановить Кейла. А значит, он сделает невозможное, чтобы достичь своей цели! И это предсказать у меня не получается.

— Скажи, что это? — подозрительно присматриваясь ко мне, спросила Кейтлетт.

— Что ты имеешь в виду?

— Опиум, гашиш, ромашка, — перечислила Ноа, — что ты куришь, прежде чем нести подобную чушь?

— «Вестник войны», — язвительно ответил я,

— Хе-хе-хе, — притворно рассмеялась Кейтлетт. — Смотри не порежься о своём остроумии.

Наконец, спустя четыре часа после выхода, мы достигли огромной котловины или вернее кратера. Может, его края и срезались со временем, но общую округлость места ни с чем нельзя было спутать. Далее следовала плоская как блин равнина без единой неровности, покрытая куцей травой, а в самом центре высилась высоченная, неестественная башня с Саумом на вершине.

Вот она цель моего путешествия. Если я хочу остановить Кейла Ресса, мне нужно туда.

«Но где же он сам?». Конные вестовые сновали между башней и нами каждые полчаса, и никаких новостей.

В поисках Ресса уже раз двадцать прочесали кратер, и всё без результата. Увы, мысль о том, что всех этих людей необходимо убрать куда подальше от Саума, потому что среди них

Кейл и прятался, пришла ко мне слишком поздно.

К тому моменту, когда я отдал соответствующее распоряжение и его принялись претворять в жизнь, против меня начался натуральный бунт. Офицеры обеих армий решили собрать военный совет. Угадать его главную повестку оказалось не сложно — либо добиться моей отставки, либо какой-то конкретики.

Что именно от меня хотели услышать, я категорически не понимал. Вот башня, где-то рядом Кейл — вперёд, хватай. Но нет, армии сначала долго останавливались, затем мы ждали, пока соберутся все заинтересованные лица, и лишь затем начались «очень важные» разговоры.

Как оказалось, моё смещение даже не было первой темой. Куда важнее стали споры о том, как армии будут идти, в каком порядке, кто будет подниматься на башню, в какой последовательности. И это ещё не касаясь такого щепетильного вопроса, как: «А кто же в итоге победит». Слово это имело какое-то значение.

Поэтому я в этом цирке практически не участвовал, изредка кидая недовольные взгляды и прогуливаясь неподалёку туда-сюда в нетерпении. В этом у меня была даже компания: рядом с тем же видом переминалась с ноги на ногу Ноа. Не то чтобы она поддерживала мою точку зрения, просто это сборище было ей глубоко неприятно.

— Как думаешь, долго это ещё продлится? — поинтересовалась Кейтлетт раздражённо.

— Примерно столько, сколько потребуется Рессу, чтобы начать действовать, — поделился мрачной догадкой я, подозревая, что это уже произошло. — Пока башня не оживёт, мы так и будем тут стоять.

— Мда, — согласилась Ноа и вдруг решительно сказала, — нужно что-то делать. Идём!

— Что? В смысле? Ты же мне не верила? — чувствуя какой-то обман или издёвку, я не спешил следовать за ней.

— И не верю до сих пор. Это звучит как бред, — резковато ответила Кейтлетт, а затем, смягчившись, добавила, — ты меня вчера здорово выручил, поэтому, ну, понимаешь, — она смущённо запнулась и пропустила эту мысль, сразу перейдя к своей задумке. — Если ты хочешь помешать кому-то подняться к Сауму, самое разумное — это встать перед башней и никого не пускать внутрь. Вот это мы с тобой и сделаем. В худшем случае, простоим там весь день, пока эти не подтянутся.

Звучало и вправду здорово, не без издёвки конечно, да и сама Ноа явно сомневалась, что это всё надо, но тем не менее встала на мою сторону.

— Ну, тогда... — Увы, договорить мне не дали.

Как оказалось, наши перешёптывания заметили, поняли их смысл, как и намерение слинять. Таким наблюдательным оказался никто иной как Леон Сайрас.

— Саум всё еще спит, может, вы были не правы, Рейланд?

Ему явно требовалось с кем-то поспорить. Ноа с её рвами потребность в этом не удовлетворяла, а с Хоакимом такое не проходило. К этому моменту меня и Кейтлетт уже окружили другие офицеры, поэтому пришлось пытаться отстоять своё видение происходящего перед ними вместо действий:

— Кейл ещё просто не понял что происходит. Он-то думает, что Галлен ведёт ему две армии на убой. Ничего, сейчас он посмотрит на наши две толпы, которые весело ржут бок о бок, и начнётся... — Я боязливо покосился в сторону башни, убеждаясь в том, что мои слова не начали исполняться мгновенно. — Поэтому нужно идти прямо сейчас.

— Согласна, лучше дойти до башни, а там разберёмся, — поддержала меня Ноа.

— С чего вы вдвоём вообще взяли, что Кейл здесь? — возразил Хоаким. — Его ищут уже почти день!

— И где же он тогда? — раздражённо поинтересовался я. — Где реликвии? Или думаете, Кейл по пути потерял их?

— Такое уже случалось однажды, потеря реликвий в смысле. — Король, не обратив внимания на мой тон, пожал плечами и отпил из фляги, а затем спокойно рассказал: — Боги достаточно оперативно ниспослали нам новые, настолько, что забыли даже печать гильдий-изготовителей убрать.

— Да чем вы заняты?! — вспыхнула Ноа, наблюдая за этой беседой. — Особенно ты, Рейланд! Сам же говорил, что...

— Если опасность так велика, то нужно всё хорошенько обдумать, — постарался остудить её пыл Хоаким без всякой издёвки, — а иначе...

— А иначе что? Кто-то, пока мы спорим, доберётся до башни, и она оживёт? — Кейтлетт указала на Саум, который за мгновение до этого начал светиться, демонстрируя, что до него добрался кто-то с реликвиями. — Кажется, дошёл! Давайте ещё поговорим пару часов!

Тем не менее спорить с очевидным фактом никто не стал. Глядя на свет от башни, даже последний идиот понял, что происходило что-то не то. Но это оказалось лишь началом.

Со стороны Саума вдруг раздался сильнейший низкий гул. Луч белого света, бивший с вершины башни, вдруг покраснел, начал закручиваться в воронку, которая принялась засасывать в себя многочисленные облака. Не прошло и пяти секунд, как там бушевала очень странная, явно магическая гроза. Поднялся страшный по силе ветер, опрокидывающий людей и срывающий знамена. Следом за ним ощутимо вздрогнула земля под ногами, как во время землетрясения.

Будто этого мало, в ту же секунду моя голова едва не взорвалась от боли. Мне в мозг словно воткнули с десяток раскалённых иголок. Судя по тому, как скорчились остальные, я был не один такой. Большая часть окружающих вообще упала наземь. Не в последнюю очередь, потому что находилась в этот момент верхом. Не знаю, какую боль в этот момент чувствовали лошади, но судя по тому, что все они лежали едва дыша и не шевелясь, многократно большую, нежели человек.

Похоже, что чтобы там ни происходило с Саумом, это грозило куда большей катастрофой, нежели полное завершение Игр. Кейл, как я и боялся, на прощание явно собирался устроить сильнейший катаклизм, что вполне вписывалось в его предвыборную программу.

— Достоялись! — кривясь от боли, прошипела Ноа.

Я бы с радостью поддержал её, если бы мог сказать что-то членораздельное. К счастью, спустя минуту-полторы боль поутихла, снизив накал с «мизинчиком об тумбу» до «воткнул под ноготь иголку».

— Нужно идти немедленно или будет ещё хуже! — крикнул я, пытаясь выбраться из-под коня и нормально встать на ноги.

— Куда хуже-то? — спросил со скорбью в голосе Хоаким, чью упавшую флягу Эльт случайно отфутболил куда-то вдаль.

Не обращая внимания на этот возглас, я, шатаясь, отыскал Миюми, которая устояла на ногах только потому, что уцепилась в мой штандарт.

— Нужно продудеть!

Подняв на меня полные страха глаза, она решительно кивнула и дрожащей рукой потянулась к своей дудке. Спустя пару секунд по окрестностям, пересиливая стоны людей, шум ветра и рёв грозовой воронки над Саумом, пронёсся звук трубы. Этим по крайней мере удалось привлечь внимание всех неподалёку ко мне:

— Не время жалеть себя! Настал час показать богам, что мы заслужили наш мир! Сразиться за него и отстоять! Боль — это не худшее, что может сегодня с нами случиться, если мы проиграем! К башне, вперёд!

В который уже раз я удивился, как же много в подобные моменты стоили слова. Даже самые банальные фразы работали с превосходящим всякие ожидания результатом.

Солдаты до того напуганные происходящим, медленно, волной, помогая друг другу и передавая мои слова всем и каждому, поднялись на ноги и с решимостью на лицах начали двигаться в сторону Саума. Между ними разом исчезли всякие сословные, национальные или ранговые различия. Когда на кону твой мир, нет времени обращать внимание на такие мелочи.

Прикинув, что случится, если вся эта толпа ринется по одной не очень-то широкой тропинке, ведущей вниз, я поспешил предупредить катастрофу:

— Офицеры, организуйте спуск с разных направлений! Нет смысла идти всем с одной стороны! Главное — дойти до башни, и чтобы ни происходило на её вершине — остановить это!

Спуск с края кратера занял некоторое время, за которое творившийся катаклизм только набрал силу. Было ещё несколько подземных толчков, а долина перед нами успела заполниться густой белесой дымкой, которая стеной преграждала нам путь.

— Ты уже видел такое, Рейланд? — спросила у меня Ноа, чуть обогнавшая остальных и теперь стоявшая на самой границе, за которой простиралась бесконечная серая пелена.

— Да, в Могильнике, — кивнул я.

Это и вправду был точь-в-точь тот же туман, который встал на пути у меня и Кейла. И что-то мне подсказывало, свойства у него были примерно такими же.

— Как тут ориентироваться-то? — сделав шаг вперёд и сразу же пропав в тумане, который скрыл всё, кроме куцевого силуэта, воскликнула Ноа.

Я последовал её примеру и понял, что с ориентированием и вправду будут большие проблемы. Долина вокруг была куда больше Могильника. К счастью, один ориентир всё же нашёлся — гроза, бушевавшая над башней, оказалась видна даже сквозь туман.

— Туда, и лучше готовиться ко всякому, — указывая на бордовое пятно впереди, сказал я.

— Насколько ко всякому? — уточнил Хоаким, державший в руке новую флягу, к которой не забывал прикладываться ещё чаще прежнего.

— Ну, в Могильнике творилось не пойми что.

Стараясь убедить себя, что мне не страшно, я неровным шагом двинулся вперёд. Впрочем, на этот раз я чувствовал себя куда как увереннее — всё же со мной был не один Кейл, а толпа народа.

Помимо Ноа и Хоакима рядом со мной, гремя доспехами, шла сотня королевских гвардейцев. По правую руку Эльт и Ноктим вели остатки «солнечных», а где-то слева находились Леон и офицеры «лунных», руководившие целым полчищем солдат.

«Вряд ли какой-то туман сможет...». Не успел я додумать, что же он не сможет, как

одновременно с двух сторон раздались крики страха и отчаянная пальба.

Кто и с кем сражался у меня выяснять желания не было, но что-то мне подсказывало, что это не случайный «дружественный огонь». У нас же пока всё было подозрительно тихо, и это пугало сильнее, чем если бы на нас двинулись все адские рати разом.

— Не нравится мне это, — выразила схожую мысль Ноа, вынимая рапиру из ножен.

— К бою! — поддержал её я, не став дожидаться нападения.

Гвардии дважды повторять не потребовалось. Моё предупреждение оказалось крайне своевременным: впереди показался странный забор из шести звеньев: помимо того, что он был под два с половиной метра высотой, так ещё и определённо двигался нам на встречу.

Чем ближе он становился, тем сильнее было понятно, что это никакой не забор, а идущие плечом к плечу огромного роста люди. Я был готов ко всякому от пришельцев до великанов, но когда из тумана на нас вышли шесть Рубиновых рыцарей во всём своём великолепии, челюсть у меня отвисла. Не похоже было, чтобы кто-то из них собирался превращаться в ржавую развалину, да и настроены они оказались весьма решительно:

— БОГИ ЗАПРЕЩАЮТ ВАМ ИДТИ ДАЛЬШЕ!

— Да мы никуда и не идём, — ответил я, стараясь выглядеть уверенно и скрыть панику. — Так, просто гуляем...

Одновременно с этим мной была предпринята попытка обойти Рубиновых рыцарей сбоку. Реакция была молниеносной — на первый же мой шаг в сторону. Мне пришлось отпрыгивать назад, иначе бы меня располовинили могучим ударом.

— Эх, а я думал, мой отец брехал, когда говорил, что встречался с ним, — сказал Хоаким откуда-то сзади. — Ну что, парни, наш звёздный час.

— За Тофхельм! За короля! — в один голос рявкнула гвардия и ринулась в атаку.

Рубиновые рыцари в ответ встали спиной к спине, намереваясь отразить любое нападение. Несмотря на численное превосходство, бой сразу же начал складываться не в пользу гвардейцев. Сказывалось то, что Рубиновые рыцари действовали как единое целое и, по правде говоря, не очень-то реагировали на попадания, в отличие от своих противников, которые разлетались от их ударов пачками. К счастью, Игры ещё не закончились, а значит, никто из них не умер взаправду.

Мы с Ноа собирались присоединиться к бою, но король неожиданно оказался против.

— В этом нет смысла. Идите дальше, мы вас догоним, наверное. — Словно подбадривая себя, Хоаким за один раз опустошил флягу. — Если повезёт, хе...

— Спасибо, мы вас не подведём! — пообещал я.

— Да уж, вы это постарайтесь, ик, я последний раз брался за оружие литров пятьсот назад.

Пользуясь предоставленной нам возможностью, мы с Ноа аккуратно обогнули сражение и устремились очень осторожным бегом вперёд. Башня как будто бы стала ближе, но насколько, понять было сложно. Обычно путь до неё занимал час-полтора торопливого марша, однако в окружавшем нас тумане с расстояниями творилось не пойми что.

Так битва королевской гвардии с рубиновыми рыцарями скрылась в нём едва ли не мгновенно — за считанные шаги, из чего можно было сделать вывод, что мы сильно ушли вперёд. Однако бой вокруг, который по логике не мог идти сразу везде, никуда не делся.

Мы с Ноа возникающие периодически в тумане силуэты старались игнорировать — союзникам помогать у нас времени не было, а сражаться с бесчисленными врагами тем более. Некоторое время это работало, но затем из тумана донёлся рёв множества глоток со

знакомым для меня кличем:

— Худшие из лучших! Лучшие из худших!

На нас толпой побежали солдаты в разномастной, очень потрёпанной униформе. Не похоже, чтобы кто-то из них собирался пробежать мимо или хотел взять у меня автограф. Зверский оскал на лицах и сабли наготове говорили о том, что у этой толпы несколько иные цели.

Настал наш черёд с Ноа, стоя спиной к спине, отбиваться. К счастью, ничего серьёзного наши противники из себя не представляли и бессмертными не были, но сколько же их вокруг собралось! Не прошло и пары секунд, как мы оказались в полном окружении.

— Рор, у них у всех нашивки Риверкрасса. Это твои солдаты! — махая шпагой, словно кухонный комбайн, крикнула мне Ноа.

— И что мне сделать? По-моему, они не настроены на переговоры! — отбрасывая очередного противника пинком, огрызнулся я.

Наше положение тем временем становилось всё хуже. До поры нам удавалось медленно прорубаться вперёд, но затем противников стало столько, что всё, что мы с Ноа могли, — это отбиваться от нападавших. Всё свелось к вопросу о том, что закончится быстрее: наша выносливость или враги. И судя по лесу голов вокруг, ответ мне не понравится.

— Кто бы... мог... подумать... что я... буду... сражаться... вместе... с тобой! — плевалась словами Ноа, стараясь не сбить дыхание раньше времени.

Положение становилось совсем отчаянным: кольцо врагов сжалось настолько, что свободными между нами и противником оставался едва ли метр.

— Да уж, перипетии судьбы, чтоб их, — с горечью ответил я, всё отчётливее понимая, что конец близок.

— Знаешь... что... Рор?

— А?

— Лучше... умереть с тобой... здесь... чем...

Альтернативу Ноа высказать не успела: послышался очень хорошо знакомый мне звук моей же трубы, а затем выстрелы вперемешку с отборной руганью. Кольцо врагов дрогнуло, ослабляя нажим, давая нам возможность пробиться сквозь окружение навстречу помощи.

Спешили к нам солдаты тридцать третьей, сбившиеся в плотную кучку и шедшие как нож сквозь масло черезседавших врагов. Заметив нас, они тот же час остановились и втянули нас с Ноа с криком «Нашли!» внутрь своего построения, где был небольшой свободный пяточок.

Там нас уже поджидали Лой Ноктим, дымивший своей трубкой так, что, казалось, большая часть тумана вокруг — его лёгких дело, и Миюми, как раз собиравшаяся вновь приложиться к своей дудке. Заметив, что это больше не нужно, она, преисполненная счастья, бросилась ко мне со слезами счастья на глазах:

— Я так волновалась, так переживала...

— Да что там, на нас всего-то наседали тысяча-другая врагов, собираясь порубить на шашлык. Обычное дело, — успокоил я её с наигранной уверенностью. — Ноа даже не успела до конца в любви признаться.

— Не было такого! — категорично возразила Кейтлетт.

— Как это, а что...

— Ты всё неправильно понял!

— Ладно-ладно.

Убедившись, что Миюми уже выплакала на меня весь запас слёз и больше не висит на мне стакилограммовой гирькой, я обратился к Лою:

— Не представляете, как мы рады вас видеть, капитан.

— С вас бутылка хорошей водки потом, — с ухмылкой сообщил Ноктим.

— Замётано...

— На каждого моего солдата, — хитро добавил старый капитан.

Прикинув, что это всё равно не такая уж и большая цена за наше спасение, я согласился и на это.

— Ваша бригада сможет так идти дальше? К башне? — деловито поинтересовалась Ноа.

— Их больно много, да и ребята едва стоят, этих буйных вокруг немерено, — покачал головой капитан Ноктим.

Подтверждая его слова, на пару секунд вокруг воцарилась непонятная суматоха. Это наш противник сумел частично нарушить строй тридцать третьей. К счастью, солдаты оказались не лыком шиты и быстро сумели локализовать кризис.

— Сможете как-то их отвлечь, чтобы мы могли прорваться дальше? — принялся искать выход из положения я.

— Дудка вашей помощницы их здорово привлекает, — задумчиво сообщил старый капитан.

— Значит, они навалятся на вас, — напомнил я с опаской, но Лой Ноктим остался невозмутим. — Отлично! Миюми...

— Не уходите, там же страшно! — вдруг принялась спорить девушка.

— Иногда страх — не главное. В любом случае, готовься дудеть так, как не дудела никогда в своей жизни. Устрой им концерт. А вы, Лой...

— Да-да, знаю, водку не забудьте, — прервал меня старый капитан с несвойственным ему нетерпением.

— Удачи вам, и завязывали бы со своей трубкой, — на прощание сказала Ноа.

— Поверьте, я с ней проживу дольше, чем вы, если продолжите давать ненужные советы, — фыркнул ей в лицо дымом старый капитан.

— Да как вы...

— На выход, — вмешиваясь, пока это не переросло в драку, я подтолкнул Ноа в спину. — Миюми, устрой им настоящий джаз! В смысле жги!

Надо признать, выложились девушка на полную: рёв стоял такой, что у меня ещё несколько минут звенело в ушах. На кучку солдат тридцать третьей навалилось какое-то невероятное количество врагов. Словно в каком-то фильме про зомби они пёрли даже по своим головам. Оставалось только подивиться мужеству солдат Ноктима: ни один не дрогнул, продолжая исполнять свой долг, несмотря ни на что.

Маленькое пятнышко концентрированного мужества посреди целого океана тел.

Башня была уже недалеко, сквозь туман уже даже виднелась громадная грозовая воронка, венчавшая её вершину. Мы с Ноа двигались к ней короткими осторожными перебежками. То и дело из тумана на нас нападали все те же безумцы, но число противников не шло ни в какое сравнение с тем, которое было до этого.

Неожиданно нападения прекратились. С одной стороны, это позволило немного перевести дыхание, но с другой, означало, что сейчас непременно начнётся что-то новенькое.

Долго ждать не пришлось. Туман впереди был менее густым, давая неплохой обзор. Во всяком случае, достаточный, чтобы понять, что перед нами в метрах пятидесяти стоит длинная шеренга бойцов.

— Нет, ну это уже перебор! — воскликнула Ноа, глядя на них. Она поинтересовалась у меня: — Не хочешь объяснить, как так получается, что все наши противники — это твои подчинённые?

Судя по форме и флагам, перед нами стояла сорок вторая полубригада. Их предводитель также имелся и как раз указывал на меня.

— Вы предали нас! — кричал с выражением безумия и обиды капитан Эльт. — Бросили! Вы не мой командир, вы предатель! Сорок вторая, убить их!

Ноа, первая понявшая, что сейчас будет, сбила меня с ног и сама упала ничком. Раздался ружейный залп, над нашими головами пронёсся рой пуль.

— Как они тебя любят! — ехидно заметила Кейтлетт.

— А то. До гроба, просто торопят события... — я приподнял голову. — Кажется, они перезаряжаются... Зачем? А, они будут стрелять!

— Сам догадался или подсказал кто? — едко уточнила Ноа, не поняв шутки, и тоже приподняла голову. — Как думаешь, успеем добежать?

— Ну, это зависит от того, куда ты собираешься бежать. Если в могилу — да, если до их строя, то зачем?

Вдруг из тумана позади нас раздался топот ног и приглушенные крики.

— Замечательно, кажется, наши друзья вернулись, — поняв, что это могло значить, сказал я и добавил задумчиво, — интересно, выйдут ли их сравнить между собой...

Первый показавшийся из тумана заставил меня оборваться на полуслове. Это был очередной Эльт. Правда, этот, похоже, не собирался нас убивать, а напротив, вместе со своей полубригадой, ревя во всю глотку, нёсся на врага. На нас с Ноа они обратили ровно столько внимания, чтобы не затоптать. Может, оно и к лучшему, учитывая их перекошенные лица от решимости набить кому-то морду, разговаривать нам явно было не о чем.

Да я вряд ли что-то смог бы произнести, кроме банальностей. Что ободряющего можно сказать людям, которые даже без приказа неслись ловить грудью пули? Подлинная храбрость — та, у которой отсутствует грань с безумием, и Эльт со своей бригадой были воплощением этого.

Я так увлёкся, наблюдая за ними, что не заметил появившегося рядом Гун-Гуна. Чудак, привлекая к себе внимание, хлопнул меня по плечу и на удивление серьёзно сообщил:

— Капитан просил передать, чтобы вы его не ждали.

— Да? Что-то не очень похоже на Эльта. Он бы скорее всё бросил и понёсся в атаку.

— Наверное, скорее всего... — чудак если и растерялся, то совсем немного. — Будь Гун-Гун на его месте, он сказал бы так.

— А что он сказал на самом деле? — задала верный вопрос Ноа.

— Вперёдпоуобиваемихтамвсехдопоследнего! — в одно слово, скорчив рожу и брызжа слюной, невнятно проорал Гун-Гун.

— Звучит непонятно, но вдохновляюще, — заметил я.

— Да? А по-моему, это неплохой повод для визита к логопеду, — едко сказала Кейтлетт.

— Не нужны мне эти ваши лохопеды. — Чудак перехватил свой фонарь поудобнее и кивнул на силуэт башни впереди. — Вам туда. Удачи, худшее ещё впереди.

Мы с Ноа удивлённо переглянулись от такой осведомлённости, но уточнить, что он хотел сказать, не успели — Гун-Гун уже умчался.

— Как думаешь, что он имел в виду? — спросила Ноа не без ноток паники.

— Может, лестницу? — предположил я.

— Ты правда в это веришь? — удивилась Кейтлетт.

— Я правда на это надеюсь, — мне-то было известно, что, а вернее кто ещё мог нас в этом тумане ожидать.

Миновав бьющихся Эльтов, которым не было абсолютно никакого дела до меня или Ноа, и пройдя ещё метров пятьсот, мы наконец достигли башни. Здесь посреди тумана и бушующего в нём боя с бурей на вершине это монструозное строение выглядело мягко говоря жутковато. Но куда сильнее меня напугал один из моих двойников, тот, который сам уничтожил Саум, стоящий у входа. Первой его заметила Ноа, из-за чего у неё сразу же отвалилась челюсть:

— Беру свои слова назад — вот это ПЕРЕБОР!

— Определённо перебор Рейландов на квадратный метр, — я скорее сделал вид, что удивился такому повороту.

Чего-то такого следовало ожидать с самого начала. Ну и, конечно же, как назло на пути оказалась та «моя» версия, с которой, судя по крови на одежде и клинке, договариваться было бесполезно.

— Слушай, мы же оба разумные существа, может, нам... — всё же попытался я.

Вполне ожидаемо, не давая даже договорить, мой двойник, заметив Ноа, натурально взбеленился и крикнул:

— ТЫ! Ты и здесь меня нашла!

— Эм... что? — Кейтлетт, удивлённая и даже смущённая такой реакцией, беззвучно открыла и закрыла рот, не зная что сказать.

— В этом раз ты не уйдёшь! В этот раз ты... — пообещал двойник, беря саблю на изготовку, — УМРЁШЬ! Р-А-А-А!

Я изготовился принять его удар, хоть и нацелен он был не на меня, но Ноа меня оттолкнула.

— Это не твой бой. Иди! — крикнула она, махнув рукой в сторону башни.

— Но...

— Поверь, если я с кем и умею сражаться, то именно с этим грязным мерзавцем! — уверенно сообщила Кейтлетт.

Моя безумная версия была уже совсем рядом, намереваясь буквально разрубить Ноа пополам. Та встречала такой удар в первую очередь усмешкой, до самого последнего момента не предпринимая по этому поводу вообще ничего. Лишь тогда, когда между ею и двойником оставалось меньше метра, Кейтлетт соблаговолила сделать шаг в сторону.

Надо признать, несмотря на общее позёрство, это сработало великолепно. «Я», не рассчитав силу, полетел кубарем на землю. Всё, что оставалось для победы: наотмашь рубануть рапирой по ногам и завершить «поединок» точным уколом сердце со стороны подмышки.

— Это оказалось проще, чем обычно... — честно, с растерянностью призналась Ноа, поворачиваясь ко мне.

— А всё благодаря мне. Ведь... — именно в этот момент тело позади Кейтлетт неожиданно зашевелилось, пытаюсь подняться. — Сзади!

— УМРИ ЖЕ НАКОНЕЦ!!!

Мой двойник, невзирая на то, что после подобных ранений обычно не живут, ловко вскочил на ноги и наотмашь рубанул Кейтлетт. Если бы не моё предупреждение, поединок вправду бы завершился, а так Ноа отделалась вмятиной и царапиной на доспехе.

От позёрства мгновенно не осталось ни следа, теперь Кейтлетт сражалась предельно аккуратно, стараясь не выпускать противника ни на секунду из поля зрения. Бой, перейдя в серию коротких стычек, слегка выровнялся, если это вообще уместно говорить в ситуации, когда один из сражавшихся обладал натуральным бессмертием, позволяющим игнорировать любые удары.

— Ты ещё здесь? — заметив, что я не спешу к Сауму, удивилась Ноа. — Сказала же, иди! Задержу его, насколько смогу! Ты всё равно не сможешь помочь.

Понимая, что шутки кончились, и долго Кейтлетт так не протянет просто физически, я последовал её совету, поспешив в башню.

Возле самого входа в башню расположился небольшой ныне брошенный лагерь с явными следами недавней битвы. Только мельком глянув на этот разгром, я сразу понял, что здесь произошло. Кейл Ресс не прятался в плоской как блин долине, аки ниндзя, он затесался в ряды тех, кто её прочёсывал, и так оказался возле Саума. Затем пришёл мой приказ, отзывающий всех обратно, тут-то Кейл и напал. Не знаю, планировал ли он это заранее или же, что вероятнее, импровизировал, но успех оказался целиком и полностью на его стороне. Бой, судя по всему, был ожесточённым, но закончился, как говорится, в одни ворота.

Мог я этому помешать? Вряд ли. Ресс действовал в соответствии с моими решениями, используя их как своеобразный рычаг. На его стороне была не только хитрость, ловкость или тем более сила, но и что гораздо важнее — инициатива. И противопоставить этому мне было абсолютно нечего.

Башня встретила меня не только бесконечной лестницей, тянущейся спиралью куда-то вверх, но и странной тишиной, которую нарушали только мои шаги и приглушенное дыхание. Казалось, что нет никакого катаклизма, нет тысяч сражающихся с туманом людей, нет рокошущей бури в небесах, только ступени и звук шагов.

Может, оно и к лучшему. Такая отрешённость от окружающего мира помогла мне сосредоточиться, ещё раз обдумать, чего же я хочу:

«Остановить Кейла — безусловно. Убить — только если иного выбора не будет. Вернуться домой — в том случае, если это не будет напоминать побег от ответственности».

Где-то ближе к самой вершине я ощутил, как по моему телу прошла невидимая волна. Сразу стало тяжелее дышать, заныли от усталости ноги, а те места, по которым мне сегодня прилетало, стали ощутимо болеть. Игры завершились. Осознание того, что прямо сейчас все сражавшиеся в тумане могли погибнуть, сильнейшим пинком под зад подтолкнуло меня поспешить наверх.

Там меня ждала не только рокошущая гроза, скручивающаяся в воронку, зависшая совсем близко; пронзительный ветер, готовый сдуть прочь при каждом неосторожном шаге; Саум, с чьей вершины и начиналась та самая буря, и вопреки норме светившийся пронзительным красным светом — особенно в тех местах, куда были воткнуты парные клинки Кейла. И конечно же, здесь был и он сам.

Ресс стоял спиной ко мне, аккурат между двумя клинками, касаясь кристалла рукой. Во снах «я» действовал совершенно иначе для того чтобы уничтожить Саум, в частности это произошло куда быстрее и без катаклизмов. К счастью, Кейл этого не знал, иначе бы давно закончил. Однако, судя по тому, как кристалл периодически вспыхивал алым светом, с каждым разом всё болезненнее и болезненнее, словно сердце, бьющееся в агонии, суть процесса была той же самой.

Так увлечённый процессом, Ресс меня даже не заметил, что позволило не только подойти к нему в упор, но и оттолкнуть, а затем, пользуясь растерянностью, ещё и успеть выдернуть один из клинков из кристалла. Резко ослабевший ветер и уменьшившаяся в размерах буря показали, что мои действия направлены в нужную сторону.

К сожалению, добраться до второго клинка оказалось не так просто. Опомившись, Ресс с выражением беззвучной ярости даже сумел повалить меня. Завязалась нелепая борьба,

которую скорее ожидаешь увидеть у первоклассников, а не у опытных бойцов вроде нас. Наконец мне удалось извернуться и хорошенько двинуть Кейла кулаком в челюсть, отбросив его от себя на пару секунд.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы не поднимаясь ухватиться за оставшийся в Сауме клинок и, дернув на себя, вытянуть его.

Последующие несколько секунд оказались невероятно насыщенным на события. Во-первых, кристалл снова стал белесым, а буря принялась стремительно утихать. Во-вторых, я заметил Кейла, который, подняв отброшенный ранее клинок, несся на меня с явным намерением убить. Желая спастись, у меня не оставалось иного выбора, кроме как броситься вперед: туда, где находился Саум, мечтая только о том, чтобы эта глупая битва наконец закончилась. Стоило мне его коснуться, без какого либо предупреждения кристалл вспыхнул невыносимо ярким светом, а затем добавил к нему ещё и пронзительный писк, словно световая граната.

Валяясь оглушенным и ослеплённым, у меня было время подумать над тем, что только что произошло. Мне казалось, что случившееся оказалось моих рук дело, причём буквально: я хотел, чтобы бой закончился, и Саум достаточно своевольно, но исполнил такое желание.

«Неужели я потратил положенное желание на это? Пожалуй, первое место по идиотским желаниям во вселенной точно моё!» — подумалось мне.

Мои размышления прервало осознание, что я лежал и смотрел на голубое небо, следя глазами за путешествием по нему небольшой тучки. Рядом кто-то простонал, не иначе как Кейл, а значит, и слух также вернулся.

Уже ничему не удивляясь, я попытался встать. Какой же это было ошибкой! От малейшего движения по телу разлилась невероятная боль, чётко обозначая те места, по которым мне сегодня перепадало сильнее всего. Судя по всему, таким местом было всё тело целиком.

Кейл как раз тоже пытался встать на ноги, опираясь на свой клинок, примерно с тем же результатом. Лицо его пылало решимостью продолжить во что бы то ни стало.

— Кхе-кхе, ещё не надоело? — откашлявшись, устало спросил я.

— Ради... спасения... мира... — упрямо пробормотал Ресс.

— Спасения? Это, по-вашему, было спасением? — воскликнул я возмущенно. — Кошмарный туман из Могильника, боль, сбивающая с ног, землетрясение — это вот спасение? Вы сами-то в это верите?!

— Это импровизация. Если бы вы мне не мешали...

— Ох, извините, что не позволил двум озлобленным толпам поубивать друг друга!

Заметив, что ещё немного, и Кейлу всё же удастся встать, а там и до второго раунда недалеко, я хорошенько пнул клинок, на который он опирался, разрушив эту неустойчивую конструкцию и вновь отправив его на землю.

— Р-р-р! Для прищельца вы слишком настойчивы. Какое вам дело до этого мира и людей? — гневно прорычал Ресс. — Проваливайте прочь! Вот Саум! Уходите!

— И дать вам победить? Не дождётесь!

— Строите из себя героя? Ну-ну, — Кейл пренебрежительно сплюнул. — Не забывайте, я видел вашу суть. Никакой вы не герой и тем более не спаситель. Для вас это игра в солдатики, а до людей вам нет никакого дела. Сейчас вы наиграетесь и вернётесь домой, а мы... а мы продолжим жить в этом проклятом богами мире!

Наконец ему не без труда удалось подняться. Впрочем, как и мне, поэтому общий

баланс сил не очень-то изменился. Просто теперь мы разговаривали стоя лицом к лицу.

— Вы обрекаете бесчисленные поколения на цикл бесконечной злобы! Вы же сами видели, насколько ужасными бывают Игры! — продолжил кричать Ресс.

— Да. Видел. Стараниями вашего дружка Галлена, которого вы так ненавидите, но всё равно сговорились. Вчера я многое увидел. И животную ненависть, с которой Ноа бросалась на меня, и кучу бессмысленных, абсурдных претензий, сковывающий страх, — подтвердил я, не скрывая своего истинного, предельно пренебрежительного отношения к этому всему. — Но знаете что? Стоило мне хорошенько вцепиться в Галлена по морде и поговорить с окружающими, и уже сегодня эти же люди готовы были взаправду рисковать своими жизнями. Только на этот раз для того чтобы остановить вас. — Прежде чем договорить, мне пришлось пару секунд подышать, восстанавливая сбившееся дыхание. — Я действительно не герой и тем более не спаситель. Это они герои — люди, забывшие про свои различия и претензии, которые, невзирая на все ужасы, спущенные вами на них, на вполне реальную угрозу для жизни, помогли мне сюда дойти.

По мере того как я продолжал говорить, Кейл всё сильнее морщился от раздражения. Видно было, что он со мной не согласен, но не знал, что возразить. Мой же последний вопрос и вовсе заставил его оскалиться от злобы.

— Как думаете, если бы Рейонд был сегодня здесь, на чьей бы стороне он сражался и почему?

По бешеному от злобы взгляду Ресса мне стало понятно, что он очень даже хорошо знал верный ответ.

— Не смейте упоминать его имя!

— В какой момент из-за смерти вашего друга вы стали ненавидеть себя так, что решились уничтожить мир?

Это была сиюминутная догадка, крошечная мысль, возникшая на задворках сознания, которая должна была там остаться, если бы я за неё не схватился. Но как же хорошо она объяснила буквально всё!

— С чего вы взяли, что... — ошеломлённый моим предположением, начал бормотать Кейл.

— Перед вами всемогущий артефакт, а вы пришли к нему затем, чтобы его уничтожить, — перебил его я. — Не вернуть Рейонда, а...

— Саум не возвращает мёртвых!!! — прокричал в гневе Ресс. — Этот проклятый кристалл может что угодно, кроме этого! Столько людей живут только ради него, сражаются, рискуют жизнями... умирают, а он... — вдруг Кейл упал как подкошенный с гримасой отчаяния на лице. — Я просил у него всего одного! Одну жизнь! ВСЕГО ОДНУ Понимаете? Был готов обменять её на свою! Но получил лишь тишину.

— Вы уже были здесь?!

— Однажды, — словно это было чем-то постыдным, нехотя ответил Кейл, — лет двадцать назад, в тот год, когда пропал Рейонд...

Мне вспомнилась история Миюми про человека, который в одиночку выиграл Игры. Это не могло быть просто совпадением!

— Вы Одинокий рыцарь?!

— Как? — удивлённо переспросил Ресс и устало отмахнулся. — Наверное... хотя плевать. Мне нет дела до всего этого. Я был здесь по другому поводу, но ушёл ни с чем.

Всё окончательно встало на свои места. Пазл, который так долго и так отчаянно

отказывался складываться, был собран воедино.

Столкнувшись с несправедливостью по отношению к себе, Кейл попытался в ней разобраться, чем только усугубил своё положение в местной социальной иерархии. Если бы не Рейонд, он бы остался совсем один. А затем сын Лоя погиб. Погиб, слишком увлекшись Играми, которые Ресс так ненавидел, да ещё и вдобавок из-за его бездействия. Хуже сочетание и придумать было сложно.

Кейл не врал, когда говорил, что не гибель Рейонда толкнула его на активные действия. Нет, спусковым крючком стал Саум, не способный вернуть мёртвых. Дальше же всё было просто: ненависть к себе за смерть единственного друга, ненависть к Играм, по той же причине ненависть к несправедливости... Ненависть, ненависть, ненависть. Гремучий коктейль всего из одного ингредиента, породивший в итоге чудовищный план Кейла.

Благие намерения были лишь ширмой, нужной в первую очередь для самого Кейла Ресса. Таким образом он убедил главного и единственного участника грядущего преступления — себя самого.

Даже фраза моего старого двойника о самом храбром человеке на свете обрела смысл: Кейл ради своего друга не только был готов, но и даже сумел выиграть Игры. Однако затем эта храбрость служила уже другой цели, куда более чудовищной. Которую не могла оправдать никакая потеря, даже очень близкого друга.

— Какой же я мерзавец и предатель, — дрожащим голосом прошептал Кейл, чьи мысли двигались в схожем направлении. — Предал вас, Ноа, Рейонда, себя, этот мир... всех.

— Мне кажется, что вы просто очень сильно запутались, — сообщил я вполне серьёзно.

— Я едва не уничтожил всё вокруг! — возразил Ресс.

— С кем не бывает, — я натянуто усмехнулся, и пожал плечами. — Важнее тут то самое «едва».

— Только благодаря вам. Я даже имени вашего не знаю.

— Ота.

— Только благодаря вам, Ота. Вы сумели остановить меня.

— Нет. Не только. Там внизу целая куча людей, которые сегодня совершили невозможное по человеческим меркам: сплотились, несмотря ни на что. Да и Саум помогал, подсказывал верное направление. — Я подошёл к Кейлу, так и сидевшему на полу, и, положив ему руку на плечо, добавил: — Пообещайте в следующий раз в первую очередь сходить выговориться к психологу, и мы будем квиты.

— В-вы не собираетесь м-меня... — заикаясь от удивления, переспросил Ресс.

Он всё никак не мог подобрать верное слово, но я и так понял о чём речь:

— Виновны вы и в чём именно решать не пришельцу. А пока прошу: не уходите, мне надо кое-что сделать.

Это было пустым предупреждением. Кейл находился не в том состоянии, чтобы куда-то идти. Сейчас он вряд ли бы смог твёрдо стоять на ногах. Я тоже на них стоял не очень, но прежде чем на башню поднимется куча разномастного народа, нужно было сделать несколько вещей.

Прошёл час, может, чуть меньше. Закончив с Саумом, я стоял, опершись на парапет башни и смотря вдаль, размышляя над будущим. Позади всё в той же позе сидел обессиленный Кейл Ресс, чей взгляд был направлен в пустоту.

Я периодически боязливо посматривал в его сторону. Нет, мне он угрозы уже не

представлял, а вот себе... Не каждый обладал разумом, способным пережить такие перемены, которые пришлось на его долю за такой короткий срок.

Кряхтя от усталости и пыхтя злобой, к нам поднялась Ноа Кейтлетт. Выглядела она просто ужасно: в порванной одежде, помятом доспехе, с наливающимся синевой синяке на скуле, но зато крайне довольная собой. Она осеклась на полуслове, пытаясь понять, что здесь произошло.

Скипетр и щит валялись всеми забытые и ставшие в одночасье ненужными. Там же лежало оружие Кейла и моя сабля. Но больше всего её поразил Саум, который мерно переливался мягкими оттенками белого и красного.

Я улыбнулся, наблюдая за её реакцией. Белый — цвет Тофхельма, красный — Риверкросса. Когда побеждает одна из сторон, кристалл на два года окрашивается в один из этих цветов. Два королевства состязались на протяжении многих веков, за которые, похоже, никто кроме меня не додумался, что иногда победителей могло быть больше одного.

— Что тут произошло?! — наконец спросила Ноа, отчаявшись понять это самостоятельно.

— Важнее то, что здесь не произошло, — рассказал я, улыбаясь. — Мир, как видишь, в целостности, все живы, надеюсь.

— А Саум? Что с ним?

Я пожал плечами. Мне не оставалось ничего, кроме как ответить ещё одной шуткой:

— В этом году он за мир во всём мире. Миру мир и всё такое.

— Шуточки шутишь? — фыркнула Кейтлетт.

— Ага, а что ещё остаётся, после такого-то денька?

— А с этим что? — она выразительно посмотрела в сторону Кейла.

— Много чего. — В эту тему мне не хотелось лезть. — Это вы выясните позже.

— Что за недомолвки? — со смесью подозрения и презрения поинтересовалась Ноа.

— Всё, что хотел, я уже узнал и сказал.

Вздыхнув, Ноа смирилась с тем, что ответов не предвидится, и тоже подошла к парапету.

— Король скоро будет здесь. Им с гвардейцами вроде как даже удалось победить тех рыцарей, — рассказала она.

— Вот мы и выяснили, что алкоголизм и патриотизм побеждают кого угодно.

— Ха! Неплохо!

— Кстати, удивлён, что ты продержалась...

— Продержалась? — фыркнула Кейтлетт. — Я победила!

Глядя на её счастливое лицо, по которому медленно расплзался синяк, я не стал лезть с уточнениями на эту тему.

— Ты это заслужила.

— Ой, расщедрился он на комплимент! — И всё же было видно, что ей очень приятно, но вдруг Ноа вспомнила: — Твои парни, кстати, Лой и Эльт, тоже на высоте. Когда я поднималась, они уже вроде как начали праздновать победу.

— Никто не пострадал хоть? — обеспокоенно спросил я.

— Пока нет, но ещё половина дня впереди, — ехидно сообщила Кейтлетт. — Если серьёзно, то нас всех здорово выручила та вспышка. Убитых вроде как нет, только раненые. Она — твоих рук дело?

Учитывая, что мне всё же удалось загадать своё желание, выходило что нет, в чём я и

честно признался:

— Вряд ли.

— В скромность играешь, мерзавец? — подозрительно уточнила Ноа. — Не думай, что если ты поделил победу, то вдруг стал героем, и люди начнут падать ниц перед тобой.

— А почему бы и да? Если это будут девушки — сколько угодно. Только прошу: не начинай с себя, — не успев договорить, я не слишком ловко увернулся от пощёчины. — Давай уже не сегодня, а? Завтра, за час до полуночи жду у себя. Посидим, поговорим...

— Да я скорее в канаве переночую! — фыркнула Ноа выразительно.

Меня такой вариант вполне устраивал:

— Вот и ладненько, вылезай из неё ближе к полуночи и зайди ко мне, хорошо?

Не дожидаясь ответа или вероятнее новой пощёчины, я отправился прочь, даже сам до конца не понимая, куда именно. Сил у меня оставалось только на то, чтобы кое-как доползти до чего-то хотя бы отдалённо напоминавшего кровать и там мгновенно уснуть.

Прощаясь

Первой моей мыслью после пробуждения был вопрос где я. Вокруг было темно, мягко, вкусно пахло, а где-то поодаль шумела толпа. Спустя пару минут попыток что-то разглядеть в темноте до меня дошло, что вокруг ничто иное как моя собственная палатка. Причём та самая, в которой всё и началось.

Наверное, этот бы процесс занял меньше времени, помни я детали своего возвращения. Однако всё, что происходило после разговора с Ноа возле Саума, было словно окутано туманом. А ведь путь-то был не малым!

Зажженная лампа своим светом подарила ещё несколько открытий. Меня кто-то передел. В том, что после такого денька я бы сам никак не сумел этого сделать, сомнений никаких не вызывало.

На столе даже не стояли, а виселись, словно шпильки цитадели зла, множество бутылок из тех, которые принято дарить другим людям. Их было так много, что одной пятой от этого числа мне бы хватило на полжизни вперёд. И это без учёта того, что употребление такого количества алкоголя её бы сильно сократило.

Между ними как-то приютился небольшой поднос со всяческими вкусностями, к которому я сразу же ощутил невероятное, загадочное притяжение. Ко всему, кроме подозрительной чашки. Она быстро отправилась в мусорку со всем содержимым. В палатке не хватало только одного элемента, но только я подумал о ней, а возможно, просто заметив свет, внутрь вошла Миюми.

— Ну вы и соня! — с восхищением сказала моя помощница.

— Да?

— А то!

— Нет, буквально, сколько я спал?

— Полтора дня!

— Пххх... — я аж подавился, — сколько?!

— Ну-у-у, часов тридцать, — подумав, уточнила Миюми и, глядя на мою реакцию, растерянно рассказала, как так вышло. — Когда вы пришли, то были таким уставшим, вас не хотелось тревожить... Я сделала что-то не так?

— Нет, конечно, нет...

Это было не совсем правдой, но моя помощница ни в чём не виновата. Она-то не знала, да и знать не могла, что вчера у Саума я загадал кроме победы Тофхельма и Риверкрасса своё возвращение на Землю в последнюю минуту следующего дня. Этого было вполне достаточно, чтобы со всеми переговорить и попрощаться. Мне и в голову прийти тогда не могло, что большая часть этого времени окажется потрачена на сон.

— Это ты припасла для меня на случай, если после пробуждения меня обуяет нечеловеческая жажда? — указав на стол, спросил я.

— Не-е-ет! Это вам надарили, пока вы спали, — расплываясь в улыбке, рассказала девушка. — А я приготовила вам кофе...

Она осеклась, оглядываясь в поисках оного.

— Наверное, потерялось.

Меня вдруг обуяла любознательность. Я столько времени провёл здесь, но так и не сумел выяснить, за каким таким хреном Миюми делает эту дрянь. Эту загадку нужно было

раскрыть!

— Давай вместе сделаем мне ещё одну! — предложил я, имитируя энтузиазм.

Благо набор всего необходимого, начиная от чайника, заканчивая кофейными зёрнами, имелся буквально под рукой, отделённый от остальной палатки ширмой. Миюми, удивлённая такому предложению, даже почти не сопротивляясь повела меня к небольшому столику, целиком занятому различной кухонной утварью. И начала приготовление того, что она называла «кофе».

Смотреть за этим было увлекательно. Как ужастик: ты гадаешь, кто умрёт следующим, а когда не угадываешь, в сердцах кричишь: «Не, ну видели, а?».

В небольшую чашку летело всё, что попадалось девушке под руку: сахар, чай, остатки салата, хлебная корка, ещё раз сахар, немного аджики, капля подсолнечного масла, оружейная смазка и как венец — вишенка. После чего мне с поклоном презентовали это, на всякий случай представив как кофе.

Лелея в глубине души надежду, что, может быть, вот в этот конкретный раз ингредиенты сложатся в коктейль невероятной амброзии, я поднёс чашку к губам и, стараясь не кривиться от запаха, который впору было применять неподалёку от реки Ипр, отпил.

Вся жизнь, космос, Вселенная, время и ещё чёрт знает что пронесли у меня перед глазами. Это было, словно я познал Дзен-наоборот — вместо мира спокойствия и радости, боль и вечные страдания. Как будто кто-то выжал всё то худшее, что было в мире, добавил по вкусу соли с перцем и заключил в небольшой, покрытой кривым орнаментом, кружке.

— Золотце, кто учил тебя готовить это? — дрожащими руками держа кружку, стараясь устоять на ногах, елеиным тоном спросил я.

— Вы! В мой первый день так и сказали: идёшь к столу, смешиваешь всё что видишь — это и будет кофе, — рассказала моя помощница гордо.

— Да не может быть... — не веря, я порылся в памяти.

Прежде эти воспоминания ни разу не приходили мне в голову. Примерно так всё и оказалось, за тем исключением, что Рейланд Рор тогда говорил это в шутку. Самое же ироничное заключалось в том, что результат своего шутливого совета он вкусить не успел — первую чашку Миюми пролила уже на меня.

«Ну ты у меня получишь!»

— Миюми, слушай, важная вещь! — коварно ухмыляясь, начал я, планируя сладкую как нектар месть. — Завтра утром, сразу после моего пробуждения, делай двойную порцию кофе и неси мне в постель! Если буду отказываться, напоминай, что обещал выпить, пока не выпью, договорились?

— Вам так понравился мой напиток? — умилилась девушка.

— Конечно! А как же может быть иначе?

Моя помощница посмотрела на меня взглядом, словно сомневалась в моей искренности, хотя никаких сомнений тут и быть не могло — так страшно врать мне давно уже не приходилось!

— Хорошо, хоть это и странно, я подам вам завтра утром двойную порцию кофе, — не без претензии заметила Миюми.

— Что странного-то? — удивился я. — Вроде каждое утро с этого начинается...

— Вы всегда пьёте обычную порцию, большую часть которой выливаете в свой ночной горшок! — возмущенно сообщила девушка.

— Просто ускоряю процесс, знаешь ли... — смущённый такой наблюдательностью, я

поспешил сменить тему разговора. — Так меня, наверное, много народу хотело видеть?

— Да нет, так, совсем чуть-чуть. — Врать девушка не умела от слова совсем. Хватило одного взгляда средней пронизательности, чтобы она раскололась. — Два короля, штук пять герцогов, с десятков графов и толпы солдат.

После такого списка пришлось даже уточнить:

— И ты их всех не пустила?

— Конечно! Вы же спали!

Представив, как сразу обе монарших особы отбивали порог моей палатки, а внутрь их не пускала хрупкая девушка, я не сдержался и рассмеялся в голос.

— Ха-ха-ха! Молодец, хвалю!

У такого, конечно, будут последствия. Но взглянув на часы, я понял, что спустя пару часов разгрести их придётся не мне.

— Знаешь, не знаю, будет ли у меня ещё такая возможность, но спасибо тебе за усердие, помощь и вот это вот всё.

Получилось не слишком изящно, но Миюми всё равно оказалась тронута до глубины души.

— Правда?

— Ты была лучшим адъютантом из возможных!

Не сдержав эмоций, она бросилась меня обнимать. Постояв так некоторое время, я потрепал её за волосы и сказал:

— Береги себя и оставайся такой несмотря ни на что.

— Вы что, куда-то уходите?

Глядя в её глаза, полные любви, преданности и обожания, я понял, что никогда не смогу сделать им больно, а значит, не смогу сказать правду.

— Просто пойду прогуляюсь, праздник ведь.

Оставалось надеяться, что настоящий Рейланд, который вскоре вновь вернётся в своё тело, не окажется законченным мудаком и не прогонит прочь это милое, но местами предельно нелепое создание.

— Тогда я буду ждать вас?

— Не стоит, лучше пойдёшь тоже развейся.

Миюми восприняла это не как совет, а скорее как приказ, и со всей возможной решимостью отправилась веселиться. Она заслужила.

— Леон, кстати, попросил передать вам кое-что особенное! — сказала она уже из самых дверей.

— Небольшую порцию замечаний в двух томах? — ехидно уточнил я.

— Хе, нет, я положила его подарок вам в стол, во вторую шифлядку.

Договорив, она выпорхнула из палатки вся себе на уме, а я полез выяснять, что же такого мне подарил граф. Там ведь могло оказаться и нечто, что лучше выбросить, пока не завоняло. Впрочем, в столе нашлась самая заурядная бутылка, во всяком случае на первый взгляд. Как менеджеру по продажам, мне очень хорошо был известен парадокс дорогих вещей — они очень редко старались выделиться.

Эта бутылка не была исключением: внешне самая обычная, но вот пробка и печать на ней... Память Рейланда мгновенно опознала в ней «Стругское красное» — лучшее вино Риверкрасса, которое обычно поставлялось исключительно на стол короля. Достать такое было не самой лёгкой задачей, «глаза и уши» явно потратились на такой подарок.

— Возможно, стоило оставить такую роскошную вещь настоящему Рейланду Рору, но с другой стороны... — принялся я размышлять вслух. — В конце концов, мне удалось сделать за него всю его работу, даже лучше, так что потерпит. Отведаю королевского вина!

У меня уже была идея о том, с кем его разделить, но до её прихода оставалось ещё больше двух часов, а значит, можно было прогуляться.

Больше всего творящееся снаружи напоминало Октоберфест, произошедший в день Святого Патрика на улицах Рио, во время проведения знаменитого фестиваля. Куча радости, перемешанная со слоновыми дозами алкоголя, льющимся отовсюду. И моя палатка оказалась едва ли не в самом центре этого своеобразного карнавала.

Хотя стояла уже непроглядная темень, людям явно было не до сна. Да и света оказалось столько, что понять, что на дворе ночь, было совсем не просто. Даже башню, находившуюся в самом центре всего, и ту умудрились украсить, правда, только снизу и чуть-чуть сверху — сказывались гигантские размеры сооружения.

Прямо напротив моей палатки на импровизированной сцене, весело смеясь, отплясывали какую-то кривоногую бурду «лунные» вперемешку с «солнечными». Многочисленные зрители активно поддерживали выступающих совсем не цензурными криками.

Заметив моё появление, ко мне подошёл один из солдат, на котором из униформы остались панталоны и китель с характерной нашивкой сорок второй полубригады.

— Слава Рейланду Рору! — прокричал он оглушающе.

Его мгновенно, на рефлекторном уровне поддержали другие «солнечные». Солдаты Тофхельма на пару секунд замерли, словно раздумывая, насколько не патриотично будет присоединиться. Однако магия момента оказалась сильнее, и скорого эти слова орала вся округа.

— Они вас, ик, любят.

Я обернулся и обнаружил рядом с собой короля Тофхельма Хоакима Клыка, вооружённого сразу двумя бутылками. Его величество пребывал в своём стандартном состоянии «крепко пьян, но ноги ещё держат, а значит, можно продолжать».

— Завидуете? — уточнил я ехидно.

— А чему? Ик... меня-то они любят постоянно, а вас только неделю раз в два года! Ха! — рассмеялся король.

Где-то в этот момент мне вспомнился Кейл. Это надо было спросить:

— А где, кстати...

— Вы о том, кому мы вчера устроили тропу... ик, позора? — лукаво уточнил Хоаким и с хитрецей добавил. — Я придумал ему наказание, ха, да какое!

— А Галлен? — вспомнив о ещё одном предателе, зачем-то спросил я.

— Кто? — переспросил король и, не дождавшись ответа, сам вспомнил, — а, этот, его здесь нет, он в ближайшее время будет занят.

Я не стал спрашивать чем именно, мне было плевать. Хоаким задорно махнул в мою сторону одной из рук, в которой продолжал сжимать довольно увесистые бутылки, чем едва не отправил меня в нокаут, и признался устало:

— Знаете, Рор, а я ведь никогда не желал быть королём. Мне всегда хотелось быть свяще-ик-нником. Взял бы себе приход где-нибудь подальше и там уединялся с богом и бутылкой красного полусладкого! И имя, ик, выбрал бы себе под стать... хм... что-нибудь

такое умеренно одухотворённое...

— Странные у вас желания, ваше величество.

Хотя, надо признать, что-то было в этой старой развалине этакое. Во всяком случае, внешне на монаха-пропойцу он действительно походил больше, чем на монарха.

— А где ваш... эээ, коллега?

— Вы про этого нудилу из Риверкрасса? А чёрт его знает, когда последний раз видел — он ужинал с графьями, баронами и прочей знатью! Тьфу! — Хоаким совсем не по королевски сплюнул. — Слабак! Король, который может перепить тощего графа, но не может перепить рядового — слюнтяй! — словно подтверждая только что сказанное, Хоаким залпом опустошил одну из бутылок и ринулся в сторону бочек за пополнением запасов. — Дорогу его величеству Хоакиму Перепившему Всех!

Я же проследовал дальше, сам точно не зная куда. Там мне неизменно были рады, предлагали выпить, а иногда даже закусить. Каждый раз при моём появлении рассказывали байку о Рейланде Роре. Все истории объединяло только одно — их явная, даже гротескная преувеличенность.

В них я, либо моё альтер-эго неизменно оказывались в ситуации, в которой нормальный человек давно бы отдал концы, но только не Рейланд. Впрочем, учитывая все недавние события, которые мне довелось пережить, может, они были и не так далеки от истины.

Где-то в этой, как мне казалось, бесконечной карусели пьянства и небылиц я неожиданно обнаружил очень знакомую штабную доску с прикрепленной картой местности какой-то южной части Игр. К моему появлению карта необратимо пострадала: судя по обилию схем и пометок над ней уже несколько часов издевался Гоа Эльт. Капитан вещал с безумными глазами, обращаясь к кучке разномастных офицеров из обеих армий, которых объединяло только одно — предельная степень опьянения.

— Затем мы перешли горы и ударили прямо в тыл всей их армии! Представляете?! И это после двадцатидневного марша по болотам, лесам и горам! Если бы не сорок вторая бригада, так бы там и полегли... — где-то здесь он заметил меня и осёкся. — К-командующий?

— Собственной персоной. У меня есть пара уточнений.

— С радостью выслушаю, — вытянулся по струнке Эльт.

Вообще я собирался сказать, что это всё небылица, но затем передумал:

— С каких это пор офицер Ривекрасса не знает, что передвижения его армии на карте принято отмечать красным цветом, а не фиолетовым, жёлтым или синим!

Элт пару секунд не понимал о чём речь, а затем всё же сообразил, что все его художества только что узаконили:

— Будет переделано, командующий!

— То-то же! Продолжайте свою лекцию в том же духе! — Я, усмехнувшись, добавил: — И если моя армия к следующему утру не завоюет вселенную, вы сильно об этом пожалеете!

— Разрешите приступить?

Похоже, Эльт воспринял это не как шутку, а как план действий. Надо было срочно вмешаться, пока вселенная и вправду не пострадала:

— Шутка, отбой. Всем пить и развлекаться!

— Так точно! — хором ответили мне.

Я же пошёл слоняться по празднику дальше. Впрочем, на этот раз у моих передвижений появилась цель — столб чёрного дыма впереди. Не знающий человек мог подумать, что там пароход или горящий танк, но мне-то было известно, что это всего лишь Лой Ноктим

затянулся свежим табачком.

Старый капитан сидел в окружении здоровенных верзил: все как на подбор, два на два метра, с челюстями, которые без проблем можно было проверять уровнем — настолько они были квадратными. С холодком в одном из них я узнал своего давнего знакомого: у одного из гвардейцев Тофхельма имелась деревянная табличка, гласящая, что носитель сего прапорщик Любов.

— ...я им говорю: ну не может быть индифферентность потоков поля Гаера больше, эээ, единицы! Ну не может! А они талдычат своё и талдычат! Ох уж это современное образование!

Сам Лой был ни в одном глазу и, заодно попыхивая трубкой, умудрялся прямо так, с нею в зубах, попивать что-то из фляжки. Завидев меня, он поднял флягу, словно делал тост:

— Командующий!

Я осторожно подошёл. Большинство здоровяков уже были практически на том свете, здорово перебрал, и мало соображали даже по собственным весьма скромным меркам. Убедившись, что никто уже не в состоянии понять, что к чему, я присел рядом с Лоем.

Прапорщик Любов, заметив моё появление, словно птица посмотрел на меня сначала одним глазом, а затем другим.

— Скажите, милейший, а мы с вами не вели ранее интереснейшую светскую беседу об уровне современного образования? — заговорщически нависнув надо мной всей своей тушей, поинтересовался он

— Не думаю. Я бы запомнил.

— Может быть, тогда мы обсуждали поля Гаера? Больно лицо мне ваше знакомо. Знаете, так по нему почему-то хочется треснуть! Но не со зла! Не подумайте худого! — Вздохнув, словно он очень этого стеснялся, здоровяк добавил: — Просто иногда такая тоска находит...

— Ну, может, через пару лет и представится возможность, — заметил я тихо, не без опаски. — Хотя лучше поговорить о полях Гаера или современном образовании, чем получать пудовым кулаком в лицо.

К счастью, Любов уже переключил своё внимание сначала на бутылку, а затем на одного из своих сослуживцев, который к этому времени только и мог что беззвучно, с ужасом в глазах моргать. Прапорщику, впрочем, этого вполне хватало — он изливал душу, радеющую за современное образование, а не искал дискуссии.

— Я всегда говорил, что эти парни абсолютно не умеют пить! — с ухмылкой заметил Лой Ноктим.

— Зато дерутся как бешеные. — Мне вспомнилось, что не ранее как вчера эти ребята победили сразу шестерых Рубиновых рыцарей.

— Ай, драться каждый дурак умеет, — отмахнулся старый капитан пренебрежительно и быстро добавил специально для Любова, — это не вам, прапорщик, сказано. А вот пить! Тут мускулы не помогут...

Он передал мне флягу. Я аккуратно сделал маленький глоток. Осторожность оказалась вполне уместной:

— Да этим впору самолеты заправлять!

— Что? — не понял меня Лой Ноктим.

— Да так... крепкое очень. — Я вернул флягу и, помолчав некоторое время, перешёл к весьма щепетильному вопросу. — Можем мы поговорить на одну деликатную тему? — Лой

выжидающе пыхнул трубкой. — Не спрашивайте откуда, но мне стала известна судьба вашего сына. Настоящая, а не...

Ноктим отреагировал на это совсем не так, как ожидалось, совсем не удивился:

— Я знаю. Всегда знал. — Он грустно усмехнулся со слезами на глазах, и объяснил: —

Думаете, мальчишка, чей лучший друг пропал в Могильнике, может убедительно врать?

— Так вы знали, но почему тогда...

— Согласитесь, приятнее думать, что твой сын погиб, делая что-то великое, а не по глупости. — Старый капитан выпустил целое облако дыма, практически полностью скрывшись в нём на несколько мгновений, за которые слёзы пропали. — Кроме того, вчера Кейл сам признался во всём, когда страсти улеглись. Кто бы мог его надоумить, а?

— Не знаю, что тут и сказать, — признался я.

— А нужно ли? Это мне стоит сказать вам, Рейланд, спасибо. Благодаря вам эта история наконец нашла свой финал.

— Было бы за что.

Благодарно кивнув мне, Лой затянулся своей трубкой и хитро заметил:

— Но и про водку забывать не стоит...

— Водки нет, но у меня полная палатка другого. Как думаете, ваших солдат устроит такой обмен?

— Будет тяжело, но, думаю, всё получится.

— Вот и отлично. Зайдите ко мне за этим завтра.

Если так продолжится, имелся шанс, что завтра Рейланд проснётся голый в чистом поле в окружении очень благодарных за подарки людей, но ведь, если подумать, вино заслужил я, а значит, и дарить имел полное право.

Распровавшись со старым капитаном, я направился дальше. Изначально мне хотелось пройти мимо кухни и, сделав крюк, вернуться в центр праздника с другой стороны, но, проходя мимо обиталища поваров, планы пришлось подкорректировать.

Причина стояла на самом краю лагеря и уныло мыла в бочке воды посуду. В точности как я и наказал позавчера. Мне даже стало его немного жаль. Альт, конечно, был тем ещё растяпой, но провести весь праздник здесь явно не заслуживал.

— Моешь? — подойдя поближе и получив в свой адрес полный гнева взгляд, спросил я.

— Нет, — огрызнулся адъютант.

— Считаю меня своей феей, Золушка. Можешь быть свободен.

— Другая «фея» вышибет вам зубы, если узнает, что вы меня отпустили, — Альт даже не дёрнулся.

Оглядевшись, я не обнаружил Доброву поблизости. Был, конечно, шанс, что такой маленький и незаметный человек как она притаилась в траве, но слишком уж незначительный.

— Ты её где-то видишь? Вот и иди отсюда.

— Серьёзно? — притворно удивился адъютант.

— Нет, блин, достал! Я тебя сейчас в этой бочке утоплю! Пшёл вон отсюда!

На мои крики уже начали собираться местные обитатели. Я бы даже не обратил на это внимание, если бы Альт не расплылся в самодовольной улыбке. Выходило, что это не он ушёл с кухни, а что его оттуда прогнали, и свидетелями тому было человек двадцать!

— Ах ты наглый крысёныш! Вернулся быстро! — слишком поздно догадался я.

Но его было уже не остановить: Альт, вытирая мокрые руки о штаны, уже короткими перебежками устремился к празднику.

— Поздно!

Бегать за ним было как-то не по статусу, поэтому всё, что мне оставалось, — это удивиться тому, как быстро адъютант сумел сориентироваться в ситуации и использовать её для своих нужд. Если его не пришибёт кто-нибудь за такие вот выходы, парня определённо ждёт большое будущее.

Покинув кухню, я не без удивления обнаружил чуть в стороне от неё одинокий костер, дрожавший на ветру поодаль от основного празднества. У меня было несколько вариантов того, кто там мог быть, но ответ всё равно удивил.

За костром сидел Гун-Гун. Чудак, потягивая из небольшой фляжки, глядел в огонь, периодически тоскливо вздыхая. Я удивился такому странному поведению, чуя подвох. Мне не оставалось ничего, кроме как, любопытствуя, подойти поближе.

— Гун-Гун, всё в порядке?

Мой мозг, слегка умудрённый опытом общения с чудакон, построил кучу вариантов развития дальнейших событий, но реальный исход оказался куда как менее предсказуемым.

— Игры закончились, надо домой ехать. Семья, дом, все дела. Опять два года ждать веселья.

— Семья? Дом? — удивился я.

Мне с трудом представлялось то место, где могло жить это чудо. А уж каково приходилось окружающим...

— Конечно! Как же без них?

— Ну, хорошего понемногу, — постарался утешить его я.

— Да, в этот раз получилось здорово, — Гун-Гун ухмыльнулся, но как-то по иному, нежели обычно. — Особенно с призраком тем, который в воде был, а?

Тут меня осенило:

— Подожди секундочку, ты не сумасшедший?

— Да ни в жизнь! Разве может псих каждый раз выдумывать столько веселья? — чудак самодовольно усмехнулся.

— Но мне казалось...

— Вот, значит, работа прошла на славу. И заметьте: чудачества чудачествами, а толк-то был! Как же вы иначе нашли тех диверсантов или выбрали себе нового главного разведчика? Даже вас изобразить удалось. — Не в силах на это ответить, я потрясённо уставился на Гун-Гуна, а тот посмеялся и, тихо хихикая, добавил: — Но куда мне до вас? Так изящно изобразить Рейланда Рора даже он сам бы не смог, хе-хе-хе!

Смеясь над моей реакцией, он едва не повалился на землю.

— Но как? Когда?

— Да в первую же секунду! — рассказал чудак, окончательно выбив меня из колеи. — Рор, настоящий в смысле, знает Гун-Гуна двадцать лет! Он последний бы, кто стоял как вкопанный и смотрел бы на меня с видом «а это что ещё за зверь!»! Я-то знаю толк в притворстве.

— Но ты никому не сказал?

— Конечно, нет! Зачем портить другим удовольствие? К тому же вы неплохо мне подыграли пару раз.

Вот тебе и простой чудак! Чтобы провернуть такое, надо быть или гением, или

поистине выдающимся сумасшедшим, что по сути одно и то же.

Неожиданно я заметил, что Гун-Гун не один праздновал отдельно и что вдалеке был ещё один совсем слабый огонёк. Проследив направление моего взгляда, чужак выразительно сплюнул и сказал:

— Тьфу! Почему его только не выгнали отсюда!

Уточнять, о ком именно шла речь, не требовалось. Я уже знал, что Кейла долго и нудно допрашивали оба королевских величества. Но остальные детали мне были известны разве что в общих чертах.

— Что с ним произошло?

— В присутствии всех отпустили на все четыре стороны! Надо же!

Понять возмущение чужака можно было. Наказание на первый взгляд совсем не соответствовало проступку. Но что-то мне подсказывало, что не всё так просто.

— Пойду схожу, что ли, поговорю.

— Плюньте в него за меня и остальных! Вчера не все успели это сделать.

Я не стал сообщать Гун-Гуну, что мои намерения куда как более миролюбивы.

Кейл сидел и смотрел на огонь глазами, заполненными отчаянием и невероятной душевной болью. Мне сложно было представить, насколько погано он себя сейчас ощущал, особенно сидя здесь, в одиночестве неподалёку от праздника единения всех со всеми.

На моё появление Ресс практически не отреагировал, разве что пересел так, чтобы нас разделял огонь. Понимая, что вряд ли тут мне сильно рады, я заговорил первым:

— Как дела?

— Они не казнят меня. Ни Ривекросс, ни Тофхельм не пожелали брать кровь на свои руки, — рассказал Кейл, на чьём лице играли тени от огня. Он посмотрел мне в глаза своим долгим, тяжёлым взглядом. — Изгнание — вот мой приговор.

— Похоже, вы, как и многие, не одобряете такой приговор, да?

В целом, это было сказано в шутку, однако Кейл действительно так думал:

— По-вашему, я что, заслужил пощадку? После всего этого?!

— Ну, если смотреть на вещи без лишних эмоций, то вы ничего и не сделали, — заметил я спокойно. — Не смогли, не успели.

— Я не заслужил этого, — Кейл поник, соглашаясь со мной.

— Вы хотели лучшего, просто...

Не дожидаясь, пока я закончу свою мысль, Ресс гневно ударил себе по ноге:

— Нет, именно этого я и хотел! Всегда! Просто... просто нашёл красивое оправдание. Если бы мне тогда удалось...

По его выражению лица и глазам мне стало понятно, что спорил он не столько со мной, сколько сам с собой.

Глядя на него в этот момент, я вдруг очень ясно представил всеми ненавидимого старика, который бродит по миру не в силах обрести покой. Раз за разом он прокручивает произошедшие события у себя в голове, не в силах понять, где же та точка, изменив которую можно было получить иной итог.

Нет, тот, кто помиловал Кейла, сделал это совсем не из жалости, а потому что очень хорошо понимал, что худшее из наказаний для него после всего произошедшего — жизнь. Ресс или сам залезет в петлю, избавив всех от необходимости искать палача, или будет год за годом мучить себя так, как не смог бы ни один изувер.

«Вот почему Хоаким выглядел таким довольным — его рук дело».

— Скажите мне, Ота, вы вернётесь к себе домой? — неожиданно прервал Кейл свой парад самобичевания.

— Да, сегодня после полуночи.

— Но зачем? — искренне удивился Ресс. — То, что вы рассказали мне о своём мире...

— Потому что там мой дом, — ответил я, не дожидаясь, пока он договорит. — Мне, скорее всего, не по силам сделать его лучше, но это не значит, что не надо пробовать.

— Надеюсь, у вас это получится лучше, чем у меня, — в напутствие сказал Кейл.

— Я тоже. Бывайте. И... мне искренне жаль, что всё вышло так.

Кейл отрицательно покачал головой, не соглашаясь с этим:

— А мне нет. Удачи вам, Ота.

Дело шло к полуночи, а значит, у меня, по собственным прикидкам, оставалось чуть-чуть больше часа, а ведь ещё надо было успеть вернуться обратно в свою палатку, где по идее могла ждать Кейтлетт. Не попрощаться с ней после всего пережитого было бы кощунством.

К тому моменту, когда я вновь оказался на территории праздника, большая часть отмечающих уже отправилась в алкогольную нирвану. Те немногие, кто ещё стоял на ногах, собравшись небольшими кучками, наперебой горланили солдатские песни, в которых цензурными были лишь союзы.

Лавируя среди бранных тел и поющих, я по памяти пробирався к своей палатке, попутно размышляя над тем, что это последний мой час в этом мире. Кажется, ещё только вчера мне приходилось думать над каждым словом, чтобы не попасться, и вот без предупреждения я уже здесь. Все эти сражения, битвы, погони, сны, Могильник — всё осталось позади.

Возле моей палатки меня уже ждали. Точнее поджидал, никто иной как граф Сайрас.

— Наконец-то, — раздражённо фыркнул граф. — Где вы были? Вас все искали!

— Меня сложно найти, легко потерять...

— Вас искал король! Весь день! — возмущённо сообщил Леон.

— Не хочу видеть короля. Не сегодня, — отмахнулся я. — Где король, там тонны лестии, наигранных комплиментов, которые произносятся с таким придыханием, словно это какие-то заклятия, бесполезных правил, касающихся того, как и когда есть...

— Это называется этикет! — принялся спорить граф.

— Это называется скука.

— Вы обязаны поговорить с королём! — стоял на своём Леон.

— Он меня уже нашёл, — прячась за формулировкой, ответил я.

— Когда вы успели увидеться с Леонаром IV? — подозрительно уточнил граф.

— Не видел его, речь про Хоакима.

— А искал вас его величество Леонар!

— Развелось тут королей, — буркнул я и в шутку спросил. — Может, и мне записаться? Где тут записывают в короли? Кто крайний?

Кажется, Леон не взорвался только потому, что по прихоти вселенной состоял из мяса, а не из пороха. Пришлось его успокоить:

— Шутка. Завтра навещу его величество, только напомните мне об этом. — Видя, что граф успокаивается, но всё же недостаточно быстро, пришлось вдобавок ещё и сменить тему разговора. — Кстати, спасибо за вино.

— Это вам в качестве моей благодарности за... всё, — немного смущаясь, ответил Леон.

— Даже за кучу безумных приказов?

— Поймите меня правильно, это ведь моя обязанность, — граф развёл руками говоря этим, что вообще-то да, но лично он будет считать иначе.

— Да всё понимаю, но мешали вы мне изрядно!

— Дело в том, что, — признался Леон, — я вам не доверял.

— А-а-а. Ну, знаете, у меня была возможность это заметить, — ехидно прокомментировал это заявление я. — В первый раз, когда вы мне прямо об этом сказали, или во-второй. Не сомневайтесь, на третий я точно что-то по этому поводу подозревал! Особенно учитывая, что все три были в один день.

Леон немного стусевался из-за моей реакции и того, что один из пьяных солдат, словно любимую девушку, обнял его ногу.

— То были заслуженные подозрения! Повторюсь, это моя работа! — сказал он и тихо добавил. — Я про другое. В нашу первую встречу мне показалось, что вас подменили или ещё что. Пришлось следить, проверять, видимо, зря.

— Так это что всё из-за таких подозрений было?! — притворно возмутился я.

— Нет, конечно! Но в общем-то да. Однако я занимался этим только в свободное время!

— Мда? И откуда у одного из старших офицеров в армии, которая только и делала что куда-то шла, где-то сражалась или куда-то убегала, появилось свободное время?

— Свободное от лишнего сна, — сообщил Леон невесело.

— Так значит ничего не заметили, да?

У меня это признание вызвало неконтролируемую улыбку, полную самодовольства.

«Выходит, мне всё же удалось его обмануть!»

— Нет, но... — Леон прервал себя на полуслове, и по подозрительному взгляду стало понятно, что такой вывод мягко говоря поспешен. — Погодите-ка... я что... был прав?

— Спросите меня об этом завтра, Леон, — попросил я. — Только не утром. Утром у меня запланировано пищевое отравление. И лучше не днём, там мою палатку будет грабить Лой Ноктим. К вечеру меня наверняка найдёт с целью убить одна самка огра. Короче, зайдите послезавтра.

— Но стойте, а король? — озадаченно спросил граф.

— А что король? Вон их сколько, подождёт.

Хихикнув про себя и представив, сколько приятных разговоров завтра предстоит настоящему Рейланду, я, переступая через павших в борьбе с зелёным змием, отправился на встречу с Ноа.

К тому моменту, когда я наконец добрался до своей палатки, до полуночи оставалось около получаса.

— Ты опоздал, Пор! — с порога начала высказывать мне своё раздражение Ноа.

— А ты говорила, что будешь спать в канаве! А сидишь у меня за столом! Так что мы квиты.

— Как по мне, канава канавой.

— Тут я не эксперт. Лучше проконсультируйся со своим королём, кажется, видел его по дороге в одной из них сюда.

Кейтлетт не то фыркнула, не то хрюкнула, не то усмехнулась, скорее всего, всё сразу.

— Удивлена, что ты не лежишь с ним рядом. Как так? Почти полночь, а ты ещё похож

на человека, а не на пьяную тыкву!

— Эх, Ноа, будь добра, не перекладывай на меня свои психологические проблемы. В отличие от тебя, у меня они и формируют мою уникальную, блистательную личность!

Она ещё раз фыркнула, но уже не так уверенно. Я же тем временем попросил:

— Открой третий сверху ящик моего стола.

— Ещё раз я на это не куплюсь! — решительно заявила Кейтлетт.

— Нет, на этот раз бомба у меня в третьем ящике...

— Ты только что попросил меня его открыть!

— Да? Вот незадача. Тогда открывай второй.

Ноа демонстративно встала, выудила свою шпагу, отошла как можно дальше и оттуда ею слегка приоткрыла названный ящик.

— Не бойся, бутылка не взорвётся, хотя, уверен, поджечь её тоже можно...

— Могу позвать Альта, раз уж ты его выгнал с кухни, он сможет поджечь даже воду. — Рассмотрев бутылку внимательнее, Ноа присвистнула. — Вау, Стругское красное! Вино королей! Откуда взял?

— Один назойливый граф подарил. Уверен, в первую очередь потому, что я не заставлял его рыть канавы.

— С него не убудет, где у тебя штопор? — деловито поинтересовалась Кейтлетт.

— Ха! И этот человек ещё называет меня алкоголиком! Посмотри в третьем ящике...

— Там у тебя бомба, идиот!

— Да нет там ничего... — ответил я без всякой уверенности, — наверное. Знаешь что? Загляни лучше в первый.

Пока Ноа, бурча проклятия, безуспешно возилась с пробкой, я пошёл искать бокалы. Увы, из посуды у меня были только чашки из-под «кофе», большинство из которых годились разве что на роль сита.

Из относительно целых на выбор имелась пара чашек, которые объединяли две вещи: слой намертво прилипшей пыли и одинаково безобразные рисунки. За ними высилась внушительная пивная кружка, которой при желании можно было убить. Позади послышался интригующий «чпок», который возвещал о том, что пробка наконец поддалась.

— Ты скоро там? — раздался следом раздражённый голос.

Я собирался взять что-то из этого скудного набора, но затем вспомнил, что благодаря магии Игр ко мне вернулись все утраченные вещи. В том числе и один «семейный сервиз», который в прошлый раз очень понравился Ноа.

— Где-то у меня был сервиз.

Только услышав про это, Кейтлетт сразу взмолилась о пощаде:

— Только не это!

— Тогда могу предложить две чашки, которым стукнуло несколько десятков лет, пивную кружку... или же чудесный сервиз.

— Будем по-солдатски, — решила Ноа категорично.

— Но...

Кейтлетт, прерывая мои возражения, решительно взяла бутылку, сделала глоток прямо из горла и передала мне, заметив:

— Учитывая происхождение вина, заметь нас какой-нибудь особо впечатлительный сомелье, он порвал бы нас на клочки за подобное варварство.

Я принял бутылку и, предвкушая сказочную амброзию, сделал глоток. Реальность

оказалась так себе: вино было с явной кислинкой, а добавок слишком терпким, из-за чего казалось, что оно прилипло ко рту.

— Совсем не так, как мне представлялись королевские вина.

— Хе-хе-хе, и ты попался! — рассмеялась Ноа. — Поверь мне, дочери королевского писаря, это совсем не худшее, что порой подают королям на стол.

— Ай-яй-яй, пока папа пишет письма, дочка тихонько бухает королевские вина, — с ехидством заметил я.

Кейтлетт прыснула и легонько ударила меня в плечо, требуя вернуть бутылку.

— Через два года будешь участвовать?

— Если наш новоявленный спаситель мира не сломал кристалл, то буду.

Я принял бутылку и без особого желания приложился к горлышку, попутно размышляя над интересной вещью. Ведь где-то там Рейланд Рор своими глазами может увидеть все ужасы настоящей войны. Вынесет ли он из этого какой-то урок?

— Ты знаешь, что случилось с Галленом? — вдруг решила рассказать Ноа. — Король отправил его писать ему отчёт...

— Так себе наказание, — сообщил я с большим сомнением в голосе.

— Отдай бутылку и дослушай. — Отпив, Кейтлетт продолжила рассказ. — Отчёт о всей своей деятельности за всю свою жизнь.

— Хоаким что, сослал его писать мемуары?

Ноа булькнула в бутылку от смеха, кивнула, подтверждая правильность моей догадки, и затем наконец поперхнулась.

— Смотри не захлебнись, победительница, Игры этого не переживут. Великая командующая покинула этот мир, поперхнувшись вином в честь не своей победы. Шикарный заголовок для «Вестника», а?

— Смотри не умри от радости, моллюск, — едко ответила Кейтлетт.

— Самый выдающийся моллюск Риверкрасса! — делая вид, что произношу тост, сказал я.

Где-то в этот момент мне на глаза попались часы, напомнившие о том, что моё время на исходе. Ноа сразу же заметила мою растерянность.

— Что это ты всё на часы поглядываешь, а?

— Да так. Мне ещё нужно было успеть до полуночи превратиться в тыкву, назло... — я осёкся, едва не ляпнув лишнего. — Назло кому-нибудь.

— Ты странный, ты это знаешь? И я не об этих новомодных словечках или твоих дебильных привычках.

Бутылка вновь сменила владельца.

— О, что-то новенькое. Обычно от тебя не... — мой мозг, слегка улетев от слишком крепкого вина, потерял нить разговора.

— Ты выглядишь так, будто знаешь больше, чем говоришь вслух! — рассказала Ноа язвительно. — Странно, ведь обычно как раз наоборот: тебя не заткнуть, но в башке пусто.

— Хорошо сказано!

Я усмехнулся, переводя всё в шутку, хотя то, сколько людей к концу моего пребывания здесь так или иначе догадались о моей сути, слегка удивляло. Вот тебе Ота Кохэку и маскировка!

Ноа, тем временем пользуясь моей заминкой, дважды приложилась к вину и, с интересом на меня посмотрев, продолжила мысль:

— Весь вечер ты слоняешься по лагерю, словно прощаешься со всеми. Да и сейчас сидишь с предельно глупой рожей, словно отсчитываешь минуты. Куда это опять смотришь?

Она поймала мой взгляд на пути к часам, которые готовились отбить полночь. Сам не знаю зачем, я перевёл глаза ниже, где как раз находилось весьма скромное по наполнению декольте Ноа.

— Ах ты нахал!

Хорошенько размахнувшись, Кейтлет отвесила мне звонкую пощёчину, звук которой слился с двенадцатым ударом часов.

Я снова находился посреди нигде красного цвета, а напротив меня уже дожидался Рейланд Рор. Вид у него был озадаченно возмущённый.

— Надеюсь, тебе понравилось, — с ухмылкой заметил он. — Как прошли Игры? — Очевидно, у меня на лице в этот момент было всё ясно написано, поэтому отвечать даже не понадобилось. — Ясно. Кажется, меня ждёт много интересных историй.

— Как там на Земле? — невинно поинтересовался я.

— Очень интересно, но непонятно. Хотя поначалу было скучно. Без обид, твоя жизнь отстой, — подумав, Рейланд добавил хитро, — была.

— Что значит «была»?

Ответить он не успел: наш короткий разговор завершился, и мы отправились по своим телам.

— Можно мне банан?

Это было первой моей фразой, после того как я очнулся где-то. Место моего возвращения определённо было мне незнакомо: тёмное, очень душное. Как будто палатка. Мою догадку подтвердил завывающий снаружи ветер и пинок от спавшего по соседству человека.

— Спи уже, долбаный ты банан, — сообщил мне раздражённо смутно знакомый женский голос. — Завтра самая сложная часть пути.

— Пути куда? — уточнил я, предчувствуя недоброе.

— Довёл горный воздух человека — он забыл, что полез на Эверест.

Сквозь тьму ночи, суровый ветер и ткань мироздания нас разделяющую, разнёсся мой полный возмущения крик:

— РЕЙЛАНД РОР, КУДА ТЫ МЕНЯ ЗАТАЩИЛ!

Больше книг на сайте - Knigoed.net